

Василий Молодяков

РОССИЯ И ЯПОНИЯ

В ПОИСКАХ СОГЛАСИЯ 1905–1945

Геополитика
Дипломатия
Люди и идеи

Институт востоковедения РАН
Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI)

Серия «АИРО – МОНОГРАФИЯ»

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Московская школа экономики МГУ
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусэку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чепел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Русский Пен-центр
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Василий Молодяков

РОССИЯ И ЯПОНИЯ
В ПОИСКАХ СОГЛАСИЯ
(1905-1945)

Геополитика. Дипломатия.
Люди и идеи

Москва
2012

СЕРИЯ «АИРО – МОНОГРАФИЯ»
ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Молодяков, В.Э.

Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. [Текст]. / В.Э. Молодяков. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 656 с. + 16 с. илл. (Серия «АИРО – Монография»). – ISBN 978-5-91022-178-3.

Первое в отечественной и мировой историографии комплексное исследование российско-японских и советско-японских отношений первой половины XX в. (1905–1945 гг.) с точки зрения партнерства двух держав. Не затушевывая противоречий и конфликтов, автор показывает, что наличие воли к сотрудничеству всегда приносило пользу обеим сторонам. Осознание этого исторического урока необходимо для адекватного понимания событий прошлого и правильного моделирования политики на будущее. Монография, в основу которой положен геополитический подход, опирается на архивные документы и работы ученых многих стран мира, подводя итог многолетним исследованиям автора.

ISBN 978-5-91022-178-3

© Молодяков В.Э., 2012
© АИРО-XXI, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Глава первая АРХИЕПИСКОП НИКОЛАЙ ЯПОНСКИЙ В ДНИ ВОЙНЫ И МИРА	11
Глава вторая СЕРГЕЙ ВИТТЕ И «МИР БЕЗ ПОБЕЖДЕННЫХ»	31
Глава третья ГОТО СИМПЭЙ И УСТАНОВЛЕНИЕ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ	49
Глава четвертая КАЦУРА ТАРО, НИКОЛАЙ МАЛЕВСКИЙ-МАЛЕВИЧ И СТРАТЕГИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА	76
Глава пятая ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ И ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ЯПОНОВЕДЫ	112
Глава шестая ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ, ЯМАГАТА АРИТОМО И РУССКО-ЯПОНСКИЙ СОЮЗ	135
Глава седьмая МОТОНО ИТИРО, ГОТО СИМПЭЙ И ПАРАДОКСЫ «СОЮЗНОЙ» ИНТЕРВЕНЦИИ	158
Глава восьмая АДОЛЬФ ИОФФЕ И ПУТЬ К «ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМУ РАПАЛЛО»	210
Глава девятая ЛЕВ КАРАХАН ПРОТИВ «БАЛЛАСТА СТАРЫХ ПРЕДРАССУДКОВ»	247
Глава десятая ПЕРЕГОВОРЫ КАРАХАН–ЁСИДЗАВА И ПЕКИНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ	263

Глава одиннадцатая КОМИНТЕРН МЕЖДУ МОСКВОЙ И ТОКИО	290
Глава двенадцатая ТАНАКА ГИЙТИ В ПОИСКАХ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ	315
Глава тринадцатая ГОТО СИМПЭЙ В ДИАЛОГЕ С СОВЕТСКИМИ ВОЖДЯМИ	339
Глава четырнадцатая БОРИС ПИЛЬНЯК И МЕНЯЮЩИЙСЯ ОБРАЗ ЯПОНИИ	368
Глава пятнадцатая ЯПОНСКИЕ КОММУНИСТЫ И «РАЗРЫВ С КОМИНТЕРНОМ»	383
Глава шестнадцатая ПОЛИТИКА МОСКВЫ ГЛАЗАМИ ЯПОНСКОГО ОФИЦИОЗА	409
Глава семнадцатая РИХАРД ЗОРГЕ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА	431
Глава восемнадцатая ИОСИФ СТАЛИН, МАЦУОКА ЁСУКЭ И «ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ БЛИЦКРИГ»	466
Глава девятнадцатая СССР И ЯПОНИЯ В ГОДЫ МИРОВОГО КОНФЛИКТА	515
Глава двадцатая ПОЧЕМУ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ВСТУПИЛ В ВОЙНУ С ЯПОНИЕЙ	536
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	576
ПРИЛОЖЕНИЕ	578
ПРИМЕЧАНИЯ	582
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	613
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	632

*Эльгене Васильевне
Молодяковой*

ВВЕДЕНИЕ

История российско-японских отношений в XX в., особенно в богатой региональными и мировыми конфликтами первой половине столетия, давно привлекает внимание учёных-историков, а также литераторов, журналистов и пропагандистов. Русско-японской войне 1904–1905 гг., участию Японии в «союзной» военной интервенции на Дальнем Востоке России в 1918–1922 гг., военно-политическому противостоянию между Москвой и Токио в 1930-е и в начале 1940-х годов, закончившемуся вступлением СССР в войну на Тихом океане в августе 1945 г., посвящены без преувеличения горы книг на разных языках, на прочтение которых в полном объёме не хватит человеческой жизни. Обилие этой литературы, среди которой немало первоклассных научных работ, может создать впечатление, что в отношениях двух стран доминировали неизбежные конфликты, а перерывы между ними были не более чем короткими передышками для подготовки к следующей схватке. Сложилось даже представление, что напряжённость и взаимная враждебность между Россией и Японией являются «нормой», причём это видение многие авторы экстраполируют на ситуацию после Второй мировой войны, включая наши дни.

Основания для такого видения событий прошлого, действительно, существуют, но оно получается односторонним и в этой односторонности неверным. За полтора столетия дипломатических отношений Россия и Япония накопили немалый позитивный опыт как в сфере сотрудничества, так и в решении возникавших между ними проблем и проблем, касавшихся их региона. Изучение данного опыта не только представляет академический интерес, но имеет большую практическую ценность, поскольку необходимости улучшения двусторонних отношений и совершенствования

механизма взаимодействия стран на разных уровнях, кажется, никто не отрицает. Вопрос лишь в том, возможно ли это, и если возможно, то каким образом.

Непредвзятое изучение истории российско-японских отношений XX в., в том числе в наиболее сложные и конфликтные эпохи, свидетельствует, что они могут быть не только добрососедскими, но и партнерскими при наличии у обеих сторон понимания важности и необходимости такого партнерства, а также политической воли к разрешению возникающих проблем. Утверждения о том, что напряженность и тем более враждебность между Россией и Японией «нормальны» и «неизбежны», являются тенденциозной интерпретацией истории, граничащей с её прямой фальсификацией, вне зависимости от того, от кого они исходят. Необходимо признать, что пропаганда подобных взглядов не соответствует национальным интересам ни России, ни Японии.

Настоящая монография, подводящая итог многолетним исследованиям автора, посвящена конструктивному опыту российско-японских отношений в период, когда они развивались в особенно сложных условиях – от окончания русско-японской войны в 1905 г. до вступления СССР в войну на Тихом океане в 1945 г. Отличительной чертой книги является то, что она рассматривает двусторонние отношения как единую систему, без разрыва на «царский» и «советский» периоды. В ней анализируются примеры как разрешения остроконфликтных ситуаций, так и позитивного, взаимовыгодного сотрудничества. Не игнорируя противоречия и проявления антагонизма, автор стремился показать, что наличие воли к взаимопониманию и партнерству всегда приносило пользу обеим сторонам, а вражда шла на пользу «третьей силе». Без осознания этого невозможно понять события прошлого века и сделать верные выводы в веке нынешнем.

В основу исследования положен геополитический подход, который предполагает отказ от идеологизированных схем. Один из основоположников этой науки Карл Хаусхофер писал: «Геополитический способ рассмотрения, цель которого – представить функционирующие в определённом жизненном пространстве жизненные формы политики как обусловленные одновременно и стабильной географической средой, и динамикой исторического

процесса, имеет для всех проблем... большое преимущество, ибо он больше, чем всякий другой подход, позволяет видеть эти проблемы независимо от какой-либо партийно-политической установки и мировоззренческой односторонности... В то же время он весьма полезен для философии истории, ибо не подвержен искажениям со стороны социологических и общественно-политических доктрин и избавляет от той значительной доли предвзятости, которую они обыкновенно порождают» (1).

Особое внимание в монографии уделено главным действующим лицам российско-японских отношений, в которых персонализировалось осознание национальных интересов в сочетании с пониманием важности добрососедства и партнерства на двустороннем и региональном уровнях. Оставаясь преимущественно в сфере политики, автор не ограничился фигурами государственных деятелей и дипломатов и рассмотрел деятельность таких исторических лиц, как архиепископ Николай Японский и писатель Борис Пильняк, хотя история российско-японских культурных связей указанного периода заслуживает отдельного исследования – прежде всего в свете взаимных образов и представлений и «японской моды» («жапонизма») в России начала XX в. В будущем автор планирует вернуться к этой теме, которой уже посвятил ряд работ.

За пределами настоящего исследования оставлены три важных, хотя и частных аспекта мирных российско-японских отношений: железнодорожный, рыболовный и концессионный. Первый подробно рассмотрен в моей монографии «Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945)» (М., 2006). Вечно актуальный рыболовный вопрос требует специального изучения, в направлении которого пока сделаны только первые шаги (2). Ценные материалы о японских концессиях в нашей стране собраны в книге С.С. Хромова «Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы» (М., 2006) и в сборнике «Москва – Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931» (тт. 1–2. М., 2007) (в последнем – без необходимых комментариев)

Все японские имена собственные не склоняются и приводятся в соответствии с принятым в Японии порядком: сначала фами-

лия, потом имя, а также – за единичными устоявшимися исключениями, в соответствии с «поливановской» транскрипцией – в том числе в цитатах из источников, чтобы не вызывать разнобоя. В цитатах сохранена орфография оригинала (за исключением очевидных опечаток и описок), поэтому одни и те же слова могут быть написаны по-разному: «барон» и «Барон»; пунктуация приведена в соответствие с современными нормами. Пояснения автора книги внутри цитат заключены в скобки с пометой «*В.М.*»; купюры обозначены простым отточием. Все подстрочные примечания принадлежат автору книги.

События в России и документы российского происхождения до февраля 1918 г. датируются по новому и старому стилю; события за пределами России и документы иностранного происхождения – только по новому.

Считаю приятным долгом поблагодарить коллег, делившихся со мной результатами своих разысканий: Э.А. Барышева, Г.А. Бордюгова, А.Е. Куланова, Э.Б. Саблину – а также сотрудников российских и японских архивов и библиотек, в которых мне довелось работать. Скорблю, что М.И. Раев и Б.Н. Славинский не увидят этой книги. Выражаю особую признательность Э.В. Молодяковой и О.В. Андреевой за постоянную помощь и моральную поддержку.

Автор завершает книгу с надеждой на успех в переосмыслении истории российско-японских отношений, что несомненно принесет пользу обеим странам и народам в нынешнем столетии.

13 декабря 2011 г.

Токио–Москва

Глава первая

АРХИЕПИСКОП НИКОЛАЙ ЯПОНСКИЙ В ДНИ ВОЙНЫ И МИРА

Архиепископ Николай Японский (в миру Иван Дмитриевич Касаткин), причисленный Русской православной церковью к лику святых в чине равноапостольного, прожил долгую и богатую событиями жизнь. Сын сельского дьякона из Смоленской губернии получил образование в местном духовном училище и семинарии, после чего как лучший ученик был отправлен в Петербургскую духовную академию, при окончании которой сделал главный выбор своей жизни. Перед рукоположением во священники Ивану Касаткину предстояло жениться или принять монашество. 6 июля (24 июня) 1860 г. он был пострижен в монахи с именем «Николай», 11 июля (29 июня) рукоположен во иеродиакона, днем позже в иеромонаха. Совершавший постриг епископ Нектарий сказал ему: «Не в монастыре ты должен совершать течение подвижнической жизни. Тебе должно оставить самую Родину, идти на служение Господу в страну далекую и неверную. С крестом подвижника ты должен взять посох странника, вместе с подвигом монашества тебе предлежат труды апостольские» (1).

Одновременно он сделал второй главный выбор – отправиться в Японию, которая из Петербурга казалась краем света: «Будучи от природы жизнерадостен, я не особо задумывался над тем, как устроить свою судьбу. На последнем курсе духовной академии я спокойно относился к будущему, сколько мог, веселился и как-то отплясывал на свадьбе своих родственников, не думая о том, что через несколько времени буду монахом. Проходя как-то по академическим комнатам, я совершенно машинально остановил свой взор на лежащем листе белой бумаги, где прочитал такие строки:

«Не пожелает ли кто отправиться в Японию на должность настоятеля консульской церкви в Хакодате и приступить к проповеди Православия в указанной стране». А что, не поехать ли мне, – решил я, – и в этот день за всенощной я уже принадлежал Японии».

Дипломатические отношения между Россией и Японией были установлены в феврале 1855 г. по Симодскому трактату (договору), согласно которому порты Нагасаки и Симода на острове Хонсю и порт Хакодате на южной оконечности острова Хоккайдо открывались для торговли с Россией, получившей право открыть на территории Японии одно консульство. США, Англия, Франция, Голландия выбрали Эдо (ныне Токио) – фактическую столицу страны и главный центр власти. Российское правительство предпочло провинциальный Хакодате, потому что именно через этот порт шли основные двусторонние контакты.

В сентябре 1855 г. туда прибыл первый русский консул Иван Антонович Гошкевич, сын священника и выпускник Петербургской духовной академии, ранее десять лет прослуживший в Русской духовной миссии в Пекине. Он не стал священником, но был глубоко верующим человеком, поэтому сразу же озаботился строительством церкви. Русские дипломатические миссии за рубежом должны были иметь свои храмы и священников, а дипломаты – посещать их (лютеранам разрешалось ходить в кирхи). В 1859 г. Гошкевич на консульские деньги построил в Хакодате небольшой деревянный храм во имя Воскресения Христова, в котором служил флотский протоиерей Василий Махов, однако в следующем году тот заболел и был вынужден вернуться в Россию. Консул через Министерство иностранных дел обратился в Святейший синод с просьбой прислать в Хакодате нового священника. Им стал молодой иеромонах Николай, отправившийся в путь 13 (1) августа 1860 г., в день своего 24-летия.

В прошении Синоду Гошкевич писал: «Настоятель православной церкви также может содействовать распространению христианства в Японии», – а потому настаивал на кандидате «не иначе как из кончивших курс духовной академии» (2). Это не было рутинной просьбой или простым пожеланием благочестивого консула, поскольку в Стране корня солнца с начала XVII в. действо-

вал запрет исповедовать и проповедовать христианскую религию, нарушение которого каралось смертью. Запрет был вызван не столько религиозными, сколько политическими причинами: к концу XVI в. католические миссионеры, особенно иезуиты, активно вмешивались во внутренние дела и подчинили своему влиянию ряд могущественных князей на юге страны, что не устраивало её объединителей Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу. Кроме того, миссионеры были первыми вестниками экспансии, за которыми следовали военные и купцы, превращавшие далёкие земли в колонии, а туземцев – в рабов. Япония избежала этой участи, но закрылась от «белых», сделав исключение для голландцев-протестантов, которых заботила торговля, а не миссионерство. Гошкевич не собирався нарушать японские законы, но понимал, что начавшееся в середине 1850-х годов «открытие» страны – необратимый процесс и что проникновение в неё европейской цивилизации и культуры – вопрос времени, причём не столь длительного. При других иностранных миссиях тоже появились священники, начавшие интенсивно изучать Японию и её язык «в видах скорой и обильной жатвы», как выразился иеромонах Николай в одном из докладов Святейшему синоду. Они понимали, что при неравенстве сил японским властям рано или поздно придется смягчить антихристианские законы, а то и вовсе отменить их. Вопрос был в том, какая конфессия лучше подготовится и чьи миссионеры станут наиболее успешными «ловцами человеков».

Дорога в Японию из Петербурга через Сибирь занимала почти год. Зиму иеромонах Николай провел в Николаевске-на-Амуре, где судьба свела его с епископом Иннокентием (Вениаминовым), архиереем Камчатки, Курильских и Алеутских островов и самым знаменитым православным миссионером своего времени. Иннокентий изучил алеутский язык, составил его словарь и грамматику, перевёл на него Евангелие от Матфея и православный катехизис, а также написал для своей паствы книгу «Указание пути в Царство Небесное». Николай пошёл по его стопам. В 1868 г. митрополит Иннокентий возглавил Московскую епархию, а в 1869 г. Всероссийское православное миссионерское общество под покровительством императрицы Марии Федоровны. Успехом своей

деятельности в Японии святитель Николай был во многом обязан помощи общества и его председателя.

Иеромонах Николай впервые ступил на японскую землю 2 июля 1861 г. в порту Хакодатэ, что ровно через 150 лет, день в день, было отмечено открытием в этом городе Фестиваля русской культуры. Вряд ли в тот момент он думал, что ему предстоит провести в этой стране всю оставшуюся жизнь, т. е. более полувека. Понимая, что час открытой проповеди православия близок, он начал изучать японский язык – «варварский, положительно труднейший на свете», как сам откровенно признавался, – и постарался «со всею тщательностью изучить японскую историю, религию и дух японского народа, чтобы узнать, в какой мере осуществимы там надежды на просвещение страны Евангельской проповедью». По словам современников, языком он владел в совершенстве, хотя и говорил с «северным» акцентом, как его первые учителя. В Хакодатэ он перевёл на японский язык Евангелия, послания апостола Павла, катехизис, основные молитвы и – весьма предусмотрительно – чин обряда крещения и присоединения иноверных.

Разумеется, без помощи носителей языка сделать это было невозможно. Но первым крещеным «туземцем» стал не один из помощников иеромонаха, а его открытый враг – синтоистский священник Савабэ Такума, самурай и мастер фехтования *кэндо*, обучавший этому искусству сына Гошкевича. Фанатик Савабэ признался Николаю, что хочет убить его как носителя чужой веры, но иеромонах посоветовал ему сначала ознакомиться с ней. Самурай согласился, и начались долгие беседы. «Ходит ко мне один жрец древней религии изучать нашу веру, – сообщал Николай в Петербург. – Если он не охладет, или не погибнет (от смертной казни за принятие христианства), то от него можно ожидать многого». В 1868 г. Савабэ принял православие с символическим именем Павел – в память Савла, ставшего из гонителя христианства его проповедником – и стал одним из столпов молодой японской церкви.

Известия об успехах хакодатского священника дошли до Петербурга, чему содействовал Гошкевич. В апреле 1870 г. Синод создал духовную миссию в Японии, во главе которой поставил

Николая, возведённого в сан архимандрита. В 1873 г. запрет исповедовать и проповедовать христианство был снят, и к середине 1874 г. в Хакодате насчитывалось более трёхсот православных. Произошло это уже без Николая, который 28 февраля 1872 г. переехал в Токио, где ему предстояло служить до конца жизни. Его можно назвать самым выдающимся христианским миссионером в современной Японии, хотя «жатва» православия оказалась здесь намного более скромной, чем у католиков или протестантов, опиравшихся на мощную финансовую и административную поддержку. Николай располагал несравненно более скромными средствами, которые приходилось «добывать» в Синоде ценой немалых усилий. Один из важнейших показателей успеха миссионерских трудов – число «обращенных язычников». Количество японцев, принявших православие, в 1888–1902 гг. и в 1908–1910 гг. составляло в среднем не менее 1000 человек в год. В 1903–1907 гг., из-за ухудшения отношений с Россией и последовавшей за этим войны, оно уменьшилось, но не сошло на нет. В 1912 г. – в год кончины владыки – в Японии насчитывалось 34111 православных христиан и 276 церквей. В 2011 г. в ней осталось 9996 православных и 67 церквей (3). Общее число христиан основных конфессий (без сектантов) в стране держится на уровне около одного миллиона человек.

Католические и лютеранские «конкуренты» уважительно относились к Николаю, который считал их «заблуждающимися братьями», но не пытался опорочить перед «язычниками»-японцами. Однако дипломаты-католики, кроме португальского поверенного в делах, дружно не явились на освящение в 1891 г. православного храма в Токио, несмотря на официальное приглашение. По замечанию русского посланника Дмитрия Шевича, «коллективная демонстрация главных представителей католиков, воздержавшихся как бы по обоюдному согласию от присутствия в языческой стране на освящении христианского собора, поразила всех своей крайней неприличностью» (4).

В апреле 1880 г. архимандрит Николай был рукоположен во епископа Ревельского, vicария Рижской епархии, «с откомандированием в Японию». В Ревеле он, разумеется, не служил, но отдельной епархии в Японии тогда ещё не было. Будучи проездом

в Москве, владыка застал открытие памятника Пушкину на Тверском бульваре, познакомился с Фёдором Достоевским и Владимиром Соловьёвым, причём последний изъявил желание посетить Японию. Оказалось, что это был последний приезд Николая на родину. В апреле 1906 г. он был возведён в сан архиепископа с наименованием Японский, но хиротонию пришлось провести заочно.

Уникальность личности Николая Японского проявилась в многообразии его талантов. Священнослужитель, проповедник, миссионер, он показал себя превосходным организатором во всём, за что ни брался. Он стал первым ректором духовной семинарии в Токио, основанной в 1875 г. и просуществовавшей до 1919 г., и до конца жизни уделял большое внимание делу духовного образования. Многие из его воспитанников стали профессиональными переводчиками русского языка, некоторые – известными литераторами и учёными, пионерами изучения нашей страны в Стране корня солнца. При духовной миссии он наладил издательское дело, выпуская, помимо книг, разнообразные журналы как для воцерковленных японцев, так и для потенциальной паствы. Помимо официальных документов и «душеполезного чтения» их страницы были открыты для светской тематики, прежде всего для художественной литературы. Именно здесь японцы впервые прочитали на своём языке многие произведения Пушкина, Гоголя, Тургенева и даже таких далёких от официального православия авторов, как Толстой, Короленко и Горький. Глава миссии отличался не только хорошим образованием, но и широтой взглядов. Он считал, что «узнав русскую литературу, узнав Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, нельзя не полюбить Россию». И оказался прав, ибо положительный образ нашей страны в Японии до сих пор во многом основан на любви к Толстому, Достоевскому и Чехову.

Петербургская духовная академия присвоила Николаю степень доктора богословия, но он писал не только на религиозные темы: «исторический очерк по японским источникам» под названием «Сёгуны и микадо» и сегодня читается с интересом. «Много раз меня манила на своё поле наука, – признавался он в письме к любимому наставнику митрополиту Иннокентию. – Японская ис-

тория и вся японская литература – совершенно непочатые сокровища. Стоит лишь черпать целыми пригоршнями, всё будет ново, интересно в Европе, и труд не пропадет даром. Но наука и без меня найдет себе много сынов, пусть другие несут ей в дар свои силы». Архиепископ Николай был также избран почётным членом Императорского общества востоковедения и с полным основанием считается одним из основателей российского японоведения.

Ещё при жизни он стал для японцев живым воплощением православия, хотя по природной скромности никогда бы не признал этого. Русскую духовную миссию токийцы в обиходе называли просто «братство Николая». Православный собор в районе Суругадаи даже на официальных картах и указателях именуется «Никорай-до», то есть «храм Николая», хотя официально наречен во имя Воскресения Христова, являясь кафедральным собором Японской православной церкви¹. Построенный по проекту архитектора Михаила Щурупова и освящённый 8 марта 1891 г. храм был любимым детищем и гордостью владыки. Необычное для тогдашнего Токио сооружение привлекло всеобщее внимание уже во время постройки. Собор Воскресения Христова, как и все остальные здания миссии, сильно пострадал от Великого землетрясения Канто 1 сентября 1923 г.: рухнули железные каркасы купола, расплавились колокола – но через шесть лет был полностью восстановлен (при содействии министерств внутренних дел и просвещения Японии) и торжественно освящён заново 15 декабря 1929 г. Благополучно переживший американские бомбардировки весны–лета 1945 г. собор остается одной из главных достопримечательностей японской столицы и имеет статус памятника истории и культуры, а его макет представлен в музее истории Эдо–Токио.

Во всём многообразии личность святителя раскрывается через его дневники. Благочестивый, но чуждый показной «святости», не гнушавшийся никаким трудом на благо своего дела, терпеливый и в то же время требовательный, образованный, наблюда-

¹ С 1970 г. Японская православная церковь имеет статус автономной и поддерживает каноническое общение с Русской православной церковью как с Матерью-Церковью.

тельный и нередко острый на язык – таким предстает архиепископ Николай на этих страницах.

Испытания, выпавшие на долю русской духовной миссии, да и всех православных японцев в годы русско-японской войны, в полной мере показали не только мудрость владыки как архипастыря, но его талант незаурядного дипломата – в широком смысле слова. 12 февраля 1904 г., сразу по получении известия о прекращении переговоров и разрыве дипломатических отношений между Японией и Россией, епископ Николай разослал по всем приходам «Окружное письмо к христианам для успокоения встревоженной церкви». Он обращался к своей пастве – и в то же время к верноподданным императора Мэйдзи. Этот документ, составленный в драматических обстоятельствах и написанный подобающим случаю торжественным слогом, заслуживает внимательного чтения:

«Благочестивым христианам Святой Православной Церкви великой Японии.

Возлюбленные о Господе братия и сестры!

Господу угодно было допустить разрыв между Россией и Японией. Да будет Его святая воля! Будем верить, что это допущено для благих целей и приведёт к благому концу, потому что воля Божья всегда благая и премудрая.

Итак, братия и сестры, исполните всё, что требует от вас в этих обстоятельствах долг верноподданных.

Молитесь Богу, чтобы Он даровал победы вашему императорскому войску, благодарите Бога за дарованные победы, жертвуйте на военные нужды. Кому придётся идти в сражения, не щадя своей жизни, сражайтесь не из ненависти к врагу, а из любви к вашим соотчикам, помня слова Спасителя: “Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (Иоан. 15, 13). Словом, делайте всё, что требует от вас любовь к отечеству. Любовь к отечеству есть святое чувство. Спаситель освятил это чувство Своим примером: из любви к Своему земному отечеству Он плакал о бедственной участи Иерусалима (Лук. 19, 41).

Но, кроме земного отечества, у нас есть ещё отечество небесное. К нему принадлежат люди без различия народностей, потому что все люди одинаково дети отца Небесного и братья между собою. Это отечество наше есть Церковь, которой мы одинаково

члены и по которой дети Отца Небесного действительно составляют одну семью. Поэтому-то я не разлучаюсь с вами, братия и сестры, и остаюсь в вашей семье, как в своей семье. И будем исполнять вместе наш долг относительно нашего небесного отечества, какой кому надлежит. Я буду, как всегда, молиться за Церковь, заниматься церковными делами, переводить Богослужение; вы, священники, усердно пасите подручное вам от Бога словесное ваше стадо; вы, проповедники, ревностно проповедуйте Евангелие ещё не познавшим истинного Бога – Отца Небесного; все христиане, мирно ли живущие дома или идущие на войну, возрастайте и утверждайтесь в вере и преуспевайте во всех христианских добродетелях. Все же вместе будем горячо молиться, чтобы Господь поскорее восстановил нарушенный мир. Да поможет нам во всём этом Господь!

Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святого Духа буди со всеми вами! Аминь».

Николай стоял перед тяжким выбором. Как подданный российского императора и истинный патриот своей родины (в этом нет оснований сомневаться) он должен был покинуть Японию после разрыва дипломатических отношений, вернуться домой и молиться о даровании победы русскому оружию, как это делали все русские священники и к чему призывал его посланник барон Роман Розен: «Ещё раз зываю к вашему русскому сердцу: дайте себя уговорить. Умоляю вас именем нашей четвертьвековой дружбы ехать с нами». Но владыка более сорока лет проповедовал в Японии, создав здесь православную церковь буквально из ничего, и не считал возможным бросить паству, которая умоляла его остаться. После разговора с Розеном он записал: «Я поблагодарил, но отказался – совесть меня загрызла бы, если бы я бросил церковь». Ещё на Соборе 1903 г., когда отношения между странами заметно осложнились, он сказал, не страшась возможных обвинений: «Хотя вы, японцы, приняли православную веру от России, но, несмотря на это, когда будет объявлена война с ней, то она – неприятельница ваша, сражаться с которой ваш долг... Воевать с врагами – не значит ненавидеть их, а только защищать своё отечество».

Однако встать на сторону Японии, воюющей с Россией, владыка не мог. За день до рассылки письма он записал свой разговор с помощниками-японцами: «Оставшись, я буду делать, что доселе делал. Но в совершении Общественного Богослужения, пока война не кончится, участвовать не буду по следующей причине: во время Богослужения я вместе с вами молюсь за Японского Императора, за его победы, за его войско. Если я буду продолжать делать это и теперь, то всякий может сказать обо мне: “Он изменник своему Отечеству”. Или напротив: “Он лицемер: устами молится за дарование побед Японскому Императору, а в душе желает совсем противоположного”. Итак, вы совершайте Богослужения одни и молитесь искренно за вашего императора, его победы и прочее. Любовь к Отечеству естественна и священна... Итак, начнется война, служите молебн о даровании побед вашему воинству; одержит оно победу, служите благодарственный молебен; при обычных богослужениях всегда усердно молитесь за ваше отечество, как подобает добрым христианам-патриотам. Я, по возможности, буду приходить в церковь на Всенощную и Литургию и стоять в алтаре, совершая мою частную молитву, какую подскажет мне моё сердце; во всяком случае первое место в этой молитве, как всегда, будет принадлежать Японской церкви – её благосостоянию и возрастанию».

На душе у епископа Николая, несмотря на глубокую и искреннюю веру, было беспокойно. «Русский флот японцы колотят, – с грустью записал он 29 февраля 1904 г., – и Россию все кланут. Ругают, поносят и всякие беды ей предвещают. Однако же так долго идти не может для меня. Надо найти такую точку зрения, ставши на которую можно восстановить равновесие духа и спокойно делать своё дело. Что в самом деле я терзаюсь, коли ровно ни на волос не могу этим помочь никому ни в чём, а своему делу могу повредить, отняв у него бодрость духа. Я здесь не служитель России, а служитель Христа. Служителю Христа подобает быть всегда радостным, бодрым, спокойным. Так и я должен смотреть на себя и не допускать себе уныния и расслабления духа».

Выбор владыки мало у кого нашёл понимание. В России не в меру ретивые патриоты подозревали его в «измене», в Японии –

в «шпионаже». Несмотря на возможную угрозу своей жизни со стороны фанатиков-националистов он остался в Токио вместе с двумя помощниками-семинаристами Фёдором Легасовым и Андреем Романовским (5). Однако справедливость требует сказать о позиции японского правительства, которое возглавлял Кацура Таро. По его распоряжению Министерство внутренних дел в феврале 1904 г. разослало всему синтоистскому и буддийскому духовенству страны следующий циркуляр: «Хотя дипломатические сношения с Россией и прерваны, но представляется ясным, что по отношению к отдельным членам воюющей нации не должно быть никакого чувства ненависти и вражды, и особенно на почве религиозной. Каково бы ни было различие верований и сект, все лица без исключения должны трактоваться равноправно. Нет никаких оснований к уклонению от принципов терпимости, которые до сей поры проводились в жизнь, и это особенно необходимо иметь в виду в отношении к религиозной пропаганде». Нападения на православные храмы и дома священников-японцев тем не менее случались, поэтому в апреле последовал второй циркуляр, требовавший от должностных лиц «быть особенно строгими и бдительными», «употребить всю свою энергию в применении к охране спокойствия христиан и их друзей и действовать так, чтобы народ в своём поведении не разлучался с достоинством, приличествующим великой нации» (6).

В конфликте с Россией Япония стремилась выставить себя передовой и просвещённой страной, воюющей против «империи кнута и погромов», поэтому любые антихристианские эксцессы могли серьёзно повредить её международному престижу. Николай-до и духовная миссия в течение всей войны находились под усиленной охраной полиции и солдат. «Хранимые Божиим Промыслом, – извещал Николай одного из своих корреспондентов, – мы без обиды пребываем в столь печальное для нас время. Японское правительство принимает все меры к тому, чтобы настоящая война не сочтена была за борьбу между язычеством и христианством и не имела никакого отношения к религии... Кое-где от фанатиков возникли некоторые стеснения для христиан, но местные власти тотчас же принимали самые действительные меры к прекращению сего вида гонения; и наши христиане везде живут

мирно, верные своей церкви, а служащие церкви беспрепятственно совершают своё богослужение, хотя, нужно сказать, с весьма скудным успехом по проповеди». Насчёт последнего он поскромничал: в 1904 г. православие приняли 656 японцев против 720 в 1903 г., а общее количество православных в Японии за годы войны не убывало, а только прибавлялось, хоть и медленно: 28 397 чел. в 1903 г., 28 597 чел. в 1904 г., 28 920 чел. в 1905 г. (7).

Примечательная деталь: в военное время епископ Николай демонстративно отдавал все свои письма на почту незапечатанными, чтобы его не могли ни в чём заподозрить. Дело в том, что в декабре 1903 г., перед самой войной, некий мелкий чиновник – неясно, аферист, сумасшедший или провокатор – предложил ему... купить важные государственные секреты. Владыка немедленно сообщил в полицию. Но и это не спасло его от нападков шовинистов, советовавших православным японцам срочно сменить «непатриотическое» вероисповедание.

13 марта 1904 г. тиражом две тысячи экземпляров было опубликовано второе окружное письмо епископа Николая к пастве, разосланное не только по приходам, но японским должностным лицам и в редакции газет. Здесь он выразился ещё более решительно, отвечая на кампанию националистической прессы: «О вас говорят, будто вы, православные, зависимы от русского Императора, который будто бы есть глава Православной Церкви, и потому заподозривают вашу искренность в служении вашему собственному Императору и вашей стране. Какое ложное понятие о Православной Церкви! И какое страшное подозрение основано на этой лжи!.. Началась война с Россией – и православные (без уточнения подданства – *В.М.*) усердно молятся о даровании победы своему Императору, с одушевлением провожают своих воинов на войну, вполне уверенные, что они будут геройски защищать своё отечество против неприятеля; воины с энтузиазмом идут, испросив благословение и молитв у своих священников, чтобы Бог помог им безукоризненно исполнить свой долг относительно отечества... Не ясно ли как день, что православие не только не вредит патриотическому служению своему отечеству, а, напротив, возвышает, освящает и тем усиливает его?».

Если бы письмо попало в российскую прессу, у владыки на-верняка были бы неприятности политического характера. Но Царя Небесного он всегда ставил выше любого царя земного, а потому не страшился никаких испытаний. И, обладая от природы острым умом, не питал «ура-патриотических» иллюзий относительно происходящего на родине, хоть и не был там четверть века. Вот лишь несколько фрагментов из его дневников – откровенных, выстраданных и горьких:

«А ты, моё бедное Отечество, знать, заслуживаешь того, что тебя бьют и поносят. Зачем же тобой так дурно управляют? Зачем у тебя такие плохие начальники по всем частям? Зачем у тебя мало честности и благочестия? Зачем ты не привлекаешь на себя любовь и защиту Божью, а возбуждаешь ярость гнева Божия? Да вразумит тебя, по крайней мере, бедствие нынешнего поражения и посрамления. Да будет это исправляющим жезлом в руках Отца Небесного!» (29 февраля 1904 г.).

«Бьют нас японцы, ненавидят нас все народы. Господь Бог, повидимому, гнев Свой изливает на нас... Да и заслуживает ли Россия в самом деле милости Божьей? Дворянство наше веками развращалось крепостным правом. Простой народ веками угнетался тем же крепостным состоянием и сделался невежествен и груб до последней степени. Служилый класс и чиновничество жили взяточничеством и казнокрадством, и ныне на всех степенях служения – поголовное, самое бессовестное казнокрадство везде, где только можно украсть. Верхний класс – коллекция обезьян – подражателей и обожателей то Франции, то Англии, то Германии и всего прочего заграничного. Высший и интеллигентный классы поголовно растлены безверием и крамолой. Духовенство – много ль в нём ценного в очах Божьих?.. И при всём том мы – самого высокого мнения о себе: мы только истинные христиане, у нас только настоящее просвещение, а там – мрак и гнилость. А сильны мы так, что шапками всех забросаем. Только сотвори, Господи Боже, чтобы это было наказующим жезлом Любви Твоей! Не дай, Господи, вконец расстроиться моему бедному Отечеству! Пощади и сохрани его!» (31 июля и 1 ноября 1904 г.).

«Госка давит», «перо падает из руки» – в дневниках конца 1904 г. такие записи нередки. Но вскоре у епископа Николая поя-

вилась новая паства – пленные русские воины – и новые заботы, прогнавшие прочь «дух уныния». Власти не разрешили ему выезжать из Токио до конца боевых действий, но не ограничивали переписку и позволили священникам-японцам, знающим русский язык, отправиться в лагеря для военнопленных. Через них владыка посылал соотечественникам книги, причём не только церковные, но художественные и учебные, деньги и вещи, включая чай и сигары для офицеров: не будучи святошей, он понимал, что одним душеспасительным чтением сыт не будешь. Поначалу министр иностранных дел Кокура Дзютаро подумывал о том, чтобы через нейтральные страны пригласить православных священников для окормления пленных, но японская церковь справилась своими силами. Пленные поначалу дивились, но вскоре оценили и помощь владыки, и пастырскую заботливость местных «батюшек», и трогательное отношение к ним православных японцев, которые охотно жертвовали деньги в их пользу. Епископ Николай тепло отозвался о своих японских чадах в одной из послевоенных речей: «Вы радовались во время побед, дарованных вам Господом, и не могли не радоваться. Но ни разу никто из вас не отягчил моей печали обнаружением предо мною своей радости и своего торжества. Мы каждый день были вместе, мы не были я – русский, а вы – японцы, а были братья и сестры во Христе, дети одного Отца Небесного. При начале войны вы желали, чтобы я остался с вами, и обещались беречь меня – и вы блистательно исполнили своё обещание, вы сберегли меня не только физически, но и нравственно, за что я особенно благодарен вам. Это всегда глубоко меня трогало».

Японские власти не препятствовали получению военнопленными книг, журналов и газет на русском языке. Этим, правда, воспользовался не только владыка, но и его противники – японские социал-демократы и их русские единомышленники в Европе. Уже в марте 1904 г. редакция токийской газеты «Хэймин» («Простой народ»), пытавшейся вести антивоенную пропаганду, отправила открытое письмо в меньшевистскую «Искру», которой руководил Георгий Плеханов: «Правительства Японии и России начали войну ради осуществления своих империалистических замыслов. Мы – товарищи, братья и сёстры, у нас нет ни малей-

ших оснований воевать друг с другом. Ваш враг – не японский народ, а японский милитаризм и так называемый патриотизм, точно так же, как нашим врагом является не русский народ, а русский милитаризм и так называемый патриотизм». Однако до ленинского «желать поражения своему правительству» в Стране корня солнца не додумались, поясняя: «Мы не нигилисты, не террористы, а социал-демократы. В нашей борьбе мы решительно отвергаем применение насилия и боремся мирными средствами, силой разума и поучения. Мы не можем предвидеть, которое из двух правительств окажется победителем. Но кто бы ни победил, результаты войны будут одни и те же: общая нищета, гнет увеличившихся налогов, нравственный упадок и дальнейшее развитие милитаризма. Гораздо важнее вопроса о том, кто победит, является для нас вопрос о том, как скорее сможем мы положить конец войне». «Искра» назвала письмо товарищей из «Хэймин» «документом огромной исторической важности» и выразила желание сотрудничать с ними.

Большевики сами вышли на связь с японцами: «Хэймин» напечатала перевод нескольких статей и листовок Владимира Ленина с призывами: «Да здравствует братское единение пролетариев всех стран! Да здравствует японская социал-демократия, протестовавшая против войны! Долой разбойническое и позорное царское самодержавие!». Связным выступил заведующий заграничным отделом ЦК РСДРП Владимир Бонч-Бруевич. Он попросил японских товарищей распространять среди военнопленных нелегальную агитационную литературу, пересылаемую через США. 7 июля 1904 г. редактор «Хэймин» Нисикава Кодзиро писал в Женеву «господину Ульянову» (по-английски): «Дорогой товарищ! Извещаю Вас, что, согласно Вашей просьбе, я отправил много экземпляров журналов и брошюр русским пленным, находящимся в городе Мацуяма. Я полагаю, что они должны быть в большом восторге от чтения этой литературы и вернуться домой убеждёнными социалистами. Я был бы очень рад сделать что-нибудь для Вас и для всех товарищей из России. Надеюсь на скорый успех российской социал-демократии» (8).

Пленные солдаты потерпевшей поражение армии – идеальный «человеческий материал» для мятежа и смуты, хотя владыка не

успевал напоминать, что «честный плен никогда не считался позором». Да что там пленные: регулярные части русской армии в Маньчжурии, не исключая часть офицерства, были охвачены революционным брожением. Понимая тяжесть создавшегося положения и масштаб возможной угрозы, епископ Николай 14 (1) декабря 1905 г. обратился с посланием к военнопленным, которые тосковали в ожидании возвращения на родину и порой вели себя не лучшим образом. «Видимые враги вашего душевного мира и нашего общего Отечества земного и Отечества небесного, – писал он, – приходят к вам и говорят свои речи или присылают свои сочинения, те и другие исполненные душевного яда, и стараются отравлять вас ими. Своими коварными внушениями они стараются посеять вражду между вами, влить озлобление в ваши сердца, сделать вам врагами своего Отечества земного, затворить для вас Отечество небесное... И есть уже отравленные этим ядом и тщющиеся отравлять других. Между вами, жившими доселе везде мирно, происходят в некоторых местах ссоры, драки, побоища, доходящие до смертоубийства, – и это в чужой стране, на позорище всему свету! О горе и стыд!».

Информацию он имел точную и гневных слов не жалел. Но понимал, что одними благочестивыми увещаниями положения не исправить, а потому повел с паствой серьёзный разговор. «Нужны исправления и улучшения по управлению в России, никто не отрицает этого. Об этом и думает, и заботится ныне наш возлюбленный Государь с своими советниками, старшими в государстве. Но враги нашего Отечества, точно змеи, прокравшись всюду в нём, вливают яд возмущения и злых замыслов во все неосторожные сердца, особенно, в сердца людей, по своей малообразованности не могущих уразуметь их коварных целей, – и теперь в России столько смуты, разлады, взаимной вражды, убийств! Отравленные ядом возмущения обратились в братоубийцы и с остервенением творят своё дело: бросают бомбы, от которых гибнут ни в чём не повинные люди, стреляют, режут, жгут... И вас, братие, эти озверевшие люди хотят обратить к преступному, противогосударственному и противочеловеческому служению диаволу!».

«У русских в крови какой-то анархизм, непременно всё ломать и разрушать до основания, а потом уже думать, что делать дальше», – записывал владыка под влиянием вестей с родины. Перед революционной смутой православная церковь оказалась не то чтобы беззащитной, но недостаточно авторитетной и защищённой. Многие священники, особенно молодые, если и не поддерживали бунтовщиков открыто, то стремились понять их мотивы и оправдать их действия. Голоса же высших иерархов не прозвучали с должной силой, поскольку они воспринимались как неотъемлемая часть «старого порядка», репрессивного режима, против которого был направлен бунт.

Епископ Николай оказался одним из немногих, чьё слово дошло до паствы и возымело действие. «Помните, братие, что если вы станете мутить и бунтовать, то своим скопом, своею численностью можете много зла причинить дорогому нашему Отечеству и самим себе, но добра никакого, ни малейшего не можете сделать никому, потому что в ослеплении своём послужите врагам нашего Отечества, своим собственным злым врагам. Да удержит же Господь от сего всех вас!». В том, что русские пленные в Японии не взбунтовались и не стали «пятой колонной», есть большая заслуга владыки. Бонч-Бруевич с грустью признал: пролетарская организация в Японии оказалась столь слаба, что не дала возможность вести пропаганду более активно. Многолетние труды и забота о пленных не прошли незамеченными в России. В октябре 1905 г. император Николай II подписал рескрипт на имя Николая, что означало высокую степень признания его заслуг. В 1906 г. владыка был возведён в сан архиепископа и награждён орденом Святого Александра Невского.

После окончания войны новой заботой теперь уже архиепископа стало поддержание в должном порядке русских воинских захоронений в Японии и установка над ними памятников. В июле 1907 г. он освятил закладку памятника 97 воинам в городе Мацуяма, на острове Сикоку, а год спустя – небольшой деревянный храм на этом же кладбище. С революцией 1917 г. в жизни японского православия настали трудные времена, и церковь в Мацуяма оказалась в забвении. После Великого землетрясения 1923 г. её разобрали, перевезли в Токио и установили рядом с разрушен-

ным Никорай-до, чтобы до его восстановления она служила замечательной кафедральной собору. В отыскании и приведении в порядок воинских захоронений большую помощь владыке оказал военный агент полковник (позднее генерал-майор) Владимир Самойлов, умевший хорошо ладить с японскими военными и гражданскими властями. И сегодня русские кладбища в Мацуяма и Идзумиодзу, близ Осаки, где похоронены 89 защитников Порт-Артура, поддерживаются в образцовом порядке благодаря заботам местных жителей: японцев всегда отличало и отличает трепетное отношение к могилам, своим и чужим. Они не забросили русские захоронения, когда после революции советское правительство отказалось от всех обязательств «старого режима» – в том числе от заботы о местах последнего упокоения соотечественников. Ситуация стала меняться только на рубеже 1980-х и 1990-х годов. Летом 1995 г. в Мацуяма был установлен и торжественно открыт памятник на могиле капитана I ранга Василия Бойсмана, который умер в лагере для военнопленных, отказавшись досрочно вернуться домой, хотя имел на это право как старший офицер.

Николай Японский, как отмечает его биограф Э.Б. Саблина, «не находил никаких проблем в политической жизни России и Японии, которые не могли быть улажены без всяких конфликтов. Он сохранял убеждение, что рано или поздно между обеими державами наладятся добрососедские отношения» (9). К мнению владыки – одного из лучших знатоков Японии в нашей стране – прислушивались не только в Святейшем синоде, но и в Министерстве иностранных дел, куда доставлялись копии многих его писем и записок. Он был убеждён, что одной из причин войны стало незнание Россией Японии, о чём писал приамурскому генерал-губернатору Павлу Унтербергеру, любителю пугать петербургских сановников и царя «японской угрозой». «У всех больших европейских народов, – наставлял губернатора архиерей, – давно уже нашлись учёные, которые написали для своего отечества многие томы об Японии и во всех отношениях познакомили своё отечество с нею. Не говоря уже о научном значении этих трудов, польза от них великая. Не было бы и нашей несчастной войны с Японией, если бы мы глубже знали Японию».

Через год после окончания войны владыка перешагнул на восьмой десяток, но оставался таким же бодрым и деятельным, как в годы молодости. Не осуществилась только мечта снова побывать на родине. 14 сентября 1909 г. он освятил памятник на братской могиле 243 русских воинов в Нагасаки. Присутствие на церемонии русских дипломатов и японских официальных лиц, как и на открытии в том же году памятника погибшим в Порт-Артуре солдатам и офицерам обеих армий, подчёркивало, что ратные подвиги не забыты, но былая вражда похоронена. В 1911 г. торжественно отмечалось пятидесятилетие пастырского служения архиепископа Николая в Японии. В июле того же года он, как всегда, руководил собором служителей православной церкви Страны корня солнца. 13 февраля 1912 г. архиепископ закончил очередной годовой отчёт Святейшему синоду о состоянии православия в Японии – впервые только подписал, а не написал его собственноручно от начала до конца, «почерком удивительно сохранявшим свою твёрдость, отчётливость и красоту», каким его запомнили современники. Спустя три дня, 16 февраля 1912 г., Николая Японского не стало. Перед смертью, с мыслью о которой давно смирился, он попросил перевезти себя из больницы в архиерейский дом около Никорай-до. До последних дней он продолжал работу над переводом Ветхого Завета. В Японии даже неверующие считают этот перевод выдающимся литературным памятником.

Владыка был оплакан не только русскими и своей паствой. На его похоронах на токийском кладбище Янака присутствовали министры иностранных дел и императорского двора Японии. Император Мэйдзи, премьер-министр Сайондзи Киммоти, председатель Японско-русского общества генерал Тэраути Масатакэ и многие другие прислали пышные венки. Все крупные столичные газеты поместили некрологи. Влиятельная «Майнити» писала: «В нём японцы потеряли не только великого духовного учителя, но знатока и друга японского народа. Особенно приходится сожалеть о [его] смерти ещё потому, что между русскими сравнительно мало лиц, знакомых с Японией. Между тем у России с Японией устанавливаются сейчас тесные отношения, и такие люди

теперь особенно нужны. Смерть архиепископа Николая, первого и самого лучшего знатока Японии, явится чувствительной потерей как для русских, так и для японцев. Японский народ должен особенно чутко откликнуться на потерю такого человека и от всей души выразить своё соболезнование» (10). Переводы статей были посланы в Петербург – в МИД и в Святейший синод.

10 апреля 1970 г. архиепископ Николай был причислен Русской православной церковью к лику святых. Он стал одним из самых прочных «мостов», связующих два народа на протяжении полутора веков. Российские японоведы могут считать его своим небесным покровителем.

Глава вторая

СЕРГЕЙ ВИТТЕ

И «МИР БЕЗ ПОБЕЖДЕННЫХ»

Исход русско-японской войны решили многие факторы. Разгром русского флота был полным и безусловным. На суше положение русской армии, несмотря на ряд тяжёлых поражений и неумелое командование, было не столь безнадежным, но по стране запыхал «красный петух» революционных пожаров. Император Николай II и его окружение пришли к выводу, что надо спасти монархию даже ценой признания своего поражения. Они не знали, что силы Японии истощены до предела, а её финансы на грани банкротства.

Президент США Теодор Рузвельт решил выступить в роли миротворца и предложил русскому и японскому императорам услуги «честного посредника». Но прежде чем выступить официально, хозяин Белого дома начал зондировать почву – готовы ли воюющие стороны сесть за стол переговоров, могут ли они договориться и не сорвут ли его честолюбивый замысел. Чтобы уговорить русских, которые никак не хотели признавать себя побеждёнными, он убеждал российского посла в Вашингтоне Артура Кассини, что японцы скоро захватят всю Сибирь. С несговорчивыми японцами поступили проще: американские банкиры дали понять, что больше не будут давать им займы на ведение войны и потребуют возвращения долгов.

Аргумент подействовал безотказно. 31 мая 1905 г. министр иностранных дел Комура, выполняя принятое накануне решение правительства, обратился к Рузвельту с просьбой о посредничестве в примирении сторон и о приглашении их на мирные переговоры. После Цусимы японцы имели все основания рассчитывать на мир в свою пользу. Дал согласие и русский царь, напуганный перспек-

тивной дальнейших военных поражений, которые могли только усугубить революционную смуту. 8 июня Рузвельт послал в Петербург и Токио официальные приглашения начать переговоры на американской территории, которые были сразу же приняты.

Император Мэйдзи делегировал на переговоры Комура – искушённого и умного дипломата, представлявшего свою страну во многих столицах, включая Петербург. С назначением главы русской делегации возникла заминка, поскольку труд ему предстоял тяжёлый и неблагодарный. Николай II в детали не вникал, но чётко сформулировал главное условие: «Ни пяди земли, ни рубля уплаты военных издержек. На этом я буду стоять до конца», – хотя японцы рассчитывали и на территориальные приобретения, и на денежную контрибуцию. Министр иностранных дел Владимир Ламздорф ехать за океан не собирався и предложил царю кандидатуру Александра Нелидова, посла в Париже, но пожилой и умудрённый опытом вельможа отказался, сославшись на «растроенное здоровье». Точно так же поступил посол в Риме Николай Муравьёв: нежелание рисковать репутацией оказалось сильнее честолюбия, которым он славился. Вместо себя Нелидов назвал кандидатуру председателя Комитета министров, бывшего министра финансов Сергея Юльевича Витте.

«Только не Витте» написал император на записке Нелидова (1). Это был не просто каприз самодержца. Витте служил ещё Александру III и на протяжении почти десяти лет, с 1894 г. по 1903 г., был одним из ближайших советников его сына, которого не стеснялся ненавязчиво поучать и направлять. Этому царь не любил. За Витте числились несомненные успехи вроде введения золотого рубля и сооружения Транссибирской и Китайской Восточной железных дорог, однако именно его авантюристическая политика в Маньчжурии стала главной причиной войны с Японией. Властный и амбициозный министр нажил себе много врагов, поэтому в марте 1903 г. царь отправил его в почётную отставку, назначив председателем Комитета министров: пост для пожилых сановников, отрешённых от реальной власти, но не лишившихся монаршего расположения. Для 54-летнего Витте это была именно опала – он был полон сил и тяжело переживал удаление от реальной работы.

С начала 1905 г. Сергей Юльевич выступал за мир с Японией, в необходимости которого его укрепила сдача крепости Порт-Артур. Ленин – в то время не слишком известный лидер одной из групп социал-демократов – писал: «Самодержавие ослаблено. В революцию начинают верить самые неверующие. Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции» (2). Витте понимал это, а потому забил тревогу. 1 февраля (19 января) 1905 г. он писал военному министру генералу Алексею Куропаткину: «Не будет ли наше положение через несколько месяцев ещё безвыходнее, не придётся ли принять мир ещё худший?» (3). 13 марта (28 февраля) полуопальный председатель Комитета министров обратился лично к царю, нарисовав удручающую картину, к которой приведёт продолжение войны: финансовый крах, лишение заграничных кредитов (те же проблемы, что у японцев!), увеличение бедности, озлобление и «помрачение духа» народа. Зная, что Николай не любил депрессивных докладов, автор постарался найти положительную сторону: «Россия покуда ещё имеет такой престиж, что можно надеяться, что мирные условия не будут ужасающими», а прекращение войны позволит использовать армию в самой России для наведения порядка (4). Император никак не отреагировал на послание, но вынужден был считаться с докладом о том, что французские банкиры – вернейшие союзники и кредиторы – отказались дать России новый заем. К этому непосредственно приложил руку японский посланник в Париже Мотоно Итиро, имевший обширные связи в международных финансовых кругах, – тот самый Мотоно, который всего через год будет назначен посланником в Петербург и с искренним рвением начнет работать над улучшением двусторонних отношений (5). Посол Нелидов, находившийся в курсе всех трудностей с займом, не захотел ехать на мирные переговоры с Японией, будучи совершенно не уверен в успехе.

Кандидатуру Витте лоббировал Ламздорф, успокаивая царя тем, что глава делегации будет связан инструкциями из Петербурга и не сможет «своевольничать». Искушенный «техник» дипломатической игры, не отличавшийся ни самостоятельностью мышления, ни силой характера, министр иностранных дел давно стал послушным орудием проведения политики своего власто-

любивого друга. Сергей Юльевич не испугался трудной задачи, поскольку считался крупным специалистом по экономическим вопросам и хорошо знал железнодорожное дело, а этот пункт должен был стать одним из важнейших на переговорах. Но главное заключалось в том, что не Министерство иностранных дел, а именно он на протяжении десяти предвоенных лет руководил политикой России на Дальнем Востоке. Столкнувшись с отказом Нелидова и Муравьева и отсутствием других претендентов, Николай II уступил и 12 июля (29 июня) 1905 г. назначил Витте первым уполномоченным на переговорах. Вторым стал назначенный послом в США на смену Кассини барон Роман Розен, который ранее служил в Токио и пользовался там авторитетом.

Главной задачей было добиться от японцев «благопристойного мира». Витте знали как сторонника жесткого курса в отношении Японии, но его связи с банковскими кругами Европы и Америки заставляли многих подозревать, что ради интересов «финансового интернационала» и для удовлетворения собственного честолюбия он может пойти на неоправданные уступки. Споры об этом продолжаются и сегодня. Одни утверждают, что Витте сознательно «продал Россию» и пошёл на излишний компромисс, хотя русская армия ещё не была разгромлена. Другие напоминают о стремительно разраставшемся революционном пожаре и полагают, что русские делегаты сделали всё возможное в данной ситуации, отстояв как можно больше выгодных для нашей страны позиций. Обратимся к фактам.

В начале июля оба монарха утвердили инструкции своим полномочным представителям. В портфеле Комура лежали три группы требований: обязательные, важные и желательные. По первой – Россия должна была признать право Японии на свободу действий в Корее, вывести войска из Маньчжурии, использовать КВЖД исключительно для торгово-промышленных, т. е. не военных, целей и передать Японии свои права на южную ветку КВЖД от Харбина до Порт-Артура и на аренду у Китая Ляодунского полуострова. Вторая группа предполагала компенсацию Россией военных расходов Японии, уступку ей острова Сахалин, предоставление права на рыболовство в водах Приморья и передачу Японии русских военных кораблей, интернированных в нейтральных пор-

тах. Третья – шла ещё дальше, замахнувшись на ограничение морских сил России на Дальнем Востоке и на полное разоружение Владивостока. Наиболее воинственные круги требовали наложить на Россию контрибуцию в 3 млрд. долларов и присоединить к Японии Приморье, но правительство генерала Кацура не подписалось под этой авантюрной программой.

Инструкции, полученные Витте, категорически отвергали требования об уступке русской территории, контрибуции, отказе от прав на КВЖД, разоружении Владивостока или запрещении иметь военный флот на Тихом океане. Взамен Японии предлагались самые широкие экономические льготы, в том числе на Сахалине. Южную ветку КВЖД и Ляодунский полуостров предполагалось передать Китаю, у которого они были взяты в аренду в 1897–1898 гг., чтобы пекинское правительство само разбиралось с токийским. Россия соглашалась признать преимущественные права Японии в Корее в обмен на формальное гарантирование независимости этой полукOLONиальной страны. Позицию Токио укрепляли союз с Англией и поддержка США. Петербургу оставалось надеяться на французские займы: под мир деньги давали, под войну нет – и попытаться склонить на свою сторону американское общественное мнение.

Витте тщательно подобрал себе помощников. Специалисты по экономическим вопросам Дмитрий Покотиллов и Иван Шипов ранее занимались под его руководством дальневосточными проблемами. Профессор Федор Мартенс пользовался мировой известностью как знаток международного права. Секретарём делегации стал опытный и скрупулезный дипломат Григорий Плансон, личным секретарем Витте – молодой и энергичный Иван Коростовец. Перед отъездом он обстоятельно побеседовал с важнейшими министрами, договорившись поддерживать с ними постоянную связь по телеграфу. «Внутри у нас полное разложение. Можно сказать, что мы находимся в первом фазисе революции», – признал Сергей Юльевич в частном письме (6), но перед иностранцами не подавал виду, что озабочен внутренним положением России. Точно так же вёл себя Комура, знавший о плачевном состоянии финансов своей страны.

Местом проведения переговоров был назначен Портсмут в штате Нью-Гемпшир, в шестидесяти милях к северу от Бостона. Витте поехал в Америку через Европу – потянул время, а заодно посетил Францию и Германию в надежде укрепить союз с первой и партнерские отношения со второй, которые сам же подпортил, будучи министром финансов. Свою тактику он определил подробно, четко и даже цинично:

«1) Ничем не показывать, что мы желаем мира; вести себя так, чтобы внести впечатление, что если государь согласился на переговоры, то только ввиду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена;

2) Держать себя так, как подобает представителю России, то есть представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность;

3) Имея в виду громадную роль прессы в Америке, держать себя особенно предупредительно и доступно ко всем её представителям;

4) Чтобы привлечь к себе население в Америке, которое крайне демократично, держать себя с ним совершенно просто, без всякого чванства и совершенно демократично;

5) Ввиду значительного влияния евреев, в особенности в Нью-Йорке, и американской прессы вообще не относиться к ним враждебно» (7).

Эту программу Витте выполнил. В первый же день он назвал президента Рузвельта «гениальным вождем», американскую прессу – «великой», затем побеседовал с финансовыми воротилами Уолл-стрита, посетил нью-йоркскую биржу и бедный эмигрантский квартал, демонстративно пообщавшись с его обитателями, среди которых было немало выходцев из Российской империи. Однако хозяин Белого дома остался недоволен беседой с русским уполномоченным, который мягко, но решительно отказался следовать его «дружеским советам».

В первый день переговоров, 10 августа 1905 г., президент и делегаты позировали фотографам. Громадная фигура «русского медведя» возвышалась не только над щуплым Комура, но даже над крепким и плечистым Рузвельтом. Стороны держались холодно, но корректно. Главным рабочим языком переговоров был

французский, как основной язык дипломатии. В качестве второго языка использовался английский – как знак внимания в адрес хозяев и... ещё один козырь в пользу японской делегации, главным советником которой был американец Генри Виллард Деннисон, мастер составлять дипломатические документы.

Начальный этап конференции был посвящён обсуждению японских условий, которые оказались тяжелее, чем предполагали в Петербурге. Несмотря на велеречивые фразы о стремлении к миру, японцы не скрывали, что чувствуют себя победителями и намерены диктовать свою волю. Отклонив восемь из двенадцати представленных требований, но только одно – безоговорочно (выдача русских кораблей, задержанных в нейтральных портах), Витте произнес знаменитую фразу: «Здесь нет победителей, а потому нет и побеждённых». Демонстрировавший полную уверенность в своих силах и единолично командовавший японской делегацией Комура не думал соглашаться, но именно этим словам суждено было определить общий настрой переговоров.

Что имел в виду Сергей Юльевич? Здесь мы подходим к самому важному для нас моменту переговоров. Как отметил А.В. Игнатъев, глава русской делегации «предложил противопоставить японскому методу достижения мира путём максимального ослабления России иной подход – *союзное сближение* двух стран (Японии и России – *В.М.*) с целью *совместной защиты нового положения на Дальнем Востоке* (выделено мной – *В.М.*). Его идея оказалась для коллег по меньшей мере неожиданной... Однако Витте упорно отстаивал свой замысел союза или иного соглашения общего характера, ссылаясь на некоторое совпадение будущих интересов двух держав на Дальнем Востоке. «Если мы скажем японцам, что обязуемся защищать права, которые за ними признаем, – говорил он, – то этим можем облегчить принятие наших условий» (8).

Мир ещё не был заключён, а Витте уже думал о том, как выстраивать отношения с Японией в новых условиях, изменившихся не в пользу нашей страны. Даже Комура продолжал мыслить категориями военного времени, хотя не испытывал к России особой враждебности. Но в Японии уже раздавались голоса более дальновидных людей, одним из которых был Гото Симпэй, в не-

далёком будущем – ключевая фигура двусторонних отношений. Когда газеты соревновались друг с другом в требованиях к «поверженной» России, он заявил: «Мы должны настаивать на максимальных размерах контрибуции и территориальных уступок, но мы не должны поддаваться вульгарному мнению толпы: успех или поражение этих требований не должны тревожить нас... Если они будут удовлетворены и мы получим просимое, очень хорошо. Не получим – тоже хорошо... Нам следует пропустить это без особого внимания, если нам удастся разрешить более широкие проблемы, ценность которых в десятки и сотни раз более велика» (9).

Передав Комура официальный русский ответ, составленный корректно, но решительно, Витте занервничал и велел узнать расписание пассажирских судов, отплывающих из Америки в Европу. Он опасался, что японцы отвергнут его ответ и переговоры придётся прервать. Но перед ним был достойный противник. Японский министр иностранных дел объявил, что его делегация внимательно изучила русские контрпредложения и готова перейти к их детальному, постатейному обсуждению. Значит, компромисс возможен! В будущем отношения между нашими странами много раз будут заходить в тупик – из-за важных вопросов или из-за мелочей. Когда за них брались такие люди, как Витте и Комура, компромисс находился, хотя той или иной стороне приходилось уступать. Когда никто не уступал, наступала, как говорят шахматисты, патовая ситуация, не приносящая победы ни одной из сторон. Дипломатия есть искусство возможного, искусство компромисса. Главное – не путать необходимую при отстаивании государственных интересов твёрдость с упрямством, способным погубить любой диалог.

Не вдаваясь в технические подробности, многократно описанные историками, отметим главное: диалог удался, хотя оказался очень трудным. Как вспоминал Коростовец, «японцы упорно твердили одно и то же. Был момент, когда спор принял довольно резкий характер и стало казаться, что японцы хотят сорвать переговоры... Барон Комура сухо заявил, что Япония не нуждается в поддержке России и что для него достаточно, если господин Витте поддержит его здесь, на конференции» (10). Полномочные де-

легаты соревновались в красноречии, но нередко срывались на колкости. Например, при обсуждении болезненного вопроса о русских кораблях, интернированных в нейтральных портах, Витте заявил, что ожидал от японской стороны большего миролюбия и искренности, а Комура порекомендовал ему руководствоваться не только чувством национального достоинства. Японский министр вёл переговоры дипломатично, но настойчиво. Пока были свежи воспоминания о победах его страны, он стремился получить от России максимум уступок, которых требовало разгорячённое войной и националистической пропагандой общественное мнение, но в то же время не затягивать заключения мира. Забегая вперёд, скажу, что переговоры в Портсмуте стали хорошим уроком и для Комура. Именно он, через несколько лет снова занявший пост главы внешнеполитического ведомства, станет одним из главных сторонников партнёрских отношений с Россией.

Уверенный тон и барские, но неизменно корректные манеры Витте произвели впечатление и на японцев, и на сочувствовавших им американцев. Однако за этим фасадом скрывалась неуверенность в успехе переговоров, которые он не мог вести на свой страх и риск, а указания царя порой не отличались реалистичностью и конкретностью. Возможно, Сергей Юльевич осознавал, что поражение России в войне в значительной степени является расплатой за его прежние авантюры в Маньчжурии. Во всяком случае 14 (1) августа он телеграфировал в Петербург министру финансов Владимиру Коковцову о необходимости готовиться к тяжёлой длительной войне и искать деньги за границей для её продолжения, если японцы не примут предлагаемый максимум уступок. Эти уступки по соображениям великодержавного престижа исключали любое прямое возмещение военных убытков Японии, хотя сделать это косвенным путём Витте считал возможным. Он предлагал Комура такие варианты, как выплаты на содержание военнопленных, но успеха не имел. Япония очень нуждалась в деньгах, поэтому её делегация проявляла чудеса упрямства в надежде получить контрибуцию.

Наиболее острыми из спорных вопросов оказались железно-дорожный и территориальный. Витте был особенно чувствителен к первому, поскольку его карьера до назначения министром фи-

нансов в августе 1892 г. была связана именно со стальными магистралями, а в качестве министра финансов он подчинил себе всё железнодорожное строительство и как выгодное предприятие, и как средство проведения внешней экспансии. Его любимым детищем стала не только Транссибирская магистраль, доведённая в ту пору до Читы, но и КВЖД, проложенная по безлюдным маньчжурским землям, которые формально принадлежали Китаю. Дальновидные люди – и русские, и китайцы – советовали ограничиться этим, но Сергей Юльевич, возжелавший стать хозяином всего Дальнего Востока, не послушался даже советов «китайского Бисмарка» Ли Хунчжана. Захват Россией китайских портов Даляньвань и Порт-Артур в конце 1897 г. был инициативой тогдашнего министра иностранных дел графа Михаила Муравьева, но Витте постарался извлечь из этого максимум выгод для своего ведомства, потихоньку создававшего в Маньчжурии собственное «государство в государстве». Именно Витте добился того, что порту Даляньвань, получившему русское название «Дальний», был предоставлен максимум торговых привилегий за счёт Владивостока. Именно Витте добился огромных казенных ассигнований на строительство Южной железнодорожной ветки от Харбина – главного города КВЖД – до Дальнего и Порт-Артура, которая теперь почти целиком оказалась в руках у японцев. «Маньчжурское предприятие графа Витте, – утверждал на склоне лет бывший министр иностранных дел Александр Извольский, – бесполезное и даже опасное само по себе, являлось особенно роковым для внешних русских дел и может быть рассматриваемо как первопричина русско-японской войны» (11).

Император Николай I гордо говорил: «Где русский флаг раз был поднят, он более спускаться не может». Это стало общеприимной империалистической аксиомой. До Харбина японцы не дошли, но были не так уж далеко. Точно так же под их контролем оказался фактически весь остров Сахалин, включая главное поселение того времени – пост Александровский (ныне Александровск-Сахалинский). Военный губернатор Сахалина генерал-лейтенант Михаил Ляпунов капитулировал, за что был позднее отдан под суд. Отобрать занятое у Японии можно было только военной силой, но именно этого России в тот момент не хватало. Отдавать желез-

ную дорогу Витте не хотел – получалось, что его детище оказалось «подарком» японцам. Но, считаясь с реальностью, вынужден был согласиться на передачу той части дороги, которая уже была занята японскими войсками, то есть до станции Куаньчен-цзы (Чанчунь).

6 июня (24 мая) 1905 г. на совещании у Николая II в Царском Селе военный министр генерал Виктор Сахаров заметил: «Решение этого вопроса будет зависеть, главным образом, от того, какая часть линии окажется во власти маршала Ояма», главнокомандующего японскими войсками (12). Через несколько дней министр финансов Кокцов, не склонный к авантюрам, но умевший мыслить стратегически, писал министру иностранных дел Ламздорфу: «С экономической и культурной точек зрения к жизненным интересам России на Дальнем Востоке необходимо, по моему мнению, в настоящее время причислить... сохранение в нашем полном распоряжении или, в крайнем случае, под нашим исключительным влиянием рельсовой линии, соединяющей Владивосток с Сибирской железной дорогой, а равно пароходные сообщения, связывающие эту линию с русскими владениями по Сунгари. Если бы, по условиям мирного соглашения, эти сообщения, и в особенности указанный рельсовый путь, были изъяты из нашего распоряжения, то, на мой взгляд, такое соглашение не могло бы служить залогом прочного мира, а, напротив, заставило бы каждую из сторон по-прежнему относиться к намерениям другой с недоверием и опасением и истощать свои экономические силы на приготовления к новому вооружённому столкновению. То же самое имело бы место и в том случае, если бы мирный договор предоставил японскому правительству право держать в течение продолжительного времени свои военные силы после заключения мира в районе Китайской Восточной железной дороги, т. е. в пределах двух северных провинций Маньчжурии, ибо присутствие здесь японских войск не могло бы не служить постоянным поводом к возникновению между нами и Японией нежелательных недоразумений» (13).

Обтекаемые формулировки бюрократов легко переводятся на язык практической политики: дорога от Читы до Владивостока должна остаться нашей, поскольку она является не только крат-

чайшим, но и единственным путём между двумя стратегически важными городами Российской империи. А на то, что мы уже потеряли, можно закрыть глаза. Вите пришлось это сделать, но лично он пожертвовал только своим самолюбием. Миллионы государственных денег пришлось списать в безвозвратные потери. Успехом можно было считать лишь взаимное обязательство сторон «эксплуатировать принадлежащие им в Маньчжурии железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных, но никак не в целях стратегических». Южная ветка КВЖД перешла к японцам.

История с Сахалином не менее интересна и драматична. До русско-японской войны он был не только самой далекой, но, если так можно выразиться, самой гнилой окраиной Российской империи. Его знали, прежде всего, как каторгу для наиболее опасных преступников. Да и то знали немногие, пока побывавший там Антон Чехов не выпустил в 1893 г. нашумевшую книгу «Остров Сахалин». Ни стратегического, ни экономического значения острова никто толком не понимал. Зачем же он понадобился японцам? Для ответа на этот вопрос отступим на десять с небольшим лет назад.

В конце 1880-х и начале 1890-х годов в Японии получили большое распространение теории американского адмирала Альфреда Мэхэна о «влиянии морской силы на историю» (14). Опираясь на опыт мировых колониальных империй – Испании, Португалии, Нидерландов, затем Франции и Британии – Мэхэн сделал вывод, что путь к мировому господству лежит через контроль над важнейшими морскими путями, а его проще всего добиться, разбросав по всем океанам свои колониальные владения, пусть даже небольшие по площади. Удобные гавани, неприступные крепости с запасами угля, продовольствия и пресной воды для проходящих военных кораблей – вот залог успешной войны на море, которую флот Его или Её Величества мог вести за многие тысячи миль от метрополии. Японцы, жадно учившиеся у европейцев и американцев всему новому, с готовностью восприняли идеи Мэхэна. Разгромив в 1895 г. Китай, они именно по этой причине отобрали у него остров Тайвань, который был знаменит исключительно тропическими лихорадками. Местное, некитайское, население не

хотело менять одних пришлых хозяев на других и попыталось организовать сопротивление. Японские войска подавили его, потеряв двенадцать тысяч человек, но только пятьсот из них – в боях. Остальных унесли болезни, поэтому вслед за военными первыми на остров поехали врачи.

Сахалин был нужен японцам по соображениям престижа: они победили Россию, а значит, должны увеличить территорию своей империи – а также для упрочения господства на море. Правящим кругам Российской империи далёкий остров показался ненужным. В начале апреля 1905 г. группа американских предпринимателей предложила купить Сахалин за 85–90 млн. руб., поскольку его захват японцами считался делом близкого будущего. Однако, наместник Дальнего Востока генерал-адъютант Евгений Алексеев категорически выступил против. Вот что писал Ламздорфу о Сахалине этот императорский «вице-король», как его не без иронии называли в Петербурге:

«С точки зрения экономической, в случае перехода острова в американские руки не подлежит сомнению, что колоссальные естественные богатства его получат сильный толчок к развитию и что доходы с них, будучи капитализированы, значительно превысят вышеупомянутую сумму в 85–90 млн. руб. Так что, независимо от других соображений, самая цена, предлагаемая американцами, представляется ничтожной. Сверх того Сахалин в руках американцев обратится в могучую факторию (экономическая и торговая зона – *В.М.*), через посредство которой они не преминут поработить в экономическом отношении весь северо-восточный край, и никакими таможенными мерами мы не в силах будем остановить такого порабощения.

С точки зрения политической мы до сих пор имели на Дальнем Востоке в качестве ближайших соседей государства азиатские. В случае же перехода Сахалина в собственность американцев мы сразу приобретаем в лице правительства Соединенных Штатов, которое не преминет взять под своё покровительство упомянутых капиталистов, могучего соседа и возможного врага, который будет иметь законное право вмешательства и политического воздействия на все дела Дальнего Востока.

Наконец, в отношении стратегическом едва ли удобно представлять сильной военно-морской державе базу, которая даст ей господство на восточных берегах Азии, окончательно закрыв для всей Сибири и Приамурского края выход в океан.

В этом отношении нам легче, по ходу событий настоящей войны, примириться с тяжелою необходимостью перехода острова в руки Японии, от которой мы в будущем могли бы надеяться отвоевать его, чем соглашаться на уступку острова третьей державе, с которой нам воевать невозможно. По всем этим соображениям я вынужден признать продажу острова американским капиталистам совершенно невыгодною и нежелательною и полагал бы предпочтительным, ввиду неизбежности, переход его во владение Японии, в особенности если бы нам удалось при переговорах с нею придать такому владению временный характер и обставить его известными условиями» (15).

Возможно, именно это письмо начало готовить Николая к мысли об утрате острова или его части. В том же духе, уже во время переговоров в Портсмуте, высказался военный министр генерал Алексей Редигер, сменивший Сахарова. «От меня спешно требовалось заключение о военном значении Сахалина, – вспоминал он. – Мы обсудили этот вопрос и составили ответ в том смысле, что, при слабости нашего флота, собственное военное значение Сахалина ничтожно» (16).

Поначалу царь категорически отвергал мысль о передаче японцам хотя бы пяди русской земли, с легким сердцем отказавшись от претензий на влияние в Корее. Витте во всеуслышание заявил: «Народное чувство в России не может допустить утраты территории, которая долго находилась в законном и мирном владении (т. е. не была завоевана – *В.М.*) России; подобное событие создало бы в стране всеобщее негодование, мало способствующее делу умиротворения на Дальнем Востоке, к которому мы стремимся» (17). Тогда Комура предложил разделить Сахалин, с тем чтобы Россия выплатила Японии компенсацию за остающуюся у неё северную часть, согласившись не требовать выдачи интернированных русских кораблей и запрещения иметь на Тихом океане военный флот. Иными словами, японцы хотели получить и территорию, и деньги. Опытный финансист и политик

Витте увидел в этом завуалированный вариант контрибуции – по его мнению, для России лучше было бы отдать весь Сахалин, но ничего не платить – и поспешил «слить» американским газетчикам информацию о жадности противной стороны. «В случае разрыва все увидят, что Япония продолжает войну только ради денег, а совсем не из-за возвышенных мотивов, которые она выставляла сначала», – заметил один из них (18). Маневр удался, хотя и не в таком масштабе, как хотелось бы Сергею Юльевичу.

Президент Рузвельт через своего посла в Петербурге Джорджа Ленгерке-Мейера уговаривал Николая II примириться с потерей всего Сахалина, а в Портсмуте убеждал в этом Розена. Ради успеха переговоров Витте был готов пойти на удовлетворение японских требований, но советовал не оговаривать сумму возможной компенсации. Однако Россия оставалась самодержавной монархией, и последнее слово в любом вопросе было за царём. В итоге он решил отдать японцам южную часть острова, уже оккупированную ими, а северную, до пятидесятой параллели, оставить за собой и ничего не платить. Из Царского Села в Портсмут полетела личная телеграмма государя Витте – первая за всё время переговоров: «Её Величество и я искренне благодарим вас. Стойте крепко за землю русскую». Отступать было некуда.

И тут у Витте как будто сдали нервы. Сообщив Комура монаршую волю, он распорядился заготовить телеграмму в Петербург о неудаче переговоров, приступить к составлению меморандума об их ходе для передачи в прессу, расплатиться за гостиницу, сложить вещи и приготовиться к отъезду. Впрочем, всё это было сделано с таким расчётом, чтобы японцы узнали о «чемоданных настроениях» русской делегации. Комура попросил подождать два дня до получения им ответа из Токио, а затем попытался выпросить ещё один день. Но царь с несвойственной ему твердостью настоял на скорейшем завершении переговоров.

Твердость вкупе с готовностью к компромиссу сделала своё дело. Позже Витте вспоминал, что ночь перед решающим заседанием 29 августа он провел «в какой-то усталости, в кошмаре, в рыдании и молитве». В половине десятого утра началась конфиденциальная беседа глав делегаций, с глазу на глаз. «Часов в одиннадцать, – записывал Коростовец, – Витте вышел из зала со-

вещания; он был красен и улыбался. Остановившись среди комнаты, он взволнованным голосом сказал: “Ну, господа, мир, поздравляю, японцы уступили во всём”. Слова эти прорвали плотину светских условностей. Все заговорили вместе, перебивая друг друга, пожимали руки, обнимались. Витте поцеловал меня и некоторых моих товарищей. Довольны были все. Даже барон Розен, не сочувствовавший последнему компромиссу, утратил свойственное ему беспристрастие и улыбался, говоря: “Молодец, Сергей Юльевич!”» (19).

Только таким образом русская делегация узнала, что 28 августа совещание императора Мэйдзи, членов правительства, «государственных старейшин» *гэнро* и высшего командования постановило заключить мир без контрибуции. Решение было немедленно телеграфировано в Портсмут. Секретом осталось то, что тремя днями раньше американский банкир Якоб Шифф, один из главных кредиторов Токио, объявил японским уполномоченным: «К моему величайшему прискорбию, финансовые рынки США, Англии и Германии, по всей вероятности, не смогут больше соответствовать требованиям Японии и её стремлениям бесконечно продолжать войну» (20).

Общее заседание делегаций закрепило достигнутую договоренность, и эксперты приступили к выработке текста договора. Он был подписан 5 сентября в 15 часов 45 минут по местному времени. Витте и Комура пожали друг другу руки и обменялись речами.

«Заключение Портсмутского договора, – пишет А.В. Игнатьев, – может по справедливости считаться вершиной дипломатического искусства Витте. В очень неблагоприятной обстановке он сумел добиться столь необходимого и в то же время единственно приемлемого для царизма “почти благопристойного” мира. Было бы, разумеется, неверным отрицать наличие объективных предпосылок для окончания русско-японской войны. Без них мир представлялся невозможным. В то же время очевидны исключительные трудности, которые Витте с успехом преодолел и с которыми вряд ли справился бы более ординарный дипломат или государственный деятель... Думается, что секрет успеха Витте, помимо выдающихся личных качеств, заключался в ясном и ши-

роком понимании задач, позволявшем через все перипетии дипломатической борьбы вести целеустремленную линию на примирение. Гибкость сочеталась у него с умением в нужный момент проявить решимость и заставить противника поверить в неё» (21).

Многие обвиняли и до сих пор обвиняют Сергея Юльевича в «капитулянстве» перед японцами, хотя он отстоял почти все принципиально важные позиции, в том числе о неуплате контрибуции, а «отдал» только то, что и так уже находилось в руках противника, вроде южной части Сахалина или южной ветки КВЖД. Стоит прислушаться к авторитетному мнению Извольского, возглавившего внешнюю политику России меньше чем через год после описываемых событий: «Во время переговоров в Портсмуте он (Витте – *В.М.*) обнаружил не только исключительный талант как руководитель переговоров, но также твёрдость характера и самозабвение, которые не отличали его в другие периоды его деятельности... Он принял на себя все последствия и даже *odium*¹ договора, последовавшего в результате несчастной войны и неизбежно позорного для России; он обнаружил также моральную стойкость игнорировать указания из Петербурга, которые были часто противоречивыми и иногда носили печать неискренности; принял на себя всю ответственность за компромисс, более благоприятный, чем Россия могла бы ожидать, но всё-таки такой, который по самой природе своей мог вызвать по его адресу упрёки» (22).

Справедливость требует отдать должное и Комура, который добился несомненных успехов, постаравшись получить побольше и при этом не слишком злить «русского медведя». Однако соотечественники решили, что он привёз слишком мало трофеев. Находившийся в то время в японской столице французский журналист Людовик Нодо писал: «Ни одного флага. Ни одного “ура”. Молчание и смятение. Токио как будто в трауре. Столица узнавала постепенно одно за другим условия мира. Когда она узнала всё, она погрузилась в мрачное оцепенение. Она не может примириться с тем, что здесь называют плачевной реальностью». Ве-

¹ Антипатия, вызываемая чем-либо (лат.)

дущие газеты назвали договор «постыдным и унижительным». Вернувшийся домой Комура был встречен оскорбительными заявлениями и демонстрациями, которые в Токио и Иокогаме переросли в настоящий бунт: несколько человек было убито, больше тысячи ранено. С пьедестала сбросили статую крупнейшего государственного деятеля эпохи князя Ито Хиробуми, считавшегося русофилом. Выступления ультрапатриотов, которыми попытались воспользоваться социалисты, были жестко и оперативно подавлены властями, объявившими в столице чрезвычайное положение (23). Когда страсти улеглись, Комура получил титул маркиза. Интересно, что, министр предвидел подобный исход, ещё отправляясь на переговоры, куда его провожали овациями и восторженными криками «Банзай!». Улыбнувшись, он сказал одному из подчиненных: «Когда я вернусь, эти же люди превратятся в неуправляемую толпу, которая забрасает меня грязью, если не начнёт стрелять. Лучше уж насладиться их восторгами сейчас» (24).

В Петербурге волнений по поводу договора не было, хотя его критиковали и консервативное «Новое время», и либеральное «Слово». Не было и особой радости, но на бирже начался рост русских ценных бумаг. Николай II пожаловал Витте графский титул. Острословы немедленно окрестили Сергея Юльевича «графом Полусахалинским», однако народнический журнал «Русское богатство» одобрил решение расстаться с южной частью острова со своеобразной мотивировкой: из места каторги и ссылки Сахалин превратится в очаг культуры и процветания (25). Действительно, японцы вложили много сил и средств в его развитие, плодами которого сахалинцы пользуются и в наши дни.

14 октября 1905 г. договор был одновременно ратифицирован обоими императорами. 17 октября император Мэйдзи обратился к армии и флоту со словами благодарности, а 23 октября принимал военно-морской парад в Иокогаме. Россия переживала разгар революции. Витте ждало назначение на должность председателя Совета министров – настоящего «премьера». Японскими делами он больше не занимался.

Глава третья

ГОТО СИМПЭЙ И УСТАНОВЛЕНИЕ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Десятилетие после Портсмутского мира в истории российско-японских отношений долгое время относилось к числу наименее изученных. Советская историография акцентировала внимание на «межимпериалистических противоречиях» и неохотно говорила о позитивных сторонах (хотя в работах С.С. Григорцевича и Л.Н. Кутакова собран и введен в научный оборот ценный материал о них), поскольку психология «капиталистического окружения» в настоящем диктовала применение принципа «кругом враги» к событиям прошлого. Аргументы для такой трактовки существовали, ибо в русской прессе тех лет хватало японофобских статей, в японской – русофобских. Призрак новой войны маячил ещё несколько лет после Портсмутского мира, хотя трезвомыслящим людям было ясно, что никто ни на кого нападать не собирается. В Петербурге думали, как справиться с мощной волной оппозиционного движения, перешедшего в вооружённый бунт, и решить аграрный вопрос – главную причину возможного революционного взрыва. В Токио тоже хватало забот. «После войны Япония сосредоточит все усилия, – писал в декабре 1904 г. бельгийский посланник Альбер д'Анетан, – на восстановлении подорванных сил, оживлении промышленности, обустройстве Кореи и эксплуатации её ресурсов. Ни одна держава не будет более заинтересована в мире. И я знаю, что император, правительство и все японские государственные деятели прекрасно понимают, что для длительного сохранения мира нельзя ни угрожать имеющимся владениям и существующим интересам других держав, ни покушаться на них» (1).

Разговоры о войне велись, главным образом в корыстных интересах определённых групп. Японское военное министерство мотивировало «русской угрозой» необходимость увеличения выделяемого ему бюджета (ситуация повторится в 1930-е годы). Приамурский губернатор Унтербергер пугал царя, правительство и общественность записками о «японской угрозе» – отчасти для лучшего финансирования своей вотчины, отчасти для придания себе большего политического веса – пока его в решительных выражениях не отчитали премьер Пётр Столыпин и министр иностранных дел Александр Извольский¹ (2). Человеческая психология устроена таким образом, что легче завоевать популярность криками об опасности и призывами к бдительности, нежели кропотливой работой по созданию и укреплению добрососедских и союзнических отношений.

Есть и другие факты. В августе или сентябре 1909 г. японский посол в Петербурге Мотоно – впервые за три года пребывания в должности – испросил личной аудиенции у Николая II. Его слова произвели на царя настолько сильное впечатление, что он даже записал их: «Если бы они (японцы – *В.М.*) думали напасть на Россию, то почему не сделали этого до сих пор, когда вся морская граница, включая и крепость Владивосток, совершенно беззащитна; они прекрасно осведомлены, что мы не начали ещё самых основных работ... Его Величество государь имеет полную возможность вовсе не строить укреплений, поскольку Япония и не помышляет о каких-либо агрессивных действиях; вся цель его аудиенции заключается в том, чтобы сказать, что они осведомлены о тех тревожных донесениях, которые мы получаем с места, но эти сведения решительно ни на чём не основаны, только напрасно беспокоят нас и вселяют недоверие к ним, тогда как они желают лишь одного – закрепить наши взаимные отношения самым тесным и искренним сближением». «Меня не удивляет вовсе, – сказал Николай, прочитав эту запись министру финансов

¹ Записка Унтербергера «Серьёзность нашего положения на Дальнем Востоке» (17 октября 1909 г.) была отпечатана типографским способом и рассылалась, как говорили в советские времена, «по особому списку», причём таким образом, что содержание ее стало известно общественности, включая оппозиционные круги. Той же линии придерживался и его более осторожный преемник (с 1911 г.) Николай Гондатти.

Коковцову, – стремление японского посла убедить нас в миролюбии его правительства – это его прямая обязанность. Но меня просто поразило, до какой степени осведомлена Япония о положении Владивостока... Очевидно, это сущая правда, и лучшего аргумента в опровержение тревожных телеграмм Унтербергера нельзя было представить» (3).

Окончание войны не просто привело к нормализации отношений, но и разрядило напряженность в них. Ещё до подписания мира бельгийский посланник в Токио отмечал обоюдное желание сторон установить «не только нормальные, но дружественные отношения». Приведу всего два примера.

Павел Васкевич, член комиссии по проведению новой границы на Сахалине (не самое приятное поручение для русского дипломата!), на склоне лет вспоминал: «Работы по разграничению прошли гладко, при самых дружественных отношениях между её членами. Стоявший во главе комиссии с японской стороны полковник Осима (Кэнъити – *В.М.*)¹, впоследствии занимавший пост военного министра, всячески старался подчеркнуть, что всё прошлое должно быть забыто, что в будущем отношения между японцами и русскими должны зиждиться на тесной дружбе... По окончании работ по разграничению о. Сахалин, председатель комиссии и я были приглашены председателем японской комиссии полковником Осима в Токио в качестве гостей. Нам был устроен исключительно радушный приём. Нас познакомили с высшими государственными деятелями Японии, и от них мы только и слышали, что прошлое во взаимоотношениях России и Японии должно быть забыто и что между нами должны царить единение и дружба. На аудиенции, данной нам японским императором, его величество удостоил нас исключительного внимания, заговорив (непосредственно с нами, без переводчика – *В.М.*) по-японски, как исключение в отношении иностранцев, с которыми всегда разговоры велись с помощью японского переводчика². Конечно,

¹ Отец генерала Осима Хироси, будущего военного атташе и посла в Третьем рейхе.

² Точно так же поступил Гитлер на новогоднем банкете в рейхсканцелярии 12 января 1939 г., обратившись к советскому полпреду Мерекалову подчеркнuto любезно и без переводчика. Иностранцы наблюдатели единодушно восприняли это как знак изменения позиции фюрера в отношении СССР.

такое внимание не могло быть принято нами за наш личный счёт, а как внимание особое в отношении русских, с которыми должны царить мир и единение, что было отмечено также императором» (4).

Другой, более ранний, пример. Однажды в 1897 г. японский поверенный в делах в Петербурге Мотоно (будущий посол) пришёл к Роману Розену, будущему русскому посланнику в Токио, неформально поговорить о необходимости по-хорошему решить накопившиеся в двусторонних отношениях проблемы. Собеседники пришли к полному согласию, но, увы, не они делали политику своих стран. Девятнадцать лет спустя, на третьем году мировой войны и незадолго до революции, Розен напомнил Мотоно давнюю беседу. «Да, – ответил тот, – если бы тогда наши усилия увенчались успехом, мы вполне могли бы предотвратить войну между нашими странами. Хотя в конце концов, может быть, и лучше, что мы воевали. Мы как следует узнали друг друга!» Сказано это было без малейшей враждебности или легкомыслия (5).

России пришлось пойти на уступки Японии, но это не делало менее важной задачу освоения и развития Приамурья и Приморья. Напутствуя нового посланника в Токио Юрия Бахметева, только что назначенный министром Извольский указывал: «Такая программа деятельности требует продолжительного периода безусловно мирных и дружественных отношений с соседними державами. Нельзя работать плодотворно над развитием края, коему ежеминутно угрожает опасность войны. Отсюда вытекает необходимость для наших представителей в соседних странах Дальнего Востока, в особенности же в Японии, приложить все старания к поддержанию с ними самых дружественных и искренних добрососедских отношений».

Характеризуя эти инструкции, Л.Н. Кутаков писал: «Извольский считал, что “исходной точкой нового периода дипломатических отношений с Японией должен служить мирный договор, заключённый с ней в Портсмуте”. Он обращал внимание Бахметева на то, что договор намечает “лишь основные начала, причём некоторых пунктов наши уполномоченные не касались вовсе, дабы не усложнять дело, что другие весьма существенные вопросы затронуты в договоре лишь вскользь, общим образом”. Исходя из

этого, Извольский ставил задачу добиваться «смягчения невыгодных сторон трактата, заключённого после неудачной войны». Отмечая необходимость “принять во внимание создавшееся на Дальнем Востоке политическое положение”, инструкция предписывала также “путём систематического и весьма осторожного образа действий стараться извлечь возможную из этого положения выгоду”. Конкретные задачи, которые ставились царским правительством перед русским посланником в Японии, сводились к следующему: 1) изучить права и преимущества других держав, для того чтобы учесть это при заключении торгового договора; 2) поддерживать хотя бы с урезанными правами суверенитет Кореи; 3) в отношении Ляодунского полуострова, права на аренду которого перешли к Японии, инструкция указывала на желательность возвращения названной территории её собственнику – Китаю по истечении срока контракта (т. е. в 1923 г.), к чему должны быть направлены со всею осторожностью усилия как в Токио, так и в Пекине; 4) в отношении Южного Сахалина указывалось на желательность создания консульства в Корсаковском; 5) переговоры о рыболовстве должны быть начаты по инициативе Японии. Не только в открытых официальных выступлениях ряда политических деятелей, но и в сугубо внутренней секретной инструкции указывалось на необходимость проведения мирной политики в отношении Японии. Извольский высказывал надежду на то, что Япония “поверит в искренность желания России жить с нею в мире”».

Комментарии Кутакова к этому документу выглядят не столь убедительно: «Прекращение аренды Ляодунского полуострова и уход оттуда японских войск вполне отвечали задачам царизма обеспечить своё влияние в Маньчжурии (где оставалась КВЖД – *В.М.*). Сохранение, даже с ограниченными правами, суверенитета Кореи отвечало интересам безопасности России на Дальнем Востоке. Царизм видел в этом возможность противостоять дальнейшему укреплению японских позиций в этой стране. Пребывание японских войск в Корее создавало для Японии удобный плацдарм для нападения на русские дальневосточные владения и прежде всего на Владивосток. Учитывая слабость позиций царизма на Дальнем Востоке, его стремление к мирному урегулированию

имеющихся противоречий, японская дипломатия с середины 1906 г. начала активное наступление на Россию в целях расширения выгод, предоставленных ей Портсмутским мирным договором. Действия японской дипломатии поддерживались активными военными мероприятиями, носившими характер угроз в отношении России» (6).

Япония старалась в полной мере использовать имидж победителя, который мог оказать влияние на разрешение в её пользу ряда вопросов, оставшихся неурегулированными после Портсмутского мира: возмещение расходов на содержание военнопленных, где баланс был явно не в пользу России; компенсация сахалинским рыбопромышленникам, ранее занимавшимся промыслом на южном Сахалине; компенсация за имущество русских подданных, находившееся на территории арендованного Ляодунского полуострова. Кроме того, Япония могла рассчитывать на поддержку Англии и США. В то же время воевать с Россией она не могла и не собиралась, поскольку ей предстояло как минимум «переварить» новые территориальные приобретения и подготовить окончательную аннексию Кореи. В Петербурге могли не опасаться японской агрессии, несмотря на панические заклинания Унтербергера, но должны были понимать, что Корея и Ляодунский полуостров для России потеряны навсегда. Раз придя туда, японцы не уйдут, если не выбить их силой, на что потрясаемая внутренними беспорядками Россия была просто не способна. В 1909 г. некий высокопоставленный приамурский чиновник сказал английскому журналисту Эдварду Гаррисону: «Мы в Восточной Сибири слишком заняты своими домашними делами, чтобы забивать себе голову мыслями о новой войне» (7). Так что в военном отношении между двумя державами сложилась патовая ситуация.

В двусторонних отношениях осталось немало проблем, которые предстояло решать в рабочем порядке. Витте, Извольский и Кокцов сделали ставку на Европу, но для достижения своих целей нуждались в крепком и безопасном тыле. Поражение в войне, при всей его «знаковости», имело локальный характер; мощь и потенциал Российской империи оставалась огромными даже с поправкой на дестабилизирующий эффект революции,

к чему японцы приложили руку. В свою очередь, премьер Сайондзи и его министры иностранных дел Като Такааки и Хаяси Тадасу не считали Россию главным направлением своей политики и стремилась закрепить достигнутые в Портсмуте результаты путём «разрядки» отношений с вчерашним врагом, а потому почти не вмешивались в действия посланника Мотоно, радушно принятого на берегах Невы в марте 1906 г. Этот опытный дипломат и представитель Realpolitik понимал важность партнерских отношений с Петербургом для защиты интересов Японии и успешного осуществления экспансии в Азии. В годы войны в качестве посланника в Париже он прилагал усилия к международной изоляции России, после войны – к тому чтобы «сгладить существующие противоречия между двумя странами и обезопасить тем самым будущее «континентальное» развитие Японии от возможных потрясений» (8).

Пока речь шла не о союзе, но о достижении необходимого *modus vivendi*, прежде всего, по конкретным вопросам вроде демаркации границы, транзитного железнодорожного сообщения, распределения рыболовных участков и квот, компенсаций за нанесенный по каким-либо причинам ущерб. Именно такие проблемы чаще всего становились камнем преткновения между Токио и Петербургом (позже Москвой), причём обе стороны вели себя похожим образом: считали свои требования законными и обоснованными в противоположность незаконным и необоснованным требованиям другой стороны и подчёркивали, что достигли максимума уступок, на которые партнёр не ответил ни единым жестом доброй воли. Но как бы трудно ни складывалась ситуация в каждом случае, решение всегда находилось, потому что при любом режиме надо перевозить грузы и ловить рыбу. Более того, выход из трудной ситуации, как правило, улучшал двусторонние отношения в целом. Подписанный 28 (15) июля 1907 г. торговый договор содержал определённые уступки в сторону Японии, но талант дипломата заключается отнюдь не только в умении отнимать и делить. Договор проложил путь к политическому соглашению, а ведший переговоры о нём с Мотоно гофмейстер Николай Малевский-Малевиц годом позже был назначен послом в Токио. Биография этого «неяркого», но знающего своё

дело, дисциплинированного и эрудированного дипломата ещё ждёт своего исследователя.

Назначение Малевского-Малевича совпало с взаимным повышением статуса дипломатических миссий до уровня посольств в 1908 г., что Витте предлагал сделать ещё при послевоенном восстановлении отношений. Вернувшись из Портсмута, он говорил Ламздорфу: «Необходимо в Японию послать не посланника, а посла, показав тем, что Россия придает особую важность сношениям с Японией и трактует её как великую державу, что, несомненно, подействует успокоительно и благоприятно на самолюбие японцев. Граф Ламздорф мне сказал, что государь полагает назначить туда Бахметева. Я отнесся очень отрицательно к этому назначению, так как Бахметев никогда не занимался вопросами Дальнего Востока, не имеет об этой области дипломатии никакого понятия и, кроме того, насколько я слышал, человек вздорного характера... Граф Ламздорф мне сказал, что... государь что-то очень желает, чтобы туда был назначен Бахметев, и вряд ли ему, Ламздорфу, удастся переменить это решение». «Вероятно, я сделаю так, что Бахметев будет назначен посланником, а когда решится вопрос о назначении посла, то тогда я выставлю кандидата, более соответствующего», – записал Витте слова собеседника (9).

В Токио об отъезде Бахметева, удивленного, что послом назначили не его (Мотоно остался на своём посту с повышением ранга), не жалели, зато Малевского-Малевича встретили с симпатией. «Назначение посла, который раньше не занимал важных постов за границей, а в министерстве занимался консульской службой, показывает, что русское правительство не намерено создавать политических трудностей, но хочет поддерживать самые сердечные отношения с Японией». Комментируя в том же письме слухи о назначении «авантюристически» настроенного Бахметева в Вену или Рим, бельгийский посланник д'Анетан предсказывал активизацию русской политики в Турции и на Балканах, что соответствовало курсу Извольского (10). Однако бывший посланник в Токио отправился в Вашингтон на смену Розену.

Уже осенью 1905 г. Витте настаивал: «для того, чтобы установить более или менее прочные отношения с Японией, нельзя ограничиваться Портсмутским договором, нужно пойти далее и ус-

тановить entente cordiale¹ с этой державой, род союзного, но, конечно, ограниченного договора». 10 февраля (28 января) 1907 г. Извольский представил Николаю II записку о встрече с Мотоно, состоявшейся пятью днями ранее. Министр «высказал мысль о желательности общего соглашения между Россией и Японией, могущего прочно обеспечить мирное развитие взаимных отношений обеих держав». Японский посланник выразил «готовность обсудить всякое конкретное предложение, которое будет ему сделано правительством по этому поводу». Царь коротко написал на полях: «Очень рад» (11).

В этих переговорах русское правительство находилось в «положении обороняющегося», как говорилось в одной из справок МИД. За полный отказ от Кореи и Южной Маньчжурии оно хотело гарантий преимущественного положения в Северной Маньчжурии и Монголии, в которой всё более активно, хотя и неофициально действовали японцы. На их стороне были преимущества, которыми не обладали русские: расовая близость, знание языка, географии и условий жизни, понимание менталитета местных жителей. Россия уступила, согласившись провести границу сфер влияния по реке Сунгари. В Портсмуте Витте такое предложение отверг, поскольку в японской «зоне» оказывалось более 120 верст русской железной дороги. 27 (14) июня 1907 г. особое совещание² обсуждало окончательный проект соглашения. Ратуя за его одобрение, Извольский указывал, что «договор этот укрепит положение России тем более, что он является лишь одним звеном в сети соглашений (с Англией и Францией), которое, по существу, не может не служить весьма серьезным сдерживающим элементом для возможной экспансионистской политики Японии». Министр финансов Кокцов и военный министр Редигер признали линию по Сунгари невыгодной для России, но склонились в пользу

¹ Сердечное согласие (франц.)

² Особые совещания созывались по приказу императора для обсуждения важных конкретных вопросов. В них принимали участие официальные лица: великие князья, министры, заместители министров, иногда начальники департаментов – занимавшиеся данным вопросом. Журнал (протокол) совещания представлялся царю, который утверждал предложенные меры или, что реже, выносил иное решение.

предложенного проекта соглашения. «За отсутствием такового, – говорил Редигер, – Япония, пользуясь свободой действий, может предпринять, например, в области железнодорожного строительства ряд мер, направленных прямо против безопасности и прочности нашего положения на Дальнем Востоке». «Все шансы победы, даже на севере, склоняются в пользу Японии», – сделал вывод Извольский. Был решен и вопрос с железной дорогой: «Если путём отказа от некоторых своих прав на протяжении 130 вёрст пути мы застрахуем себя от подобной опасности, – заявил военный министр, – то жертву эту следует признать совсем небольшой» (12). Исходя из тех же соображений, русское правительство одобрило и японско-корейское соглашение 11 июля 1907 г., по которому вся власть в стране фактически переходила в руки генерального резидента Ито Хиробуми. В Петербурге окончательно поняли, что Корея – «отрезанный ломоть».

Общеполитическая конвенция между Россией и Японией, подтверждавшая статьи Портсмутского договора в качестве основы для дальнейших двусторонних отношений, была подписана 30 (17) июля 1907 г. в Петербурге Извольским и Мотоно. Секретное соглашение зафиксировало раздел сфер влияния в Маньчжурии по Сунгари, японский контроль над Кореей и «специальные интересы» России во Внешней Монголии. Советские историки ставили сделанные уступки в вину Извольскому и «царской дипломатии» в целом, парадоксальным образом повторяя утверждения чёрносотенных публицистов старого времени. Между тем положение, сложившееся на Дальнем Востоке по итогам конвенции 1907 г., укладывалось в сценарий, который ещё во время японско-китайской войны 1894–1895 гг. предлагал тогдашний начальник Главного штаба генерал Николай Обручев.

Признавая не только военную мощь Японии, но и её потенциальную опасность для России, «русский Мольтке» считал необходимым «мирно, без войны» договориться с ней о разделе сфер влияния в Маньчжурии и в Корее, которая ещё не была под японским контролем, и категорически выступал против союза с Китаем. «По мнению Обручева, ценой уступки Японии Южной Маньчжурии и стратегически важных портов Ляодунского полуострова Россия могла и должна была приобрести бассейн Сунгари, а при-

зная за японцами право протектората над Кореей, исправить русско-корейскую границу за счёт северных областей Страны утренней свежести... Начальник Главного штаба сформулировал весьма амбициозную программу изменения границ России за счёт китайской Северной Маньчжурии – провинций Гири и Хэйлунцзян, а также части Северной Кореи. Аннексия этих территорий, полагал Обручев, позволила бы сократить протяженность границы с Китаем почти на 2000 верст (фактически по линии КВЖД – *В.М.*) и помогла бы создать в бассейне реки Сунгари “сильную Русскую провинцию” – экономическую и стратегическую основу могущества России на Дальнем Востоке... России следовало не пытаться силовым давлением лишить японцев плодов их побед в Корее и Китае, а вступить в соглашение со Страной восходящего солнца и добиться территориальных компенсаций, которые существенно укрепили бы стратегическое положение России». Эту программу «потопил» Витте. Анализируя судьбу проектов Обручева, историк В.Б. Каширин сделал вывод: «Развернув перед императором блестящую картину будущего “мирного проникновения” России в китайские земли, министр финансов убедил его в необходимости добиваться, *даже с риском войны* (выделено мной – *В.М.*), удаления японцев из Южной Маньчжурии. Витте был сторонником железнодорожной и экономической экспансии в Китае, позволявшей его ведомству и ему лично играть главную роль в дальневосточных делах империи. Однако, строительство железных дорог в Маньчжурии и проникновение к Желтому морю, не имевшее под собой основы в виде военного и военно-морского могущества России на Дальнем Востоке, было авантюрой. Б.А. Романов убедительно доказал, что захват Ляодуна стал прямым и естественным следствием политики Витте, хотя тот впоследствии старался всеми силами доказать свою непричастность к этим действиям. Осуществление этого курса сделало войну с Японией не только неизбежной, но и очень близкой» (13).

За успешное завершение переговоров 1907 г. Мотоно и сменивший его в Париже Курино Синъитиро, бывший посланник в Петербурге, получили баронские титулы, министр иностранных дел Хаяси – графский. Япония добилась многого, но сумела сде-

вать это, не вызвав антагонизма ни у русского правительства, ни у общественности (алармисты были, есть и будут). Конвенция и сопровождающие её документы положили конец «послевоенному» состоянию отношений, в которых мирный договор урегулировал далеко не все проблемы. Теперь можно было жить нормально, как подобает соседям.

По условиям Портсмутского мира Россия передала Японии права на аренду Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним и Южную ветку КВЖД длиной 941 км, которая получила название Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД; известна также под сокращенным японским названием Мантэцу). Правящие круги Токио видели в ней плацдарм для расширения военного и экономического присутствия на континенте, а потому стремились создать для неё максимально благоприятные условия. Секретный протокол к Пекинскому договору с Китаем (22 декабря 1905 г.), закрепившему переход к Японии всех бывших прав и владений России в Южной Маньчжурии, содержал обязательство Китая не строить железных дорог параллельно ЮМЖД или боковых линий, которые могли бы нанести ей экономический ущерб.

В Токио сразу же выявились разногласия по вопросу о том, что делать на континенте. Премьер Кацура, министр иностранных дел Комура и начальник штаба Маньчжурской армии генерал Кодама Гэнтаро высказались в пользу интенсивной колонизации. Сайондзи и Като, преемники Кацура и Комура после смены кабинета в январе 1906 г., заняли более умеренную позицию, как и военный министр генерал Тэраути Масатакэ. «Государственный старейшина» Ито был решительно против активной политики в Маньчжурии, напомнив, что это китайская, а не японская территория (14). На одном из совещаний он сделал замечание Кодама, рассуждавшему об «управлении Маньчжурией» со ссылкой на то, что к Японии якобы перешли права суверенитета над ней. Премьер попытался примирить их, но поставил во главе специальной группы по маньчжурским проблемам именно Кодама. 1 августа 1906 г. появился императорский указ о создании Квантунского генерал-губернаторства, включившего арендованную территорию на Ляодунском полуострове и полосу отчуждения ЮМЖД. Губернатор – генерал на действительной службе –

получал обширные полномочия: командование расположенными там воинскими частями, полицейскую власть, руководство гражданской администрацией и контроль над деятельностью акционерной компании ЮМЖД, созданной 7 июня того же года. Он назначался императором по представлению кабинета, подчинялся премьеру в политических вопросах и министру иностранных дел – в дипломатических.

Первым президентом компании стал сорокадевятилетний Гото Симпэй, на протяжении восьми лет бывший ближайшим помощником Кодама на посту гражданского губернатора Тайваня и получивший за эту службу титул барона. Сын врача из префектуры Иватэ на севере Хонсю, он продолжил дело отца и принял «боевое крещение» во время подавления Сацумского восстания самураев против токийского правительства в 1877 г. Через пять лет случай столкнул молодого врача с миром большой политики. 6 апреля 1882 г. глава Либеральной партии Итагаки Тайсукэ, один из лидеров мэйдзийских преобразований, ставший трибуном оппозиции, был ранен после выступления в городе Гифу. Его слова «Итагаки может умереть, но свобода – никогда!» вошли в историю, хотя есть основания сомневаться в том, что они были произнесены на самом деле. Местные доктора, зная, что здешний губернатор принадлежит к противникам Итагаки, отказались лечить его. Тогда на помощь пришёл Гото. Итагаки выздоровел и вернулся к политической деятельности. В 1889–1892 гг. Гото учился в Германии и получил степень доктора медицины, а по возвращении поступил на службу в Министерство внутренних дел, где руководил отделением общественной гигиены (санитарно-эпидемиологическая служба). Победа над тайваньскими эпидемиями стала началом его карьерного взлёта (15).

Поначалу Гото отказался от поста президента ЮМЖД, желая получить такую же свободу действий, какой он пользовался на Тайване, и предложил поставить во главе компании какого-нибудь генерала, чтобы избежать конфликтов с армией. Решительный разговор состоялся 22 июля 1906 г., и в ту же ночь Кодама скоропостижно скончался. Испытывая пиетет к покойному, Гото принял назначение и 13 ноября официально вступил в должность. Как практик «научной колонизации» он воспринял новую работу как руководство не столько самой железной дорогой, сколько бу-

дущим освоением прилегающей территории. После длительных переговоров с премьером Сайондзи, членами кабинета и представителями военных кругов Гото добился от кантонного генерал-губернатора Осима Ёсимаса гарантий – что тот не будет вмешиваться в управление железной дорогой, кроме военного времени, – и права голоса для себя в вопросах, связанных с управлением арендованной территорией. Осима и Гото также попытались взять под контроль японских консулов в Маньчжурии, но натолкнулись на сопротивление министра иностранных дел Хаяси, сменившего Като. В качестве компромисса консулов обязали информировать о своих действиях не только МИД, но и управление генерал-губернатора, где был создан отдел внешних сношений. Его первым начальником стал молодой дипломат Мацуока Ёсукэ, впоследствии президент ЮМЖД и министр иностранных дел, подписавший 14 апреля 1941 г. в Кремле советско-японский Пакт о нейтралитете.

Японцы гордились Мантэцу, не упуская случая сравнить свои показатели с теми, которые были у их русских предшественников до войны. Напоминая о высоких прибылях, они называли ЮМЖД «более коммерческим» предприятием, чем КВЖД, в которой видели исключительно орудие военно-политической экспансии. Однако подлинные цели обеих компаний были схожими, а степень контроля государства над Мантэцу не только не меньше, но порой намного больше. Японцы сознательно преуменьшали роль КВЖД в освоении Маньчжурии, хотя именно Россия вложила силы и средства на начальном, наиболее трудном и неприбыльном этапе строительства дороги. «Русские принесли в Маньчжурию деньги, японцы привели сюда бизнес», – такова была расхожая оценка современников. Дайрен и Порт-Артур ещё не один год внешне оставались русскими городами, выгодно отличаясь от китайских. Японцы реконструировали и модернизировали их, но «нулевой цикл», на котором возводилось последующее великолепие, достался им в готовом виде.

В качестве президента ЮМЖД Гото сразу же начал контакты с Россией, в которой видел не столько вечного врага и конкурента, сколько потенциального партнера в экономическом освоении Маньчжурии и союзника в противостоянии экспансии других

держав. Его «континенталистские» идеи, которые можно назвать евразийскими, окончательно оформились под воздействием уроков русско-японской войны. Прагматик Гото пришёл к выводу, что для обеспечения политической, экономической и военной безопасности Японии необходимо сочетать укрепление позиций на материке – прежде всего, экономических, в силу её зависимости от природных ресурсов Китая и Кореи – и сотрудничество с Россией на основе принципа раздела сфер влияния, чтобы предотвратить возможные конфликты в будущем (16). Портсмутский мир создал условия для дальнейшей эволюции двусторонних отношений в сторону согласия и сотрудничества: он не решил и не мог решить всех имевшихся проблем, но создал благоприятные условия для их урегулирования по взаимному согласию. Именно в российско-японском согласии и партнерстве Гото видел гарантию политической стабильности в регионе, которая была необходимым условием его освоения и развития. Именно в союзе с Россией он видел возможность успешно противостоять не только европейской, но и американской экспансии в Китае, прикрывавшейся лозунгами «открытых дверей» и «равных возможностей» («доктрина Хэя»). По замечанию Л.Н. Кутакова, «перед Японией стоял вопрос о выборе дальнейшего пути: вместе с Россией против США или вместе с США против России. Гото лучше, чем кто-либо другой, видел, что последний путь неприемлем для японских капиталистов. Этот путь означал подчинение Японии гораздо более мощному и агрессивному американскому империализму. Сближение с Россией не создавало такой угрозы» (17).

13 июня (31 мая) 1907 г. были подписаны временная конвенция о соединении русских и японских железных дорог в Маньчжурии и протокол, по которому станция Куаньченцзы (по ней прошло разделение линий) отходила к России, но та выплачивала Японии 560 тысяч рублей компенсации, поскольку права сторон в отношении станции были признаны равными. Россия пошла на затраты, зато ей не пришлось сооружать новый железнодорожный узел. Однако по русско-японской общеполитической конвенции 1907 г. разграничение сфер влияния в Маньчжурии проходило по реке Сунгари, поэтому ветка Харбин–Куаньченцзы оказалась на «японской» территории.

Гото стал агитировать за партнерство с Россией и попытался привлечь к нему Ито – наиболее прорусски настроенного *гэнро*, покровительством которого он пользовался и дорожил. Сначала он хотел устроить встречу Ито с Коковцовым, чтобы обсудить проблемы двусторонних экономических и торговых отношений в стороне от посольской рутины. Однако обойтись без дипломатов было нельзя, и Гото обратился к Бахметеву, который 15 (2) ноября 1907 г. писал своему шефу Извольскому: «Энергичный и влиятельный управляющий Маньчжурской железной дорогой с самого начала нашего знакомства неоднократно говорил мне о своём стремлении развить сношения между Россией и Японией на той почве, которая, по его мнению, представляет наибольшие залогов успеха, – на чисто практических основах обмена товаров и создания обоюдного торгового доверия. Недавно состоявшееся соглашение (торговый договор и рыболовная конвенция, подписанные 28 (15) июля 1907 г. – *В.М.*) облегчает ему этот нелегкий и до сих пор мало торный путь, и он убеждён, что это соглашение может быть разработано именно на том деле, которым он руководит; вследствие этого он желал бы без потери времени доказать, что наше сближение, так радостно принятое в Японии, есть не только чисто политический уговор, но может послужить основой для установления более практических, специальных связей, обоюдных интересов» (18).

В качестве первого шага Гото предложил разместить в России заказ на рельсы – сначала для ЮМЖД, потом, если дело пойдет на лад, для всех казенных железных дорог. Производство рельсов в Японии началось только в 1901 г. и покрывало меньше половины потребностей страны. Гото сообщил, что сначала намерен послать в Россию своих людей для сбора информации, а в феврале 1908 г. поедет туда сам и «предполагает пробыть недели две в Москве и месяца два-три в Санкт-Петербурге». При этом он особо просил посланника держать их разговор в строжайшей тайне даже от собственной канцелярии (Бахметев просьбу исполнил и послал министру личное письмо, написанное от руки), чтобы об этом раньше времени не узнали ни русские заводчики, которые могли завянуть цены, ни тем более конкуренты-иностранцы – в Лондоне, Берлине и Вашингтоне.

Документы показывают, что Гото обратился с этим предложением к Бахметеву не по своей инициативе, – встречу организовал агент российского Министерства финансов в Токио Григорий Виленкин. 15 (2) октября, за месяц до письма Бахметева, он докладывал Коковцову: «Находя, что теперь представляется наиболее удобный момент для поощрения нашего вывоза в Японию, я полагал, что было бы полезно обратить на этот факт внимание японских государственных людей, имеющих известное соприкосновение с Россией, и мой выбор остановился на бароне Гото... С момента назначения на пост президента Южно-Маньчжурской дороги он всячески старается выказать своё к нам расположение. В частном разговоре с бароном Гото я, отдавая должное заключённым договорам, между прочим заметил, что истинное значение их оба государства сумеют оценить лишь тогда, когда они будут проведены в практическую жизнь и когда оба государства убедятся в выгоды оных для обеих сторон... Если же торговые сношения ограничатся одним лишь ввозом японских товаров в Россию, то трудно ожидать, чтобы они имели широкую будущность; необходимо позаботиться и о ввозе русских товаров в Японию, и в этом отношении он в качестве президента Южно-Маньчжурской дороги мог бы много содействовать ввозу из России в Японию».

Отметив активизацию японского железнодорожного строительства на континенте, Виленкин писал: «На постройку означенных линий потребуется большое количество рельс, и ему (Гото – *В.М.*) теперь представляется удобный случай вязать непосредственные торговые сношения с Россией и параллельно с заказами американским и английским заводам дать часть заказов русским рельсопрокатным заводам, которые выполняют заказ не хуже иностранных заводов. На это барон Гото возразил, что он вполне разделяет высказанные мною взгляды на необходимость обоюдности выгод при развитии торговых сношений, и при этом добавил, что он не имеет понятия о том, что русские заводы могут конкурировать с американскими и английскими, и просил меня дать ему имеющиеся у меня данные о русских заводах, которыми я его снабдил, и обещал дать ответ через несколько дней. Вчера он сообщил мне, что он выслушал мнение некоторых членов

“гэнро” по этому предмету и они с ним вполне солидарны, и потому он решил приехать в Россию в конце февраля, чтобы лично ознакомиться с нашими заводами и, если условия подойдут, дать им заказы на доставку рельс как для Южно-Маньчжурской дороги, так и для японских казенных железных дорог; при этом он просил меня держать этот факт по возможности в тайне до его приезда в Россию, так как иначе это может стать достоянием иностранной прессы. Барон Гото, по-видимому, находится, под свежим впечатлением нападок английской прессы и английских заводчиков, упрекавших Японию в том, что последний заем для Южно-Маньчжурской дороги она реализовала в Англии, вырученные же по займу деньги она истратила в Соединенных Штатах, отдав почти весь последний заказ американским заводчикам» (19).

«Барону Гото стоило немало трудов, – пояснял Бахметев Извольскому 15 (2) ноября 1907 г., – чтобы превозмочь предрассудки некоторых членов гэнро – как-то Ямагата и Кацура – но он, наконец, успел заручиться их согласием – несмотря на то, что англичане, на основании союза, считают, что имеют право монополизировать все подобные заказы или, по крайней мере, не допускать их в других странах без своего одобрения». С англичанами всё понятно: они считали, что в 1902 г. «снизошли» до союза с Японией, а потому та не должна ничего делать без их ведома и одобрения, тем более поддерживать Россию государственными заказами. Приглядывались к Маньчжурии и американцы. Бывшие премьеры маршал Ямагата Аритомо и генерал Кацура упомянуты не столько как противники России, которых надо было особо убеждать в пользу хороших отношений с ней, сколько как влиятельные «континенталисты», от которых зависел будущий успех. Курс Гото они поддержали.

Заслуживает внимания заключительная часть письма: «С Гото и Японии, и всем имеющим дело с ней надолго придется считаться; он теперь выставляет себя только духовным наследником Руссофильской политики Князя Ито – но несомненно метит ему и в политические преемники, когда первый Государственный человек Японии сойдет со сцены». Здесь посланник был безусловно прав, но Ито оставил этот мир слишком рано, и Гото некоторое время пришлось довольствоваться ролью «правой руки» Кацура.

Коковцов заинтересовался японскими предложениями, о которых узнал от Извольского. Из-за болезни Гото не смог приехать в Россию в начале 1908 г., как поначалу планировал, но от намеренного не отказался. «Личность барона Гото, его ум и энергия, – сообщил Бахметев министру 17 (4) апреля 1908 г., когда вопрос о поездке был решен, – выказанные им во время службы на Формозе в качестве помощника по гражданской части генерал-губернатора и составившие ему весьма лестную репутацию, делают его одним из самых влиятельных японских политических деятелей в вопросах, касающихся Маньчжурии. Я убежден поэтому, что из посещения бароном Гото Санкт-Петербурга мы можем извлечь весьма существенную пользу как для интересов Китайской Восточной железной дороги и русского дела в Маньчжурии, так и для дальнейшего закрепления тех сношений с Японией, которые создались для нас заключением с нею политического соглашения, торгового договора и рыболовной конвенции» (20).

16 (3) апреля Коковцов писал министру путей сообщения Николаю Шаффгаузен-Шенберг-эк-Шауфусу (бумаги он подписывал просто «Шауфус»): «При посещении в минувшем году Высочайше командированным на Дальний Восток тайным советником Шиповым Японии, ему был оказан там особенно любезный приём, несмотря на то, что он ездил в эту страну в качестве частного лица. Помимо дружественных России демонстраций, целого ряда банкетов в его честь и т. д., было обращено особое внимание и на обеспечение ему со спутниками удобного проезда по железным дорогам как в Японии, так и в Южной Маньчжурии... Имея в виду, что барон Гото является первым японцем с высоким общественным положением, посещающим Россию после поездки тайного советника Шипова в Японию, и принимая во внимание значение, которым г. Гото пользуется в своём отечестве, – я с своей стороны полагал бы, что нам необходимо отнестись к нему также с возможной любезностью, соответствующей как дружбе, существующей между Россией и Японией, так и добрососедским отношениям между нашей и японской линиями в Маньчжурии. Озабочиваясь в виду этого обеспечением барону Гото наиболее удобного проезда в Петербург, я поручил Правлению Общества Китайской Восточной железной дороги предоставить барону Гото

с спутниками служебный вагон дороги от Куаньченцзы, а равно оказать сему лицу при его проезде по дороге полное внимание и предупредительность. Вместе с тем, считаю долгом обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой не отказать выразить согласие на пропуск помянутого вагона до Санкт-Петербурга со скорым поездом, отходящим из Харбина» (21).

В ноябре 1907 г. в Японии с частным визитом побывал бывший министр финансов, а до того участник переговоров в Портсмуте, Иван Шипов. Его встречали не только тепло, но и с почестями, включая аудиенцию у императора. Президента Мантэцу решили принять не хуже. Шипов «общался преимущественно с деловыми людьми и банкирами, – сообщил 7 декабря из Токио бельгийский посланник д'Анетан, – несколько раз публично выражал восхищение успехами Японии и сожалел, что между двумя странами не ведутся более серьёзные дела. Он говорил, что цель его поездки – расширение сферы взаимных интересов. Насколько реальны великолепные отношения, существующие сегодня между Россией и Японией и урегулированные столь быстро, как долго они продлятся? Японское правительство верит русским заверениям. С этой стороны оно не боится новой агрессии, стоящей много крови и денег. Не знаю, на каких соглашениях основывается доверие императорского (японского – *В.М.*) правительства, но самый надежный источник свидетельствует, что такое доверие существует» (22). Итоги визита были положительно оценены и в Петербурге: Шипова даже рассматривали в качестве возможного преемника Бахметева, недостаточной активной работой которого российское Министерство иностранных дел было недоволено.

Гото выехал из Токио 21 апреля 1908 г. и 13 мая (30 апреля) прибыл в Петербург. В столице Российской империи он встретился со Столыпниным, Коковцовым, Извольским и Шауфусом, обсуждая с ними перспективы развития двусторонних отношений, а также посетил Государственный банк, Экспедицию заготовления государственных бумаг и два вагоностроительных завода в Риге. 18 (5) мая в два часа дня он был принят императором Николаем II в Царском Селе, а позже получил от него орден Белого Орла. Президент Мантэцу, ценивший слова, но предпочитавший им дела, приехал не с пустыми руками. 21 (8) апреля

Извольский – в преддверии его приезда – уведомил Коковцова о сообщении консула в Дайрене Николая Роспопова: «японцы убедились в невыгодности резкого противодействия иностранной предпринимательской деятельности в Южной Маньчжурии и обнаруживают готовность идти на известные уступки... Для нас такая тенденция Японии представляет некоторое значение, так как даёт нам возможность проникнуть в закрытые доселе южно-маньчжурские рынки, хотя... главные выгоды выпадут при этом на долю японцев» (23).

Подробности переговоров не были преданы гласности, а потому вызвали оживленные толки в прессе. Главным предметом спекуляций был вопрос о возможной продаже ветки Харбин–Куаньченцзы, ежегодно приносившей 17 миллионов рублей убытка. Газеты на все лады повторяли внушительную цифру. «Продажу этого участка, рассматривая её с финансовой стороны, – писала петербургская «Русь», – можно только приветствовать, но едва ли это явится благоразумным с точки зрения нашей дальневосточной политики». «С стратегической точки зрения, – вторил ей «Голос Москвы», – пока у нас нет Амурской дороги, такая продажа явилась бы верхом необдуманности» (24). Беспokoились и за границей. Генеральный консул в Мукдене Александр Грушецкий 29 (16) апреля телеграфировал в МИД: «Если действительно существует предположение о продаже этой линии, то Китай охотно купил бы её... (По мнению китайцев – *В.М.*) покупка линии Японией, равно как и притязания её на Цзяндао, имеют общее стратегическое значение – приблизиться к нашим коммуникационным линиям с Владивостоком и Приамурским краем» (25). Извольский переслал Коковцову телеграмму вместе с несколькими донесениями аналогичного содержания, попросив коллегу определить свою позицию, «так как по отбытии барона Гото вопрос о железной дороге, несомненно, утратит в глазах китайцев свою остроту» (26). 7 мая (24 апреля) министр финансов чётко отвечал: «Указанный слух едва ли имеет какое-либо основание. Но во всяком случае, я, с своей стороны, имею в виду при предстоящих объяснениях с Бароном Гото категорически устранить самое предположение о том, что мы считаем допустимой уступку *кому бы то ни было* (выделено мной – *В.М.*) линии Харбин–Куаньчен-

цзы» (27). Извольский тоже придерживался такой политики. Продавать дорогу не стали, хотя судьба ветки, которую японцы настойчиво хотели купить, а потом получить в качестве благодарности за помощь в годы Первой мировой войны, обсуждалась в обеих столицах вплоть до большевистской революции.

Съездил Гото в Россию не зря. И дело даже не в успешном размещении заказа на рельсы, хотя этот факт не прошёл мимо внимания дипломатов и бизнесменов в Токио. Он лично познакомился с русскими министрами и многими влиятельными людьми. Как деловой – во всех смыслах этого слова – человек, Гото не слишком доверял дипломатическим каналам, предпочитая прямые контакты с сильными мира сего, как дома, так и за границей.

19 (6) мая 1908 г. правление КВЖД и Русско-Китайский банк дали обед в честь гостя в одном из лучших ресторанов Петербурга – у Эрнеста на Каменноостровском проспекте. Список участников показывает, что на встречу с Гото собрался весь «цвет» чиновной и деловой России, начиная с бывшего премьера графа Витте и действующего – Столыпина. Внешнеполитическое ведомство представляли: министр Александр Извольский; товарищ министра Николай Чарыков; гофмейстер Николай Малевский-Малевич, только что назначенный послом в Токио; бывший секретарь русской делегации в Портсмуте Иван Коростовец; маститый юрист, знаток международного права Федор Мартенс и не менее известный историк-архивист Сергей Богоявленский. От Министерства финансов были: министр Владимир Коковцов; специальный агент в Японии Григорий Виленкин; директор Кредитной канцелярии Леонид Давыдов. От Министерства торговли и промышленности присутствовали одиннадцать человек, включая министра Ивана Шипова и его заместителя, известного ученого-химика Дмитрия Коновалова. Пришли министр путей сообщения Николай Шауфус, управляющий Государственным банком Сергей Тимашев, заместитель председателя правления Общества КВЖД Александр Вентцель. Не менее внушительно был представлен на встрече и частный бизнес. Почти все – члены Государственного совета «от торговли и промышленности», куда были введены в 1906 г. Товарищ председателя Совета съездов предста-

вителей биржевой торговли и сельского хозяйства, бывший крупный чиновник Василий Тимирязев. Председатель Совета съездов предпринимателей России Николай Авдаков. Председатель Московского биржевого комитета Григорий Крестовников. Председатель Комитета Санкт-Петербургской биржи Алексей Прозоров. Председатель петербургского Общества для содействия развитию фабрично-заводской промышленности Станислав Глезмер. Директор-распорядитель Русско-Китайского банка Алексей Путилов. По непонятной причине в списке нет князя Эспера Ухтомского, председателя правления того же банка. Государственную Думу представляли шесть человек во главе с двумя самыми влиятельными октябристами – председателем комиссии обороны Александром Гучковым и председателем бюджетной комиссии Михаилом Алексеенко. Были приглашены, но по каким-то причинам не явились бывший генеральный консул в Сеуле Георгий Плансон, товарищ министра финансов Николай Покровский, главноуправляющий землеустройством и земледелием князь Борис Васильчиков, банкир Александр Вышнеградский и приамурский генерал-губернатор Павел Унтербергер (28).

Произносились речи, провозглашались тосты. Ответ Гото, опубликованный в «Санкт-Петербургских ведомостях» 21 (8) мая, не только выходит за пределы обычных светских любезностей, но и заслуживает особого внимания:

«Несмотря на то, что географическое положение России и Японии уже по самой своей природе показывает, что оба государства должны придти к тесному сближению, до сих пор, из-за отсутствия путей сообщения, оба государства не могли достичь этой цели. Теперь же, благодаря могущественной России, прямое и быстрое сообщение между Европой и Азией устроено. Время тесного сближения обоих государств уже наступило, и ещё один шаг – обе соседние нации должны пойти от души рука об руку. Это послужит не только для блага обоих народов, но и для блага всех наций. Кроме того, совершенно естественно, что мы, неопытные в международных железнодорожных сообщениях, должны учиться у России, опытной и талантливой в этом деле. Очень любезный и сердечный ваш приём показывает, что Россия как великая держава желает развития всемирного блага и не жалеет своих

трудов, чтобы учить нас. Но, само собою разумеется, господа, не будь вашей доброты, невозможен был бы такой любезный приём, за что я от всей своей души благодарю вас. Железные дороги и банки столь же необходимы для развития и укрепления торговли и промышленности, как две пары колес для вагонов. Как ваше сиятельство указали, Русско-Китайский банк является одним из самых главных нервов торговли и промышленности на Дальнем Востоке и имеет громадное значение для процветания экономических тесных сношений между обеими нациями. Нетрудно понять блестящий результат совместной дружной работы. Я и мои спутники покорнейше просим вас, чтобы вы продолжали своё дружелюбное отношение к нам и не отказывались учить нас ещё многому. Ваше сочувствие и содействие, опять повторяю, имеет большое значение не только для блага Дальнего Востока, но для блага всего мира. Выражая глубокую благодарность за ваши приветственные слова, пью за успех взаимной душевной работы и за ваше здоровье и счастье» (29).

Днем раньше банкет в честь Гото состоялся в резиденции Козцова. Хозяин чествовал гостя как влиятельного и последовательного сторонника сотрудничества двух стран:

«Не могу не высказать, с какою симпатией мы относимся к чувствам, побудившим барона, оставить на время руководство ответственным и сложным предприятием, которым он управляет с таким выдающимся умением и успехом, и предпринять утомительное путешествие. Я искренне убеждён, что в основе этих чувств лежит желание содействовать сближению между Японией и Россией на почве экономических интересов вообще и в частности тех, которые связаны с железнодорожными предприятиями на Дальнем Востоке, – сближению, основы которого столь успешно заложены благодаря тому, что представительство Японии в нашей столице находится в опытных руках такого выдающегося государственного деятеля, каким является уважаемый барон Мотоно. Я искренне желал бы, чтобы ознакомление барона Гото с нашей родиной, с её торговлей и промышленностью послужило к развитию и укреплению торговых сношений между Японией и Россией, к усилению их товарооборота и на пользу промышленности обеих стран, – а в настоящий век, век экономического

и культурного прогресса, торгово-промышленные связи наций служат не только к развитию их благосостояния, но и являются лучшим залогом в деле мира и взаимных дружеских отношений» (30).

Гото отвечал:

«Когда я получил пост председателя общества Южно-Маньчжурской железной дороги, уже был глубоко убеждён, что хотя пространство Южно-Маньчжурской железной дороги коротко, но она может служить как одно звено главнейших линий всего мирового сообщения при совместной дружной работе с российскими железными дорогами. Поэтому я тогда уже решил приехать в Великую Российскую Империю и учиться у неё, опытной в международных железнодорожных сообщениях... Я искренне желал бы остаться, по крайней мере, несколько месяцев в любезной России, чтобы познакомиться с нею, с её торговлей, промышленностью и искусством, и передать обо всём этом своим землякам; но в данный момент, к глубокому сожалению, обстоятельства не позволяют мне на долгое время остаться – но имею честь сообщить вам, ваше высокопревосходительство, что я непременно приеду опять, непременно опять приеду. Знакомление с Россией и с её торговлей и промышленностью непременно послужит к развитию и укреплению торговых сношений между Россией и Японией. Международная дружба вообще зависит от дипломатического договора и разных формальностей, но, разумеется, этого недостаточно. Непременно нужно провести на практике дух договоров. К нашему счастью, в прошлом году русско-японский договор был заключён, и фундамент железнодорожной связи уже заложен. Но без настоящей экономической связи нельзя сказать, что государственная дружба существует на самом деле. Поэтому-то я от всей своей души желаю вместе с удобным соединением российской и японской железных дорог также развития и укрепления торговых сношений между Россией и Японией. Это не только благо обеих соседних наций, но и благо всего мира» (31).

Разумеется, главные вопросы решались не на банкетах, а во время деловых встреч, о которых мы из-за недостатка документов знаем немного. 16 (3) мая Гото заключил важную договорён-

ность с Вентцелем, главным лицом КВЖД в Петербурге. Пост председателя правления, предназначенный представителю Китая, после восстания ихтуаней в 1900 г. оставался вакантным. Непосредственное руководство дорогой осуществлял управляющий, находившийся в Харбине: в 1902–1918 гг. этот пост бессменно занимал генерал Дмитрий Хорват. Содержание договоренности было следующим:

1) Открывается прямое сообщение между ЮМЖД и КВЖД как часть великой транспортной артерии между Европой, Азией и Америкой.

2) Дайрен – как ворота в Европу – должен быть оснащен всем необходимым.

3) Для обеспечения прямого сообщения КВЖД обязуется пустить дважды в неделю скорый поезд от Ируктска до Куаньченцзы и обратно, связанный со скорыми поездами, которые курсируют между Владивостоком и Москвой и Петербургом, а также улучшить сообщение между Харбином и Куаньченцзы, обеспечив этот участок вагонами первого и второго класса – не хуже, чем те, которые используются на линии Владивосток–Петербург.

4) Обе дороги устанавливают тарифы таким образом, чтобы избежать ненужной конкуренции.

5) Для установления указанных тарифов КВЖД и ЮМЖД назначают уполномоченных для скорого обмена мнениями.

6) В дальнейшем будет достигнута договоренность о соединении наземных и морских путей по мере завершения систем наземного транспорта и увеличения объемов пассажирских и грузовых перевозок (32).

Гото был удовлетворен итогами поездки и, вернувшись домой, сердечно благодарил Извольского и Коковцова. «Почётный и любезный приём, оказанный Барону Гото в России, и Милостивое награждение его высоким орденом, – писал Бахметев в Петербург 13 июня (30 мая) 1908 г. в преддверии своей отставки с поста посланника, – не только польстили столь чуткому самолюбию японцев, но возбудили и более серьёзный отголосок в стране, в особенности в финансовых и торговых кругах, надеющихся... что политическое сближение между нашими государствами также создаст и установит прямой обмен товаров между нами,

без существовавшего до сих пор немецкого и китайского посредничества, наживающегося на счёт обоих и не приносящего им никакой пользы. Все уповают, что переговоры... приведут к дружескому соглашению по главным пунктам и что торговое движение через Северную Маньчжурию и Сибирь в скором времени увеличится... Заказ Бароном Гото рельсов в России может служить первым доказательством желания его избавиться от западно-европейской и американской промышленной опеки и иметь дело непосредственно с нами» (33).

Доволен был не только сам визитёр. Вернувшись к власти в июле 1908 г., Кацура, помимо репрессий против левой оппозиции и подготовки к полной аннексии Кореи, решил – с помощью Комура, снова занявшего пост министра иностранных дел, – разыграть «русскую карту». В работу включился Гото, ставший министром путей сообщения. Логика событий вела к русско-японскому сближению. Ещё 2 марта (18 февраля) 1908 г. посланник в Пекине Дмитрий Покотилов писал Извольскому: «При полной согласованности действий России и Японии постороннее вмешательство в маньчжурские дела никакого фактического влияния на ход последних иметь не может» (34).

Карл Хаусхофер, в то время баварский военный атташе в Токио, выделял Гото как наиболее последовательного сторонника сотрудничества континентальных держав по оси Берлин–Петербург–Токио. «Отец геополитики» любил повторять его слова: «Вспомните о русской тройке. В ней над санями вы видите большую дуговую упряжь с бубенцами, а в центре идёт крепкий, ровистый и вспылчивый конь, выкладывающийся больше всех, но справа и слева бегут две лошади, которые сдерживают коня посередине, и такая тройка в состоянии ехать» (35).

Глава четвертая

КАЦУРА ТАРО, НИКОЛАЙ МАЛЕВСКИЙ-МАЛЕВИЧ И СТРАТЕГИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Нормализация отношений и начало нового этапа сотрудничества между Россией и Японией получили активную поддержку со стороны Ито Хиробуми, который в начале 1909 г. оставил пост генерального резидента в Корее и в третий раз был назначен председателем Тайного совета.

26 октября 1909 г. в Харбине состоялось свидание Ито с Коковцовым, совершавшим инспекционную поездку по Дальнему Востоку и КВЖД. Николай II велел министру финансов изучить ситуацию на месте и разобраться с тревожными депешами Унтербергера из Приамурья и жалобами военного министра генерала Владимира Сухомлинова на то, что казначейство не отпускает кредитов на укрепление обороны Приморья (и то, и другое оказалось лишены оснований). Узнав о предстоящем вояже, Мотоно попытался уговорить Коковцова продолжить путешествие в Японию, что – по многим причинам – оказалось невозможным. Тогда в Токио родилась идея послать Ито ему навстречу. Почтенный *гэнро*, наверно, вспоминал о своём неудачном визите в Петербург в конце 1901 г. и рассчитывал, что на сей раз попытка договориться удастся. Он даже выучил фразу «Я люблю русских», которую повторял, подъезжая к Харбину. По крайней мере, именно в таком духе он излагал свои мысли российскому послу перед отъездом и спутникам во время путешествия.

Коковцов тепло приветствовал японского посланца в его салон-вагоне, предоставленном КВЖД, но переговоры так и не успели начаться. При выходе на перрон, где его ждали представи-

тели властей и местной японской колонии, Ито был расстрелян в упор корейским националистом и вскоре скончался в вагоне, куда его внес Коковцов вместе со своим порученцем. Убийца, превознесённый как герой, едва ли помог своему народу, поскольку за убийством последовало ужесточение репрессий, а сама Корея в 1910 г. окончательно превратилась в японскую колонию. Зато ущерб российско-японским отношениям он нанес немалый.

Харбинское свидание породило немало слухов. Всех занимало, о чём собирались говорить сановники и что они успели сказать друг другу. Коковцов запомнил последние слова Ито, сказанные после обмена любезностями: «Я уже старый человек и привык много думать, прежде чем выразить мои мысли. Я надеюсь, что мы будем о многом говорить с вами, а пока скажу вам только ещё раз, что я счастлив встретиться с вами потому что, мне кажется, вы выражаете свои мысли очень открыто, согласно своим убеждениям. У меня тоже нет никакой причины быть с вами неискренним, вы не услышите от меня ничего, что могло бы быть неприятным вашему государю или шло во вред вашей великой стране, которой я желаю самого счастливого будущего, и уверен, что она никогда более не встретит в Японии врага» (1).

Убийство Ито вызвало в России сердечные соболезнования и сожаления вперемешку с беспокойством. Трагедия произошла в полосе отчуждения КВЖД, которая считалась российской территорией, хоть и взятой в аренду у Китая. Однако японский консул, организовавший встречу *гэнро* с соотечественниками, принял на себя ответственность за случившееся. Обострения отношений между двумя странами не произошло, хотя генерал-губернатор Унтербергер с минуты на минуту ждал объявления войны из Токио. Коковцов, встретившийся с ним несколькими днями позже, насилу успокоил его. Русские газеты поминали покойного Ито не только как «одного из самых выдающихся» и даже «самого значительного государственного мужа Японии», но и как «одного из друзей наших, которых, к сожалению, не так много по ту сторону Японского моря» (2). Можно не доверять газетным похвалам, но Павел Васкевич, служивший вскоре после русско-японской войны в генеральном консульстве в Сеуле, вспоминал: «Мне пришлось быть свидетелем, как генеральный резидент Кореи князь Ито...

часто в разговорах с нашим генеральным консулом Плансоном... подчёркивал, что будущее Японии должно строиться на тесном единении и дружбе с Россией» (3).

Незадолго до трагедии в Харбине, в конце августа 1909 г., Мотоно сообщил Извольскому тексты соглашений с Китаем о строительстве Аньдун-Мукденской железной дороги, о демаркации границы с Кореей и о Маньчжурии. В середине сентября между министром и послом состоялся долгий и откровенный разговор, во время которого Извольский счел нужным несколько «напрячь» собеседника. «Я не скрыл от Барона Мотоно, – писал он Малевскому-Малевичу, – что содержание их (соглашений – *В.М.*) возбуждает значительную тревогу в русском обществе, которое усматривает в них указание на усиленную деятельность Японии не только в экономической сфере, но и в области военно-стратегической. При этом общественное мнение особенно обеспокоено тем, что деятельность эта, по-видимому, имеет своим объектом не столько Китай, сколько Россию... Вы знаете, сказал я, сколько усилий я приложил к тому, чтобы установить с Японией самые дружественные и доверчивые (т. е. доверительные – *В.М.*) отношения, и Вы вспомните, что я дважды выступал перед Государственной Думой с заверениями в том, что эти отношения приобрели вполне устойчивый и мирный характер. Ныне я стою перед весьма трудною задачею оправдать перед русским обществом мой оптимизм и дать удовлетворительное объяснение вышеописанной усиленной военно-стратегической деятельности Японии, цель которой для меня самого представляется не вполне ясно».

«Барон Мотоно тотчас же стал с жаром доказывать мне, – продолжал министр, – что последние Японо-Китайские соглашения ничуть не направлены против наших интересов, что вообще в деятельности Японского Правительства нельзя отыскать и тени агрессивности по отношению к России... Объектом внешней политики Японии является главным образом Китай, а не Россия, поэтому не только нет никакого повода к новому столкновению между Японией и Россией, но... есть полная возможность согласовать японскую и русскую политику по отношению к их общему соседу (Китаю – *В.М.*)... По собственным наблюдениям Барона

Мотоно, наиболее мирно и дружелюбно к нам настроены в Японии именно военные сферы, которые по личному опыту убедились в громадной трудности войны с Россией и вовсе не желают нового столкновения» (4).

Опытный дипломат Мотоно производил впечатление искреннего человека на Николая II и на искушенного скептика Коковцова. Извольский, озабоченный ситуацией на Западе, а не на Востоке, предпочел поверить мирным заверениям посла, а не паническим заклинаниям Унтербергера, которому 15 (2) декабря 1909 г. отправил сердитую телеграмму по поводу его «записок»: «Всё это может вызвать встречную агитацию в Японии и существенно затрудняет мою задачу поддержания дружественных отношений с этой страной. Ибо в подобной атмосфере всякий самый незначительный инцидент может внезапно принять крупные размеры» (5). Надо знать изысканно-вежливый стиль официальной переписки царских чиновников, чтобы оценить резкость тона Извольского, прибавившего, что своё мнение он довел до сведения государя и Столыпина. В это же время царь наложил на один из докладов министра иностранных дел о встречах с Мотоно следующую резолюцию: «Для меня лично совершенно ясен путь, который России следует *теперь избрать*: это вступление с Японией в теснейшее соглашение. Во всяком случае нужно это зрело и не откладывая решить, обдумав в особом совещании» (6).

Сказано – сделано. 11 декабря (28 ноября) 1909 г. особое совещание собралось. На повестке дня стояли вопросы о переговорах с японцами и о результатах поездки Коковцова на Дальний Восток. Во вступительном слове министр иностранных дел напомнил, что приехавший в Петербург в 1901 г. Ито хотел мира, а к нему не прислушались; что сам он, Извольский, в бытность посланником в Токио в 1899–1903 гг., не раз предупреждал о возможности войны, а ему не верили; что военные агенты не считали нужным знакомить его со своими отчетами. Посетовав, что «соглашение с Японией (1907 г. – *В.М.*), представляющее первостепенную важность для будущих наших сношений, прошло незамеченным», и в который раз резко высказавшись об Унтербергере, он перешел к необходимости нового договора с Токио,

многозначительно прибавив: «Государь умел побороть в себе чувство горечи от пережитых несчастий и благословил нас на новое дело». Собравшиеся, включая Столыпина, министра путей сообщения Сергея Рухлова и государственного контролера Петра Харитоновна, высказались в поддержку предложений Извольского. Возможно, дополнительным аргументом стал доклад Коковцова, который представил общее положение на Дальнем Востоке России «в самом плачевном виде», а потому присоединился к общему мнению (7). Военный министр Сухомлинов согласился с ним... чтобы через несколько месяцев в строжайшей тайне от собственных коллег предпринять аналогичный вояж и обрушиться на Коковцова в самых резких выражениях перед императором и Столыпиным.

Тем временем Гото решил продолжить дело «первого государственного человека Японии». Шок от смерти Ито сменился возобновлением толков о необходимости сотрудничества и даже о грядущих визитах Коковцова и Витте в Японию, а бывшего премьера Окума Сигэнобу в Россию. 18 (5) ноября 1909 г. посол Малевский-Малевиц сообщал из Токио: «Газеты всех оттенков продолжают утверждать, что общность интересов России и Японии в Маньчжурии вызывает необходимость установления между обеими странами более близких отношений» (8). Через несколько дней после этой депеши Гото оказался гостем посла и повёл с ним интригующий разговор. Оговорившись, что «он просит посмотреть на его откровенные объяснения не как на официальное предложение, а как на весьма доверительную частную беседу», барон сообщил, что Ито собирался не только демонстрировать дружелюбие и добрую волю, но прежде всего вести переговоры об «установлении общности действий по отношению к китайцам в полосе отчуждения» русских и японских железных дорог на территории Маньчжурии. Далее он назвал три конкретных вопроса, требующих скорейшего разрешения: 1) улучшение сообщения между КВЖД и ЮМЖД (прямое сообщение уже существовало, но каждая дорога сама определяла тарифы); 2) обеспечение ввоза японского шелка в Россию по железным дорогам, а не морем через Одессу, для сокращения времени его транспорти-

ровки; 3) политическое сближение на почве общности действий в Маньчжурии, – обратив особое внимание на последний вопрос. На полях телеграммы с этими предложениями Николай II 1 декабря (18 ноября) написал: «Практично» (9). Излагая содержание беседы отдельным письмом, посол пояснил: «На мой вопрос, в чём могла бы выразиться такая общность действий, в чём должен, по его мнению, состоять общий план отношений обоих государств к китайцам в маньчжурском вопросе, Барон Гото ответил, что эта область политического свойства, но что он думает, что обоим правительствам было бы выгодно установить известную солидарность в полосе отчуждения обеих железных дорог и согласованность административных распоряжений и мероприятий железнодорожных управлений» (10).

Не дожидаясь официального ответа из Петербурга, Малевский-Малевич сообщил Извольскому собственные соображения по поводу предложений Гото: «Считаю их требующими самого серьёзного рассмотрения... Ограничусь пока только замечанием, что в плане, сообщенном мне Японским Министром, всё обосновано на реальных интересах первостепенной важности». И далее: «Сила вещей толкает японцев к дальнейшему с нами сближению, первый шаг к чему был сделан в 1907 г. в политическом соглашении. Мне думается, что настоящий момент весьма знаменателен для всего хода нашей дальневосточной политики: наши отношения с Японией дошли до той поворотной точки, от которой они должны идти или на прибыль, или на убыль». Ознакомившись с этим мнением посла, царь 18 (5) декабря велел своему министру иностранных дел: «Обсудите пункты Барона Гото с Министром Финансов. Благоприятный ответ с нашей стороны в ближайшем будущем имел бы весьма благоприятное значение» (11).

Официозный характер «неофициальных» предложений Гото был подкреплён тем, что то же самое говорил в Петербурге Мотоно перед отъездом в длительный отпуск. Телеграммой от 8 декабря (25 ноября) Извольский сообщил Малевскому-Малевичу: «Заявления, сделанные Вам Бароном Гото, обратили на себя самое серьёзное внимание Императорского Правительства и будут

подвергнуты тщательному обсуждению. Можете доверительно сообщить об этом Барону Гото». Через пять дней посол доложил министру, что порученное исполнил (12). Ответ Коковцова, данный 24 (11) декабря в письме к Извольскому, был положительным, но содержал пожелание предотвратить конкуренцию двух железных дорог. Заметив, что «нынешнее предложение Барона Гото вполне отвечает нашим собственным усилиям», министр финансов суммировал, что нет никаких препятствий к его обсуждению, если оно будет сделано официально (13). До конца 1909 г. Гото и Малевский-Малевич встречались ещё трижды – 13, 20 и 29 декабря. Барон сообщил, что премьер Кацура одобрил его предложения, хотя и признал, что «политическая сторона вопроса представляет большие трудности и требует очень тщательного обсуждения» (14).

27 января 1910 г. Гото обобщил свои предложения в письме к послу. Его стоит привести полностью как пример государственного мышления, в котором осознание конкретных, тактических целей сочеталось со стратегическим видением ситуации и перспектив её развития.

«В завершение весьма доверительных разговоров, которые я имел честь вести с Вашим Превосходительством, начиная с прошлого месяца, считаю долгом ещё раз обратить внимание Ваше на то, что мои совершенно частные предложения имеют исключительную целью дружественное сближение России и Японии в области коммерческих и политических взаимоотношений, подобное сближение несомненно в конце концов получит политический характер. Лишь тогда Россия и Япония будут в состоянии солидарно, рука в руку по отношению к Китаю приступить к решению маньчжурских вопросов.

Разрешение животрепещущих вопросов в Маньчжурии не только послужит к благу обеих наций, но в весьма значительной степени послужит гарантией мира на Дальнем Востоке.

Позвольте мне, Ваше Превосходительство, в дальнейшем подробнее остановиться на некоторых вопросах, которые я затронул с Вами лишь вскользь.

- 1) Улучшение эксплуатации ветки Харбин–Куаньченцзы.

Эта ветка представляет собою не только важное во всех отношениях соединительное звено между обеими нашими большими железнодорожными сетями на азиатском континенте, но в то же время является артериею мирового сообщения. Как известно, существующие в настоящее время на этой ветке порядки оставляют желать много лучшего по сравнению с Вашей главной линией и подают повод к громким жалобам пассажиров, путешествующих между Европой и Северным Китаем. Склонны даже видеть в этом доказательство недостатка хороших отношений между обоими Правительствами. Такой неправильный взгляд на положение вещей есть, по моему мнению, причина существующей до сего времени интриги, стремящейся поссорить между собою оба Правительства. Однако, ввиду не вполне удовлетворительного финансового положения Китайской Восточной ж(елезной) д(ороги) было бы, быть может, несправедливым заставлять её всецело удовлетворять хотя бы и законные требования пассажиров касательно лучшего оборудования экспресса и спальных вагонов. При таких условиях представлялось бы целесообразным, если бы Ваше железнодорожное управление вошло в сношение с Южно-Маньчжурской железной дорогой о том, чтобы она пустила по означенной выше ветке экспресс и спальные вагоны на одинаковых основаниях с Международным Обществом Спальных Вагонов на главной линии. Я глубоко убежден, что Южно-Маньчжурская ж(елезная) д(орога) под контролем Вашего железнодорожного управления быстро справится с этой задачей.

2) Телеграфный вопрос в Маньчжурии.

Так как в настоящее время не существует прямого соединения между японским и русским телеграфами в Маньчжурии, то приходится, например, в случае необходимости послать телеграмму из Харбина в Дальний направлять таковую на Владивосток, Нагасаки, Дальний. Столь неудовлетворительные условия должны оказать самый существенный вред развитию торговых сношений между северною и южною Маньчжуриею. Такое положение вещей не может благоприятствовать также и дружественному сближению обеих наций в Маньчжурии. В виду сего я считаю совершенно необходимым, чтобы Россия и Япония заключили возможно скорее конвенцию о соединении Российских и Японских

телеграфов в Маньчжурии. Конечно, Китайское Правительство по политическим соображениям и Северное Телеграфное Общество в виду лишения существующих теперь доходов будут энергично протестовать против такого русско-японского соглашения, но оба Правительства легко найдут способы и средства сговориться с обоими, если мы сами будем вполне солидарны по этому поводу.

3) Установление специального тарифа для перевозки японского шелка в Москву по железной дороге.

В течение ряда лет наш шёлк экспортируется через Суэц в Одессу и оттуда по железной дороге в Москву. Так как подобная морская перевозка естественно занимает очень много времени, то развитие экспорта нашего шёлка чрезвычайно трудно.

Если бы наш шёлк мог пойти по железной дороге из Владивостока на Москву, он достигал бы места назначения в несколько недель, и наши экспортеры сохранили бы немало денег, не уплачивая процентов на капитал. Если бы даже железнодорожные тарифные ставки были выше таковых же морских, то при сохранении времени и процентов на капитал эта разница была бы в значительной степени сглажена. Было бы поэтому желательно, чтобы Ваше Железнодорожное Управление установило для нашего шёлка специальный тариф. Таким образом Владивосток получит для русско-японской торговли гораздо большее значение, чем доселе. Чем больше японских товаров будет вывозиться в Россию (напр[имер], шёлк, чай и т. д.), тем больше русских товаров будет ввозиться в Японию. Кроме того, увеличение нашего экспорта шёлка даст в то же время Москве возможность конкурировать с Лионом в смысле шёлкового производства.

4) Учреждение русско-японского пароходного общества в восточно-азиатских водах.

Если бы Россия и Япония совместно создали большое пароходное общество и назначили бы исходными пунктами Владивосток и Шанхай, мы могли бы организовать пароходное сообщение между важнейшими восточными портами. Этот план созрел у меня уже много лет тому назад, и при посещении Петербурга тому назад два года я предполагал посетить там влиятельных лиц и обменяться с ними мнениями по этому поводу. Но я оставил этот

план, так как узнал, что Ваше Правительство решило дать крупную субсидию Добровольному Флоту. Ныне к вящему моему сожалению я узнал, что Ваш Добровольный Флот и наша “Осака–Шозен–Кайша” (правильно “Осака Тёсэн кайся” – *В.М.*) вступили в борьбу на линии Владивосток–Цуруга. Независимо от вызываемых этим убытков для обоих обществ, подобное обострение прискорбно в видах сближения обоих Государств. Чтобы избежать столь нежелательной конкуренции, я от всего сердца предлагаю учредить русско-японское Пароходное Общество с большим капиталом или же трест существующих пароходных обществ обеих национальностей, тогда мы могли бы монополизировать пароходство в Восточной Азии.

Изложенное есть исключительно моя личная идея, которую я позволил себе сообщить Вашему Превосходительству совершенно доверительно» (15).

Предложения открыли дорогу официальному обмену мнениями по широкому кругу экономических и политических вопросов. Инициативу подхватили Комура и Мотоно, которые в декабре 1909 – феврале 1910 гг. постоянно общались с русским послом в Токио. 21 января Малевский-Малевич сформулировал им «общие начала, которые представляются мне отвечающими японским видам»: 1) статус-кво на железных дорогах в Маньчжурии и прилегающих к ним территориях; 2) общность действий в полосе отчуждения по отношению к Китаю и третьим странам; 3) развитие непосредственных торговых и железнодорожных сношений между КВЖД и ЮМЖД; 4) взаимное обеспечение владений и сфер влияния на Дальнем Востоке (16). Комура согласился и, беседуя с послом 25 февраля, назвал себя и премьера «горячими сторонниками теснейшего единения Японии и России», добавив: «Пока Маркиз Кацура стоит во главе Кабинета, а он управляет внешними делами Империи, Русское Правительство может быть уверено, что почва для взаимного сближения будет найдена» (17).

Согласованность действий правительств обеих стран проявилась в реакции на план «нейтрализации» маньчжурских железных дорог, детально рассмотренный в моей монографии «Россия и Япония: рельсы гудят». Коротко напомним суть дела. Осенью 1905 г. американский железнодорожный магнат Эдуард Гарриман

поставил перед премьером Кацура вопрос о возможности выкупа переходящей к Японии Южной ветки КВЖД, а в перспективе и принадлежащей России самой КВЖД, международным синдикатом под американским контролем – якобы для предотвращения дальнейших русско-японских конфликтов в Маньчжурии. Кацура сперва согласился на этот план и даже подписал с Гарриманом соглашение, но вскоре японское правительство – по настоянию Комура, который в это время находился в Портсмуте, – отказалось от него, осложнив только что наладившиеся отношения с США. В январе 1909 г. Китай, по американской инициативе, предложил России выкупить КВЖД, но получил вежливый отказ в виде обещания вернуться к этому вопросу по окончании строительства Амурской дороги. Одновременно американские банкиры во главе с Якобом Шиффом сделали запрос Токио о возможности приобретения ЮМЖД, но получили резкий ответ от кабинета Кацура: «Япония не имеет намерения продавать Южно-Маньчжурскую железную дорогу и *просит США в дальнейшем не проявлять активности в этом направлении* (выделено мной – В.М.)» (18).

6 ноября 1909 г. государственный секретарь США Филандер Нокс направил британскому министру иностранных дел Эдуарду Грея новые предложения о «нейтрализации»: «1) заинтересованные державы предоставляют Китаю крупный международный заем; 2) маньчжурские железные дороги ставятся под контроль специалистов и передаются в определённом порядке Китаю в собственность... 3) заём должен быть предоставлен на достаточно продолжительное время, чтобы обеспечить его погашение в установленный срок... 4) подданные держав, принимающих участие в займе, должны иметь право наблюдения за железнодорожной сетью в течение всего времени существования долга; правительства держав-кредиторов должны в течение этого времени пользоваться обычными привилегиями для своих подданных и своих товаров на равных основаниях» (19). Если план окажется неосуществимым из-за сопротивления России, Японии или обеих стран сразу, державы должны приложить усилия для реализации проекта железной дороги Цзиньчжоу–Айгун, прямо затрагивающей японские интересы. Уклончивый по форме ответ Грея был

отрицательным по сути: он предложил отложить рассмотрение плана «нейтрализации» до окончательного решения вопроса о «хугуанском займе»¹ и привлечь Россию и Японию к строительству линии Цзиньчжоу-Айгун.

Нокса это не смутило. 14 декабря он направил проект в Петербург, Токио, Париж и Берлин. Германский ответ был положительным и диктовался боязнью русско-японского союза, о чём откровенно говорили Вильгельм II и канцлер Бюлов. Кайзер удивился, что Англия поддержала проект, но выяснилось, что он получил неверную информацию. Франция 4 февраля выступила против «нейтрализации». Лондон и Париж дали понять, что не будут оказывать давление на своих союзников – Японию и Россию – чтобы добиться принятия ими плана Нокса. В поддержку выступил только Китай, точнее, его проамериканская элита. Предложение Нокса с самого начала не понравилось Извольскому, несмотря на уверения американского посла Уильяма Рокхилла (известного синофила) о необходимости сотрудничества для противостояния японской экспансии. Ход мыслей российского министра был таков. С одной стороны, «Япония, добившаяся при благосклонном участии Америки настоящего своего доминирующего положения в Южной Маньчжурии, конечно, уступит это положение лишь под сильнейшим давлением». С другой, «вряд ли Россия сможет получить все затраченные ею суммы и главное – нейтрализовать маньчжурскую сеть, вряд ли увеличит безопасность русской дальневосточной окраины. Япония, потеряв Маньчжурию под давлением, можно опасаться, будет искать компенсацию за счёт России, и вряд ли сможет Россия рассчитывать в этом случае на активную помощь Северо-Американских Соединенных Штатов или иной державы» (20). 29 (16) декабря 1909 г. Рокхилл вручил Извольскому меморандум. 12 января (30 декабря) он был рассмотрен Советом министров, который поста-

¹ Международный заем Китаю (участники – Германия, Великобритания, Франция) на строительство железных дорог в провинциях Хубэй, Хунань и Сычуань (общее название – Хугуан), соглашение о котором было заключено 6 июля 1909 г., вызвал недовольство США, настаивавших на своем участии в нём.

новил: «нейтрализацию» КВЖД отвергнуть по причине исключительной важности дороги для России; план постройки линии Цзиньчжоу–Айгун принять к обсуждению и затребовать о нём необходимую информацию. 21 (8) января 1910 г. ответ был передан американскому послу (21).

Одновременно свои соображения из Пекина прислал представитель Министерства финансов Лев фон Гойер. Имея в виду обе альтернативы Нокса, он чётко поставил вопрос: «идем ли мы с Японией против англо-американской комбинации или с последней против японских планов». Отметив, что в вопросе о Цзиньчжоу–Айгунской дороге «англо-американцы вели двойную игру, т. е. делали одновременно авансы нам и японцам» и, в частности, «сулили финансирование всей операции через Русско-Китайский банк», фон Гойер прежде всего призвал не быть пассивными: «Если мы ни на что не решаемся, то результат будет тот, что года через два-три будут строиться дороги и на Цицикар, и на Айгун, и в Монголии... без нашего участия». Опасаясь делать решительные выводы, он взвесил плюсы и минусы обоих вариантов сотрудничества, оговорив условием партнерства с Японией, «если она предъявит нам фактические доказательства того, что выгоды, которые она приобретет от сближения с нами, не будут в ближайшем будущем обращены против нас» (22).

К аналогичному решению пришли и в Токио. Главным противником плана «нейтрализации» стал Гото, которого поддержали Кацура и Комура. Выступая в парламенте, министр иностранных дел ограничился несколькими взвешенными фразами. Не видя, в чём принадлежность ЮМЖД Японии противоречит политике «открытых дверей», он предложил воздержаться от рисков, которыми может быть чревато любое изменение статус-кво в Маньчжурии, а в утешение сообщил, что правительство решило открыть Порт-Артур для иностранных судов. «Мы надеемся, что правительство Соединенных Штатов поймет нашу позицию и что другие державы, равным образом, признают справедливость нашего отношения к данному вопросу», – заключил Комура. Едина в своих оценках была и токийская пресса, от националистической до либеральной: американский проект не учитывает реалий ситуации в Маньчжурии, игнорирует интересы Японии и России,

а потому должен рассматриваться как недружественная акция. Почему ничего не говорится о «нейтрализации» владений других держав в Китае? (23).

В беседах с Малевским-Малевицем Гото призывал к совместному демаршу двух держав, подчёркивая, какой ущерб может принести им план Нокса в случае его реализации. Американская инициатива толкает Россию и Японию в объятия друг друга – таково было общее впечатление дипломатов и журналистов. В донесении от 31 января 1910 г. из Токио бельгийский посланник д'Анетан отметил, что по вопросу о маньчжурских железных дорогах между японским и русским правительствами существует полное согласие и взаимопонимание (24). Информировав о происходящем 21 (8) января 1910 г. русскую миссию в Пекине, Извольский пояснил: «Наш ответ весьма сходен с японским, и при его выработке мы конфиденциально обменивались взглядами с японским правительством. При этом выяснилось, что в общем взгляды обоих правительств на американское предложение совпадают». Совпадали и ответы, предварительно сообщенные друг другу: «Было бы желательно, чтобы поэтому Вы стоворились с японским посланником относительно способа сообщения китайским министрам русского и японского ответов на американское предложение и относительно тех советов, которые Вы могли бы при этом преподать китайскому правительству. Во всяком случае необходимо внушить Китаю, насколько опасен путь, на который он вступает под влиянием советов американского правительства, предпринимая постройку железных дорог, не только направленную против наших интересов в Маньчжурии, но упирающихся в нашу незащищенную границу. Мы не можем не видеть в этом явно враждебного против нас шага, способного заставить нас подумать о тех мерах, которые могли бы восстановить нарушенное на границе равновесие» (25).

7 мая (24 апреля) 1910 г. Гото снова обратился к Коковцову с предложениями о согласованной политике на Дальнем Востоке: «За последнее время в нашей стране, несомненно, всё более и более берёт верх дружественное настроение по отношению к России. Одновременно можно было также в различных случаях наблюдать и более благожелательное отношение России к Японии.

Я уверен, что в таком утешительном сближении наших двух государств нельзя видеть только следствие великой эволюции мировой политики... В Японии не только в правительственных сферах, но и в руководящих политических кругах постепенно укрепилось сознание, что для Японии представляется наиболее целесообразным действовать в разрешении китайского вопроса рука об руку с Россией, так как наши интересы, вследствие обладания обширными железнодорожными сетями в Маньчжурии, сделались совершенно однородными. Так, Японское Правительство более не стало бы без обмена мнений и соглашения с Россией вступать в переговоры по какому-либо вопросу непосредственно с Китаем в тех случаях, когда дело касается нашей общей пользы или вреда... Император наш, вследствие своей любви к миру, питает горячее желание, чтобы наши отношения к России делались всё прочнее и сердечнее». «Что касается американского предложения о нейтрализации маньчжурских железных дорог, которое наделало в прошлую зиму столько шума, – многозначительно добавил Гото, – то я бесконечно рад тому, что наше Правительство с самого начала постоянно действовало в добром согласии с Вашим».

После этого барон перешёл к главной теме – нестабильности в Китае, которая в равной степени угрожала интересам и Японии, и России: «Все великие Державы стали уделять столь большое внимание китайским делам и стараться, ничем не стесняясь, использовать в своих видах всякий благоприятный случай, какой только им представляется. Причина зла в китайских делах кроется главным образом в самом Китае. Так как в Китае в настоящее время не имеется, так сказать, “политического центра”, то отдельные китайские сановники действуют совершенно по личному усмотрению, руководствуясь эгоистическими стремлениями и упуская из виду свои национальные интересы... Поэтому в настоящее время как для России, так и для Японии представляется насущно необходимым убедить Китай, а заодно с ним и другие державы, не только словами, но и гораздо более делом в том, что Россия и Япония отныне твёрдо решились действовать в китайском вопросе вполне солидарно и что именно эта общность интересов обоих государств зиждется на твёрдом естественном осно-

вании. Если нам удастся в ближайшем времени достигнуть этого, то мы будем в состоянии действительно поддерживать мир на Дальнем Востоке ко благу всех народов. Поэтому я полагаю, что невозможно достаточно оценить всё благо, которое будет достигнуто подобным русско-японским соглашением» (26).

Чётко сформулированные предложения Гото ускорили политическое решение вопроса. 4 июля (21 июня) 1910 г. в Петербурге Извольский и Мотоно подписали договор, по которому стороны брались взаимно поддерживать и уважать статус-кво в Маньчжурии, в случае угрозы этому – договориться о мерах для сохранения существующего положения, оказывать друг другу содействие в улучшении работы железных дорог, «воздерживаясь от всякого соревнования в достижении этой цели», как предлагал Коковцов. В секретной части подтверждалось разграничение сфер влияния по соглашению 1907 г., причём Россия и Япония обязались «не нарушать специальных интересов каждой из них в вышеуказанных сферах», «воздерживаться от всякой политической активности в сфере специальных интересов другой стороны в Маньчжурии», а также взаимно признавали право свободно принимать в своей сфере «все необходимые меры ограждения и защиты этих интересов». Формально новое соглашение говорило только о Маньчжурии, но подтверждало прежнее, где речь шла также о Китае, Монголии и Корее. Это, в свою очередь, открывало путь к решению конкретных вопросов на местах.

Новое соглашение, ставшее убедительным примером Realpolitik как «искусства возможного», было оценено в обеих столицах как триумф. «Из всех дипломатических побед, одержанных Японией и лично графом Комура, самая блестящая и самая долговременная по своему действию только что совершена в Петербурге», – писал летом 1910 г. из Токио д'Анетан (27). Даже «Новое время», недавно тиражировавшие паникерские слухи, назвало договор «надежным основанием прочного и длительного мира на Дальнем Востоке», которое «освобождает Россию и Японию от необходимости поддержания на необходимом уровне местных военных приготовлений» (статья была инспирирована Извольским). Ура-патриотическая «Земщина», видевшая повсюду «крамолу» и «измену», упрекала правительство в том, что теперь «мы пойдем

на буксире Японии». Тон кадетской прессы был сдержанно-критическим, но «Речь» обратила особое внимание на то, что новая ситуация ухудшает отношения России с Китаем и особенно с Соединенными Штатами (28).

Правящие круги и пресса Англии и Франции – по крайней мере, на словах – встретили договор положительно как шаг на пути укрепления четырехсторонней Антанты и предвидели его дальнейшую эволюцию в полноценный союз. «Русско-японское соглашение 1910 г. по своему значению выходило далеко за пределы Дальнего Востока и являлось важным звеном в дальнейшей консолидации антигерманской группировки империалистических держав во главе с Англией» (29). Реакция Германии и Китая была нервной. Австро-Венгрия перепугалась, что у России теперь развязаны руки на Ближнем Востоке и на Балканах и что она захочет отомстить за поражение во время боснийского кризиса 1908 г. – личный неуспех Извольского. Но наибольшее раздражение соглашение вызвало в Вашингтоне. Уже в начале марта 1910 г. Шифф в контролируемой им газете «Нью-Йорк таймс» резко осудил курс Японии на сближение с Россией, которую походя называл «врагом всего человечества». Взгляды этого банкира – по характеристике русского посла Розена, «фанатического ненавистника России», «нанести удары которой всякими ему доступными средствами он считает свой священной обязанностью» – были общеизвестны, равно как и то, что «влияние г. Шиффа на политику Президента Рузвельта по отношению к России не подлежит никакому сомнению и ни для кого здесь не составляет секрета». Анализируя антирусский настрой общественного мнения США и «еврействующей американской печати», посол прямо назвал ответственными за это покойного госсекретаря Хэя, Шиффа и экс-президента Рузвельта (30).

Новым предметом беспокойства для Петербурга и Токио стал Китай, в различных провинциях которого с 1906 г. то и дело вспыхивали восстания против правящей маньчжурской династии, уже не способной контролировать ситуацию. С весны 1911 г. волнения не прекращались, что к концу года привело к падению династии. В результате Синьхайской революции Китай практически перестал существовать как единое государство. Тем време-

нем, в конце августа 1911 г., второй кабинет Кацура ушел в отставку. Сообщая об этом Коковцову, Гото заверял: «Перемена Кабинета не повлечет за собою никаких перемен в области внешней политики Японии, хотя это не исключает возможности известных перемен в области внутренней политики Японии... Дружественные отношения между Россией и Японией никоим образом не могут быть поколеблены вследствие какой-нибудь внутренней политической перемены, так как, по моему глубокому убеждению, к тому не представляется вообще никакого основания, в особенности же теперь, когда оба Правительства после долгой совместной работы устранили, к общему благу обеих наций, все тревожные вопросы» (31). «Меня глубоко огорчило известие о том, что Вы, глубокоуважаемый барон, – отвечал ему Коковцов, – одновременно с Вашими коллегами в Кабинете графа (следует: князя – *В.М.*) Кацура, оставили Ваш высокий государственный пост, на котором Вы в течение сравнительно короткого времени оказали своей стране столь выдающиеся услуги, между прочим улаживанием железнодорожного вопроса и других дел, имеющих существенное значение для дружественных отношений между Россией и Японией. Я питаю поэтому твёрдую уверенность, что нынешняя Ваша отставка означает лишь кратковременный отдых и что в скором времени Вы снова на высоком государственном посту приложите Ваши высокие дарования и душевные силы на служение Вашей родине» (32).

Намереваясь в обозримом будущем вернуться во власть, Кацура считал своим главным «козырем» способность решительно-го разрешения китайских проблем в интересах Японии, для чего требовалось содействие России. Когда летом 1911 г. Малевский-Малевич уезжал в отпуск. Кацура, ещё не оставивший пост премьер-министра, заявил ему: «Передайте кому следует в Петербурге, что правящие классы здесь сознают пользу и необходимость единения между правительством Японии и Россией. Если дружба наших народов будет развиваться дальше в том же направлении, то мы будем не только иметь преобладающее влияние на Дальнем Востоке, но и во всём мире, особенно с того момента, как Тихий океан делается центром соперничества между разными государствами, имеющими в Азии и на Тихоокеанских островах эконо-

мические и политические интересы». Говорил он и о положении в Китае, которое становилось всё более угрожающим. Князь считал вполне реальной перспективу установления международного контроля над китайскими финансами: «К этому моменту, заявил Кацура, нам следует готовиться, чтобы выступить совместно и добиться действительного обеспечения наших собственных исключительных интересов в Маньчжурии» (33).

26 мая 1912 г. Кацура сообщил Малевскому-Малевичу о задуманной поездке в Европу через Россию, подчеркнув, что едет неофициально «повидаться с государственными людьми Европы и обменяться с ними взглядами», а потому его план одобрен императором, премьером и всеми *гэнро*. В Петербурге он надеялся получить аудиенцию у Николая II, а затем встретиться с премьером Коковцовым, который занял этот пост после убийства Столыпина в 1911 г., и с министром иностранных дел Сергеем Сазоновым, преемником Извольского. «Князь высказал мне, – сообщал посол, – что он ещё в прошлом году собирался посетить европейские страны, но был задержан различными обстоятельствами. Настоящее лето кажется ему наиболее подходящим для исполнения его давнишнего желания... Говоря о цели своего путешествия, Князь Кацура сперва ограничился довольно неопределёнными намеками на ту роль, которую он сыграл в деле сближения России и Японии; на его глубокое и искреннее убеждение, что сближение это должно всё более и более крепнуть; что мир на Дальнем Востоке зависит от согласной политики обеих Держав, и что он будет весьма счастлив, если его пребывание в Петербурге, хотя и не имеющее официального характера, принесет пользу упрочению дружбы между Россией и Японией. Приведённый моими вопросами к выражению более конкретных мыслей, Князь Кацура коснулся китайских дел и высказал, как своё личное мнение, что в Китае ныне сосредоточился весь фокус восточно-азиатской политики, что китайские смуты (последствия революции – *В.М.*) грозят всякими неожиданностями и осложнениями; что Пекинская республика пока существует только “на бумаге”; что временное правительство в Пекине (во главе с Юань Шикаем – *В.М.*) лишено средств, единства и авторитета; что при таких серьёзных обстоятельствах полезно было бы обоим Государствам поближе

сговориться, так как и Россия, и Япония ближайшие соседи северного Китая и тесно с ним связаны естественным развитием их политических и экономических интересов. Другие страны, например Америка, ищут создать себе в Китае “права”, тогда как Россия и Япония имеют уже там не только *права*, но и *интересы*, и защита таковых лежит на ответственности их Правительств» (34).

Из этого Малевский-Малевиц сделал вывод, что «Кацура принимает своё путешествие с какой-либо определённой политической задачей или, по крайней мере, с поручением исследовать почву для дальнейшего направления японской политики». Токийская пресса прямо писала ещё об одном мотиве вояжа: князь снова заявлял о себе как о претенденте на пост главы правительства, а его «правую руку» Гото рассматривали как потенциального министра иностранных дел, который едет набираться опыта (35). Нетрудно понять, зачем Гото был нужен в Петербурге: он уже бывал там, встречался с Коковцовым и обзавелся кое-какими связями. Да и репутацию в глазах российской стороны он имел безупречную, тогда как Кацура всё-таки был премьером в годы войны.

15 июня Кацура нанес ответный визит в посольство, приехав туда за час до назначенного времени, чтобы спокойно побеседовать о предстоящей поездке. Разговор снова зашел о Китае, и гость, напомнив, что «за его управление Кабинетом состоялось политическое соглашение между Россией и Японией на почве ограждения взаимных интересов в Китае», конкретизировал свои предложения, выработанные, несомненно, при участии Гото.

«Китайские дела ныне приняли такой серьёзный оборот, – записывал посол его слова для передачи Сазонову, – что обоим соседним с Китаем Государствам приходится крепко подумать, как оградить свои интересы. И Россия, и Япония, заинтересованы в Китае территориально, тогда как другие Державы имеют там только экономические выгоды. С этой точки зрения, необходимо, по его мнению, чтобы обе Державы выработали по соглашению друг с другом определённый план действий и согласились последовательно его проводить. Но если по отношению к обоюдным территориальным интересам в Китае желательно тесное соглашение только между Россией и Японией, то по отношению к китай-

ским делам вообще он, Кацура, считает полезным участие *обеих* Держав в группе тех четырёх, которые ныне выступили с планом финансирования Китайского Правительства¹. В этой группе Англия является союзной Державой Японии, а Франция России и одновременно Россия связана дружественными соглашениями с Англией, а Япония с Францией; таким образом четыре государства: Россия, Япония, Англия и Франция – составляют сильный политический “блок”, главной задачей коего должно быть сохранение мира на Дальнем Востоке. В этих видах он, Кацура, настаивает на участии Японии в группе сказанных Держав и надеется, что эта политическая комбинация удержит поползновения других Государств вмешаться в Китае в сферу чуждых им интересов. Итак, укрепление соглашения с Россией для защиты территориальных прав на Дальнем Востоке и укрепление положения Японии в группе шести Государств² для ограждения прочих интересов её в Китае – должны, по его мнению, служить главной задачей современной японской политики».

Кацура выразил надежду, что в Петербурге его внимательно выслушают и что «он встретит ту же откровенность, с которой он намерен там излагать свои мысли». «Он убедительно просит меня подтвердить перед Вами, что он искренний сторонник тесного соглашения между Россией и Японией для блага обоих Государств и всеми зависящими от него средствами будет стремиться к достижению такого сближения». Однако, князь чётко дал понять, что не имеет полномочий выступать в каком-либо официальном качестве и – в случае достижения взаимопонимания, требующего документального оформления, – должен будет возвратиться в Токио для решения всех вопросов с императором, *гэнро*, премьером и министрами (36). Ещё раньше посол отдельным письмом сообщил в Петербург подробные биографические сведения о Кацура, обратив особое внимание на его авторитет и влияние (37). Такой «частный» визит мог стоить многих официальных.

¹ «Четверной консорциум», созданный 10 ноября 1910 г.: Англия, Франция, Германия и США; имел антирусский и, опосредованно, антияпонский характер.

² «Шестерной консорциум», созданный 20 июня 1912 г.: те же, Россия и Япония.

Перед отъездом Кацура также встретился с германским послом в Токио, которого частично посвятил в свои планы добиться в Европе «понимания» японских интересов в Маньчжурии. Подобно большинству генералов Страны корня солнца, князь был германофилом в большей степени, нежели русофилом. Идея японско-российско-германского блока казалась продуктивной многим политикам трёх столиц вплоть до самого начала мировой войны, до которой Кацура не дожил. В Токио её рассматривали даже во время войны, но обо всём по порядку..

6 июля 1912 г. Кацура со свитой¹ отбыл из Токио после бесчисленных обедов, банкетов и интервью, провожаемый толпой политиков, чиновников, дипломатов, газетчиков и просто любопытствующих, а также полицейских. Долгое путешествие прошло без происшествий, хотя Малевский-Малевич предупредил Петербург секретной телеграммой: «Здесь опасаются, что на жизнь Кацура могут быть покушения в пути. Надеются, что нашими властями будут приняты строжайшие меры охраны во время его поездки и пребывания у нас. Особенно подозрительной считают часть пути от Куаньченцзы до Иркутска» (38). В рапорте от 19 (6) июня военный агент генерал-майор Самойлов разъяснял: в Токио – как ему сообщили «из здешнего военного министерства совершенно частным образом» – опасались покушений со стороны корейских террористов, связанных с убийством Ито и благополучно скрывавшихся то в Маньчжурии, то в пограничных районах России. Власти Приамурья во главе с японофобски настроенным губернатором Николаем Гондатти смотрели на их деятельность сквозь пальцы, памятуя о том, что в годы войны с Японией корейские добровольцы воевали в составе русской армии. Одно время «оправданием» служило то, что между двумя странами не было конвенции о выдаче политических преступников и лиц, виновных в покушении на особу монарха, но в мае 1911 г. она всё-таки была подписана по настоянию Японии. В связи с поездкой

¹ Среди спутников князя, кроме Гото, надо отметить влиятельного бюрократа Вакацуки Рэйдиро, который позднее неоднократно занимал пост министра финансов (в том числе в третьем кабинете Кацура) и премьер-министра.

Кацура беспокойство возросло, тем более что незадолго до того был раскрыт заговор, предполагавший убийство генерал-губернатора Кореи Тэраути. Все эти факты, сообщал Самойлов, «делают вероятным существование какого-либо заговора и относительно его (Кацура – *В.М.*), поэтому вышеизложенное доложено мною нашему послу в Токио, которому также передан и истинный маршрут его путешествия, различный от того, который объявлен для публики». Японское посольство снова передало в МИД памятную записку с именами главных разыскиваемых преступников с просьбой выдать их японским властям в случае обнаружения. Их так и не нашли. Наверно, потому что не очень прилежно искали (39).

Прибытие Кацура и Гото в столицу, проездом через Москву, ожидалось 21 (8) июля (40). Время было выбрано удачно: 8 июля (25 июня) Сазонов и Мотоно подписали конвенцию о разграничении сфер влияния во внутренней Монголии. Монгольское государство со столицей в Урге (ныне Улан-Батор) формально оставалось частью Китая, но фактически отпало от него, поэтому Мотоно в январе 1912 г. предложил Сазонову заключить секретное соглашение по данному вопросу. После трудных, но деловых переговоров стороны подписали конвенцию «для того, чтобы избежать всякого повода к недоразумениям относительно их специальных интересов в Маньчжурии и Монголии». Определённая прежними соглашениями виртуальная демаркационная линия в Маньчжурии была продлена по течению рек Улунчурх и Мушиш, а затем по границе Хэйлунцзянской провинции и Внутренней Монголии до крайней точки границы Внутренней и Внешней Монголии (статья 1). Внутренняя Монголия к западу от пекинского меридиана объявлялась русской сферой, к востоку – японской (статья 2). Стороны, как водится, взаимно обязались признавать и уважать «специальные интересы» друг друга. Несмотря на секретный характер соглашения, японское правительство сочло нужным «засветить» его основные положения в печати и подать как свой новый успех (41).

В Петербурге гостей опекали начальник Канцелярии МИД Маврикий Шиллинг и его заместитель Николай Базили. Однако внезапная – и, как вскоре стало ясно, смертельная – болезнь им-

ператора Мэйдзи разрушила все планы. 15 июля император, несмотря на явное нездоровье, в последний раз появился на заседании Тайного совета, который обсуждал подписанную неделей раньше конвенцию о Монголии. Судьба русско-японских отношений волновала монарха, который перед заседанием пригласил к себе Ямагата, чтобы побеседовать о них. 19 июля император слёг окончательно. Днем позже последовало официальное объявление о тяжелой болезни, означавшее одно: надо готовиться к худшему. Кацура и его спутники были вынуждены вернуться в Японию, пробыв в столице Российской империи всего восемь дней и отказавшись от продолжения поездки. Даже аудиенция у Николая II не состоялась – князь считал за лучшее деликатно отказаться, поскольку его сюзерен лежал при смерти. Гости успели встретиться с Коковцовым, но запись их беседы пока не обнаружена.

26 (13) июля Кацура со свитой завтракал у Сазонова, а потом беседовал с министром. Гость заявил о желании Японии действовать солидарно с Россией в «китайских делах», но просил учитывать обязательства по англо-японскому союзу. Собеседники сошлись во мнении о необходимости согласованных действий. «Он (Кацура – *В.М.*) предвидит возможность наступления такого момента, когда России и Японии силою вещей придется перейти к более активной политике в Маньчжурии и к военному занятию каждою из них некоторых пунктов в сфере её влияния». Князь был уверен в сочувствии таким акциям со стороны Англии, министр – со стороны Франции, хотя заметил, что любые активные действия в Маньчжурии пройдут без осложнений только при условии соблюдения торговых интересов этих держав. «В заключение мы условились, – докладывал Сазонов Николаю II, – что при посещении Английского Двора осенью текущего года я буду зондировать почву, чтобы узнать, как отнесся бы Сент-Джемский кабинет к оккупации Маньчжурии. Князь Кацура находил это весьма желательным и просил меня не скрывать от Английских Министров, что, говоря от имени Российского правительства, я являюсь выразителем взглядов, пользующихся полным сочувствием Японии» (42).

Однако атлантист и англофил Сазонов – остряк Пуришкевич не случайно рифмовал его фамилию с характеристикой «друг российских фармазонов» – обещания не сдержал. Как видно из его подробного доклада царю о визите в Лондон, вопроса о Маньчжурии министр даже не касался. «В переговорах с Кацура, – отметил С.С. Григорцевич, – царское правительство стремилось выиграть время. Решительный отказ от обсуждения японского предложения немедленно ухудшил бы русско-японские отношения, а избранный царской дипломатией путь давал возможность затянуть ответ, а затем, под удобным предлогом, отказаться от обсуждения данного вопроса» (43). Руководство российской дипломатии в лице Извольского и особенно Сазонова недооценивало значение сотрудничества с Японией и опиралось исключительно на европейских союзников – Извольский больше на Францию, Сазонов на Англию – что сулило в перспективе только враждебность Германии, естественного геополитического партнера России на евразийском континенте. Показателен и такой факт: в позднейших мемуарах оба министра вообще обошли вниманием русско-японские отношения.

Покинув Петербург 28 (15) июля, Кацура и его спутники ехали по бескрайним просторам, наблюдая «континент» за окнами комфортабельного салон-вагона. Мысли их наверняка были заняты здоровьем августейшего сюзерена, но и об итогах преждевременно завершившейся миссии они не могли не думать. Визит закончился ничем, т. к. не дал осязаемых результатов, однако это произошло не по вине гостей. В японской и зарубежной печати замелькали «кисло-сладкие» комментарии (отклики русской прессы были благожелательны и оптимистичны). Особо отличалась токийская англоязычная газета «Japan Advertiser», издававшаяся американским евреем Флейшером. Малевский-Малевич, читавший местную прессу только на английском языке, не раз отмечал антирусскую направленность этой газеты, особенно по контрасту с общим прорусским или, по крайней мере, доброжелательным тоном большинства других изданий, включая официоз МИД «Japan Times». Сами визитеры были довольны. «Возвратился благополучно, – телеграфировал Кацура Сазонову. – Искренно благодарю за несказанную Вашу любезность в пребывании на-

шем в Вашей стране. Признательный Кацура». «Прибыв в Токио, выражаю сердечную благодарность за любезность, проявленную Вашим превосходительством. Гото» (44).

Кацура вернулся в Токио 11 августа, но только через 12 дней смог встретиться с Малевским-Малевицем, который, как обычно, составил подробный отчёт о встрече (45). «Князь Кацура принял меня сегодня с ответным визитом чрезвычайно любезно, – сообщал посол Сазонову, – и провел со мной в дружеской беседе, с глазу на глаз (беседа шла по-немецки – *В.М.*), более полутора часа. Она началась с выражения... глубокой благодарности Русскому Правительству и местным русским властям за меры, принятые в ограждение его безопасности во время путешествия и пребывания в наших пределах. Он считает всё сделанное у нас в этом отношении в высшей степени для него полезным, так как ещё накануне его отъезда покойный Император прислал ему сказать быть особенно осторожным в пути, в виду готовящегося на него покушения со стороны корейских эмигрантов...

О приёме, оказанном ему в Петербурге, Кацура говорит с большим удовольствием, особенно же о продолжительных беседах с Вашим Высокопревосходительством и Председателем Совета Министров. Из этих бесед он вынес впечатление полной уверенности, что Россия и Япония могут совершенно откровенно выяснить друг другу взаимные политические задачи в Китае и действовать в этой области солидарно и согласованно. Подробный доклад об этих беседах Кацура сделал чрез Барона Мотоно своему Правительству и только сожалеет, что не застал в живых покойного Императора и не мог лично доложить ему о результатах своего пребывания в Петербурге. Хотя он, Кацура, и не был облечен политической миссией, но обмен мнений с высшими руководителями русской политики послужил к закреплению в здешних правящих сферах уверенности, что искренность отношений между обоими правительствами обеспечена и что, в случае необходимости, они будут действовать рука об руку.

События, надвигающиеся в Китае, служат, по мнению Кацура, лучшим показателем того, в какой степени своевременна согласованность политики России и Японии в маньчжурском и монгольском вопросах; выступление Англии в Тибете приближает

момент разрешения этих вопросов в единении с нашими обоюдными союзниками, и он надеется, что предстоящее путешествие Ваше в Англию окончательно устранил те колебания, которые ранее проявлялись во взглядах великобританского правительства относительно единства Китая. Он думает, что ныне обстоятельства наглядно показали, насколько слабы связи собственно Китая с Монголией, Маньчжурией и Тибетом, и насколько опасно для сохранения всеобщего мира на Дальнем Востоке бесконечное затягивание теперешнего неопределенного положения этих областей в непосредственном соседстве с границами владений и сфер интересов России, Японии и Великобритании».

Как и в разговоре с Сазоновым, князь сразу перешел к делу. То, о чём он говорил Малевскому-Малевичу, с конца 1880-х годов было одной из аксиом «континентальной политики». Ито и Ямагата, а вслед за ними Кацура и Гото, рассматривали Тибет, Монголию и Маньчжурию, населенные неханьскими этносами, как территории, не входящие в состав «собственно Китая». Считая Китай если не противником, то, во всяком случае, объектом международных отношений, они хотели ослабить его, чтобы сделать более сговорчивым, а один из лучших путей его ослабления видели в территориальном расчленении. Именно это в японском политическом лексиконе на протяжении многих десятилетий называлось «маньчжурско-монгольской проблемой».

Точно так же рассуждали англичане, в начале 1900-х годов закрепившиеся в Тибете, – в том числе для обеспечения безопасности границ Индии, «жемчужины Британской империи». Точно так же рассуждали и русские, особенно после падения маньчжурской монархии, с которой Петербург связывал ряд открытых и тайных договоров. Китай начал погружаться в хаос ещё до Синьхайской революции, особенно со смертью в конце 1908 г. вдовствующей императрицы Цыси, которая почти полвека правила Срединной империей поистине железной рукой. Её смерть дала шанс реформаторам, понимавшим, что без радикальных преобразований Китаю грозят окончательное закабаление и распад, но их противников, выступавших за сохранение статус-кво и пытавшихся заручиться поддержкой иностранных держав, тоже нельзя было сбрасывать со счетов. С момента свержения династии в 1911 г.

китайское государство начало распадаться на глазах, прежде всего за счёт окраинных, неханьских территорий. Сепаратистское движение в Монголии вспыхнуло немедленно и за считанные месяцы добилось успеха в виде фактического отделения этой провинции от Китая и признания её независимости со стороны России – сначала де-факто, а потом и де-юре.

«О результатах своей поездки к нам Князь Кацура, по возвращении, подробно сообщал премьер-министру и министру иностранных дел, – продолжал Малевский-Малевич, – и вообще считает, что восьмидневное пребывание его истощило главнейшую цель его путешествия по Европе, которое он предполагал растянуть на несколько месяцев. Он лишь крайне сожалеет, что обстоятельства не дали ему возможности дожидаться Высочайшего приема. Также за необходимостью отъезда в виду печальных вестей о безнадежной болезни Императора, не пришлось ему видеть французского премьер-министра, который дважды телеграфировал ему в Петербург, прося задержаться там до его приезда».

Миссия в Россию была уже делом прошлым. Кацура устремился в будущее. 13 августа, сразу по возвращении, он получил одновременно два высших придворных поста – министра императорского двора (в русской дипломатической переписке «обер-камергера») и лорда-хранителя печати. Это давало князю возможность непосредственно влиять на молодого императора Тайсё, только что вступившего на престол, но лишь опосредованно – на государственную политику в целом. Инициатива назначения исходила от *гэнро* Ямагата, который хотел сделать своего протеже главным и единственным ментором нового монарха. Такое положение создавало благоприятную почву для закулисной борьбы, однако, либералы не противились назначению, рассчитывая удалить властолюбивого князя от текущей политики и дел кабинета и парламента: именно так оценил случившееся Малевский-Малевич (46). Для самурая невысокого происхождения, каков был Кацура, это служило превосходным завершением военной и политической карьеры, тем более что он мог оставаться на этих постах до самой смерти.

«Говоря о своём назначении на должность обер-камергера и хранителя государственных печатей, Князь Кацура не скрыл от

меня, что его новый пост вовсе не является почетной синекурой. Покойный Император, при всей своей огромной опытности и знании страны и людей, в важных случаях обращался за советом к своим доверенным лицам, так называемым “генро”, которых при нём было только три – Ито, Ямагата и Мацуката. Молодой Император, в юности часто болевший, совершенно не занимался государственными делами и лишь последние годы приучался к военной службе. Ему, при Его неопытности, ещё более нужны такие доверенные советники, прошедшие долгую государственную карьеру на ответственных местах. Одним из первых актов молодого микадо по вступлении на престол было подписание благодарственных рескриптов как прежним “генро” – Ямагата и Мацуката, так и Маршалу Ояма, Маркизу Иноуэ и ему, Князю Кацура, что тем самым сделало их всех членами личного совета Императора «генро», который собирается по мере надобности во дворце, или под председательством Его Величества, или под председательством принца Фусими старшего).

Термин *гэнро* («государственный старейшина») уже встречался на этих страницах, но пока не был должным образом объяснен. Так называлась группа «мудрецов», виднейших сановников, безоговорочно преданных императору Мэйдзи и не грешивших вольномыслием. Оппозиционеры вроде Итагаки и Окума, при всех их титулах и заслугах перед тронем, оказаться в числе *гэнро* никак не могли. Группа «государственных старейшин» в составе семи человек: Ито Хиробуми, Ямагата Аритомо, Курода Киётака, Мацуката Масаёси, Сайго Цугимити, Ояма Ивао, Иноуэ Каору – сложилась из практики обращения императора к ним за советом, однако их права и полномочия не были определены никаким документом или законом. Даже сам термин появился не сразу (первое упоминание в печати зафиксировано в 1892 г.), а в официальный обиход вошёл только в 1898 г., с формированием второго кабинета Ямагата. К этому времени Ито, Курода, Ямагата и Мацуката получили указы императора о назначении их «государственными старейшинами» (что, очевидно, имел в виду Кацура в разговоре с послом).

Обязанности и полномочия *гэнро* различались. Самыми влиятельными были Ито и Ямагата, которых можно назвать универсальными политиками. Курода, несмотря на чин генерал-лейте-

нанта, был известен как «хозяйственник» (10 лет министр по делам Хоккайдо, 5 лет министр сельского хозяйства), Мацуката как «финансовый гений», Сайго как морской министр (12 лет в должности), маршал Ояма как герой всех войн, в которых участвовала Япония, Иноуэ – как финансист и дипломат. С ними император консультировался по конкретным вопросам, находившимся в их компетенции, и не стал бы спрашивать Мацуката о тоннаже военного флота, а Ояма о перспективах получения займов в Европе. Ито, Ямагата и отчасти Иноуэ имели своё мнение обо всём. К 1912 г. Ито, Курода и Сайго умерли, Ояма отошёл от дел. Иноуэ и Мацуката, несмотря на возраст и недуги, продолжали вмешиваться в государственные дела, но после убийства Ито безоговорочно признали Ямагата «первым среди равных». Есть все основания полагать, что именно он в 1911 г. решил «омолодить» группу (Ояма, самому младшему, исполнилось семьдесят) за счёт Кацура, в 64 года полного сил и энергии.

Чем занимались *гэнро*, собравшись вместе? «На этих совещаниях, – рассказывал князь Малевскому-Малевичу, – обсуждаются как важнейшие государственные дела, так и вопросы фамильные и придворные. Но советы эти собираются не столь часто, между тем молодому Императору необходимо иметь постоянно при себе опытного советника, которому он вполне доверяет. Этой высокой роли руководителя молодого монарха в первых шагах его правления он, Кацура, посвятит все свои силы и всё умение и надеется принести пользу своему отечеству и трону вдали от политических тревожений и парламентской борьбы партий. Во дворце он бывает ежедневно от 9 часов утра до 3 часов по полудни, и всякий доклад, подносимый Императору, и от него исходящие резолюции и повеления проходят чрез его руки, он поэтому всё знает и за всем следит. Его новые должности поглощают всё его время, но он счастлив быть в такой близости к Императору и радуется видеть в своём молодом повелителе прекрасные качества ума и сердца. В разговоре со мной Князь Кацура называл Императора “mein junger Herr”¹, а иногда отечески – “mein junge”²».

¹ Мой молодой господин (нем.)

² Мой мальчик (нем.)

Двумя днями раньше посол беседовал с Гото: «Барон Гото вспоминает о своём кратком пребывании в Петербурге и Москве с большим удовольствием. Его поразила та перемена, которую он заметил у нас со времени своего последнего приезда в Россию, четыре года тому назад. Особенно бросились ему в глаза необыкновенное оживление торговли в Москве и множество новых строений, воздвигнутых на главных улицах первопрестольной. Он остался, видимо, тоже весьма доволен приемом, оказанным у нас ему и его спутникам. По его мнению, свидание Князя Кацура с Вашим Высокопревосходительством и председателем Совета Министров имело важное политическое значение и не останется без результата, несмотря на частный характер состоявшегося визита. Барон Гото полагает, что свидание Князя Кацура с русскими государственными людьми тем более будет способствовать укреплению дружественных отношений между обоими государствами, что положение Князя Кацура при дворе молодого Императора стало исключительным».

Важнейшей темой разговора стало новое назначение Кацура, о котором, по словам Гото, «существует двоякое мнение: одни думают, что новый пост совершенно исключает Князя из политической сферы деятельности, другие, наоборот, считают, что его новая придворная должность есть лишь переходная ступень к более активному выступлению во внутренних и внешних делах Империи. Он, Гото, имеет на этот вопрос свой личный взгляд, который сообщает мне по старому знакомству, вполне доверительно. Покойный император был человек большого опыта, железного здоровья и с самых юных лет принимал ближайшее участие во всех крупнейших государственных делах, лично руководя в нужных случаях своими министрами. Молодой Император с детства, напротив, отличался слабым здоровьем, часто хворал и провел всю свою юность вне всякого общения с государственными делами и интересами. Его берегли всеми мерами и не допускали до серьёзных занятий, щадя его слабые физические силы. Вследствие таких условий молодой Император, ныне значительно окрепший, не имеет, однако, ни опыта в государственных делах, ни знания людей и обстоятельств. При нём необходим человек,

умудрённый многолетним политическим опытом, знающий все отрасли государственного управления, видевший близко на деле всех главных государственных людей своего времени. Совет, руководство такого человека драгоценны для молодого, неопытного правителя. В этом отношении лучшего выбора нельзя было сделать – Князь Кацура отвечает всем условиям такого приближенного советника. Он, Барон Гото, поэтому не сомневается, что значение Князя Кацура будет всё возрастать и что влияние его даже вне открытой политической карьеры будет проявляться во всех важнейших делах как внутренних, так и внешних» (47).

Однако всё сложилось по-иному. В конце ноября 1912 г. военный министр маршал Уэхара Юсаку вступил в конфликт с правительством по вопросу о формировании двух новых дивизий, ссылаясь на то, что они необходимы для поддержания порядка в Корее. А также – добавляли некоторые газеты – для отражения потенциальной русской угрозы. Кабинет единодушно отверг его предложение со ссылкой на необходимость строгой экономии бюджетных средств. Заручившись поддержкой могущественного Ямагата, военный министр ушел в отставку, а предоставить новую кандидатуру армия отказалась. Поскольку министром мог быть только генерал на действительной службе, это автоматически привело к отставке всего правительства 5 декабря. Пресса и общественное мнение осудили действия Уэхара и Ямагата как политику грубого давления на кабинет, но старый маршал был непреклонен. Несмотря на советы и предостережения друзей, он выдвинул Кацура в премьеры, чем погубил его репутацию. Во-первых, тому пришлось отказаться от недавно полученных постов при дворе, что выглядело непочтительно по отношению к императору. Во-вторых, становиться премьером в напряженной ситуации, да ещё с подачи нелюбимого общественностью Ямагата, значило обрекать себя на жесткую критику по любому вопросу. Бывший морской министр адмирал Ямамото Гоннохё, опытный бюрократ Хирата Тосукэ и почтенный *гэнро* Мацуката от поста главы правительства отказались.

Процесс формирования нового кабинета шёл негладко, поскольку Кацура стал проявлять диктаторские наклонности. Мор-

ской министр адмирал Сайто Макото подал в отставку вместе со всеми остальными министрами, а рекомендовать его преемника флот отказался, как только что сделала армия после ухода Уэхара. Кацура хотел видеть Сайто в правительстве и добился издания императорского указа, повелевавшего адмиралу оставаться на своём посту, что вызвало новую вспышку недовольства. В качестве компенсации премьер пообещал выполнить дорогостоящую программу строительства новых военных кораблей, но уладить конфликт удалось лишь с большим трудом. Вообще же Кацура подбирал сотрудников по принципу личной преданности, не считаясь с общественным мнением. В итоге команда собралась неплохая, но рассчитывать на популярность ей не приходилось.

На первом приеме дипломатического корпуса глава правительства источал бодрость и оптимизм. Он просил Малевского-Малевича передать наилучшие пожелания «друзьям в России», намекая на скорый прогресс в двусторонних отношениях, и послал приветственную телеграмму Саонову (48). В день назначения министром путей сообщения нового кабинета Гото поспешил через секретаря засвидетельствовать Малевского-Малевичу своё почтение, а 25 декабря принимал его у себя.

«Заверья меня в своей личной приязни, – сообщал посол в Петербург, – барон Гото подтвердил свою готовность по-прежнему прилагать посильные старания к укреплению дружественных отношений между Японией и Россией. Хотя он не имеет прямого касательства к внешней политике, но в виду солидарности, связывающей кабинет, надеется быть столь же и впредь мне полезным, как был при Комура, например, когда возникли здесь предварительные переговоры о политическом соглашении 1910 г. Поблагодарив его за любезное обещание... я повел разговор на назначение барона Като (Такааки – *В.М.*), приезд коего из Лондона оповещен был в здешних газетах. Гото подтвердил мне с ещё большей определённою, чем князь Кацура, что Като предназначается на пост министра иностранных дел, но оговорился, что назначение это может состояться не прежде, как после выработки Кацура общей программы внешней политики нового правительства. Только в том случае, если эта программа будет принята ба-

роном Гото, последует указ о вступлении его (Като – *В.М.*) в кабинет».

Назначение англофила Като Такааки главой МИД как будто противоречило общей линии кабинета, но было не столько компромиссом с либералами внутри страны, сколько попыткой смягчить возможную негативную реакцию иностранных держав на обстоятельства вступления Кацура в должность. Гото откровенно признал, что определять политику будут он и премьер, а Като отводится роль исполнителя, хотя пост министра иностранных дел тот занимал не впервые.

«Затем мы коснулись недавнего министерского кризиса, причём я не скрыл от моего собеседника, – продолжал посол, – в какой степени сторонникам русско-японской дружбы было неприятно видеть в газетной полемике, по поводу проекта увеличения армии, что мотивом сформирования двух новых дивизий выступала, будто бы, агрессивная политика России в Китае. На это Гото мне заметил, что спор из-за двух дивизий возгорелся на почве соперничества между военным и морским ведомствами и что в пылу полемики сторонники военных сфер готовы были воспользоваться всякими сколько-нибудь правдоподобными аргументами, чтобы доказать свою правоту. Так же точно моряки, доказывавшие необходимость расширения флота, базировались на развитии северо-американского судостроительства, будто бы, угрожающем морскому положению Японии в Тихом океане. И та, и другая исходная точка спора были искусственны и нетактичны. Он, Гото, в соперничестве двух ведомств усматривал слабость недостаточно соединенного кабинета Сайондзи и уверен, что в твёрдых руках князя Кацура подобная полемика не повторится. Во всяком случае, по его мнению, во всём бывшем шуме много виновата распушенность прессы, которую надлежало бы подчинить большему контролю правительства.

Ему, с своей стороны, было также весьма неприятно читать в газетах, будто князь Кацура остался недоволен приёмом, оказанным (ему в – *В.М.*) России, и будто холодность наших взаимных отношений проявлялась в том, что на похоронах Императора Муцухито не присутствовала в качестве Представителя Государя Особа Императорской Фамилии. Он просит меня не придавать

этим толкам никакого значения. Я ответил ему, что действительно видел подобные заявления в газетах, но считал их ничем иным, как попытками наших завистников посеять раздор между нами; что я ни минуты не подозревал чего-либо серьезного за ними и вполне верю в искренность князя Кацура, который лично и официально выражал свою благодарность за оказанный ему у нас приём и меры, принятые во время его путешествия».

Несмотря на взаимные успокоительные заверения, отсутствие на похоронах императора Мэйдзи (13 сентября) представителя дома Романовых или хотя бы сановника в ранге министра бросалось в глаза и наводило на мысли о том, что в двусторонних отношениях не всё благополучно. Британию представлял сын королевы Виктории герцог Артур Коннотский, вручивший молодому императору Орден Подвязки, Германию – брат кайзера принц Генрих Прусский, Соединенные Штаты – госсекретарь Нокс. Россию, по неизвестным нам причинам, представлял только Малевский-Малевич, чинов которого – гофмейстер, сенатор и посол – было недостаточно для события такого уровня. Кроме того, официальный траур в Петербурге продолжался не месяц, как того требовал этикет, а всего две недели.

Разговор перешел к внутренним делам. Гото не проявил желания говорить об этом и только заметил, что «правительство не закрывает глаза на предстоящую оппозицию нижней палаты и не делает себе иллюзий». На этот раз он показался послу куда менее жизнерадостным и общительным, чем обычно, хотя всегдашней энергии не утратил. «Нет никакого сомнения, – суммировал Малевский-Малевич, – что главной рабочей силой в кабинете и правой рукой премьера является Гото (газеты называют его “вице-премьером”). Он, по слухам, служит посредствующим звеном между Кацура и новыми членами, поступившими в кабинет; при его посредстве, как мне известно из частного достоверного источника, собираются у больших предприятий суммы, нужные на подбор депутатских голосов. Между тем он ещё при первом своём вступлении в министерство Кацура утратил часть своей популярности и давно служит мишенью всевозможных нападок со стороны оппозиционных парламентских групп и либеральной печати» (49).

Положение нового правительства оказалось непрочным. Через несколько дней оппозиционные депутаты создали Общество защиты конституции и заявили о решимости положить конец господству бюрократов. Тем не менее, премьер вёл себя так, как будто ничего не происходит, и даже умудрился испортить отношения с Ямагата, демонстрируя независимость от него. Не дали желаемых результатов и усилия Кацура и Гото по созданию «партии власти», которая обеспечила бы им необходимую политическую базу в дополнение к поддержке со стороны бюрократии. Их детище – партия Риккэн-досикай, создание которой было провозглашено 7 февраля 1913 г. в присутствии 81 депутата и всех министров, – смогло объединить некоторое количество бюрократов, независимых депутатов и бывших оппозиционеров, но не имело прочной структуры и социальной базы. Ямагата и его консервативное окружение отрицательно отнеслись к идее создания новой партии.

Для контроля над депутатами имеющихся у кабинета сил не хватало. Премьер попытался удержать власть административными мерами, добившись императорского указа о продлении новогодних каникул парламента. Открытие сессии, главным вопросом на которой неизбежно стал бы вопрос о вотуме недоверия, 10 февраля вызвало массовые демонстрации в столице и крупных городах. Начались беспорядки. Полиция применила оружие, появились жертвы и арестованные. К вечеру порядок был восстановлен, но на следующий день Кацура подал в отставку, пробыв в власти всего 62 дня. Эти события получили название «кризис Тайсё» (50). Косвенным результатом случившегося стало осложнение отношений с Россией, поскольку новый премьер адмирал Ямамото отличался антирусскими настроениями.

Глава пятая

ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ И ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ЯПОНОВЕДЫ

Николай Японский считал «одной из причин нашей несчастной войны с Японией» то, что мы слишком мало знали о ней. 15 апреля 1904 г., после трагической гибели вице-адмирала Степана Макарова на броненосце «Петропавловск», он с горечью записал в дневнике: «Платится Россия за своё невежество и свою гордость: считали японцев необразованным и слабым народом, не приготовились, как должно, к войне, а довели японцев до войны, да ещё прозевали на первый раз». Того же мнения придерживался выдающийся востоковед генерал-лейтенант Андрей Снесарев: «Когда в последнюю войну с Японией у нас оказался сильный недостаток в переводчиках и проявлено было крупное незнание языка и стран Востока, то печать и общество по этому поводу стали метать громы и молнии, возмущаясь, как можно было не подготовить людей, знающих язык соседей. Теперь это улеглось и как будто позабылось. Но кто знает, какая гроза может вновь надвигнуться. Поэтому было бы желательно, чтобы наши студенты и офицеры теперь же были поставлены в условия, при которых, в случае надобности, могли бы спокойно разобраться по отношению к любой стране» (1).

Как это осуществлялось на практике?

Интенсивное освоение Дальнего Востока в последней четверти XIX в. быстро высветило нехватку специалистов по сопредельным странам – Китаю, Корее и Японии. Морское министерство ещё в 1889 г. подняло вопрос о создании во Владивостоке специального учебного заведения с курсами восточных языков и страноведения. В Приморье и Приамурье стали появляться курсы

китайского языка, на которых учились чиновники, офицеры и купцы. Но только в 1898 г. совместная комиссия министерств народного просвещения и финансов выработала решение об учреждении во Владивостоке Восточного института за казённый счёт. Согласно установленному порядку, решение было передано в Государственный совет, а оттуда – императору Николаю II, который 5 июня (24 мая) 1899 г. утвердил его и подписал «Положение о Восточном институте». Так на Дальнем Востоке России появилось первое высшее учебное заведение. Нынешний Дальневосточный государственный университет является его преемником, а потому считает эту дату днем своего основания.

2 ноября (21 октября) 1899 г. состоялось открытие Восточного института в присутствии приамурского генерал-губернатора Николая Гродекова, внесшего большой вклад в изучение Центральной Азии, и всех местных «нотаблей» в мундирах и при орденах. В торжественной обстановке были зачитаны приветствия президента Императорской академии наук великого князя Константина Константиновича, министра народного просвещения профессора Боголепова, министра финансов Витте, министра путей сообщения князя Хилкова и многих других, а также представителей Японии и Китая. Телеграмма Московского университета гласила: «Старейший русский университет приветствует в день открытия своего юнейшего брата, Восточный институт, и желает полного успеха на пути осуществления великих культурных задач».

Директором института, находившегося под надзором генерал-губернатора и лишённого академической автономии, был назначен профессор Петербургского университета Алексей Позднеев, крупнейший специалист-монголовед того времени, имевший чин действительного статского советника. Перед отъездом во Владивосток он удостоился аудиенции у императора, который выразил надежду, что Восточный институт даст России специалистов, в которых она так нуждается. Поначалу в нём было всего 26 студентов и 8 педагогов.

Продолжительность обучения в Восточном институте составляла четыре года. Со второго курса студенты распределялись по четырём отделениям или «разрядам»: китайско-японское, китайско-корейское, китайско-монгольское и китайско-маньчжурское.

Китайский и английский языки были общими и обязательными для всех. В 1900 г. здесь появились первые преподаватели японского языка – Евгений Спальвин, обладавший исключительными знаниями, но непростым характером, и рекомендованный им японец Маэда Кёцугу, ранее преподававший японский и немецкий языки в одной из лучших гимназий Токио. С 1902 г. в институте начал работать выпускник Петербургского университета Николай Кюнер, по окончании курса получивший не только золотую медаль, но и двухгодичную командировку в Китай, Корею и Японию. Кюнер прославился как полиглот (он владел десятью европейскими и семью восточными языками) и как лучший географ института, подготовив двухтомное «Географическое описание Тибета» и новаторское учебное пособие по географии Японии. Разумеется, это было бы невозможно без регулярных выездов в изучаемые страны, поэтому в Восточном институте была разработана система заграничных командировок для преподавателей – через два года на третий. Таким образом, преподаватели – сами в основном молодые люди – имели возможность не только учить, но и учиться, передавая студентам самые свежие знания.

Учащимся Восточного института предъявлялись следующие требования. На экзаменах студенты второго курса, т. е. после первой заграничной стажировки, должны были «без особых затруднений разбираться в разговорных текстах, написанных общедоступным слогом, читать наиболее доступные разделы газет и журналов, показать знакомство с основами скорописного письма и уметь разбирать легкие скорописные тексты. В устных беседах экзаменующийся должен был вести разговор на общебытовые темы. На третьем и четвёртом курсах при хорошем знании 2700 иероглифов¹ необходимо переводить статьи и сообщения военно-политического значения, быть знакомым с основами официальной и частной переписки. Студенты должны составлять простейшие скорописные тексты в общеупотребительном их начертании, составлять простейшие бумаги делового характера,

¹ Обязательный иероглифический минимум того времени. В современной Японии составляет 2300 иероглифов.

в разговорном языке уметь передавать содержание статьи, прочитанной вслух преподавателем».

Восточный институт собрал талантливых людей со всей страны – и в качестве педагогов, и в качестве студентов – а поэтому стал не только хорошим учебным заведением прикладного характера, как планировалось вначале, но и крупным научным центром. Многие предметы читались здесь впервые в России, по ним же были выпущены первые в нашей стране учебные пособия, которые охотно выписывали другие университеты и библиотеки. Институтская типография располагала уникальным набором шрифтов основных восточных языков: кассы японского набора выписывались из Японии, фирма «Канэко» изготовила и бесплатно прислала во Владивосток 20 касс набора. Так что, подводя итог 11 годам работы, руководство Восточного института с законной гордостью отмечало, что он, «служа делу изучения дальневосточных стран, является в то же время проводником знакомства с ними в русском обществе и тем самым способствует сближению между двумя противоположными мирами к лучшему их взаимному пониманию».

С первых месяцев существования Восточный институт выпускал «Известия» (в 1900–1916 гг. вышел 61 номер в 80 выпусках) – учёные записки, читавшиеся и в Европе: рассматривался проект их перевода на английский язык. Особый интерес вызывала прилагавшаяся к «Известиям» «Современная летопись Дальнего Востока» под редакцией Спальвина, содержавшая разнообразные сведения о текущих событиях в регионе, а также рецензии на книги и журналы. Заслуженной известностью пользовалась институтская библиотека, пополнявшаяся не только за казённый счёт, но усилиями профессоров, студентов и местных спонсоров из числа чиновников и купцов.

Первый директор института Позднеев был крупным учёным, но строгим педагогом и «старорежимным» администратором, за что годы его директорства недовольные прозвали «монгольским игом». Специфический характер Восточного института привёл к тому, что поначалу студенты находились фактически на казарменном положении. В документах сохранился их распорядок дня:

- 7.00. Подъём
- 7.30. Молитва. Чай с булкой.
- 9.00. Лекции по 50 минут.
- 14.30. Обед.
- 16.30–18.30. Практические занятия.
- 18.30. Вечерний чай.
- 19.00–21.30. Самостоятельные вечерние занятия.
- 21.30. Чай. Молитва.
- 23.00. Отбой.

Отлучаться из общежития, совмещённого с учебными классами, студенты могли только с разрешения инспектора, причём о том, чтобы ночевать «на стороне», не было и речи. Посещение их родителями и друзьями допускалось лишь с 14.30 до 16.30, вместо обеда, или с 18.30 до 21.00, вместо самостоятельных вечерних занятий, тоже с разрешения инспектора и не где-нибудь, а в специальной комнате при общежитии. Инициатором строгостей был первый директор Позднеев, стремившийся оградить своих питомцев от любой «крамолы» – как политической, так и бытовой. Он с радостью цитировал статью во владивостокской газете, окрестившую его студентов «институтками» за «всегда скромное поведение на улице и в обществе», и с удовлетворением отмечал, что студенты из местных жителей не болтаются где попало, но «большая часть их проводит время дома: за роялем и пением». Следует помнить, что Владивосток того времени был новым городом, без каких-либо культурных традиций, с пёстрым национальным и социальным составом, а Восточный институт оставался в нём единственным высшим учебным заведением.

Финансировавшийся властями институт должен был воспитывать не только профессионалов, но и верных «государевых людей», будь они военными или штатскими. В те времена все студенты Российской империи должны были носить форменную одежду, создававшую иллюзию социального равенства и призванную воспитывать гордость за своё учебное заведение, за свою профессиональную корпорацию «медиков», «горняков» или «путейцев». Студентам Восточного института полагался мундир тёмно-зелёного сукна, застегивающийся на девять жёлтых метал-

лических пуговиц с изображением на них букв «В. И.» (Восточный институт), воротник и обшлага из темно-синего сукна с двумя петлицами из золотого галуна на них и с двумя жёлтыми металлическими пуговицами на каждом рукаве. При мундире шпага, которая носилась в разрезе на левой стороне мундира. Фуражка тёмно-зелёного сукна с околышем из тёмно-синего сукна; по верху фуражки суконная выпушка. Сюртук тёмно-зелёного сукна, двубортный, застегивающийся на шесть металлических пуговиц с буквами «В.И.». Шаровары тёмно-зелёного сукна, носимые поверх сапог. Полупальто, пальто или – на выбор – шинель тёмно-серого сукна офицерского образца.

10 июня (28 мая) 1903 г. состоялся первый выпуск Восточного института. Полгода спустя началась русско-японская война, на которую были мобилизованы многие выпускники и студенты (48 из 120). Некоторые источники сообщают, что на всю русскую армию нашлись всего *три* человека, владеющие японским языком, – все из Восточного института, поскольку Петербургский университет не смог представить *ни одного* студента со знанием языка «наиболее вероятного противника». Однако квалифицированные специалисты по Японии в императорской армии были. Например, Михаил Адабаш, занимавший должность столоначальника и помощника начальника Седьмого отделения генерального штаба «Военная статистика иностранных государств», собиравшего информацию об иностранных армиях. В июле–ноябре 1902 г. Адабаш был командирован в Страну корня солнца для изучения военных реформ, где поработал на славу. В 1904 г., когда война уже шла, под его редакцией были изданы переводы более дюжины уставов и наставлений японской армии, причём по важным конкретным вопросам: наведение понтонных мостов, укладка и погрузка обозов, постройка полевого телеграфа, сапёрные работы и т. д. Если бы всё это было издано и изучено несколькими годами ранее...

Потенциальные военные (особенно разведывательно-аналитические) возможности института были оценены уже в процессе его создания. «Положение о Восточном институте» 1899 г. предусматривало ежегодный приём в число слушателей четырёх офицеров по назначению приамурского генерал-губернатора. При

поддержке директора института Позднеева их число с 1902 г. было доведено до 10 (при общем числе студентов 100 человек), а с 1905/06 учебного года – до 20. Опыт войны требовал срочного принятия мер, и офицеров стали присылать из всех военных округов, а не только из Приамурского. Однако русско-японская война и последовавшие за ней революционные события вынудили изменить порядок подготовки офицеров-восточников, как их официально называли. С 1910/11 учебного года при институте была учреждена Окружная подготовительная школа переводчиков с учетом военной специфики: после восьмимесячного «теоретического» языкового курса офицеров отправляли на стажировку в страну изучаемого языка, как это было и в Восточном институте. С началом Первой мировой войны все офицеры были отозваны, а школа прекратила своё существование, чтобы ненадолго воскреснуть под властью «белых», которой требовались специалисты со знанием восточных языков (2).

Алексей Позднеев и его младший брат Дмитрий, сменивший старшего в должности директора в 1904 г., считали, что офицеры «подтянут» остальных студентов, многие из которых, особенно бывшие семинаристы, не отличались прилежанием и усидчивостью – а без этого восточными языками не овладеть! Но отношения между «студизусами» и «армейскими» осложнились сначала во время русско-японской войны, дезорганизовавшей работу института, затем во время революционных волнений, когда волной хлынула «крамола». Впрочем, первый случай открытого недовольства в стенах Восточного института относится к началу 1903 г. Поводом стало... тухлое мясо в казённой столовой, где студенты были вынуждены питаться из-за непомерной дороговизны жизни в городе. За этим последовали требования смягчить институтский режим: отменить обязательное посещение лекций («мы не гимназисты какие-нибудь!»), вечерние занятия с «носителями языка», стоящими, как говорилось в одном из документов, «по своему умственному развитию ниже каждого студента», и, наконец, обязательные отчёты о командировках, подготовка которых якобы отрывает время от занятий языками.

Директор решительно возражал против любых изменений, объясняя перечисленные требования элементарной ленью недо-

вольных и ехидно заметив, что «первые беспорядки открылись именно в ту пору, когда должно было обнаружиться безделье лиц, принимавших в них участие, т. е. за месяц до экзаменов». Конференция – собрание профессорско-преподавательского состава – института не согласилась с начальником, сделав вывод, что студенты всерьёз хотят реформ. Осенью 1903 г. Позднеев, которого, несмотря на несомненные научные заслуги и административные таланты, коллеги вспоминали как «капризного и тяжёлого старика (в описываемое время ему было 52 года! – *В.М.*), душившего всякое свободное проявление организованного студенческого общения как между собой, так и с профессорами», подал в отставку. Новым директором стал его брат Дмитрий Матвеевич, бывший приват-доцент Петербургского университета и директор Пекинского отделения Русско-Китайского банка – детища Вите, созданного для обеспечения финансовых операций казны на Дальнем Востоке. Младший Позднеев был китаистом, но, оставив в 1906 г. службу в Восточном институте, четыре года проработал в Японии, основательно изучил её язык и составил первый японско-русский иероглифический словарь. Он тоже выступал против предоставления институту академических свобод, но, осознав, что этого требует большинство коллег, в конце 1905 г. подал в отставку, хотя был официально уволен от должности только год спустя. Его преемником был назначен профессор-китаист Аполлинарий Рудаков, остававшийся на этой должности до самой революции. Институт получил автономию ещё в директорство Дмитрия Позднеева, но без его участия. Новый директор Рудаков энергично взялся за демократические преобразования, которые повысили авторитет преподавателей и в лучшую сторону повлияли на качество обучения.

Как складывались судьбы выпускников Восточного института? Выполнил ли он своё предназначение? На второй вопрос можно ответить утвердительно. Большая часть окончивших курс оказалась на дипломатической и консульской службе в качестве «рабочих лошадей» – драгоманов (переводчиков) и вице-консулов с ограниченными перспективами карьерного роста. Так обстояло дело не только в России, но в Японии и во многих других странах: аристократы и молодые люди из «хороших семей», за-

кончившие престижные университеты, обладавшие изысканными манерами и знанием французского языка – главного средства международного дипломатического общения той эпохи, – считались пригодными для службы в любой стране, в то время как «толмачам» и консулам отводилась рутинная работа, требовавшая специальных знаний. Посол или посланник не обязан был знать язык страны пребывания – для этого у него был переводчик. Но иметь собственное мнение переводчику не полагалось, даже если он знал страну гораздо лучше своего шефа.

Историки подсчитали, что в среднем 85 % выпускников Восточного института нашли работу в соответствии с полученной специальностью. Штатские могли сами выбирать себе карьеру. Как ни странно, хуже всего было с «трудоустройством» у военных: с 1903 г. по 1912 г. полный курс института окончили 104 офицера. Большинство возвращалось в свои части на строевые должности, где их знания могли понадобиться разве что в случае войны. Некоторые сразу же выходили в отставку и поступали на гражданскую службу: например, штабс-капитан Андрей Болобан нашёл применение полученной специальности япониста в экономическом отделе КВЖД, а затем стал агентом (представителем) Министерства торговли и промышленности в Монголии и опубликовал ряд интересных востоковедных работ, среди которых есть даже «Любовь у китайцев».

Несомненно, офицеров привлекала возможность стажировки в изучаемой стране сроком от одного до двух лет. Сначала на неё отводилось всего полгода, но военный агент в Токио Самойлов аргументированно доказал чинам генерального штаба, что даже способному японцу требуется не менее 3–4 лет для овладения иероглификой¹, не говоря уже о скорописи. Ссылаясь на личный опыт – а Самойлов, несмотря на отсутствие базового востоковедного образования, неплохо овладел как иероглификой, так и устной речью – и на опыт других европейских держав, командировавших офицеров в Японию для изучения языка и страны, он считал, что «наименьший срок, в который можно приобрести знания, необходимые для того, чтобы говорить, немного читать

¹ Полный курс школьного образования в современной Японии – 12 лет.

и писать в размере, достаточном для военных целей, надо считать в два года». Кроме того, Самойлов просил не давать офицерам-стажерам дополнительных поручений, в том числе секретного характера. Иначе время, проведённое в командировке, можно считать потерянным (по крайней мере, для службы), а деньги – выброшенными на ветер.

Вопрос был не только в профессиональных, но и в человеческих качествах офицеров-восточников. Поначалу командировки не предусматривали ни фиксированных учебных программ, ни контроля за занятиями – в отличие от порядка, заведённого, скажем, у англичан. Результаты не заставили себя долго ждать. Отметив, что командируемые в Токио до русско-японской войны офицеры нареканий не вызывали, Самойлов весной 1907 г. прямо писал, что после войны положение изменилось в худшую сторону, а потому просил производить строгий отбор кандидатов и «немедленно отзываться их и исключать из института за совершение поступков, позорящих звание офицера». Дело было не в том, что приезжающие офицеры не считали нужным представляться военному агенту и приходили к нему лишь за деньгами, якобы дополнительно отпущенными на их содержание, да за справками о болезни, чтобы подольше задержаться в Японии, причём порой делали это «не в приличной форме и дерзко».

Будучи образцовым офицером, Самойлов не вмешивался в то, что лежало за пределами его компетенции, но, располагая огромным опытом, решался давать начальству советы. Вот что он предлагал.

Заранее сообщать ему списки командируемых офицеров для оповещения японского военного министерства и выдавать им удостоверения установленного образца для постоянного ношения при себе: это исключало секретную работу, но предупреждало многие возможные неприятности в стране, где каждый «белый» иностранец автоматически становился объектом слежки.

Обязать офицеров представляться военному агенту сразу по приезде: «некоторое руководство, хотя бы на первое время, принесет им только пользу».

Уведомить их, что жизнь в Японии дорога и ни у посольства, ни у военного агента дополнительных средств на их содержание нет.

Не выдавать им денежное довольствие на руки за один раз, а переводить по частям через банк, «имея в виду слабость характера».

Внушить офицерам держать себя прилично, носить штатское платье: «но не рубахи, как рабочие» – писал Самойлов, навидавшись всякого, – помнить, что японцы, да и европейцы следят за каждым их шагом и, если те совершат что-то предосудительное, «осмеивают в лице их всю русскую армию» (3).

Что представляли из себя японисты Восточного института? Начнем с уроженца Риги Евгения Спальвина – потомственного лингвиста и педагога (его отец составил первую латышскую грамматику). Выпускник Петербургского университета по китайско-японскому отделению, он увидел в Восточном институте идеальное место для профессиональной самореализации, успев проработать два года преподавателем русского языка в Токийской высшей школе (ныне университет) иностранных языков и в совершенстве овладеть японским языком. Спальвин славился универсализмом: был прекрасным педагогом, после занятий которого студенты долго не хотели расходиться; составил уникальные не только для своего времени учебники, например, «Японские анекдоты, краткие рассказы и пословицы» или «Пособие для изучения более трудных форм современного японского делового разговорного языка»; создал ценные лингвистические и библиографические работы; редактировал научные журналы, имевшие международную славу; в качестве заведующего библиотекой института содействовал её пополнению и научному описанию, попутно собрав собственную уникальную коллекцию книг по Японии и японоведению (к сожалению, она пропала). За это профессору прощались повышенная требовательность и аккуратность, нередко переходившие в сухость и педантизм.

Преподавателем-носителем японского языка Спальвин пригласил своего знакомого по Токио Маэда Кёцугу, который был на самом лучшем счету у начальства. С началом войны супруги Маэда остались в России и приняли русское подданство, что избавило их от депортации. Судьба Маэда сложилась трагически: в 1907 г., когда страсти уже вроде бы улеглись, он поехал домой для встречи с родственниками и был убит прямо на улице – то ли фанати-

ком-националистом, то ли просто бродягой. Спальвин женился на его вдове.

Революцию и гражданскую войну он пережил благополучно, хотя был членом буржуазной партии кадетов. В 1925 г. Спальвин оставил преподавание и перешел на дипломатическую службу, отправившись в Токио в качестве главного переводчика советского полпредства и представителя Всесоюзного общества культурных связей с заграницей. Его докладные записки из Токио в Москву, содержащие интереснейшую хронику контактов между нашими странами, до сих пор лежат в архивах и ждут своего часа. Шесть лет спустя Спальвин переехал в Харбин по приглашению правления Китайской восточной железной дороги, находившейся под советским контролем: с началом японской оккупации Маньчжурии здесь особенно требовались хорошие специалисты. 10 ноября 1933 г. он скончался в центральной больнице города: согласно медицинскому заключению, «от заворота тонких кишок», по слухам – «помогли» японцы, политику которых он резко и открыто критиковал. Спальвин не был эмигрантом и не подвергался репрессиям, но тем не менее его имя до недавнего времени оставалось несправедливо забытым (4).

Офицер Забайкальского казачьего войска Василий Мендрин поступил в Восточный институт, когда ему было уже 35 лет. В Японии он побывал ещё перед войной, а в 1908 г., выйдя в отставку, определился в родной институт преподавателем. Ещё во время обучения он перевел с английского языка классический труд В.Г. Астона «История японской литературы», напечатанный в «Известиях Восточного института», удостоенный золотой медали и замеченный в столицах – благожелательной рецензией на него откликнулся Валерий Брюсов в московском символистском журнале «Весы». В дополнение к преподавательской работе Мендрин написал учебник по японскому эпистолярному стилю и много переводил (некоторые его переводы переиздаются до сих пор). Отставной войсковой старшина славился как блестящий лектор и стал первым выборным ректором созданного в 1918 г. Высшего политехникума (впоследствии Политехнический институт), но умер всего через четыре года. Могила его затеряна, а «обширный научный архив», как сообщают словари, утрачен.

Революция развела «восточников» по разные стороны баррикады, хотя сам институт всеми силами старался остаться в стороне от смуты. Ротмистр Василий Крылов, переводчик при штабе Забайкальского округа пограничной стражи, оставил о себе мало биографических сведений, но зато целую библиотеку словарей, справочников, разговорников и библиографических обзоров, продолжив эту работу в Маньчжурии, куда перебрался после окончательной победы большевиков. Подполковник генерального штаба Георгий Романовский в 1907–1911 гг. выпустил ряд ценных оригинальных и переводных работ о японской армии и об обороне Порт-Артура, в которой сам принимал участие. В 1917 г., эмигрировав от «красных» в чине генерал-лейтенанта, он стал первым председателем Объединённого комитета русских эмигрантских обществ в Японии, а с 1920 г. редактировал газету «Дело России». Оказались в эмиграции и опытные разведчики. Полковник Василий Блонский служил в основном в Китае, в том числе помощником военного агента, но заслужил за знание японского языка золотую медаль Восточного института и высокую оценку скупого на похвалы Спальвина. Подполковник Александр Цепушелов принимал активное участие в создании агентурной сети в Китае и Японии, одним из первых начал вести учёт выпускников Восточного института, а позднее стал видной фигурой «русского Шанхая», откуда после Второй мировой войны сумел перебраться в США.

Среди японоведов из числа «офицеров-восточников», перешедших на сторону Красной армии, привлекают внимание судьбы капитана Алексея Луцкого и штабс-капитана Константина Харнского. Луцкий окончил Окружную подготовительную школу переводчиков, стажировался в Японии и считался одним из лучших знатоков организации и методов работы японской разведки. После Февральской революции он стал эсером и первым председателем Иркутского Совета солдатских депутатов, затем Временное правительство назначило его начальником Харбинского контрразведывательного пункта. В конце 1917 г. Луцкий вступил в партию большевиков – под влиянием главы Харбинского Совета Мартемьяна Рютина, позже бросившего смелый вызов сталинской диктатуре. Разведывательную и контрразведывательную ра-

боту он сочетал с выступлениями в прессе под псевдонимом «Восточник», показав не только глубокие специальные знания, но и талант публициста. Затем Луцкий оказался на территории, занятой «белыми», и в силу «анкетных данных» был принят на службу в контрразведку, продолжая поддерживать связь с большевистским подпольем. После нескольких арестов и освобождений он был схвачен японцами во Владивостоке в апреле 1920 г. вместе с Сергеем Лазо и выдан казакам, от рук которых погиб.

Потомственного дворянина Харнского, ставшего в годы гражданской войны большевистским пропагандистом, а после неё крупным ученым и заведующим кафедрой Дальневосточного университета, расстреляли свои же – в 1938 г. по стандартному для японоведов обвинению «шпионаж в пользу Японии». Выбравший во время гражданской войны сторону большевиков генерал-майор Виктор Яхонтов, военный агент в Токио в 1916–1918 гг., решил переехать в Советский Союз только в 1975 г., когда ему было 94 года. Перед Первой мировой войной все они стажировались в Японии и в результате опубликовали интересные оригинальные и переводные работы.

Серьёзное изучение Японии и японского языка в Петербургском императорском университете началось позже, чем во Владивостоке, – лишь на рубеже 1900-х и 1910-х годов. Но собравшиеся там молодые люди стали основоположниками научного японоведения – причём не только в нашей стране.

10 июля 1912 г. император Мэйдзи присутствовал на выпускной церемонии в Токийском университете, где должен был вручать золотые часы лучшему выпускнику по каждой специальности. Он изумился, увидев среди новоиспеченных бакалавров «белого» иностранца, и пришёл в плохо скрываемую ярость, узнав, что его специальность – японская литература. Вероятно, посчитав случившееся национальным позором, монарх часы ему не вручил, а вскоре смертельно заболел – не от пережитого ли стресса?! Отличника звали Сергей Григорьевич Елисеев: он происходил из семьи купцов-миллионеров, которым принадлежали «Елисеевские» магазины в Петербурге и Москве. Он частично добился справедливости: ректор вручил ему часы, но не золотые, а серебряные. Но как он вообще там оказался?

Второй сын главы торгового дома «Братья Елисеевы» Сергей Григорьевич совершенно не был расположен к коммерции, поэтому в 1907 г. отец отправил его учиться в Берлин, щедро снабдив деньгами. Там молодой человек познакомился с японцами и заинтересовался их языком и культурой. По совету новых друзей Елисеев поехал учиться в Токио, где, не будучи стеснён в средствах, сразу же нанял себе лучших преподавателей. Будучи любителем искусства и обладая артистической натурой, Елисеев сдружился с актёрами театра Кабуки, где все женские роли исполняли мужчины (говорят, он сам любил ходить по улицам японской столицы в женском кимоно, прикрывая тщательно загримированное, но всё же европейское лицо веером), и стал своим человеком в доме знаменитого писателя Нацумэ Сосэки, которого называют «японским Чеховым». Сергей Григорьевич был первым европейцем, получившим высшее образование в Японии, к тому же в лучшем университете, да ещё с такими результатами. Правда, в списке выпускников его иностранная фамилия шла последней, так как была записана не иероглифами, а знаками слоговой азбуки *катакана*.

По возвращении в Петроград в 1914 г. «японский учёный Елисеев», как его с гордостью называли русские газеты, сдал магистерские экзамены при университете и начал преподавать там, предварительно добившись официального признания токийского диплома о высшем образовании (прецедентов ещё не было!). Молодой эрудит оказался нарасхват: переводчик министра иностранных дел Сазонова, вице-президент Дальневосточной секции Торговой палаты, секретарь Дальневосточной секции Археологического общества и так далее, ещё строк на пять. Насыщенную жизнь прервала революция. Февральскую – Елисеев принял, примкнув к кадетам, но по мере развития событий оптимизм таял. Летом 1917 г. ему удалось на несколько месяцев съездить в Японию. 25 сентября, проехав по охваченной волнениями и беспорядками стране, он писал из Петрограда своему младшему коллеге Оресту Плетнеру, стажировавшемуся в Токио:

«В политике грустно и не видно ничего светлого... Получается трагическое положение (в России всегда всё трагично)... В провинции полная анархия, не признают никаких властей, судей

за цепи выволакивают из судов и высшим авторитетом считается любой солдат. Во многих местах начались аграрные беспорядки и погромы... Люди, мистически настроенные и живущие верой, надеются, что велик Бог земли русской, и кривая вывезет. В Петрограде ждут налета цеппелинов, но живут все по-старому: кинематографы полны, в Мариинском театре балет... На днях у меня был Поливанов. Он собирается ехать в Японию, но когда поедет – неизвестно. Конрад уехал в Орловскую губернию, и я его ещё не видел. Вашего брата тоже не видел... Да, весёлого мало, но всё-таки здесь, в Петрограде, вблизи событий, спокойнее и не так нервничаешь» (5).

После Октября Сергей Григорьевич автоматически стал «представителем эксплуататорских классов» со всеми вытекающими последствиями. 28 мая 1919 г. чекисты взяли его под арест «за отца», то есть в заложники, но через десять дней освободили по ходатайству университета и Академии наук. В 1920 г. он опубликовал краткий очерк «Японская литература» – от мифов древности до романов своего старшего друга Нацумэ Сосэки. Это единственная научная работа, которую Елисеев успел напечатать по-русски. Тем не менее она появилась в солидном сборнике «Восточная литература», где молодой приват-доцент соседствовал с такими корифеями востоковедения, как академики Борис Тураев и Сергей Ольденбург. Очерк Елисеева до сих пор считается лучшим введением в японскую литературу, написанным на русском языке.

Жить под постоянной угрозой нового ареста было тяжело. В сентябре 1920 г. Сергей Григорьевич вместе с женой и двумя маленькими сыновьями с помощью финна-контрабандиста переправился на лодке через Финский залив. Добравшись до Парижа, он обнаружил, что взятые с собой фамильные драгоценности никому не нужны – их везли все эмигранты, а потому цены на них катастрофически упали – и поступил переводчиком в японское посольство, ибо знал французский язык так же хорошо, как японский. Устроиться на работу беженцу из России помог случайно встреченный на парижской улице атташе японского посольства Асида Хитоси, бывший однокашник по Токийскому университету и будущий послевоенный премьер-министр Японии. Вскоре

Елисеев смог вернуться к научной работе по специальности и быстро занял ведущие позиции во французской японистике: был хранителем коллекций знаменитого музея Гимэ, преподавал в Сорбонне и в Школе живых восточных языков, выпустил блестящие работы о японской мифологии и театре, активно рецензировал новые книги.

В 1932 г. Елисеева пригласили в Гарвардский университет – американцы обнаружили, что Япония окончательно вытесняет их из Китая и укрепляется на Тихом океане, а серьёзного японоведения у них нет. Сергей Григорьевич проработал профессором в Гарварде с 1934 г. по 1956 г., создав там практически «с нуля» мировой центр японистики, но сам писал мало, выпуская в основном учебники и хрестоматии. Во время Второй мировой войны именно он спас древнюю японскую столицу Киото, убедив американцев не бомбить её – а с его мнением считался даже главнокомандующий на Тихом океане генерал Макартур. Жаль, в сегодняшней Японии мало кто об этом знает! Выйдя на пенсию, Елисеев вернулся в любимый Париж, где умер в 1975 г. в возрасте 86 лет. Вадим и Никита Елисеевы продолжили дело отца, став всемирно известными историками и культурологами: первый – специалистом по Японии и Китаю, второй – по Ближнему Востоку (6).

Николай Иосифович Конрад и Евгений Дмитриевич Поливанов родились в 1891 г., Николай Александрович Невский и Орест Викторович Плетнер в 1892 г. Выпускники Петербургского университета, первые трое выбрали академическую карьеру и в 1914–1915 гг. были отправлены в Японию за казенный счёт, четвёртый определился на дипломатическую службу в качестве переводчика, но тоже преследовал научные цели. Старшие ехали туда уже сложившимися учеными: Поливанов защитил магистерскую диссертацию о японских диалектах, Конрад опубликовал работы о японской системе школьного образования. Стажировка, базой которой стал Токийский университет, преследовала две цели: углубление имеющихся знаний и подготовка будущих диссертаций и лекционных курсов. Лингвист Поливанов занялся изучением фонетики, расширил и дополнил диссертацию о диалектах для отдельного издания и создал систему транскрипции

японского языка, которая используется до сих пор. Конрад сочетал углубленное изучение китайской и японской классической литературы с работами по истории феодального землевладения. Невский едва ли не первым в России занялся серьёзным изучением традиционной японской религии синто.

Молодые учёные из России встречали максимальное содействие со стороны как администрации Токийского университета – залог успеха любой стажировки – так и японских коллег, от профессоров до аспирантов и студентов. Стажеры работали увлеченно и самозабвенно: посещали лекции и семинары, штудировали древние памятники и научную литературу. По мере возможности ездили по стране для полевых исследований: Поливанов собирал лингвистический материал, Невский – фольклорный и этнографический. Словом, не теряли отведённого времени, готовясь вернуться в родной университет и передать полученные знания новым поколениям студентов, которых, как они надеялись, будет всё больше и больше.

Первым в Петроград вернулся Поливанов, ставший приват-доцентом на одной кафедре с Елисеевым. С началом революции он встал на сторону большевиков и в 1919 г. вступил в партию, работал в Народном комиссариате по иностранным делам, в Балтфлоте, в Коминтерне и даже в Китайском Совете рабочих депутатов в Петрограде. К этой работе он привлёк Конрада, но тот предпочитал смотреть на события, как он сам говорил, «с надпартийной вышки». Вскоре пути их разошлись. Неугомонному Поливанову, с легкостью овладевавшему всё новыми и новыми языками, стало тесно в японистике: он занялся общими проблемами языкознания, одним из первых пытаясь применить к этой науке марксистскую методологию. Вскоре он переехал на работу в Среднюю Азию – преподавал в Ташкенте, Самарканде, Фрунзе, организовывал экспедиции, писал грамматики и учебники, участвовал в «культурном строительстве» – в частности, в переводе письменности народов Советского Востока на латинский шрифт, что в двадцатые годы считалось наиболее революционным. Судьбу талантливого лингвиста решило официальное признание «нового учения о языке» академика Николая Марра в качестве канона советской науки. Поливанов, выступавший против него ещё

с 1920-х годов, был в 1937 г. арестован и годом позже расстрелян как «японский шпион», завербованный во время стажировки. Научная реабилитация Евгения Дмитриевича, которого Виктор Шкловский называл «самым обычным гениальным человеком», состоялась только в 1960-е годы, когда были переизданы его лингвистические труды; в 1976 г. в Токио вышел сборник его работ по японскому языку. Яркая личность, вызывавшая бурные споры в науке и симпатию и антипатию в личных отношениях, не обойдена вниманием исследователей (7), но в «японских» и «наркоминдельских» страницах его биографии ещё могут оказаться неожиданности.

В отличие от Поливанова, Конрад не изменял Дальнему Востоку, став выдающимся японистом и китаистом, и не стремился к политической деятельности. Как, наверно, все советские японоведы – за исключением нескольких «секретных сотрудников» НКВД – он не избежал тюрьмы и лагеря, дважды отказываясь от сделанных под пытками «признаний» всё в том же «шпионаже в пользу Японии». За свою долгую жизнь (он умер в 1970 г. в возрасте 79 лет) Николай Иосифович профессорствовал во многих университетах, заложив основы советской японистики, написал несколько замечательных книг, стал академиком и кавалером ордена Восходящего солнца 2-й степени, которым в 1969 г. его наградило японское правительство. Сколько-нибудь полной биографии этого выдающегося учёного и интересного человека до сих пор не написано.

В «японском» жизнеописании Николая Иосифовича есть загадочный сюжет, пока не получивший объяснения. В январе 1918 г. в прессе Страны корня солнца вдруг стали появляться слухи о том, что большевистское правительство назначило его... послом в Токио. 17 января выходящая в Окаяма газета «Санъё симпо», ссылаясь на толки о прибытии Конрада в столицу, решила познать читателей с результатами собственного расследования. Сложив воедино сведения, полученные от неких русских, находившихся в Цуруга, газета сообщала, что «господин Конрад родился в Киеве. В течение некоторого времени он в качестве доцента Киевского института читал лекции по географии. Затем в 1915 г. был направлен русским правительством на учебную ста-

жировку в Японию. По прибытии в Японию он поступил на филологический факультет Токийского университета и погрузился в исследование японской литературы. До августа прошлого года он проживал в отдельном доме по адресу: город Токио, район Хонго, Комагомэ-Ясики-мати». В статье есть ошибки (Конраду было 26 лет, а не «33–34 года», он родился в Риге, а не в Киеве), но написана она со знанием дела. Редакция заключила, что слухи о приезде можно трактовать как «возвращение» Николая Иосифовича, поскольку после его отъезда из Токио прошло всего пять месяцев.

26 января столичная «Дзидзи» опровергла это сообщение со ссылкой на друга и однокашника Конрада по Петроградскому университету Николая Невского. Он заявил: «С недавних пор я слышал эти слухи, которые с самого начала нашёл крайне странными. Ходят даже слухи о том, что мой дом неоднократно посещал некий господин в шелковой шляпе и фраке, интересовавшийся, прибыл ли уже господин Конрад, и обедавший вместе со мной. Говорят, что эти разговоры исходят из министерства иностранных дел, но мне всё это просто смешно. Впрочем, нужно сказать, что эти слухи появились не на пустом месте. Дело в том, что “радикалы” действительно предлагали Конраду отправиться послом в Японию. Но тот – человек увлечённый литературой, страстный исследователь, три года проведший в Японии с целью изучения японской литературы эпохи Хэйан и китайской литературы эпохи Сун, – совершенно далёк от политики, и поэтому отверг данное предложение. Об этом говорилось в письме Конрада ко мне, написанном примерно три месяца назад. Это письмо также свидетельствует, что слухи о назначении его послом не имеют под собой никакого основания. Если бы даже его и назначали, то никак ни послом, потому что он чистый литературовед. Кажется, руководство Петроградского университета сообщило Конраду, что намеревается снова направить его в Японию для продолжения исследований по японской литературе, и, может быть, эти сведения были неправильно переданы»¹ (8).

¹ Указано Э.А. Барышевым.

Письмо, о котором говорил Невский, сохранилось среди бумаг, оставленных им в Японии при окончательном отъезде на родину много лет спустя. В 1996 г. оно появилось в печати, но без каких-либо комментариев. Написанное в Орле и датированное 19 сентября (старого стиля, т. е. 2 октября), послание содержит следующий фрагмент: «Не позже ноября я собираюсь стать Министром Иностр(анных) Дел, а не позже декабря приехать в Токио в качестве полномочного посла “для проповеди” мира без аннексий и контрибуций. Будет успех, думаете Вы?» (9).

Как это понимать? Ни до, ни после Николай Иосифович ни о чём подобном не писал и вообще не касался политики, разве что на уровне «примет времени». Его гораздо больше занимали – в этом Невский совершенно прав – учёные занятия, новые книги по японской литературе и знакомые барышни в Токио. Принять сказанное всерьёз было, мягко говоря, затруднительно. Думаю, Невский решил, что друг таким образом извещает его о приезде на новую стажировку.

Могло ли Временное правительство предложить Конраду пост посла в Токио? Исключено: оно оставило в неприкосновенности дипломатический аппарат за границей, а в этой системе Николай Иосифович мог рассчитывать только на должность переводчика. Может, это сделал Петроградский Совет? Но он не посягал на прерогативы правительства в области внешней политики. Большевики, готовившиеся к захвату власти? Но насколько их в сентябре 1917 г. мог волновать вопрос о назначении посла в Токио? Об этом нам ничего не известно, равно как и о контактах Конрада с большевиками. Разве что он мог слышать о них от Поливанова, водившего знакомство с «радикалами» (вот уж гораздо более вероятный кандидат в «послы»!).

Откуда «утка» попала в японскую газету, тем более провинциальную? Слова Невского о «японских дипломатических кругах» ничего не объясняют: если МИД и узнал об этом, то сугубо неофициально. Думаю, всё проще. Письмо было в рутинном порядке перлюстрировано и прочитано «компетентными органами», которые, конечно, не могли пройти мимо сообщения со словами «министр» и «посол». После известий о большевистском перевороте информация приобрела особое значение и могла быть «сли-

та» даже без далеко идущих политических расчётов. Но пока это не более чем предположение.

Невский и Плетнер «застряли» в Японии из-за революции. Ради хлеба насущного им пришлось взяться за преподавание русского языка. Плетнер оставил мысль о возвращении в Россию, полностью интегрировался в японскую среду, завёл много знакомств среди местной интеллигенции и занялся изучением фонетики. Несколько десятилетий он работал в университете Тэнри (где в 1927 г. встретился с приехавшим в командировку Конрадом), и в Осацком институте иностранных языков, а сороковые годы провёл во французском Индокитае (нынешний Вьетнам), преподавая в Ханойском университете японский и французский языки. В 1968 г. он был награжден орденом Благодатного сокровища 4-й степени, а через два года умер – в один год с Конрадом, который на закате жизни называл себя, Плетнера и Елисеева «последней тройкой японистов моего времени». До самой смерти Плетнер официально оставался «лицом без гражданства», говоря о себе: «Я не белоэмигрант», – но в Советском Союзе предпочитали не вспоминать тех, кто так или иначе оказался за его пределами... Кстати, Ореста Плетнера часто путали с его младшим братом Олегом, тоже японистом, жившим в СССР и писавшим марксистские статьи об аграрном вопросе (он умер в 1929 г.). Так получилось с напечатанным в нашей стране в 1935 г. переводом памятника японской литературы X в. «Путевые записки из Тоса» писателя Ки-но Цураюки. Выполненный и опубликованный по инициативе Конрада, перевод должен был подготовить почву к возвращению Плетнера на родину, однако его учитель академик-китаист Василий Алексеев посоветовал «не спешить». А с началом «большого террора» спешить стало некуда (10).

Невский, как и Плетнер, женился на японке и продолжал преподавать русский язык в колледжах и университетах, но главным делом жизни по-прежнему считал научную работу. Он не только в совершенстве овладел японским языком, на котором написал много научных и научно-популярных работ, но изучил язык айну – коренного населения Японских островов, проживающего ныне только на острове Хоккайдо, а также экзотические языки жителей тихоокеанских архипелагов Рюкю и Мияко, язык племени цоу на

Тайване и «мёртвый» тангутский язык, на котором говорило население государства Си Ся, существовавшего в Северо-Западном Китае в X–XIII вв. Рассказать о трудах Невского в двух словах невозможно: почти по каждой из перечисленных тем он написал по книге, но все они увидели свет только через много лет после его смерти.

Почему так произошло? Осенью 1929 г. Невский, поддавшись уговорам советских дипломатов, вернулся на родину и стал доцентом Ленинградского университета, где, помимо любимой исследовательской работы, занимался преподаванием японского языка и составлением учебников. Его жене актрисе Мантани Исоко и дочери Елене разрешили приехать к мужу только в 1933 г. В октябре 1937 г. мужа и жену арестовали с разницей в четыре дня и через полтора месяца расстреляли в один день. Об обвинениях и ходе следствия можно не рассказывать – «японские шпионы»... Елену Невскую взял на воспитание Конрад. Он же сумел спасти часть разошедшегося по рукам архива друга и позже издал его уникальные труды по тангутоведению, за которые Невский в 1962 г. был посмертно удостоен Ленинской премии. Работы по лингвистике и фольклору из сохранившихся материалов появлялись в печати на протяжении сорока лет после реабилитации учёного в 1957 г., но многое оказалось утраченным: значит, не все рукописи не горят. В научных кругах Японии имя Николая Невского хорошо известно и окружено почётом: его считают одним из крупнейших фольклористов XX в. и «мостом» между двумя нашими культурами (11).

Глава шестая

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ, ЯМАГАТА АРИТОМО И РУССКО-ЯПОНСКИЙ СОЮЗ¹

«Кризис Тайсё» в начале 1913 г. осложнил русско-японские отношения, хотя новый премьер адмирал Ямамото Гоннохё и министр иностранных дел Макино Нобуаки уверяли посла Малевского-Малеви́ча в желании поддерживать дружеские отношения с Россией. Тем временем Япония продолжала активно вооружаться, только бóльшие кредиты получал флот, а не армия. Именно скандал в связи с коррупцией вокруг военно-морских заказов привел к отставке кабинета Ямамото весной 1914 г. Выборы главы правительства снова оказались трудными. Ямагата на правах «первого среди равных» *гэнро* выдвинул потомка сёгунов Токугава Иэсато, возглавлявшего палату пэров, но не игравшего никакой роли в политике. После его отказа маршал представил коллегам обширный список кандидатов, из которых наиболее подходящим был признан старый либерал Окума Сигэнобу.

На первой же встрече с Малевским-Малеви́чем новый премьер сказал, что «считает себя другом России», однако, главное внимание посла привлекло замечание Окума о необходимости решения «китайских вопросов» при участии Англии и Франции (1). Это говорил тот же человек, который несколькими месяцами ранее вызвал переполох резкими антибританскими заявлениями, за что посол метко назвал его «enfant terrible»² японской обществен-

¹ Глава написана в соавторстве с Э.А. Барышевым, который готовит к печати обобщающее исследование по истории русско-японских отношений в годы Первой мировой войны.

² Здесь: возмутитель спокойствия (фр.)

ной жизни» и «легкомысленным старцем» (2). Пост министра иностранных дел занял Като Такааки, призванный корректировать курс кабинета в духе англо-японского союза.

К числу антирусски настроенных членов кабинета принадлежал министр земледелия и торговли Оура Канэтаке, с которым связан малоприятный для двусторонних отношений эпизод. Выступая в середине июля 1914 г. перед представителями деловых кругов, Оура заявил, хотя и попросил присутствующих журналистов не записывать и не публиковать сказанное: «Некоторые японцы думают, что война между Японией и Россией будет не ранее, как через 30–50 лет, но есть некоторые основания предполагать, что вторая война начнется через несколько лет». Слухи о заявлении проникли в печать. Оура на всякий случай опроверг их, но не сам, а через секретаря – так до сих пор делают японские политики, оказавшись в неловком положении. Оппозиционная газета «Тюо симбун» напечатала полный текст речи, который, разумеется, не прошёл мимо внимания посольства и военного агента Самойлова, поскольку дело касалось увеличения вооружений и военного бюджета. Встревоженный Малевский-Малевиц немедленно запросил Сазонова, «не следует ли обратить внимание министра иностранных дел на опасность для дружественных отношений между обеими державами подобных выступлений, способных поколебать доверие и прочность мира на Дальнем Востоке». «Та тревога, – пояснял он, – которую забили правительственные листки по поводу будто бы искажения некоторыми газетами речи министра, даёт повод предполагать, что преднамеренности со стороны правительства в данном случае не было, и что Оура должен нести лично ответственность за высказанные алармистские предположения. Вероятно, его (Оура – *В.М.*) коллеги по кабинету, особенно же барон Като, немало смущены его бестактностью. Тем не менее, факт остается налицо: член правительства позволил себе в публичном собрании произнести по адресу соседней дружественной державы предположения, которые способны породить тревогу и поколебать доверие к прочности взаимных отношений между обоими государствами и в незыблемости мира на Дальнем Востоке».

Посол обратился с письмом к Като, назвав речь Оура «достойной сожаления» и многозначительно напомнив: «Оба правительства – российское и японское – с 1907 г. старательно борются с чувством недоверия, которое обе страны были склонны питать друг к другу после событий 1904 и 1905 гг., и стремятся успокоить вытекавшие из него обоюдные опасения. Эта благоразумная работа в интересах мира имела наилучшие результаты: прекрасные политические отношения, установившиеся и развивавшиеся между двумя правительствами в течение последних лет, нашли подкрепление в общественном мнении обеих наций и были поддержаны единодушным одобрением всех тех, кто близко принимает к сердцу существенные интересы двух наших государств». Министр поспешил успокоить его: «Я также счастлив выразить моё полное согласие с вашими взглядами относительно ослабления обоюдных опасений двух наций со времени прискорбных событий 1904–1905 гг. и добавить, что мы с своей стороны сделаем всё возможное для достижения этой цели». «Мне думается, что ныне неприятный инцидент Оура следует считать исчерпанным», – закончил посол итоговую депешу в Петербург (3). Что касается виновника беспокойства, то он был уличён в подкупе избирателей и через год, в июле 1915 г., навсегда оставил политическую арену.

Начало Первой мировой войны показалось японской элите «даром Неба», открывавшим путь к распространению и упрочению её влияния в Восточной Азии. Пока Центральные державы и Антанта занимались взаимным истреблением, Страна корня солнца решила попытаться силой убрать отсюда Германию и потеснить в Китае своих «союзников» – Англию, Францию и Россию, которым стало не до этих проблем. 23 августа Япония объявила войну Германии: формально – сославшись на англо-японский договор, фактически – с целью захвата её владений в Китае и на Тихом океане. Конфликт перекинулся на другие континенты, прежде всего в германские колонии, но для Токио оставался «Европейской войной» (4).

Европейские державы попытались заручиться поддержкой Японии. Предвидя начало конфликта, Сазонов заговорил с англичанами о желательности англо-японско-русского соглашения, кото-

рое гарантировало бы интересы его участников в Азии. В первые же дни войны французское правительство обратилось к Токио с предложением о заключении двустороннего союзного договора. Российская дипломатия тоже попыталась предотвратить вступление Японии в войну на стороне Германии и снизить угрозу международной изоляции в азиатских делах (5). Уже 5 августа (23 июля) Малевский-Малевич, под влиянием французского предложения, сообщил в Петербург собственный проект договора. Оба правительства подтверждали все имевшиеся между ними и сохранявшие силу договоры и соглашения (статья 1), договаривались о совместных мерах по защите своих интересов и прав, предусмотренных этими соглашениями, если бы таковым угрожала опасность (статья 2), и декларировали, что новый договор не затрагивает англо-японских и франко-японских союзов 1907 г. (статья 4). Наибольший интерес представляла статья 3: «Если та или другая из высоких договаривающихся сторон подверглась бы на Дальнем Востоке нападению... другая сторона должна оказать ей поддержку или при помощи своих армий, или соблюдая самый строгий нейтралитет» (6). Однако Сазонов отверг этот проект, считая предпочтительным соглашение, опосредованное Англией. Токио не хотел брать на себя более широкие обязательства, да и англичане в лице министра иностранных дел Эдуарда Грея не проявили энтузиазма, что в итоге привело к неуспеху переговоров об англо-франко-японско-русском союзе.

Начало войны было отмечено активизацией российско-японского сотрудничества в военно-технической области. Конфликт лишил Россию традиционных экономических связей с Европой, поэтому ей пришлось обратить взоры на Дальний Восток. Транссибирская магистраль снова приобрела чрезвычайное стратегическое значение. С начала сентября 1914 г. через частные фирмы из Японии в Россию начали поступать медикаменты, консервы, взрывчатые вещества и другие необходимые для войны товары. С первой декады ноября начались поставки оружия и боеприпасов от японского военного ведомства. К началу 1915 г. Россия закупила и заказала 335 тыс. винтовок и 87,5 млн. патронов к ним, 351 орудие, около 70 тыс. снарядов, более полумиллиона шрапнелей, 10 млн. аршин мундирного и шинельного сукна, более 600 тыс. пар

сапог, 30 тыс. седел и т. д. – всего на 80 млн. иен, что вызвало рост японского экспорта в нашу страну с менее чем 10 до более чем 90 млн. иен (7). С учетом больших материальных потерь русской армии в первый год войны и постоянной нехватки оружия это был существенный вклад в укрепление её боеспособности. Согласно японским архивным данным, всего за годы войны Япония продала России 672 тыс. винтовок, часть из которых, правда, не успела дойти до фронта.

Поставки вооружения шли не такими темпами, как хотели в Петрограде. Советская историография усматривала в этом злую волю токийского кабинета: «Для осуществления агрессивных замыслов Японии было выгодным возможно большее ослабление России. Чем большие поражения несла царская армия на фронте, тем уступчивее становились царские дипломаты на Дальнем Востоке. С точки зрения интересов японского империализма поражение царской России в войне было неопасным: в случае необходимости Япония могла переметнуться в германский лагерь и получить компенсацию за счёт русских дальневосточных земель» (8). Доказательств, однако, не приводилось. Да и согласиться с такой логикой трудно: переход «в германский лагерь» означал непримиримый конфликт с Англией, более чем вероятный конфликт с США и... необходимость вернуть Германии захваченные у неё в самом начале войны азиатские колонии. Возможное проникновение в русскую зону Маньчжурии и на Дальний Восток едва ли могло быть подходящей компенсацией. Японцев куда больше занимал Китай, а там могло потребоваться много войск и оружия.

«Европейская война» была далека от Токио, но критическое положение, сложившееся на Западном фронте к концу 1914 г., и недостаток обученных солдат, вооружения и боеприпасов вынудили французское правительство вступить в официальные переговоры о посылке японских частей (речь шла о 400 тыс. человек) на европейский театр военных действий. Перспективы оценивались по-разному: одни парижские газеты предрекали скорую отправку войск, другие заявляли, что надеяться на участие японцев – «всё равно, что ждать помощи от марсиан». В самой Японии идея нашла положительный отклик у общественности, однако не вызвала энтузиазма ни у военных, ни у кабинета. Особенно холодно

отнесся к ней министр иностранных дел Като, сосредоточивший усилия на закреплении политических и экономических позиций своей страны в Китае. Как отметил Ю.С. Пестушко, «токийский кабинет никогда бы не променял своей военной гегемонии в Азии на призрачные надежды получения от союзников по антигерманской коалиции незначительных компенсаций». Условием отправки войск Като выставил получение равных с «великими державами» экономических прав в Китае, заём в 80 млн. фунтов стерлингов и разрешение вопроса о японской иммиграции в британские колонии и доминионы. Последнее требование – со ссылкой на союзнические отношения – вызвало раздражение Лондона, где с беспокойством следили за экспансией Страны корня солнца. Позиция Великобритании диктовалась и нежеланием осложнять отношения с Соединенными Штатами, опасавшимися усиления японских позиций в Восточной Азии и на Тихом океане. Поэтому идея посылки японских частей в Европу не реализовалась, если не считать наблюдателей в армиях «союзников», отрядов Красного Креста и участия нескольких эсминцев в боевых действиях на Средиземном море (9).

С начала 1915 г. токийские газеты заговорили о необходимости более тесного союза с Россией. Малевский-Малевич, пристально следивший за общественным мнением и отмечавший малейшие изменения в его тоне, сообщал Сазонову: «Раздававшиеся в японской прессе с начала нынешней войны голоса о необходимости русско-японского союза сделались в настоящее время столь “общим местом”, что едва ли найдется во всей японской повременной печати один орган, который не обсуждал бы этого вопроса от времени до времени... Мысль о русско-японском союзе приобретает здесь всё большее и большее распространение» (10). В центре публичной дискуссии оказался вопрос о том, что такое «союз». Большинство сошлось во мнении, что «союз» означает договор и долгосрочные отношения, возникшие в результате его заключения и подразумевающие обоюдное обязательство оказывать военную помощь против предполагаемого противника. Англо-японский союз давал основания для такой трактовки. Спорящие спрашивали, нужен ли аналогичный договор с Россией. Западнические круги, включая Като, стояли не за

заключение русско-японского военно-политического союза, а за укрепление двустороннего сотрудничества при сохранении основного внешнеполитического курса на союз с Великобританией.

За ростом общественных настроений в пользу русско-японского союза стояли действия *гэнро*, прежде всего маршала Ямагата. После неуспеха переговоров о Четверном союзе, идею которого выдвигал Иноуэ, в феврале 1915 г. Ямагата подготовил и представил правительству новый проект, поддержанный остальными «государственными старейшинами». Маршал скептически оценивал шансы Антанты на победу, считая, что война закончится ничем, но нарушит глобальный баланс сил и приведет к усилению напряженности в Азии, где в борьбу активно включатся США. «Пытаться поддерживать мир в Восточной Азии с прицелом на далекое будущее, опираясь исключительно на японско-английский союз, по-видимому, недостаточно разумно, – писал он. – Не является ли в таком случае насущной необходимостью заключить в дополнение к японско-английскому японско-русский союз с тем, чтобы принять все возможные меры для достижения нашей цели». Проект предусматривал: 1) оказание военной помощи в случае конфликта одной из договаривающихся сторон с третьей державой; 2) сохранение территориальной целостности Китая; 3) совещание по всем важным вопросам китайской политики и уважение особых прав другой договаривающейся стороны (11). Здраво предвидя возможность межрасовых столкновений по окончании войны, Ямагата заклинал не ссориться с Китаем – отношения с которым Окума и Като сильно испортили своими ультимативными требованиями – и не допустить изоляции Японии от её нынешних «белых» союзников. Англофил Като «утопил» проект, но осложнил этим отношения с «государственными старейшинами», что в конечном счёте привело к его отставке в августе 1915 г.

Россия продолжала испытывать острую нужду в оружии, прежде всего, в винтовках. В конце лета 1915 г. положение стало критическим. 24 (11) августа Сазонов попросил Мотоно обеспечить продажу миллиона винтовок, найти которые было больше нигде (рассматривались варианты их приобретения у Италии и... Сиам). «Удовлетворением этой нашей просьбы, – сказал ми-

нистр, – японское правительство окажет нам услугу, которая не забудется в России и определит навсегда дружественное Японии направление русской политики... Мы искренне убеждены в пользе и необходимости тесного политического единения России и Японии» (12). В Токио сторонники укрепления двусторонних отношений во главе с Ямагата попытались воспользоваться этой возможностью для воплощения в жизнь проекта русско-японского союза.

В сентябре 1915 г. Гото, не занимавший в тот момент никаких правительственных постов, неофициально сообщил Малевскому-Малевичу, что переговоры о союзе начнутся с приездом в столицу нового министра иностранных дел Исии Кикудзиро, отозванного с должности посла во Франции. Като впал в немилость у премьера и *гэнро*, которые добились его замены на более податливую фигуру. Новый министр был франкофилом не только по политической ориентации, но и по личным пристрастиям, а потому не собирался ограничиваться англо-японским союзом и считал необходимым расширение сотрудничества с другими странами Антанты, включая Россию.

Однако, среди сторонников идеи русско-японского сближения не было единодушия. Осенью 1915 г. даже Гото, считавшийся бесспорным русофилом, высказывался за осторожный подход: «На протяжении многих лет я говорил и продолжаю говорить о необходимости русско-японской дружбы. Однако, если вдруг речь пойдет о русско-японском “союзе”, нам нужно будет предельно чётко определить его границы и детально рассмотреть его содержание. Иными словами, согласиться на союз можно лишь после тщательнейшего изучения данного вопроса. Я не выступаю категорически против союза, однако в то же самое время не считаю, что это должен быть обязательно союз. Короче говоря, я являюсь последовательным сторонником русско-японской дружбы, и считаю, что нам следует относиться к проекту союза предельно осторожно, обсудив, прежде всего, самым серьёзным образом его границы и содержание» (13).

Предпосылки для «прорыва» появились осенью 1915 г. в связи с завершением церемоний интронизации императора Тайсё (их пришлось отложить из-за траура по вдовствующей императрице

Сёкэн, скончавшейся в апреле 1914 г.). Это позволило запустить эффективный механизм «императорской дипломатии». Ещё 17 (4) ноября 1914 г., когда Малевский-Малевич посетил Ямагата с просьбой посодействовать увеличению военных поставок, маршал ответил, что на это необходима санкция императора. О желательности прямого обращения российского монарха к японскому говорили и другие военные, но в Петрограде не спешили с этим шагом, который, в случае неблагоприятного исхода, грозил «потерей лица». 21 (8) февраля 1915 г. посол сообщал из Токио Сазонову: «Японскому императору было бы, несомненно, в высшей степени лестно быть осчастливленным личной телеграммой государя императора, но ручаться за полный успех столь чрезвычайного шага не берусь, не будучи точно уверен в степени того влияния, коим молодой повелитель Японии пользуется у своих министров» (14). Оставалось одно: «заманить» в Страну корня солнца влиятельного представителя российских политических кругов.

Эту миссию успешно выполнил находившийся в Ставке верховного главнокомандующего генерал-майор Накадзима Масатакэ. 11 декабря (28 ноября) 1915 г. в разговоре с лейб-хирургом Сергеем Фёдоровым он как бы невзначай заметил: «Если бы государь послал в Японию великого князя, то, несомненно, это произвело бы прекрасное впечатление, и Япония активизировала бы свои усилия помочь России в её борьбе с Германией». Пожелание было сообщено Николаю II, который уже на следующий день поручил эту миссию своему двоюродному дяде великому князю Георгию Михайловичу (15). Формальной целью визита было объявлено принесение поздравлений императору Тайсё по случаю интронизации. Фактически речь должна была идти о поставках оружия.

Великому князю, как члену императорского дома, не пристало выступать в роли «просителя», поэтому для ведения переговоров в его свиту были включены начальник Дальневосточного отдела МИД камергер Григорий Козаков и полковник Генерального штаба Георгий Муханов. На великого князя, имевшего чин генерал-адъютанта, но более известного в качестве нумизмата и знатока искусств, возложили внешнюю сторону посольства. Во-пер-

вых, он должен был передать поздравления Николая II императору Тайсё и вручить ему высший российский орден Святого Андрея Первозванного с бриллиантами. Во-вторых, у него в руках было обращение царя к маршалу Ямагата, в котором вместе с выражением благодарности за уже осуществленные поставки выражалась надежда на дальнейшую военно-техническую помощь. Георгий Михайлович видел свою роль в «оказании японцам внимания с целью снискать их расположение» и создать благоприятную атмосферу для военно-технических и дипломатических переговоров.

23 (10) декабря великий князь был принят императором в Царском Селе, а через пять дней отправился в путь из Петербурга по Сибирской железной дороге. Генерал Накадзима сопровождал миссию, которая 6 января 1916 г. (24 декабря 1915 г.)¹ прибыла в Харбин, а вечером того же дня в Куаньченцзы, где её встретили японские военные и придворные чины. Здесь гость со свитой пересел в специальный поезд ЮМЖД. Несмотря на сильный холод (минус 20 градусов) вдоль полотна через каждые 300 метров были поставлены солдаты. Японские власти, помня трагические примеры нападения на цесаревича Николая в 1891 г. и убийство Ито в 1909 г., приняли все меры предосторожности. В Пусане миссия поднялась на борт линкора «Касима», который 11 января вошёл в порт Кобэ. Днем позже Георгий Михайлович ступил на перрон Токийского вокзала, где его ждал сам император Тайсё. Это был первый и, пожалуй, единственный случай, когда он выезжал за пределы дворца для встречи гостя (16).

Поприветствовав великого князя на вокзале, министр иностранных дел Исии отправился к Ямагата для обсуждения позиции на переговорах, которые ему предстояло вести с Козаковым. *Гэнро* заявил, что «нынешний момент является исключительно благоприятным, поэтому следует использовать его для заключения русско-японского союза» (17). Утром 15 января в резиденции главы правительства началось экстренное заседание кабинета по проблеме русских военных заказов, инспирированное состоявшейся накануне беседой Ямагата с премьером Окума. Маршал

¹ Далее даты визита указываются только по новому стилю.

обещал великому князю содействие во время их встречи 12 января, когда гость вручил ему орден Святого Благоверного Александра Невского.

14 января Исии беседовал с Козаковым, который предложил заключить двусторонний союз, чтобы «оградить» Китай – официально не участвовавший в войне – от германского влияния. Козаков подтвердил просьбу о поставках нового вооружения в обмен на возможные «компенсации» в Маньчжурии, включая уступку участка КВЖД от Куаньченцзы до разъезда Лаошаогоу на левом берегу Сунгари, расположенного в японской сфере влияния (18). Только через четыре дня Исии сообщил, причём в самых общих чертах, содержание разговора Ямагата, который предложил дать русским следующий ответ: «Япония готова взять на себя обеспечение мира на пространстве к востоку от Уральских гор: в случае возникновения беспорядков в Сибири Япония готова немедленно оказать свою помощь России. Посему в договоре может быть помещена статья о том, что в отношении указанного выше региона заключается наступательно-оборонительный военный союз. Затем можно было бы добавить статью о сохранении целостности Китая. Япония также не возражает, если, по мере необходимости, в новое соглашение будут включены некоторые другие статьи». Отметим, что Ямагата не ставил заключение союза в зависимость от получения «компенсаций» (19).

Однако правительству подход маршала не понравился. 20 января *гэнро* Ямагата, Ояма и Мацуката, премьер и министр иностранных дел обсуждали проект ответа на русские предложения, представленный внешнеполитическим ведомством. Напрямую связывая военные поставки и «компенсации», он гласил: «Япония должна прямо и ясно заявить России о том, что она желает поставить под свой контроль железную дорогу между Харбином и Чанчунем, являющуюся прямым продолжением нашей железнодорожной ветки Аньдун–Мукден и ЮМЖД. Когда Россия, признав наше дружеское расположение, выразит готовность принять наше пожелание, японская сторона также может дать понять, что не пожалеет своих усилий для того, чтобы насколько возможно обеспечить Россию поставками оружия, о коих она просит». Ояма и Мацуката согласились с проектом МИД, но раздраженный Яма-

гата, с которым Исии на словах во всём соглашался, предложил собственный вариант: «Япония в качестве опоры порядка на Дальнем Востоке приложит все свои силы для снабжения России оружием и другими военными материалами в пределах, не наносящих ущерб охране российских и японских интересов. В настоящий момент Япония не имеет возможности немедленно осуществить новые крупные поставки оружия, но должна постараться хотя бы в небольшой степени увеличить их, расширяя, как и прежде, производственные мощности казённых заводов и прилагая силы к перестройке частной промышленности». Но его не поддержал даже военный министр, заявивший, что промышленность страны «достигла предела своих возможностей, и поэтому не в состоянии удовлетворить пожелания России» (20).

Только вечером 20 января Ямагата получил подробный отчёт о беседе Исии с Козаковым, состоявшейся 14 января. Поняв, что до сих пор министр пытался утаить от него детали российского предложения, *гэнро* на следующий же день отправил ему новый меморандум: «Вчера мы впустую потратили почти целый день на обсуждение вопроса о поставках оружия, однако, главный смысл ответа российской стороне, как мы уже говорили ранее, должен основываться на положениях о двустороннем наступательно-оборонительном военном союзе и на принципе сохранения целостности Китая. После предварительного обсуждения с Англией и детального согласования проекта можно давать послу в России указание о начале официальных переговоров. Что касается самого проекта, он может быть составлен примерно в следующем смысле, устраивающем обе стороны:

Япония и Россия решили совместными усилиями поддерживать мир и безопасность в Восточной Азии. В случае, если какая-либо держава будет угрожать такому положению, обе страны приложат все усилия для того, чтобы достигнуть указанной выше общей цели, оказывая друг другу необходимую поддержку.

Если в дипломатический документ, составленный на основании данного принципа, не будет внесена подобная статья, политический курс, направленный на укрепление в будущем двусторонней дружбы, потеряет своё внутреннее содержание, а добрая воля императорского правительства будет поставлена под сомне-

ние, что было бы крайне прискорбным. Кроме того, мне, как человеку пожилому и опытному, ясно, что, если, несмотря на проявление Россией доброй воли, курс на двустороннее сотрудничество не будет в будущем реализован, поддержание мира на Дальнем Востоке станет затруднительным, о чём я уже говорил во время совещания. Я убеждён, что и в этом смысле правильной политической линией была бы чёткая демонстрация курса на выполнение данного принципа и проявление должного внимания к обеспечению будущего двух стран. В силу изложенного выше прошу внести в конкретный проект упомянутую статью» (21).

Стало ясно, что во время заключительной встречи с Козаковым 20 января Исии проигнорировал советы Ямагата. Утром 21 января миссия великого князя покинула Токио и отправилась в обратный путь. В тот же день подробности ответа японского МИД на русские предложения были переданы Ямагата графом Тэраути, который сопровождал великого князя в качестве главы японской свиты и ежедневно общался с Козаковым. *Гэнро* пришёл в крайнее возмущение. Назвав ответ «пренебрежительным и высокомерным», маршал увидел в нём угрозу всему делу союза. 22 января он снова встретился с Тэраути и попросил его передать Козакову, что «истинное отношение Японии не является таким холодным и безразличным», как ему могло показаться в результате общения с Исии (22). Пока Георгий Михайлович и его спутники отдыхали на горячих источниках в Хаконэ, осматривали древние храмы Киото и Нара, Ямагата пытался повлиять на ход событий через премьера Окума. 24 января заместитель начальника генерального штаба генерал-лейтенант Танака Гиити посетил Малевского-Малевича, чтобы объяснить послу сложность вопроса военных поставок и заверить его в том, что «государственные старейшины» готовы приложить все силы для его разрешения. 30 января Тэраути в качестве генерал-губернатора Кореи приветствовал русских гостей в Сеуле, не забыв напомнить Козакову, что *гэнро* на стороне союза.

Старый маршал хотел поставить на место «зарвавшегося» Исии и добился своего: 25 января министр привёз ему новый проект резолюции о политике в отношении России, в котором учитывались пожелания Ямагата. *Гэнро* одобрил его и посовето-

вал поскорее приступить к переговорам. Информация сразу же – и не случайно – попала в газеты (23). 14 февраля парламент принял следующий документ, который стоит привести полностью:

«1. Укрепление дружественных отношений между Японией и Россией и ускорение процесса двустороннего сближения являются гарантией сохранения мира на Востоке.

2. То, что после подписания русско-японского мирного договора было заключено три соглашения, тоже есть следствие данного курса. Крупные поставки боеприпасов, которые осуществило императорское правительство в Россию с начала Европейской войны, также соответствуют смыслу первого пункта. Необходимо и впредь поддерживать данный курс в пределах, дозволяемых обстоятельствами.

3. В условиях, когда российское правительство, оценивая добрую волю, которую с начала войны проявила к ней Япония, решило в виде материальной благодарности уступить Японии часть КВЖД, императорское правительство, принимая во внимание международную ситуацию, должно удовлетворить пожелания российского правительства в пределах, не наносящих ущерб национальной безопасности.

4. В отношении пункта 3: Точно так же, как железная дорога Куаньченцзы–Харбин уступается за определённую сумму, оружие передаётся за определённую установленную сумму.

5. Раз уж дружественные отношения между Японией и Россией достигли такого уровня, нужно сделать ещё один шаг и установить между странами союзнические отношения. Предотвратить послевоенное сближение России с Германией и другими странами, проводящими агрессивную политику, является насущной задачей Японии.

6. Союзные отношения, о которых говорится в пункте 5, должны быть установлены на следующих основаниях:

а) Япония и Россия для защиты своих территориальных прав и особых интересов будут оказывать друг другу дружественную поддержку мирными средствами в соответствии с необходимостью;

б) обе стороны обещают друг другу, что не присоединятся к договору или соглашению и не заключат такового, если оно имеет целью противодействие другой договаривающейся стороне;

в) Япония и Россия пришли к согласию относительно того, что политическое подчинение Китая одной из третьих держав является угрозой их важнейшим интересам, и договорились проводить периодические совещания относительно способов предотвращения такой ситуации. Договаривающиеся стороны обещают, что, если в результате мер, предпринятых одной из сторон на основании такого совещания, неизбежна война с третьей державой, другая сторона предоставит помощь (включая военную) своему союзнику» (24).

Содержание резолюции заметно отличалось от проекта Исии, который считал, что имеющихся соглашений с Россией достаточно. В новом документе русско-японское партнерство определялось в качестве стратегического курса Страны корня солнца. Дипломаты не были настроены на заключение нового двустороннего соглашения, и только благодаря энергичным действиям Ямагата эта резолюция была принята. В тот же день, 14 февраля, Танака по просьбе маршала лично сообщил об этом Малевскому-Малевицу (25).

Историки склонны считать главным творцом русско-японской Антанты посла Мотоно, но внимательное изучение документов показывает, что путь к союзу проложили военные круги во главе с Ямагата, который проявил большие дипломатические способности и геополитическое мышление. Одним из важных элементов его стратегии было использование «императорской дипломатии». После визита великого князя как посланца своего монарха и должного внимания к нему со стороны императора Тайсё для открытых возражений уже не оставалось места. Маршал сделал всё, чтобы сломить сопротивление как части русофобски настроенных военных, так и дипломатов-атлантистов, не желавших союза с Россией. И те, и другие отстаивали свои ведомственные интересы, направленные на приобретение частных уступок. Ямагата считал, что необходимо во что бы то ни стало укрепить двусторонние отношения, не останавливаясь перед уступками партнеру. Он опасался, что в результате недалёковидной политики Като страна может оказаться в будущем один на один с Западом, не имея реальных союзников, поскольку англо-японский альянс исчерпал себя. Находившаяся в тяжёлых условиях Россия предла-

гала Японии мир, дружбу и сотрудничество в обмен на ограниченные поставки вооружения, и *ээнро* полагал, что нельзя ни в коем случае отвергать это предложение.

Остальное было делом техники. 18 (5) февраля 1916 г. Мотоно вручил Сазонову ноту, предлагая официально вступить в переговоры. Сазонов попытался вставить в договор взаимное обязательство не заключать, без предварительного согласования, соглашений с третьими странами относительно Центрального Китая, но Токио не хотел лишать себя «свободы рук». В итоге Николай II признал уместность и разумность союза с Японией на предложенных ей условиях, принимая во внимание слабость России на «далекой окраине» и, как следствие, необходимость сотрудничества с Токио в дальневосточных делах. Соглашение стало новым этапом курса, который определился после русско-японской войны и не претерпел больших изменений, однако, было бы неверно видеть в нём отказ от политики укрепления русских позиций в регионе.

Начало переговоров сопровождалось кампанией в японской прессе против англо-японского союза, который стали называть «странным», «неравным» и «односторонним». Первой мировой войне предшествовало обострение отношений двух держав по поводу железнодорожного строительства в Китае и японской иммиграции в Австралию, из-за чего альянс проделал эволюцию «от сердечной близости до назревающего конфликта» (26). В марте 1916 г. Малевский-Малевич отмечал, что необходимость пересмотра этого договора «сделалась общим местом в современной токийской печати и обсуждается почти ежедневно то в одном, то в другом органе» (27).

Япония вступила в войну на стороне Антанты, но симпатии её элиты к Германии не исчезли, а просто ушли с поверхности общественно-политической жизни. В 1916 г., когда боевые действия в Европе приняли затяжной характер, победа Центральных держав стала рассматриваться как один из возможных сценариев, поскольку США продолжали дистанцироваться от войны. Японские журналисты и аналитики переоценивали изоляционистские настроения по ту сторону Тихого океана, повторив эту ошибку в начале Второй мировой. Поэтому некоторые представители пра-

вающей элиты Токио стали задумываться о том, как нейтрализовать будущую угрозу своим позициям со стороны победившей Германии и даже как восстановить с ней дружественные отношения. Главным препятствием на пути к этому был союз с Англией, поскольку примирение между Лондоном и Берлином считалось принципиально невозможным. Более того, англо-японский договор стал рассматриваться как главная причина того, что Япония оказалась «втянута» в мировую войну.

С этой позицией солидаризовался Гото в брошюре «Мнение о современной политической ситуации», выпущенной летом 1916 г. и направленной против дипломатии Като: «Почему они так легко и необдуманно, без необходимой подготовки, принимают столь важные политические решения?! Почему, ради каких политических выгод, они бросились в огонь войны, объявив войну Германии?! Зачем нужно было делать то, что вызвало непонимание со стороны китайцев, породило страхи по отношению к японской политике среди американцев, и фактически поставило Японию по её доброй воле на грань международной изоляции?!» (28). Два года спустя он повторил американскому послу в Токио Роланду Моррису, что Япония совершила большую ошибку, поторопившись вступить в войну на стороне Великобритании (29). По мнению Гото, Британская империя, как и западная цивилизация в целом, начала приходить в упадок. В работе «Японская экспансия» он утверждал, что война «нанесла последний смертельный удар по потерявшей все признаки жизни “старческой цивилизации” XIX века и открыла путь к нарождающейся новой, молодой цивилизации XX века». «Кажется, – развивал он свою мысль, – что в настоящий момент Англия достигла крайнего предела в своей мировой экспансии и, судя по численности её населения, размеру её богатства, мощи её политического авторитета и степени её внутреннего развития, уже фактически завершила свою великую культурную миссию в деле управления мировыми делами. Причём, нужно признать, что завершённость эта подобна крайней степени перезрелости: Англия уже пережила свой расцвет и её судьба клонится к закату» (30).

Деятельность Гото была направлена на утверждение самостоятельного курса во внешней политике, а его цель заключалась

в том, чтобы, воспользовавшись ослаблением гегемона мировой политики – Великобритании – и играя на противоречиях держав, сделать Японию независимым «игроком». Курс на «перераспределение зависимости» означал, в первую очередь, укрепление отношений с другими странами: в качестве потенциальных союзников рассматривались Россия, Китай и Германия. «В силу того, что сотрудничество с иностранными державами, в особенности, духовное и политическое единение с Китаем и Россией, явно является недостаточно тесным», Япония, подвергаясь опасности международной изоляции, вынуждена была идти на поводу у Англии и США (31). Гото пытался разорвать «порочный круг», когда, с одной стороны, чрезмерная зависимость от Великобритании постоянно ставила Японию перед кошмаром изоляции в международной политике, а с другой – опасность изоляции, сковывая маневренность её дипломатии, приводила к усилению зависимости от Лондона.

В этих условиях была заключена новая русско-японская политическая конвенция. 3 июля (20 июня) 1916 г. Сазонов и Мотоно подписали договор, опубликованные статьи которого содержали обязательства сторон не участвовать «ни в каких соглашениях и политических сочетаниях», направленных друг против друга, и «согласиться между собой относительно мер, которые они примут в видах оказания друг другу поддержки и содействия для охраны и защиты» своих взаимно признанных территориальных прав и особых интересов на Дальнем Востоке. Одновременно – «в целях большего упрочения тесной дружбы» – было заключено секретное соглашение. Партнеры признавали, что их «жизненные интересы... требуют охранения Китая от политического господства какой бы то ни было третьей державы, питающей враждебные замыслы против России или Японии, а посему взаимно обязуются впредь всякий раз, как того потребуют обязательства, вступать друг с другом в чистосердечные и на полном доверии основанные сношения, чтобы сообща принять надлежащие меры на предмет недопущения возможности наступления (в Китае) подобного положения дел» (статья 1). Если же «принятие мер» в Китае приведет к объявлению войны третьей страной России или Японии, то «другая сторона по первому требованию своей союз-

ницы должна прийти ей на помощь»; стороны не будут заключать мир с общим врагом без взаимного согласия (статьи 2–3). Выполнение этой статьи обуславливалось гарантиями со стороны других союзников, «что и те окажут помощь, по размерам своим соответствующую серьёзности назревающего конфликта» (статья 4). Договор заключался сроком на пять лет и должен был «оставаться глубочайшей тайной для всех за исключением обеих Высочайших Договаривающихся Сторон» (статьи 5–6). Из русских министров о нём поставили в известность только главу Совета министров Бориса Штюрмера. По взаимному соглашению, Россия должна была сообщить содержание секретной части Франции, а Япония – Англии (32). Однако договор оставался в секрете всего полтора года: придя к власти, большевики под лозунгом «Без тайной дипломатии!» опустошили сейфы Министерства иностранных дел и – к вящему смятению всех воюющих стран – опубликовали большое количество подобных договоров.

В Токио заключение альянса было подано как очередной успех. Окума и Исии произносили речи, организовывались манифестации и празднества. Като, которого либералы считали наиболее вероятным кандидатом в премьеры, заявил: «Всем сведущим людям должно быть известно, что я никогда не выступал против заключения русско-японского соглашения. Я всего лишь никогда не соглашусь с теми, кто предлагает аннулировать англо-японский союзный договор и заменить его другим политическим альянсом... В силу того, что и сегодня англо-японский союз в действительности является стержнем японской дипломатии, я вынужден последовательно выступать против любых соглашений с другими странами, вступающих с ним в противоречие. Заключённое только что русско-японское соглашение не только не противоречит англо-японскому альянсу, но, наоборот, полностью совпадает с его основной линией и даже дополняет его, поэтому мне остается лишь горячо и от всей души приветствовать его подписание» (33). Выступая в Кобэ, он ещё определённое развил эту мысль: «Англо-японский союз будет служить и на будущее время, как и в прошлом, той осью, вокруг которой будет вращаться колесо японской дипломатии... Для Японии нет лучшей политики, чем принять участие на будущей мирной конференции

всех союзников в качестве союзника Англии. Япония вовсе не столь могущественное государство, как об этом думают некоторые самоуверенные патриоты» (34).

Некоторые авторы интерпретировали заключение нового союза как возможный шаг на пути к нормализации отношений с... Германией. Близкий к Ямагата, журналист Каяхара Кадзан прямо писал о возможности японско-русско-германского континентального блока как основы нового, послевоенного международного порядка: «А что, если Россия уже имеет договоренность с Германией, и русско-японское соглашение было подписано в качестве предпосылки к заключению русско-германского сепаратного мирного договора и предпосылки к созданию японско-русско-германского союза? Если это так, нужно признать чрезвычайную дальновидность такой дипломатической стратегии. Это означает, что намечается интересная драма, в ходе которой Япония, Россия и Германия собираются разделить между собой наследие Британской империи. Для этого Россия, получив свободу действия в Персии и Индии, должна прежде всего заручиться словом Германии не заключать договоров, направленных против неё. Заручилась ли Россия поддержкой Германии?.. В это нельзя легко поверить. Однако если в это нельзя поверить, русско-японское соглашение не имеет большого смысла» (35).

«Германофилы» считали, что экспансия Японии на Дальнем Востоке и в южном направлении неминуемо приведёт к столкновению с британскими интересами. Стратегической задачей они полагали новый передел мира в результате войны: Японии отводилась зона Дальнего Востока, России – территории Ближнего Востока, примыкающие к Персидскому заливу, Германии – Балканы. Предполагалось, что Тройственный блок будет направлен, прежде всего, на борьбу с Великобританией, которая будет, наконец-то, наказана и окажется в международной изоляции (36). Вместе с тем подразумевалось, что новый союз должен одновременно действовать против Соединенных Штатов, позиция которых в ходе войны становилась всё более пробританской. В условиях, когда соперничество на Тихом океане могло, как считалось, перерасти в вооружённый конфликт, русско-японский союз представлял бы значительную опасность не только для Лондона, но

и для Вашингтона. В случае американско-японского конфликта Германия и Россия прикрыли бы своим щитом Японию, и США, в конце концов, вынуждены были бы уйти из Китая (37). Но слухи о возможности русско-германского сепаратного мира оказались совершенно неосновательными.

В сентябре 1916 г. с ответным августейшим визитом из Японии в Россию прибыл принц Канъин Котохито, имевший большое влияние в военных и придворных кругах. Из Москвы он поехал в Могилев, в Ставку, для свидания с царем, затем встретился с вдовствующей императрицей Марией Федоровной в Киеве и завершил визит в столице, где его ожидали приём у императрицы, чествование великими князьями, министрами и генералами. Николай Михайлович (брат Георгия Михайловича, известный историк) писал царю 30 (17) сентября: «Мы здесь поглощены японцами; завтраки, обеды чередуются непрерывно, но видно, что оказанный им повсюду радушный и тёплый приём их трогает и льстит их заморскому самолюбию». «Японцы благополучно отбыли, – сообщал он четыре дня спустя, – унося с собой наилучшие впечатления отовсюду» (38). Кроме впечатлений, они увозили принципиальную договоренность о продаже участка южной ветки КВЖД и разрешения японским судам ходить по реке Сунгари до устья реки Нэнцзян вдоль границы российской и японской зон влияния в Маньчжурии. Но никто не догадывался, какая буря скоро грянет.

Тем временем важные перемены произошли в Токио. «Легкомысленный старец» Окума настолько запутал внутренние и внешние дела, что был вынужден подать в отставку, сославшись на возраст (78 лет). В письме к императору он, как и следовало ожидать, рекомендовал своим преемником Като, но... «утро 4 октября 1916 г. застало премьер-министром Японии маркиза Окума Сигэнобу. Вечер того же дня увидел на этом посту фельдмаршала Тэраути Масатакэ» (39). В дело вмешался Ямагата, который не любил Като и был против включения Окума в состав *гэнро*. Поначалу он склонялся к кандидатуре бывшего министра путей сообщения Дэн Кэндзи¹, но вскоре изменил мнение в пользу

¹ Позднее Гото и Дэн называли «лучшими из возможных, но так и не состоявшихся японских премьеров».

Тэраути (40). 9 октября стал известен состав кабинета. Гото, принимавший ближайшее участие в его формировании, был вознаграждён постом министра внутренних дел, который в бюрократической иерархии считался вторым по важности после премьера. Военный министр Осима Кэнъити и морской министр Като Томосабуро (однофамилец бывшего главы МИД) остались на своих местах. Портфели министра иностранных дел и финансов премьер временно сохранил за собой. 21 ноября Мотоно возглавил МИД.

Тогдашние комментаторы обращали внимание на то, что большинство министров – члены палаты пэров, а не «народные избранники». Нам важнее другое: в составе кабинета оказались наиболее влиятельные русофилы токийской элиты, что создавало хорошие условия для сотрудничества. Способствовал этому и новый российский посол в Токио – молодой и энергичный Василий Крупенский, занявший свой пост в мае 1916 г. после нескольких лет успешной работы в Китае. С Малевским-Малевичем обошлись несправедливо, не назначив его в Государственный совет, куда обычно отправляли ушедших на покой послов и министров. По своему вкладу в развитие русско-японских отношений и в успехи российской дипломатии он этого, несомненно, заслуживал.

Партнерство двух стран доросло до военно-политического союза, который мог изменить не только баланс сил, но и весь ход событий на Дальнем Востоке и в Северо-Восточной Азии. Незадолго до крушения монархии великий князь Александр Михайлович писал августейшему племяннику: «Никогда в истории Российского государства не было более благоприятных политических условий: с нами наш исконный враг Англия, недавний – Япония и все другие государства, которые видят и чувствуют всю силу нашу». Однако он не закрывал глаза на глубину внутреннего кризиса и призывал царя создать «ответственное министерство» (41). Георгий Михайлович по возвращении из Японии предлагал учредить в России аналог института *гэнро*, который произвёл на него большое впечатление во время визита. Он называл их «ближними боярами» и считал «идеальным решением проблемы посредничества между парламентом и императорской властью. Однако Николай II, внимательно выслушав своего двоюродного дядю, ника-

ких мер, предлагаемых им, не принял, да и время было упущено: идти на радикальные меры по созданию новых органов власти в самый разгар войны, при этом рискуя обострить в очередной раз отношения с Государственной думой и придворными кругами, было не в характере последнего русского императора» (42).

Наметившееся сотрудничество нравилось не всем. В октябре 1916 г. член коллегии МИД Иван Коростовец, бывший посланник в Пекине, представил Штюрмеру записку о необходимости сближения с США для противостояния Японии: «Наша скудно населенная, некультурная и далекая окраина не сможет отстоять своих интересов не только на китайской, но даже и на русской территории... Подготовка поступательного движения Японии станет понятнее, если взглянуть на последнее (русско-японское – *В.М.*) соглашение не как на отдельный политический акт, вызванный “общностью интересов с Россией и её союзниками”, а как на планомерное продолжение полувековой работы Японии, направленной к вытеснению нас с побережья Тихого океана во имя японско-китайской государственности в Азии (так – *В.М.*)... Недалекое прошлое показало с большой очевидностью, что национальные стремления Японии простираются и на русские земли» (43). Коростовец предлагал сотрудничество с США, поскольку у них тоже имелись противоречия со Страной корня солнца. Вариант допустимый, но далеко не беспроблемный.

Глава седьмая

МОТОНО ИТИРО, ГОТО СИМПЭЙ И ПАРАДОКСЫ «СОЮЗНОЙ» ИНТЕРВЕНЦИИ

Февральская революция в России стала первой в череде революций, вызванных к жизни мировой войной и оказавших определяющее влияние на послевоенный миропорядок. С первых же дней японское посольство и военная миссия в Петрограде с неослабевающим вниманием наблюдали за происходящим, а шифровальный отдел российского генерального штаба – за их перепиской с Токио. Посол Утида Косай, бывший министр иностранных дел, прибыл к новому месту службы как раз в феврале 1917 г. Русского языка он не знал и, конечно, не мог уследить за стремительным развитием событий. Разобраться в этом калейдоскопе помогал третий секретарь Уэда Сэнтаро, как несколько ранее заместитель военно-морского атташе Ёнаи Мицумаса. Оба не только хорошо владели русским языком, но и обзавелись в столице обширными связями (1).

Уэда работал в России на протяжении почти четырёх десятилетий: сначала как стажёр, потом в качестве дипломата, пройдя путь от секретаря до советника посольства, и считался в МИД одним из лучших знатоков России и переводчиков с русского языка. Россию он любил, хотя большевикам – как большинство японских русофилов – не сочувствовал. Уэда оставил ценные отчёты о революционных событиях, а в начале тридцатых написал стандартную служебную «разработку» о советской дипломатии и о политике Японии в отношении СССР. Он принадлежал к числу «специалистов», занимавшихся конкретной страной, которые в системе японской дипломатической службы не могли рассчиты-

вать на большую карьеру, в отличие от «дипломатов», в идеале предназначенных для работы в любой стране – с опорой на тех же «специалистов». Уэда не дослужился до высоких рангов, будучи назначен советником только в 65 лет (видимо, для получения приличной пенсии), но удостоился персональной статьи в «Японском дипломатическом словаре», что говорит о несомненном признании его заслуг (2).

Русский период службы Ёнаи, одного из самых почитаемых японских адмиралов, известен сравнительно мало даже с учётом опубликованных материалов. Разрозненные сведения показывают, что причинами его незаурядной информированности – и добавим, способности верно оценивать меняющуюся ситуацию – были не только знание языка, трудолюбие и аналитические способности, но и умение завязывать и поддерживать контакты (3). Есть основания предполагать, что он не только собирал информацию, но и делился ей с собеседниками, смотря на русских как на союзников, которым следует доверять. Россию Ёнаи любил, происходящее оценивал здраво и всегда выступал за хорошие отношения с ней, даже когда она стала советской.

В целом положение в России весной–летом 1917 г. тревожило Японию меньше, чем другие страны Антанты: тех волновала прочность фронтов – какую часть войск противника они могут «оттянуть» с Запада. В Токио беспокоились о стабильности положения на Дальнем Востоке и о поставках вооружений. Продолжались переговоры о продаже ветки Харбин-Куаньченцзы, но стороны не могли сойтись в цене. В мае комиссия Временного правительства одобрила проект закона о вольных гаванях, которые предполагалось открыть во Владивостоке, а также в Балтийском и Черном морях. Однако 9 мая (26 апреля) посол Утида сообщил министру Мотоно циркулирующие в столице слухи о том, что Япония может объявить войну России, если та выйдет из войны. Считая подобные толки безосновательными, посол, тем не менее, полагал, что «в настоящее время это – полезное давление на русских». Указывался и источник слухов: «В последнее время газеты и некоторые государственные деятели как средство оказать поддержку правительству пустили слух, что в случае пре-

кращения войны Россией Япония нападет на Владивосток». «Поддержать» таким образом Временное правительство в решимости вести «войну до победного конца» поспешили и другие «союзники»: итальянский генеральный консул в Москве заявил одной местной газете, что, если Россия заключит сепаратный мир с Германией, Антанта предоставит Японии свободу действий в Сибири (4).

Японская пресса не преминула воспользоваться «полезным давлением на русских». В мае 1917 г. газеты заговорили об «анархии» на Дальнем Востоке, намекая, что в случае необходимости Страна корня солнца будет вынуждена ввести войска на русскую территорию. Особенно преуспели в этом официозы ЮМЖД «Мансю нитинити симбун» и «Manchuria Daily News», а также «Дзидзи симпо» и «Japan Advertiser». 23 мая в статье «Защита искренней дружбы. Русская пресса поносит Японию вследствие заблуждения» «Мансю нитинити симбун» сообщала: «Недавно в г. Харбине произошли вооружённые столкновения русских солдат с японцами. Кроме того на востоке – в Ханьдаохэцзы и в Пограничной, на западе – в Бухэду и в Маньчжурии и в других местах также имели место подобные столкновения и тем не менее Япония не приняла никаких репрессивных мер». Действительный член харбинского Общества русских ориенталистов Николай Мацокин в брошюре¹, изданной в ответ на распространение этих слухов 1 сентября (19 августа) 1917 г., писал: «Вывод ясен сам собою: некоторые, неизбежные во время всякой революции, эксцессы, в данном случае, выразившиеся в столкновениях солдат с японцами в японских публичных домах, были, по мнению газеты, вполне достаточными для того, чтобы Япония приняла эти репрессивные меры, или, говоря простым языком, ввела свои войска в полосу отчуждения Китайской восточной железной дороги. Что эти репрессивные меры действительно едва не были приняты, об этом открыто было сказано одним из харбинских общественных деятелей на заседании Харбинского исполнительного комитета».

¹ Приношу благодарность Э.А. Барышеву за указание на работу Мацокина и сообщение ее текста.

Мацокин продолжал: «Если действительно имевших место случаев столкновения русских солдат с японцами, когда, однако, не было убито ни одного японца, было достаточно для ввода войск, то какое действие должно было произвести на население сообщение, передаваемое хотя бы в виде слуха, об убийстве японского консула, личность которого по законам международного права неприкосновенна?». Такое ложное сообщение появилось в харбинской японской газете «Кита-Мансю» 20 мая: «По слухам, которые позавчера передавались в здешнем высшем русском обществе, во Владивостоке на улице толпой хулиганов убит японский генеральный консул (Кикүти Гиро – *В.М.*). Хотя об этом в местном японском консульстве и неизвестно ничего, но, тем не менее, даже несмотря на то, что эти слухи являются беспочвенными, мы передаем их по той причине, что они исходят из авторитетного и достоверного источника». Комендант города считал одной из целей демарша желание «подготовить приход в г. Владивосток японской эскадры, а следовательно и занятие города японцами на законном основании для защиты интересов 3000 японских подданных», о чём тотчас же сообщил министру иностранных дел, военному министру и русскому послу в Токио. Подобные «сообщения», по мнению Мацокина, также «вредили русским коммерческим интересам», пытаясь отвлечь грузы от Владивостока на Дайрен.

Наблюдательный автор обратил внимание на телеграмму из Нью-Йорка от 31 июля, появившуюся в «Мансю нитинити симбун» четыре дня спустя, о том, что «предстоящая в ближайшие дни мобилизация японских войск, расквартированных в Южной Маньчжурии, находится в связи с последними на фронте событиями и необходимостью военной помощи России». Через два дня газета сама опровергла сказанное, но факт обнародования подобных слухов был призван «создать среди китайцев и японцев впечатление, что Япония намерена принять активное участие в русском нестроении».

Кому это было выгодно? Временное правительство поощряло подобные толки для укрепления «оборонческих» настроений, но Мацокин видел и другой «русский след» – провокационные действия революционеров и «германских агентов». «Поручится ли

кто-нибудь, что этот русский (предоставивший “сведения” об убийстве японского консула – *В.М.*) не действует в интересах Германии или какой-нибудь иной державы здесь, в Маньчжурии, так же, как ленинцы действовали в интересах Германии в России? Поручится ли кто-нибудь за то, что здесь, в Маньчжурии, не происходит предательство и продажа России с тем, чтобы вызвать трения между Японией и Россией? ...у нас нет оснований не считаться с возможностью существования в русском обществе г. Харбина таких русских, которые могут действовать в интересах как Германии, так и какой-либо другой державы» (5). Сыграли на слухах и экспансионистски настроенные японские круги. Член совета директоров компании ЮМЖД Каваками Тосицунэ – бывший торговый представитель во Владивостоке и генеральный консул в Москве, – отправленный 29 июля 1917 г. в Россию для сбора сведений о её внутривластном и экономическом положении и объехавший почти все важные центры страны, по возвращении в Токио в докладе министру иностранных дел уделял им целый параграф (6).

В результате большевистского переворота ситуация радикально изменилась. Россия объявила о выходе из войны и начале мирных переговоров с Германией и Австро-Венгрией, а также приступила к публикации тайных договоров. «Союзные» послы в Петрограде, неформальным, но бесспорным лидером которых был британский представитель Джордж Бьюкенен, попытались наладить отношения с новой властью, хотя считали её незаконной и враждебной, особенно на фоне постоянных толков о «немецких деньгах». Утида, новичок в русских делах, играл едва ли не самую пассивную роль и во всём подчинялся Бьюкенену. Официально признавать Совет народных комиссаров державы Антанты отказывались. Послам приходилось иметь дело с властью, фактически существующей, а юридически – нет. Дипломаты были уверены, что «красные» долго не продержатся и всё вернётся на круги своя.

В ноте народного комиссара по иностранным делам Георгия Чичерина японскому правительству от 24 февраля 1920 г. утверждалось, что «уже в декабре 1917 года Народный Комиссариат по Иностранным Делах вступил в полуофициальные переговоры

с Японским Послом в Петрограде через посредство Консула Уэдда (так в тексте – *В.М.*) по вопросу о пересмотре всех договорных отношений между Россией и Японией и предложил заключение нового торгового и экономического соглашения и конвенции о положении дел на Дальнем Востоке и на Тихоокеанском побережье. Предложения Советского Правительства были приняты Японским Послом для передачи своему Правительству, однако на них не получилось ответа. Предложения такого же рода были сделаны Народным Комиссариатом по Иностранным Делах весной 1918 года через посредство Японского Консула Уэдда и в мае через посредство Японского Поверенного в Делах Марумо, в Вологде. И в этот раз наши предложения были приняты для передачи в Токио, но были оставлены без последствий» (7). Однако имеющиеся в нашем распоряжении источники пока не позволяют восстановить картину этих зондажей.

17 ноября посол Василий Крупенский телеграфировал из Токио в Пекин своему коллеге князю Николаю Кудашеву: «Министр иностранных дел (Мотоно – *В.М.*) сказал мне, что японскому послу в Петрограде предписано тщательно избегать всяких шагов, которые могли бы быть истолкованы как признание правительства большевиков, о каковом со стороны Японии не может быть и речи. Вместе с тем министр самым положительным образом подтвердил мне, что японское правительство никоим образом не отождествляет группу изменников, захватившую временно в Петрограде власть, со всей Россией и не возлагает на весь русский народ ответственности за действия большевистской шайки».

«Далее на мой запрос, – продолжал Крупенский, – министр категорически заявил мне, что вопрос о посылке японских войск во Владивосток никогда не возникал. Равным образом нет об этом речи и относительно Харбина» (8). Однако существовала реальная угроза того, что в руки Центральных держав, которые, при всех несомненных трудностях, были ещё далеки от поражения, попадут склады оружия и боеприпасов. Кроме того, на территории России находилось немало германских и австрийских военнопленных, слухи об организации армии из которых периодически возникали в «союзных» столицах. Так оформилась идея вооружённой интервенции стран Антанты, разговоры о которой

начались ещё летом 1917 г., когда Временное правительство окончательно потеряло контроль над солдатско-люмпенской массой. Негативное отношение союзников к новой власти определялось не столько её «рабоче-крестьянским» характером, сколько радикальным изменением баланса сил в Европе. Мир России с Германией означал, что у армии кайзера становится на один фронт меньше и на одну сырьевую базу больше. Войска с Восточного фронта могли быть переброшены на Западный, а контроль над житницами Украины вполне мог свести на нет блокаду Центральных держав.

«Наиболее энергично требовали военной интервенции в России французы, – писал историк Ч. Сеймур, основываясь на документах архива “полковника”¹ Эдварда Манделя Хауза, главного советника американского президента Вудро Вильсона. – Они неоднократно поднимали вопрос о ней на межсоюзной конференции в Париже в конце 1917 г. 1 декабря Клемансо (только что ставший премьером – *В.М.*) обсуждал с Хаузом возможности интервенции и настаивал на желательности посылки японских экспедиционных сил. До революции, говорил он, старое русское правительство не хотело просить японской военной помощи. Однако, выход России из войны после большевистской революции изменил положение. Россия вышла из игры. Для Японии настало время занять её место. Полковник Хауз был, как и всегда, против военной интервенции. Он не думал, что японская или какая-либо другая экспедиция поможет создать на Востоке (т. е. на Восточном фронте в Европе – *В.М.*) новый боевой фронт против Германии. Боевой дух России, утверждал он, догорел, промышленная организация страны, столь необходимая для продолжения войны, расшатана... Если Россия не желала и не была способна продолжать воевать, то было бесполезно пытаться принудить её к этому с помощью экспедиционных сил. Такая попытка была бы и очень

¹ Этот профессиональный лоббист ни одного дня не служил в армии, но получил звание «почётного полковника тexasской милиции» от губернатора, которому помог занять этот пост. Не имея никаких официальных должностей, Хауз практически подчинил себе Вильсона, которому обеспечил избрание в президенты в 1913 г.

дорогой, если принять во внимание, что в это время союзники нуждались во всех своих силах для грядущей борьбы на Западе. Любая попытка вмешательства в русские дела, не касаясь моральной стороны, могла оказаться чрезвычайно опасной. Разве возможно было свергнуть большевиков, казавшихся жаждающим мира и земли народным массам России первыми в их истории руководителями, сделавшими искреннее усилие для удовлетворения их нужд? Разве подобное вмешательство не усилило бы только власть большевиков? Кто мог, в самом деле, ручаться, что в случае свержения большевиков их заменит партия, более способная противостоять Германии?» (9).

Американцы не испытывали воодушевления насчёт интервенции, рассчитывая на достижение договоренности (*modus vivendi*) с большевиками: в принципе не возражали против посылки войск в Россию, но только если их об этом попросит правительство, имеющее хотя бы видимость легитимности. Стронниками немедленного вооружённого вмешательства, кроме Клемансо, были лорды Милнер и Бальфур, которые думали не столько об оживлении сопротивления Центральным державам, сколько о контроле над ресурсами и транспортными магистралями *всей* России, опасаясь, как бы они не попали под германский контроль. 30 января 1918 г. Бальфур, занимавший пост министра иностранных дел, предложил поручить Японии – от имени «союзных» держав – взять под вооружённый контроль Транссибирскую железную дорогу для предотвращения её использования в интересах Германии. Только позже стало известно, что он сделал это по просьбе министра иностранных дел Мотоно, переданной ему в конце декабря 1917 г. через посла в Лондоне Тинда Сутэми. В Токио вопрос о возможности такой акции был поднят уже 12 ноября на заседании Комитета по изучению внешней политики (о нём ниже), а конкретное обсуждение её перспектив началось 17 декабря, хотя слухи о том, что японцы вот-вот высадятся во Владивостоке циркулировали уже в конце ноября. Руководство Японии опасалось подозрений и обвинений (прежде всего, со стороны США) в экспансионистских намерениях относительно русского Дальнего Востока и не хотело брать на себя инициативу. Поэтому выступление Бальфура было оценено им по достоинству (10).

Против выступил Хауз, писавший 2 февраля Вильсону: «Посылка японских войск в Сибирь была бы огромной политической ошибкой. Я не могу найти никакой военной выгоды, которая компенсировала бы причиняемый вред. Не говоря о враждебном чувстве, которое оккупация создала бы в большевистском правительстве, она возбудила бы славян повсюду в Европе хотя бы из-за расового вопроса, если не из-за чего-нибудь ещё». Как и абсолютное большинство американцев его времени, «полковник» был подвержен расовым предрассудкам, но видел и другую, более существенную угрозу, убедив в её наличии босса: «Президент Вильсон боялся, очевидно, одного – как бы японские войска, раз они уже попали в Сибирь, не остались там; он опасался, что трудно будет убедить их уйти оттуда» (11). Нотой от 5 марта Вашингтон предупредил Токио о неприемлемости любых односторонних акций по отправке войск на Дальний Восток. Такую линию администрация Вильсона выдерживала и в дальнейшем (12).

Во второй декаде января 1918 г. на рейде Владивостока появились военные корабли «союзников», в том числе японский броненосец «Ивами», а в город были высажены пока ещё немногочисленные десанты. Целью акции державы объявили «защиту своих подданных». Специальной нотой японское правительство разъяснило, что «нисколько не намерено вмешиваться в вопрос о политическом устройстве России». Находившийся под контролем большевиков Владивостокский совет немедленно выступил с протестом: «Защита всех жителей... является прямой обязанностью российских властей, и мы должны засвидетельствовать, что за 10 месяцев революции (считая со свержения самодержавия – *В.М.*) порядок во Владивостоке ни разу не был нарушен» (13). «Союзники» протест игнорировали. Это была ещё не интервенция, но прелюдия к ней.

В отличие от европейской части России, на Востоке реальной угрозы захвата оружия и военных материалов противником не существовало, а транспортировка их в Германию по расстроеным до предела железным дорогам потребовала бы многих недель, если не месяцев. В «союзных» столицах это понимали – в том числе «царские» дипломаты. Японцев волновало другое – чтобы «бесхозное» оружие не попало к «сильному человеку»

Маньчжурии Чжан Цзолиню или к корейским повстанцам, активизировавшимся в приграничных областях. В условиях наступившей смуты ситуация могла стать критической.

Посол Утида относился к большевикам с отвращением и полагал, что с Россией вообще не следует иметь дело. Вернувшись в Японию в марте 1918 г., он заявил, что «красные» не так страшны, как их малюют. Токийская пресса объявила, что посол «продался большевикам», и тот поспешил исправиться: «Будет ли верна Россия союзникам или нет, но с тех пор, как её новым хозяином стал невидимый, хорошо организованный и поразительно гибкий монстр коммунизма, посылать вооружённых людей для борьбы с ним абсолютно бессмысленно» (14). К этому выводу он пришёл уже в первые месяцы, если не недели после переворота, а потому ни на какие авансы новой власти не откликнулся. Отказ большевиков в феврале 1918 г. от всех политических и экономических обязательств царского и Временного правительств, больно ударивший по Японии, вызвал отъезд иностранных послов из Петрограда (Утида был официально отозван 27 февраля) в Вологду, где до мая японцы эпизодически поддерживали контакты с Москвой через поверенного в делах Марумо Наотоси. Потом оборвались и они.

Кто поддерживал Утида в вопросе об отношении к России и к интервенции? *Гэнро* Сайондзи и его протеже Хара Кэй, главный кандидат в премьеры. Бывшие министры иностранных дел Като, Макино и Исии. Макино и Хара, опираясь на поддержку Сайондзи, пытались подчинить своему влиянию Комитет по изучению внешней политики, созданный в июне 1917 г. для обеспечения консенсуса при выработке внешнеполитического курса. Премьер Тэраути возглавлял комитет, в который входили: министр иностранных дел Мотоно, министр внутренних дел Гото, военный министр Осима, морской министр Като, член Тайного совета Ито Миёдзи, члены палаты пэров Макино Нобуаки и Хирата Тосукэ, лидеры партийных фракций нижней палаты Хара Кэй (Сэйюкай) и Инукаи Цуёси (Кокуминто). Като Такааки, лидер партии Кэнсэйкай, от участия отказался. Таким образом, комитет объединил людей, представлявших разные «центры власти» и действительно делавших Большую политику. Создавая новый орган, не преду-

смотренный конституцией, Тэраути, Мотоно и Гото хотели лишить мидовскую бюрократию монополии на разработку внешнеполитической стратегии и тактики (13).

Выступавшие в комитете основными противниками интервенции Макино и Хара не считали Россию перспективным партнёром и тем более союзником. Они предлагали ограничиться минимальными усилиями по защите жизни, прав и собственности японских граждан на её территории, а затем эвакуировать их, закрыть и максимально укрепить границы, предоставив русским «вариться в собственном соку». Такой же позиции придерживался ветеран японского либерализма Одзаки Юкио. В поддержку интервенции выступили консервативные русофилы во главе с Мотоно и Гото. Чем они руководствовались?

Во-первых, они стремились к сохранению политического режима, с которым привыкли иметь дело и с которым наладили сотрудничество. Можно предположить, что вопрос о конкретной форме государственного строя России – самодержавная монархия или парламентская республика – для многих из них не имел принципиального значения, хотя, например, Мотоно был непреклонным монархистом не только по отношению к собственному сюзеру. Комментируя его отставку с поста главы МИД, Чичерин заявил на V съезде Советов 4 июля 1918 г.: «Однако и в Японии начинается медленно, но верно борьба за право народа решать свою судьбу. И эта борьба, прежде всего, сказалась на вопросе о вмешательстве в русские дела. Человек, который был вдохновителем японской политики в смысле вмешательства, представитель отживающего, но ещё сильного феодального строя в Японии, виконт Мотоно, бывший ранее посланник в России и тесно связанный с укрывшимися в Японии русскими реакционерами, должен был уйти» (16). Официальной причиной отставки была объявлена болезнь министра, которую наблюдатели сочли «дипломатической», однако виконт на самом деле был тяжело болен и умер через четыре с половиной месяца.

Во-вторых, политическая нестабильность на Дальнем Востоке вкуче с радикальным изменением государственного строя России мешали японскому присутствию и экономической деятельности в регионе. Нестабильностью, а затем и отсутствием центральной

власти старались воспользоваться все заинтересованные стороны: иностранцы для получения разных льгот и концессий; расплодившиеся местные «правители» для личного обогащения за счёт компрадорской политики. Когда же большевики заявили об отказе от всех прежних обязательств и «объявили войну» эксплуататорам и частной собственности, японские интересы оказались под прямой угрозой. Поэтому интервенцию поддержали промышленные, торговые и финансовые круги, стремившиеся не только воспользоваться кризисом для улучшения своего положения, но сохранить имеющееся.

В-третьих, коммунистическая агитация, направленная на «освобождение» других народов (в том числе китайцев и корейцев) от «гнета эксплуататоров и колонизаторов», делала уязвимой панзиатскую риторику и представляла прямую опасность для японской колониальной политики в Корее, где и так было неспокойно. Революция на Дальнем Востоке вызвала оживление национального движения корейцев, полных решимости не упустить выпавший им шанс: 1 марта 1919 г. националисты обнародовали манифест о независимости Кореи. Так японцы и большевики оказались по разные стороны баррикады, а за свои колониальные владения первые были готовы стоять насмерть.

В-четвёртых, левые силы России, включая часть большевиков, обратили взоры к Соединённым Штатам, как «демократической» стране и возможному союзнику в борьбе против «феодального» японского империализма. «Большевик номер два» Лев Троцкий зимой 1917/18 г. вёл переговоры с американскими и британскими эмиссарами, намекая на возможность совместной борьбы против «тевтонского милитаризма». Некоторые партийцы подолгу жили в Америке и обзавелись там разными, порой совсем некоммунистическими, связями – например, в банковских и биржевых кругах, как Вениамин Свердлов или Михаил Бородин-Грузенберг, будущий представитель ВКП(б) и Коминтерна и главный политический советник Чан Кайши. Большевики и позднее считали американский капитал «аполитичным», а потому менее опасным для нового режима, чем «политизированный» японский капитал.

Наконец, в агитации за развёртывание интервенции присутствовал и характерный для японской политической риторики мо-

ральный мотив: в России – хаос и смута, России угрожает беда, поэтому её надо спасти от нашествия «тёмных сил».

Всё это действовало не только на дипломатов и бизнесменов, но и на военных, стремившихся если не прямо поставить под свой контроль Дальний Восток и Северный Сахалин, то обеспечить там безусловное преобладание японских интересов. Поэтому они начали разрабатывать планы отправки войск в Россию уже в середине ноября 1917 г. (17). В Вашингтоне справедливо полагали, что японские «военные руководители, вероятно, не придавали бы интервенции большого значения, если бы они не рассчитывали, что её результатом будет их контроль над Восточной Сибирью». Присланный Временным правительством в США посол Борис Бахметев предостерегал Хауза, что «появление японских экспедиционных сил в Сибири... бросит русских в объятия германцев, так как не может быть вопроса, какую из двух возможностей они выберут» (18).

Любая интервенция означала трату денег и гибель людей, поэтому кабинет Тэраути – хотя его возглавлял решительный маршал – решился на неё не без колебаний. Неожиданно умеренную позицию занял Ямагата, считавшийся лидером милитаристов. «Совершенно преждевременно думать о немедленной отправке наших войск, – писал он Тэраути, Мотоно и Гото 15 марта 1918 г., – из боязни того, что немцы распространят свою власть на Дальний Восток после заключения сепаратного мира между большевистским правительством и Германией. Вторжение на территорию России прежде, чем она попросит о помощи, может быть, и неплохая идея, но это есть вмешательство в прерогативы её власти. Подобный шаг не только не оправдан, но восстановит против нас Англию и особенно Америку... Определяя политику империи в отношении России, мы должны предварительно удостовериться в существовании русской политики Англии, Франции и Америки» (19). *Гэнро* предостерегал от непродуманных действий, понимая, что «союзники», с одной стороны, хотят использовать японцев как ударную силу, с другой – ограничить их возможную экспансию на Дальнем Востоке.

Выступая в парламенте 26 марта 1918 г., в последний день сессии, Мотоно говорил: «Правительство Японии никогда ни со-

ветовало, ни предлагало какой-либо стране осуществить военную акцию в Сибири. Однако, оно с глубокой тревогой следит за нынешним положением в Сибири, особенно за угрозой продвижения германского влияния на восток. Правительство Японии не получало от союзников никакого *коллективного* предложения по этому вопросу. Если же союзные правительства в будущем обратятся к Японии с подобным предложением, оно будет подвергнуто самому тщательному рассмотрению... Если ситуация в Сибири станет угрожать безопасности Империи или её жизненным интересам, правительство полно решимости принять надлежащие решительные меры для самообороны. Но даже если наша страна силой обстоятельств будет вынуждена направить войска в Сибирь, у правительства нет ни малейшего намерения рассматривать Россию как врага. Мы никогда не будем проводить агрессивную политику подобную той, что проводит Германия в Европейской России. Заявляю без колебаний, решительно и искренне: все наши глубокие и тёплые симпатии на стороне русского народа, с которым мы хотим продолжать и развивать сердечную дружбу. Верю, что все наши союзники разделяют этот взгляд» (20). Однако эти слова мало кого убедили, и в апреле министру пришлось уйти в отставку из-за разногласий с *гэнро* и коллегами по кабинету.

Вопрос о его преемнике приобрел особое значение. 17 апреля министр внутренних дел Гото имел долгий разговор с партийным боссом Хара о ситуации в России и о возможной помощи атаману Григорию Семенову в борьбе против большевиков. Гото склонялся в пользу интервенции и хотел заручиться поддержкой Хара, тем более что во время беседы были произнесены слова о возможности скорого ухода Мотоно и назначения Гото на его место с одобрения Ямагата (21). Атлантисты хотели видеть на посту министра Утида или посла в Лондоне Тинда, но премьер Тэраути остановил выбор на Гото, разделяя его взгляды на ситуацию и доверяя ему лично. Теперь надо было обеспечить сотрудничество других ведомств и политических партий с новым министром. Этой цели послужила беседа Тэраути с Хара о ситуации в России 22 апреля. Зная о скептическом отношении собеседника к перспективам интервенции, премьер обратил его внимание на кон-

такты большевиков с американцами и на возможность перехода КВЖД в их руки с разрешения Москвы. Кроме того, в «полосе отчуждения» железной дороги активизировались китайцы, решившие, что пришла пора прибрать «бесхозную» магистраль к рукам (22).

23 апреля Гото официально стал министром. Назначение произвело фурор в ведомстве, которое ранее возглавляли или карьерные дипломаты, или политики с опытом дипломатической службы за границей. Встревожены были и «союзные» послы, подзревавшие Гото в германофильских симпатиях и близости к паназиатистским кругам. Новый министр был бюрократом и не имел большого опыта общения с иностранцами, за исключением русских и китайцев. Однако он пользовался не только влиянием в политических и деловых кругах, но и доверием премьера. Назначение говорило, что Тэраути поручил ближайшему сотруднику самый ответственный участок работы

К этому моменту Гото стал сторонником интервенции, но как части глобальной внешнеполитической стратегии, а не отдельно взятой политической и военной акции. Считая, что главными силами в мировой политике являются Америка и Германия, он предложил следующий план последовательно осуществляемых мер «агрессивной обороны»: 1) переговоры с США о праве Японии распоряжаться паровозами и вагонами, поставляемыми в Россию по контрактам царского и Временного правительств; 2) получение принципиального согласия США, Великобритании и Франции с целями и задачами японской политики на Дальнем Востоке; 3) отправка войск в Сибирь с последующей оккупацией Приамурья к востоку от Иркутска, а также Сибирской железной дороги, насколько позволят обстоятельства; 4) модернизация и перевооружение армии и флота; 5) переговоры с Китаем о признании за Японией исключительных прав на поддержание мира и порядка в Северной Маньчжурии (23). 2 мая он изложил свою программу Комитету по изучению внешней политики, сделав акцент на важности предлагаемых мер для обороны и безопасности страны. Они должны были доказать правительствам стран Антанты верность Японии союзническим обязательствам и готовность выполнять их в полной мере. Что касается Китая, то полное вы-

теснение оттуда Германии в планах Гото предполагало одностороннее усиление Японии, но никак не её конкурентов – США и Англии. Министр также хотел заручиться гарантиями того, что Япония получит максимум возможностей освоения природных богатств Сибири.

Переговоры с США начались через японского посла в Вашингтоне Исии, у которого сложились неплохие отношения с государственным секретарем Робертом Лансингом. Задача облегчалась тем, что Великобритания, развернувшая интервенцию в европейской России, подталкивала Америку к более решительным действиям на Дальнем Востоке. Исии был полон решимости добиться согласия Вильсона на совместные действия, дабы не допустить «германизации России». Действия посла соответствовали целям Гото, несмотря на разницу геополитических взглядов. Теперь необходимо было достичь взаимопонимания с европейскими союзниками. В Лондоне Тинда несколько раз беседовал об этом с Бальфуrom, о чём члены Комитета по изучению внешней политики были проинформированы 5 июня, затем 17, 19 и 20 июня. Гото хотел, чтобы союзники единодушно «пригласили» Японию принять участие в интервенции, которую они уже вели в европейской части России, распространив её на Дальний Восток. Это облегчало бы Токио предъявление дальнейших требований и не дискредитировало бы его политику в глазах мирового общественного мнения. Имея в виду последнее обстоятельство, Комитет после длительной дискуссии счёл необходимым разъяснить, что действия Японии не предполагают нарушения территориальной целостности России и вмешательства во внутривосточную борьбу (24).

Пока шли переговоры с державами и обсуждались меры по оказанию помощи Семенову, чехословацкий корпус, с конца апреля 1918 г. находившийся в «красном» Владивостоке, 29 июня совершил антибольшевистский переворот. 3 июля Высший военный совет Антанты обратился к США с просьбой принять участие в интервенции на Дальнем Востоке. Вильсон согласился и 8 июля направил соответствующее приглашение японцам, которые днем раньше, 7 июля, уже получили его от Англии. Однако в Вашингтоне усилия Исии принесли только половинный результат.

Лансинг в начале июля поддержал идею общесоюзной интервенции с участием Японии, но президент дал понять, что намерен препятствовать дальнейшей японской экспансии, которая была главным содержанием далеко идущих замыслов Гото. Военные круги настаивали, что промедление губительно для всего дела, и 12 июля получили согласие кабинета на подготовку к отправке войск ещё до официального принятия решения об интервенции.

13 июля Гото обрисовал Хара ситуацию на Транссибирской магистрали, которая, по его мнению, требовала немедленного вмешательства. В разговоре снова возникли вопросы о сохранении территориальной целостности России, невмешательстве во внутриполитическую борьбу и согласованности действий с США как условий интервенции. Новым аргументом в её пользу стала помощь чехословакам. Так Гото рассчитывал убедить возможных оппонентов в Японии и облегчить одобрение своей политики Америкой. Получение официального согласия Вашингтона на японский план стало главной задачей МИД. Хара подробно записал разговор, а вечером того же дня начал совещаться со своими единомышленниками (25). Очень многое зависело от позиции Ямагата, с которым должны были считаться все стороны. После долгих колебаний 15 июля маршал, наконец, дал добро, хотя продолжал опасаться, что условия, необходимые для успеха экспедиции, ещё не созрели.

Посоветовавшись с *энро*, премьером и членами кабинета, Гото решил, что вопрос об отправке войск в Россию пора выносить на рассмотрение Комитета по изучению внешней политики. Заседание 16 июля открылось его докладом о подготовленном официальном послании в Вашингтон. Отвечая на вопросы, глава МИД пояснил, что считает согласие США желательным, но не обязательным, поскольку ситуация в России, прежде всего возможность вооружения германских и австрийских военнопленных против Антанты, требует безотлагательного вмешательства. Он также выступил против принципа количественного равенства японских и американских войск, сославшись на то, что чехословаки всецело находятся под влиянием Америки, которая рассматривает их как часть своей армии. По конкретному вопросу предполагаемой численности экспедиционного корпуса разъяснения

давал военный министр Осима, сторонник расширения масштабов интервенции в случае успеха её первого этапа. Это соответствовало плану Гото, но насторожило его оппонентов.

Хара и Макино выступили против. Несмотря на разъяснения главы МИД, они заявили, что любые самостоятельные действия Японии, выходящие за строго ограниченные рамки общесоюзного военного присутствия во Владивостоке, – а речь шла именно об этом – приведут к конфликту с Америкой, чреватыми серьёзными последствиями. За спиной Хара стояла руководимая им партия парламентского большинства Сэйюкай, от поддержки которой зависела прочность положения кабинета. Инукаи, лидер небольшой партии Кокуминто, также не был сторонником развертывания интервенции. Партия Кэнсэйкай, наиболее оппозиционно настроенная к правительству, в работе комитета не участвовала принципиально. В парламенте партии боролись друг с другом, но теперь могли объединить усилия в противостоянии плану Гото.

После выступлений противников интервенции собравшиеся разошлись. Гото и Ито Миёдзи принялись за переработку текста послания, новый вариант которого на следующий день, 17 июля, был представлен членам комитета. Хара настаивал на включении в него положений о согласовании действий Японии и США, об ограничении масштабов интервенции и численности посылаемого в Россию контингента, а также на необходимости одобрения комитетом всех последующих шагов в этом направлении. Ради скорейшего успеха дела Гото был готов пойти на уступки. К вечеру относительное согласие было достигнуто, но Макино буквально в последнюю минуту обратил внимание собравшихся, что в тексте должным образом не сказано о помощи чехословакам как главном мотиве интервенции. Гото, Ито и Тэраути считали это не более чем поводом, а потому упустили из виду, но рассчитывать на американское согласие без соответствующего заявления не приходилось. Снова закипела бумажная работа, и утром 18 июля новый проект был готов. Заручившись поддержкой Ямагата и Тэраути, Гото в два часа дня представил его комитету. После короткого обсуждения текст был утверждён, и министр отправился во дворец для получения санкции императора. На следую-

щий день послание было передано по телеграфу в Вашингтон и Лондон. Теперь дело было за союзниками (26).

Мотивами японской интервенции были названы дружеские чувства к русскому народу и стремление помочь ему восстановить законность, порядок и «здоровое течение национальной жизни». Более конкретно целями отправки войск объявлялись недопущение перехода России под контроль Центральных держав и помощь чехословацкому корпусу против возможных вооружённых выступлений со стороны большевиков, германских и австрийских военнопленных. Вскользь говорилось о необходимости поддержания порядка на Сибирской железной дороге, что Гото, бывшего главу ЮМЖД и министра путей сообщения, интересовало не в последнюю очередь. Правительство официально заявляло, что намерено развивать дружеские отношения с Россией и уважает её территориальную целостность, а потому эвакуирует оттуда все свои войска, как только её суверенитет будет восстановлен в полном объёме (27).

Ждать ответа из Вашингтона пришлось почти десять дней — там понимали, что речь идёт о принятии решения исключительной важности. В Токио тоже не утихали споры, хотя текст декларации был согласован и одобрен. 22 июля Хара зафиксировал в дневнике разговор между Като, не принимавшим участия в работе комитета, и бывшим послом в России Утида, которых, помимо атлантической ориентации, объединяли оппозиция правительству и планам интервенции. Против был и Сайондзи: он не входил в состав комитета и, несмотря на статус *гэнро*, не пользовался таким влиянием, как Ямагата, а потому старался влиять на ситуацию через своего протеже Хара. Стремясь предотвратить возможное объединение сил оппозиции, Гото и министр путей сообщения Дэн Кэндзироси стали склонять Хара к поддержке курса правительства даже в случае несогласия США, но лидер Сэйюкай остался при своём мнении. Более того, Като предложил ему выступить против интервенции единым фронтом (28).

С другой стороны, армия выразила недовольство тем, что правительство намеревалось ограничить посылаемый контингент одной дивизией (максимум двумя), чего было недостаточно для ведения широкомасштабных операций. Военные считали эти во-

просы исключительной прерогативой верховного командования, подчинявшегося, согласно конституции, непосредственно императору и не зависевшего от кабинета или других органов государственной власти. Но Гото и Тэраути понимали, что иначе согласия Вашингтона не добиться. Поэтому премьер приложил все усилия и в итоге смог договориться с военным министром Осима и заместителем начальника генерального штаба Танака, поскольку начальник генштаба Уэхара занял непримиримую позицию. Именно Осима озвучил компромиссную формулировку: сначала одна дивизия, а дальше – по мере необходимости и развития ситуации. На такой вариант руководство армии согласилось.

Несмотря на отсутствие официального ответа из Вашингтона, подготовка интервенции началась полным ходом. В Харбин и Владивосток были отправлены военные миссии для изучения ситуации на железных дорогах и для выработки мер по приведению их в рабочее состояние. Затем Министерство иностранных дел занялось экономическим планированием. 26 июля в резиденции Гото состоялось совещание представителей МИД, Министерства финансов и банковских кругов по вопросу о том, что необходимо предпринять на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, пока их не взяли под свой контроль американцы. Большинство участников пришло к выводу о необходимости ведения экономической экспансии под руководством и контролем государственных органов. Для реализации намеченной политики был создан Временный комитет по экономической помощи Сибири (29).

Тем временем из столиц стран Антанты начали приходить ответы. Лондон, Париж и Рим обещали Японии полную и безусловную поддержку. Вашингтон молчал, и Гото, не полагаясь на одни только усилия Исии, решил лично взяться за дело. 22 и 26 июля он конфиденциально посетил американского посла Морриса (переводчиком был Цуруми Юсукэ, зять, помощник и будущий биограф Гото) и изо всех сил убеждал его в разумности и справедливости японских пожеланий. Моррис держался холодно и спросил, намерена ли Япония поддерживать управляющего КВЖД генерала Хорвата (американцы считали его «реакционером»), провозгласившего себя из Харбина Верховным правителем России, и оккупировать Северную Маньчжурию. Гото неохотно подтвер-

дил это и услышал в ответ, что любая акция в этом направлении сделает совместные действия «союзников» невозможными.

Вечером 27 июля пришёл долгожданный ответ, переданный Исии заместителем государственного секретаря Фрэнком Полком. Правительство Соединенных Штатов потребовало внести в декларацию ряд изменений: оно признавало за Японией право на осуществление подобной экспедиции и не возражало против указания на численность контингента в 10 или 12 тысяч человек (эту позицию предлагалось согласовать дополнительно), но отказывалось говорить о какой бы то ни было «специальной позиции» Японии, предупредив, что любые односторонние акции приведут к отказу США от участия. Кроме того, зону интервенции предлагалось ограничить Владивостоком, изъяв из декларации упоминания о Транссибирской железной дороге или КВЖД.

Тэраути и Гото испытали разочарование, близкое к отчаянию: они сделали ставку на согласие США, пойдя ради этого на ряд существенных уступок, но получили фактический отказ. Выручил опытный бюрократ Ито, заявивший, что за формулами ответа скрывается иной смысл, который надо правильно понять. По его утверждению, правительство Соединенных Штатов принципиально согласно на японскую интервенцию вплоть до Забайкалья и полосы отчуждения КВЖД, но вынуждено «спасать лицо» демократическими формулами. Указание на необходимость дополнительно обсудить вопрос о численности отправляемого в Россию контингента он рассматривал как желание Вашингтона решить этот вопрос приватно, без участия общественного мнения. Америка готова выступить как союзник Японии, сделал вывод Ито; надо помочь ей «сохранить лицо» и внести в декларацию предложенные изменения. А после получения необходимого согласия поступить по-своему, сославшись на непредвиденное изменение обстоятельств. Такой вариант устраивал Гото, который поспешил к Ямагата за одобрением нового плана. Опасаясь конфликта с Америкой, старый маршал немедленно согласился. Уговорить коллег по кабинету оказалось намного сложнее, поскольку некоторые и слышать не хотели ни о каких уступках. На двух заседаниях 31 июля и утром 1 августа правительство провалило ком-

промиссный план, поэтому 1 августа в три часа дня пришлось снова собрать Комитет по изучению внешней политики.

Это заседание решило судьбу декларации и, в конечном счёте, самой интервенции. Ито смог договориться с Хара и обрушился с резкой критикой на обструкцию со стороны «непримиримых» министров. После некоторых колебаний Макино и Инукаи согласились с его предложениями. В итоге было принято решение отправить «необходимое количество» войск во Владивосток на помощь чехословакам с разъяснением, что их количество и зона действия (конкретно не оговоренная) в дальнейшем будут зависеть от ситуации. «Либералы» посчитали это победой, поскольку американские поправки были приняты. На следующий день Тэраути добился одобрения окончательно скорректированного текста от кабинета и получил санкцию императора. В шесть часов вечера 2 августа декларация была официально опубликована и передана в Вашингтон по телеграфу с необходимыми разъяснениями. К отправке войск во Владивосток было приказано приступать немедленно (30). 5 августа Гото заверил американского посла, что «численность посылаемых войск не превысит лимит в 12 тысяч», но «выразил серьёзное сомнение в том, что этих войск будет достаточно, чтобы воспрепятствовать возрастанию серьёзности положения в Северной Маньчжурии и Восточной Сибири. Далее Гото сказал, что поражение Семенова и вторжение большевистских войск и германских пленных на китайскую территорию тревожит японцев гораздо больше, чем положение чехов» (31).

Оставалось договориться с местными русскими властями. Весь вопрос был в том, с кем именно – кого считать представителями законной власти в зоне будущей интервенции? Можно было рассчитывать на сотрудничество Хорвата и атамана Семенова. «Царский» посол Крупенский, оставленный в должности Временным правительством, по-прежнему находился в Токио и даже стал дуайеном дипломатического корпуса. Японские власти относились к нему как к единственному законному представителю России, хотя большевистский нарком по иностранным делам Троцкий циркуляром от 9 декабря (26 ноября) 1917 г. уволил его «без права на пенсию и поступления на какие-либо государствен-

ные должности» после того, как Крупенский, подобно всем другим главам дипломатических представительств России за рубежом, не откликнулся на его телеграмму с требованием «немедленно ответить, согласны ли они проводить ту международную политику, которая преуказана (Вторым – *В.М.*) Съездом Советов». «Все нежелающие проводить эту политику, – пугал новый «министр», само имя которого было, возможно, известно не всем адресатам, – должны немедленно устраниваться от работы... Попытки чиновников, враждебных Советской власти, продолжать свою политику в прежнем направлении будут приравнены к тягчайшему государственному преступлению» (32). Даже в двусмысленном положении «посла без правительства» Крупенский продолжал действовать «в прежнем направлении», пользуясь дружеским расположением Мотоно и стремясь умерять притязания японцев. Наибольшую симпатию у него вызывал Хорват, «правительство» которого он согласился представлять, продолжая наблюдать за консолидацией и активизацией антибольшевистских сил (33). Однако ситуация на Дальнем Востоке и в Сибири усложнялась с каждым днем.

20 августа 1918 г. в Японию прибыл член Сибирской областной думы Аркадий Петров. Известный своими работами по вопросам японской экономики Петров формально приехал как частное лицо для переговоров о закупках чая. Фактически он представлял Временное правительство автономной Сибири, которое возглавляли правый эсер Пётр Дербер, а затем сибирский «областник» Иван Лавров. Крупенский этого правительства не признавал, считая его «сепаратистским», а потому принял гостя холодно. Обратимся к отчёту Петрова, который он составил 15 сентября 1918 г. в Токио (34).

«Я обратился к нему (Крупенскому – *В.М.*), что я как член Сибирской Думы выражаю желание видеть японского министра иностранных дел барона Гото и прошу переговорить с ним, когда я мог бы его посетить, чтобы сообщить ему о положении вещей в Сибири. Г. Крупенский в первый момент отказался наотрез говорить с Гото о моём визите. Я тогда заявил, что у меня имеется рекомендательное письмо к Гото от старшины владивостокского консульского корпуса – японского генерального консула (Кикиути

Гиро – В.М.), но я настаиваю умышленно на том, чтобы именно он, российский посол, сообщил Гото о моём желании видеть его, чтобы этим путём демонстрировать перед Японией единство России и тем прекратить нелепые слухи, циркулирующие по Токио, что сибирская автономия означает отделение её от России. Моё же официальное положение – члена Сибирской Думы, участвовавшего лично в избрании Сибирского правительства, может способствовать при посещении Гото разъяснению этого неправильного понимания и совершенно не затрагивает его, г. Крупенского, высокое положение посла. Если же он мне в том откажет, то я всё-таки у Гото буду, но принужден буду также телеграфировать в Сибирь, что посол отказал мне, российскому гражданину и члену Сибирской Думы, в содействии. Этот мотив, а главное, что я имею рекомендательное письмо от японского генерального консула к Гото, побудило, вероятно, г. Крупенского согласиться».

Связавшись с Министерством иностранных дел, посол узнал, что гостя могут принять немедленно. Далее Петров описал встречу с Гото.

«Приём его был довольно сухой. Я ему напомнил мою с ним встречу в Петрограде, вспомнили общих знакомых и общую работу по Русско-японскому обществу. Первый лёд растаял. Он не выдержал и спросил, какая разница между правительством Хорвата и Сибирским Правительством. Я ему ответил, что я здесь – частное лицо, интересующееся экономическим положением Японии, но как член Думы могу ему подробно рассказать о сибирском движении, если его это интересует, так как истинный друг России, каковым он себя считает, должен знать истинное положение вещей. Он просил меня рассказать. Я нарисовал ему план федеративного устройства России и сибирское движение изобразил как часть того фундамента, на котором должна быть построена новая Россия. Опроверг басни о двух сибирских правительствах. Выразил удовлетворение по поводу японской декларации ему как её автору и отменил, какого рода помощь необходима Сибири. По всему было видно, что материал дан ему мною совершенно для него новый.

Когда же я сообщил ему о юридической природе власти Сибирского Правительства, то он сам сделал вывод, какая разница

между Хорватом и Сибирским Правительством, так как я совершенно отказался говорить о группе Хорвата как о правительстве, сказав ему, что на пути строительства новой России как Сибирскому Правительству, так, быть может, и союзникам придется ещё не раз, вероятно, иметь дело с отдельными лицами, провозглашающими себя диктаторами, – по различным причинам.

Помимо того я ему, как в дальнейшем многим другим лицам, сказал, что существенная разница ещё заключается и в том, что Сибирское Правительство, избранное народом, сохранило с последним прочные связи, а близость к народу, понимание его психологии, настроения и нужд утверждает в Сибирском Правительстве уверенность в свои силы и великое будущее нашей родины. Сибиряки надеются на свои силы и желают получить от союзников лишь материальную техническую помощь по воссозданию боевой и экономической мощи, тогда как группа Хорвата, потерявшая связь с народом, изверившаяся в свои и народные силы, видит всё спасение страны в иностранном штыке и нагайке. Этот анализ его, по-видимому, несколько удивил.

– О чём вы приехали просить? – спросил меня Гото.

– Ни о чём я не уполномочен просить. Я приехал только рассказать вам, что делается в Сибири, полагая, что японские политические деятели сами сделают надлежащие выводы. Могу лишь как член Сибирской Думы совершенно официально заявить вам как японскому министру иностранных дел, что на всей территории Сибири объявлена власть Сибирского Правительства, избранного Сибирской Думой, и что японским военным властям и консульским представителям надлежит, с нашей русской точки зрения, обращаться к законной власти – Сибирскому Правительству, а потому до официального признания необходимо с ним вступить в деловые сношения и предложить японскому генеральному консулу войти в эти сношения с той группой Сибирского Правительства, которая теперь находится во Владивостоке, а после соединения с омской послать к этому правительству своего официального представителя. Точно так же все сношения по военным делам должны происходить с военным министерством. Равным образом финансовая и экономическая помощь населению Сибири должна оказываться при посредстве соответствующих органов Сибирского Правительства.

Гото внимательно выслушал и сказал, что новые обстоятельства имеют и новые последствия. Его не могут заподозрить в симпатиях какой-либо одной русской группе, так как у него было всегда искреннее желание помочь России вообще и что иностранцам весьма трудно разобраться в русских делах, что было бы желательно, конечно, чтобы все группы пришли к соглашению. О моём желании он протелеграфирует своему владивостокскому генеральному консулу о моём посещении. Что он хотел этим сказать, я не понял точно, но склонен видеть в этом первый шаг в его новой ориентировке, так как владивостокский консул с японским адмиралом Като (Хирохару – *В.М.*) – друзья Сибирского Правительства – были в одиночестве и немилости Гото и поддерживающей его военной партии. Он просил меня его навещать и не отказать ему в разъяснении некоторых фактов, если к тому встретится надобность».

Что необходимо к этому добавить?

Временное правительство автономной Сибири, созданное после разгона большевиками Сибирской думы, имело видимость легитимности, но не имело реальной власти. Главными игроками на политической арене были другие силы: в Томске – Временное сибирское правительство во главе с Петром Вологодским, провозгласившее независимость Сибири; во Владивостоке – захвативший город чехословацкий корпус и ушедшие в подполье большевики. Полоса отчуждения КВЖД находилась под контролем Хорвата, который 9 июля объявил себя Верховным правителем России и сформировал Деловой кабинет в качестве временного правительства. На собственно российской территории власть Хорвата никто не признал, поэтому он предпочел подчиниться Вологодскому, согласившись быть его представителем на Дальнем Востоке (35).

В конце сентября 1918 г. кабинет Тэраути, выработавший свой «ресурс» и не справившийся с августовскими «рисовыми бунтами», ушел в отставку. Формирование правительства по всеобщему согласию было поручено Хара, лидеру партии парламентского большинства. Министром иностранных дел стал Утида. Для Гото в таком кабинете места не нашлось. После заключения Версальского мира он решил покинуть и Комитет по изучению внешней

политики, однако новый премьер уговорил его и Тэраути повременить.

Некоторые историки и публицисты называют японскую интервенцию на Дальнем Востоке крупнейшим поражением Гото как дипломата и государственного деятеля. Действительно, интервенция перешла в активную фазу в его бытность министром иностранных дел. Действительно, он поддерживал эту идею и содействовал принятию соответствующих решений. Действительно, итоги интервенции оказались неутешительными для Японии – в политическом, экономическом и моральном отношении. Но только ли Гото виноват в этом? И виноват ли он в этом вообще?

Гото не был безоговорочным сторонником отправки войск в Россию, как его предшественник Мотоно или военные, разрабатывавшие планы интервенции уже в конце 1917 г. Во многом именно он в первые месяцы 1918 г. удержал правительство от решительных шагов, используя своё влияние на премьера. Гото пошёл на это, хотя его осторожная позиция усилила подозрения «союзников», что Япония не стремится поддерживать военные усилия Антанты. Гото понимал необходимость для Японии согласовывать свои действия с США. Пока единство мнений не было достигнуто, он призывал держать ситуацию в России под контролем, оказывая давление на местные режимы, но не вмешиваясь в военные действия. И только когда необходимое согласие было достигнуто, он выступил за быстрое и решительное осуществление вооружённой интервенции для защиты интересов Японии и укрепления её позиций на материке. Всё это показывает, что в качестве главы МИД Гото проявил важнейшие для государственного деятеля качества – осторожность, когда положение не вполне ясно; решительность, когда оно определилось; стремление учесть все факторы; понимание не только сиюминутных выгод, но и глобальных государственных интересов.

Трудно сказать, как развивалась бы ситуация дальше, если бы Гото остался министром. Во всяком случае он несёт ответственность за действия японской дипломатии только за время своего пребывания на этом посту. Не имея возможности заглянуть в будущее и узнать то, что знаем теперь мы, он в целом поступал адекватно ситуации. Уместно вспомнить известные слова выдаю-

щегося русского военного и государственного деятеля XIX в. фельд-маршала Дмитрия Милютина: «Отдалённые результаты вполне рационального в конкретный исторический момент решительного вмешательства в ход событий оказываются бесконечно далекими от желаемых». В итоге интервенция действительно обернулась для Японии серьёзным поражением. Но если говорить об ответственных, следует, прежде всего, назвать имя Утида, министра иностранных дел с сентября 1918 г. по сентябрь 1923 г. в кабинетах Хара Кэй, Такахаси Корэкиё и Като Томосабуро. Он был не только преемником Гото на посту министра, но его давним политическим противником. Кстати, именно Утида впоследствии препятствовал усилиям Гото по нормализации отношений с СССР.

Под давлением военных и финансово-промышленных кругов кабинету Хара пришлось продолжать прежний курс в отношении России. Военным министром стал интервенционист-русофил генерал Танака Гиити. Однако ситуация в верхах была чревата переменами. Безнадёжно больной император для виду ещё давал аудиенции *гэнро*, премьеру и министрам для обсуждения важных вопросов, но ничего не решал и вряд ли всё понимал. *Гэнро*, кроме Сайондзи, заметно дряхлели, но держались за свои привилегии и никого более в свои ряды не принимали. Либералы всё громче говорили о переходе к «британской» системе партийных кабинетов, а немногочисленные социалисты и вовсе об упразднении монархии, коль скоро самодержец не может выполнять свои функции. Начиналась так называемая «демократия Тайсё».

На этом фоне в конце 1918 г. снова возникла тема сепаратного мира, казалось бы, потерявшая актуальность с заключением 11 ноября перемирия в Европе. 22 и 23 ноября московские «Известия ВЦИК» сообщили, «со ссылкой на заслуживающие полного доверия (но не названные! – В.М.) источники», о недавнем тайном приезде в Стокгольм японского представителя и о его переговорах с немцами. Когда принципиальное согласие было достигнуто, тот якобы поехал в Берлин для доработки текста договора, но в Германии грянула Ноябрьская революция, и мир не состоялся. Если верить публикации, стороны собирались, «как только позволит мировая политическая ситуация», помочь России восстановить «внутренний порядок и статус мировой державы» (статья 1).

Япония признавала права Германии в Персии, Центральной Азии и Южном Китае (статьи 2–3), обязалась оказывать ей косвенную поддержку на будущей мирной конференции (статья 4) и содействовать заключению ей нового договора с Россией после её «восстановления», т. е. свержения большевиков (статья 5). Германия в ответ бралась не допускать в сферу своего влияния в Китае Англию и США и заключить с Японией тайную военную конвенцию, направленную против них (статьи 3, 6). Договор заключался на пять лет с момента «восстановления» России, кроме статьи о поддержке Японией интересов Германии на мирной конференции, которая вступала в силу немедленно (статьи 7–8). Официальный текст предлагалось составить на немецком и... французском (для Японии) языках (статья 9).

Текст сопровождался анонимной памятной запиской, отражавшей, надо полагать, японскую позицию. В ней критиковалось нежелание Берлина заключить мир с царем до нынешней смуты и превозносилась мудрая политика Токио, пошедшего в 1916 г. на союз, «всё значение которого, в виду распада России, лежит в будущем». Теперь речь шла не просто о сепаратном мире, но о тройственном союзе Японии, Германии и небольшевистской России против атлантических держав. «Поддержанная Германией Россия, – говорилось в записке, – уже является мощным фактором, представляющим серьёзную опасность для Англии... Однако этот фактор станет куда мощнее, если Япония, поддержанная на континенте Германией и Россией, присоединится к альянсу. Такое сочетание будет очень большой опасностью для Америки и Англии» (36).

Таким образом, Германия в дополнение ко всему, что уже имела по Брестскому миру, получала прямой транзит на Дальний Восток, «свободу рук» в Южном Китае¹, Персии и Центральной Азии и, в перспективе, хлопковые концессии в Туркестане. Япония претендовала на Северный Китай, Маньчжурию и Восточную

¹ Державы Антанты настойчиво требовали от китайского правительства объявить войну Германии, разумеется, не для участия Китая в боевых действиях, но для политического и, главное, экономического изгнания немцев отсюда.

Сибирь. Главным результатом раздела сфер влияния становилось полное изгнание английского и американского присутствия из России, Китая и Центральной Азии. Россия, погруженная в хаос гражданской войны, получала политическую стабильность. Ей отводилась роль не субъекта, а объекта политики. Однако, добавим мы, её внутренний потенциал – даже с поправкой на войну и революцию – оставался таков, что ей, в отличие от Китая, эта роль явно не подходила. Более того, в каком бы тяжёлом положении ни находилась Россия, без её участия любое японско-германское сотрудничество было невозможно хотя бы по географическим причинам.

История несостоявшегося японско-германского договора в изложении «Известий» очень сомнительна, хотя в момент опубликования он был воспринят всерьёз и вызвал тревогу во многих столицах. Германское правительство отрицало сам факт переговоров, не говоря уже о выработке каких-то текстов. Британские дипломаты предполагали фальсификацию со стороны газетчиков, которые, впрочем, могли использовать подлинные документы. Германия, действительно, делала Японии мирные предложения через посланников в Пекине и Стокгольме, но не в 1918 г., а в 1916 г., о чём сразу же был проинформирован Лондон. Тогда внимание Токио пытались привлечь обещанием «свободы рук» в Азии и сохранением за Японией захваченных ей германских колоний. Кроме того, в Берлине рассчитывали на её посредничество при заключении мира с Россией. Министр иностранных дел Исии велел прекратить тайные переговоры и не откликаться более ни на какие зондажи (37). Но даже если эти документы – фальшивка, как считает ныне большинство историков, они представляют интерес, освещая одну из потенциальных возможностей мировой политики.

28 января 1918 г. британское посольство в Вашингтоне передало Госдепартаменту меморандум, в котором говорилось: «Пока война продолжается, германизированная Россия будет служить источником снабжения, который полностью нейтрализует воздействие блокады союзников. Когда война закончится, германизированная Россия будет угрозой для всего мира» (38). За этим, возможно, стоял лейбористский депутат Исайя Веджвуд, который

незадолго до того писал министру блокады лорду Сесилу: «Россия на деле превращается в германскую колонию или зависимую территорию, вроде Индии у нас... В интересах Британии, чтобы Россия была как можно меньше. Любые её части, которые захотят от неё отделиться, должны быть поддержаны в этом – Кавказ, Украина, донские казаки, Финляндия, Туркестан и прежде всего Сибирь, страна будущего, продолжение Американского Дальнего Запада... Когда их независимость будет признана, будет легче принимать меры, чтобы “гарантировать” эту “независимость”» (39). Военный министр Уинстон Черчилль пошёл ещё дальше, заявив 12 февраля 1919 г. на заседании кабинета, явно под воздействием разоблачений «Известий»: «Если союзники не помогут России, Япония и Германия непременно сделают это, и через несколько лет мы увидим Германскую республику, объединившуюся с большевиками в России и с японцами на Дальнем Востоке в один из самых могущественных союзов, которые мир когда-либо видел» (40). Глава правительства Дэвид Ллойд-Джордж счёл перспективу нереальной и обсуждать вопрос не стал.

Однако страсти не унимались. В 1921 г. военно-морской аналитик Гектор Байуотер напоминал читателям, а его читали люди знающие, вроде будущего президента Франклина Рузвельта и будущего адмирала Ямамото Исороку, «автора» атаки на Пёрл-Харбор: «Некоторые из них (японских военных – *В.М.*) зашли настолько далеко, что выступили за германо-русско-японский союз, который, они считают, может господствовать над миром. И они продолжали выступать в защиту этой идеи даже после революции и отпадения России (от Антанты – *В.М.*)» (41). Так что Хаусхофер был прав: «Всякий изумится, узнав, что первыми, кто увидел забрежившую угрозу такого континентального блока для англосаксонского мирового господства, были авторитетные англичане и американцы, в то время как мы сами, даже во Второй империи (1871–1918 гг. – *В.М.*), ещё долго не имели представления о том, какие возможности могли бы возникнуть на основе связей Центральной Европы с ведущей державой Восточной Азии через необъятную Евразию» (42).

Допустим, сообщение «Известий» было дезинформацией. Но кто её вбросил? Кому была выгодна эта публикация? Очевидно

одно – она была призвана разрушить или хотя бы расшатать межсоюзническую солидарность, показав, что на японцев полагаться нельзя. Появившись в то время, когда участие Японии в интервенции находилось на пике активности, она вполне может рассматриваться как сиюминутно антияпонская. А в перспективе и как антиатлантическая, намекающая на возможный вариант. Это могло укрепить позиции и Германии, и России в их противоборстве с Антантой, которое продолжалось и после объявления перемирия. Да и в Токио могли воспринять подобный «план» как приглашение к диалогу.

Тем временем ситуация в России продолжала меняться чуть ли не ежедневно. Успехи армий Колчака, Деникина и Юденича в 1919 г. чуть было не сокрушили советский режим, но несогласованность их действий и двусмысленная позиция «союзников» к концу года свели достигнутое на нет. Крах режима Колчака и занятие «красными» Владивостока и Хабаровска в начале 1920 г. войну не закончили. 7 января командующий американским экспедиционным корпусом генерал Уильям Гревс сообщил командующему японскими войсками генералу Оои Сигэтомо, что получил приказ стягивать силы к Владивостоку для последующей эвакуации, начало которой было намечено на 10 февраля. Оои немедленно телеграфировал в Токио, где как раз обсуждался вопрос об отправке в Маньчжурию дополнительно 5200 солдат и офицеров. Новость немного опередила официальный ответ Вашингтона. Эвакуация мотивировалась тем, что основная цель интервенции – помощь чехословакам – достигнута, а достижению второй – «самоуправление» России и «восстановление порядка» в Сибири – присутствие иностранных войск не способствует. Тем не менее военный министр Танака настоял на своём: 13 января кабинет принял решение об отправке дополнительного контингента. 23 февраля японцы начали выводить войска из Амурской области и западного Забайкалья, но решили укрепиться в Приморье, где развернули бурную деятельность. Созданные при МИД Комиссия по экономической помощи Сибири и Бюро контроля за сибирскими займами должны были координировать действия властей и частных компаний, начавших скупать драгоценные металлы, полезные ископаемые, пушнину, лес. Истекавшая в 1919 г.

рыболовная конвенция была продлена на неопределенный срок, впредь до пересмотра. Несмотря на общую нестабильность и неясность перспектив, на «десоветизированных» землях развернулись японские банки. Особое внимание уделялось железным дорогам, которые страдали от партизан.

Экономической экспансии было необходимо политическое прикрытие. Поначалу его осуществляло омское правительство, хотя Колчак относился к японцам осторожно и подозрительно. После гибели адмирала в Токио сделали ставку на Семенова как возможного главу «буферного государства» в Приморье и Восточной Сибири: атаман верно служил японцам, но верности и личной харизмы было мало. Сменявшие друг друга правители вроде братьев Меркуловых и даже относительно стабильный режим Приамурского правительства генерала Михаила Дитерихса тоже не могли служить надежной опорой. Большинство «белых» было настроено против Японии, поскольку на протяжении всего предреволюционного десятилетия Приамурье возглавляли японофобы Унтербергер и Гондатти (43). Однако, вот что писал будущий председатель Приамурского временного правительства Спиридон Меркулов в марте 1919 г. своему компаньону, некоему Иеремии Григорьевичу, минуя американскую почтовую цензуру:

«Теперь мы живём под защитой японцев. Если бы не было этих наших благодетелей, то большевики при поддержке американских “войск” не оставили бы живыми никого. Английских же и французских войск здесь нет. В общем, у нас чувствуется поворот к лучшему. Как бы начинается отрезвление. Было бы гораздо лучше, если бы судьба не наслала на нас бич в виде жидов-американцев. Иначе здесь американских “воинов” не называют. Большевизм был бы здесь уже окончательно ликвидирован, если бы не эти проклятые американцы. Приехали, скандалят, занимаются развратом, заразили венерическими болезнями весь край, глумятся над русскими, занимаются большевистской пропагандой, снабжают большевиков оружием, развращают организованные воинские части... Негодование против американцев в обществе возрастает всё больше и больше... Хуже народа нельзя себе и представить... Все мы удивляемся, как хватает у Японии терпения не проучить этот народ. Ведь воины они – ниже критики.

Все мы уверены, что если японцы за них возьмутся, то при невозможности вмешательства других народов они с ними покончат в несколько месяцев... Таковое здесь общее отношение к американцам. Исключение составляют проститутки, щедро оплачиваемые американцами, и то стали негодовать на них, ибо американцы всех их заразили, и крайние социалисты, большевики и наиболее непримиримые к христианству евреи. Они лишь видят в американцах друзей. Заправляют американцами здесь евреи-переводчики, бывшие русские дезертиры, эмигранты, уголовные преступники и тому подобные элементы...

Встретили американцев с радостью, а японцев с недружелюбием и ненавистью. А теперь что случилось? Американцев не переносят, японцы же пользуются всеобщим уважением и доверием... Причины – удивительная корректность, честность и самопожертвование японцев. Они одни жертвуют собой, охраняя русское население от расплодившихся разбойничьих шаек, размножение и рост которых по неизвестным соображениям американцы так усердно поощряют. Японцев ненавидят только большевики. Остальное же население по отношению к ним совершенно переродилось. Мы никогда даже не предполагали, что японцы могут быть столь корректны. Например, ни один японец не захватит ничего насилем у русского. Никто из них при нарушении интересов русских не пользуется у них защитой своего начальства. Да и случаи чрезвычайно редки.

Если японцы попадут далее в Сибирь и Европейскую Россию, то через несколько времени приобретут всеобщую любовь русского населения, и если Россия при помощи Божьей со временем воспрянет, то русский народ будет самым верным и преданным другом Японии. Да, японцы оказались поразительно благородным народом. Уж как я их не любил, сколько я работал против них и выступал в своих книгах. А теперь стыдно всего этого и хотелось бы всё это уничтожить. Русское население здесь теперь смотрит так: если России суждено возродиться, то она может возродиться лишь при помощи искренней Японии. Если же не суждено возродиться, то уж лучше пусть господствует в Приморье Япония, чем Великая Жидовия, как у нас начинают называть Америку ввиду обилия в рядах её военных отрядов самых распу-

ценных и наглых евреев. Пусть лучше властвуют японцы, чем жидо-американцы. Таков общий приговор» (44).

Однако затянувшееся пребывание японцев на Дальнем Востоке беспокоило национально-мыслящих русских. 2 апреля 1920 г. генерал Оои предъявил пробольшевистскому правительству Приморской земской управы во Владивостоке ультиматум, требуя обеспечить его войска квартирами, продовольствием, транспортом и средствами связи, признать все ранее заключённые японским командованием сделки и прекратить критику в его адрес. Начались переговоры, но в ночь с 4 на 5 апреля японцы взяли под контроль крупнейшие города Приморья, арестовав (в ряде случаев казнив) местных должностных лиц и разоружив революционные войска – от большевиков до анархистов. 29 апреля Приморская земская управа заключила с японцами соглашение, удовлетворив все требования. 4 мая Николай Устрялов – в недалёком прошлом глава колчаковского «агитпропа», в недалёком будущем идеолог «национал-большевизма» и лояльный к Советской власти служащий КВЖД – писал в харбинских «Новостях жизни»: «Должны ли бывшие “колчаковцы” теперь приветствовать выступление Японии и по-прежнему исповедовать идеологию вооружённой борьбы с большевизмом до конца? Я категорически утверждаю: нет, не должны. Не должны во имя того же самого национального и государственного принципа, который ещё так недавно заставлял их вести с Японией переговоры о поддержке и бороться на фронте против красной армии». «Ныне уже невозможна антибольшевистская интервенция, – провозглашал он двумя неделями ранее. – Всякая интервенция будет ныне – антирусской» (45).

Российско-японским отношениям в новых условиях и их ближайшим перспективам Устрялов посвятил статью «Япония и мы», опубликованную 27 июля 1920 г.:

«Япония при наличном соотношении мировых сил является естественным другом и союзником России. От старого русского империализма... уже ничего не осталось... А раз так, раз агрессивность на Дальнем Востоке не нужна и невозможна для новой России, у неё нет никаких оснований к соперничеству или к борьбе с Японией. Напротив, в интересах обеих стран – их воз-

можно более тесное взаимное сотрудничество и полное обоюдное понимание. Из всех стран Соглашения при намечающейся после войны международной перегруппировке Япония одна имеет все шансы на дальнейшее закрепление дружбы с Россией. И этой дружбе, быть может, пришлось бы сыграть огромную роль в мировых взаимоотношениях недалёкого будущего».

Но это в теории. На практике всё обстояло по-другому, и автор это хорошо понимал: «Нас тягостно поразит то обостренное взаимное недружелюбие, которое характерно для теперешних русско-японских отношений. Русские массы восточной окраины до последней степени раздражены японцами и настроены к ним крайне недоверчиво, если не враждебно. Японцы, в свою очередь, глубоко обижены и озлоблены на русских и готовы считать их врагами... Нет ничего прискорбнее сложившейся так обстановки. Её исторические корни, разумеется, ясны. Она – в прошлогодней ориентации Японии на ярко антибольшевистские русские элементы, вооружённой рукой мечтавшие сокрушить большевизм... Прошлогодняя ориентация в нынешнем году есть не что иное, как излишнее пристрастие к политическим мертвецам».

«Никто из русских не отрицает специальной заинтересованности Японии в нашей дальневосточной окраине, – продолжал Устрялов. – Предоставление ей известных концессий и экономических льгот было бы только справедливым признанием её национальных прав. Россия ныне не в силах сама эксплуатировать все свои естественные богатства, и тем более немотивированной явилась бы её неуступчивость в сфере этого вопроса. Словом, экономические интересы Японии будут достаточно обеспечены и при установлении на Дальнем Востоке русской власти, национальной по своему источнику» (46).

Но если такой власти нет, а есть только «интернационал»? «В глазах иностранцев, – докладывал в мае 1923 г. эмигрантскому Совету послов Дмитрий Абрикосов, преемник Крупенского в Токио в ранге поверенного в делах, – все эти белые организации были правительствами лишь по имени и существование их могло быть только временным. Когда красные войска заняли Владивосток, иностранцы склонны были даже их приветствовать, рассчитывая найти в новых хозяевах края прочную власть, которая зай-

мётся упорядочением местной жизни пришедшей в расстройство вследствие непрерывной гражданской войны» (47). Поэтому в Токио стали задумываться о компромиссе с «красными», несмотря на их поголовную враждебность к японцам.

Сделать это было сложно в силу отсутствия центральной власти и по эту сторону. Совнарком не возражал против примирения с Японией и нотой от 24 февраля 1920 г. даже соглашался признать её «особые экономические и торговые интересы на Дальнем Востоке, превышающие в настоящий момент в некоторых отношениях такие же интересы других стран» на условиях эвакуации войск, но ответа не получил (48). Москва не имела реальной власти на «далёкой окраине» и контролировать своих же «красных» не могла. А их действия, в свою очередь, могли разрушить любой замысел центра. Я имею в виду «Николаевский инцидент», который и девяносто лет спустя продолжает вызывать идеологизированные споры. Данный сюжет – несмотря на обилие написанного – до сих пор требует серьёзного исследования, поэтому мы уделим основное внимание его последствиям для двусторонних отношений.

Советские авторы старались пореже вспоминать об этих событиях, которые вредили создаваемому ими образу партизанского движения под руководством «ленинской партии». Японские, напротив, вспоминали часто и охотно – как пример «большевистских зверств», порой отводя внимание от карательных акций их собственной армии. Занявший в конце февраля 1920 г. зажиточный Николаевск-на-Амуре Яков Тряпицын именовал себя Командующим Николаевским фронтом Красной Армии и печатал в своей газете «Призыв» приветствия Реввоенсовета и Совнаркома в собственный адрес. Воззвание Временного военно-революционного штаба прифронтовой полосы от 3 июля 1920 г. говорило уже о «кучке авантюристов во главе с Тряпицыным» и «кровожадной своре во главе с кровожаднейшим из них». Приговор советского суда, поставившего Тряпицына к стенке, квалифицировал его действия как «преступления, повлекшие за собой смерть около половины населения Сахалинской области, разорившие весь край, постоянно подрывавшие доверие к коммунистическому строю среди трудового населения области и могущие нанести удар ав-

торитету советской власти в глазах трудящихся». Можно поверить этой осторожной формулировке, которую хорошо дополняет резолюция Сахалинского областного съезда, состоявшегося после изгнания «красных» с острова: «Сахалинская область управлялась именем Российской Социалистической Федеративной Республики в течение трёх месяцев, с 1-го марта по 2-ое июня 1920 года. В этот промежуток времени представители советской власти в области расстреляли, закололи, зарезали, утопили и засекли шомполами и резинами всех офицеров, за исключением одного случайно спасшегося подполковника Григорьева, громадную часть интеллигенции, много крестьян и рабочих, стариков, женщин и детей. Уничтожили всю без исключения японскую колонию с японским консулом и экспедиционным отрядом, сожгли и уничтожили до тла город Николаевск»(49).

В трудах советских историков «партизанский отряд анархиста Тряпицына» выглядит меньшим злом, чем японские оккупанты, которые, по утверждению Л.Н. Кутакова, «вероломно нарушили» соглашение с Тряпицыным, «напали на партизан, убив и ранив многих бойцов» (50). Неужели хорошо осведомленный автор этих строк не знал, что именно происходило в Николаевске с приходом «партизан» и какое «совершенно точное определение» дал этому советский суд, расстрелявший «командующего Николаевским фронтом»?! Не знал, что Тряпицын ультимативно приказал японцам разоружиться¹, т. е. положить голову на плаху, предварительно наточив топор и вручив его палачу?! Интервенты сохраняли нейтралитет, пока «командующий» вместе со своей любовницей (она же начальник штаба) Ниной Лебедевой-Кияшко истязал и топил в крови сограждан. «Конечно, японцы, – писал журналист Анатолий Ган (А.Я. Гутман), автор изданной в Берлине в 1924 г. книги “Гибель Николаевска-на-Амуре”, – после первых же дней, когда красная власть стала убивать и грабить, быстро поняли, что они совершили ужасную ошибку, согласившись отдать судьбу города и населения в руки озверевших людей»,

¹ Факт ультиматума большинство советских авторов игнорирует, следуя в изложении событий за сообщением Тряпицына, опубликованным 30 марта 1920 г.

с которыми между прочим заключили соглашение “о мире и дружбе”». Когда же добрались до них самих, они решили не сдаваться и погибли: Тряпицын истребил всех.

Утверждение Кутакова, что «японское правительство сознательно пожертвовало небольшой воинской частью и своими гражданами, дабы оправдать в глазах общественного мнения своей страны продолжение интервенции» (51), бездоказательно и неверно: развертывание интервенции было закономерным ответом на резню в Николаевске, а оккупация северного Сахалина могла состояться под любым другим предлогом. Неверны и утверждения эмигрантов, что действия Тряпицына направлялись из Москвы. Так далеко гражданскую войну не контролировал никто, да и какой «центр» мог справиться с разгулом страстей человеческих! Тряпицын резал и грабил сам. Москва не приказывала, хотя слала «горячий товарищеский привет храброму защитнику диктатуры пролетариата против чёрных банд и японских империалистов». Токио тоже ничего не планировал, ни о чём не беспокоился (действительно, преступное равнодушие!) и даже ничего не знал: «партизаны» немедленно лишили гарнизон в Николаевске средств связи. Трудно сказать, где именно было принято решение о ликвидации Тряпицына – «в центре» или «на месте» – но принято оно было как нельзя вовремя. Скорее всего, боевые товарищи «командующего» решили поступить по принципу «сегодня умри ты, а завтра я», тем более что многих из них он уже успел отправить в «штаб Духонина». Да и в Москве едва ли обрадовались подобному подарку со стороны не в меру ретивого борца с «гадами-буржуями».

В ходе всех последующих переговоров с Москвой и её эмиссарами японцы настойчиво требовали не только компенсации за «Николаевский инцидент», но и признания ответственности за него. На первое «красные» в принципе были готовы, на второе – нет, ссылаясь на то, что Тряпицын – авантюрист и бандит, которого советский суд уже покарал. Формально они имели основания не брать на себя ответственность, потому что иначе пришлось бы отвечать за все прочие ужасы «красного террора».

Неизменное возмущение советских дипломатов и пропагандистов, а потом историков, вызывала оккупация японцами северного

Сахалина (май 1920 г.) в качестве компенсации за произошедшее в Николаевске. Точнее, «до организации законного правительства и благоприятного разрешения вопроса», как гласит декларация, обнародованная 3 июля 1920 г. – в тот самый день, когда Тряпицын был провозглашен «кровожаднейшим из кровожадной своры». В то время великие державы предпринимали военные интервенции и по менее значительным поводам: в 1897 г. для оккупации Циндао Германии хватило убийства двух миссионеров, не говоря уже об «экспедициях» американских канонерок и морской пехоты в Южную и Центральную Америку¹. А здесь поголовное убийство японской колонии, 700 человек, включая консула! Не удивительно, что правительство без колебаний приняло решение об оккупации северного Сахалина, которое было единодушно поддержано парламентом и печатью. К тому же властям надо было оправдаться за прежний «нейтралитет» в отношении Тряпицына.

С осуждением действий Токио – сначала попустительства «партизанам», затем оккупации северной части Сахалина – выступила русская эмиграция, «ожидавшая от японцев большей мудрости и искренности по отношению к России». Писавший это четыре года спустя Гутман в то время редактировал в Токио газету «Дело России», на страницах которой заявил 30 апреля: «Мы хотим верить, что оккупация русских территорий является только временной и вызвана стремлением Японии уничтожить красную анархию и водворить мир на Дальнем Востоке. Однако, мы не можем скрыть закрадывающейся тревоги всякий раз, когда нам приходится столкнуться с новым актом оккупации русской тер-

¹ В сентябре 1922 г. на Чанчуньской конференции (см. гл. 9) глава делегации РСФСР и ДВР А.А. Иоффе заявил: «История международных отношений знает случаи, когда за убийство миссионера дикарями колониальные войска занимали территорию того дикого племени, в среде которого произошло убийство, в виде гарантии за получение соответствующего удовлетворения, но российская делегация не знает случаев применения такого метода среди цивилизованных народов и, конечно, не может допустить, чтобы он применялся по отношению к России». Японский представитель в ответ констатировал «полную противоположность точек зрения обеих делегаций на обсуждаемые вопросы».

ритории... “Аппетит приходит во время еды”, и нет сомнений, что в Японии очень сильны группы, мечтающие о территориальных приобретениях за счёт разорённой и обессиленной России... Они мыслят создание автономной русской окраины под протекторатом Японии... Мы должны заявить, что такой взгляд на русскую проблему страдает близорукостью... 150-миллионный русский народ никогда не помирится с отторжением от него территориальных владений на Тихом океане».

Гутман продолжал не менее решительно: «Как бы ни был ужасен для России красный коммунизм, но мы не можем купить такой дорогой ценой его уничтожение... Не надо ещё забывать, что если бы Япония решилась на захват наших территорий, то этот акт морально укрепил бы в глазах русского народа авторитет советского правительства и вызвал бы тогда национальную войну всего русского народа против Японии». И двумя месяцами позже: «Япония должна помнить, что час лихолетья России пройдёт, что какие бы эксперименты над ней не производили международные авантюристы, она воспримет как национальное государство, и поэтому использование временной слабости России в узких эгоистических целях только помешает русско-японской дружбе, которая необходима для мирного развития Дальнего Востока» (52). Но кто из власть имущих слушал эмигрантского журналиста?..

Постепенно японское правительство осознавало, что интервенция не оправдала возлагавшихся надежд, а расходы на неё продолжали расти, достигнув колоссальной для того времени суммы в 600 млн. иен и приведя к опасному росту национального долга. Поставить под контроль Приморье, Забайкалье и Северную Маньчжурию не удалось; приобретения ограничивались северным Сахалином, и то временно. При этом международное положение страны и её отношения с великими державами менялись не к лучшему. На Парижской мирной конференции Япония смогла временно закрепить за собой права на бывшие германские владения в Китае, но не добилась включения в Устав Лиги Наций положения о «равенстве рас». Против этого единодушно выступили делегации Британской империи (включая доминионы и Индию) и США, которые увидели в предложении Токио попытку устранить ограничения на иммиграцию японцев. Через шесть лет

Чичерин многозначительно напомнил: «Япония чувствует себя под угрозой... Теперь, когда с усилением удельного веса доминионов вражда белого человека к цветным расам играет в политике многих государств всё большую роль... для Японии имеет существенное значение обеспечение тыла... Чем больше Япония чувствует враждебное отношение английских доминионов и Америки, тем больше Япония должна искать для себя опору в азиатских международных отношениях и тем большую роль для будущей политики Японии должно сыграть сближение её с нашим Союзом» (53).

Ещё большее разочарование принесла Вашингтонская конференция по вопросам морских вооружений, положения на Тихом океане и в Китае, открывшаяся 12 ноября 1921 г. Вопреки идеалистическим официальным заявлениям, сразу стало ясно, что это попытка Вашингтона и «Лондона плюс доминионы» любой ценой ограничить японскую экспансию. «Япония решила подражать поведению западных держав в отношениях с Китаем, – писал главный аналитик её делегации, профессор Стэнфордского университета Итихаси Ямато. – Однако... западные коллеги сурово критиковали Японию за то, что она делала то же самое, что и они» (54). Ни одна из сторон не была готова к уступкам, поэтому решение стало возможно лишь в результате успешных дипломатических маневров, подкрепленных военной и экономической мощью. Япония, прежде чем принять приглашение, поинтересовалась конкретной повесткой дня будущей конференции, дабы не оказаться в ловушке. Это вызвало небольшую дипломатическую сенсацию: другие приняли приглашение без оговорок. Главной темой было ограничение военных флотов стран-участниц, принятое в соотношении 5:5:3 для США, Англии и Японии. Радикалам-националистам договор показался несправедливым, но на деле он ставил Токио в равное, если не преимущественное положение: сфера действий японского флота ограничивалась одним океаном, а не двумя или тремя (у Великобритании ещё и Индийским). Зато договор девяти держав о Китае лишил Японию преимущественных прав, подтверждения которых она добивалась. По словам британского аналитика Дж. Блэнда, «китайские деле-

гаты преуспели в распространении красочного образа совершенно нереальной Китайской республики, которая гигантскими шагами идёт к конституционному правлению благодаря либеральным идеям и демократическим институтам. Во имя демократии они взывали к симпатиям западного мира, прося его моральной и материальной поддержки для впечатляющей программы реформ, существовавших только в их воображении» (55). «В те годы Китай не был единым даже номинально... Иллюзия целостности страны рухнула», – констатирует современный историк (56), однако ссылки японских представителей на отсутствие центральной власти в стране не были приняты во внимание. Хаусхофер утверждал, что Вашингтонская конференция была для Японии тем же, чем Версальская для Германии. Согласиться с этим трудно, но оформившийся на них мировой порядок – «версальско-вашингтонская система» – действительно, создал предпосылки нового глобального конфликта на двух океанах.

Ни Советскую Россию, ни её сателлита – Дальневосточную республику (ДВР) со столицей в Чите, провозглашенную 6 апреля 1920 г., – в Вашингтон не пригласили, однако в Токио понимали, что не считаться с ними уже нельзя. Перед самым началом конференции был убит премьер-министр Хара. Его преемники – «финансовый гений», но неудачливый политик Такахаши и бывший глава делегации в Вашингтоне адмирал Като (Утида оставался министром во всех трёх кабинетах) – считали необходимым вывод войск из России, но настаивали на различных гарантиях и компенсациях. Вопрос в том, от кого их требовать. Так возникла идея «буферного государства» на восточных окраинах бывшей Российской империи, которая – по разным причинам – оказалась близка и Токио, и Москве. Японцы понимали, что захватить и удержать российскую территорию не удастся, а контролировать её легче всего с помощью зависимой местной власти, пользующейся хотя бы минимальной поддержкой населения. С откровенно «белыми» режимами ничего не вышло, поэтому нужен был другой вариант. В свою очередь, большевики, стремившиеся избежать войны с Японией, хотели создать «настоящий буфер, который будет закрывать японскому империализму доступ в глубины Сибири» (57).

«Буферное государство было решено создать в форме Дальневосточной республики, находящейся под руководством большевиков, но буржуазно-демократической по форме, что облегчало ей выход на международную арену. Дальневосточная республика должна была предотвратить войну с Японией и подготовить воссоединение Дальнего Востока с Советской Россией... Временные правительства отдельных областей и городов превращались в органы местного самоуправления. 14 мая (1920 г. – *В.М.*) правительство РСФСР признало Дальневосточную республику... Одновременно ДВР обратилась к Японии с предложением установить дружественные отношения... Японское правительство надеялось путём переговоров и угрозой применения оружия навязать ДВР выгодные ему условия, которые определили бы капиталистическое развитие республики. Однако японское правительство понимало, что в условиях развернувшегося революционного подъёма в Сибири и самой Японии, общего ослабления её международных позиций и продолжавшегося наступления Народно-революционной армии ДВР сохранение под его контролем Восточной Сибири становится всё менее реальным» (58).

Если называть вещи своими именами, большевики решили применить тактику «тройского коня», выдавая марионеточный читинский режим мастера революционных «эксков», бывшего торговца Петра Никифорова (премьер-министр), бывшего американского биржевого маклера Абрама Краснощекова (министр иностранных дел и одно время президент) и ветерана социал-демократического движения, бывшего врача Фёдора Петрова (вице-премьер и министр внутренних дел) за независимое, демократическое и капиталистическое государство, а также «тактику салями», отрезая по кусочку от «белого» (или, по крайней мере, «некрасного») Дальнего Востока и присоединяя его к ДВР. Окончательное формирование республики было декларировано 29 октября 1920 г., а 15 декабря она заключила договор с Советской Россией, передав ей Камчатку.

Японцы понимали, с кем имеют дело, но приняли предложенные правила игры в собственных интересах. Силовым давлением можно было заставить читинское правительство пойти на уступки и выиграть время. Ведя переговоры с ним, можно было донести

свою точку зрения до большевиков, формально не признавая их. Можно было договариваться с ДВР по торгово-экономическим вопросам, защищая свои права и интересы, – как капиталисты с капиталистами. Можно было требовать прекращения большевистской агитации на её территории. Наконец, нанеся ДВР военное поражение, можно было заключить выгодный мир, отвергнув любое участие Москвы как вмешательство в двусторонние отношения. 13 мая 1920 г. токийский кабинет в принципе согласился иметь дело с новым государством. 1 июля он объявил о готовящейся эвакуации Забайкалья. Через семнадцать дней обмен нотами между японским командованием и правительством ДВР привёл к оформлению *modus vivendi* в отношениях между ними. Читинское правительство обязалось не вводить коммунистического строя и не допускать пребывания на своей территории Красной Армии. 1 января 1921 г. ЦК РКП(б) подтвердил, что признаёт «советизацию Дальневосточной республики безусловно недопустимой в настоящее время», равно как и нарушение ею договора с Японией (59).

Только во второй половине мая 1921 г., после антибольшевистского переворота братьев Меркуловых во Владивостоке, японское правительство начало зондировать почву относительно получения концессий на территории «буфера». Дальневосточное бюро ЦК РКП(б), руководившее партийными организациями в ДВР, считало возможным начать переговоры по этим вопросам, но вести их в решительном тоне. 2 июня министр иностранных дел ДВР Игнатий Юрин (он же Дзевялтовский-Гинтовт, бывший комендант Зимнего дворца) направил пять пропагандистски сформулированных, риторических вопросов своему «коллеге» Утида, выставляя условием переговоров установление дипломатических и торговых отношений с Читой, эвакуацию японских войск с территории республики, прекращение помощи «белым» и выдачу атамана Семенова. Сделано это было, разумеется, с санкции Москвы, которая настаивала на жёсткой линии (60). Утида не считал нужным ответить, но в июне–июле японские дипломаты из харбинского генерального консульства несколько раз встречались с представителями ДВР. В августе японский посланник в Варшаве – упоминавшийся ранее Каваками – беседовал с советским полпре-

дом Львом Караханом, который предложил, не теряя времени, перейти к официальным контактам с РСФСР. Японцы решили ещё поиграть с «правительством» Никифорова, на что в Кремле, поразмыслив, согласились.

7 августа в Пекин приехал Юрин. Через три недели, 26 августа, в Дайрене начальник штаба экспедиционных войск генерал Такаянаги Ясутаро и шеф их политического отдела дипломат Мацусима Хадзимэ сели за стол переговоров с Юриным и вице-премьером Петровым (61). 6 сентября делегация ДВР представила проект «Соглашения о мире, дружбе и торговле» с Японией из 29 статей, который предусматривал установление равноправных отношений с взаимными гарантиями суверенитета и территориальной целостности, свободы торговли, защиты прав и собственности своих подданных. Эвакуация японских войск со всей территории ДВР должна была закончиться в течение месяца после подписания договора, который заключался сроком на 10 лет (62). Японцы заявили, что не согласны с указанным сроком эвакуации и не могут зафиксировать его, попросив прервать переговоры на две недели. Основываясь на решениях кабинета от 13 мая, они сформулировали проект общего и торгового соглашения с ДВР, известный как «17 пунктов». При формальном равенстве сторон и взаимном уважении их суверенитета, проект обязывал ДВР проводить политику «открытых дверей» для японских товаров и капитала, предоставить японцам равные со своими гражданами права в предпринимательской деятельности, закрепить за ними привилегии, ранее полученные от различных местных «правительств», а также сдать им ряд концессий. Секретные статьи требовали от «буфера» нейтралитета в случае войны «между Японией и третьей державой» (т. е. Советской Россией), демилитаризации Владивостока и границы с Кореей, оставляли за Токио право определить срок вывода войск из Приморья и передавали северный Сахалин в аренду Японии на 80 лет в виде компенсации за «Николаевский инцидент» (63).

Кабальный характер проекта не вызвал сомнений: это был договор победителей с побеждёнными, не предусматривавший дискуссии, разве что по поводу мелких технических деталей. Москва не собиралась соглашаться и не торопилась, ожидая итогов Ва-

шингтонской конференции. Японцы – по той же самой причине – настаивали на скорейшем принятии своих требований. 6 ноября новый глава МИД ДВР Яков Янсон, бывший московский полпред в Чите, обратился к Утида с предложением возобновить переговоры, установить дружественные экономические отношения, одновременно потребовав прекратить помощь «белобандитам». На помощь ему в Дайрен приехали военный министр «буфера» Василий Блюхер и московский эмиссар Юлиан Мархлевский, старый польский коммунист, которого Политбюро 11 октября назначило «представителем для переговоров с Японией» (64). До официального участия в конференции японцы Мархлевского не допустили, но он находился в постоянном контакте с Лениным и Чичериным. С Блюхером японские военные не пожелали говорить, и он отправился обратно «бить беляков».

К 22 февраля 1922 г. переговоры зашли в тупик, но через четыре недели Утида телеграфировал в Дайрен новый проект договора в 16 статьях, который можно назвать неравноправным, но не кабальным. Самые одиозные позиции: одностороннее проведение «буфером» политики «открытых дверей», передача северного Сахалина в аренду, демилитаризация Владивостока – были исключены, но вместо них появилось дополнительное требование обеспечить судам под японским флагом свободу плавания по Амуру и Сунгари, хотя этим правом обладали только Россия и Китай (65). Петров и Мархлевский отвергли последнее требование, выставив условием дальнейшего диалога эвакуацию японских войск из Приморья и с северного Сахалина одновременно с подписанием договора и предложив создать двустороннюю комиссию для решения военных вопросов.

30 марта Мацусима огласил полученный из Токио проект двустороннего военного соглашения, ультимативно заявив, что оно должно быть подписано вместе с общим договором не позднее 15 апреля, иначе переговоры будут прекращены. Соглашение предусматривало эвакуацию войск из Приморья в трёхмесячный срок, но обставляло её таким количеством дополнительных условий и оговорок, что рассчитывать на его добровольное принятие было затруднительно. Петров категорически отказался что-либо подписывать до определения точных сроков вывода войск из Приморья.

рья и с северного Сахалина. 5 апреля японское правительство решило поставить крест на переговорах, если в течение десяти дней не будет конкретных результатов, и поручило Мацусима ещё раз попытаться уломать противную сторону, чтобы не уезжать из Дайрена с пустыми руками. Но Чита и Москва отвергли диктат Токио, о чём Петров официально сообщил 15 апреля, потребовав от японцев принятия своих условий в течение суток и соглашаясь – для спасения ими «лица» – сделать договоренность о сроках эвакуации секретной. Через сутки Мацусима ответил предсказуемым отказом, объявил переговоры законченными и проводил делегатов ДВР на вокзал, поскольку те объявили о немедленном отъезде. Янсон в очередном послании к Утида возложил вину за провал конференции исключительно на Японию. Токио ответил холодно и жестко, но принципиального значения это уже не имело (66).

«Говорят, что после разрыва Дайренской конференции тогдашний председатель японской делегации г. Мацусима при прощании сказал председателю делегации Дальневосточной республики Петрову приблизительно следующее: “Я никак не могу понять вас. С вами ведет переговоры такая великая держава, как Япония, и вы, маленькое государство, не хотите принять её условий. Ведь, когда в Вашингтоне действительно великие державы предъявили к нам требования, то мы их без долгих разговоров приняли”. Г. Петров будто бы ответил на это замечание напоминанием японскому представителю, что за Дальневосточной республикой стоит вся Россия, которая является не менее великой державой, чем те, требования которых в Вашингтоне Япония столь послушно принимала. Неизвестно, ответил ли что-нибудь на это разъяснение г. Мацусима, но, если даже он промолчал, он, наверное, про себя иронически усмехнулся» (67).

Москва интерпретировала это как «победу японской военщины над более миролюбивой японской буржуазией» и решила усилить агитационную работу на Дальнем Востоке, особенно среди солдат экспедиционных войск. Время работало на «красную Россию», которая одновременно с патовой ситуацией в Дайрене провала дипломатическую изоляцию в Европе, заключив Рапалльский договор с Германией. Не прошла Дайренская конференция

бесследно и для Дальнего Востока. «Японское правительство предупредило меня, – ещё 20 сентября 1921 г. сообщал Крупенский главе Совета послов Михаилу Гирсу, – что в ближайшем будущем оно перестанет признавать меня послом здесь, как это ими до сих пор в полной мере делалось. В виду этого я выезжаю отсюда в конце ноября в Марсель... передав Абрикосову управление посольством, состав коего сокращен и которое будет именоваться японцами “бывшим русским посольством”. Против продолжения консулами своих функций японцы пока возражений не имеют. Этот шаг японского правительства объясняется тем, что... оно решило заключить соглашение с Читой, переговоры о коем идут теперь в Дайрене» (68). В качестве поверенного в делах Абрикосов возглавлял «бывшее посольство» до признания Японией Советского Союза в 1925 г., представляя режимы братьев Меркуловых и Дитерихса, а затем по мере сил защищая интересы русских беженцев в Японии и Корее. Его перестали приглашать на официальные приемы, но не лишили других дипломатических привилегий. МИД Японии старался внимательно относиться к его просьбам, не касавшимся «высокой политики».

Представители изгнанных «правительств» подавали голос, но тщетно. В апреле 1923 г. Утида получил из Тяньцзина следующее письмо (орфография и пунктуация оригинала полностью сохранены) от Ивана Артемьева, бывшего главы Земской Приамурской думы в Хабаровске, а затем председателя Совета управляющих ведомствами Приамурского правительства:

«Милостивый Государь Граф Учида!

Как государственный деятель до революционного времени, принимавший участие в деятельности Министерских и высших Государственных учреждениях бывлой великой России, я чрезвычайно был обижен, приёмом, оказанным мне Вами, в Токио, в октябре 1922 года, когда Вы, неудостоили меня личным приёмом, а выслали для переговоров со мною Вашего маленького секретаря. Такой приём диктовал забыть Ваше имя, но учтя все прошлые события и приняв во внимание то, что происходит в данное время, я как Русский патриот и сторонник сближения национальной России с национальной Японией, решил игнорировать личности, побороть чувство обиды и всё таки побеседовать хотя бы пись-

менно с Вами, как с руководителем Японской иностранной политики. Цель моей беседы: выяснить ошибочность политики Японии в отношении России и тот колоссальный вред, какой приносит такая политика обеим странам.

Начну с того, что как это ни странно, но Русско-Японская война 1904–1905 года не вызвала враждебности, а на оборот сблизила народы обеих стран, узнавших друг друга и понявших, что они были вовлечены в войну политикой других стран, жаждавших ослабления мощи России и Японии. Можно смело сказать, что ни в одной стране у Японцев нет столько друзей, как в России, в особенности в военной среде, где храбрость бывших Русских орлов и Японских Самураев создали обоюдное уважение и прочную дружбу. Русские и Японские государственные деятели-друзья, не мало потрудились в области достижения дальнейшего сближения для взаимной пользы. Результаты этой работы не заставили долго ждать. Япония пришла на помощь национальной России в постигшем её лихолетьи и политика Японии 1918 года, выражала собою искреннее желание, оказать помощь в восстановлении государственности и правопорядка, а затем в заключении союза для общего блага. Но как в прошлом, так и в этом случае, другие страны увидели опасность для своих интересов от такого сближения и дипломатическая машина заработала усиленным темпом, стараясь развить взаимное недоверие и враждебность.

Резкое изменение политики Японии в конце 1919 года, служит ясным указателем, что работа дипломатов имела успех, а в этом и заключается главная ошибка Японских руководящих сфер. Конечно сферы руководились осторожностью, дабы не вызвать преждевременного столкновения, но опасения эти, были совершенно напрасны, так как те, которые стараются создать пропасть между Русскими националистами и Японией, ещё более осторожны и никогда не бросились бы в омут, разве только для того, чтобы погибнуть. При переговорах моих с виконтом Учидой в Хабаровске в 1920 году, деятельность дипломатов по разрушению Русско-Японского сближения, была детально выяснена и изыскан способ парализования этой деятельности, но как видно, план дальнейшей, совместной Русско-Японской деятельности,

предначертанный Виконтом Учида при участии моём, не удостоился одобрения и в результате полная разруха, разорение очень многих японских резидентов и уничтожение свыше 15-ти тысяч благомыслящих Русских граждан. Теперь надеюсь, Вы сами убедились, что такие эксперименты не только без всякой пользы, а даже во вред себе, были излишни и вредны как для Дальнего Востока, так и для Японии.

Некоторые Японские Государственные деятели, приписывают вине Русских националистов, изменение политики Японии, что якобы националисты своей постоянной рознью и не умением сьорганизоваться, создали такую атмосферу, при которой изменение явилось неизбежным. А скажите пожалуйста, правы ли в этом случае наши друзья японцы, которые не зная многих из нас и не посоветовавшись хотя бы с более видными Русскими гражданами, живущими в Токио и Иокогаме, сплошь и рядом ориентируются на лица, совершенно не сведующих в государственной деятельности, стремящихся только к власти, как к таковой, не знающих даже такой простой истины, что добросовестный Государственный деятель, принимая власть, берет на себя в тысячу раз более обязанностей, чем прав и само собой разумеется, от деятельности таких людей, ничего хорошего получиться не может.

Закончив прошлое, перехожу к настоящему. Посетив Японию и увидев Японских тружеников, я не опровержимо убедился, что Японский народ, никогда и ни при каких условиях не может иметь ничего общего с красными разбойниками и грабителями. Для промышленности же Японии, необходимы рынки сбыта продуктов производства и сырьё, как то, так и другое сможет дать Дальний Восток, когда в нём будут законность и порядок. Следовательно Японии, для соблюдения даже только своих интересов и ограждения себя от заразы большевизма, рано или поздно придётся, принимать меры к установлению законности порядка и нормальной экономической жизни, а для этого необходимо проведение в жизнь плана предначертанного Виконтом Учида и мною в 1920 году. Это сделать необходимо немедленно в интересах как России, так и Японии, но для этой деятельности, нужны люди вполне сведующие и опытные, для выбора которых необ-

ходимо предварительное совещание. Если же Япония и в дальнейшем будет ориентироваться на людей случайных, не сведующих и не пользующихся доверием населения, то кроме вреда, ничего другого получиться не может. Вот о чём, я хотел сказать Вам, в виду назревающих новых событий» (69).

Утида, похоже, не ответил – ни сам, ни через «маленького секретаря». У него окончательно пропало желание общаться с русскими, какого бы цвета ни было их знамя.

24 июня 1922 г. кабинет Като окончательно решил эвакуировать войска из Приморья до 1 ноября того же года. В конце мая токийский представитель ДальТА (Дальневосточное телеграфное агентство) Василий Антонов, ранее возглавлявший одно из коммунистических «правительств» во Владивостоке, начал зондировать почву относительно новых переговоров – с официальным участием РСФСР. 30 мая Дальневосточное бюро ЦК признало их «целесообразными». Министр иностранных дел ДВР Янсон приступил к консультациям с Москвой и направил меморандум в Токио. Уже 1 июня Политбюро подтвердило «целесообразность» переговоров, но только при условии их ведения объединенной делегацией РСФСР и ДВР. В основу действий делегации был положен Рапалльский договор, а её главой назначен Адольф Иоффе (70). Для дальнейшего хода русско-японских отношений слова «Рапалло» и «Иоффе» стали ключевыми.

Глава восьмая

АДОЛЬФ ИОФФЕ И ПУТЬ К «ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМУ РАПАЛЛО»

Старый большевик Адольф Абрамович Иоффе был давним другом наркома по военным и морским делам Льва Троцкого и одним из влиятельнейших советских дипломатов. В 1918 г. он возглавлял делегацию РСФСР на мирных переговорах с Центральными державами в Брест-Литовске, представлял «красную Москву» в качестве полпреда в кайзеровской Германии, затем на переговорах с Польшей и странами Прибалтики, добившись признания большевистского режима и заключив несколько договоров, хотя был известен как самоуверенный и неуступчивый «переговорщик». В 1922 г. наделённый широкими полномочиями Иоффе поехал полпредом в Пекин. Германские и французские журналисты отмечали его откровенность, чувство юмора и «буржуазные» манеры, однако у англичан и американцев он популярностью не пользовался. Р. Гилберт в статье «Иоффе, Япония и Китай» газеты «North China Daily News» (2 февраля 1923 г.) писал: «Такт не является его сильной стороной, что легко могут подтвердить китайцы и жители Пекина любой национальности. Его бестактность граничит с откровенной глупостью» (1). Тем не менее выбора у японцев не было. Лучше иметь дело с влиятельным и полномочным представителем, чем с «никтошкой», управляемым из-за кулис, вроде читинских министров.

30 июня глава «буферного» МИД Янсон телеграфировал в Токио, что ДВР готова возобновить переговоры при участии РСФСР. Соглашаясь на это, японцы были против объединённой делегации, опасаясь обструкции соглашений с Читой, которой хотели навязать свои условия: «Все три делегации подписывают все договоры с оговоркой, что каждая делегация подписывает его за се-

бя». Москва решительно заявила, что переговоры будет вести Иоффе. Местом конференции планировался Харбин или Дайрен, поскольку советское предложение проводить её в Чите или в Москве энтузиазма у противной стороны не вызвало (2).

Читинское «правительство» готово было «с удовлетворением» принять заявление об эвакуации японских войск из Приморья (о Сахалине ничего не говорилось) до 1 ноября 1922 г., но Иоффе 22 июля составил жёсткий проект «Основных директив для переговоров с Японией», разосланный всем ключевым фигурам большевистского руководства:

I. Категорически требовать эвакуации японских войск со всей территории РСФСР и ДВР. Без этого никаких соглашений.

II. Никаких особых привилегий или уступок ни в политической, ни в экономической областях для Японского государства или японских граждан по отношению к другим буржуазным государствам и их гражданам.

III. Стремясь к соглашению с Японией, не бояться, однако, разрыва, ибо последний не особенно опасен, во всяком случае не настолько, чтобы во имя соглашения идти на особые уступки.

IV. Принимая во внимание, что Япония переживает предреволюционный период, стараться использовать переговоры в агитационных целях.

V. Считаться с тем, что в наших взаимоотношениях с Соединёнными Штатами Северной Америки Япония является сильнейшим козырем и обратно, стараться использовать эти обстоятельства.

VI. Всё остальное, как не могущее быть предусмотренным, должно быть обсуждаемо в процессе переговоров» (3).

Относительно «предреволюционного периода», якобы переживаемого Японией, Иоффе, заблуждался, но в остальном его предложения были вполне разумными. За ними стоял небольшой по времени, но насыщенный и в целом успешный дипломатический опыт. Через несколько дней Лев Карахан, курировавший в НКВД дальневосточные дела, направил подробную записку в Политбюро, напомнив причины разрыва дайренских переговоров и содержание японских предложений, большинство которых тогда было принято читинской делегацией. Однако, отметил он,

«в Дайрене переговоры вела одна ДВР и обязательства, которые к лицу этому государственному ублюдку, не к лицу России». К такому относился, прежде всего, пункт о демилитаризации Владивостока и корейской границы, который Москва готова была считать приемлемым, если его «превратить в деловое, взаимное обязательство». Относительно «Николаевского инцидента», который «сильно интересует японцев», предлагалось «обещать в ноте, при подписании соглашения, разрешить этот вопрос при обсуждении всех других взаимных претензий», не выделяя его особо. Из «прав собственности японцев, приобретенных ими законно на Дальнем Востоке» Карахан – в виде неизбежного компромисса – предложил признать только полученные от царского и Временного правительств, игнорируя все иные «режимы».

Карахан категорически отверг предложение Иоффе «использовать переговоры в агитационных целях» как «чрезвычайно опасное»: «Вести переговоры с таким расчётом, чтобы чрезмерная требовательность японцев и вследствие этого невозможность восстановления мира и спокойствия на Дальнем Востоке падала целиком на ответственность Японии и давала материал для “противоправительственной агитации” в самой Японии, необходимо, но не больше. Всякие сношения с японскими коммунистами, в особенности, если переговоры будут в Токио, должны быть исключены. Японской коммунистической партии мы не знаем, её деятелей, кроме немногих, бывших в России, также; при исключительной способности японцев к шпионажу и “перевоплощению” мы имеем много шансов нарваться на провокацию, а во время переговоров это могло бы их сорвать, поэтому на время переговоров такие сношения должны быть исключены» (4). Карахана часто упрекали в склонности к раздуванию «мирового пожара», но здесь он трезво оценил ситуацию и сделал правильные выводы.

Полезную «информацию к размышлению» содержало письмо Чичерина к Сталину, написанное в Берлине 10 августа 1922 г. Статс-секретарь германского МИД Адольф Георг Отто фон Мальцан (многие называли его просто «Аго», по первым буквам имён) свёл наркома с немецким послом в Японии Вильгельмом Зольфом, чтобы тот мог воспользоваться советом знатока Дальнего Востока, который пользовался авторитетом в Токио и выступал

за признание Советской России (5). «Японцы будут максимально запрашивать и будут торговаться до седьмого пота, – предупредил Чичерин. – ...Ни в коем случае не следует при переговорах с Японией угрожать, пытаться утратить и вообще держаться вызывающе; в результате все японцы встанут на дыбы и будут отвергать соглашение. Ни в коем случае не надо говорить о возможности того, что Япония будет нуждаться в нас; это всех японцев оскорбит и сделает нашими врагами. Можно только апеллировать к их интересам... Японское правительство очень сожалеет о поражении Германии и распаде старой России. Оно жалеет, что исчез противовес Англии. Оно очень хотело бы восстановления могущества Германии и России – но не Советской России... Нежелание иметь соседями большевиков есть главный мотив русской политики Японии. В самостоятельность ДВР японское правительство не верит, и она поэтому его не успокаивает. Больше всего японское правительство опасается проникновения в Японию большевистских представителей» (6). Оценки и прогнозы Зольфа оправдались за исключением того, что он поспешил сбросить со счетов *гэнро* Сайондзи, который продолжал влиять на японскую политику вплоть до своей смерти в 1940 г.

Готовясь к переговорам, Иоффе предложил поставить вопрос о признании Советской России де-юре, о чём годом раньше в Дайрене речь ещё не шла. «В настоящее время, учитывая общее улучшение положения России на Дальнем Востоке, вопрос о де-юре было бы совершенно своевременно поставить», – писал Карахан Сталину 30 августа. Днем позже Политбюро приняло это предложение, согласившись не придавать ему ультимативный характер (7).

Август прошёл в обмене письмами и нотами по техническим вопросам (8). Переговоры начались 4 сентября 1922 г. в Чанчуне, в здании японского консульства, – Иоффе согласился на этот город по предложению японцев, без предварительного согласования с НКВД, что вызвало недовольство Москвы (9). РСФСР и ДВР представляли Иоффе и Янсон, Японию – начальник Европейско-Американского бюро МИД Мацудайра Цунэо (будущий посол в США и Англии и министр двора) и известный нам Мацусима (10). Разногласия начались сразу же: главный советский

делегат, выступив против «тайной дипломатии», потребовал максимальной гласности и детального протоколирования переговоров, в то время как японцы предложили фиксировать только «результативную часть». Этот вопрос будет постоянно возникать в дальнейшем. Мацудайра, как и его шеф Утида, не был расположен идти на уступки «красным» и добивался безоговорочного принятия японского проекта двустороннего договора с ДВР, не затеывая переговоров заново. К тому же Утида наделил его полномочиями только на заключение соглашения с ДВР, как будто делегации РСФСР не было вовсе. Что стояло за этим – обструкционизм или легкомыслие?

Похоже, в Токио «прозевали» состоявшуюся весной того же года Генуэзскую конференцию, на которой страны Антанты попытались заставить Германию поскорее уплатить наложенные на неё репарации, а большевиков – признать долги прежних режимов и приступить к их возврату. Чичерин ответил выставлением более внушительных контрпретензий за ущерб от «союзной» интервенции, а затем заключил договор с Германией, в основу которого был положен советский проект. Стороны договорились немедленно возобновить дипломатические и консульские отношения (статья 3), применять друг к другу режим наибольшего благоприятствования (статья 4) и «взаимно идти навстречу хозяйственным потребностям обеих стран» (статья 5). Достичь этого удалось на основе взаимного отказа от возмещения военных расходов, военных и невоенных убытков, «причиненных гражданам одной стороны посредством... исключительных военных законов и насильственных мероприятий государственных органов другой стороны» (статья 1). Особенное – и актуальное для Японии – значение имела статья 2, по которой Германия отказалась от требования возвратить национализированные предприятия прежним владельцам – германским гражданам в обмен на обещание не удовлетворять аналогичные требования других стран (11).

Руководители стран Антанты обратились с гневным письмом к германскому канцлеру Йозефу Вирту, но дело было сделано. Рапалльский договор не мог «отменить» Версальский, однако укрепил позиции обеих стран в торге с противниками-кредиторами. Перед конференцией Чичерин писал Ленину: «Мы должны,

как марксисты и реалисты, трезво учитывать сложность нашего положения... Наша дипломатия преследует в конечном счёте производственные цели, нашу внешнюю политику мы постоянно характеризуем как производственную политику, ставящую себе целью способствовать интересам производства в России. Если сегодня именно эти производственные цели являются для нас наиболее актуальными задачами момента, мы не должны упускать из виду, что какие бы то ни было выступления революционного характера будут идти с этими целями радикальнейшим образом вразрез... Мы должны всё время иметь в виду, что именно эта купеческая деятельность есть основное содержание нашей задачи в Генуе» (12). В советское время говорить о «купеческой деятельности» как «основном содержании» советской дипломатии, пусть и в конкретных условиях, было не принято. Между тем именно реализм, проявленный Чичериным в Генуе и Лениным в Москве, сделал возможным один из первых – и наиболее эффективных – прорывов молодой советской дипломатии.

Японским делегатам в Чанчуне следовало бы иметь это в виду. Мацудайра делал вид, что по сравнению с Дайреном ничего не изменилось и что разговор будет между Японией и ДВР, а Советскую Россию происходящее почти не касается. Видимо, он не придал значения интервью, которое советский представитель перед началом переговоров дал журналисту Фуруно Иносукэ. Иоффе отказался комментировать дайренские проекты и договорённости, поскольку РСФСР принимала участие в конференции лишь в качестве наблюдателя, подчеркнул, что без признания полного равноправия всех сторон продвижение вперёд невозможно, а заодно переложил ответственность за «Николаевский инцидент» на Японию: «Любое правительство, посылающее войска на чужую территорию, должно быть готово к возможным последствиям» (13).

Москва предписала делегатам держаться твёрдо и до поры до времени не идти ни на какие уступки. «Японцы сбавили тон, – телеграфировал Иоффе Карахану 12 сентября после оглашения декларации объединенной делегации. – Общее настроение в нашу пользу» (14). На следующий день Мацудайра зачитал ответ Токио: «Японский народ питает симпатии к русскому народу и желает

установить с ним дружеские отношения; но ввиду пережитой Россией революции японский народ всё-таки относится к Советской России с известным чувством опасения. После революции эти чувства стали заметно улучшаться, но заключить сейчас договор с Советской Россией для японского народа преждевременно... Мнение японского правительства до сих пор остается неизменным, то есть оно желает ограничить договор заключением торгового и общего соглашения с ДВР». Только после этого японцы были готовы обсуждать договор с РСФСР, пригрозив прекращением переговоров в случае несогласия. Иоффе спокойно «начал собирать бумаги», как он сообщил в Москву, но тут Мацудайра предложил продолжить обмен мнениями между официальными представителями в частном порядке. К подобным уловкам для «спасения лица» японцы прибегали постоянно. Чтобы не брать на себя ответственность за срыв переговоров, Иоффе согласился (15).

Утида дал добро на заключение договора с РСФСР и ДВР одновременно, демонстрируя «добрую волю», но оговорился, что соглашение с Москвой будет касаться только проблем Дальнего Востока. Началось обсуждение проектов, в ходе которого японцы, как предупреждал Зольф, «торговались до седьмого пота». Если не углубляться в технические подробности, картина складывалась таким образом. На тактическом уровне японцы хотели добиться выгодного решения по рыболовству и внушительной компенсации за николаевские события. Дипломатов толкали в спину рыбопромышленники – это лобби всегда пользовалось большим влиянием в Стране корня солнца – но МИД предпочитал делать заявления о продолжении «свободного лова» в российских водах и обеспечении его безопасности, в случае надобности, военными кораблями. Игнорировать советский военный флот на Дальнем Востоке из-за его незначительности пока получалось, но действия японцев слишком походили на пиратство. Кроме того, они не собирались просто так уходить с северного Сахалина.

19 сентября Карахан телеграфировал Иоффе: «Трудно принимать решения, если японская делегация меняет свою точку зрения от одного заседания к другому. Остаётся очень несерьёзное

впечатление от способа переговоров, который практикует Мацудайра. Если японскому правительству нужно делать вид, что переговоры идут, чтобы успокоить прессу и общественное мнение, то наше общественное мнение оценивает переговоры по существу, с точки зрения делового результата. Топтаться на одном месте по вопросам, согласованным предварительным обменом нотами, по меньшей мере, бесполезное занятие. Мы пошли на переговоры, выставив ряд условий, которые считаем принятыми, и подвергать их новому обсуждению считаем бесполезным. 1) Или договор подписывается Японией с РСФСР и ДВР, или договора никакого не будет. 2) Дайренский проект облегчает переговоры, но не связывает нас. Мы вносим поправки по существу, дополняем, если найдем нужным в процессе переговоров с японцами. Эти поправки и дополнения мы будем обсуждать в самом благоприятном духе, считаясь с японскими интересами. На этом пути соглашение будет всегда возможно» (16).

В тот же день, 19 сентября, Мацудайра попытался вернуться к старой позиции о заключении договора только с ДВР, после чего Иоффе предложил Москве «покончить канитель с японцами». Те снова подняли «николаевский вопрос» в связи с «сахалинским», хотя Иоффе требовал рассматривать их по отдельности (17). 25 сентября японцы заявили, что прервут переговоры, если их позиция не будет принята. Иоффе ответил, что не может отступить от заявленного ранее и готов к отъезду, а на прощание напомнил, что японские войска вели себя в Сибири не лучшим образом (18). Переговоры закончились безрезультатно и вызвали поток взаимных обвинений. Токио сомневался в «искренности» Москвы и упрекал её в несоблюдении международных правил и норм. Москва отвечала, что токийские правители окончательно потеряли чувство реальности (19).

С неудачным финалом Чанчуньской конференции связаны два интригующих сюжета. Как видно из недавно опубликованных документов, Москва была готова обещать японцам концессии на северном Сахалине в случае освобождения острова без увязки с «николаевским вопросом». Телеграфные инструкции то ли опоздали, то ли были неконкретно сформулированы, но Иоффе этот вопрос не поднял, за что получил нагоняй от Сталина и Карахана

и был вынужден оправдываться (20). О втором он сам рассказал в статье, написанной по итогам конференции:

«Один весьма видный японский журналист, числящийся в либералах (фамилии его мы из скромности не желаем здесь называть), сделал русской делегации следующее предложение.

Разрыв конференции, ни к чему не приведшей, был бы несчастьем как для России, так и для Японии. “Осака майнити” защищает признание Советской России. Наши личные симпатии всецело на её стороне. Тем не менее мы должны признать, что наши стремления являются несколько преждевременными. Если мы хотим, чтобы конференция продолжалась и имела какие-нибудь результаты, мы должны принять настоящее положение таким, каким оно есть, и постараться путём какого-нибудь компромисса найти выход из создавшихся затруднений. Я не оспариваю правоту или неправоту ваших притязаний или притязаний японской делегации. Лично мои симпатии всецело на стороне Дальневосточной республики и Советской России. Но я должен сознаться, что при настоящем положении вещей в Японии я мог бы высказать свой взгляд на этот вопрос, лишь изменив его в значительной степени. Искренне желаю, чтобы конференция продолжалась и пришла бы к заключению какого-нибудь договора или соглашения, хотя бы пришлось пойти на компромисс. Поэтому я беру на себя смелость предложить вам нижеследующие проекты, которые, как я полагаю, смогут, по всей вероятности, разрешить настоящее затруднение. Если один из этих проектов будет для вас приемлем, я сейчас же поеду в Токио и постараюсь убедить гражданские и военные власти в благоразумии и необходимости прийти к скорейшему соглашению на этих условиях. Лыщу себя надеждой, что мой голос будет иметь некоторый вес, так как я надеюсь на поддержку известных японских газет, ежедневный тираж которых достигает 1 300 000 экземпляров».

Кто этот незнакомец, имя которого скрыла от общественности чья-то «скромность» – непонятно только, его самого или Иоффе? Полагаю, что Фусэ Кацудзи – политический аналитик «Осака майнити», специализировавшийся по русским делам и отчасти сочувствовавший большевистской революции. В 1921 г. он побывал в Москве и первым из японских журналистов взял интер-

вью у Ленина, а позже встречался с Троцким и Сталиным. С последним всего один раз, но молодым журналистам говорил, что трижды, каждый раз расцвечивая рассказ новыми красочными подробностями¹.

Далее на выбор давались два варианта. Первый – подписание договора на основе японского проекта, что «вызовет в японском обществе полное доверие и симпатии к Чите и Москве. Это доверие и симпатии можно будет использовать как первый шаг к дальнейшему установлению прямых отношений или заключению договоров с Советской Россией или даже к формальному признанию Советской России. Поддерживающие меня крупные газеты сделают всё от них зависящее, чтобы принудить японское правительство признать Советскую Россию». Второй – отказ от дайренского проекта и начало новых переговоров о торговом договоре с ДВР и РСФСР, но это «встретит сильную оппозицию со стороны Японии». Чтобы нейтрализовать её, предлагалось продать северный Сахалин («ничто не сможет так подействовать на Японию и вызвать её симпатии») и гарантировать недопущение иностранцев, прежде всего, американцев, на Тихоокеанское побережье России (слухи о продаже Камчатки). «Японцы боятся захвата Азии американцами», – открыто говорилось в записке. Последней была просьба прекратить поддержку корейских националистов, так как «японцы вполне уверены, что вы тайно поощряли корейскую молодёжь и студентов к провозглашению независимости (1 марта 1919 г. – *В.М.*) и что вы их с этой целью завлекали в Москву». Послание заключалось патетическими словами: «Я делаю вышеуказанные предложения не как журналист, а как сознающий свой долг гражданин мира, который с нетерпением ждёт, чтобы как можно скорей между Читой, Москвой и Токио завязались дружественные отношения... Мои мотивы абсолютно бескорыстны».

Советская сторона не приняла предложенные варианты, но продолжала намекать, что компромисс возможен. Публикация этих неофициальных предложений в начале 1923 г. давала по-

¹ Об этом автору настоящей работы рассказывал почетный профессор Осацкого городского университета Одзаки Хикосаку, в конце 1930-х годов работавший в «Осака майнити» под руководством Фусэ.

нять, что не все японцы твердолобые, что диалог с ними в принципе возможен и что японской дипломатии придется считаться не только с возрастающим экономическим, политическим и военным потенциалом СССР, но и со своим собственным общественным мнением. «Если бы переговоры тянулись много месяцев, то, как это часто бывает, – подвел итог Иоффе, – в процессе самих переговоров правящие круги Японии, быть может, поняли бы, насколько неправильно их понимание новой России и, постепенно меняя своё настроение, в конце концов сделали бы возможным взаимное понимание и соглашение. Но в Чанчуне обе стороны не хотели тянуть переговоров и разошлись, как только выяснилось, что пока ещё соглашение невозможно. По-видимому, обе стороны разошлись в полном убеждении, что это не окончательный *разрыв*, но лишь *перерыв* переговоров (выделено Иоффе – В.М.). По крайней мере, таково было убеждение объединенной русской делегации» (21).

По завершении эвакуации японских войск Дальневосточная республика 19 ноября 1922 г. официально вошла в состав РСФСР. Нерешённые проблемы остались нерешёнными, но переговоры по ним теперь предстояло вести только с Москвой, без всяких «буферов». Причём уже в ином качестве: 30 декабря РСФСР, Украина, Белоруссия и ЗСФСР объединились, образовав новое государство – Союз Советских Социалистических Республик, который занимал почти всё пространство прежней Российской империи. То есть ту территорию, которую один из основателей геополитики Хэлфорд Макиндер называл *heartland*, «сердцевинная земля». Теперь любая «континентальная политика» могла строиться или на сотрудничестве с Советской Россией, или на открытой конфронтации с ней, поскольку игнорировать советский фактор стало невозможным.

Правящим кругам Японии предстояло сделать выбор, к которому их толкали не только изменившаяся ситуация в мире, но и внутренние проблемы. В стране продолжался экономический кризис, и торговля с Советской Россией была если не спасением от всех бед, то средством решения многих проблем. Территории Дальнего Востока с прилегающими к ним водами – и, соответственно, запасы леса, нефти, угля, рыбы – были выключены из сфе-

ры мировой торгово-экономической деятельности, но такое положение не могло продолжаться долго. Японцы хотели быть первыми, кто прорвется в богатый регион. Завоевать его силой оружия не удалось, значит, надо сделать его доступным для экономической активности мирным путём. В свою очередь, профсоюзы ратовали за признание СССР и установление нормальных торгово-экономических отношений отнюдь не только из соображений «классовой солидарности». Расширение торговли и получение концессий означали создание новых рабочих мест и сокращение безработицы.

Нормализация отношений с Москвой пробуксовывала, поэтому дело в свои руки решил взять Гото. В декабре 1920 г. он вернулся к активной политической деятельности, став мэром Токио под лозунгом борьбы с коррупцией. В мае 1922 г., когда кабинет Такахаси доживал последние дни, он считался самым вероятным претендентом на пост премьера, но *гэнро* Сайондзи отвел его кандидатуру (22). В том же году за «государеву службу» Гото получил титул виконта. С учётом колеблющейся позиции премьера Като – в политическом море адмирал чувствовал себя не так уверенно – и антисоветской ориентации министра иностранных дел Утида, Гото представлялся идеальной фигурой для начала полуофициального диалога с Москвой. В случае успеха его усилий правительство могло записать нормализацию отношений себе в актив, в случае провала – дистанцироваться от любых инициатив частного лица и даже столичного мэра.

Л.Н. Кутаков писал: «Ловкий и дальновидный деятель, Гото всю свою политическую жизнь охотно поддерживал популярные в народе идеи, тщательно оберегая репутацию «независимого и объективного человека». Его яркие выступления в защиту интересов «общественности» и «свободы» снискали ему большую популярность. Несмотря на преклонный возраст (около 67 (65 – *В.М.*) лет), Гото в те годы был едва ли не самым выдающимся среди японских ораторов. Его называли “японским (Теодором – *В.М.*) Рузвельтом” или “японским Ллойд Джорджем”. Великолечно зная и чувствуя свою аудиторию, Гото умел произвести на неё впечатление. Усилия Гото в пользу установления и развития советско-японских отношений отражали как популярность этих

идей в народе, так и заинтересованность определённых деловых кругов, имевших интересы на русском Дальнем Востоке и в Северо-Восточном Китае, в развитии связей с Советской страной... Гото считал, что внешняя политика Японии должна строиться “на правильном анализе основных тенденций эпохи”... Гото не смущало различие социальных систем Японии и Советского Союза. Он здраво смотрел на неизбежность признания существующих порядков в СССР... Гото писал: “В истории нет примеров, когда бы революцию делали в белых перчатках. Все боятся разрушительной силы революции, не обращая внимания на её созидательную сторону и развитие после революции. Но это глупость”... Выдвигая своеобразную теорию сосуществования, Гото заявлял, что основой внешней политики являются земля и народ. “При соприкосновении между народами, – писал он, – фактическим авторитетом является народ, а не политический строй. Поэтому взаимоотношениям народов ничто не может мешать”» (23).

Для исполнения задуманного требовалось вступить в контакт с официальными или хотя бы неофициальными, но полномочными советскими представителями, которых в Японии не было (представитель РОСТА в Токио Антонов годился только в «связные»). Затем требовалась мощная информационная поддержка. Первым вызвался помочь Фудзита Исаму, глава влиятельной газеты «Токио нитинити». Левый журналист Тагути Ундзо, ездивший в Москву на Третий конгресс Коминтерна и встречавшийся с Лениным, по поручению Гото в первых числах января 1923 г. отправился в Китай для налаживания контактов с советскими дипломатами. Позднее, во время переговоров, знавший русский язык Тагути помогал гостям в качестве секретаря. Из этого, конечно, не следует, что Гото покровительствовал «красным». Он имел обширные связи в разных кругах, умело используя их в собственных интересах: «его правая рука обнимала патриотов, принадлежавших к крайне правому крылу, а левая – социалистов, принадлежавших к крайне левому» (24).

В качестве партнера Гото выбрал Иоффе, знакомого с японскими дипломатами и знавшего их требования, образ мысли и манеру ведения переговоров. И не пожалел о выборе, хотя иностранные газетчики в Пекине предрекали провал миссии из-за

«жесткости» и «грубости» советского посланца, а также из-за того, что его политика якобы находится в противоречии с линией Совнаркома. Однако за переговорами стоял взаимный интерес, суть которого точно сформулировал процитированный выше Р. Гилберт из «North China Daily News»: «Как только японцы скажут “рыба”, Иоффе скажет “Сахалин”». В декабре 1922 г. Гото решил пригласить тяжело больного Иоффе в Японию на лечение, а также для обмена мнениями по вопросам двусторонних отношений, включая продажу северного Сахалина. Тогда же посланник Каваками, возвращавшийся домой из Варшавы через Москву, обратился с аналогичным предложением – называлась сумма в 100 миллионов иен – в Наркоминдел, пояснив, что это откроет путь к признанию СССР де-юре. Там отказались обсуждать продажу советской территории, но дверь не захлопнули.

Карахан скептически отнесся к возможной поездке Иоффе в Японию, не предвидя от неё практической пользы, однако Политбюро 18 января одобрило её с указанием «ограничиться зондировкой» (25). Троцкий попросил выяснить, чем японское правительство могло бы заплатить за северный Сахалин – «наличными (или товарами) или же намерено списать соответственную сумму с наших так называемых долгов Японии». «Продажа Сахалина сейчас нами не предполагается», пояснил он, но «перед опасностью новой войны для нас имела бы большое значение возможность получить из Японии оружие, особенно винтовки и патроны русского или японского образца» (26). Этот вопрос особенно волновал его как наркомвоенмора.

Гото согласовал свои планы с премьер-министром Като, который заявил, что не возражает против приезда советского представителя, но только для неофициальных переговоров, без необходимого дипломатического оформления. Тогда же они выработали основные пункты японской позиции, которые следовало изложить гостю. Утида полудобровольно, полувынужденно остался в стороне, поскольку он и Гото придерживались противоположных взглядов и к тому же испытывали давнюю антипатию друг к другу. Поэтому глава МИД был против переговоров и нервно реагировал на сообщения о них – особенно со ссылками на согласие премьера – в прессе, где друзья и единомышленники Гото нача-

ли шумную кампанию в их поддержку. Тот в свою очередь решил использовать приезд Иоффе для придания себе большего политического веса, поскольку рассчитывал вернуться в правительство если не главой, то, по крайней мере, на один из ключевых постов.

9 января 1923 г. Гото обратился к Мацудаира с официальной просьбой выдать Иоффе въездную визу. На следующий день Утида дал указание посланнику в Китае Обата Юкити разрешить советскому дипломату въезд в Японию в качестве туриста – с условием не вести коммунистическую пропаганду и не произносить политических речей. Иоффе потребовал письменную гарантию разрешения пользоваться шифром и иметь дипломатических курьеров, что было необходимо для полноценного ведения переговоров, но Утида отказал ему, пообещав лишь гарантировать безопасность его жизни и имущества.

Жалуясь в просторном письме Гото от 7 марта, уже из Японии, на недружелюбное отношение властей, Иоффе напоминал: «Когда получено было Ваше любезное приглашение меня для лечения в Токио и посланный Вами г. Фудзита сообщил, что Японское Правительство принимает все те условия, которые были мною поставлены при предварительных переговорах, т. е. гарантирует мне и моим сотрудникам дипломатическую неприкосновенность, свободу передвижения по Японии, неприкосновенность корреспонденции и право пользоваться шифром и курьерами, мои сотрудники... просили гг. Тагути и Фудзита запросить, действительно ли Японское Правительство даёт мне все вышеуказанные гарантии. Оба Ваши сотрудника принесли из Легации (миссии рангом ниже посольства – *В.М.*) утвердительный ответ и уехали ко мне в Шанхай, где я готовился к поездке на Юг Китая. В Шанхае Исполняющий обязанность Генерального Консула подтвердил моему секретарю в присутствии Ваших посланных совершенно официально, что все вышеуказанные гарантии действительно Вашим Правительством даны, причём поименно перечислил каждую из этих гарантий. Тогда я решил воспользоваться Вашей любезностью и поехать в Японию. Но *на другой день* и. о. Генерального Консула по телефону сообщил моему секретарю, что его Правительство указанных гарантий дать не

может. Я уведомил Ваших посланных, что в таком случае в Японию не поеду. Ваши посланцы ответили, что это недоразумение, ибо и. о. Генерального Консула имел только в виду, что вышеуказанные гарантии не могут быть даны в письменной форме, но на деле они остаются в силе; в то же время пришло письмо и. о. Генерального Консула, что никакой перемены в настроении Правительства не произошло и всё, им заявленное, остается в полной силе. Я ответил, что никогда не требовал письменных заявлений от официальных представителей правительств, ибо в своих сношениях с другими правительствами привык считать словесные заявления их представителей одинаково прочными, как и письменные, но для большей ясности попросил Ваших посланных в письменной форме зафиксировать всё то, что им было заявлено официальным представителем Японского Правительства» (27).

Согласованный и намеченный на конец января приезд советского представителя в последний момент чуть не сорвался – на сей раз из-за действий самого Иоффе, вызвавших бурную реакцию японских официальных лиц. 23 января он с семьей прибыл в Шанхай и намеревался 27 января выехать в Токио. 24 января Иоффе встретился с Сунь Ятсеном, о чём японский консул немедленно сообщил в МИД. Два дня спустя появилось советско-китайское коммюнике, декларировавшее дружбу, согласие, единство позиций и целей сторон. Основатель Гоминьдана, сторонник евразийской ориентации и союза с Москвой, не был в Токио персоной нон грата. Наилучшим вариантом он считал союз нового Китая с Японией и Россией, о чём в ноябре 1922 г. заявил в интервью японскому информационному агентству Дзидзи: «Если Япония действительно хочет видеть Азию управляемой азиатами, она должна развивать отношения с Россией. Русские – азиаты. В их венах течет азиатская кровь. Япония должна объединиться с Россией для защиты от экспансии англо-саксов» (28). Встречаясь с Сунь Ятсеном, Иоффе пошел на определённый риск и понимал это, но получил санкцию Москвы. Акция была призвана продемонстрировать, что в Азии СССР не находится в изоляции, что ему есть, с кем развивать сотрудничество, если Токио не проявит доброй воли и миссия окончится неудачей. Раздраженный Утида

отправил в Шанхай телеграмму, извещая Иоффе о недовольстве «некоторых элементов» его приездом и «возможных осложнениях». С аналогичным предупреждением выступило Министерство внутренних дел, якобы получившее информацию о том, что некие родственники погибших в Николаевске собираются отомстить за них посланцу большевиков.

«Перед самой посадкой на пароход, отправляющийся в Японию, – сообщал Иоффе в том же письме Гото, – мне и. о. Генерального Консула была переслана телеграмма г. Министра Внутренних Дел Японии с сообщением, что открыт заговор против меня, поэтому Правительство не может ручаться за мою жизнь. Хотя меня удивило, как это Японское Правительство, столь щепетильное в отношении всяких международных узусов¹, допустило прямое обращение Министра Внутренних Дел, хотя по международным обычаям все сношения с иностранцами всегда идут через Министерство (Иностранных – *В.М.*)² Дел, и хотя во мне вызвало недоумение, каким образом *открытый* заговор ещё может быть опасен, но так как я привык рисковать своей жизнью, а никакого отказа от данных мне Японским Правительством гарантий в этой телеграмме не содержалось, мои же билеты уже были взяты и багаж уже находился на пароходе, то мне не оставалось ничего другого, как поблагодарить г. Министра Внутренних Дел за любезную заботу обо мне и отправиться на пароход. Что я и сделал».

29 января 1923 г. Иоффе в сопровождении жены, сына и двух секретарей – Ильи Левина³ и Сергея Шварсалона, пасынка поэта-символиста Вячеслава Иванова, – прибыл в Нагасаки, а 31 января в Иокогаму. Там, пока он осматривал город, «произошло первое нарушение данных мне гарантий: мой багаж в отсутствие кого-

¹ Тонкостей, частных (лат.)

² В тексте явная ошибка: Внутренних.

³ Американский историк Дж. Ленсен обнаружил в японских архивах сообщение из Пекина со ссылкой на корреспондента «Кёльнише цайтунг» Эриха фон Зальцмана: «Г-н Левин член так называемой чрезвычайной комиссии (т. е. ЧК – *В.М.*) с привилегиями и особыми правами. Он отчитывается непосредственно перед Москвой; он контролирует г-на Иоффе и кажется мне даже более важной фигурой, чем сам Иоффе» (29). Проверить эту информацию я не имел возможности.

либо из моих представителей был отмычками отперт и досмотрен внимательно – до прочтения частных писем включительно. Только после разъяснения Вашего, г. виконт, – писал он Гото, имея в виду их первую личную встречу 1 февраля в токийской гостинице “Цукидзи Сэйотэн”, – что это событие действительно произошло случайно, и обещания расследования этого случая я решил остаться в Японии и не уезжать немедленно. Однако потом Правительство нарушило и данную гарантию относительно шифров и трижды меняло своё отношение к вопросу о курьерах. Из уважения к Вам я решил уступить в вопросе о шифре, но никак не могу уступить в вопросе о курьерах. С другой стороны, Японское Правительство окружило меня такой стеной шпионов, что вместо обещанной свободы я нахожусь как бы в тюремном заключении; вся моя корреспонденция явно перлюстрируется, ибо доходит до меня с опозданием в 4–5 дней и притом с грубыми знаками предшествовавшего вскрытия». Рассерженный Иоффе не удержался от грубоватого сарказма и добавил: «...которые не могут не броситься в глаза мне, имеющему за своей спиной опыт пятнадцатилетней работы при царском режиме и, следовательно, привыкшему к технически более совершенным методам царской охраны».

Первый месяц Иоффе отдыхал и лечился на горячих источниках курорта Атами, к югу от Токио. Расстроенное состояние здоровья, из-за которого он почти всё время должен был проводить в постели, вынуждало гостя к бездействию, что, вкупе с физическими страданиями и сохранявшейся двусмысленной позицией официальных лиц, отрицательно действовало на его нервы. Гото приложил максимум усилий, чтобы оградить Иоффе от неудобств и неприятностей, но тот продолжал жаловаться: «За месяц своего пребывания в Японии я, приглашенный сюда лорд-мэром столицы и виднейшим сановником государства, притом получивший предварительно весьма любезные гарантии от Японского Правительства, получил впечатление, что ни в одной стране в мире я не мог бы иметь столько и таких неприятностей, как в Японии. Мне за 6 лет нашей власти приходилось и официально, и неофициально бывать в различных странах и иметь дело с различными правительствами или их представителями, как с такими, которые

признают нас и de-jure, и de-facto, как с теми, которые признают нас только de-facto, так и с теми, которые нас совсем не признают. Мне, наконец, много раз приходилось иметь дело с уполномоченными государств, с которыми мы находились в состоянии войны. Но никогда и нигде мне не приходилось сталкиваться с таким недружелюбием, враждебностью и с такой грубой бестактностью, которые проявляет в отношении меня Японское Правительство. И на фоне чрезвычайно дружелюбного отношения почти всех слоев японского общества, на почве тех выражений глубокой симпатии, которые я получаю почти ежедневно в устной и письменной форме, это поведение Японского Правительства может иметь только одно значение».

«Приём Гото, прессой, народом выше ожиданий, встречали тысячные толпы. Русский вопрос по-видимому центре внимания», – телеграфировал Иоффе в Москву 7 февраля, хотя там же сообщал о «совершенно недопустимом» отношении к нему властей (30). На этом необходимо остановиться, потому что многие события *вокруг* переговоров – в отличие от их хода и содержания – отечественными историками игнорировались. Советские авторы акцентировали внимание на том, что визит восторженно приветствовали левые круги и пресса. Радость левых понятна, так как приезд Иоффе работал на их престиж, но вес этих сил в общественном мнении был невелик. Газетную кампанию организовали Гото и его друзья, стремившимися к извлечению максимальной политической выгоды. Интереснее другое: и у правых не наблюдалось единства по отношению к советскому гостю.

Большинство правых, ориентировавшихся на колониальную экспансию вовне и на борьбу с коммунистами внутри страны, были против приезда Иоффе и нормализации отношений с СССР, в котором видели продолжателя политики царской России – следовательно, опасного конкурента – и рассадник «красной заразы». Они устраивали шумные манифестации, разбрасывали листовки, пытались запугать тех, кто встречался с советским гостем или приветствовал его. 5 и 28 апреля члены полубандитской Японской антибольшевистской лиги совершили два налёта на дом Гото, ранив его старшего сына. Подвергся нападению и Тагути. Идеолог государственно-социалистического движения Кита

Икки выпустил тридцатитысячным тиражом памфлет «Открытое предупреждение Иоффе», где советовал ему убраться из страны, осыпая бранью не только Советский Союз и коммунизм (большевик он характеризовал как бандитов, которые ещё хуже царского правительства), но и тех японцев, кто выражал им симпатию (31). После этого лидер национальных социалистов Окава Сюзэй порвал с Кита, которого считал другом и союзником.

Антирусские настроения были сильны и в Обществе реки Амур (Кокурюкай), однако его лидер Утида Рёхэй высказался за сотрудничество с Москвой для противостояния европейско-американской экспансии. 25 ноября 1922 г. его эмиссар Комаи Кидзиро встретился с Иоффе в пригороде Пекина и целый день (12 часов!) проговорил с ним о том, что надо сделать для успеха новых переговоров. «По секрету» Иоффе поведал, что Советская Россия заинтересована в скорейшем восстановлении официальных отношений и заключении договора с Японией ещё и потому, что опасается интервенции «белых» из Маньчжурии и Китая, организованной при помощи или даже под руководством Токио (32). Предложение о продаже северного Сахалина он, однако, отверг, позже охарактеризовав его в одном из докладов как «совершенно несуразно формулированное». Что касается опасности ведения Москвой коммунистической пропаганды в Японии, то Утида считал отказ от неё, т. е. от вмешательства во внутренние дела другой страны, неизменным условием нормализации отношений. Кроме того, будучи высокого мнения об идейных и моральных качествах соотечественников, он полагал, что настоящих японцев «заморская ересь» не соблазнит. Лично Утида с Иоффе не контактировал, но представители Общества реки Амур встречались с гостем и держали патрона в курсе происходящего (33).

В поддержку нормализации отношений с СССР выступил Накано Сэйго – молодой, но уже известный политик, депутат парламента, зять влиятельного правого деятеля Миякэ Сэцурэй. Он выступал против участия Японии в «союзной» интервенции в Сибири и обличал злоупотребления армейского руководства, за что генерал Танака считал его личным врагом. Теперь Накано, выражавший интересы деловых кругов, агитировал за скорейшее проведение японско-советских переговоров, восстановление диплома-

тических и торговых отношений. Этой линии он придерживался и позднее, поэтому противники обвиняли его в получении денег от большевиков и издевательски называли «таварисси», т. е. «товарищ» на японский лад. Тесть Накано, Миякэ, тоже не раз высказывался за нормализацию отношений с СССР и председательствовал на многолюдном банкете в честь Иоффе 2 мая, на котором советский дипломат не смог присутствовать по болезни¹.

Не было единого мнения и у дипломатов, которые, формально оставаясь в стороне от переговоров, стремились контролировать их. Гото держал министра иностранных дел в курсе, пересылая ему записи бесед, советские предложения и свои соображения. Зная взгляды адресата, виконт решил сосредоточить внимание Утида на проблемах Китая, указывая, что сотрудничество с Россией укрепит позиции Японии на материке. «Связным» между Гото, МИД и премьером стал дипломат Того Сигэнори. В мемуарах, написанных четверть века спустя в тюрьме Сугамо, где Того находился как «военный преступник категории А», успев до того дважды побывать министром иностранных дел, есть интересующие нас подробности. По мнению премьера, «министерству иностранных дел следовало приложить усилия в интересах успешного исхода переговоров между Гото и Иоффе. Он поручил мне передать его пожелания министру иностранных дел Утида и директору Бюро Мацудайра. Ни премьер Като, ни виконт Гото не придавали большого значения коммунистической деятельности, а заботились главным образом об урегулировании взаимных интересов на Дальнем Востоке. В этом смысле их мнение отличалось от мнения министерства иностранных дел, общая политика которого в отношении России содержала в себе и идеологический элемент. Более того, со временем между министерством иностранных дел, с одной стороны, и премьером с виконтом, с другой, возникли ощутимые разногласия по вопросу о линии, адресованной Иоффе, и мне приходилось курсировать в этом треугольнике в целях урегулирования взаимных отношений» (34).

¹ Поясняя в телеграмме Карахану 9 мая, кто такой Миякэ, каких взглядов придерживается и каким влиянием обладает, Иоффе сравнил его с К.П. Победоносцевым.

Атлантический круг Утида–Мацудайра опасался отрицательной реакции США и Англии. Иной позиции придерживались группа, идеологом которой выступил Каваками. Возглавлявшаяся им миссия в Варшаве была одним из немногих «окошек», через которые шли контакты с Советской Россией, в том числе при его преемнике Сато Наотакэ. В 1906 г. Сато открывал миссию в Петрограде после войны, в 1925 г., как поверенный в делах, посольство в Москве, а в августе 1945 г., уже в качестве посла, принимал из рук Молотова ноту об объявлении войны. Идею официального признания Советского Союза поддержал вице-министр Танака Токити, позднее ставший первым японским послом в СССР. 1 февраля 1923 г. Каваками направил Утида послание, в котором настаивал на возобновлении переговоров с Москвой. Не найдя поддержки в министерстве, посланник начал публично критиковать действия начальства и выразил желание встретиться с Иоффе, на что последовал немедленный запрет со стороны министра. Впрочем, имевшийся у Каваками опыт пригодился – на следующей стадии переговоров с Иоффе официальным представителем был назначен именно он.

В поддержку нормализации отношений с «красными» высказались военно-морские круги. 23 февраля 1923 г. морской вице-министр Идэ Кэндзи направил своему «визави» во внешнеполитическом ведомстве Танака конфиденциальное письмо о необходимости «отказаться от удовлетворения мелких эгоистических желаний», «предпринять шаги для сближения с Россией» и даже «проявить великодушие» к ней. Причины ясны. Во-первых, флот нуждался в сахалинской нефти, в нефтяной базе на случай войны с США, понимая, что оккупация северной части острова – явление временное. Во-вторых, военным морякам, несмотря на заявления Утида, вовсе не хотелось защищать «свободный лов» в советских водах, что, как мягко написал Идэ, «может явиться омрачающим обстоятельством для дружбы между Россией и Японией». Иными словами, когда Россия станет сильной, она припомнит Японии всё, и та рискует остаться и без нефти, и без рыбы. Премьер Като, адмирал и бывший морской министр, не только прислушивался к голосам товарищей по оружию, но и разделял их взгляды. Поэтому он поддерживал усилия Гото, не-

взирая на оппозицию и даже открытое противодействие влиятельных членов собственного кабинета (35).

Несмотря на старания Гото, Иоффе чувствовал себя как в вакууме, потому что привык действовать. Полицейская «опека» максимально затрудняла контакты с внешним миром. Доступная информация, в отсутствие права отправлять и получать шифровки, ограничивалась местными англоязычными газетами, которые не отличались информированностью и не раз осложняли жизнь гостя. В сочетании с физическими страданиями это держало его в постоянном раздражении. 7 марта Иоффе начал письмо к Гото с жалоб на то, что в Японии, если судить по газетам, «существует большое недоразумение в понимании российской дальневосточной политики», а именно «будто бы в России по вопросам внешней политики вообще и по отношению к Японии в частности в правящих кругах имеется несколько точек зрения». В качестве примера он сослался на интервью Каваками, который сказал, что «хотя влияние и значение Иоффе в России огромны, но ему же (Каваками – *В.М.*) в разговорах с российскими государственными деятелями давали понять, что политика Иоффе на Чанчунской Конференции не встречала одобрения». «В то же время, – продолжал Иоффе, – одна из японских газет прямо заявляет, что вопрос русско-японских взаимоотношений и так называемой третьей (после Дайрена и Чанчуня – *В.М.*) русско-японской Конференции – есть вопрос *личный*, т. е. зависит от того, с какими лицами Японское Правительство будет иметь дело, и многие японские газеты сообщают мнение Японского Министерства Иностранных Дел, будто в России в области внешней политики и по отношению к Японии существует течение, возглавляемое гг. Красиным и Караханом, которое гораздо более уступчиво, нежели течение, представляемое мною. По некоторым намекам газет можно также понять, что предположение, будто с этим именем более уступчивым течением можно заключить исключительно торговый договор и притом, не затрагивая вопроса об оккупации японскими войсками российской части о. Сахалина». Иными словами, часть аналитиков и журналистов сочла выбор Иоффе в качестве партнера по переговорам неудачным и невыгодным для Японии.

Разъяснением о том, что «никаких разногласий у нас внутри группы, занимающейся дипломатической работой, не существует и существовать не может», можно пренебречь. Разногласия были, но Карахан, как уже в следующем 1924 г. покажут его переговоры с японским посланником в Пекине Ёсидзава Кэнкити, оказался ничуть не «мягче». Нарком внешней торговли Леонид Красин занимался в основном экономическими вопросами и к принятию политических решений допущен не был. Иоффе решительно напоминал: «Когда я от имени РСФСР вёл переговоры в Чанчуне, я находился в самом тесном контакте с моим правительством и по поводу каждого серьёзного вопроса сносился с последним. Каждый серьёзный вопрос обсуждался всем Правительством в целом, точно так же, как и мнение Делегации по этому вопросу, причём голос заинтересованного в этом вопросе Ведомства всегда имел особенно важное значение». Это ещё один явный намек на необходимость немедленного предоставления ему прав на дипкурьеров и шифропереписку. Решить данный вопрос было не в компетенции Гото, поэтому виконт уверил гостя, что его принимают как полноправного представителя советского правительства и что он, Гото, сделает всё возможное для облегчения его миссии.

Камнем преткновения стал вопрос о признании СССР. Подводя в печати итоги переговоров, Иоффе писал: «Япония не только в Дайрене, но и в Чанчуне совершенно не представляла себе, что Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика действительно является великой державой и требует подобающего к себе отношения» (36). В первом послании к Гото, 7 марта, он писал: «В Чанчуне японская делегация разговаривала с нами языком победителя с побежденными, абсолютно игнорируя российские интересы и выдвигая только свои, благодаря чему Чанчунские переговоры были даже тягостнее Брестских, ибо в Бресте немцы, ставя свои захватнические ультиматумы, всё же облакали их в приличную форму взаимности... Россия ни в коем случае не считает себя побежденной страной и, наоборот, полагает, что из мировой капиталистической интервенции против неё Россия вышла победительницей... Японское Правительство продолжало проводить свою резко враждебную политику по отношению к России, совершенно игнорируя её и, по-видимому, более

всего заботясь о том, чтобы никто не заподозрил Японию в готовности признать Россию и проявить по отношению к ней хотя бы примитивную вежливость... Когда я вдумываюсь теперь в поведение Японского Правительства по отношению к России, то мне кажется, что Японское Правительство продолжает оставаться на своей Чанчунской позиции полного игнорирования России как суверенной великой Державы... Эти действия вызывают в русском народе лишь чувства глубочайшей обиды и оскорбления, что на десятки лет вперёд делает невозможным какое бы то ни было соглашение между обоими народами».

В том же письме излагались условия продолжения контактов:

«1. Признание за Россией полного равноправия с Японией, как в процессе переговоров, т. е. в предъявлении претензий другой стороной, так и в самом договоре, т. е. в соответственном редактировании и изложении самих статей соглашения. 2. Готовность вести переговоры не только о торговом договоре, но и о полном, до возобновления нормальных дипломатических отношений включительно, так как на этот счёт имеется обязательное постановление Верховного Органа Российской Республики (ВЦИК – В.М.)... 3. Фиксирование приемлемого срока эвакуации японскими войсками северной части Сахалина. Так как на этом именно произошел разрыв Чанчунской конференции, то совершенно ясно, что это условие является непременным условием». Советский дипломат напоминал, что Москва «готова пойти навстречу японским экономическим интересам также и по отношению Сахалина другим путём, без насилия с Японской стороны», и соглашался, хотя и с видимой неохотой, обсуждать «Николаевский инцидент».

Переговоры по конкретным вопросам начались 29–30 марта. Гото приехал в Атами, чтобы передать гостю ответ правительства: оно соглашалось признать СССР де-юре и де-факто на условиях компенсации за «Николаевский инцидент» и «выполнения международных обязательств», имея в виду уплату долгов царского и Временного правительств, а также пыталось оговорить «специальные интересы» Японии на Сахалине (37). Жесткую позицию по вопросу о долгах Иоффе мотивировал ещё в письме от 7 марта, сославшись на прецедент Генуэзской конференции: «Когда в Генуе наши противники требовали от нас возмещения

убытков, мы принципиально принимали это требование под условием признания наших контр-претензий». А чтобы ситуация не казалась тупиковой, подкинул компромиссный вариант – «договоры типа Рапалльского»: «Я лично полагаю, что Рапалльское решение дипломатически должно быть признано самым благоразумным, ибо взаимоотношения между народами не кончаются, а начинаются заключением договора, и если из-за незначительных меркантильных выгод обе стороны начинают ворошить ужасы уже пережитой и частью позабытой войны, то это вряд ли способствует налаживанию дружественных отношений между соответствующими народами». Позиции сторон определились, разногласия наметились, а подвижек пока не наступало.

Нормализация отношений с СССР была, безусловно, выгодна Японии, но не так, как веймарской Германии, поэтому в Токио «рапалльский» аргумент звучал менее убедительно. Правительство начинало действовать только после резких шагов другой стороны, которые делал, конечно же, не больной Иоффе, а власти на местах. Сначала японским рыбопромышленникам и торговцам был запрещен безвизовый въезд на советскую территорию. Затем японский консул во Владивостоке Ватанабэ Риэ получил предупреждение, что, если через три месяца он не получит официальной аккредитации в СССР, ему придется покинуть страну. Получить аккредитацию в непризнанном государстве было, мягко говоря, затруднительно, поэтому японцы предложили заменить консулов коммерческими агентами с аналогичными правами и обязанностями, включая шифропереписку и диппочту. «Агенты должны воздерживаться от всякой прямой и косвенной политической пропаганды в той стране, в которой они находятся, – излагало японский план сообщение НКВД от 29 апреля 1923 г. – В случае нарушения этого условия каждое из договаривающихся государств имеет право потребовать от другого их отозвания. Каждое правительство имеет право отказать в разрешении на въезд в качестве агента лицу, персонально нежелательному» (38). Считая восстановление отношений де-факто недостаточным, Карахан ответил, что к обсуждению вопроса можно приступить лишь тогда, когда Иоффе получит возможность пользоваться шифром (39). Чтобы ускорить решение вопроса, японское кон-

сульство во Владивостоке было лишено права на шифропереписку, а протесты консула были просто проигнорированы.

10 апреля Гото представил премьеру меморандум с тремя конкретными вопросами. Целесообразно ли продолжать неофициальные переговоры? Не следует ли дать гостю разрешение на пользование шифроперепиской, чтобы узнать советскую позицию (Иоффе ссылался на невозможность получать из Москвы секретную информацию)? Не приложить ли усилия к тому, чтобы Иоффе вернулся в Москву, а не в Пекин? В Архиве МИД Японии сохранился набросок ответа на эти вопросы. Первое: провести предварительный обмен мнениями за одну-две встречи, и пусть Иоффе уезжает. Второе: официальные переговоры проводить не в Японии, а в Пекине, Владивостоке или другом месте (видимо, чтобы избавиться от воздействия общественного мнения – как просоветского, так и антисоветского). Третье: шифропереписку не разрешать, за исключением отдельных, особо важных случаев. Например, когда надо будет посоветоваться с Москвой относительно цены за северный Сахалин (40).

20 апреля кабинет, наконец, разрешил советскому дипломату пользование шифром. Иоффе немедленно приступил к консультациям с Москвой и Пекином, где «на хозяйстве» остался Яков Давтян, постоянно контактировавший с Наркоминделом. Японцы прилежно копировали все исходящие шифротелеграммы, которые сохранились в архиве МИД, но так и остались для непосвященных, включая автора этих строк, просто группами цифр.

24 апреля состоялась ещё одна беседа между Гото и Иоффе, не принеся ничего нового, кроме окончательного подтверждения сторонами прежних требований – и обоюдного желания продолжать переговоры. Гото решил идти до конца, исходя из того, что чётко определённая позиция является пусть недостаточным, но необходимым условием взаимопонимания и успешного диалога. На следующий день он подал в отставку с поста мэра Токио и объявил, что отныне сосредоточится исключительно на японско-советских переговорах, которые продолжались в довольно двусмысленном статусе: неофициально, но от имени и по поручению правительства (41).

Встреча 6 мая высветила те же проблемы: с одной стороны – требования возмещения убытков, с другой – ссылки на Геную

и Рапалло. Иоффе сообщил, что советское правительство готово к началу официальных переговоров, которые он уполномочен вести, и к рассмотрению «николаевского» и «сахалинского» вопросов. По первому вопросу он, с санкции Москвы, предложил принцип «взаимозачета»: публичные сожаления обеих сторон, ибо японцам тоже было за что извиняться, и взаимный отказ от претензий и возмещения убытков. Относительно северного Сахалина впервые были сказаны, а затем 10 мая зафиксированы в большом письме к Гото слова о возможности его продажи за «очень высокую сумму», конкретно за один миллиард золотых рублей наличными. По тогдашнему курсу золотой рубль был примерно равен иене, так что названная сумма в десять раз превышала ту, которую ранее предлагали Гото и Каваками. Обосновав экономическую и военную необходимость этой территории для России, а также беспочвенность любых японских претензий на неё, Иоффе сделал вывод: «Раз нет никаких других оправданий продажи Сахалина, то оправданием должна быть полученная за него *сумма*». Если соглашение о продаже достигнуто не будет, предлагалось концессионное освоение острова смешанной российско-японской компанией, а не одними японцами (42).

В литературе советского времени не найти упоминаний о предложении продать северный Сахалин даже как о хитром тактическом маневре. 3 мая 1923 г. Политбюро постановило, что «не возражает против дальнейшего ведения переговоров в направлении продажи о. Сахалин, причём сумму в миллиард считать *минимальной* (выделено мной – *В.М.*)». Однако продажа не была для Москвы самоцелью. «Не возражая против дальнейшего ведения переговоров», Политбюро в тот же день создало комиссию «для определения экономической и стратегической ценности о. Сахалин» под председательством Чичерина и с участием наркома финансов Григория Сокольников, председателя Госплана Глеба Кржижановского и его будущего преемника Валериана Куйбышева. К концу июня комиссия детально рассмотрела вопрос и пришла к выводу о целесообразности не продажи острова японцам (тем более стало ясно, что миллиард за него не дадут), но предоставления им нефтяных, угольных и лесных концессий на долгий срок – в зависимости от урегулирования политических

отношений. Выводы комиссии были приняты Политбюро и сообщены Иоффе в Токио (43).

Информация о возможной продаже Сахалина быстро просочилась наружу. Эмиграция начала трубить, что большевики торгуют русскими землями – конечно, не без намеков на национальность Иоффе – и готовы на всё ради признания своего режима. «Если коммунистическое правительство принесло и приносит столько жертв во имя удержания своей власти, то оно не остановилось бы перед отдачей северной части Сахалина, если бы этой ценой можно было бы купить у японцев признание, – заявлял А. Гутман в 1924 г., когда в Пекине уже шли официальные переговоры о нормализации отношений. – ...Сахалин был только “крапленой картой” в тёмной игре советского правительства на Дальнем Востоке. Иоффе имел определённые инструкции Чичерина: “Дайте жёлтым Сахалин, если они нас признают”. Конечно, непосредственно продать Сахалин японцам казалось неудобным даже для коммунистов. Слишком груба была бы эта работа. В Москве решили прибегнуть к обычному концессионному блефу, который должен был заменить продажный акт» (44). Подобно большинству эмигрантов, Гутман исходил из того, что большевистский режим непрочен, что кремлёвские «калифы на час» могут улучшить своё положение только за счёт международного признания и очень торопятся это сделать. На самом деле, именно тогда, после окончательного разгрома «белых», эвакуации всех иностранных войск и создания СССР, режим укрепился и, наконец, почувствовал свою силу. Если бы Москва хотела добиться от Японии признания *любой ценой*, она могла бы получить его если не в Дайрене, то в Чанчуне.

Предложение Иоффе о миллиарде золотых рублей (причём с оговоркой, что это его личное мнение – дескать, правительство может запросить и больше) не было простой уступкой. Скорее, наоборот. С одной стороны, оно демонстрировало «готовность пойти навстречу», было «конкретным» и «деловым». С другой, в случае отказа Японии становилось ясно, кто саботирует процесс нормализации. Допустим, продали. Что дальше? Запрошенная Иоффе сумма – у нас нет достоверных сведений, что большевики собирались понижать планку, – легла бы на японский бюджет не-

посильным бременем. Чтобы правильно оценить масштаб суммы в миллиард иен, приведу несколько фактов. Золотой запас Японии в 1919 г., после очень удачной для неё в экономическом отношении Первой мировой войны, составлял 2 миллиарда иен (к началу войны 350 миллионов). В 1920 г. японские инвестиции за границей достигли 2,2 миллиардов иен. Даже в 1926/27 г. японские капиталовложения в Китае, связанные, прежде всего, с ЮМЖД, оценивались приблизительно в 450–500 миллионов иен, т. е. минимум в половину того, что запрашивал Иоффе. Сделка на советских условиях была невыгодной для Токио даже с поправкой на то, что к освоению северного Сахалина правительство усиленно привлекало частный капитал (45). Помимо продажной цены пришлось бы вложить ещё очень много денег – возможно, не меньше. Советский Союз же получал – сразу, и наличными – внушительную сумму за отказ от территории, которую не контролировал и не мог забрать у японцев силой. Другой вопрос, на что пошли бы эти деньги – на тракторы, электростанции, пушки, меха «кремлевских жён», листовки или мировую революцию...

На требование о «соблюдении международных обязательств» Иоффе в который раз ответил, что о признании долгов не может быть и речи, что прежние договоры заключены совсем другой властью и до войны между Советской Россией и Японией (которую, правда, никто никому официально не объявлял), а потому не имеют силы. Но... при общем благоприятном ходе переговоров можно вернуться к положениям Портсмутского мира и связанных с ним соглашений, прежде всего по рыболовному вопросу. Японцы, конечно, стремились к сохранению полученных в ходе гражданской войны прав и привилегий, но были готовы на вариант «не хуже» портсмутского, тем более что на Дальнем Востоке советская власть уже начала наводить порядок, положив конец «свободному лову». Практически мыслящие рыбопромышленники решили, что лучше договориться, и 21 мая рыболовное соглашение было заключено. Японская сторона обязалась уплатить свыше 3 миллионов иен (из них чуть больше половины – немедленно) в качестве арендной платы за 1920–1921 гг. и за миллион с небольшим золотых рублей получила в аренду 255 (из 511) рыбо-

ловных и 14 (из 47) краболовных участков. «Соглашение явилось победой советской дипломатии. Японцы вынуждены были отказаться от своих планов продолжать бесконтрольный лов в советских территориальных водах, тем самым признав суверенитет СССР над ними» (46). Забегая вперёд, скажу, что это был единственный конкретный результат миссии Иоффе и первый шаг к юридически регулируемым отношениям между странами, пусть даже в пределах одной отрасли и одного региона.

Соглашение несколько подбодрило Гото, начавшего падать духом. Кроме того, советскую позицию укрепляло общественное мнение Японии. Журналисты не оставляли больного Иоффе в покое, и он старался не отказывать им, зная силу печатного слова и умело использованной гласности. Постоянно проходили дружественные манифестации и собрания, но тут советский гость был вынужден отказываться от приглашений, поскольку почти не вставал с постели. В телеграмме Карахану от 9 мая Иоффе особо отметил такой факт: на одном из митингов с речью о необходимости признания Советской России выступил японец, сын которого погиб в Николаевске (47). Даже Утида помягчал, хотя Иоффе не уставал жаловаться на недружелюбное отношение и obstructивную позицию МИД.

10 мая правительство, наконец, рассмотрело советские условия, но не торопилось с ответом – не столько по злой воле, сколько из-за отсутствия единого мнения. Этот момент Гото постарался разъяснить гостю на очередной встрече. В большой телеграмме в Москву 5 июня Иоффе перечислил шесть причин, по которым кабинет никак не может принять решение о переговорах – будь то их продолжение или прекращение: 1) необходимость всё тщательнейшим образом обсудить во всех инстанциях и разобрать по пунктам; 2) персональные интриги внутри МИД и за его пределами; 3) разная степень информированности членов кабинета и понимания ими проблем японско-советских отношений; 4) непривычная для японских «сильных мира сего» открытость переговоров, когда каждая их стадия проходит на глазах прессы; 5) большая вероятность негативной реакции «великих держав» на признание Советской России де-юре; 6) слабая политическая база бюрократического правительства Като, не пользующегося поддержкой парламента (48).

Похоже, японским министрам больше всего хотелось, чтобы проблема переговоров «рассосалась» сама собой, однако она никак не «рассасывалась». Тогда премьер Като придумал нечто не имевшее аналогов в мировой практике: рассматривать переговоры как «официальные неофициальные», а все предыдущие – забыть. То есть вести их будут официальные уполномоченные двух правительств, но характер переговоров не налагает на них никаких обязательств. 8 июня Гото сообщил об этом Иоффе. Даже судя по сухой записи беседы, советский дипломат удивился, но отвергать предложение не стал (49). Москва согласилась и, после официального запроса Утида, 16 июня назначила Иоффе своим представителем. 21 июня его партнером был объявлен Каваками.

28 июня, после банкета, на котором присутствовало более 600 человек, дипломаты приступили к работе. Переговоры шли в гостиничном номере советского представителя, поскольку он почти не мог передвигаться (50). Абрикосов раздраженно заметил: «Поведение Иоффе по отношению к японцам было оскорбительным. Он объявил себя больным и принимал представителей МИД лежа в постели. Он даже сфотографировался в такой позе, а японцы скромно сидели перед толстым евреем в ночной рубашке, развалившимся в постели. Все прежние русские дипломаты должны были переворачиваться в гробу» (51). Комментарии излишни, тем более что Иоффе был сфотографирован отнюдь не в «ночной рубашке».

Формальное участие Гото в переговорах закончилось. Не пожалел ли он, что ушел с поста мэра? До официальной части Утида его не допустил, стремясь полностью контролировать процесс. Виконт и сам не желал действовать под контролем МИД, дорожа свободой политического маневра, но контактов с Иоффе не прекращал (52). Статус переговоров формально повысился: это были уже не дружеские беседы, но обмен мнениями между официальными лицами. Однако по положению и авторитету Каваками, несмотря на знание России, уступал Гото. В разговоре с виконтом Иоффе отметил это, намекнув, что Москва может быть недовольна понижением *фактического* статуса переговоров и расценить это как отсутствие у партнера искреннего стремления к их успешному завершению.

Новые «официальные неофициальные»¹ напоминали сказку про белого бычка (53). Японцы давали за северный Сахалин «порядка 150 миллионов иен» (Иоффе подтвердил прежнюю цифру «миллиард») плюс аннулирование военных долгов, продолжая требовать признания ответственности и компенсации за «Николаевский инцидент». Москва выставила в качестве предварительных условий начала официальных переговоров признание де-юре и эвакуацию северного Сахалина. Не отвергая японских предложений с ходу, Иоффе начал торговаться по каждому пункту, благо японцы сами применяли подобную тактику. Двенадцать встреч не дали никаких результатов. 16 июля Политбюро решило отозвать его в Москву, предварительно затребовав от японцев «точную формулировку их требований» (54). 26 июля Иоффе послал Каваками резюме их бесед, заявив, что неофициальные переговоры показали свою бесперспективность. На очередном заседании пять дней спустя Каваками попытался затеять дискуссию по поводу деталей полученного документа и даже подготовил контррезюме, но было поздно.

24 октября Карахан, новый советский полпред в Пекине, заявил японским журналистам: «31 июля состоялось последнее заседание неофициальных переговоров, где, констатируя их окончание, г. Иоффе настойчиво, но безуспешно пытался получить ответ официального японского делегата на вопрос согласно ли Японское правительство начать официальные переговоры. Г-н Каваками, к сожалению, заявил, что он сам не может ответить и запросит своё правительство. 3 августа, отвечая на письмо г. Иоффе от 26 июля, г. Каваками, констатируя окончание неофициальных переговоров, обошел молчанием наше предложение открыть официальную конференцию» (55). В день последней встречи с Каваками советский делегат сообщил Гото: «Теперь я говорю, что хватит, что неофициальная конференция более не нужна. Мы можем говорить иными путями», добавив «я навсегда остаюсь другом Японии» (56), – и стал собираться домой. Японские чи-

¹ В одном из японских документов на русском языке они назывались «неофициальные предварительные переговоры, имеющие целью открытие Японо-Русской конференции».

новники вздохнули с облегчением: им не пришлось брать на себя ответственность ни за признание «красной России», ни за прекращение переговоров.

10 августа Гото написал Иоффе письмо, исполненное не только дипломатических любезностей, но искреннего уважения и сочувствия. Полагая, что послание будет прочитано всем большевистским руководством, виконт придал ему программный характер, подводя итоги сделанному и намечая план на будущее:

«Я решил твёрдо преследовать цель устранить недоразумения, существующие между нашими двумя народами, и вообще плохое взаимное понимание людей во всём мире, покончить с вредными последствиями противоестественно навязанной культуры (материалистической европейской – *В.М.*) и таким образом продвинуть вперёд общее благо человечества на пути общности жизненных интересов всех народов...

Когда Вы к нам приехали, у меня было две цели и одна надежда, а именно:

1. Дать понять России, насколько недействительна и бесполезна русская коммунистическая пропаганда, в Японии же рассеять страх перед красной опасностью и таким образом положить основания для дружественных взаимоотношений.

2. Здоровое взаимное понимание между обоими народами есть краеугольный камень обоюдного благополучия обоих народов. Если же на этот раз будет достигнуто это взаимное понимание, то оно послужит началом того здорового и полного понимания, о котором я говорю.

Первые два из вышеупомянутых пунктов составляют мои цели, которые достигнуты в отношении обоих народов. Третий же пункт составлял мою надежду; теперь это стало уже не только надеждой нас двух, частных граждан, оставаясь таковой и поныне, но этот вопрос уже настолько подвинулся, что оба правительства всячески старались осуществить эту надежду, – чем мы были весьма осчастливлены. И вот в настоящее время вопрос этот вышел из области частного обмена мнениями и передан на обсуждение правительственных чиновников – что, само собою разумеется, отнюдь не исключает возможность дальнейшего обсуждения его также и частными гражданами. Вы же, однако, взяли на себя тя-

желую задачу, которую Вы выполняете и как влиятельный гражданин, и в то же время как правительственный чиновник: Ваша роль, таким образом, стала иная, чем моя. Мы твёрдо убеждены в том, что каждый должен признать, что мы сделали всё что могли как истые патриоты для блага наших стран).

Зная, чем закончились переговоры, можно счесть письмо излишне оптимистическим. Возможно, Гото сам понимал это, но хотел уверить собеседников, что прогресс не только возможен и достигим, но уже начался. А также готовил их к благожелательному восприятию своих мыслей о будущем:

«Мир на Востоке Азии есть основа мира всего мира, к которому мы должны стремиться всеми силами. Иного пути ныне найти нельзя, кроме как положить краеугольный камень мира на Востоке Азии путём объединённых усилий японского и русского народа. Всему миру известно, что между Японией и Россией существуют особые отношения и что вообще наши взаимоотношения являются естественным последствием нашего обоюдного положения. Было бы преступлением с нашей стороны, если мы бы ничего не сделали для создания дружественных отношений.

Также и Китай, *при стабилизации правительства* (выделено мной – *В.М.*), служил бы в ближайшем будущем опорой для этого краеугольного камня мира Восточной Азии. Ещё совсем недавно Америка много способствовала сохранению мира в Восточной Азии, так что, по всей вероятности, и Америка не откажет в поддержке нашей мирной программе. Многолетние и крупные успехи англичан в Восточной Азии играют громадную роль в вопросах благосостояния и, наоборот, ухудшения положения Англии, и поэтому и Англия не откажется внести свою долю в дело сохранения мира на Востоке Азии» (57).

С отъезжавшим Иоффе Гото передал послание Чичерину:

«Я всегда глубоко сожалел, ради собственных интересов самих мировых держав, о том, что после мировой войны эти державы решились во время мирных переговоров стать на точку зрения исключения России из мировой семьи народов и игнорирования её. С другой стороны, должен откровенно сказать, что я сожалел также и о русской позиции по отношению к остальному миру, так как занятая Россией позиция давала повод думать, что Россия пы-

талась добиться мирового владычества путём пропаганды коммунизма, и что державы видели в этом угрозу своему положению.

В Японии также есть элементы, которые из чувства любви к родине боятся пропаганды русского коммунизма. Однако я могу испытывать лишь чувство жалости к таким людям, которые недостаточно уверены в себе. Действительно, такие люди забывают о собственной исторической традиции и страдают убожеством мысли в вопросах самоуправления и самозащиты. Кроме того, мы видим, что со времени русской революции прошло уже пять лет, и Россия под давлением крайних затруднений, возникших благодаря введению практического коммунизма, вводит сейчас кроме экономической политики реформы в разных областях.

В настоящее время общепризнано, что в будущем Россия будет всё более прогрессировать на пути “выравнивания” и “гармоничности”, и таким образом не остается более никаких сомнений в том, что недоразумения между обоими народами будут постепенно устранены и что будут найдены пути и средства способствовать развитию общих жизненных интересов и благополучия обоих народов – благодаря чему будут уничтожены нынешние, с точки зрения исторической и географической неестественные условия жизни обоих народов и всякие затруднения...

Взаимоотношения между Японией и Россией действительно весьма отличаются от отношений между Россией, с одной стороны, и Англией, Америкой и другими государствами, с другой. Сейчас пришло время, когда уже не только образованные круги, но также и широкие слои населения вполне осознали и придерживаются взглядов, что добрые взаимоотношения между Японией и Россией не только служат счастьем обоих народов, но также способствуют стабилизации соседнего государства – Китая и его культурному существованию; они служат также основой мира на Востоке Азии и, наконец, дальнейшим последствием этих добрых взаимоотношений должно быть то, что вместе с Америкой они способствуют установлению мира на Тихом океане и тем самым во всём мире.

Так как, с одной стороны, внешняя политика какого-либо государства не должна более вестись по линии разрешения интересов и удовлетворения корыстных замыслов одних только прави-

тельств и так как прошло то время, когда народные интересы отодвигались на второй план, так как далее Япония и Россия, как вышеуказано, находятся в особых взаимоотношениях между собой – я считаю неприемлемой такую политику, которая при установлении международных дружественных отношений лишь склонна следовать по пятам Англии и Америки.

Более того: обоим (нашим – *В.М.*) государствам следовало бы взять на себя инициативу и стать примером для прочих держав. Я надеюсь, что Вы вполне понимаете, какое создалось вновь положение для японского народа. Я имею в виду не только то обстоятельство, что в связи с антияпонским движением в Америке, в Африке, на островах Южного моря и в других английских колониях получение доступа к экономическим источникам новой России, которые, на основании принципа общности жизненных интересов обоих народов, могли бы помочь Японии; я хочу ещё более выразить своё убеждение, что объединенная сила обоих народов могла бы восполнить недостатки и ошибки Версальской, Вашингтонской и прочих международных конференций.

Больше всего я желаю, чтобы наши дружественные взаимоотношения послужили основой для благополучия всего человечества. Именно японцы и русские должны питать полную уверенность в том, что они могут объединить Восточную и Западную культуру и тем самым устранить существовавшее до сих пор затруднение в жизни народов» (58).

Того Сигэнори на склоне лет сделал вывод: «Хотя переговоры Гото–Иоффе, ввиду неприемлемости некоторых выводов обеих сторон, и не дали каких-либо немедленных результатов, они создали благоприятную атмосферу для дальнейших обсуждений и таким образом проложили путь к пекинским переговорам. Поэтому усилия виконта Гото заслуживают высокой оценки. Его политика сотрудничества с русскими в целях решения наших проблем с Китаем и Америкой выгодно отличалась от более поздней политики президента Рузвельта в отношении Японии и России» (59).

Глава девятая

ЛЕВ КАРАХАН ПРОТИВ «БАЛЛАСТА СТАРЫХ ПРЕДРАССУДКОВ»

Пока Гото ждал ответа из Москвы, в Японии произошли важные и трагические события. 24 августа 1923 г. премьер-министр Като Томосабуро умер от туберкулеза. Правительство временно возглавил министр иностранных дел Утида Косай, но 2 сентября новый кабинет сформировали уже без него. Премьером стал адмирал Ямамото Гоннохё, десять лет назад сменивший Кацура у кормила государственного корабля, министром иностранных дел – бывший посланник в Китае Идзюин Хикокити. Ключевой пост министра внутренних дел – для обеспечения сотрудничества с парламентским большинством – снова занял Гото. Ему предстояло заниматься преодолением последствий Великого землетрясения Канто 1 сентября и завершением переговоров с Москвой, ход которых был омрачён инцидентом с пароходом «Ленин» (подробнее в главе 11).

Масштабы катастрофы, повлекшей за собой почти полное разрушение Токио и Йокогамы, привлекли внимание и сочувствие всего мира. Великое восточнояпонское землетрясение 11 марта 2011 г. сравнивали именно с трагедией 1923 г., что вызвало новый всплеск интереса к личности и деятельности Гото как ключевой фигуры первого этапа восстановления (1). «Японии землетрясением нанесён действительно сильный удар, – суммировал Карахан в письме Чичерину из Пекина 13 октября, – необходимы многие годы, прежде чем Япония восстановит своё положение... Прежде всего, разрушена внешняя торговля Японии... Чтобы восстановить своё положение в этом отношении, предстоит большая, продолжительная работа. Но главный удар землетрясе-

ние нанесло японским финансам... В связи с восстановлением, японский ввоз (импорт – *В.М.*) должен будет очень сильно увеличиться» (2). Советские дипломаты не строили иллюзий, что экономические трудности сделают Токио более податливым на переговорах с Москвой, но призывали учитывать все перечисленные факторы.

7 октября Карахан обратился к Гото с пространным «личным» письмом, чтобы «поделиться некоторыми мыслями по поводу дела, одинаково дорогого Вам и мне» (3). Ответа из Москвы виконт ещё не получил, но полпред упомянул о его августовском письме Чичерину и фактически ответил на него, пояснив: «Хотя я не имею чести быть лично с Вами знакомым, но пишу Вам как старому знакомому, ибо от своих друзей и из Ваших писем к ним и к г. Чичерину я знаю Вашу оценку мирового положения». Одним из «друзей» был Мори Кодзо, доверенное лицо и секретарь Гото, который курсировал между Токио и Пекином и неоднократно встречался с Караханом (4). Послание (копия которого была, разумеется, отослана в Москву) должно было показать, кто теперь будет вести переговоры с Японией, кто будет новым полномочным представителем страны Советов.

Оно начиналось с комплиментов: «Русско-японская проблема, которой Вы уделили столько ценного внимания и сил, требует новых усилий со стороны всех, кто видит в дружбе двух наших народов залог мира, порядка и процветания на Дальнем Востоке и на Тихом океане вообще». Далее речь шла о землетрясении, руководство ликвидацией последствий которого легло на плечи Гото и его ведомства: «Великое несчастье, постигшее японский народ, естественно, должно было отодвинуть на некоторое время русско-японскую проблему. Все помыслы Японии в дни бедствия были сосредоточены на деле помощи десяткам тысяч пострадавших, а затем со стойкостью, которая может быть справедливой гордостью японского народа, все усилия и заботы как народа, так и правительства направились на изыскание мер, могущих залечить раны и восстановить положение, нарушенное небывалым землетрясением. В эти дни скорби японского народа я рад засвидетельствовать, что правительство и народ наших республик были на высоте долга и, охваченные глубокой печалью и сочувстви-

ем к японскому народу, откликнулись широкой массовой помощью и сборами в пользу пострадавших... Я хотел бы особенно подчеркнуть, что отклик на бедствие в нашей стране не носил казенного характера, а охватил весь народ, каждого гражданина, и в этом я хотел бы видеть не только сердобольное чувство, но более широкие братские симпатии русского народа к японскому».

За этим следовала «критическая часть» об инциденте с парходом «Ленин», который «в нашей стране грозил нанести удар благоприятному и располагающему к Японии настроению», и выводы в угрожающем тоне: «Не ошиблись ли мы, думая, что Япония искренне хочет сближения с нами... В нашей стране необходимость сближения и оформления отношений с Японией не требовала никогда доказательств, мы всегда к этому стремились. Япония, наоборот, была непримирима и, согласовывая свою политику с союзными ей державами, не шла навстречу нашим желаниям... Русско-японские отношения, несмотря на имевшие место до сих пор переговоры, в высшей степени ненормальны и требуют возможно быстрого урегулирования, если есть желание избегнуть дальнейших осложнений и неприятностей».

Разумеется, Карахан писал Гото не только для того, чтобы выставить ему список претензий, хотя от этого советская дипломатия никогда не отказывалась. Он призывал к действиям: «В настоящее время переговоры прерваны, и неизвестно, когда и при каких обстоятельствах они возобновятся, причём, как для Вас, г. виконт, так и для меня должно быть ясно, что на этот раз или переговоры не должны начинаться, или же, раз начавшись, должны иметь окончательный характер и привести к установлению нормальных отношений между обеими странами». Министр иностранных дел Идзюин, по словам полпреда, «о начале официальных переговоров высказался настолько пифически¹, что при всем моём желании понять, что он хотел сказать, у меня не осталось ясного и определённого впечатления о том, в результате какого “энергичного обследования” Япония готова будет к официальным переговорам».

¹ «Мы все окончательно запутались в ходах и контроходах японской дипломатии», – иронически писал Чичерин Карахану 6 ноября 1923 г.

Карахан напоминал адресату о значении стоящей перед ними задачи: «Интересы мира и благополучия народов требуют, чтобы пустота между нашими странами была заполнена как в интересах их самих, так и в ещё большей степени в интересах народов Тихого океана. Промедление в этом деле может дать непоправимые и неожиданные последствия». «Что же разделяет две соседние страны?» – вопрошал советский дипломат и сам отвечал: «Николаевские события по существу не вызывают разногласий, дело сводится к редакции. Вопрос о северном Сахалине также не вызывает разногласий (о продаже речь уже не идёт – *В.М.*). Единственный пункт – это вопрос о долгах и старых договорах, заключённых между царской Россией и Японией». Аргументация Москвы заслуживает цитат:

«Хотя Япония настойчиво добивается признания военных долгов и старых договоров, но едва ли нужно много доказательств в пользу того, что оба эти вопроса не имеют жизненного значения для японского народа (характерно это настойчивое обращение к “народу”, а не к стране или правительству, хотя договориваться придется с конкретным правительством, а не с абстрактным народом! – *В.М.*). Ведь Японское правительство не требует немедленной уплаты долгов, оно требует лишь их признания. Следовательно, оно заинтересовано в этом не реально, а принципиально. Между тем это то требование, из-за которого мы не сошлись со всеми державами Антанты и в Генуе, и в Гааге и на котором мы тем более не сговоримся теперь... Только тот, кто не хочет договориться с нами, может предъявлять нам требование о признании военных долгов... Что касается старых договоров, то огульное их признание также для нас неприемлемо... Многие в них сохранили своё значение и может быть признано нами сейчас, но довольно значительная часть их содержания должна быть выброшена или коренным образом изменена. Ничто не мешает Японскому правительству точно указать, что оно хочет сохранить из старого, и я уверен, что всё разумное, пригодное для новых отношений между нашими странами, не будет нами отвергнуто».

Карахан был социал-демократическим журналистом, поэтому привык выражаться пафосно и многословно даже в докладах Чи-

черину. Гото тоже любил стилистические красоты с морализаторским уклоном. Однако оба были прагматиками. Письмо содержало конкретные предложения, ради которых было написано: «Самым целесообразным решением русско-японской проблемы было бы заключение такого договора, который определяет и решает вопросы, имеющие основное жизненное значение для обоих народов... Договор, который должен быть заключён между нами и Японией, мне кажется, должен быть *типа Рапальского договора* (выделено мной – *В.М.*)... Всё старое позади, а будущее обоих народов должно строиться на новых, ясных началах, которые не носили бы на себе следов прошлых обид и ненужных расчётов... Из старых обязательств может быть взято лишь то, что сохранило подлинно жизненное значение для настоящих и будущих отношений обоих народов, и тут, если хотите, в первую очередь может быть признано старое решение рыболовного вопроса, который может быть даже в дальнейшем пересмотрен в ещё более благоприятном для японского народа духе». А незадолго до того «авторитетнейшее учреждение», как называл политбюро Чичерин, решило привлечь японцев возможностью предоставления им лесных концессий на Дальнем Востоке (5).

Карахан обронил ещё одну многозначительную фразу, полагая, что она привлечет внимание адресата: «Там, где речь идёт о жизненных интересах народа, а не о мертвых принципах, там два народа могли бы пойти значительно дальше, чем старые договоры с царской Россией». Полпред конкретизировал свою мысль, остановившись на необходимости природных ресурсов России для японской экономики и дав понять, что советское правительство готово «на основании принципа общности жизненных интересов» дать Японии доступ к этим ресурсам, прямо отвечая на слова Гото. «И сегодня (т. е. после землетрясения – *В.М.*) эта Ваша мысль, мне кажется, приобретает ещё большее значение. Я целиком присоединяюсь к ней и говорю, что мы тем охотнее пойдем вам навстречу, что наша помощь Японии естественными богатствами, которых нет в вашей стране, хоть в незначительной степени может быть полезна делу восстановления хозяйственного равновесия вашей страны и делу восстановления двух важнейших центров Японии (Токио и Иокогама – *В.М.*)».

Чтобы предупредить возможные контрмеры и саботаж в Токио, Карахан продолжал: «Нужно сбросить балласт старых предрассудков... Мёртвыми формулами о старых обязательствах пусть пользуются те страны, которые достаточно экономически самодовлеющи, чтобы не чувствовать острой необходимости дружбы с новой Россией. Но Япония, имеющая свои особые интересы (которые каждый может трактовать по-своему – *В.М.*), несравнимые по своему существенному и незаменимому значению с интересами других стран в России, должна идти своим путём... Мне кажется, Япония поступила бы правильнее, если бы искала своих самостоятельных путей, не оглядываясь на других... Несмотря на некоторые колебания японской политики, несмотря на то что, может быть, некоторые элементы, враждебные нам, приобрели временно большее значение в политике Японии, чем до сих пор (намек на премьера Ямамото и военного министра Танака? – *В.М.*), я всё-таки надеюсь, что русско-японское сближение найдет себе достаточно сильных и авторитетных сторонников и что работа, которую Вы начали с таким успехом, будет доведена до конца».

Карахан смотрел на ситуацию более оптимистически, чем Чичерин, что видно из записки наркома генеральному секретарю ЦК РКП(б) Сталину от 15 декабря, копии которой были разосланы членам Политбюро и Коллегии НКВД: «Тов. Карахан предлагает, ввиду открытия (сессии – *В.М.*) японского парламента, обратиться с официальной нотой к Японскому Правительству и запросить в ней последнее, согласно ли оно на официальную конференцию и когда именно. Тов. Карахан указывает на то, что наши предыдущие запросы об этом, переданные через т. Иоффе и через него, не были облечены в форму официальных документов. Такая постановка вопроса в упор поставит Японское Правительство перед необходимостью дать ответ, тем более что оппозиция использует этот запрос.

Мы питаем весьма мало надежд на начало переговоров с Японией, – заявил Чичерин, видимо, от своего имени, – так как после землетрясения её зависимость от великих держав чрезвычайно усилилась, и державы не позволят ей заключить с нами договор.

Брюскирование¹ в форме постановки в упор вопроса не поможет делу, ибо Японское Правительство всегда найдет возможность как-нибудь увильнуть. Мы только обнаружим этим в слишком сильной степени наше желание договориться с Японией, и это увеличит её нахальство. Между тем прежние запросы, хотя и не в форме нот, были вполне категоричны. В разговоре с японским послом (правильно: посланником – *В.М.*) в Пекине Ёсидзава 22 сентября т. Карахан прямо поставил этот же вопрос, и Ёсидзава обещал обратиться за ответом к Японскому Правительству. Но этот ответ не был получен. Не следует навязываться. Достаточно путём газетных статей и т. п. указывать на желательность возобновления переговоров» (6).

Упомянутый разговор состоялся, когда советский полпред явился в японскую миссию выразить соболезнования в связи с землетрясением. Посланник счёл это «визитом вежливости», но Карахан, общаясь 24 октября с японскими журналистами, попытался представить беседу как точку отсчёта в новом обмене мнениями. «Выражая сожаление по поводу постигшего Японию бедствия, (я) указал, что мы сожалеем вдвойне... потому что Япония, отвлеченная внутренними заботами, не может заняться русско-японскими отношениями. В дальнейшем обмене г. Ёсидзава высказал своё личное мнение, что урегулирование отношений настолько важно, что, несмотря на внутренние заботы, дело сближения с Советской республикой должно быть двинуто вперед... Я также сказал, что был бы рад узнать, считает ли своевременным Японское правительство возобновление переговоров... а также каким способом оно готово их возобновить. Г-н Ёсидзава был настолько любезен, что обещал запросить Токио и передать мне ответ Японского правительства. К сожалению, я не получил до сих пор ответа на мой вопрос... Правительство Союза готово начать официальные переговоры... Я думаю, что если дело только в формальном предложении, то Япония его от нас уже получила. Если это считается недостаточным, то есть полная возможность вступить в обмен мнений по этому поводу» (7).

¹ От: brusque – резко, грубо (фр.)

Ёсидзава был недоволен заявлением Карахана, получившим огласку в Токио. «Вся японская пресса его напечатала, обсуждала, комментировала», – сообщил полпред Чичерину 10 декабря (8). Потом этот сценарий повторялся много раз. Москва делала предложение, демонстрировавшее добрую волю, но соответствовавшее исключительно её интересам. Не желая отвергать предложение с ходу и не собираясь принимать его, Токио под предлогом «тщательного рассмотрения» тянул время, как будто ожидая, что проблема решится сама собой или потеряет актуальность. Не дождавшись ответа на протяжении нескольких месяцев, Москва оповещала о сделанном предложении весь мир, выставляя другую сторону в невыгодном свете. Той оставалось лишь срочно реагировать, что нервировало японских бюрократов, которые и сегодня предпочитают «потормозить». В переговорах с Японией большевики не раз прибегали к этому приёму, хотя не всегда добивались желаемого результата.

Скепсис наркома, выраженный в процитированной выше записке Сталину, побуждал его не торопиться с ответом на письмо Гото. Однако послание Карахана от 26 ноября призывало к более активным действиям. Полпреду пришлось признать: «Хотя общая объективная обстановка должна была бы толкать Японию к немедленному восстановлению сношений с нами и во всяком случае к немедленному открытию конференции, есть какие-то факторы, которых мы не могли прощупать, но которые всё время сдерживали Японию в отношении нас» (9). Основными внутренними факторами он считал неустойчивость кабинета Ямамото, усиление крестьянского движения и последствия землетрясения, а к внешним отнес переговоры с США о кредитах и заказах на строительные материалы для восстановления Токио и Иокогамы. Карахан обратил внимание на «специальное подчёркивание в интервью мининдела Идзюин и других японских дипломатов, что русская проблема ни в какой мере не зависит от отношений Японии с другими державами». «Вопрос об открытии конференции в такой степени назрел, – продолжал он, – в такой степени является бесспорным и объединяющим всех без исключения в Японии, что правительство не может говорить ничего другого, как что оно готово приступить и делает необходимые подготовительные рабо-

ты для того чтобы открыть конференцию... Японское правительство реагировало на это (интервью Карахана после встречи с Ёсидзава – *В.М.*) инспирированной заметкой, что послу в Пекине Ёсидзава будут даны инструкции для переговоров со мною. Но Ёсидзава никаких признаков жизни до сих пор не подает», – вынужден был признать он.

Известив Чичерина о своих контактах с Мори, Карахан напомнил: «Вы, кажется, до сих пор не ответили ничем на письмо Гото. Между тем письмо было очень любезное, очень вежливое и очень почтительное. Японцы очень щепетильны в вопросах вежливости, и хотя серьёзного делового или практического значения Ваш ответ сейчас и не может иметь, но я очень просил бы Вас написать короткий ответ Гото. Хорошо если бы Вы в своём письме упомянули бы о том, что дальнейший контакт он может поддерживать со мною и через меня, поскольку я нахожусь на Дальнем Востоке, чтобы избавить Вас от необходимости дальнейшей переписки, тем более что я с ним тоже переписываюсь».

18 декабря Чичерин, наконец, написал Гото. Не извинившись за задержку с ответом, нарком начал с обычных в дипломатической переписке комплиментов в адрес «одного из самых видных государственных деятелей великой соседней с нами страны на Дальнем Востоке» и выразил надежду на то, что «Вы, г. министр, сделаете всё возможное для быстреего возобновления наших переговоров», поскольку «при наличии доброй воли не так уж трудно уладить все спорные вопросы в отношениях между нашими странами» (10). В этом коротком письме обращают на себя внимание три момента. Во-первых, ни МИД Японии, ни министр Идзюин там вообще не упоминаются, – речь идёт только о «беседах нашего друга Карахана с вашими представителями», т. е. с Мори. Во-вторых, нарком заверил адресата, «что наше правительство строго соблюдает принцип невмешательства в чужие внутренние дела и требует такого же отношения к себе со стороны других правительств». Это можно рассматривать как гарантию – пусть на словах – воздерживаться от ведения коммунистической пропаганды в Японии, которой так опасались противники признания Советской России. В-третьих, Чичерин сделал геополитическое обобщение. «Мы ожидаем очень многого от будущих

наших отношений с Японией. Мировые интересы всё более обращаются к Тихому океану, и недалеко то время, когда тихоокеанские интересы займут господствующее положение в мире. Сибирь имеет многообещающее будущее, и тесное сотрудничество с Японией является основным условием развития наших дальневосточных областей».

В ответном послании от 30 января 1924 г. Гото подчеркнул: «Особенно полно совпадает с моими теперешними представлениями Ваше замечание о том, что течения мировой политики всё более и более приковывают внимание всего мира к Тихоокеанской области и что всеобщий мир связан теснейшим образом с миром Восточно-Азиатским. Поскольку взаимные отношения между Японией и Россией обладают в этом отношении крупным значением, я убежден в том, что государственные деятели обеих стран нравственно обязаны работать для скорейшего восстановления дружественных отношений между ними». Он счёл нужным объяснить заминку с решением о продолжении переговоров: «К сожалению, сентябрьская катастрофа повредила развитию Русско-Японского дела и даже вызвала к жизни реакционное течение; вследствие этого, а также ввиду того, что Правительство целиком ушло в разрешение вопроса о восстановлении и целого ряда других настоятельных проблем внутренней политики, начатое мною и г-ном Иоффе движение в пользу воскрешения дружественных отношений затормозилось... Но так как фактические основания обоюдных отношений никаких изменений не претерпели, то переговоры возобновятся в не столь отдаленном будущем. С другой стороны, частая смена руководящих лиц (в правительстве и МИД Японии – *В.М.*) вызвала то, что каждое из них должно сызнова знакомиться с ходом переговоров и заново изучать условия заключения договора» (11).

Ещё во время переговоров Иоффе с Каваками стороны пришли к выводу, что продолжать их лучше не в Токио и не в Москве. Пекин представлялся идеальным местом для этого и географически, и политически, так как и Россия, и Япония имели там прочные политические позиции. Партнером Карахана стал посланник Ёсидзава, но это решение было принято уже при следующем правительстве. После «инцидента у Тораномон» – покушения сту-

дента-анархиста Намба Дайсукэ на жизнь кронпринца, будущего императора Сёва, в декабре 1923 г. – кабинет Ямамото ушел в отставку, пробыв у власти всего четыре месяца. Следующим премьером стал член палаты пэров Киёура Кэйго, не пользовавшийся поддержкой парламента и партий, а потому тоже недолго продержавшийся у власти в качестве «переходной» фигуры. Гото в новый кабинет не вошёл.

Японское правительство понимало, что оттягивать если не признание СССР, то хотя бы начало переговоров уже неприлично, и... осталось верно тактике предварения официальных контактов «официальными неофициальными». Но прежде чем перейти к анализу этих переговоров, необходимо хотя бы кратко описать баланс сил и личных взаимоотношений внутри руководства Наркомата по иностранным делам в 1920-е годы.

Выработкой внешнеполитической стратегии, а во многих случаях и тактики НКВД не занимался – это было прерогативой Политбюро, «Инстанции», как его называли в служебной переписке советских дипломатов, но внутри этого высшего органа власти тоже не было единства мнений. Важные международные вопросы решались в комиссиях и исполкоме Коминтерна, куда входили многие члены Политбюро и партийные идеологи. Наркомату оставались рутинная работа и сбор информации, которой требовала «Инстанция». К мнению дипломатов, даже наркомов, советские руководители прислушивались редко: ни Чичерин, ни его преемник Литвинов не входили в Политбюро, а к моменту восстановления советско-японских отношений Чичерин не был даже членом ЦК партии. Следует учесть и то, что Чичерин, Иоффе, Карахан, а также Троцкий (предшественник Чичерина на посту наркома), несмотря на многолетнее участие в революционной борьбе, стали большевиками только в 1917 г. Не было долгого партийного стажа и у большинства дипломатов более низкого ранга, кадры которых формировались в основном из политических эмигрантов. Они долго жили за границей, знали иностранные языки и имели приличный вид, но в революционной деятельности внутри России не участвовали.

В повседневной работе от НКВД зависело многое, однако разногласия в его руководстве были существенными и принци-

альными. И нарком Чичерин, и его заместитель Литвинов долго жили в Европе как политические эмигранты, но если первый относился к ней неприязненно, то второй делал ставку на связи с державами Антанты. Чичерин гордился Рапалльским договором с Германией и дружественными отношениями с кемалистской Турцией, Персией, Афганистаном, Монголией и Китаем, считая это направление политики наиболее перспективным как для укрепления международных позиций СССР (в том числе путём ослабления влияния Великобритании), так и для возможного расширения мировой революции. Он придавал большое значение нормализации отношений с ближайшими западными соседями, странами «санитарного кордона» – Финляндией, Польшей, прибалтийскими республиками. Так в сферу внешнеполитической активности Советской России попали ключевые территории Евразии – «сердцевинная земля», в основном совпадающая с территорией бывшей Российской империи, и «опоясывающая земля», территория перечисленных государств. Япония замыкала евразийский «пояс». Странниками такой политики были Иоффе и Карахан, полпред в Берлине Николай Крестинский, член коллегии НКВД Семен Аралов, первый начальник того, что потом будет называться ГРУ. Будучи полпредом в Турции, Аралов сумел установить доверительные отношения с Кемаль-пашой, что стало крупным достижением для обеих стран. Взгляды этой группы соотносятся с евразийской ориентацией в геополитике.

По ту сторону геополитической «баррикады» находились Литвинов и его сторонники – Александра Коллонтай, Виктор Копп, Валериан Довгалевский, Иван Майский, Яков Суриц, которых в целом можно определить как атлантистов. Главным направлением советской дипломатии они считали Европу, вершившую, по их мнению, судьбы мировой политики. В отличие от «чичеринцев», они ориентировались не на Берлин, что логично вписывалось в евразийскую ориентацию, а на Париж, Лондон и Женеву. Не были тайной и германофобские настроения Литвинова, который основательно испортил советско-германские отношения в 1933 г., после прихода к власти национал-социалистов. «Литвиновцы» также были против любого участия дипломатов в революционном движении, против контактов с оппозиционными

силами за границей, против любого вмешательства во внутренние дела других стран, чего не исключали в своей практике Чичерин и Карахан.

Григорий Беседовский, служивший в 1926–1927 гг. поверенным в делах в Токио, вспоминал в 1930 г. после бегства во Францию: «По установившемся внутри Наркоминдела распределению обязанностей, Литвинов был совершенно изолирован от какого бы то ни было отношения к азиатской части работы Наркоминдела. Когда Чичерин уходил в отпуск, Политбюро передавало эту часть работы Наркоминдела члену коллегии последнего – Аралову, очень милому, но, вместе с тем, недалёкому человеку (?! – В.М.). Литвинов обижался и дулся, но в Политбюро ему резонно замечали, что ввиду его острой личной вражды к Карахану, оставление его в качестве руководителя азиатской работой Наркоминдела вызвало бы немедленно трения с пекинским полпредством, во главе которого стоял Карахан. Политбюро, повторяю, поступало резонно, так как при интриганских наклонностях Литвинова и при его неразборчивости в средствах при сведении личных счетов, неминуемо должна была начаться борьба между пекинским полпредством и Наркоминделом, в которой всякие соображения отступили бы перед одной целью: во что бы то ни стало подсадить Карахана» (12). О том же говорилось в «политическом завещании» Чичерина, написанном в 1930 г.: «Обязательное участие т. Литвинова в Политбюро по делам Запада упрочивало его роль; я проводил участие т. Карахана в Политбюро по делам Востока для ослабления исключительной роли т. Литвинова. Сам я был политически настолько бессилён, что моё выступление в Политбюро в пользу какого-нибудь мнения бывало скорее основанием для обратного решения (“нереволуционно”» (13). Не зря в наркомате посмеивались, что в день заседания Политбюро у Георгия Васильевича непременно обостряется колит... Став в 1930 г. наркомом, Литвинов оставил восточные дела Карахану (которого в 1934 г. отправил полпредом в Турцию), а затем, с введением этой должности, своим заместителем¹ по Дальнему

¹ Ранее один заместитель наркома (неофициально первый) курировал европейские и американские дела, другой (второй) – азиатские, от Ближнего до Дальнего Востока.

Востоку – бывшему наркому финансов (его даже называли «советским Витте») Григорию Сокольникову, Борису Стомонякову и Соломону Лозовскому. Все они погибли в годы террора.

Разумеется, предложенная схема не означает, что «чичеринцы» занимались только Востоком, а «литвиновцы» только Западом. Например, Владимир Потемкин, вся дипломатическая работа которого была связана с Европой (полпред в Греции, Италии, Франции, замнаркома по «Западу»), придерживался, скорее, евразийской ориентации, приложив много усилий к нормализации отношений с Третьим рейхом в конце тридцатых. На ниве советско-японских отношений успешно трудился Александр Трояновский, позднее ставший не менее успешным полпредом в Вашингтоне. Копп и Довгалецкий были полпредами в Токио, Майский – советником полпредства там же, Яков Суриц работал не только в Париже и Берлине (еврей-посол при Гитлере!), но и в Анкаре.

Сложными были и личные отношения между Чичериным и Литвиновым, Литвиновым и Караханом, Караханом и Коппом, что неизбежно накладывало отпечаток на их работу. Бывший технический секретарь Политбюро Борис Бажанов вспоминал: «Чичерин и Литвинов ненавидят друг друга ярой ненавистью. Не проходит и месяца, чтобы я (не – В.М.) получил “строго секретно, только членам Политбюро” докладной записки и от одного, и от другого. Чичерин в этих записках жалуется, что Литвинов – совершенный хам и невежда, грубое и грязное животное, допускать которое к дипломатической работе является несомненной ошибкой. Литвинов пишет, что Чичерин – педераст, идиот и маньяк, ненормальный субъект, работающий только по ночам, чем дезорганизует работу наркомата... Члены Политбюро читают эти записки, улыбаются, и дальше этого дело не идёт» (14).

По совершенно частному вопросу в ходе переговоров о заключении новой советско-японской рыболовной конвенции Чичерин 17 января 1928 г. писал Сталину: «Абсолютно неверно представление о работе т. Карахана как якобы его личной, оторванной от Комиссариата. Я с тов. Караханом нахожусь в самом тесном и постоянном общении... Это постоянное органическое общение с ним диаметрально противоположно полнейшей и абсолютной

разобщенности между мной и Литвиновым, с которым совместной работы у меня нет, никогда не было и, конечно, не будет» (15). Днем раньше он заявил Ворошилову: «Приближается момент, когда мы с Вами расстанемся, ибо мои отношения с Литвиновым дошли до белого каления, между тем Политбюро им дорожит и мне остается только просить о назначении меня на маленькую работу в провинции, *лишь бы уйти от Литвинова...* Если этот тип Вам нравится, держите его, но отпустите меня куда угодно, – в Сибирь, в Соловки, – *лишь бы уйти от Литвинова*» (16).

Если верить Беседовскому, Литвинов за глаза именовал Карахана «лакеем прихожей Политбюро» и «язвой нашей дальневосточной политики». Копп обзывал его «кавказским ишаком», а Чичерина «старым трусом и сталинским лизожопом», сетуя, что наркомат возглавлял он, а не «дорогой Максим Максимович». Чичерин, в свою очередь, инструктировал Беседовского перед отъездом в Токио: «Вам придется работать в чрезвычайно трудной обстановке... Полпред, товарищ Копп, разошелся с линией партии и линией Коминтерна в дальневосточных делах. Он затрудняет работу Карахана, саботируя соглашение с Японией, которое развязало бы нам руки в Китае. Копп будет скоро отозван, и вам придется довольно долго просидеть поверенным в делах» (17). «Я прекрасно знал о литвиновско-чичеринской склоке, – продолжал Беседовский. – Но я всё же не мог предполагать, что склока зашла так далеко и что в пылу драки жонглируют вопросами принципиального характера в угоду той или иной персональной комбинации внутри Наркоминдела. Чувство стыда охватило меня при мысли, что я работаю в таком почтенном учреждении, с такими нравами... Зная Литвинова и его склонность к интригам, я ни минуты не сомневался, что в своём стремлении подсидеть Карахана, он руководился лишь стремлением свести старые личные счеты» (18). Борьба между «товарищами», чинно позировавшими перед фотоаппаратами для демонстрации единства советской дипломатии, шла не на жизнь, а на смерть. Однако, можно сделать вывод, что в первой половине 1920-х годов евразийская фракция в Наркоминделе преобладала, что по-

могло нормализовать советско-германские и советско-японские отношения.

На пекинских переговорах с Ёсидзава Карахан проявил себя отнюдь не «ослом» и не «авантюристом», но умным и смелым дипломатом, выдерживающим генеральную линию и при этом способным как на обдуманый риск, так и на компромиссы. Он чаще вынуждал партнеров уступать, нежели уступал сам, но и с другой стороны сидели не худшие игроки. Массив недавно раскритиченных и опубликованных документов позволяет проследить методы и нюансы советской политики во время этой «большой шахматной игры».

Глава десятая

ПЕРЕГОВОРЫ КАРАХАН–ЁСИДЗАВА И ПЕКИНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ

Переговоры начались 24 февраля 1924 г., когда Ёсидзава посетил Карахана и сообщил, что готов приступить к предварительным консультациям. 15 марта новый министр иностранных дел Мацуи Кэйсиرو направил посланнику инструкции о том, как вести переговоры и какие вопросы должны быть решены до официального признания Советской России. 19 марта Ёсидзава огласил предварительные условия, которые Карахан 22 марта сообщил в Москву: «1) переговоры секретные; 2) переговоры никак не называются, ни официальными, ни частными, а просто ведутся между мною и им; 3) Советское правительство немедленно, до признания, разрешает владивостокские инциденты: освобождает арестованных (по обвинению в шпионаже японских офицеров – *В.М.*), признает консула¹, восстанавливает почтовые сообщения (прекращенные в январе 1924 г. из-за отказа Японии заключить с СССР соглашение о почтовом обмене – *В.М.*)».

В преамбуле к японским предложениям, речь о которых дальше, наличие предварительных условий мотивировалось следующим образом: «Ввиду того, что между Россией и Японией имеется много неразрешённых важных вопросов и ввиду обстоятельств, возникших в ходе предшествующих переговоров по разрешению этих вопросов, Японское Правительство не находит возможным немедленное и безоговорочное признание Советского

¹ 12 февраля 1924 г. японскому консулу во Владивостоке Ватанабэ было окончательно отказано в признании его официального статуса. Он вновь был признан в этом качестве 2 апреля 1925 г., после восстановления дипломатических и консульских отношений.

Правительства, но считает необходимым предварительно прийти к практическому соглашению по крайней мере относительно наиболее важных из этих неразрешенных вопросов». Вооружённый инструкциями Политбюро, Карахан ответил, что «Советское правительство может отказаться разговаривать или потребовать созыва официальной конференции», и в принципе отверг любые предварительные условия. А когда через несколько дней Ёсидзава отказался от них, полпред «от себя лично» пообещал урегулировать инцидент во Владивостоке как можно скорее (арестованных освободили в мае). Такого стиля он придерживался и позже, принимая к рассмотрению планы, но не условия.

Полный набор японских условий, сообщенный телеграммой в Москву, был таков: «1) мы выражаем письменно глубокое сожаление (не ответственность! – *В.М.*) о Николаевске; 2) от возмещения убытков за Николаевск японское правительство откажется при условии получения выгодных и долгосрочных концессий на Сахалине; 3) Портсмутский договор сохраняет законную силу ввиду исторического значения для японского народа; 4) от долгов японское правительство откажется за безвозмездные и долгосрочные концессии на Сахалине и в Восточной Сибири; 5) о частной собственности сказано неясно: “Должны быть признаны обязательства по этому поводу”, но можно оставить для будущего обсуждения, применив к японцам принцип наибольшего благоприятствования; 6) признать сейчас для будущего торгового договора “гарантию личной и имущественной безопасности, частную собственность, гарантию широкой торговли и промышленной деятельности, наибольшее благоприятствование”; 7) воздержание от пропаганды и враждебной деятельности; 8) освобождение Сахалина от оккупации и формальное признание России. Японское правительство готово в любой форме осуществить свои планы: обмен нотами, декларация, соглашение».

«Я указал сразу же, – заметил Карахан, – что моё личное впечатление: японское правительство ничему не научилось и не имеет серьёзных намерений урегулировать отношения» (1). Изучив японский проект – не обошлось без очередной перепалки между Чичериным и Литвиновым по поводу условий и формы признания ответственности за «николаевские события» – Политбюро

27 марта постановило начать переговоры на условиях: «1) Признания нас Японией де-юре. 2) Соглашения Японии на эвакуацию северного Сахалина. 3) Отказа Японии от претензий по николаевским событиям, причём мы согласны выразить сожаление (официально) по поводу этих событий. 4) Признания с нашей стороны предоставления льготных (но не безвозмездных) концессий для японцев. 5) Урегулирования вопросов о частных предприятиях и государственных долгах при прочих равных условиях на тех же основаниях, что и с другими государствами» (2). Карахан получил соответствующие полномочия для ведения переговоров.

8 апреля выяснилось, что у Ёсидзава требуемых полномочий нет: в Токио решили выдать их не к началу переговоров, как это обычно делается, а «лишь после того, как переговоры будут благополучно завершены». В случае неудачи можно было «спасти лицо» заявлением, что это и не переговоры вообще, а так... Карахан, разумеется, не согласился. 10 апреля Ёсидзава пообещал ему запросить Токио о полномочиях и через девять дней официально сообщил, что «по мнению Японского Правительства, в настоящее время нет необходимости обмениваться полномочиями. Японское Правительство готово выдать такие полномочия в любое время и подписать соглашение, как только обе точки зрения будут в общем согласованы и будет иметься надежда на возможность достижения соглашения». Он пояснил, что «мининдел готов дать полномочия и немедленно, но полномочия обыкновенно утверждаются кабинетом, и если этот вопрос сейчас поставить в кабинете, то военный и морской министры будут возражать, ибо до сих пор не освобождены арестованные во Владивостоке офицеры». Полпред ответил, что без представления полномочий по всей форме переговоры вести не будет и что в таком случае «арестованные будут сидеть бесконечное количество времени». Однако 21 апреля он писал Чичерину: «Беседа оставила у меня совершенно отчетливое впечатление, что японцы в пункте о полномочиях уступят... Ёсидзава настроен хорошо, и, по-видимому, они пойдут навстречу нам. Настроение Ёсидзава имеет значение, потому что он лично готов сделать всё, чтобы переговоры здесь начались, а главное, чтобы переговоры дали положительный результат. С точки зрения его личной карьеры это имеет громадное

значение, и поэтому его настроение даёт иногда больше, чем самые инструкции» (3).

Тем не менее в Токио не торопились с ответом, и главы миссий не встречались в течение двух недель. Японские дипломаты приватно говорили советским, что «Японское Правительство боится дать полномочия Ёсидзава, не зная, каковы будут те условия, на которые мы пойдем». 5 мая Карахан напомнил об этом посланнику специальной нотой, прося «в возможно короткий срок сообщить о своём решении по этому вопросу», а заодно пересказав «для памяти» печальную историю никак не начинавшихся переговоров (4). Документ был вручен лично в тот же день, несмотря на поздний час, причём Карахан решил, как он позже писал Чичерину, «придать этому шагу большую торжественность и важность». «Нота эта рассчитана на то, – докладывал полпред в Москву, – что в случае, если нам нужно будет опубликовать переговоры (так в оригинале – *В.М.*), документ этот будет иметь большое значение, ибо он, будучи опубликован вместе с письменным японским предложением, копию которого Вы уже получили, поставит Японское правительство в самое глупое положение: они сделали предложение, оно не может быть названо иначе как официальным предложением, и отказываются дать полномочия своему представителю для ведения переговоров в связи с их же собственным предложением... Если мы опубликуем документы... общественное мнение Японии увидит, что Японское правительство своим предложением 22 марта пошло значительно дальше, чем кто-либо мог предполагать, но что, сделав такой большой шаг вперёд, оно вдруг неожиданно отступает по такому элементарному поводу, как вопрос о полномочиях» (5). Расчёт оказался верным. Полномочия посланнику были подписаны 13 мая, хотя Карахану вручены только 29 мая, после очередного обмена вежливо-казуистическими нотами (6). Полпред удовлетворился телеграфным подтверждением, которое получил 14 мая, и переговоры начались официально.

Теперь советский делегат выложил карты – в виде проекта договора – на стол. Речь шла не о «признании» СССР, но об установлении «нормальных дипломатических и консульских отношений» с взаимным возвращением по принадлежности посольской, консульской и иной государственной собственности (напомню,

что в Японии ещё находились «белый» поверенный в делах, военный агент, консулы и т. д.) (статья 1). Япония эвакуирует северный Сахалин в течение *двух недель* со дня подписания соглашения (статья 2). После восстановления дипломатических и консульских отношений стороны заключают торговый договор с полными взаимными гарантиями (статья 3). СССР предоставляет японским подданным или юридическим лицам концессии в Восточной Сибири и на северном Сахалине на разработку недр, лесов и т. д. (статья 4). Советское правительство немедленно по восстановлении дипломатических отношений готово заключить с Японией новую рыболовную конвенцию на условиях Портсмутского договора и конвенции 1907 г. (статья 5). Стороны готовы обсудить и «справедливо разрешить» вопрос взаимных государственных и частных претензий и долгов, включая «Николаевский инцидент» (статья 6). Стороны согласны аннулировать все договоры и соглашения с третьими странами, «которые могли быть заключены... в нарушение суверенных или территориальных прав другой стороны, а также создающие угрозу безопасности последней» (статья 7). Стороны взаимно обязуются уважать государственный суверенитет друг друга и воздерживаться от вмешательства во внутренние дела, в том числе посредством «агитации, пропаганды и всякого рода интервенции либо их поддержки» (статья 8). Соглашение вступает в силу с момента подписания (статья 9) (7).

Проект был решительным. Он многого требовал, но мог рассматриваться как залог долгосрочного партнерства. Заключать союз с большевиками «буржуи» боялись, но уже пришла пора выйти из замкнутого круга взаимного непризнания. Некоторые статьи были рассчитаны на то, чтобы «великодушно» отказаться от них в процессе переговоров. Другие – например, о взаимном отказе от пропаганды, никто выполнять не собирался, но они облегчали ратификацию договора в Японии. С этого момента Карахан явно лидировал на переговорах, которые по будням шли почти каждый день, и постоянно требовал конкретных предложений или ответов на свои предложения. Ёсидзава отвечал медленно и неохотно, каждый раз ссылаясь на необходимость запросить мнение МИД или правительства, которые тоже не торопились. Токио настаивал на признании ответственности за «Николаевский инцидент» (о материальной компенсации речь уже не шла), месячном сроке

эвакуации войск с Сахалина, на максимальном уточнении условий предоставления концессий, предлагая примерно отметить их на картах (здесь японцы были предельно конкретны!), а также на исправлении формулировки о «взаимных претензиях и долгах», поскольку Япония Советскому Союзу ничего не должна. От требований о долгах вскоре пришлось отказаться – на условии, что с Японией поступят «не хуже», чем с Великобританией и Италией, признавшими большевиков в феврале 1924 г. Москва тоже не выдвигала контрпретензий. «Я не думаю, – писал полпред Чичерину 2 июня, – чтобы кто-нибудь у нас мог надеяться, что мы сможем Японию поставить на колени и заставить её расплачиваться за интервенцию. Я думаю, что мы всегда согласимся сбросить со счетов взаимно вопрос о долгах и о претензиях» (8).

Наступать у Льва Михайловича получалось лучше, чем уступать. 31 мая он заключил с пекинским правительством соглашение о передаче Советскому Союзу российских прав на КВЖД. Ёсидзава «от души» поздравил его, но «по другим сведениям я знаю, – сообщал полпред в том же подробном отчёте от 2 июня, – что это привело в большое расстройство не только Японского посланника, но и многих других». На заседаниях 4 и 7 июня Ёсидзава представил контрпроект, утвержденный в Токио 20 мая, который предусматривал: три месяца на эвакуацию войск и гражданских лиц с Сахалина; концессии на 99 лет с уплатой Советскому Союзу 5 % от их чистого дохода; взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле и мореплавании; признание Портсмутского договора и переговоры о пересмотре всех прочих. При подписании предлагалось сделать письменное заявление, что ни одна из сторон не состоит в военном союзе и не связана никаким секретным соглашением с третьей державой, которое могло бы нарушать суверенные и территориальные права партнера или угрожать им (9).

9 июня Чичерин подал в Политбюро записку, попросив новых указаний для ускорения переговоров, особенно по вопросам концессий и рыболовства, иронически заметив: «Наши хозорганы всегда вырабатывают такие условия, как будто мы диктуем мир в столице другой страны» (10). «Инстанция» поручила комиссии в составе Чичерина, Красина и заместителя председателя ВСНХ

Георгия Пятакова разработать новый проект, учитывающий японские пожелания, но комиссия десять дней не могла собраться из-за «неуловимости» пребывавшего в постоянных командировках Пятакова. В отсутствие указаний из Москвы Карахан 12 июня заявил японским журналистам (два дня спустя это появилось в «Известиях»), что советская сторона отказывается от принципа компенсаций за «Николаевский инцидент», но не от концессий, которые являются формой экономического сотрудничества, а не уступкой политическому давлению. «Япония не должна предъявлять такие требования, какие она сама не была бы готова удовлетворить» (11).

«Не верь японским дипломатам ни на секунду: самая вероломная публика», – наставлял полпреда Сталин 16 июня. «Им до разреза нужно договориться с нами, – отвечал Лев Михайлович 13 июня, – но им трудно просто так расстаться с нефтью (на северном Сахалине – *В.М.*). Я стою за твёрдый тон с ними, не боясь идти на разрыв. Им разрыв опасней, чем нам» (12). 16 июня Карахан послал в НКВД обстоятельный доклад, сообщив, что «до июня» Ёсидзава «при обсуждении вопросов проявлял большую уступчивость» и что «у меня создалось впечатление благополучного результата переговоров и даже в краткий срок».

В тот же день, после недельного перерыва в переговорах, но ещё до написания этого письма, Ёсидзава, сообщил полпреду, что уезжает в Токио для отчёта перед новым министром иностранных дел Сидэхара Кидзюро (11 июня Като Такааки сменил Киёура на посту премьера). Он дал понять, что не вполне доволен полученными инструкциями, ужесточившими первоначальные требования (по крайней мере, так интерпретировал его слова собеседник), и будет говорить об этом в МИД и с членами нового кабинета, министром путей сообщения в котором стал его тесть Инукаи Цуёси¹. Карахан в шутку предположил, что Киёура, не добившись ус-

¹ Заняв в конце 1931 г. пост премьера, Инукаи сделал зятя министром иностранных дел. Это вызвало недовольство в МИД, где нового шефа считали посредственностью за неумелую защиту позиции Японии в Лиге Наций во время «Маньчжурского инцидента». В ходе военного путча 15 мая 1932 г. Инукаи был убит, и звезда Ёсидзава, не попавшего в новое правительство, окончательно закатилась.

пеха, решил осложнить жизнь своему преемнику, к которому питал личную антипатию: «Я, мол, начал переговоры, они при мне шли успешно, а вот теперь посмотрим, как вы распутаетесь с ними». В ответ на это предположение Ёсидзава «рассмеялся, но не опроверг его». В части письма, опущенной при публикации в «Документах внешней политики СССР», говорилось: «Сам Ёсидзава буквально из кожи лезет, чтобы достигнуть какого-нибудь результата. Для него это вопрос его карьеры, и он понимает, что, подписав соглашение, он, помимо всяких орденов, получит несомненно серьёзное движение по службе. Симада, переводчик и секретарь конференции, говорил нашим сотрудникам, что Ёсидзава мечтает о poste посла в Москве и что, несомненно, если ему удастся подписать соглашение, он имеет все шансы быть первым дипломатическим представителем Японии в Союзе».

«В переговорах с японцами, – подытожил Карахан, – мы можем держать себя достаточно твердо. Положение их незавидное, и они вынуждены идти сейчас на соглашение с нами, и поскольку у нас «не горит», можно проявить некоторую выдержку, как мне лично она ни неприятна» (13). «Положение Японии в настоящее время таково, что она легко на разрыв не пойдет, – продолжал он 23 июня, несколько сгущая краски. – Финансовое и экономическое состояние находится в самом плачевном состоянии... Япония теперь изолирована, как никогда. Для неё вопрос жизни и смерти – установить добрые отношения с материковыми государствами, каковыми являемся мы, а затем и Китай». Полпред также напомнил, что в бытность Като министром иностранных дел в 1915 г. Токио предъявил Пекину «21 требование», «которые Китай никогда не забудет, которые всегда будут источником вражды и ненависти китайцев к Японии» (14).

Като и Сидэхара были реалистами и умели просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед. По воспоминаниям Ёсидзава, в Токио его расспрашивали в основном о перспективах получения нефтяных концессий на северном Сахалине, куда он сам отправился 12 июля с группой экспертов для изучения ситуации на месте. В результате японцы решили просить концессии на 60 % всех разведанных полей для удовлетворения нужд флота. 24 июля кабинет выработал новые инструкции для продолжения пере-

говоров. Через два дня премьер Като, в отличие от своих предшественников часто и охотно общавшийся с газетчиками, заявил: «Япония готова признать Советскую Россию и решить как можно больше вопросов в её пользу, если Россия покажет, что она уважает принципы международного общежития и действует в соответствии с международными обязательствами» (15).

Карахан не замедлил ехидно отозваться, что японское правительство, видимо, считает признание СССР великим снисхождением. «Пока Япония не поймет, что обе стороны одинаково заинтересованы в восстановлении взаимных отношений, до тех пор будет трудно достигнуть общей цели», – заявил полпред журналистам 31 июля (16). Волна признаний Советского Союза со стороны европейских держав весомо подкрепляла его слова. Неважно, что кабинеты Рамсея Макдональда в Англии и Эдуарда Эррио во Франции продержались у власти недолго, а нормализация отношений с Москвой стала одной из причин их падения: правительства менялись, но отношения оставались. Карикатура «Известий» «В приёмной у Чичерина» изображала усталого наркома, оттирающего пот со лба и только что не отмахивающегося от тянущихся к нему рук «буржуев» в цилиндрах с заявлениями о признании. Японцы снова опаздывали.

4 августа вернувшийся в Пекин Ёсидзава вручил Карахану новый, «компромиссный» и «окончательный» проект договора и прилагающихся к нему протоколов, в основу которых были положены признание Портсмутского мира и рыболовной конвенции 1907 г. Желаемый срок действия концессий был сокращен до 55 лет, время эвакуации войск – до двух месяцев (17). Полпред уже располагал решением Политбюро, принятым 27 июня по записке Чичерина: согласиться на эвакуацию Сахалина в трехмесячный срок и предоставить японцам концессии, но придерживаться «рапалльского» принципа «взаимного аннулирования всех долгов и претензий» (18). Однако Карахан снова советовал не спешить, рассчитывая, что Токио пойдет на попятную. «Некоторые японские журналисты, – сообщал он Чичерину 11 августа, – также прибежали к нам и сообщали, что в японской миссии им заявили о существовании более скромных требований, которые Ёсидзава в дальнейшем предъявит» (19). Специалисты Главного концесси-

онного комитета сочли предложения противной стороны невыгодными (20). Поэтому Политбюро 14 августа решило ограничиться предоставлением в концессию 40 % разведанной нефти, одной трети угля и части леса, всё сроком на 50 лет. План воздействия также предусматривал публикацию японских предложений «через иностранную прессу», «с тем чтобы наша пресса выступила впоследствии с решительной критикой этих условий».

Японцы, вложившие много средств в разработку сахалинской нефти, не уступали и строго держались своих тщательно проработанных требований о масштабах, зонах и условиях концессий. 16 сентября Ёсидзава в очередной раз пригрозил прекращением переговоров, но Карахан ещё 25 августа писал Чичерину: «Никогда не будет поздно сделать наши уступки, а “выдержать характер” совершенно необходимо... Для теперешнего кабинета разрыв переговоров с нами может иметь роковое значение, и это до последней степени может удерживать их от разрыва». Не вдаваясь в технические подробности дискуссий в Москве, Токио и Пекине, перейдем к главному. В первой декаде октября Политбюро постановило: предоставить японцам половину существующих нефтяных источников и половину тех, которые они откроют в будущем; выделить им для разведок, сроком от 5 до 10 лет, тысячу квадратных верст с возможным увеличением этой зоны в четыре раза; взимать с них 10 % с валовой добычи; срок концессий – 40–50 лет. Скорейшее очищение советской территории от японских войск было, с подачи Чичерина и Карахана, признано первоочередной задачей, ради которой «Инстанция» пошла на компромисс, проигнорировав возражения Главконцесскома (21).

8 октября Карахан заявил корреспонденту РОСТА, что «переговоры вступили в окончательную и решительную стадию... Будет жаль, если придется отложить на следующий год восстановление сношений, когда почти уже все вопросы урегулированы» (22). Днем позже он писал Чичерину: «Можно считать, что по всем вопросам наши точки зрения с Японией согласованы. Вопрос идёт о редакционных изменениях, редакционных поправках. Основной вопрос – о концессиях, где главным является вопрос о районах сдаваемых нефтяных концессий... Я лично склоняюсь к тому, что скорее они уступят... Разрыв с нами очень сильно

ослабил бы международное положение Японии и в особенности в Китае и на Дальнем Востоке» (23).

30 октября полпред вручил японскому посланнику последний советский вариант с приложенными протоколами и нотами, утвержденный во всех инстанциях, включая военные. «Чтобы усилить серьёзность положения», он придал этому «несколько торжественный характер» и дал понять, что текст является окончательным, а в будущем возможны лишь редакционные поправки. Как раз вовремя пришла телеграмма о признании Советского Союза Францией. На следующий день Ёсидзава, несмотря на то, что был день рождения императора и ему приходилось принимать гостей, попытался склонить Карахана хоть к каким-то уступкам, но тот, чувствуя себя на коне, решительно отказался. Диалог снова прервался. «За всё время переговоров у нас не было такого критического момента», – сообщал полпред Чичерину 1 ноября (24).

В дело вступил фактор, о котором много писали советские историки: нефтяные интересы концерна «Мицубиси», с которым были связаны Като и Сидэхара (Карахан прямо называл обоих его «агентами»). Ранее правительство Дальневосточной республики подписало с американской компанией «Синклер ойл» контракт о нефтяной концессии на Сахалине, который вступил в силу 7 января 1923 г., но так и не был реализован из-за отказа Японии признать его и допустить на остров геологоразведочную экспедицию американцев, которая, в свою очередь, обязалась в течение года представить СССР – как правопреемнице ДВР – карту разведанных площадей. 4 мая 1924 г. ВСНХ, как бы в насмешку, предоставил компании ещё шесть месяцев для выполнения взятого обязательства. В Москве с интересом наблюдали, как завязывается узел нового японско-американского конфликта, но Карахан считал «Синклер ойл» слишком слабым игроком, чтобы связываться с ним и тем более поддерживать его (25).

«По-видимому, с Японией дело дошло до решительного момента и до последнего торга, – делился Чичерин с Караханом 4 ноября. – Нам дальше идти некуда... Если же дойдёт до подписания договора, не забудьте ни одно из указаний, сообщенных Вам отсюда по поводу японского текста, ибо там есть много ло-

вушек» (26). Ёсидзава, которого поторапливали влиятельные люди в Токио, тоже хотел поскорее закончить дело, ставшее для него вопросом чести. 28 декабря переговоры возобновились после месячного перерыва, в течение которого они, по выражению Чичерина, «как будто совсем заглохли» (27). Посланник представил новый японский проект, утвержденный 5 декабря и отразивший большую часть советских условий. Карахан многообещающе сказал, что видит «свет надежды» на успешное завершение дела, и телеграфировал в Москву: «Наша выдержка принесла плоды» (28). 3 января 1925 г. Политбюро, которому Чичерин 31 декабря и 1 января представил подробный доклад, пошло на компромисс по концессиям. «Моя точка зрения была не уступать японцам, – заметил Карахан Сталину 9 января, получив решение “Инстанции”, – ибо в будущем (т. е. в 1925 – *В.М.*) году они пришли бы к нам на поклон. Но в Москве, по-видимому, по общим соображениям признано желательным договориться теперь же, хотя бы ценой уступок» (29). Постановление Политбюро от 15 января урегулировало остальные вопросы: эвакуацию японцев с северного Сахалина предполагалось завершить до 15 мая 1925 г., т. к. стояла зима, и после этого приступить к переговорам о концессиях (30).

Дело было сделано. 20 января в здании японской миссии Карахан и Ёсидзава подписали Конвенцию об основных принципах взаимоотношений СССР и Японии¹. На официальной фотографии мы видим японского посланника сидящим на постели в домашнем кимоно, потому что накануне он сильно повредил ногу, катаясь на коньках, и не мог ходить. За столом, придвинутым к кровати, сидит щегольски одетый Карахан.

К основному тексту конвенции, срок действия которой не оговаривался, прилагались два протокола, декларация, обмен нотами, обмен письмами и специальное заявление (31). Декларируя обоюдное желание «упрочить добрососедские отношения и экономическое сотрудничество между ними», СССР и Япония объявили об установлении дипломатических и консульских отношений (статья 1). Советский Союз признал, что Портсмутский договор

¹ В отечественной литературе ее обычно именуют «Пекинской», в японской – «базовой» или «основной».

остаётся в полной силе, а прочие двусторонние договоры и соглашения, заключённые до 7 ноября 1917 г., подлежат пересмотру на специальной конференции (которая так и не состоялась) или даже отмене, «как того потребуют изменившиеся обстоятельства» (статья 2). Рыболовная конвенция 1907 г. подлежала пересмотру, а до этого сохранялся статус-кво на 1924 г. (статья 3). Статья 4 предусматривала заключение в будущем договора о торговле и мореплавании на принципах свободы въезда, передвижения и пребывания на территории другой страны, постоянной и полной защиты безопасности жизни и имущества граждан обеих стран, гарантий права частной собственности и свободы заниматься торговлей, мореплаванием, промыслами и т. д. в соответствии с законами страны пребывания, но без ущерба для прав другой. Стороны предоставляли друг другу режим наибольшего благоприятствования. Статьей 6 советское правительство извещало готовность предоставить японским подданным и компаниям концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других природных ресурсов на территории СССР.

Характерным примером компромисса, достигнутого в ходе переговоров может служить статья 5. Она гарантировала уважение «несомненного права каждого государства устраивать свою собственную жизнь в пределах своей же юрисдикции по собственному желанию» и недопущение на своей территории деятельности лиц или организаций, представляющих угрозу для другой стороны, а также неучастие в такой деятельности «всех лиц на их правительственной службе и всех организаций, получающих от них (властей – *В.М.*) какую-либо финансовую помощь». На этом настаивали японцы, чтобы иметь формальный повод жаловаться на деятельность Коминтерна и уличать большевиков в невыполнении взятых на себя обязательств.

Дополнительный пункт содержал особое обязательство не допускать у себя организаций, «претендующих быть правительством какой-либо части территории другой стороны». Это положение, внесенное в текст по настоянию СССР, должно было исключить возможность появления в Японии любого «приморского», «приамурского» или «дальневосточного» «правительства в изгнании», чего в Москве продолжали опасаться. Именно в силу

этой статьи МИД Японии обязал всех русских эмигрантов, пожелавших остаться на её территории, отказаться от любой политической деятельности, гарантировав им взамен равные с другими иностранцами гражданские права и «невыдачу» Советам. Здесь был и второй смысл: эмигрантам отказали в праве на любую политическую активность, включая просоветскую и прокоммунистическую. Впрочем оставшихся в Японии «белых русских» в политику не тянуло, да и количество их с каждым годом сокращалось. Политической роли русская диаспора в Японии не играла, выдающихся и просто заметных людей в ней было немного, поэтому специально говорить о ней на этих страницах мы не будем.

Протокол А, приложенный к конвенции, урегулировал ряд частных вопросов. Стороны передавали друг другу движимое и недвижимое имущество посольских и консульских учреждений (статья 1). Реконструкция Токио после землетрясения привела к перепланировке города, менявшей облик улиц и целых кварталов, поэтому было решено договориться о переносе посольства. Вопрос о долгах царского и Временного правительств отложили на будущее с «рапальским» обязательством СССР не удовлетворять претензий других стран на более благоприятных условиях (статья 2). Статья 3 закрепляла эвакуацию японцев с Сахалина до 15 мая. Статья 4 заявляла о неучастии сторон в военных и иных тайных соглашениях и союзах, направленных против другой стороны. Подробный Протокол Б был посвящен японским концессиям на северном Сахалине и соответствовал последнему японскому проекту.

Отдельной декларацией Советский Союз снимал с себя «политическую ответственность» за Портсмутский договор. Анализируя содержание и значение Пекинской конвенции, советские историки уделяли этому документу большее внимание, чем всем остальным статьям, как будто это важнейшая часть договора. На самом деле это был не более чем «клочок бумаги»: с одной стороны, вторжение идеологии в сферу *Realpolitik*; с другой – часть положений договора устарела и уже не отвечала реалиям, сложившимся на Дальнем Востоке и в Маньчжурии.

Обмен нотами предусматривал продолжение работы японских предприятий на северном Сахалине до заключения концессион-

ных соглашений, намеченного через пять месяцев после окончания эвакуации. Эти договоры были подписаны 14 декабря 1925 г. в Москве на заседании Президиума ВСНХ под председательством «железного Феликса» Дзержинского. Ровно за семь месяцев до того, 14 мая японская сторона сдала, а советская приняла северный Сахалин, что было оформлено соответствующим протоколом (32).

Обмен письмами между Караханом и Ёсидзава касался «Бессарабского протокола», т. е. вопроса о ратификации Японией Парижского договора пяти держав Антанты об аннексии Румынией Западной Бессарабии (28 октября 1920 г.). Договор, против которого Советская Россия заявила решительный протест, вступал в силу только после ратификации его всеми странами-участницами. Италия отказывалась ратифицировать его до марта 1927 г., когда Муссолини всё-таки уступил нажиму Парижа и Лондона, а Япония заявила, что сделает это последней. В Москве вопросу придавали большое значение. Поэтому Ёсидзава гарантировал, что «если и пока упомянутый договор не будет ратифицирован всеми подписавшими его европейскими державами, Японское Правительство не имеет намерения предпринимать требуемые для ратификации шаги, считая, что договор этот касается вопроса по существу своему чисто европейского».

Ещё одна краткая нота, приложенная к конвенции и подписанная Караханом, выражала «глубокое сожаление» по поводу «Николаевского инцидента» (33). В мучительном вопросе была поставлена точка – по крайней мере, формально. Москва не признала официально своей ответственности за случившееся, но тем не менее официально же дала ему оценку. В «Документы внешней политики СССР» этот текст не вошёл и в литературе советского периода обычно не упоминается.

Ещё во время переговоров эмигрантский публицист Гутман высказался против удовлетворения японских претензий в этом вопросе:

«Беспристрастный судья, собрав все материалы, должен будет признать, что бездействие японских военных властей и японского правительства привели к уничтожению города и многих тысяч населения. Таким образом, в гибели японских гарнизона и рези-

дентов виновато японское правительство. Не может быть сомнения, что когда грядущему законному русскому правительству будет предоставлено слово – оно от имени России предъявит Японии большой счёт. Оно потребует возмещения за 6000 погибших русских людей и за разрушенный город. Россия и русский народ не могут брать на себя ответственности за действия советских отрядов, как не ответственны они за действия советского правительства вообще... Японское правительство не имело и не имеет оснований требовать удовлетворения за николаевские события от России и русского народа.

Законное правительство в России отсутствует, и потому не с кого требовать удовлетворения и не с кем договариваться, утверждает токийское правительство. Такое утверждение основано на недоразумении или недомыслии. За разрушенный Николаевск истцом может выступить только Россия – но не Япония. Русский народ может только скорбеть, что он не имеет ещё законного полномочного правительства, которое стало бы на защиту попранных Японией его интересов. Акт захвата Сахалина есть грубейшее насилие над русским народом со стороны Японии... Вряд ли в интересах японского народа, чтобы у русского народа создалось убеждение, что в ужасные годы его лихолетья Япония воспользовалась его слабостью и захватила его территорию.

Трудно предвидеть, какие ещё сюрпризы ожидают нас в будущем. Не исключена возможность, что после Великобритании и Япония признает советское правительство. Вновь, надо думать, всплывет николаевское дело. Советское правительство... не остановится перед тем, чтобы дать японцам удовлетворение за счёт России, лишь бы заручиться их признанием. Какие бы договоры ни заключали японцы с советским правительством, русский народ никогда их не признает. Когда он освободится от своих поработителей... он разорвет и все договоры и соглашения, заключённые узурпаторами с иностранными правительствами» (34).

Были ли у Гутмана реальные основания для праведного гнева по прочтении конвенции и приложенных к ней документов – кроме того, что Япония признала «красный» Совнарком единственным законным правительством России? По справедливости, конвенция отвечала национальным интересам нашей страны, а не

только «узурпаторов» в Кремле. Трудно сказать, насколько японцы надеялись на созыв конференции по «царским» долгам и договорам, но большевики ничего не «отдали» и не «продали». Сахалинские концессии привлекли в Россию японский капитал – путём как инвестиций, так и долевых отчислений за концессии – что шло на пользу экономике России (это признавали и советские авторы). Даже уклонение от признания *ответственности* за «Николаевский инцидент» ничуть не роняло национальное достоинство перед другими державами. В общем, конвенция стала успехом не только советской дипломатии, но, подобно Рапалльскому договору, успехом русской дипломатии вообще, вне зависимости от её идеологии и цвета.

20 февраля конвенция была ратифицирована ЦИК СССР, 25 февраля – императором Японии (фактически Тайным советом, т. к. монарх был неизлечимо болен). Обмен нотами о вступлении конвенции в силу состоялся в Пекине 26 февраля, обмен ратификационными грамотами – там же 15 апреля.

В заявлении по поводу заключения конвенции Чичерин отметил, что это «есть нечто гораздо более значительное, чем простое признание СССР ещё одним правительством, нечто гораздо более значительное даже, чем одно лишь урегулирование спорных вопросов между двумя правительствами. Это не только начальный пункт периода дружественных отношений между народами СССР и Японией, это настоящий перелом во всей дальневосточной политике и в современной политике вообще... Это есть несомненное упрочение нашего положения на Дальнем Востоке». Нарком отметил и выгоды, которые договор принес другой стороне: «Дружественные отношения с СССР дают возможность Японии как бы закрыть на ключ Японское море и не допускать враждебных флотов до западных берегов японского архипелага... Для последней, всё более подвергающейся давлению могущественного мирового англо-американского соглашения, дружба с СССР и с Китаем означает гарантию мирного развития и удовлетворения жизненных потребностей».

Представляет интерес сделанный им исторический экскурс. Ссылаясь на мемуары Хаяси и Розена, Чичерин утверждал: «Наиболее проницательные из руководящих политических деятелей

Японии уже давно понимали громадное значение для неё дружественных отношений с Россией. В 90-х годах прошлого столетия, когда царская политика начала обнаруживать свою бесцеремонную агрессивность в Корею, японские политические деятели долго и упорно старались не допустить до нарушения дружественных отношений между Россией и Японией и найти какой-нибудь компромисс... Но царское правительство с полнейшей бесцеремонностью нарушало взаимное обязательство невмешательства в корейские дела и стало на путь, побудивший японские правящие круги перейти к противоположной политике и обосновать свои международные отношения на длительном союзе с Англией. Если в своё время в своей политике по отношению к Японии царское правительство со свойственной ему грубой и алчной агрессивностью было в действительности нападающей стороной, то в первые годы существования в бывшей царской империи советского строя, по самой своей сущности ставящего себе целью мир и братство между народами, нападающей стороной, и весьма энергично нападающей, притом без объявления войны, было японское правительство. Этому периоду наступил конец» (35). Идеологический заряд здесь, конечно, несомненен, но дипломатические события дней минувших Георгий Васильевич знал не понаслышке, поскольку на рубеже веков служил в архиве «царского» МИД и участвовал в составлении его официальной истории.

Выступая 3 марта 1925 г. на III сессии ЦИК СССР, Чичерин развил эти соображения: «Дружественные отношения с нашим Союзом имеют для Японии большое политическое значение. Действительно, теперь, когда с усилением удельного веса доминионов (Британской империи – *В.М.*) вражда белого человека к цветным расам играет в политике многих государств всё большую роль, когда Америка воспретила японскую иммиграцию и Филиппинские острова составляют её (Америки – *В.М.*) базу, когда Сингапур является местом военной базы на случай войны с Японией, для Японии имеет существенное значение обеспечение тыла. Таким обеспечением тыла для Японии и являются дружественные отношения с нами. Но есть ещё и другие, более важные причины. Вся политика Японии должна измениться от изменившихся отношений в бассейне Тихого океана. Чем больше Япония

чувствует враждебное отношение английских доминионов и Америки, тем больше Япония должна искать для себя опору в азиатских международных отношениях и тем большую роль для будущей политики Японии должно сыграть сближение её с нашим Союзом» (36).

В статье «Японские летчики – вестники сближения», появившейся в «Известиях» 30 августа 1925 г., Чичерин вернулся к теме японско-английского и японско-американского противостояния. Ссылаясь на недавно опубликованные документы американского аналитика Томаса Милларда (японофоба и синофила), которые он готовил для Вашингтонской конференции, нарком сделал вывод: «Для Америки выгодно продолжение враждебных отношений между Россией и Японией, ибо это делает Японию более уступчивой по отношению к Америке и ослабляет силу её сопротивления... Отсюда исключительное значение для Японии ставки на СССР... Попытки прикрытия глубокого антагонизма между Америкой и Японией формулами временных соглашений в области китайской политики нисколько не устраняют этого антагонизма» (37).

Пекинская конвенция вызвала волну оптимизма в японской прессе, ратовавшей за нормализацию отношений и критиковавшей правительство за неповоротливость. Одним из первых высказался Гото, имевший основания чувствовать себя триумфатором. 21 января «Чикаго трибьюн» привела его прогноз, что следующей страной, признавшей большевиков, будут Соединенные Штаты, но через несколько дней президент Калвин Кулидж официально заявил, что «не придает особого значения» советско-японскому соглашению (38). В другой статье Гото, дав обзор контактов между странами за последние двадцать лет через призму собственной деятельности, разъяснял читателям, что ни содержание марксистской доктрины, ни политический характер большевистского режима не являются препятствиями для взаимовыгодного партнерства с Россией, куда коммунистическая пропаганда не угрожает внутренней стабильности Японии. Но и она не так уж страшна: коммунистические партии существуют и ведут пропаганду во многих странах Европы, не выходя за рамки законности, а если их деятельность угрожает национальной безопасности,

власти пресекают её. Одним из ближайших результатов соглашения он назвал неизбежность «больших изменений в политическом курсе» атлантистских держав в отношении России, Японии и Китая как места «приложения сил» договорившихся сторон (39). Добавлю, что ещё в марте 1924 г., призывая к возобновлению переговоров с Москвой, Гото прямо писал об активизировавшейся «красной» дипломатии в Азии как о противовесе англо-американской (40).

Подписание конвенции, оркестрованное подобными комментариями, отозвалось тревожными нотами в выступлениях политиков, дипломатов и журналистов атлантистских держав. В нормализации отношений между соседями они увидели чуть ли не создание блока, которого давно страшились. Аналитики строили догадки о возможности присоединения к новой комбинации Германии и Китая. Но министр иностранных дел Сидэхара поспешил успокоить всех: ни о каком союзе не может быть и речи (41).

Примечательный комментарий по поводу происходящего дал Николай Устрялов в статье «Россия на Дальнем Востоке», опубликованной в феврале 1925 г. в журнале «Вестник Маньчжурии»:

«Соглашения Советской России с Китаем и Японией, несомненно, открывают свежую страницу новейшей истории Дальнего Востока. Русская революция временно сбила Россию с её исторических позиций у берегов Тихого океана. Покуда внутри страны длилась тяжкая тяжба за власть – незащищенные границы государства угрожающе передвигались вглубь территории... Наиболее опасным противником России на Дальнем Востоке являлась, несомненно, Япония, поскольку её правительство пыталось в своих расчётах использовать русскую смуту... Последние пять лет (1920–1925) были годами неуклонного, систематического, хотя и медленного, возвращения России на её дальневосточные позиции... Действительное упрочение русских позиций у Тихого океана требовало урегулирования отношений с Японией. Покуда никакие формальные узы не связывали Японию с Россией, нельзя было считать обеспеченным более или менее устойчивое равновесие на Дальнем Востоке. Теперь России во многом по пути с Японией, и есть основания полагать, что ход событий, независимо от субъективных настроений правителей той и другой

страны, поведет и ту, и другую в ряде конкретных вопросов к обоюдному контакту. По содержанию своему русско-японский договор есть несомненный симптом отказа Японии от политики милитаристских воздействий на Советскую Россию... Дальнейшее будет зависеть от целого ряда обстоятельств и, разумеется, прежде всего – от фактов внутреннего экономического и политического развития обоих государств... Не нужно закрывать глаза на трудности, предстоящие в будущем делу подлинного и всестороннего замирения Дальнего Востока... Но вряд ли можно сомневаться, что фактом возвращения России в новейшей истории Дальнего Востока начинается новая и, вероятно, чрезвычайно знаменательная страница» (42).

Пора было переходить к текущим делам: назначать дипломатических представителей (ни один из «царских» дипломатов, работавших в Японии, нового режима не признал), открывать посольства и консульства, обеспечивать обмен дипкурьерами. Бывшее здание японского генерального консульства в Москве «обживал» поверенный в делах Сато Наотакэ, прибывший в советскую столицу 23 марта. Большая часть обстановки, а также архивы посольства в Петрограде, стоявшего без всякого присмотра с 1921 г., исчезли неизвестно куда, а помочь в их розыске Наркоминдел оказался бессилён (43).

В Токио «белый» поверенный в делах Абрикосов наотрез отказался контактировать с «красными» и передавать им собственность напрямую. Когда пекинские переговоры вступили в заключительную стадию, он принялся за архив, ликвидируя то, что «не должно было попасть в руки к большевикам». В бумагах были данные о людях, которые поддерживали «белых», но не смогли эмигрировать и находились на советской территории, поэтому связанные с ними документы поверенный либо уничтожил, либо унес с собой. Узнав об этом, Чичерин 25 января телеграфировал Карахану, что происходящее надо пресечь, но полпред был бессилён что-либо предпринять. 16 февраля Абрикосов передал здание и собственность представителям Министерства иностранных дел Японии и токийской мэрии, а утварь из посольской церкви – в храм Никорай-до. Министр Сидэхара дал ему прощальную аудиенцию и обещал не оставлять «белых русских» без внима-

ния (44). Ровно через месяц первый секретарь советского полпредства Николай Кузнецов получил ключи от здания.

На повестку дня встал вопрос о назначении послов. Европейская пресса «свагала» в Токио Адольфа Иоффе, занимавшего отнюдь не маловажный пост полпреда в Вене, где он чувствовал себя неуютно. В совершенно секретном письме Сталину от 11 февраля 1925 г. Иоффе поставил Москве ультиматум: «1) либо моё назначение в Токио (хотя бы временно), 2) либо мой окончательный уход из дипломатии, против чего я никогда не возражал, и после чего я готов принять любую работу, которую партии угодно будет мне дать, хотя бы курьером в каком-нибудь учреждении» (45). Последние слова Иоффе были «уничижением паче гордости», но вспомним, что в январе 1925 г. его друг Троцкий был снят с поста наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета.

Против этой кандидатуры выступили Чичерин и Карахан: последнему японцы деликатно заметили, что «климат Токио вреден для Иоффе» и что «в консервативных кругах Японии ещё помнят о вынужденном отъезде Иоффе из Берлина», откуда он был выслан осенью 1918 г. за причастность к ведению антиправительственной революционной пропаганды. Нарком сделал вывод: «эти официозные сообщения являются предупреждением, что в агрессию т. Иоффе будет отказано... Я решительно не вижу оснований для того, чтобы идти на риск порчи начинающихся отношений с Японией ради того только, чтобы путём всевозможных нажимов протащить в Токио т. Иоффе» (46). Политбюро вняло совету и 25 февраля назначило полпредом члена коллегии НКВД Виктора Коппа, «литвиновца» из бывших политэмигрантов. Полпредом он пробыл всего год из-за конфликта с Чичериным и Караханом: работу не «запорол», ничего выдающегося не добился, неприязни не вызывал, но и особой популярностью не пользовался. Из Токио его перевели в Стокгольм, где он и умер в 1930 г.

Зато вопрос о его преемнике вызвал бурю волнений в «Инстанции», хотя Япония тут была не при чём. Вступив в конфликт с «большинством», которое возглавляли Сталин и Бухарин, Лев Каменев в конце июля 1926 г. подал в отставку с поста наркома внешней и внутренней торговли. Одновременно пекинские вла-

сти потребовали убрать Карахана, который вмешивался в борьбу конкурирующих режимов и пытался раздуть в Китае пожар революции. На пленуме ЦК Бухарин говорил: «Нам предлагалось после того, как мы потерпели ряд поражений в Китае, пойти на известную дипломатическую перестановку, Коппа послать в Китай, а Карахана послать в Японию. Смысл этого заключается в том, что против Карахана ведется бешеная кампания, Карахан воплощает собой нашу линию ориентации на национально-революционное движение, в то время как т. Копп известен своим скептическим отношением ко всему национально-революционному движению» (47). «Каменева думаем в Японию, – писал Сталин Молотову 3 августа, – в Китай Аралова... Коппа, может быть, в Италию» (48).

Ни одно из этих назначений не состоялось, хотя 12 августа «Инстанция» решила послать Каменева в Токио, а Коппа в Рим. Однако 2 сентября она же – в отсутствие находившегося в отпуске Сталина – отменила прежнее решение и постановила вернуть Коппа в Японию. Генсек негодовал. «Получается некрасиво, – писал он Молотову 8 сентября, – когда решения Пол. Бюро *при одном составе* отменяются тем же Пол. Бюро *при другом составе* без достаточных оснований» (49). Каменев не хотел ехать в Страну корня солнца, да и в Токио не горели желанием видеть лидера оппозиции полномочным представителем правительства, о чём японский посол Танака 5 ноября вежливо, но откровенно заявил Чичерину. Японцы начали жаловаться, что во главе советского посольства полгода стоит поверенный в делах, хотя посол формально не отозван, а просто отсутствует без видимой причины. «Инстанция» произвела другую рокировку: 11 ноября Каменев был назначен в Рим; 6 января 1927 г. Коппа отправили в Швецию, а тамошнего полпреда Валериана Довгалеvского – в Японию (50). Однако мысль о Токио как месте почетной ссылки политических противников не оставляла Сталина. Довгалеvский плохо переносил японский климат и вскоре запросился обратно в Европу, поэтому ему на смену генсек летом 1927 г. намечал... Троцкого. Представьте себе, как «демон революции» во фраке вручает верительные грамоты молодому худощавому императору Сёва с непроницаемым лицом. Но и этому не суждено было слу-

читься. Довгалецкий добился перевода в Париж, где проработал до самой смерти в 1934 г. Осенью 1927 г. Сталин отправил Троцкого вместо Японии в ссылку в Алма-Ату. Полпредом в Токио намечался Аралов, но против него выступила коллегия НКВД, сославшись на «постоянную и самую неумеренную уступчивость» кандидата, в том числе во время переговоров с японцами о новой рыболовной конвенции. 3 ноября «Инстанция» назначила полпредом председателя правления Госторга РСФСР Александра Трояновского, который вскоре стал любимцем токийского «света» (51).

Первый японский посол в СССР Танака Токити долго служил в Азии и Америке, был вице-министром при Утида, но не работал в Европе. Подобно Коппу, он звезд с неба не хватал, но был деловит, практичен, настроен вполне прорусски и преисполнен желания оправдать доверие – для него это было первое назначение такого уровня. Ёсидзава, о желательности кандидатуры которого «в частном порядке» говорил Карахан, в Москву не поехал: был болен или казался больным, не желая уезжать из Пекина (52). Во время первой беседы с Чичериным 14 июля 1925 г. Танака «с очень большим жаром подчёркивал своё желание содействовать упрочению дружбы между нашими государствами» и опроверг слухи о возможности англо-японского блока против СССР: «Японцы имели настолько тяжёлый опыт от союза с Англией, что его возобновление невозможно, ибо во всём народе господствует слишком сильное раздражение против Англии» (53).

Кроме посольств, стороны договорились открыть по восемь консульств. В течение 15 месяцев после подписания конвенции японские консульства открылись во Владивостоке, Александровске, Хабаровске, Петропавловске, Благовещенске, Одессе, Охе и Новосибирске (вместо предполагавшегося ранее Николаевска). Советские консульства появились в Осаке, Кобэ, Хакодате, Нагасаки, Отару, Цуруга, а также в Дайрене и Сеуле. Двум последним Карахан придавал особое значение: «Что касается Дайрена, то это важнейший наблюдательный пункт за японской работой в Маньчжурии... Консул в Дайрене должен быть достаточно ответственным и достаточно крупным человеком, который был бы достойным партнером для японцев. Генеральное консульство

в Сеуле представляет для нас громадный политический интерес. Открывая консульство в Сеуле, мы получаем впервые за всё время нашего (т. е. большевистского режима – *В.М.*) существования непосредственный доступ к корейским делам, непосредственное ознакомление с тем, что происходит в Корее. Само собой понятно, что нашему консулу в Сеуле никакой корейской политики вести не удастся, но как наблюдательный пункт он имеет совершенно неоценимое значение» (54).

Не всё шло гладко. Ссылаясь на монополию внешней торговли, СССР требовал создания, помимо посольства, отдельного торгового представительства с распространением на его сотрудников и территорию права экстерриториальности и дипломатического иммунитета. Японцы ничего подобного не требовали, ограничиваясь одним коммерческим представителем в составе посольства и напоминая о принципе полной взаимности. В Токио понимали, что советские представительства, несмотря на любые заверения, станут центрами коммунистической пропаганды и разведывательной работы. Против посольства возразить было нечего, а с торгпредством они не спешили идти навстречу, особенно услышав про экстерриториальность его складов. Москва настаивала, разъярясь, чем социалистическая внешняя торговля отличается от капиталистической. Но поскольку торговать с Советской Россией японские деловые люди хотели – иначе зачем было её признавать? – после долгих споров пришлось согласиться на предложенные условия. Итоговый документ, определяющий функции и статус торгпредства был подписан в Токио 23 июня 1926 г. (55).

Были в Японии недовольные признанием «Советов»: они устраивали хулиганские выходки и даже покушения. Полпредство исправно протестовало, намекая на покровительство властей и полиции. Это едва ли справедливо, поскольку власти были заинтересованы в нормальном развитии отношений, прежде всего экономических, а Советский Союз мог ответить на политические демарши экономическими санкциями. Если считать «Документы внешней политики СССР» за эти годы, отношения между нашими странами предстают сплошным кошмаром: одни жалобы да ноты протеста из Москвы. Однако Карахан имел основания констатировать 7 мая 1925 г. в письме к Чичерину: «Общий приём,

который был оказан Коппу в Токио, подтверждает лишний раз те общие широкие симпатии, которые имеются в кругах японского общества к нам... У японского правительства имеется, несомненно, желание к сближению с нами на почве далеко идущих интересов, связанных с общим положением Японии на Тихом океане, но было бы большой ошибкой рассматривать это как основной фактор, определяющий линию политики Японии в отношении нас. Политика Японии в отношении нас не будет идти по одной прямой линии, она будет зигзагообразной и внутренне противоречивой, ибо, как я писал уже, есть элементы, сближающие нас с Японией и отталкивающие нас друг от друга» (56).

Выступая 27 июня 1927 г. на собрании Японско-советского общества с ответной речью после Гото, полпред Довгалецкий имел основания говорить о «счастливо развивающихся отношениях между Японией и СССР»: «За этот короткий промежуток (со времени восстановления отношений – *В.М.*) заложены прочные основы для дальнейшего углубления дружбы между народами-соседями и развития их экономических, культурных и политических связей. Мы с радостью наблюдаем, как всё увеличивающийся интерес к взаимному ознакомлению в области культурной деятельности порождает обоюдные симпатии и сочувственное взаимопонимание между нашими странами... В то же время общая воля наших стран к мирному экономическому сотрудничеству привела к преодолению трудностей, проистекающих от различия их хозяйственных систем, и наглядно выявила полную возможность взаимного приспособления их на благо народов обеих стран и увеличения их благосостояния. Растущее на этой почве... взаимопонимание и уважение, а также глубокое стремление народов обеих стран к миру и мирному созидательному труду позволяют нам надеяться, что взаимные отношения между нашими странами будут и впредь неуклонно развиваться в духе дружбы и доверия» (57). Дипломатическая вежливость? Возможно, но такую же картину рисуют записки Беседовского – едва ли не единственные воспоминания советского дипломата о работе полпредства в Токио в те годы.

Не всё было гладко и в Москве. В июле 1925 г. ГПУ раскрыло заговор группы китайцев (следы вели в посольство) против япон-

ского посла. Политбюро решило обойтись «без огласки»: арестованных заговорщиков выслали на родину, не устраивая процесса, а к Танака приставили охрану, которую «забыли» снять до конца сентября. Впрочем, и сам посол, как Чичерин 24 июля уведомил Карахана, «считает желательным не разглашать этого дела, ибо в Японии тоже есть фанатики, и он опасается встречных выступлений в Японии. Он относится чрезвычайно спокойно и рассудительно ко всему этому делу» (58).

Отношения стали развиваться нормально, хотя с «комиссарской» Россией иметь дело было сложнее, чем с царской. Официальным лицам в Токио не давал покоя призрак мировой революции.

Глава одиннадцатая

КОМИНТЕРН МЕЖДУ МОСКВОЙ И ТОКИО

В отношениях молодого советского государства с внешним миром помимо политико-дипломатического, торгово-экономического и научно-культурного неизменно присутствовал ещё один аспект – или вектор – коминтерновский. Как бы ни дистанцировался Совнарком от Коминтерна, было ясно, что это не более чем две головы прежнего имперского орла. Только вместо скипетра и державы в лапах он сжимал серп и молот.

Дипломатические отношения большевистской России с буржуазными государствами имели поистине уникальный характер. С одной стороны, они развивались вроде бы как положено – с подписанием и ратификацией договоров, учреждением посольств и консульств, обменом нотами и визитами, участием в международных конференциях. С другой стороны, СССР открыто поддерживал коммунистические партии и леворадикальные профсоюзы, которые провозглашали своей целью если не свержение, то, как минимум, «замену» существующего в этих странах строя. Москва финансировала и направляла их деятельность и давала приют политическим эмигрантам, многих из которых на родине рассматривали не как политических, а как уголовных преступников, вроде кавалера ордена Красного знамени Макса Хольца. Так поступал не только СССР, но советские дипломаты не упускали случая повозмущаться любой акцией «белой» эмиграции, размах деятельности которой с середины двадцатых годов был, конечно, несравним с масштабными акциями коммунистов и их многочисленных попутчиков.

За границей любили порассуждать, кто кому подчиняется: Коминтерн советской власти или советская власть Коминтерну.

Абсурдность подобных рассуждений очевидна – две части единого организма, они имели разные функции, но одинаковую конечную цель. Уже в годы гражданской войны большевики прилагали максимум усилий для создания коммунистических партий за рубежом, вплоть до Аргентины (1918), Голландской Индии (современная Индонезия; 1920) и Люксембурга (1921). На их поддержку шли запасы золота и валюты, выручавшиеся от продажи зерна; бумага и типографские мощности отдавались на печатание агитационных брошюр и листовок, а потом на перевод сочинений Ленина и прочих вождей на иностранные языки. После провала коммунистического переворота в Германии в ноябре 1923 г. многим в руководстве Коминтерна стало ясно, что раздуть мировой пожар в ближайшее время не удастся. Страны с наиболее развитым и многочисленным фабрично-заводским пролетариатом оказались, несмотря на марксистские теории, наименее готовыми к социалистической революции. Тогда взоры советских лидеров обратились к Азии, которую стали называть «резервом» мирового коммунистического движения. Длительная и кровавая смута в Китае желанной революцией не обернулась, а только до предела заострила антикоммунистические и антисоветские настроения националистов во главе с Чан Кайши и Ван Цзинвэем. К тому же она основательно напугала Японию, имевшую все основания не верить заверениям Москвы. Перспективы радикального расширения «советских» территорий за пределы СССР и двух его сателлитов – Монголии и Танну-Тувы – практически изолированных от внешнего мира, померкли. Пришлось менять не только тактику, но и стратегию.

Ранний период истории коммунистического движения в Японии и его отношений с Коминтерном нередко называют героическим. По-своему это оправдано: многие видные деятели, да и рядовые активисты компартии были репрессированы, убиты или подвергнуты пыткам, но до конца сохранили верность своим убеждениям и идеалам. Однако история Коммунистической партии Японии (КПЯ)¹ – это не только мартиролог мужественных людей. Многие из них стали заложниками Большой игры Москвы

¹ Так её принято называть в отечественной литературе. Современное официальное русское название – Японская коммунистическая партия (ЯКП).

и Коминтерна, обрекавших их на заведомо безнадежное дело, а то и на верную смерть. По записям П.Н. Лукницкого, Анна Ахматова в начале двадцатых отказалась от предложенной ей работы – переводить на итальянский язык коминтерновские прокламации, хотя остро нуждалась в деньгах: «Подумайте, я буду делать переводы, которые будут посылаться в Италию, за которые людей будут сажать в тюрьму» (1).

Предпосылок для создания эффективно действующей компартии в Японии к началу двадцатых годов не существовало. Во-первых, там не было развитого, теоретически зрелого и политически организованного социалистического или социал-демократического движения, леворадикальный фланг которого мог оформиться в компартию, как это произошло во многих европейских странах. Во-вторых, даже в условиях «демократии Тайсё» в Японии не получили сколько-нибудь широкого распространения идеи интернационализма, тем более пролетарского. Многие авторитетные марксисты, например, переводчик и комментатор «Капитала» Такабатакэ Мотоюки, уже на рубеже 1919/1920 гг. объявили себя «национальными социалистами» в противоположность «интернационал-коммунистам». В-третьих, японский пролетариат отличался низким образовательным уровнем и ещё более низким уровнем «классовой сознательности», а потому коммунистическое – как ранее социалистическое – движение в этой стране оставалось уделом «разночинной» интеллигенции (школьные учителя и университетские преподаватели, врачи, журналисты, актеры) и «опоздавшей молодёжи». Оппозиционно настроенные интеллигенты пытались «просвещать» народ, но он часто реагировал на них, как русские крестьяне на народников. Наконец, жесткие полицейские преследования парализовали деятельность оппозиции, особенно левой, не давая ей развернуться. Надо сказать, абсолютное большинство японцев, кроме самих же крайне левых, одобряло такую политику, считая «красных» не просто опасными для стабильности и безопасности общества, но «изменниками родины», служащими чужим, неапонским интересам. Добиться чего-либо в таких условиях было нереально. Особенно создать массовую партию, как хотела Москва.

Старшее поколение японских левых, вышедшее на политическую арену в начале XX в., состояло в основном из идеалистов во

всех смыслах этого слова, больше преданных христианскому социализму, чем идеям диктатуры пролетариата и истребления чуждых классов. Они выступали против русско-японской войны как войны агрессивной, но с куда меньшим жаром осуждали участие в «союзнической» интервенции на Дальнем Востоке. Казнь анархиста Котоку Сюсуй и его соратников в 1911 г. деморализовала многих: Котоку умер как герой, но это никого не спасло и не ошастливило. Умами социалистов всё более овладевали «постепеновские» настроения и «теории малых дел», если воспользоваться старыми терминами русской публицистики. Они видели главный смысл в легальной работе, понимая, что нелегалщина не только ставит их вне закона, но и отталкивает от них потенциальных союзников. Из видных деятелей этого поколения только Катаяма Сэн продолжал стоять на радикальных позициях (2).

Русская революция всколыхнула оппозиционно настроенных японских интеллектуалов и активистов левого движения, но её влияние на «широкие народные массы» осталось более чем ограниченным. Простым труженикам, жившим в бедности, а то и откровенной нищете, было мало дела до того, что происходит в стране, которая всего 12 лет назад проиграла войну Японии. Резолюции социалистических митингов были полны красивых слов и громких лозунгов, вроде того, что «превращение российской революции во всемирную социальную революцию есть дело не только русских социалистов, но и социалистов всего мира». Но никакого реального значения они не имели.

Инициативу взяла на себя Москва. Здесь в 1920 г. были созданы Сибирское (Сиббюро), а затем Дальневосточное (Дальбюро) бюро ЦК. В конце 1921 г. сюда же перебрался на постоянное жительство Катаяма, с 1914 г. обитавший в США.

Первоначально ВКП(б) и Коминтерн делали ставку не на японцев, а на китайцев и корейцев как представителей «угнетенных народов». Они жили и в России, и за её пределами, свободно, хотя далеко не всегда законно пересекали границы, а потому казались идеальным «человеческим материалом» для революции на Дальнем Востоке и укрепления позиций большевиков. 7 ноября 1920 г. Сиббюро сообщало в Москву из Иркутска, что оно организовало Секцию восточных народов (включая японскую под-

секцию), призванную стать центром сосредоточения информации и передачи на места указаний Коминтерна. Дело налаживалось плохо: «Японский отдел пока не функционирует (ввиду – В.М.) отсутствия подходящих партреволюционных работников, также знающих Японию, японский язык и русских». Поэтому Москва в начале 1921 г. постановила подчинить секцию непосредственно Коминтерну, где были хоть какие-то японцы.

Некий Ёсихара Таро, избравший себе партийный псевдоним «Ноги», попал в Советскую Россию в 1920 г. из Америки, где был активистом левого профцентра «Индустриальные рабочие мира» (IWW). Там Коминтерн начал работу с японцами раньше, чем в самой Японии – из-за большей достижимости, а также потому что японские иммигранты в США как раз и были «угнетенной массой». В том же году «товарищ Таро», как его называли секретные советские документы, побывал на Первом съезде народов Востока в Баку, а годом позже участвовал в Третьем конгрессе Коминтерна вместе с Тагути Ундзо, который привез Ленину послание Катаяма. Видимо, «товарищ» сам вызвался руководить коммунистической пропагандой для Японии и поддерживать связи с тамошними левыми. На него же возлагалось общее управление изданием агитационной литературы на японском языке в ДВР, предприятием тайным и как бы даже подпольным. Впрочем, как писали иркутские товарищи в Центр, «на территории Дальреспублики никакой провал типографии не угрожает». Затем «товарищ Таро» предполагал лично отправиться в Японию для создания сети коммунистических организаций. «Т. Таро должен понимать, – писало Сиббюро, – что с его арестом Коминтерн лишится надежного человека, могущего руководить коммунистическим движением в Японии. Отъезд т. Таро в Японию должен произойти лишь с согласия Коминтерна».

«Товарища» послали в Японию осенью 1921 г., дав ему с собой драгоценные камни на крупную сумму для организации подпольной работы. Увы, он не оправдал доверия – камни продал, а деньги растратил. Тем не менее до 1923 г. Таро совершал челночные поездки между Японией, Советской Россией и Китаем, видимо, занимаясь какими-то махинациями. В ноябре 1922 г. вместе с социалистом Арахата Кансон он встречался в Пекине

с Иоффе, которому передал предложение «одного ультраправого общества выкупить северный Сахалин, что вызвало резкую отповедь Иоффе». Уточнить эту информацию автор настоящей работы не смог, но речь явно шла либо об Обществе реки Амур (Кокурюкай), либо об Обществе черного океана (Гэньёся), представители которых контактировали с советским полпредом. Насколько «товарищ Таро» был уполномочен делать такие предложения и от чьего имени он действовал на самом деле, сказать трудно. К этим обществам нередко прибивались сомнительные люди, готовые на разного рода «грязную» работу. Интересен отказ Иоффе даже обсуждать с ним вопрос о продаже Сахалина, хотя, принимая в том же месяце настоящего посланца Общества реки Амур Комаи, полпред такой возможности в принципе не исключал. После этого следы «товарища Таро» теряются. Арахата утверждал, что в 1937 г. видел его в полицейском управлении, причём не в качестве узника...

Несмотря на полное отсутствие предпосылок, создание в Японии коммунистической партии было решено с учетом общей обстановки. В ходе затянувшегося пребывания японских войск на русской территории рассматривать Токио иначе как военного и политического противника было трудно. Катаяма в мае–июне 1922 г. выезжал на Дальний Восток для ведения антивоенной пропаганды, направленной на японскую армию, т. е. для разложения противника. Занимался он этим активно, но не очень эффективно. Кроме того, прекратилось поступление информации непосредственно из Японии, что затрудняло выработку политики. Требовались «наши люди» в Токио, а лучше по всей стране. Единственным возможным вариантом оставалась организация левых радикалов под руководством и контролем Коминтерна.

Официально КПЯ была создана на учредительном «общенациональном» съезде – 8 человек – в Токио 15 июля 1922 г., до окончательного вывода войск из Приморья, хотя её устав был опубликован уже в сентябре 1921 г. в журнале «Народы Дальнего Востока» и датирован 24 апреля того же года. История его такова. В апреле 1921 г. в чайной на окраине Токио собрались семь человек, включая широко известных в узких социалистических кругах страны Ямакава Хитоси, Сакаи Тосихико, Арахата Кан-

сон, а также Кондо Эйдзо, связанного с японской группой компартии США. Ямакава написал манифест и устав, взяв за образец программные документы английской компартии, но декларировал нелегальный характер новой организации. Тексты были одобрены, и в начале мая Кондо отвез их в Шанхай эmissару Коминтерна некоему корейцу Ли. Там же находился и более влиятельный представитель той же организации Григорий Войтинский. Ли переправил документы в Москву и дал Кондо 6500 иен (большая по тем временам сумма) на «орграсходы». 12 июля 1921 г. на заседании Третьего конгресса Коминтерна «товарищ Таро» и Тагути доложили, что устав и манифест КПЯ получены в Москве. По возвращении в Японию Кондо был арестован. Деньги он «потратил на личные нужды», как сообщают историки, но из рядов коммунистического движения выбыл только через несколько лет, когда стал «национальным социалистом».

Устав и манифест японских коммунистов, действительно, писались не в Москве, но программа партии – которая ещё формально не была создана – составлялась именно там при ближайшем участии Катаяма. Он выступал против насильственных действий и предлагал сосредоточиться на борьбе за всеобщее избирательное право (разумеется, для мужчин; женщины получили его только после Второй мировой войны), что позволило бы рабочим и крестьянам хоть как-то участвовать в работе государственных органов. Признавая Японию «зрелым полем для революционных действий», Катаяма тем не менее не говорил о свержении монархии, призывая лишь к тому, чтобы «свергнуть бюрократизм и милитаризм и установить демократическое правительство». Умеренная программа пришлась не по вкусу максималистам. На первом съезде революционных организаций Дальнего Востока в Москве (январь 1922 г.) с платформой «Задачи коммунистов Японии» выступил партийный идеолог Николай Бухарин, поставивший конечной целью «пролетарскую диктатуру» и «замену военно-плутократической монархии властью Советов». Однако ему пришлось согласиться, что пока следует ограничиться «полной демократизацией политического строя». Крепости института императорской власти в Москве не понимали. Не было единства в этом вопросе и среди японских коммунистов. Поэтому

настойчиво выдвигавшиеся Коминтерном требования о свержении монархии появились в документах КПЯ позже, когда несогласных в её рядах не осталось.

На втором съезде КПЯ в феврале 1923 г. присутствовали 75 человек, на чрезвычайном съезде в марте 1923 г. 23 человека. В партийных рядах сразу же обнаружилось разногласия – главным образом по поводу указаний из Центра. Одни выступали за легализацию, точнее, за создание легальной партии под коммунистическим контролем, чтобы «подготовить почву для пролетарской революции, которая последует за революцией буржуазной», как докладывал первый генеральный секретарь КПЯ Арахата пленуму Исполкома Коминтерна (ИККИ) в мае 1923 г. Другие считали буржуазную революцию в Японии невозможной и предлагали готовиться сразу к пролетарской. Таким образом, с самого начала в компартии не было единства, как не было у неё ни социальной базы внутри страны, ни политической и финансовой самостоятельности. Её содержал Коминтерн, как видно из опубликованных ныне документов, включая многочисленные просьбы и расписки. Нелегальность в условиях жесткого полицейского контроля исключала эффективную массовую деятельность. Кроме того, сильную конкуренцию коммунистам в пределах узкой полосы леворадикального политического спектра составляли легальные пролетарские партии, процесс организации которых начался несколько позже.

В середине двадцатых годов были созданы Рабоче-крестьянская партия во главе с Ояма Икуо, профессором университета Васэда (15 тыс. членов), Социал-демократическая партия во главе с Абэ Исо, давним соратником Катаяма (88 тыс. членов), и Японская рабоче-крестьянская партия во главе с Асо Хисаси (20 тыс. членов). Когда советской пропаганде надо было показать рост и размах пролетарского движения в Японии, две последних партии записывали в «наши», а их членство или поданные за них голоса на выборах – в актив Москвы. Когда же речь шла о чистоте идей и рядов, партии Абэ и Асо относили к «социал-фашистам», а их лидеров клеймили как «лакеев буржуазии» и «предателей интересов рабочего класса». Только Ояма блокировался с коммунистами и ориентировался на Советский Союз. В начале тридцатых

ему пришлось эмигрировать в США, зато после Второй мировой войны он был удостоен международной Сталинской премии «За укрепление дружбы между народами». Внушительными результатами эти партии похвастать не могли по тем же причинам, что и коммунисты. Да и сплочения в их не слишком-то мощных рядах не было, несмотря на периодические попытки объединиться. Однако делая ставку на деятельность в рамках закона, они принципиально дистанцировались от Коминтерна и «забугорных» источников финансирования, а потому имели хоть какую-то социальную базу в самой Японии и привлекали сочувственное внимание иностранной социал-демократии.

Первым сильным ударом по коммунистическому движению стали аресты свыше 100 активистов и попутчиков 5 июня 1923 г. на основании закона «О поддержании общественного порядка и спокойствия». Уцелевшая часть руководства компартии бежала во Владивосток, где создала так называемое Японское бюро. Восточный отдел Исполкома Коминтерна задумался, что лучше иметь ещё и легальную партию по образцу британской лейбористской.

1 сентября 1923 г. произошло Великое землетрясение Канто. Советский Союз сразу же объявил сбор средств в пользу пострадавших и отправил им гуманитарную помощь, размер которой Совнарком предложил определить внушительной суммой в 200 000 золотых рублей. ЦИК СССР постановил послать в Японию из Владивостока пароход «Ленин» с грузом медикаментов и продовольствия, достаточным, согласно советским источникам, для пропитания двадцати тысяч человек в течение двух месяцев (3). По прибытии в Иокогаму «японские портовые власти поднялись на борт и поблагодарили за доставленную помощь. Они рекомендовали сдать груз под их ответственность. В свою очередь они передали бы груз военным властям, которые-де и распределяют помощь среди населения. На это мы, разумеется, ответили отказом. Мы заявили, что доставленные нами товары собраны рабочими Владивостока для передачи рабочим Японии... К исходу дня нам сообщили, что в связи с военным положением в городе мы не можем получить разрешения сойти на берег. Кроме того, доставленная нами помощь уже не требуется. На

следующий день гарнизонный полковник со свитой офицеров поднялся на борт и вручил распоряжение токийского правительства немедленно оставить порт и не заходить в другие японские порты». Это цитата из доклада представителя Коминтерна во Владивостоке Иосифа Файнберга заместителю заведующего Восточным отделом ИККИ Войтинскому от 20 сентября 1923 г. Сам Файнберг находился на пароходе, «зарегистрированный как второй секретарь экспедиции под именем Дж. Брауна».

«Русскими представителями было публично объявлено, что находящиеся на борту парохода пожертвования должны быть розданы только рабочим и что труд распределения этих пожертвований они берут на себя. Далее об этих русских представителях, – сообщала нота японского консула во Владивостоке уполномоченному НКВД 2 октября 1923 г., – было доложено, что они произносили речи, беспокоившие возможностью волнений наших граждан» (4), т. е. занимались коммунистической пропагандой. Этот демагогический ход, сделанный вопреки всем законам и правилам, конечно, не мог устроить японские власти, усмотревшие в нём попытку нажать политический капитал на чужом несчастье, равно как и вмешательство в их прерогативы. Пароходу пришлось вернуться во Владивосток со всем грузом, а в Японии усилились антикоммунистические и антисоветские настроения (5).

Оповестив весь мир о случившемся, официальный Токио сослался на ведение советскими представителями пропаганды и на наличие на борту агитационной литературы. «Эти ложные сведения надо опровергать и пошире распространять эти опровержения, – предписывал циркуляр Чичерина советским представителям за границей от 21 сентября. –... Очевидно, японская реакция хотела превратить нашу помощь в повод для крупного скандала, чтобы помешать столь нежелательному этим элементам сближению между Японией и Россией» (6). 23 сентября Совнарком направил в Токио гневную ноту: «Сообщения японской прессы, что якобы на российском пароходе “Ленин” имелась коммунистическая литература, абсолютно ни на чём не основаны и не соответствуют действительности. Удаление российских пароходов с помощью пострадавшим из японских гаваней самым отрицатель-

ным образом отразится на дальнейших сборах в пользу пострадавших от землетрясения... Союзное Правительство считает, что необычайный поступок японских властей по отношению к пароходу «Ленин» ничем не может быть оправдан» (7). Коммунистическая пресса протестовала против действий японских властей, воспрепятствовавших «акту гуманизма и классовой солидарности», хотя речь шла о попытке откровенного вмешательства во внутренние дела.

Тем не менее Карахан без тени смущения писал Гото из Пекина: «Мне нечего говорить Вам о чувстве обиды и горечи, когда мы узнали о недостойном обвинении, которым сопровождалось изгнание нашего парохода из Иокогамы... Я не сомневаюсь, что глупая клевета на пришедший в Иокогаму с братской помощью пароход создана врагами русско-японского сближения». Жалуясь Гото – министру внутренних дел! – на действия властей, Карахан «дипломатично» отвел упреки от него лично и усиленно искал виновных: «Мы узнали, что это дело рук местного военного командования и что правительство в Токио узнало об этом фактуме, что японский народ в этом оскорбительном деле неповинен. Нам стало ясно, что как в прошлом некоторые военные элементы Японии, вдохновлявшие и руководившие военными экспедициями в Сибири (это-то здесь причём?! – В.М.), принесли много зла русско-японским отношениям, так и теперь неосторожной и необдуманной рукой они ударили по налаживавшемуся взаимному пониманию обоих народов» (8). Чичерину Лев Михайлович 26 ноября сообщал совсем другое: «Худшие опасения наши в отношении поведения команды и руководителей парохода «Ленин» оправдались... мы дали этим блестящее оружие в руки наших врагов в Японии» (9).

Вслед за заявлениями правительства советские историки категорически отрицали наличие идеологической или пропагандистской подоплеки в визите парохода «Ленин» в Японию. Однако Файнберг прямо писал Войтинскому: «Решение о поездке я принял в надежде, что нам разрешат сойти на берег и предоставится возможность установить контакт с нашими товарищами или представителями профсоюза. Вместе со мной находился товарищ Манива, зарегистрированный как переводчик, и товарищ Цудзии

(оба члены Японского бюро – В.М.), которого мы спрятали на корабле, чтобы попытаться переправить его на берег (выделено мной – В.М.)). Рейс «Ленина» решено было использовать и для налаживания контактов с коммунистами, и для получения информации о положении в Японии из первых рук, недостаток которой с отъездом из Токио представителя РОСТА Антонова ощущался особенно остро. «Надеюсь, через день-два товарища Цудзии удастся переправить обратно в Японию, – заключал свой доклад Файнберг. – Полагаю, активных деятелей лучше направлять на работу в страну, чем без дела держать во Владивостоке».

Против подобных авантюр категорически выступил Чичерин, писавший 15 октября в секретариат ЦК, членам Политбюро и коллегии НКВД: «Когда по приходе парохода в Иокогаму японские портовые власти спросили, нет ли на пароходе японцев, корейцев или китайцев, им было отвечено, что нет. Однако, после этого находившиеся на пароходе “Ленин” японские коммунисты переговаривались на японском языке с матросами окружающих судов. Японские власти сильно возмущались тем, что их обманули... И в момент прибытия в Иокогаму, и затем утром и вечером все находившиеся на пароходе “Ленин” выстраивались на палубе и пели “Интернационал” и другие революционные песни. Понятно, что когда при таких условиях экспедиция требовала от японских властей, чтобы её связали с японскими рабочими организациями, это должно было вызвать у японцев величайшую нервность. Что бы мы сказали, если бы американский пароход с продовольствием прибыл в нашу гавань, если бы на пароходе оказались русские белогвардейцы, если бы эти белогвардейцы стали что-нибудь кричать местной буржуазии и если бы все на пароходе в определённые часы пели “Боже, царя храни”?.. Эти действия нашей экспедиции сильно повредили не только дальнейшим возможностям оказания помощи, но и делу возобновления сношений с Японией вообще. Первый контакт с Советской Россией был такой, который мог только сильнейшим образом напугать японские правящие круги и отнять у них всякое желание возобновления с нами сношений. Мы находим, что эти действия были совершенно недопустимыми и что следовало бы произвести расследование по этому поводу» (9). Однако никакого расследования не последовало.

Официальная история КПЯ характеризует первые годы её существования как борьбу «праволиквидаторского» и «левоопортунистического» уклонов, называвшихся труднопроизносимыми словами «ямакавизм» и «фукумотоизм». Интеллектуал Ямакава Хитоси, одно время близкий к анархистам, пришёл к выводу, что условия для создания компартии в Японии ещё не созрели. Его поддержали влиятельные члены партийного руководства, включая генерального секретаря Акамацу Кацумаро, популярного профсоюзного активиста и будущего теоретика национального социализма. В октябре 1923 г. в глубоком подполье была проведена конференция КПЯ, принявшая тезисы Ямакава. Московская директива о создании легальной партии была воспринята как призыв покончить с нелегальщиной. К весне 1924 г. разногласия узкого круга оставшихся в стране коммунистов достигли такого накала, что пришлось создать специальный комитет с исключительными полномочиями для решения дальнейшей судьбы партии. Большинство высказалось за её ликвидацию в качестве нелегальной организации. Для дальнейшей координации действий создали специальное бюро, поддерживавшее связь с 50 активистами на местах (в партии всего числилось около 200 человек).

Находившийся в Шанхае, Арахата написал Катаяма о положении в партии и мотивах принятого решения: «Причины роспуска следующие: 1) партия стала совершенно сектантской, утратила влияние на массы; 2) и, как следствие, в партии отсутствует жизненная энергия, а все её органы переживают застой; 3) определённая часть партии подвержена коррупции и утратила коммунистическое мировоззрение. Руководящее ядро партии практически расколото. Эти причины относятся к числу наиболее бросающихся в глаза». Сказано чётко и откровенно, по-товарищески. Но самое интересное дальше: «В действительности же существует немало иных, скрытых причин. Партия в нынешнем её виде возникла не в результате широкого массового движения. Короче говоря, *партия была создана искусственным образом* (выделено мной – В.М.) и вслепую, на основе личных связей. Именно в этом коренится подлинная причина, в силу которой партия не могла не превратиться в сектантскую группу». Эти соображения Арахата просил не афишировать. Но «ликвидатор» вовсе не считал, что

всё потеряно: «Роспуск партии отнюдь не означает ликвидации коммунистического движения, полного прекращения его. Наоборот, в целях перестройки партии в ближайшее время на подлинно прочной и здоровой основе мы возродим подлинное движение, учитывая горькие уроки прошлого поражения. Мы преисполнены решимости создать совершенно обновленное движение».

«Нынешнее положение Коммунистической партии Японии плачевно, – суммировал Катаяма свои впечатления в докладной записке Исполкому Коминтерна 22 июня 1924 г., – и она, полагаю, находится в запутанном и жалком состоянии». Он решительно обрушился на Арахата со товарищи, которые «преднамеренно и полностью проигнорировали Коминтерн при обсуждении и принятии резолюции по наиболее серьезным и весомым вопросам... (и) самочинно полагали, будто все вопросы могут быть урегулированы простым извещением о своих решениях». «Они совершенно забыли, что Коммунистическая партия Японии является секцией Коминтерна», – подчеркнул Катаяма главный грех «ликвидаторов». То, что из токийского подполья, с ежедневной угрозой ареста и пыток, ситуация виделась иначе, нежели из штаб-квартиры Коминтерна на Воздвиженке, никого в Москве не волновало.

Самочинный роспуск партии решили осудить, что «с огорчением и недоумением» по поводу случившегося сделал Пятый конгресс Коминтерна. Одновременно решено было возродить партию под новым руководством. В январе 1925 г. Войтинский инструктировал в Шанхае японских коммунистов, включая Арахата, поставив перед ними «организационный вопрос как один из важнейших вопросов дня, от правильного разрешения которого зависит, будет ли коммунистическое руководство в рабочем и революционном движении страны или оно останется в руках оппортунистов из рабочей аристократии и мелкобуржуазной либеральной интеллигенции». Проще говоря, будут ли японские коммунисты безоговорочно следовать за Москвой или позволять себе какие-то вольности? В августе временное Японское коммунистическое бюро было реорганизовано в Центральное бюро по восстановлению компартии, в которое вошли наиболее «проверенные» кадры. Этому предшествовало установление советско-

японских дипломатических отношений, в результате чего Москва получила возможность иметь официальное представительство в Токио, обладавшее дипломатическим иммунитетом, но занимавшееся отнюдь не только легальной деятельностью. На этот счёт противная сторона иллюзий не строила.

В мае 1925 г. японская миссия в Пекине окольным путём получила запись доклада полпреда Коппа, с которым тот якобы выступил 17 апреля 1925 г. на заседании «Политбюро Харбинского губкома» (так! – *В.М.*), следуя к месту службы. Аутентичность этого документа, сохранившегося в Архиве МИД Японии в двух машинописных вариантах, более полном и сокращенном (оба с огромным количеством опечаток и без каких-либо служебных отметок), вызывает большие сомнения. Скорее всего, он – как многие фальшивки тех лет, вроде «письма Зиновьева», – происходил из эмигрантских кругов, стремившихся предотвратить нормализацию отношений «красной России» с другими странами или просто искавших заработка. В опубликованных документах Политбюро и Коминтерна никаких отголосков этой истории я не обнаружил, кроме того, что Карахан в письме к Чичерину от 7 мая назвал речь Коппа «мнимой», дезавуировав её (11). «Доклад» заслуживает внимания хотя бы потому, что он был переведен, прочитан и осмыслен японскими дипломатами (об этом говорит обширная служебная переписка вокруг него), а затем фрагментарно «слит» в токийские газеты. Приведу его текст, рискуя исправить только очевидные ошибки и опечатки.

Протокол заседания «Политического бюро Харбинского Губернского комитета» 17 апреля 1925 г. Копия стенографического отчёта для корректирования. Стенографировала Ершова, «с подлинным верно» заверил секретарь Анохин. Грифован японцами «Совершенно секретно» (12).

«Товарищи, я ограничу свой доклад настоящим моментом, не останавливаясь на пройденном пути. Первым моим словом будет экономическая политика страны. Детализировать этот вопрос я также не стану, ибо он предо мной стоит в объективной форме до приезда т. Янсона, которому будут вручены детально разработанные в ЦК пункты по этой отрасли.

Начатый нами процесс концентрации и централизации капитала и всей промышленности в руках государства подходит к концу, уничтожив всю свободную конкуренцию, (что) и привело к укреплению не только на внутренних, но и заграничных рынках монополистических союзов, синдикатов и трестов, получивших решающее значение во всей экономической жизни страны, и притом же, охватывая целые группы капиталистических держав, имея определённые цели – распространение собственных фабрик, что ясно доказывает, что мы в заграничных фабриках не нуждаемся. Наше стремление в экономическом отношении на Дальнем Востоке заключается – заключением тесного союза с Азией привлечь внимание европейского капитала для увеличения средств путём сдачи концессий на ископаемые богатства Дальнего Востока.

Раздутые слухи буржуазной прессой о вновь начавшемся голоде в Совроссии не отвечают действительности, так как голод нескольких губерний никакой опасности не представляет и в этом голоде виновными признаются не правительство, а само крестьянство, которое, послушав врагов Совправительства¹, засеяло свои поля не хлебом, а овощами, которые ввиду неподготовления к этому почвы дали ничтожные всходы. Таких губерний очень немного, и они какого либо вреда совласти принести не могут.

Пролетариат оценил экономическое достижение правительства, а главным образом начавшееся восстановление социалистической промышленности, на которую правительством обращено особое внимание. Важнейшей задачей настоящего периода является поднятие металлургии. Важнейшим положением является в последнее время указанный уже рост и восстановление пролетариата в основных отраслях промышленности. На фабрики возвращаются лучшие пролетарские силы, недавно уходившие из рабочих районов в деревню.

Культурно-политический уровень рабочей массы возрос до того, что влияние и авторитет мелкобуржуазной партии явно пал. Сознательность и тяга к нашей партии увеличились настолько,

¹ В краткой записи: «боясь реквизиции в пользу государства»

что совправительство стоит в настоящий момент на таких крепких устоях, как не стояло ещё ни одно правительство в России.

В международном отношении мы одержали кругом победы, хотя не исключена возможность, в случае какого-либо осложнения с малой Антантой, вмешательства кого-либо из великих держав. Но факт тот, что мы имеем своих представителей во всех столицах великих держав, с которыми приходится считаться¹. На Дальнем Востоке в международной политике я буду придерживаться тех тезисов, которые наметил ЦК. Используя Японию как врага и, следовательно, преддверие официального признания Америкой Совроссии, наш тесный союз с Японией является угрозой американскому обществу, передачей в эксплуатацию ископаемых богатств на Дальнем Востоке японскому капиталу. (Американское общество – *В.М.*) реагирует на это нажимом на своё правительство на ускорение официального сношения с Совроссией. Союз же с Японией, как со страной империалистического строя, определённой крепости не представляет, который при благоприятных отношениях с Америкой будет представлять мифический договор², ничем нас не связывающий, а дающий лишь возможность легального существования на территории Японии руководящего органа авангарда мировой революции. На поданный мне в записке вопрос о моей политической работе в Японии – я смотрю на это совершенно иным взглядом, основываясь на вышеуказанных тезисах международной политики, т. е. политическую работу вести в Японии всецело оставляю в руках японских социалистов, оказывая им лишь моральную поддержку в изживании дефектов, допущенных японскими рабочими в партстроительстве, снова повторяю, используя Японию как материал угрозы Америке на Дальнем Востоке.

В партийном же строительстве я смотрю так, с чем согласился НКВД и ЦК: нашу миссию в Японии в партийном отношении по возможности использовать в подготовке будущих работников, не прибывая вывеску партийности, а ограничиться созданием земля-

¹ В кратком изложении далее: «...за исключением официального признания Америкой; неофициальное сношение продолжается, как и ранее».

² В кратком изложении: «мифический лоскуток бумаги».

чества (социалистических кружков), к которым стихийно потянутся все те элементы, тяготеющие к социализму, и (которые) будут способствовать усилению общей работы, в частности имея определённую цель – распространение среди рабочих и крестьянских масс соответствующей литературы, которую Коминтерн в скором времени предполагает издавать на месте. Вместе с тем из землячества выделяются новые и особо ценные группы работников для деревни – рабочих, ближе знающих деревенскую работу. Эта отрасль будет проводиться за счёт союза рабочих, которые безусловно будут принадлежать нам, когда борьба рабочего класса перейдет в фазу непосредственной борьбы за социализм и пойдёт за нашей партией, которой принадлежит будущее.

Я заканчиваю свой доклад словами, относящимися к японскому юношеству, ярко воспринимающему социалистические взгляды. Поэтому с этой отраслью придется установить идейно-руководящую связь, чтобы вовлечь широкие массы трудящейся молодёжи и расширить материальную поддержку, после чего можно с уверенностью сказать – победа за нами».

Усилия по воссозданию японской компартии как бы случайно совпали с приездом в Токио торгпреда Карлиса Янсона, однофамильца бывшего министра иностранных дел ДВР Якова Янсона. Карлис обладал более богатой биографией, нежели Яков, с которым его иногда путают. Его можно назвать профессиональным организатором компартий. Активист латышского рабочего движения, он в 1919 г. создал компартию США вместе с Джоном Ридом и Катаяма, в 1921 г. компартию Канады, а годом позже связанную с ней легальную рабочую партию. Теперь Янсона послали в Токио восстанавливать КПЯ. Это была нелёгкая работа. «Нам нужно нашу группу и тренировать, и укрепить в 10 раз, чтобы она могла стать партией, хотя и слабенькой», – писал он Войтинскому 3 июля 1925 г., попросил денег, а в заключение пожаловался: «Вообще обстоятельства, в которых здесь сейчас приходится работать, очень тяжёлые, ибо всё время идёт ремонт. Японцы повсюду ходят, шпиков масса, почти всё время идёт дождь, а если нет дождя, то страшная жара и духота».

Янсон скептически отозвался о лидерах коммунистического движения вроде Ямакава, Арахата и даже будущего московского

ставленника Носака Сандзо, считая их интеллигентами, а потому потенциально «колеблющимися» и «отклоняющимися». Ставку он сделал на молодого Ватанабэ Масаносукэ – «рабочего от станка», которым легко управлять. Обозревая перспективы революционного движения в стране, Янсон с удовлетворением отметил существование большого количества марксистских и левых журналов и газет, посетовав, правда, на их малые тиражи и низкий уровень. Марксистских книг и брошюр – теоретических, популяризаторских и прямо агитационных – в Японии выходило много. Переводы проходили легче и продавались лучше, чем не блиставшие оригинальностью и глубиной мысли сочинения отечественных радикалов. Что-то застревало в цензурных рогатках, но на протяжении 1920-х годов «красная» литература свободно доходила до читателя, оставаясь доступной – при сокращении числа новых изданий – и в следующем десятилетии. Выпускали её не только коммунистические издатели, финансировавшиеся из Москвы, но разного рода сочувствующие и просто коммерсанты, стремившиеся нажиться на модной теме. Риск, конечно, был, но сладость запретного плода способствовала повышению цен и росту тиражей. Параллельно существовала и нелегальная литература, но её тиражи были ничтожны (в Японии действовала строгая система контроля за выпуском печатной продукции и в издательствах, и в типографиях), а круг распространения ограничивался только проверенными людьми.

Янсон был на хорошем счету в Москве, куда регулярно направлял пространные доклады о проделанной работе. Однако принятый 21 апреля 1925 г. через три месяца после подписания Пекинской конвенции и одновременно с новым, более демократичным избирательным законом «Закон об охране общественной безопасности» предусматривал наказание до 10 лет каторжных работ не только для тех, кто создавал организации или вступал в них «с целью изменить государственный строй или уничтожить систему частной собственности», но и для тех, кто лишь намеревался это сделать. Молва окрестила его «законом об опасных мыслях», поскольку под его статьи можно было подвести любое оппозиционное действие и даже высказывание. К нелегальной работе это не располагало.

Несмотря на указания Москвы и усилия Янсона, к руководству возрожденной КПЯ снова пришёл интеллеktуал – Фукумото Кадзуо, несколько лет проживший в Европе и связанный с тамошними социалистами. В 1922 г. он участвовал в международной «рабочей неделе», которую группа молодых марксистов провела в германском городке Ильменау. Другим её участником – судя по сохранившейся фотографии – был Рихард Зорге. По возвращении в Японию Фукумото стал активным сотрудником легального журнала «Марксизм». Статьи против Ямакава принесли ему известность и авторитет в левых кругах. Именно его тезисы стали теоретической основой манифеста восстановительного съезда КПЯ в декабре 1926 г. Фукумото решил делать по-своему, а не по-коминтерновски, выдвинув тактику «раскола и объединения», почерпнутую, как он утверждал, из ранних работ Ленина: «прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определённо размежеваться». Кроме того, он выступал за особое внимание к идеологическим вопросам и призывал к повышению теоретического уровня коммунистов.

Янсону, ждавшему конкретных дел, а не бесконечных интеллигентских разговоров, это не нравилось. Он пытался навязать восстановительному съезду собственные тезисы, но там с московским эмиссаром попросту не считались. Тогда Янсон начал слать тревожные донесения в Москву, называя новое течение «детской болезнью левизны» и требуя вмешательства Коминтерна. Позже «фукумотоизм» назовут «меньшевистствующим идеализмом»: это сталинское ругательство, появившееся в 1931 г., стоило головы не одному несогласному. Апофеозом борьбы с Фукумото стали тезисы Коминтерна по японскому вопросу (июль 1927 г.), написанные Бухариным при участии Катаяма. Ямакава, Фукумото и Арахата получили приглашение принять участие в их обсуждении. «Левый» Фукумото приехал в Москву; «правый» Ямакава и неизвестно какой Арахата прислали «письменные соображения». Заслушав несколько длинных докладов, наполненных обычной риторикой и схоластикой, а также самокритику «отклонившихся», Исполком Коминтерна отрёшил Фукумото от власти, несмотря на его покаяние.

С учетом рекомендаций Янсона новым генсеком КПЯ стал Ватанабэ, обещавший «под руководством Коминтерна строить японскую массовую партию». Как это делать, было не очень понятно. Внесенное в бухаринские тезисы как часть программы непосредственных действий требование ликвидации монархии автоматически ставило партию вне закона, потому что за одни разговоры об этом можно было угодить на каторгу. 15 марта 1928 г. по стране прокатилась новая волна арестов коммунистов и сочувствующих – всего 1568 человек. 10 апреля была запрещена легальная Рабоче-крестьянская партия. 6 октября на Тайване Ватанабэ застрелился, когда полиция пыталась арестовать его (он жил по подложным документам). К концу года все видные деятели КПЯ оказались в тюрьмах. Ямакава и Арахата не согласились с тезисами и были исключены из партии. Не отказываясь от своих идей, они порвали с авантюризмом, но зато не попали в герои.

Сфера бурной деятельности Янсона не ограничивалась коммунистами. Он «подкармливал» Всеяпонский совет профсоюзов (Хёгикай), стремясь превратить его в массовую базу КПЯ, но делал это не всегда осторожно, как видно из следующего рассказа Беседовского. Возможно, не всё в нём соответствует истине (они были в плохих отношениях между собой), но в целом он подтверждается другими доступными нам источниками. «На фабрике музыкальных инструментов в Хамамацу несколько месяцев подряд продолжалась забастовка. Я знал, что Янсон финансирует забастовку через левые профессиональные союзы, хотя он считал нужным отрицать это в разговорах со мной. Как-то один из сотрудников торгпредства сообщил мне, что он видел, как из кабинета Янсона, после окончания занятий (т. е. работы – *В.М.*), быстро вышел один из лидеров Хио-Ги-Кая. В тот же самый день бухгалтерия торгпредства отметила выдачу Янсону десяти тысяч долларов. Не прошло двух-трех дней, как в японской прессе появились сообщения о финансировании забастовки в Хамамацу советским торгпредством. Называли суммы, весьма близки к тем, которые были действительно израсходованы Янсоном на забастовку». Сам Янсон докладывал 5 июля 1926 г. из Токио: «Профсоюзы быстро прогрессируют, хотя Хёгикай не расширяется таким быстрым темпом, как организации центра и правого крыла.

Это объясняется тем, что Хёгикай терпела в своих забастовках более жестокие поражения, чем другие профорганизации... При нынешней забастовке в Хамамацу министр внутренних дел Хамагути предоставляет в распоряжение предпринимателей полицию, которая, избивая стачечников, арестовывает их и передает суду... Хотя забастовка длится уже 10 недель, стачечники не сдаются». А перед этим не раз напоминал, чтобы из Москвы регулярно присылали «шкуру медведя» или «чай», как он для конспирации называл деньги.

Беседовский утверждал, что добился отзыва Янсона, «указывая на его полное неумение вести конспиративную работу», и «обратил внимание на то, что в японской обстановке малейшая неосторожность в работе эмиссара Коминтерна или представителя ГПУ может вызвать большой политический скандал вплоть до разрыва отношений», предлагая «вообще не назначать больше эмиссара Коминтерна в Токио» (13). В 1927 г. Янсона, действительно, перевели в Шанхай на смену Войтинскому. Отъезд обошелся без скандала, но к началу 1930 г. японские власти получили от арестованных коммунистов сведения о том, что Янсон и бывший вице-консул в Шанхае Вильде, ещё один связной Коминтерна, давали им деньги на подрывную работу, причём с указанием времени и сумм. 19 января посол Танака принес заместителю наркома Карахану ноту протеста против действий советских дипломатов, которые нарушали статью пятую Пекинской конвенции – о взаимном отказе от враждебной пропаганды и недопущении участия в ней государственных служащих. Недовольство Токио вызывало и существование в СССР, причём на государственные средства, Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), который «давал образование и поддержку японским коммунистам». Карахан категорически заявил, что «на основании существующих у нас положений и инструкций никто из сотрудников не смеет и не может заниматься деятельностью, подобной той, которая указана в заявлении яп(онского) пра(вительства); что я сомневаюсь в правильности приписываемых Янсону и Вильде действий; что я уверен в том, что факты, о которых сообщает яп(онское) пра(вительство), не имели места и что сообщение яп(онского) пра(вительства) основано на оговоре или на

недоразумении с чьей-либо стороны. Во всяком случае я могу заверить яп(онское) пра(вительство), что если бы кто-либо из сотрудников наших учреждений за границей был бы повинен в действиях, на которые указывает яп(онское) пра(вительство), то он понес бы самое суровое наказание в полном соответствии с нашими законами и постановлениями. И поэтому яп(онское) пра(вительство) может быть вполне уверено и спокойно, что союзное правительство всегда принимало и принимает меры, которые исключают возможность подобных действий».

Эти «разъяснения» – в характерном наркоминдельском стиле «с примесью наглости и дерзости», как охарактеризовал его тогдашний германский посол в Москве Герберт фон Дирксен, – были почти дословно повторены в ноте НКВД, утвержденной Политбюро 30 января по проекту Карахана. По второму вопросу – о Коминтерне – в ней говорилось: «Что касается деятельности Коминтерна и коммунистической партии Японии, то Союзному правительству остается лишь указать, что оно не может нести ответственности за деятельность находящейся на его территории международной организации *совершенно частного характера* и что оно поэтому *лишено возможности оказывать какое-либо воздействие* на деятельность этой организации и её местных секций (выделено везде мной – *В.М.*)». Как будто речь шла о международном союзе филателистов или, по моде того времени, эсперантистов. Выслушав эти объяснения, посол заявил Карахану: «Наша цель... не в том, чтобы ссориться, а чтобы устранить недоразумение. Коминтерн создает большие трудности, приносит большой вред нам, а у нас с вами задача укреплять дружбу», – и потребовал объяснений по поводу КУТВ (14). Стороны, как говорится, остались при своих.

В двадцатые годы многие японские коммунисты побывали в СССР, где учились делать революцию. Некоторые осели там, чтобы сгинуть в мясорубке «Большого террора». Некоторых отправили обратно с партийными поручениями и порой с крупными суммами денег. До места назначения добрались не все и почти никто не смог приступить к работе, особенно после репрессий 1928 г. Кого-то жандармерия арестовывала сразу, ещё в Китае или Корее, кого-то на месте. Кто-то самым тривиальным образом

скрывался с полученными деньгами, как член Бюро Китахара Кацуо в конце 1925 г. Каждый раз учинялось следствие на предмет возможного предательства. Иногда находили и карали виновных, «принимали меры», посылали новых и... всё повторялось с начала. Исчезавшие сразу и с крупными суммами «растворялись» без следа. В новейшей литературе в справках о них год смерти обычно помечен вопросительным знаком.

Даже официальные истории КПЯ говорят об обилии в ней режиссеров и провокаторов. Согласно недавно опубликованным секретным документам Коминтерна, таких в немногочисленных рядах японских коммунистов оказалось едва ли не меньше, чем героев. Кто-то был внедрен, будучи кадровым сотрудником жандармерии или тайной полиции. Кто-то «раскололся» после ареста и под угрозой пыток дал согласие «сотрудничать». Кто-то, возможно, сделал выбор искренне, разочаровавшись в авантюристических лозунгах и московском диктате. Всё это вместе с непрерывным полицейским террором привело в тридцатые годы к массовому «переходу» с коммунистических, социалистических и леворадикальных позиций на умеренно-реформистские или национально-социалистические, но об этом позже. Тридцатые годы вошли в историю Японии как время преследования «левых», хотя с отечественным «большим террором» его, конечно, не сравнить. Иных же «казнили» сами товарищи по партии.

Даже «великий» Катаяма уже в 1925 г. подвергался критике со стороны молодых коммунистов за «скудный и ошибочный политический анализ», как сообщал в Москву Сано Гаку, встретившийся с мэтром в Шанхае для обсуждения «обстановки в Японии и в международном коммунистическом движении». В августе 1928 г., на Шестом конгрессе Коминтерна, четверо из пяти (пятым был сам Катаяма) японских делегатов с решающим голосом обратились в президиум с письменным протестом против его избрания членом Исполкома даже в персональном порядке, не говоря о полномочном представительстве партии. Они решительно утверждали, что Катаяма «не пользуется авторитетом среди японских рабочих» и не знает условий Японии, которую покинул 15 лет назад, что и тогда «у него отсутствовали тесные связи с нашим рабочим движением». Но главное было впереди: «За семь

последних лет (время пребывания Катаяма в составе ИККИ – В.М.) мы так и не могли дожидаться, чтобы он смог сделать хоть что-либо для развития коммунистического движения в Японии, но он разрушил наше движение». Однако Катаяма благополучно остался на всех постах и в 1933 г. был с почестями похоронен на Красной площади как старейшина японского коммунистического движения, а его именем продолжали клясться товарищи из «московской» КПЯ во главе с Носака.

Глава двенадцатая

ТАНАКА ГИИТИ В ПОИСКАХ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Генерал Танака Гиити, занимавший с апреля 1927 г. по июль 1929 г. пост премьер-министра Японии, был одним из главных «антигероев» советской пропаганды и историографии. В списке его грехов значились поддержка интервенции на Дальнем Востоке, попытки вторжения в Китай (первый и второй «шаньдунские кризисы» 1927–1928 гг.), массовые репрессии против коммунистов, профсоюзов и левых организаций весной и осенью 1928 г. Но главным злодеянием считался «меморандум Танака»: сверхсекретная программа японской экспансии на континенте, направленная против Китая и СССР и имевшая конечной целью достижение господства в Азии (1).

Утверждается, что этот документ – оригинала которого никто никогда не видел – был представлен императору через министра императорского двора Итики Китокуро 25 июля 1927 г. как результат «Восточной конференции» – совещания Танака, занимавшего по совместительству посты министра иностранных дел и министра колоний, с дипломатами и военными, специалистами по проблемам Азии. Материалы конференции, проходившей в Токио с 27 июня по 7 июля 1927 г., сохранились и опубликованы. После обмена мнениями участники приняли экспансионистский курс Танака и оформили это в виде итогового документа, но он не имеет ничего общего с пресловутым «меморандумом».

Подлинность этого текста, распространённого китайской делегацией на конференции международного Тихоокеанского института в октябре 1929 г. в Киото, с самого начала вызывала серьёзные сомнения – и не только потому, что его сразу же дезавуировала

японская сторона, указав на наличие фактических ошибок. «Меморандум» был предан гласности сразу после смерти Танака (29 сентября), так что главный фигурант не мог ни подтвердить, ни опровергнуть его. Выбор момента служит ещё одним аргументом в пользу фальсификации. Ещё невероятнее история происхождения текста: некий китайский книготорговец из Гонконга, приглашённый неким японцем (идентифицировать его по фамилии не удалось) в императорский дворец (!) для реставрации неких китайских рукописей в придворной библиотеке (!), случайно (!) обнаружил там копию меморандума (!), переписал его (!) и передал китайским патриотам (этим объяснялось отсутствие хотя бы фотокопии оригинала). Любой вменяемый человек имеет все основания усомниться в реальности любого из компонентов этой истории, которая смотрелась не слишком убедительно даже в агитпроповских брошюрах и американской «жёлтой прессе». О подложности «меморандума» говорят его объём (в пересчете более ста страниц японского рукописного текста на стандартной бумаге «гэнко-ёси») и содержание, включая подробную информацию о перспективах железнодорожного строительства в Маньчжурии, производстве удобрений, добыче магния и алюминия. О таких вещах императору просто не докладывали! Текст больше похож на служебную разработку Южно-Маньчжурской железной дороги, украденную из её правления или Исследовательского института, а то и вовсе на компиляцию из открытых публикаций. Более того, японские историки отметили в «меморандуме» лексические и стилистические ошибки, невозможные в подлинном тексте, представленном императору, поскольку в таких документах используются особые слова и грамматические формы. В то же время сложность текста исключает его написание представителем неиероглифической культуры. Всё это приводит к выводу о китайском или корейском происхождении «меморандума», хотя при его изготовлении могли быть использованы некие подлинные документы.

«Меморандум Танака» не одно десятилетие использовался антияпонской пропагандой, хотя многим его подложность была очевидна уже в тридцатые годы. Сейчас его подлинность декларируется только китайской историографией и отдельными япо-

нофобами. Окончательную точку в этом сюжете поставила вышедшая в 2010 г. монография японского историка Хаттори Рюдзи (2), что избавляет нас от необходимости останавливаться на нём, хотя вопрос о точном авторстве, времени, месте и мотивах изготовления «меморандума» представляет интерес¹. Однако нам придётся остановиться на воздействии этой фальшивки на Москву и советско-японские отношения.

В СССР «меморандум» попал из двух источников. Сначала его приобрел за крупную сумму резидент внешней разведки ОГПУ в Сеуле Иван Чичаев, которого официальная история СВР называет одним из крупнейших советских разведчиков. Он оценил покупку как документ исключительной важности, что подтвердил «специалист высшего класса, профессор-японист Макин, отлично знакомый с японской секретной документацией» (3). Идентифицировать Макина так и не удалось: это либо не Макин, либо не профессор, либо ни то ни другое, если он вообще существовал. Скорее всего, молодого разведчика, плохо знавшего Восток, ввели в заблуждение предприимчивые продавцы, но ему надо было подчеркнуть важность покупки и оправдать потраченные казённые деньги. Мотивы фабрикации могли быть не только политическими, но и экономическими: в те годы на такие подделки существовал устойчивый спрос, особенно в Европе, и они приносили неплохой доход.

Второй источник – советское полпредство в Токио, придерживавшееся противоположного мнения о подлинности «меморандума». Пересылая Карахану текст, распространённый на конференции в Киото, полпред Трояновский писал 6 января 1930 г.: «Эта брошюра раздавалась делегатам конференции, но быстро была изъята из обращения самими китайцами, т. к. содержание её показалось многим делегатам совершенно невероятным и могущим скомпрометировать самих китайцев. Китайцы взяли эту брошюру обратно и изъяли её из обращения... Некоторые части этого документа представляются действительно невероятными.

¹ Японский историк Хата Икухико считал, что «меморандум» происходит из окружения тогдашнего правителя Маньчжурии, «молодого маршала» Чжан Сюэяна, настроенного резко антияпонски.

В нём говорится о сокрушении Америки и чуть ли не всего мира – в интересах подчинения Китая Японии и пр. Но надо при этом заметить, что этот документ является английским переводом с китайского, а китайский, в свою очередь, является переводом с японского. Возможно, что при двойном переводе при особенностях японского и китайского яз(ыков) получилось искажение смысла. Всё же указанные фразы являются весьма сомнительными. Кроме того, Вальтер Янг, американский специалист по делам Маньчжурии, пояснил мне, что в Японии не существует обычая представлять письменные доклады императору¹, так что и с этой точки зрения документ является апокрифичным. Как бы то ни было, известный интерес этот документ представляет и даёт обзор японской политики в Китае, хотя бы даже с китайской точки зрения. Кроме того, он содержит некоторые фактические данные. В силу этого я считаю целесообразным переслать его Вам для ознакомления» (4).

Прочие экзотические версии можно оставить без внимания: например, сообщение «дневника Литвинова», который в первой половине 1950-х годов сочинил перебежчик Беседовский, что «меморандум» попал в Москву через завербованную «соседями» племянницу Гото. Там же сообщается, что и ОГПУ, и военная разведка располагали копиями «меморандума», купленными за большие деньги, и что обе копии оказались фальшивкой, – в это как раз легко поверить. Поддельность подписи Танака на «меморандуме» была установлена путём сличения с оригиналом его письма, адресованного премьером советскому поверенному в делах (5). Фамилия поверенного не названа, но вычислить её легко: это сам Беседовский. Кстати, в своих настоящих мемуарах, законченных в 1930 г., он об этом вообще не упоминает.

В СССР «меморандум» был опубликован в декабре 1931 г., после начала «Маньчжурского инцидента», в журнале «Коммунистический Интернационал» и не раз тиражировался, в том числе под заглавием «Японский империализм в его отвратительной наготе». Однако сомнения оставались. 20 ноября 1946 г., через полгода после начала Токийского процесса «военных преступни-

¹ Очевидно, Янг имел в виду доклады такого объёма и содержания.

ков», на котором американцы добились признания «меморандума» официальным обвинительным документом (экзибитом), советский обвинитель Сергей Голунский предупредил министра иностранных дел Андрея Вышинского: «По данным американского обвинения, можно опасаться, что подложность меморандума Танака будет доказана защитой в стадии её выступления. Поэтому обвинение (до этого момента – *В.М.*) избегало ссылок на него, чтобы этим не скомпрометировать своего доказательственного материала. Мы в своих выступлениях на процессе также ни разу не упоминали о меморандуме Танака». Монгольскому вождю маршалу Чойбалсану, ссылавшемуся на «меморандум» в своих письменных показаниях, велели их переделать и убрать упоминания о сомнительном «источнике» (6). В 1956 г. 41-й том второго, «синего» издания Большой советской энциклопедии уверенно писал о «меморандуме» как о подлинном документе, но через двадцать лет 25-й том третьего, «красного» издания БСЭ признал: «Имеются сомнения относительно достоверности документа». Такое признание в таком издании многого стоит. Тем не менее некоторые отечественные авторы до сих пор ссылаются на него как на серьёзный источник, придумывая всё новые версии и аргументы, хотя уже лет двадцать не обязаны это делать.

Те, кто стремился доказать подлинность «меморандума», а значит, правомерность его использования, обращали внимание на совпадение его содержания и последующего развития внешней и военной политики Японии. Да, японская экспансия есть факт совершившийся и отлично документированный. Да, экспансионистская программа, изложенная в тексте, частично реализовалась. Но сам-то текст от этого подлиннее не стал! В «Завещании Петра Великого» или «Протоколах сионских мудрецов», поддельность которых исчерпывающе доказана, тоже немало совпадений с последующими событиями... Не лучше ли назвать «меморандум Танака» «протоколами японских мудрецов»?!

Танака Гиити его не составлял и императору не представлял. Не предлагал «вновь скрестить мечи с Россией на полях Южной Маньчжурии». Значит, следует пристальнее присмотреться к некоторым этапам его карьеры, особенно ко времени пребывания во главе правительства. Ибо даже то, что известно из советских

дипломатических документов, опубликованных в советское время, противоречит образу генерала как патологического русофоба и советофоба.

В 1897–1902 гг. Танака командовал ротой, а затем батальоном в Новочеркасском полку. Не просто был прикомандирован к нему, но ежедневно выходил на плац и кричал – на хорошем русском языке: «Равняйся! Смирно!». Будучи до войны 1904–1905 гг. сторонником силового решения проблем в отношениях с Россией, после неё Танака подружился с военным агентом Самойловым. И не просто подружился. Военный агент подал в генштаб рапорт, поддержанный посланником Бахметевым, ходатайствуя о награждении японского офицера орденом Святого Станислава 2-й степени. «В представлении отмечалось, что Танака уже длительное время сотрудничал с русским военным агентом, предоставляя тому различные секретные сведения о работе японских военных комиссий, тексты лекций о войне для японских офицеров и т. д. Невероятно, но факт: будущий премьер некогда оказывал услуги русской разведке!» (7). Разумеется, ни о какой «измене родине» речь не шла. Танака видел в России потенциального союзника против расширявшейся англо-американской экспансии и по мере сил содействовал сотрудничеству двух армий, может быть, иногда выходя за пределы своей компетенции.

Это привело его в лагерь сторонников сначала интервенции, потом – налаживания отношений с «красной Москвой». Будучи военным министром в кабинете Ямамото, Танака в канун шестой годовщины Октябрьской революции дал интервью корреспонденту РОСТА Арсению Вознесенскому, которое было затем перепечатано в газетке «Токио нити-нити». Беседа шла по-русски. Генерал проявил крайнюю озабоченность по поводу того, что советско-японские отношения ещё не урегулированы, высоко оценил Красную Армию и восхитился организаторскими способностями её руководителя Троцкого, а на прощание прямо сказал: «Передайте вашим, что я друг России» (8). Став в 1925 г. лидером оппозиционной Сэйюкай – одной из двух крупнейших политических партий страны – а затем премьером на смену атлантисту

Като Такааки, Танака взял курс на расширение сотрудничества с Советской Россией.

Партнером нового премьеры выступил Гото. Ещё летом 1923 г. он изложил Левину, секретарю Иоффе, план создания русско-японского банка для ведения операций на Дальнем Востоке, заручившись согласием Корейского банка, который японское правительство организовало для финансирования предприятий в Корее и Маньчжурии. Проект был поддержан Караханом, который рекомендовал Чичерину отнестись к нему серьёзно¹. Наконец, после того как в январе 1924 г. Георгий Васильевич «вышел на связь», Гото отправил в Москву своего секретаря Мори, который встречался с наркомом, а также с сотрудниками Госбанка и Наркомата финансов. Строя планы работы на советской территории, Корейский банк претендовал на право эмиссии, что и остановило Совнарком. Проект не был осуществлен, но банку разрешили открыть отделение во Владивостоке. Оно функционировало до конца 1930 г. и было закрыто под предлогом нарушения законов о валютных операциях и нанесения экономического ущерба СССР. Нарушения выявила ревизия Дальневосточного краевого финансового управления, проведённая осенью 1930 г., однако решение Политбюро о закрытии отделения было принято ещё в июле, до начала проверки. Следовательно, ревизоры нашли то, что им велели.

Из Москвы Мори отправился в Берлин, где общался с советскими дипломатами и членами «Общества друзей новой России», опыт которого интересовал Гото как главу Японско-русского общества (9). Это вызвало недовольство японского посла Хонда Куматаро, который, несмотря на отсутствие дипломатических отношений, поинтересовался у большевиков, что именно Мори было нужно от них. «Нам кажется, – писал 2 июля 1924 г. Чичерину советник полпредства Николай Дмитриев, встречавшийся с эмиссаром Гото, – что, возможно, здесь, принимая во внимание разность политических взглядов Хонда и Мори, желание со стороны первого установить какой бы то ни было контроль за деятельнос-

¹ Из-за служебной неразберихи документы попали к наркому только в середине декабря 1923 г.

тью Мори и его связями в Германии. В своё время Мори мне рассказывал, что у него при довольно таинственных обстоятельствах украли в Германии его портфель со всеми документами и бумагами. Не думаете ли Вы, что и здесь могла быть рука местного японского посольства?» (10).

В отношениях Гото с «красной Москвой» есть ещё один интригующий сюжет, о котором стало известно только недавно, после публикации совершенно секретных документов из архивов Кремля. Речь идёт о письме полпреда Коппа Сталину от 15 сентября 1925 г., единственная копия с которого предназначалась Литвинову (не Чичерину!). Приведу его полностью.

«В связи с приближающимся моментом выборов (в Японии – В.М.) на основании демократического избирательного закона полпредству был сделан со стороны личного секретаря виконта Гото гр-на Мори ряд довольно определённых намёков на желательность оказания с нашей стороны виконту Гото и его политическим сторонникам денежной поддержки в предстоящей избирательной борьбе.

Своеобразная структура японских политических партий, не располагающих прочной организацией и устойчивыми источниками доходов, возлагает на их лидеров необходимость покрывать важнейшие партийные расходы, в частности расходы по организации избирательной кампании, либо из собственного кармана, либо из средств какой-либо промышленной или финансовой фирмы, связанной персонально с данным лидером. Ввиду резкой депрессии в данный момент второй источник чрезвычайно оскудел, и партийным лидерам всё более и более приходится черпать средства на партийные расходы из собственного кармана. Характерным примером такого положения вещей является смена лидера партии Сэйюкай, объясняемая в значительной степени тем обстоятельством, что старый лидер Такахаси оказался более не в состоянии финансировать свою партию.

При оценке реальности сделанного нам виконтом Гото предложения нужно считаться с тем обстоятельством, что избирательная борьба в Японии, поскольку она до сих пор велась на основе цензового избирательного закона, была в значительной мере основана на подкупе влиятельных избирателей (крупных общест-

венных деятелей, глав кланов, представителей определённых корпораций и т. д.). Суммы, которые уплачивались таким отдельным влиятельным лицам, доходили до 20 тыс. иен. Нужно думать, что расширение базы избирателей в эти приемы существенного изменения не внесет. При сильном влиянии кланового и корпоративного начала система избирательного подкупа будет являться одним из важнейших орудий партийной борьбы и на предстоящих выборах.

Учесть точно возможные результаты нашего финансового вмешательства в предстоящую избирательную кампанию в данный момент, разумеется, весьма трудно. Сам виконт Гото не является лидером определённой политической группировки и в последнее время кооперировал то с Сэйюкай, то с Сэйюхонто¹. Во всяком случае на выборах он будет выступать как представитель оппозиции к теперешнему кабинету (Като Такааки – *В.М.*).

Рассматривая наиболее интересующую нас часть программ борющихся партий, а именно их внешнеполитическую ориентацию, можно констатировать у кэнсэйкайцев определённый англофильский уклон, в то время как Сэйюкай и Сэйюхонто после ликвидации своей интервенционистской авантюры резко изменили курс и стремятся воскресить русофильские тенденции принца Ито. Линия внешней политики виконта Гото *Вам хорошо известна* (выделено мной – *В.М.*). Таким образом, если бы мы оказали поддержку Гото, а через него дружественным нам элементам Сэйюхонто и Сэйюкай, мы могли бы существенно повлиять на ориентацию будущего японского правительства в смысле сближения с нами и отхода от англофильской линии.

Само собой разумеется, соображения эти носят пока лишь предварительный, ориентировочный характер, и в том случае, если бы мы решили оказать просимую поддержку, политические условия, на которых она могла бы быть оказана, должны были быть уточнены путём доверительных переговоров с соответствующими лицами. В частности, я считаю не исключенной воз-

¹ Партия, появившаяся в 1924 г. в результате раскола Сэйюкай; в 1927 г. объединилась со второй крупной партией Кэнсэйкай и образовала новую партию Минсэйто.

возможность возложения на поддерживаемые нами политические группировки некоторых обязательств в смысле отказа от наиболее одиозных форм борьбы с рабочим движением.

Что касается возможного размера нашей поддержки, то в качестве предельной суммы, которая, по словам Мори, гарантировала бы виконту Гото серьёзную победу на предстоящих выборах и место в новом кабинете, была названа сумма в 2 миллиона иен (то есть примерно 1 600 000 руб.). Разумеется, эта сумма названа с большим запросом, и от нас ожидается лишь её частичное, примерно половинное покрытие.

Если бы Вы отнеслись положительно к самой идее подобной поддержки (со своей стороны я полагаю, что эту поддержку оказать следует, ибо при чрезвычайной неустойчивости политических группировок современной Японии серьёзная финансовая помощь с нашей стороны сможет действительно сыграть крупную роль и продвинуть к власти наиболее расположенные к нам круги японской буржуазии), то я сделал бы следующее предложение относительно источников, из которых можно было бы взять нужные суммы.

Мы собираемся сейчас вести в судебном порядке борьбу за передачу нам находящихся в Японии так наз(ываемых) подтягинских и миллеровских сумм, увезённых в своё время в Японию атаманом Семёновым. Дело идёт в общей сложности о суммах примерно в 3 млн. руб. (из этих сумм реально существующими, однако, следует признать не более 1 млн. руб., ибо остальные состоят из вкладов в Русско-Азиатский банк и, вероятно, давно уже переведены из Японии, так что даже в случае присуждения нам будет весьма затруднительно их фактически получить). У нас есть, на мой взгляд, много шансов выиграть эти процессы, хотя, вероятно, только после долгой волокиты и предварительной затраты довольно крупных сумм на адвокатов. Если бы мы сделали группе Гото предложение взять в свои руки судебную борьбу за эти деньги с условием, что в случае выигрыша процесса ей будет предоставлено в качестве вознаграждения примерно до 50 % от суммы иска, то мы при наличии связей этой группы с соответствующими судебными и иными учреждениями, от которых зависит исход процессов, были бы, во-первых, гарантированы в скором

их выигрыше. С другой стороны, мы могли бы таким образом с соблюдением нужных аппаратов¹ оказать просимую финансовую помощь, не прибегая к непосредственной ассигновке из государственных средств. Само собой разумеется, что в этом случае группа Гото должна была бы взять на себя и предварительное финансирование процессов, то есть предварительную оплату адвокатов.

Я прошу Вас о скорейшем рассмотрении этого предложения и о сообщении мне по телеграфу Вашего решения. По получении его я смогу поставить переговоры на более точную базу и разработать детально те политические условия, на которых следовало бы настаивать при оказании нами финансовой помощи группе Гото» (11).

Судя по всему, Сталин предложение Коппа отверг, считая невозможным финансировать хоть и дружественных, но всё же буржуазных политиков. Во всяком случае, никаких следов реакции на это письмо в опубликованных документах нет, а крупных денежных сумм из неизвестного источника у Гото и его сторонников не появилось. Золото, о котором идёт речь, – часть царского золотого запаса, которую атаман Семёнов отобрал у колчаковцев после ареста адмирала и вывез в Японию для продажи и помещения в банки, чем занимались военный агент генерал-майор Михаил Подтягин и финансовый агент Карл Миллер. К ним прибавились суммы, переведённые царским и Временным правительством, а также режимом Колчака для оплаты японских военных поставок, которые были выполнены далеко не полностью. Большая часть золота сгинула в банках Токио и Июкогамы: энтузиасты ищут её до сих пор. Семёнов пытался «вернуть» золото через суд, но успеха не добился. Советская Россия от борьбы отказалась, вероятно, не желая тратить деньги на предприятие с сомнительным исходом, хотя во Франции аналогичная попытка – при участии перешедшего на сторону большевиков военного агента графа Алексея Игнатьева – увенчалась успехом. Достоверной информацией об участии виконта или его приближенных в этих делах мы не располагаем.

¹ Внешних приличий (фр.)

Гото продолжал убеждать Москву в пользу совместных проектов освоения Дальнего Востока. Весной 1925 г. он писал Чичерину: «Элемент экономики играет в японско-русских отношениях важную роль, которая должна будет иметь значение также и в мировой политике. Недавняя поездка по Маньчжурии особенно укрепила моё убеждение в том, что лишь совместная деятельность трёх государств – Японии, России и Китая – создает возможность экономического использования дальневосточного континента и обеспечит мир на Дальнем Востоке... У меня самого имеется экономическая программа, которая преследует цель эксплуатации природных богатств Сибири путём дружеской совместной работы обоих народов» (12). 18 июня 1925 г. Гото сообщил Коппу, что работает над планами по привлечению японских компаний к разработке естественных богатств Дальнего Востока. На первое место он ставил вопрос об иммиграции в Сибирь или Приморье для колонизации простаивающих земель, в чём видел хороший выход для двух миллионов японских безработных. Ещё в 1909 г. русский чиновник в Приамурье говорил журналисту Гаррисону: «Я удивлен, почему крестьяне из-за границы не предпринимают никаких попыток обосноваться в Забайкалье или Приморье, где условия вполне благоприятны. Здесь достаточно воды, а климат хоть и суровый, но здоровый, например, никакого туберкулеза» (13).

6 января 1926 г. посол Танака завёл с Чичериным разговор о концессиях, «без всяких инструкций, исключительно в порядке личной беседы для удовлетворения собственного любопытства», как говорят дипломаты, приступая к чему-то важному. В Японии, сказал он, «имеются серьёзные деловые люди, желающие завести на советской территории рисовые плантации. Япония страдает от недостатка риса, и японцы сильно желали бы, чтобы в соседних странах была больше развита рисовая культура. Они берутся обучать этому русских крестьян с тем, чтобы в дальнейшем рисовая культура на советской территории развивалась силами русских крестьян. Можно было бы создавать для этой цели смешанные общества. Посол привёл как пример американских фермеров, научившихся у японцев рисовой культуре». Отговорившись незнанием вопроса, нарком, однако, сразу же «выразил опасение,

что в Приморской области не исчезнувшие ещё воспоминания периода оккупации и партизанской борьбы могут помешать гармоническому сожительству японских сельскохозяйственных рабочих и коренного населения» – и предложил подумать насчёт земель в Западной Сибири. Посол «ответил, что эти местности расположены чрезвычайно далеко от Японии и что это сильно затруднит возможность создания там японских концессий» (14). «Сильно затруднит» по-японски означает невозможность или отказ. Японцы хотели концессий поближе, в регионах с более привычным климатом, то есть в Приморье и Приамурье. Советским руководителям во всём этом виделся тайный умысел.

В тот же день в НКВД состоялось совещание под председательством Чичерина. «Представители заинтересованных ведомств», в том числе оказавшийся в Москве председатель Дальревкома Ян Гамарник, признали японскую колонизацию «политически вредной», но «учитывая политическую обстановку того момента», высказались за «необходимость допустить в ограниченных размерах, строго урегулированную японскую иммиграцию в районы, не представляющие для нас опасности в стратегическом отношении». Дальревкому было предписано определить участки, на которые можно пустить японских переселенцев, общее количество которых намечалось до 65 тысяч семейств или 325 тысяч человек. Селить их решили не компактно, а в шахматном порядке с русскими переселенцами.

Гото начал хлопотать о концессиях «в качестве практических мероприятий для осуществления цели дальнейшего развития дружественных отношений между народами Японии и Советского Союза», «дабы в конкретной форме укрепить дружественные отношения обоих народов» (15). Содержание его планов изложено в записке НКВД, подготовленной, видимо, в начале 1928 г. «Впервые вопрос об иммиграционном плане виконта Гото появился в сообщениях японских газет в начале 1926 г. ... Тогда же, по просьбе т. Коппа, Гото ознакомил его со своими планами. Гото сообщил, что по его иммиграционному плану он предполагает возможным переселение в Сибирь в ближайшие годы около 5000 японских семейств. Расходы на отдельную семью должны составить около 1500 иен в форме долгосрочного кредита. Одновре-

менно, банк, кредитующий японских иммигрантов, окажет также долгосрочный кредит в форме сельскохозяйственных машин японского производства и нашим переселенцам. В какую именно часть Сибири должна быть направлена японская иммиграция, а равно и практические её возможности для самого Гото в то время были неясны. Гото придавал этому вопросу, в первую очередь, политическое значение. По его словам, “одна только постановка такого вопроса произведет большое впечатление и скомпрометирует перед всем миром иммиграционную политику Америки”» (16).

Ужесточение США и Австралией иммиграционного законодательства в первой половине двадцатых годов обострило антиамериканские и антибританские настроения в Японии. Гото резко критиковал дискриминационные меры, которые не только закрывали путь потенциальным эмигрантам, но и затрагивали тех, кто уже успел пустить корни на новом месте. Одновременно он обращал внимание на вмешательство США в то, что Япония считала сугубо внутриазиатскими делами, а также на антиамериканскую пропаганду, которую американские журналисты и миссионеры вели по всей Азии. (17). Эти настроения Гото были особо отмечены в справке, которую отдел Дальнего Востока НКВД представил Чичерину в преддверии приезда виконта в СССР в декабре 1927 г. (18).

«В своё время Копп относился к плану Гото положительно, – продолжает наркоминдельская записка. – В письме к т. Чичерину 22. IV. 26 г. он писал “положительные моменты я вижу... в том, что мы создадим чрезвычайно сильный резонанс в общественном мнении страны и оживим то чувство негодования, которое испытывает японский желтый человек по отношению к высокомерным американцам”. В разговоре с Гото т. Копп указывал, что, помимо трудностей чисто объективного характера, благополучное разрешение вопроса тормозится также железнодорожными планами Японии в Маньчжурии, которые, в свою очередь, ассоциируясь с его иммиграционным планом, получают для нас в этой комбинации абсолютно неприемлемое колониально-империалистическое острие. Тов. Копп считал возможным использовать план Гото в качестве тормоза по отношению японской политики в Маньчжу-

рии... Однако (Дальневосточный – В.М.) Крайисполком, учитывая приграничное расположение земель в районе озера Ханка, нашёл отвод этих земель под японскую колонизацию крайне опасной в стратегическом отношении и предложил, в случае вынужденной необходимости, взамен этого района предоставить под японскую колонизацию большой, но малонаселённый Бирско-Биджанский район», который «в стратегическом отношении... признаётся менее уязвимым».

Вопрос был решён резолюцией Политбюро «Вопросы нашей политики в отношении Китая и Японии» от 1 апреля 1926 г. Её заключительный раздел «О японской иммиграции» гласил: «При разрешении вопроса о японской иммиграции на советском Дальнем Востоке следует считаться с крайней заинтересованностью в этом японского общественного мнения. Принимая, однако, во внимание опасность японской колонизации на Дальнем Востоке, следует все шаги проводить с необходимой осторожностью и постепенностью. Устанавливать численность допускаемых в СССР японских иммигрантов сейчас преждевременно, но, во всяком случае, японская иммиграция не должна быть многочисленной. Японская иммиграция должна быть строго урегулированной и контролируемой, она должна происходить в разбивку, на японские средства, при помощи созданного для этой цели специального общества. Японские колонисты должны быть расселяемы по шахматному принципу одновременно с усилением колонизации из Центральной России. Предоставляемые участки должны быть приемлемы для японских крестьян, причём надо учитывать особенности японского земледелия. Подходящие для японских колонистов участки имеются в районе Хабаровска и дальше к югу, но не в глубине Сибири. Не следует допускать корейской иммиграции под видом японской. Вопрос о корейской иммиграции (который также ставился японской стороной – В.М.) должен быть рассмотрен отдельно, причём корейцам могут быть предоставлены районы значительно дальше в глубине Сибири». Потом советские руководители отказались и от этих планов. Возможно, свою роль сыграла точка зрения Карахана, который ещё 7 мая 1925 г. писал Чичерину: «Я думаю, что мы должны занять совершенно твёрдую позицию: никакой японской или какой-либо другой им-

миграции на наш Д. Восток мы не допустим. В этом смысле мы должны для себя принять твёрдое решение. Более того, мы должны это твёрдо дать понять японскому правительству и Японии, чтобы никаких иллюзий насчёт возможного переселения в Приморье и другие области ни у кого не было» (19).

В связи с этим стоит вспомнить, что Чичерин в июле 1918 г. публично предлагал Японии: «Мы готовы допустить японских граждан, стремящихся к мирному использованию естественных богатств в Сибири, к широкому участию в нашей промышленной и торговой жизни. Мы готовы, в случае если на то последует согласие Китая, отказаться от некоторых своих прав на часть Восточно-Китайской (так в тексте – *В.М.*) железной дороги и продать Японии южную ветку этой железной дороги (Харбин–Куаньченцзы – *В.М.*), а также сделать ей и другие облегчения для вывоза японских продуктов и товаров в Россию. Мы готовы возобновить торговый тракт (договор – *В.М.*) и рыболовную конвенцию с Японией, являющуюся источником благосостояния японского народа» (20). Тогда японцы не ответили. В августе 1925 г. на страницах «Известий» Чичерин приветствовал (анонимно и, разумеется, не от себя лично) в перспективе «заключение новой рыболовной конвенции», получение Японией концессий не только на северном Сахалине, но и «на нашей дальневосточной территории», «создание смешанного банка для финансирования экономических операций между СССР и Японией», как предлагал Гото, и даже «развитие японской колонизации в тех частях Сибири, где по местным условиям и по политическим соображениям это окажется допустимым» (21).

Большевистские вожди боялись любых капиталистов, видя кругом врагов и потенциальных интервентов. В отличие от них Гото мыслил не идеологическими, а экономическими и геополитическими категориями, а потому хотел привязать Россию, пусть даже большевистскую, и Японию друг к другу для совместного противостояния англо-американской экспансии. «Я хочу только повторить, – говорил он Чичерину 29 декабря 1927 г., – что существующие опасения по отношению к Японии ни на чём не основаны. Русские опасаются, что придут японские войска (надо

полагать, для охраны концессий, т. к. разговор шёл о них – *В.М.*). Этого не может быть» (22).

Выход Гото на новый уровень контактов с Москвой произошёл в 1927 г., когда к власти пришёл Танака. Генерал в течение всего времени пребывания во главе кабинета занимал также посты министра иностранных дел и министра колоний. Атлантистски настроенный вице-министр Дэбути Кацудзи достался ему в наследство от Сидэхара, поэтому в 1928 г. Танака отправил его послом в США. Новый вице-министр Ёсида Сигэру, который в качестве генерального консула в Мукдене участвовал в «Восточной конференции» 1927 г., полностью разделял взгляды шефа. Третьей ключевой фигурой стал парламентский вице-министр иностранных дел Мори Каку (однофамилец секретаря Гото), долгие годы представлявший в Китае интересы японских концернов, а затем бывший генеральным секретарем и «серым кардиналом» партии Сэйюкай. Премьер не был номинальным главой МИД, но проводил собственную внешнюю политику, которую называл «автономной», «позитивной» и «активной». Противники именовали её «экспансионистской» и «агрессивной», в противоположность Сидэхара и его «дипломатии иены», которую одни считали «мирной», другие «нерешительной». Танака делал ставку на форсирование экономической и политической экспансии в Китае, не останавливаясь перед угрозами применения силы. Для этого ему был необходим как минимум благожелательный нейтралитет Москвы, поэтому вторым приоритетным направлением стало улучшение отношений с Советским Союзом (23).

В расширении контактов с СССР лучшего помощника, чем Гото, было не сыскать. В правительство он не вошёл, видимо, из-за возраста и недугов, но согласился содействовать премьеру, с которым у него установились близкие отношения. Общение Танака с полпредами – желчным Довгалеvским и обаятельным Трояновским – отличалось доброжелательностью и откровенностью, что видно даже из советских документов, где о «буржуях» полагалось писать критически. Характерный пример – беседа Танака и Трояновского, состоявшаяся 8 марта 1928 г. в полпредстве «за блинами». Премьер пришёл в сопровождении одного лишь пере-

водчика Савада Рэндзо¹, «запросто, пешком, дабы слишком частыми разговорами не вызывать ревность со стороны послов других государств и не создавать почву для излишних разговоров» (24). Кажется, никто больше из японских премьеров так «запросто» в советское посольство не ходил, ни до, ни после.

Танака заявил, что пришёл для «неофициального, совершенно частного и совершенно откровенного разговора... не как дипломат с дипломатом», и просил посла говорить ему «всё, что он думает по поводу русско-японских отношений, как приятное, так и неприятное, начистоту». Генерал любил подчёркивать, что он не дипломат и как старый солдат всегда говорит правду в глаза. Этот традиционалист, ехидно прозванный «деревенским самураем», отличался прямым нравом и не слишком рафинированными манерами, что раздражало одних и привлекало других, видевших в нём искреннего человека. Трояновский подыграл гостю: «Я тоже считаю, что неофициальные разговоры подготавливают почву для официальных и дают возможность лучше узнать пожелания обеих сторон для того, чтобы найти общий язык и общую базу для официальных переговоров... В данном случае такой частный откровенный разговор особенно уместен, потому что я по целому ряду вопросов не имею никаких инструкций от своего правительства». «Я считаю, что мои обязанности посла, – пояснял Трояновский то ли для собеседника, то ли для начальства (это цитата из его подробного отчёта о беседе), – не исчерпываются исполнением инструкций, а должны включать в себя обязанности по подысканию и зондированию почвы для улучшения и развития взаимоотношений между СССР и Японией в порядке собственной инициативы и внесения соответствующих предложений своему правительству».

Полпред тоже попросил собеседника «не обижаться, если действительно кое-что из сказанного мною будет ему не совсем при-

¹ Как сказано в записи полпреда, Танака «большой частью» говорил по-японски, Савада переводил его слова на французский язык, которым Трояновский владел в совершенстве; полпред отвечал по-французски, Савада переводил на японский. Почему они не говорили по-русски? Генерал успел забыть его? Или положение обязывает? Или ему был нужен свидетель?

ятно». Генерал согласился, и пошла деловая беседа. Трояновский пояснил, что отдельные высказывания влиятельных японцев, не исключая самого премьера, наводят на мысль о существовании планов колонизации российского Дальнего Востока или Сибири, в которых Советский Союз рассматривается как объект, а не как субъект политики, вроде Китая. «Существование таких планов, – наставительно заметил полпред, – омрачило бы наши взаимоотношения, создало бы тяжелую атмосферу для всякого рода переговоров по поводу даже мелких дел... А осуществление таких планов привело бы к борьбе не на жизнь, а на смерть, ибо при всей силе и мощи японского народа, в особенности его армии, всякий знает, что мы тоже умеем за себя постоять и в обиду себя не дадим». Танака сразу же решительно заявил, что всё это чистое недоразумение и что в виду имелось исключительно развитие взаимовыгодных экономических отношений.

Поговорили о необходимости ускорить ратификацию рыболовной конвенции (премьер посетовал на старых въедливых бюрократов в Тайном совете), о торговле, кредитах, американской конкуренции. Полпред поставил вопрос о необходимости улучшения отношений между КВЖД и ЮМЖД, но от обмена мнениями по «китайским делам» вообще – любимая тема и одновременно главная головная боль его визави – решительно уклонился.

Трояновский перешел к пакту о ненападении, разговоры о котором велись с августа 1926 г. Воодушевленная заключённым ранее Берлинским пактом с Германией, «Инстанция» решила повторить успех на Востоке. «Я получил телеграмму от Политбюро, за подписью Сталина, – вспоминал Беседовский, которому, за отсутствием опубликованных документов, придется поверить на слово, – с предписанием немедленно предложить японцам подписать договор о ненападении, арбитраже и т. д., по образцу советско-германского. Подписание такого договора должно было оттолкнуть Японию от Англии... Я сделал попытку отговорить Политбюро от этой мысли. Я ответил вежливо, но ясно, что такие предложения нельзя делать без предварительного зондажа и подготовки, так как иначе японцы могут посмотреть на это предложение как на простую провокацию. Я разъяснил, что японцы связаны рядом международных обязательств... Мне немедленно

было отвечено телеграммой Политбюро, снова за подписью Сталина, что вопрос маневрирования предоставляется моему личному усмотрению, но что “договор должно подписать во что бы то ни стало и в кратчайший срок”... Я ответил Политбюро, что зондаж дал отрицательные результаты и что я поэтому не считаю удобным предлагать японцам подписание договора о ненападении... От Сталина снова пришла, но более резкая, телеграмма, с категорическим предписанием немедленно, невзирая на результаты предварительного зондажа, предложить японцам подписание договора о ненападении. Скрепя сердце, я отправился к Дэбути... В первую минуту он, очевидно, настолько был поражен моим предложением, что пытался отделаться шутливыми ответами... Когда я посетил Дэбути для вторичного разговора (после изучения вице-министром советско-германского договора 1926 г. – *В.М.*), он сказал мне, что японское правительство не может пойти на подписание договора о ненападении и арбитраже, так как такой договор, как всякий юридический акт японской внешней политики, должен пойти на утверждение верховного тайного совета при императоре. Верховный тайный совет, безусловно, не одобрит такого договора... Я ограничился передачей в Москву японского ответа. Снова посыпались телеграммы, одна бестолковее другой... Моё вторичное предложение (об устном соглашении о ненападении – *В.М.*) не удивило Дэбути. Он сначала ограничился повторением уже изложенной им точки зрения японского правительства, а затем добавил: “Впрочем, я могу вам заявить от имени японского правительства, что Япония не собирается нападать на Советский Союз”. Я вынужден был тут же подхватить это заявление, сказав от имени советского правительства, что Советский Союз также не собирается нападать на Японию... Об этом разговоре мною была послана подробная телеграмма Сталину с указанием, что больше ничего сделать нельзя» (25).

Зондаж возобновился после прихода Танака к власти: в мае 1927 г. этот вопрос поднял Довгалецкий, но премьер не проявил энтузиазма в отношении политического соглашения при отсутствии рыболовной конвенции и торгового договора (26). Те же аргументы он повторил «за блинами» Трояновскому: «Для этого ещё не пришло время. События должны развиваться постепенно.

У нас ещё имеются разные тенденции и разные настроения. Надо идти от одного этапа к другому. Я считаю, что сейчас на очереди стоит вопрос о торговом договоре. Если мы его заключим, это будет уже большое дело, а там дальше уже видно будет». «Конечно, плоды можно есть только тогда, когда они уже созрели, – ответил Трояновский. – Весь вопрос в том, созрели они или нет». «Не будем торопиться, – парировал Танака. – Если сразу слишком высоко забраться, можно и упасть».

Блины с икрой способствовали беседе, продолжавшейся несколько часов. Трояновский был не просто блестящим дипломатом, но и известным «шармером». Возможно, полпред, бывший офицер, напоминал генералу тех русских, с которыми он сживал в офицерском собрании Новочеркасского полка. Но даже если всё это фантазии, то запись беседы, отправленная Трояновским в Москву, свидетельствует, что диалог был возможен.

Союзником Танака и Гото в развитии сотрудничества с СССР выступил Кухара Фусаносукэ, богатый горнопромышленник с политическими амбициями, один из спонсоров партии Сэйюкай. Танака даже хотел сделать его главой МИД, но столкнулся с противодействием политических и деловых кругов, ориентированных на «старые» концерны «Мицубиси» и «Мицуи»: Кухара представлял «новые» концерны, созданные позже, а потому более агрессивные. От задуманного пришлось отказаться, но осенью 1927 г. премьер направил Кухара со специальной миссией в Москву и Берлин для изучения экономики и хозяйственной жизни обеих стран, с особым вниманием к внешнеторговой и концессионной политике СССР. По мнению Довгалецкого, «выполняя поручение японского правительства, Кухара не забудет о своих личных интересах», поскольку «в последнее время делал кое-какие шаги для вступления в экономические сношения с Советским Союзом» в частном порядке (27). «Премьер Танака просил советского полпреда рекомендовать Кухара в СССР руководящим лицам и устроить ему хороший приём. Кухара был личным другом премьера, который возвел его в звание чрезвычайного комиссара по экономическим вопросам в благодарность за финансовую помощь, оказанную Кухара партии Сэйюкай во время избирательной кампании... Перед отъездом миссия была принята императором,

что было одновременно и знаком высшей милости, и признанием большого значения миссии... Состав миссии, её близость к главе правительства, её маршрут – всё это привлекло внимание не только японской, но и ведущей международной прессы» (28).

Кухара прибыл в Москву 7 ноября 1927 г., в десятую годовщину Октябрьской революции. Его встречи с советскими руководителями, включая Сталина и Микояна, конкретных результатов не дали, но уже сам факт приема заслуживает внимания, поскольку в те годы генсек практически не встречался с иностранцами, кроме коммунистов. Имевший репутацию чуть ли не «фашиста» за агитацию в пользу однопартийной системы по итальянскому или советскому образцу, Кухара никогда не прекращал усилий по нормализации и развитию японско-советских отношений. После войны его подвергли аресту и «чистке» как «военного преступника», так что он смог вернуться к политической деятельности лишь по окончании американской оккупации. Несмотря на почтенный возраст, Кухара возглавил Народный совет по восстановлению японско-советских и японско-китайских¹ дипломатических отношений и в 1954 г. даже планировал съездить в СССР. Поездка не состоялась, но в августе 1961 г. бодрый и энергичный в девяносто два года Кухара встретился с Микояном, посетившим Японию с официальным визитом. Жаль, что историки до сих пор обходят вниманием эту сторону его деятельности – как, впрочем, и саму неординарную фигуру Кухара.

Необходимость японско-советских контактов на высшем уровне становилась всё более очевидной. Советские лидеры тогда почти не выезжали за пределы страны; по многим причинам не мог оставить Токио и Танака. Миссия Кухара стала «пробным шаром». Затем выбор пал на Гото, тем более что премьер тоже проявил инициативу, стремясь завершить затянувшиеся переговоры о новой рыболовной концессии. В январе 1928 г., будучи в Москве, Мори, секретарь виконта, сообщил Чичерину примечательную подробность: «Когда Гото собирался ехать, правительство предложило ему взять с собой Кухара, но он от этого решительно отказался. Кухара мог взять на себя часть расходов поездки Гото,

¹ Имелась в виду Китайская Народная Республика.

который остался до сих пор небогатым человеком, но именно с целью обеспечения политических результатов своей поездки Гото решительно отверг такую комбинацию; он не хотел быть связанным с чьими-либо субсидиями, и в частности не хотел быть связанным с партией Сэйюкай, субсидии которой извратили бы смысл экспедиции Гото... Касса, финансирующая его поездку, была заполнена целым рядом японских общественных деятелей» (29). Виконт был болен (в 1926–1927 гг. он перенёс два кровоизлияния в мозг, приведших к частичной потере речи и изменению почерка) и понимал ограниченность своих физических возможностей. Да и друзья отговаривали его от долгого и трудного путешествия. Скорее, он хотел увенчать свою карьеру «лебединой песней» – достижением взаимопонимания с «трудными» советскими руководителями.

Поездка готовилась тщательно, с необходимым информационным обеспечением. В октябре 1927 г. Танака дважды встречался с Довгалеvским, чтобы изложить ему цели визита и обсудить его сроки и программу. 11 октября газета «Кокумин» писала, что приезд Гото поможет заключить рыболовную конвенцию, которая на тот момент была наиболее актуальным вопросом двусторонних отношений. Официоз МИД «The Japan Times» 15 октября выразил уверенность, что личное присутствие Гото в Москве поможет в несколько дней решить вопросы, на которые у других уходят месяцы. Виконт активно контактировал с полпредством, делясь с дипломатами своими идеями и планами, – несомненно, хотел, чтобы в Москве заранее узнали о них и были готовы к конкретному разговору. Он заявил Беседовскому и Довгалеvскому, что хочет обсудить вопрос «о совместной борьбе Японии и СССР против проникновения в Маньчжурию американцев и англичан», о заключении пакта о ненападении и торгового договора, о проблемах рыболовства и КВЖД. По словам биографа, Гото ехал «посмотреть на новую Россию и изучить результаты новой экономической политики», а также обсудить три вопроса по степени важности: 1) китайские проблемы; 2) концессии; 3) рыболовная конвенция. Последний пункт был включен в программу по личному настоянию Танака (30).

20 октября Довгалецкий писал Карахану: «Я понимаю Ваше нежелание терять время на безрезультатные разговоры с ветераном, но грубо отказать ему всё же нельзя, ибо в Японии можно всего ожидать – можно ожидать и прихода к власти Гото в той или иной комбинации. К тому же Гото считается в Японии про-советской фигурой, и резкий отказ наш в приеме его произведет очень неблагоприятное впечатление не только на самого виконта, но и (на) широкие общественные круги и будет истолкован как проявление “большевистской неблагодарности”» (31). Полпред недооценил «ветерана», который собрался в дальнюю дорогу отнюдь не для «безрезультатных разговоров». В Наркоминделе думали по-иному, а потому 11 ноября постановили: «Признать необходимым по политическим соображениям хорошо принять Гото в Москве... за счёт НКВД» (32).

Глава тринадцатая

ГОТО СИМПЭЙ В ДИАЛОГЕ С СОВЕТСКИМИ ВОЖДЯМИ

5 декабря 1927 г. Гото выехал из Токио, получив перед отъездом аудиенцию у императора. После благополучного путешествия по ЮМЖД и КВЖД виконт прибыл в Читу, а оттуда в Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), где успел встретиться и накоротке переговорить с уезжавшим из Советского Союза Кухара.

Советский генеральный консул в Харбине загодя и «совершенно секретно» сообщил в Москву о возможности покушения на визитера где-нибудь в Забайкалье «с целью повредить нашим отношениям с Японией». Предводителем «белобанды» источники называли казачьего генерал-майора семёновского производства Ивана Шильникова (в одной из наркоминдельских записок его назвали... Шапошниковым, но тут же исправились). НКВД попросил «соседей» принять необходимые меры для охраны Гото (1). «Соседи» отнеслись к делу серьезно, так что обошлось без приключений, если не считать бумажника, украденного у одного из членов делегации, но уже через несколько часов возвращённого хозяину.

Первую торжественную встречу гостю организовали в Чите, где его чествовал начальник Забайкальской железной дороги Артёмов. В Верхнеудинске гостей приветствовал сотрудник Наркоминдела Костюковский, ставший «ангелом-хранителем» делегации и составивший подробный дневник путешествия. Виконт пожаловался на тряский вагон, путешествовать в котором в семьдесят лет и с хрупким здоровьем было тяжело. Хозяева предусмотрели и это. Получив известие о выезде Гото из Токио, Карахан направил официальное письмо секретарю ЦИК СССР Авелю Енукидзе с просьбой выделить ЦИКовский вагон, коротко объяснив тому,

что Гото – «сторонник японско-советского сближения, много лет работающий на его пользу» и что «результаты его поездки, *безусловно*, будут носить характер политический» (2).

Поезд покатил по бескрайним просторам Сибири. Гостей тепло встречали в Иркутске, Красноярске и Новосибирске; во время ночных стоянок в Омске и Свердловске представителей местных властей и газетчиков принимали спутники Гото. «Виконт ещё более Кухара был растроган оказываемым ему приёмом», – записал Костюковский, внимательно присматривавшийся к попутчикам (3). Гото сопровождали член правления Японско-советского общества Танака Сэйдзаро и управляющий делами общества Сэкинэ Сэйити («завхоз» миссии), один из руководителей Токийской мэрии Маэда Тамон, филолог-русист профессор Ясуги Садатоси (тоже член правления общества), неизменный секретарь Мори Кодзо, врач и слуга. В отчёте отмечалось, что Ясуги и Сэкинэ владеют русским, но первый «хорошо знает старую Россию и мало разбирается в Советской действительности... У меня сложилось впечатление, – продолжал Костюковский, – что Ясуги относится к нам недостаточно дружелюбно и не совсем добросовестно выполняет свою обязанность переводчика, так как во время даваемого Виконтом интервью для (советских – *В.М.*) газет Ясуги не переводил некоторых вопросов журналистов, часто резко обрывал их и, казалось, что он даже затуманивает ответы Виконта Гото». Трудно сказать, насколько это справедливо: составленные Ясуги словари переиздаются до сих пор и используются не одним поколением студентов. Люди, знавшие его, рассказывали автору настоящей работы, что Ясуги восхищенно говорил о старой России и с гордостью демонстрировал свои фотографии в парадном студенческом мундире, при треуголке и шпаге – тех времён, когда учился в Петербургском университете незадолго до русско-японской войны. Впрочем, Советскую Россию он тоже особо не ругал.

Проехав по Транссибирской железной дороге, Гото 22 декабря добрался до Москвы, где на вокзале его встречали Карахан и посол Танака. Миссию с максимально возможным комфортом – и с постоянной охраной в виде двоих «соседей» в соседнем номере¹ –

¹ Потом ведомства бурно обсуждали, кто должен платить за этот номер: НКВД или ОГПУ.

разместили в гостинице «Савой» за счёт Наркоминдела. Гото оценил гостеприимство, но выразил желание (видимо, по совету посольства) хотя бы частично оплачивать расходы, дабы не вызывать кривотолков в Японии. В советских документах не раз отмечалось, что «члены Делегации ограничены в средствах или во всяком случае расчётливы и держат каждую копейку на счету, не в пример Кухара, швырявшегося деньгами». Вспоминая в автобиографическом романе «Вехи» (1948) проведённую в Москве зиму 1927/28 года, писательница-коммунистка Миямото Юрико (на момент рассказа ещё не Миямото и не коммунистка) бегло описала встречу под Новый год героини с почтенным виконтом Тодо Сямпэй, приехавшим в большевистскую столицу с неофициальной миссией для улучшения двусторонних отношений и жившим в гостинице «Савой». Это, разумеется, Гото, который был другом архитектора Тюдзэ Сэйитиро, отца писательницы¹.

23 декабря Гото нанёс протокольные визиты Чичерину и Карахану. На следующий день нарком хотел, как это принято, «вернуть» визит. Однако виконт, извинившись... отказался принять его, чем поверг протокольный отдел в большое смущение. Гость объяснил, что готовится к деловому разговору с Караханом, показав, какое значение придает своему визиту.

Вечером 24 декабря Чичерин дал обед в честь Гото. Гостей оказалось меньше, чем планировалось. По разным причинам не явились нарком здравоохранения Семашко (коллега виконта по его первой врачебной специальности), нарком просвещения Луначарский, нарком внешней и внутренней торговли Микоян и председатель ВСНХ Куйбышев. Кроме наркоминдельцев – Чичерина, Карахана, члена коллегии Бориса Стомонякова, заведующего отделом Дальнего Востока Бориса Мельникова и готовившегося к отъезду в Токио полпреда Трояновского – пришли Аралов, недавно переведённый на работу в ВСНХ, начальница Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) Ольга Каменева (жена Каменева и сестра Троцкого), бывший полпред в Риме Платон Керженцев, служивший в Центральном статистическом управлении (позже этот мастер на все руки руководил ра-

¹ На это мне указала Миямото Татизэ.

диокомитетом и советским искусством), и председатель Совнаркома Закавказской федерации Шалва Элиава.

Гостя интересовало буквально всё. Он сразу же попросил о встречах с высшими советскими руководителями, включая генсека Сталина, председателя Совнаркома Алексея Рыкова и главу Коминтерна Бухарина, а пока посвящал время экскурсиям. В программе были Центральный институт труда и Музей Революции, Третьяковская галерея и Музей изящных искусств, Госплан и Шатурская электростанция, заводы «Динамо», АМО, «Красный богатырь», Трёхгорная мануфактура и фабрика «Красная роза», суды, исправительно-трудовые учреждения, школы, библиотеки, Книжная палата, больницы, включая «трудовой профилакторий для правонарушителей и проституток», а также театры (гости явно предпочитали балет драме, не польстившись на «Дни Турбиных» во МХАТ), стадионы и даже бега. Особенно виконту понравилось катание на тройках – наверно, вспомнил прежние приезды...

Культурную программу организовал Борис Штейгер, в обязанности которого входило снабжение гостей Наркоминдела театральными билетами и сопровождение их в театры и на концерты. Несмотря на скромную должность, его знала «вся Москва». Во-первых, он был самым настоящим бароном, о чём «по секрету», но исправно сообщал иностранным гостям. Во-вторых, он был сотрудником ОГПУ и считался особо ценным информатором. Именно его вывел в «Мастере и Маргарите» Михаил Булгаков под именем барона Майгеля. 16 декабря 1937 г. на закрытом судебном процессе Штейгер был обвинён в «измене Родине, террористической деятельности и систематическом шпионаже в пользу одного из иностранных государств» и в тот же день расстрелян. Вместе с ним были осуждены и казнены Карахан и Енукидзе.

26 декабря Гото посетил могилу Иоффе на Новодевичьем кладбище, возложив на неё венок с надписью «Уважаемому А.А. Иоффе от виконта Гото». Сопровождавший его Костюковский записал, что гость «не взирая на довольно сильный мороз, снял пальто и шапку и несколько минут молился» (в более официальном и менее подробном дневнике Протокольного отде-

ла этот факт не отражён!) (4). Был сороковой день самоубийства Иоффе, вызвавшего оживлённые толки и в Советском Союзе, и за границей. Давно и тяжело болевший «красный дипломат» просил разрешения выехать на лечение в Австрию, но Политбюро отказало ему как оппозиционеру, возможно, опасаясь «невозвращения». Однако главным мотивом самоубийства был протест против исключения из партии Троцкого и его сторонников, в чём Иоффе видел «предательство» Сталиным и его окружением идеалов революции и большевизма ради укрепления личной власти. Многолюдные похороны стали выразительной демонстрацией оппозиции. «На крышке гроба лежало много венков, среди которых были венки от Советского правительства и Наркоминдела, от родных и от группы членов Центрального Комитета партии. Всеобщее внимание привлекал к себе небольшой венок с алой лентой, на которой было написано: “От беспартийных Троцкого и Зиновьева”» (5). Речь над открытой могилой соратника стала последним публичным выступлением «демона революции» в Советской России.

Нет оснований думать, что, посещая могилу Иоффе, Гото вкладывал в это политический смысл. Такой поступок, будучи истолкован политически, мог осложнить переговоры с советским руководством, и виконт это понимал. С другой стороны, как благочестивый японец он должен был исполнить обряд *хакамаири* – поклониться праху уважаемого человека. Вспомнил он Иоффе добрым словом и в интервью накануне отъезда. Вообще тот факт, что Гото приехал в Москву и встречался с «первыми лицами» СССР в разгар «последнего боя» Сталина с троцкистами, сообщает его визиту и нашим представлениям о нём новые краски.

Визит Гото был неофициальным, но проходил, без преувеличения, на высшем уровне. Он был принят *всеми* советскими руководителями, включая номинального главу государства – председателя ЦИК Михаила Калинина. Конечно, их сорокаминутная встреча в канун Нового года имела исключительно протокольный характер, но именно в этом качестве была важна для определения статуса гостя (кстати, Калинин принимал и Кухара). «Всероссийскому старосте» Наркоминдел приготовил шпаргалку с ответами общего характера на случай, если Гото заговорит об иммиграции

на Дальний Восток или о рыболовной конвенции, но гость не стал напрягаться. Калинин вспоминал свою поездку по Сибири в 1922 г. и восторгался, как всё переменялось, в чём Гото с ним полностью согласился (6).

29 декабря и 21 января Гото встречался с Чичериным, 24, 29 и 30 декабря, 9, 11, 16, 18 и 19 января – с Караханом, 3 января – с Литвиновым (замнаркома перевел разговор на Бессарабский протокол и пожаловался на недружелюбное отношение японских дипломатов в третьих странах к советским), 28 декабря – с председателем Главконцесскома Владимиром Ксандровым, 31 декабря – с Калининым, 7 и 14 января – со Сталиным, 7 января – с Микояном, 13 января – с Рыковым. Кроме того, его помощники Мори и Ясуги беседовали с Чичериным, Караханом и шефом РОСТА Яковом Долецким. Гото излагал всем собеседникам, кроме Калинина, одни и те же идеи и проекты по трем вопросам: Китай, концессии, рыболовная конвенция. Однако мы рассмотрим их в иной последовательности, начав с экономических проблем, чтобы затем перейти к политическим, более общим и более важным.

В отношении концессий Гото ничего не добился. Переговоры о рыболовной конвенции посол Танака вёл со времени приезда в Москву и почти завершил, но на последнем этапе они застопорились. Поэтому в дело включился Гото, беседы которого с Чичериным и Караханом вращались в основном вокруг этой проблемы (7). Обе стороны объявляли свои условия разумными и законными, а требования противной стороны – завышенными и незаконными. Японцы настаивали на официальных гарантиях того, что за ними будут сохранены *все* эксплуатировавшиеся ими ранее рыболовные участки. Москва не соглашалась и могла диктовать условия, поскольку речь шла о советских территориальных водах. 14 января Политбюро приняло окончательную формулу, предложенную Чичериным и Караханом, в которой говорилось лишь о том, что «правительство СССР... готово считаться с тем, чтобы, в соответствии с указанной конвенцией, разумным и законным интересам японских подданных не был нанесён ущерб». По этому поводу Литвинов послал Сталину очередную раздражённую записку, упрекая Карахана в «бесконтрольном и безотчётном ведении дел» (8).

16 января Гото получил этот текст как окончательный, но назвал его неприемлемым для Японии и призвал продолжать обсуждение. 19 января Карахан продемонстрировал ему и Танака решимость не отступать от формулы Политбюро (9). На следующий день состоялся драматический разговор посла с Чичериным. Нарком подтвердил, что «правительство считает эту формулу окончательной. Оно постановило не подвергать её пересмотру. Это постановление является для меня обязательным и окончательным». Танака заговорил о важности момента, подчёркивая, что за конкретным вопросом рыболовной конвенции стоит судьба взаимопонимания Японии и СССР: «Именно теперь происходит попытка сближения с нами. Но если этот в высшей степени важный и благоприятный момент будет упущен, то опять усилятся противоположные тенденции... Иногда вопрос, кажущийся как будто второстепенным, играет решающую роль, когда речь идёт о том, упустить или не упустить благоприятный момент».

Главным козырем посла был приезд виконта: «Поездка к нам Гото есть один из тех благоприятных моментов, упустить который может иметь впоследствии отрицательные результаты. Япония стоит как бы на перепутье, и поездка Гото имеет громаднейшее значение для того, чтобы повести Японию по дружественному нам пути. Для развития добрых отношений между нами поездка Гото имеет решающее значение. Завтра он уезжает. Он чрезвычайно энергично стремился к тому, чтобы добиться с нами соглашения. Он в высшей степени озабочен этим вопросом, ибо, если данное ему поручение кончится разрывом переговоров, это нанесет удар всей его миссии и поведет к обратным результатам. Он пользуется в Японии громадной известностью, и вся Япония смотрит, чем кончится его поездка. Это в высшей степени важный момент в отношениях между нашими странами. Вся Япония смотрит на него, и если окажется, что порученное ему дело кончилось разрывом переговоров, это даст в Японии толчок, чтобы повернуть к обратным тенденциям. В Японии будет создано впечатление о неуспехе миссии Гото, долженствовавшей иметь решающее значение. Если мы обмениваемся с Гото весьма дружественными общими заверениями, а в то же время в практических вопросах у нас происходит разрыв, то из этого будут сделаны вы-

воды общественным мнением в Японии... Сам Гото глубоко опечален и в высшей степени разочарован тем, что его дружественные усилия не увенчались успехом» (10).

Беседа Танака с Чичериным напоминала разговор двух глухих, которые отказываются слышать аргументы друг друга. Однако уже в начале разговора посол дал понять, что японская сторона готова пойти на последний компромисс, если партнер тоже сделает шаг навстречу. Можно предположить, что это была личная инициатива Гото, который не хотел уезжать из Москвы с пустыми руками. Нарком был непоколебим, ссылаясь на то, что конвенция парафирована 10 октября, а японская сторона пытается выставить после этого дополнительные условия. 21 января, в день отъезда, Гото нанес прощальный визит Чичерину, «ещё раз выразив сожаление, что рыбный вопрос пошёл по нежелательному пути» (11). Вечером того же дня посол сообщил, что правительство приняло советскую формулу. Связь этого решения с отъездом Гото очевидна, хотя свою роль, как сразу отметил Карахан, сыграл роспуск парламента в Токио: премьер хотел иметь подписанную конвенцию в качестве козыря на предстоящих выборах 20 февраля (12). Карахан и Танака поставили подписи под ней 23 января, когда Гото уже покинул Москву, но знал, что цель достигнута и можно со спокойной душой отправляться домой. Видимо, он имел необходимые полномочия или в последний момент убедил премьера, с которым посол постоянно сносился по телеграфу, согласиться на частные уступки ради успеха в главном. 24 января Карахан телеграфировал Гото «по пути следования»: «Вчера подписана рыболовная конвенция благодаря Вашей поддержке шлю Вам привет и лучшие пожелания». Гото отвечал: «Искренне благодарю Вас за Ваше личное сверх служебного великое содействие оказанное для блага обоих государств» (13). Встретившись с Чичериным месяц спустя, Мори «выразил прежде всего большую радость по поводу того, что именно Гото довёл до конца рыбные переговоры» и даже сказал, что «это есть с нашей (советской – *В.М.*) стороны важный подарок Гото» (14).

Теперь рассмотрим «китайские дела» на московских переговорах. В отличие от двух предыдущих, это был политический, даже геополитический вопрос – пожалуй, самый важный среди

трёх. Именно ему были посвящены беседы Гото со Сталиным. Обеспокоенный усилением коммунистической пропаганды виконт в конце 1926 г. говорил Довгалеvскому, что «японско-советское соглашение во вопросу о Северо-Восточном Китае ускорило бы процесс “стабилизации” Китая, следствием чего было бы участие Китая в соглашении. По мнению Гото, это тройственное соглашение привело бы к новому соотношению сил в бассейне Тихого океана и перераспределению богатств этого района. В ответ ему было разъяснено, что Советский Союз не может вступать в какие-либо соглашения о третьих странах без их ведома. План тройственного соглашения не вызвал возражений» (15).

19 января 1927 г. Гото пригласил к себе специалиста по Китаю Мицукава Камэтаро, изложил ему своё видение ситуации и поручил составить меморандум о советско-японском сотрудничестве в деле решения китайских проблем, который собирался распространить среди влиятельных представителей политических и деловых кругов. Мицукава уже на следующий день вручил документ виконту, а после его смерти обнародовал меморандум. Публикация была сделана небрежно, поэтому в 1990 г. М. Ёсимура републиковал его по автографу, снабдив комментариями (16). Знакомство с текстом показывает, что именно он был использован во время визита в Москву. После первой встречи Гото с Караханом Мори передал ему памятную записку, написанную по-немецки и сразу же переведённую на русский. За исключением вступительных фраз о целях приезда Гото в СССР и последнего абзаца о Тихоокеанском конгрессе, содержание записки и меморандума Мицукава совпадает. Приведу этот текст полностью, так как в нём всё изложено чётко и понятно, несмотря на шероховатости торопливого перевода. Он сохранился в двух вариантах, наиболее важные разночтения которых указаны в примечаниях. Разбивка на абзацы сделана автором настоящей работы для облегчения чтения.

«Причиной моей поездки в Советскую Россию, несмотря на мой преклонный возраст, после тяжелой болезни, в такие тяжёлые времена¹, было отчасти исполнение моего долголетнего желания

¹ В другом варианте перевода: «в такое исключительно холодное время».

вступить в личные отношения с руководящими кругами новой советской страны и изучить на месте новые вещи и новые отношения. Однако моё другое желание ещё больше толкнуло меня на этот шаг, а именно моя искренняя мысль найти средства и пути для разрешения китайской проблемы путём взаимопонимания¹ между Японией и Советским Союзом.

Не требуется особо подчёркивать, что небезопасность и беспорядки в Китае представляют собой крупнейшее зло и опасность для всего мира. И если в критический момент, когда всемирные противоречия начинают концентрироваться в области Тихого океана, предоставить событиям свободно развиваться, будет серьёзная опасность создания нового балканского вопроса в международном положении Восточной Азии.

Само собой разумеется, что дело самих китайцев разрешать внутренние противоречия. Идеалом, понятно, было бы восстановление порядка и безопасности собственными силами Китая, без помощи заграницы. Так как, однако, теперешние беспорядки приносят серьёзный ущерб соседним странам, срочной задачей наших обеих стран является нахождение пути и средств для ускорения восстановления порядка и стабилизации Китая. Несмотря на то, что Япония наиболее задевается китайскими волнениями, влияние положения в Китае не ограничивается одной Японией, а является большим дезорганизирующим событием в Восточной Азии, чем втягивается в волнения весь мир.

Очень трудно узнать и определить действительное положение вещей и действительные отношения в Китае. Политические и национальные вопросы в Китае нельзя взвешивать и определять европейскими представлениями и масштабами. Так, например, коммунистическое движение в Китае, которое, кажется, очень легко может достигнуть своей цели, очень тяжело проходит, благодаря глубоким противоречиям со старинной собственной культурой.

Имеется опасность в том, если иметь в виду только современных властителей (Китай – *В.М.*) и связаться с ними. Среди теперешних государственных деятелей, которые занимают влиятельные посты, связанных друг с другом, не имеется ни одной выдающейся личности, которая могла бы на длительный срок сохранить

¹ В другом варианте: «соглашения».

своё господствующее положение. Поэтому невозможно односторонней защитой (кого-либо из них – *В.М.*) добиться стабилизации в стране. Например, Чжан Цзолинь может только игрой на английских и американских влияниях против Японии или используя временами Японию, временами англо-американские государства против Советского Союза, сохранить своё положение¹. Однако с известной уверенностью можно принять, что его время продлится недолго и что его власть в недалеком будущем будет потеряна. К тому же очень сомнительно, будут ли обладать его эвентуальные (предполагаемые – *В.М.*) наследники какой-либо действительной силой.

Оставаться с такими нетвердыми властителями значит ждать 100 лет наведения порядка на реке Янцзы. По меньшей мере, бесперспективно наведение порядка и стабилизация в Китае его собственными силами в ближайшее время. И это невыносимое положение как раз для Японии и, очень возможно, для самого Советского Союза.

Как уже выше сказано, следует избегать иностранного вмешательства во внутренние дела Китая. Однако чистосердечное обсуждение и обоюдное согласие между Советским Союзом и Японией относительно их китайской политики является срочной задачей времени, принимая во внимание теперешнее положение, и для того, чтобы не упустить общую цель. Лига Наций в теперешнем состоянии не может разрешить китайскую проблему, и вообще ясно, что китайская проблема не может быть разрешена только путём международных разговоров. Если обдумать, что китайская проблема может быть разрешена только обоюдным пониманием между Японией и Советским Союзом, то не нужно этим заниматься только через сто лет².

Конечно, полное слухов открытое заявление³ о совместных действиях обеих стран повредит успеху дела. Поэтому нужно внутреннее действительное взаимопонимание обеих стран как необходимая предпосылка для разрешения китайской проблемы.

¹ Традиционная китайская стратегия «бить варваров руками других варваров»; напомню, что «варварами» в Китае называли любых иностранцев.

² В другом варианте: «то не придётся через сто лет раскаиваться (сожалеть о потерянном)».

³ В другом варианте: «шумное публичное осведомление».

Так как Советский Союз является гигантской страной в Европе и Азии, его внешняя политика многосторонняя и сложна. Европейская политика Советского Союза затрагивает нас только косвенно; наоборот, его китайская политика затрагивает наши интересы непосредственно и серьёзно. Для того чтобы обеспечить мир в Восточной Азии и, таким образом, во всём мире, совершенно необходимо создать безусловное взаимопонимание и одинаковый образ действий обеих стран в китайской политике. Для этого для обеих сторон необходимо пожертвовать теперешними преимуществами в пользу общего большого дела. Само собой разумеется, что детальное обсуждение следует перенести на последующие встречи обеих соответствующих сторон с принятием во внимание многосторонности и разнообразия (вопроса – *В.М.*), которые не могут быть разрешены со дня на день. Для начала было бы достаточно двустороннего заявления, что китайская проблема должна рассматриваться как затрагивающая обоюдные интересы и может быть разрешена обоюдным сотрудничеством.

При этом я хочу обратить внимание советского правительства на следующее дело, а именно на предстоящий в будущем году в Японии Тихоокеанский конгресс. Тихоокеанский конгресс был до сих пор конгрессом миссионеров и ученых стран, заинтересованных в Тихом океане. До сих пор он собирался на Гавайях¹, чтобы дискутировать научные и духовные вопросы. Понемногу деятельность Тихоокеанского конгресса распространилась на практические вопросы. Ожидается, что в будущем году будут обсуждаться и политические вопросы. Хотя Тихоокеанский конгресс имеет чисто частный характер, его решения имеют значительное влияние на общественное мнение соответствующих стран, хотя бы благодаря участию известных лиц из различных стран. Можно пожалеть о том, что Советский Союз до сих пор не принимал участия в конгрессе. Было бы желательно, чтобы Советский Союз принял участие в следующем конгрессе и обсудил бы свою точку зрения с другими странами. Если однако посылка делегации с какой-либо точки зрения советским правительством будет признана нежелательной, было бы желательно созвать но-

¹ В оригинале (оба варианта): «в Гавайе».

вый особый восточно-азиатский конгресс, в котором Япония, СССР и Китай были бы организаторами» (17).

В качестве главной позиции Гото подчёркивал важность сотрудничества Японии и СССР в деле обеспечения политической стабильности в Китае, которая станет гарантом успешного экономического освоения и развития региона. На то, что сами китайцы в ближайшее время смогут решить свои проблемы, он не рассчитывал. «Китай – источник опасности для всего Востока, – писал в 1908 г. его политический ментор Кацура, – и наша безопасность зависит от положения дел там» (18). «Неспособность Китая навести порядок в собственном доме является источником его проблем в отношениях с другими странами», – говорил через десять лет после Гото японский дипломат Сума Якитиро, обращаясь к американской аудитории (19). «Так как в Китае при настоящих условиях неурядицы отсутствует политический центр, следует опасаться, что трудно будет найти ответственного партнера для переговоров», – отмечалось в новой записке гостя, переданной 6 января Карахану (20).

После Синьхайской революции Китай перестал существовать как единое государство, превратившись в арену соперничества милитаристских клик и их лидеров. Особую тревогу японцев вызывал глава фэнтяньской группировки Чжан Цзолинь. «В течение многих лет он был правителем северо-восточных провинций Китая (т. е. Маньчжурии – *В.М.*) и активно участвовал в общенациональной политической борьбе, являясь видным представителем сил консерватизма и реакции. Хозяин богатого края, командующий хорошо вооружённой армией, он был опасным противником других милитаристов. В 1920, 1924, 1925, 1926 гг. он получал возможность контролировать Пекинское правительство, распространяя с помощью армии свою власть на значительную часть Китая. В декабре 1927 г. Чжан Цзолинь возглавил военное правительство в Пекине... Сфера деятельности этого генерала не ограничивалась Маньчжурией и Внутренним Китаем, она охватывала и вопросы международной политики» (21). «Старый маршал» находился под влиянием японцев, одновременно стараясь найти *modus vivendi* с Россией, но в середине двадцатых решил избавиться от опеки Токио и переориентироваться на Лон-

дон и Вашингтон. В свою очередь, его главный соперник Чан Кайши получал помощь от США (ранее от СССР), но решил прийти к компромиссу с японцами.

Гото был за сотрудничество с Москвой, но против «советизации» Китая. На этой позиции стояло абсолютное большинство японских военных и дипломатов, хотя министр иностранных дел Сидэхара 2 апреля 1927 г. заявил английскому послу: «Даже если Китай станет коммунистической страной, мы не слишком испугаемся этого» (22). «С этим Токио примириться никак не может, – говорил Копп Беседовскому в 1926 г., – ибо советизированный Китай означал бы смертельную угрозу для Японии и перспективу потери ею маньчжурских и шаньдунских позиций... Одно дело приемлемая для Японии любая форма буржуазной государственной власти в Китае, даже самая крайняя левая форма этой власти, и совсем иное дело – советизация Китая, т. е., будем говорить прямо, анархия, распад Китая, всеобщая резня и невозможность вести с Китаем какую бы то ни было торговлю». «Китайцы не хотят быть кроликами для опытов Бородина и Коминтерна», – заключил Копп (23).

Аналогичные идеи Гото изложил в записке для премьера, которую вручил ему 15 июня 1927 г. События показали, что Танака в полной мере воспринял их, хотя – как военный – склонялся к расширению японского военного присутствия в регионе и даже к применению силы, как во время шаньдунских кризисов. Но нет сомнений в том, что идеи и планы, изложенные Гото в Москве, получили предварительное одобрение премьера. По мнению А. Ириэ, «для Гото ничего не могло быть более пагубным, нежели сближение России и Китая без участия Японии. Прочное взаимопонимание с Советским Союзом послужило бы лучшей защитой прав и интересов Японии в Китае и сильнейшим фактором сдерживания американского влияния в Азии» (24).

Когда в Москве виконт вернулся к этой теме, он прямо сказал, что вести о советско-японском сближении умерят амбиции Чжан Цзолиня и сделают его послушнее, оговорив, что его «предложение по поводу Китая не касается вопроса о коммунистическом движении в Китае». 24 декабря Мори посетил Карахана, чтобы ещё раз озвучить позицию патрона. «Большая часть японской

торговли с Китаем очень сильно пострадала за последнее время в результате дезорганизации китайского рынка, что японские промышленники приписывают нашему влиянию, – записал Лев Михайлович слова визитера, – и японское правительство должно считаться с этой тревогой влиятельных японских промышленных кругов... В Японии очень сильно беспокоятся по поводу коммунистического движения в Китае, причём Япония беспокоится не с той точки зрения, что это движение может угрожать самой Японии, а только потому, что это движение дезорганизует китайский рынок, который является важнейшим для Японии... Япония прекрасно понимает наше желание поднять наш престиж и влияние в Китае против Англии, она только боится, как бы, поднимая наш собственный авторитет, мы не способствовали бы дезорганизации китайского рынка. Говоря о соглашении между нами и Японией, он подчеркнул, что речь идёт не о каком-либо тайном соглашении, а о сговоре общего характера... Затем Мори указал, что они (японцы – В.М.) не хотят исключать китайцев из решения этой проблемы, но они думают, что участие китайцев должно быть на легальной базе» (25). Однако Чичерин сделал прямо противоположный вывод: поездка Гото «направлена против Коминтерновской линии в Китае», – о чём написал Сталину 26 декабря (26).

Заявив 29 декабря наркому, что «целью японского правительства теперь сделалось – *создать свою самостоятельную японскую внешнюю политику*», Гото, понимая ограниченность своих полномочий, предложил наркому говорить как «частные и в то же время как не совсем частные» лица, т. е. начать очередные «официальные неофициальные» переговоры. Чичерин уверенно ответил: «Мы считаем в высшей степени желательным и даже необходимым соглашение между нашими правительствами по всем вообще вопросам, которые между нами стоят и между прочим по вопросам, касающимся Китая... Наша принципиальная позиция есть желательность длительного соглашения и дружественных отношений с Японией». Но тут же добавил, что переговоры должны быть официальными и на базе конкретных предложений (27).

Разговору наркома с Гото предшествовало заседание Политбюро. «Инстанция» постановила: «Поручить т. Чичерину при свидании с Гото заявить приблизительно следующее: 1) Мы согласны, что китайская проблема действительно представляет предмет общих интересов, который подлежит разрешению путём взаимного понимания, причём понятно, что китайская сторона не должна терпеть ущерба, как правильно говорит об этом меморандум барона (правильно: виконта – *В.М.*) Гото. 2) Мы считаем, что престиж СССР в Китае, в китайском народе, достаточно велик, чтобы его поддержание могло требовать каких-либо экстраординарных мер. Что касается китайских коммунистов, то коммунистическая пропаганда, по нашему мнению, не представляет собой чего-либо особенного, из ряда вон выходящего, т. к. она существует везде во всех странах, в том числе и в Японии. Мы не понимаем той тревоги и беспокойства, которые проявляют некоторые японцы. Коммунистическая пропаганда является неизбежным спутником национального движения, и, коль скоро допущено национальное движение в Китае, обязательно будет иметь место и коммунистическая пропаганда. Наше отношение к китайским делам с точки зрения коммунистической пропаганды состоит в том, что мы придерживаемся абсолютного нейтралитета. Мы ни в коем случае не допустим, чтобы кто-либо из служащих наших учреждений в Китае когда-либо имел то или иное отношение к коммунистической пропаганде. Никто из наших служащих, уличенных или заподозренных в коммунистической пропаганде, не может быть оставлен в учреждении ни одной секунды. Пусть скажет Гото, что нужно ещё предпринять, чтобы избавить японцев от преувеличенной, а иногда прямо смешной тревоги по поводу коммунистической пропаганды в Китае». Гостю передали всё в точности.

6 января Гото послал Карахану новую памятную записку о китайских делах, повторявшую и развивавшую основные мысли предыдущей. Заявив более категорично, что участие Китая в урегулировании ситуации невозможно из-за отсутствия там центральной власти, виконт сделал вывод, что нет иного выхода, кроме как срочно решать проблему совместными усилиями

Москвы и Токио. В заключительной части записки он сообщал, что намеревается делать сам:

«1. Если моя мысль (о необходимости согласования политики СССР и Японии в Китае – *В.М.*) одобряется советской стороной, я буду в интересах закрепления вышеизложенных внешнеполитических руководящих принципов делать всё наилучшее, независимо от перемены кабинета; в особенности, путём использования моей личной дружбы с руководящими деятелями всех политических партий, как правительственных, так и оппозиционных, я буду бороться за то, чтобы вышеизложенные руководящие принципы, независимо от перемены кабинета и преобладая над партийными спорами, образовали бы стабильную национальную политику.

2. Я буду сначала обсуждать это дело с руководителем теперешнего правительства. Пока наше правительство начнет официальные переговоры о конкретных мероприятиях, я желал бы, чтобы моё предложение рассматривалось бы как обсужденное в частном порядке между руководителями Вашей страны и мною, “ответственным без ответственности” (опять “официально неофициально” – *В.М.*), и чтобы далее шло обсуждение в том же духе, открыто и без оговорок. Оно должно иметь официальный характер только тогда, когда японское правительство официально к этому приступит» (28).

Гость решил обсудить эту проблему со Сталиным, поскольку больше всего верил в личные контакты. Генсек в те годы почти не встречался с иностранными некоммунистическими деятелями, но сделал исключение для Кухара, с которым беседовал тет-а-тет, в присутствии только переводчика, а затем для виконта. Г.А. Бордюгов полагает, что это имело немалое значение для обоих: «Не забудем и о внутривнутриполитическом контексте встреч. Представьте, что такое декабрь 1927 – январь 1928 годов. Совсем недавно состоялся XV съезд ВКП(б), на котором деятели оппозиции были исключены из партии, а затем сняты с работы и высланы. Это время тяжелейшего хлебозаготовительного кризиса, когда власть Сталина зашаталась, когда он был вынужден пойти на введение чрезвычайных мер, сломавших в конце концов нэп, когда многие в России и на Западе заговорили о том, что дни Советов сочтены. И вдруг появляется дополнительная возмож-

ность продемонстрировать своё влияние и авторитет, встретиться с виднейшим деятелем Японии, подать это соответствующим образом в печати. Сталин воспользовался и этим моментом, чтобы продемонстрировать оппозиции и оппонентам свою значимость» (29).

Обстоятельные японские записи бесед Гото со Сталиным, сделанные Ясуги, точно и полно передают их содержание, включая некоторые реплики вождя, воспроизведённые по-русски. Советские записи не обнаружены и, вероятнее всего, вообще не велись. В рассекреченной части архива Сталина, которая передана в Российской государственной архив социально-политической истории, этих документов нет (30). Ежедневная сводка о лицах, записанных на приём и принятых генсеком, фиксирует пребывание Гото, Ясуги и Костюковского 7 января и только Гото 14 января 1928 г. (31), хотя Ясуги и Костюковский должны были сопровождать его как переводчики. В служебном дневнике Костюковского содержание бесед не отражено. Информацией о присутствии при разговоре других лиц с советской стороны мы не располагаем.

Первая беседа Гото со Сталиным 7 января началась с прямого и, полагаю, откровенного обмена мнениями. Гость сказал, что Китай находится в хаосе и оставлять его в этом положении крайне опасно. Хозяин ответил, что решение китайской проблемы затруднено по трем причинам. Во-первых, это отсутствие единой центральной власти; во-вторых, вмешательство иностранных держав в китайские дела без должного знания и понимания внутриполитической обстановки и местных особенностей; в-третьих, возможность усиления в Китае – в условиях постоянного давления извне – ксенофобских и изоляционистских настроений. Согласившись с собеседником, Гото вернулся к своей излюбленной мысли, что поддержание мира на Востоке зависит от сотрудничества СССР и Японии, а в перспективе – и Китая. «Значит Вы хотите, – переспросил Сталин, – чтобы Россия ничего не предпринимала в Китае, не посоветовавшись с Японией? Таково желание Японии?». Виконт поспешил заверить, что это не так, но именно слаженность действий двух стран является залогом успешного поддержания мира и стабильности.

Согласившись в принципе с идеей японско-советских консультаций по китайским проблемам, генсек спросил, что гость считает нужным для их успеха. Гото начал с того, что японская дипломатия до сих пор в значительной степени ориентируется на США и Великобританию, но понимание необходимости проведения независимой внешней политики усиливается. Партнерство с Россией и Китаем стало бы проявлением её независимости. Однако он снова выразил опасения относительно возможной «большевизации» Китая в результате деятельности Коминтерна, сделав вежливую оговорку, что понимает различие между этой организацией и советским правительством и что сам он Коминтерна не боится. Но многие в Японии боятся.

Сталин заметил, что в Китае идёт интенсивная борьба угнетённых классов против угнетателей, которая и является главной причиной нестабильности. В таких условиях распространение идей коммунизма естественно и неизбежно. Коминтерн существует девять лет, продолжал генсек, а нестабильность в мире возникла куда раньше. Переходя к отношениям Коминтерна с советским государством, он не без иронии заметил: за границей одни считают, что правительство руководит Коминтерном, другие, что Коминтерн руководит правительством, но ни те ни другие не правы. Коминтерн – международная политическая организация, охватывающая много стран и т. д. Словом, повторил всё то, что десятью днями ранее Политбюро постановило отвечать японскому гостю.

Гото напомнил, что пришёл для обмена мнениями по конкретным вопросам, а не для общих политических оценок. В качестве основных минусов политики России в отношении Китая он указал на недостаточное знание и понимание ситуации, а также на склонность к поспешным действиям. «Корни древней цивилизации в Китае очень глубоки, и новому общественному движению там трудно добиться успеха». Впрочем, признал Гото, и в японской политике в отношении Китая не всё хорошо. Сталин согласился и с первым, и со вторым, заметив, что главным недостатком японской политики является непонимание характера «нового общественного движения» в Китае. Новый национализм Китая, вызванный к жизни экспансией иностранных держав, аналогичен

тому, который появился в Японии «семьдесят лет назад» (т. е. перед *Мэйдзи исин*) и укоренен в её современной цивилизации.

Затем вопросы стал задавать Сталин. Собеседники поговорили о Чжан Цзолине (Гото заметил, что его режим непрочен и долго не продержится) и о бесперспективности ориентирования японской политики в Китае на США (Гото согласился), после чего поинтересовался идеями гостя насчет экономического сотрудничества. Виконт ответил, что в этот раз собирался говорить только о китайских делах и попросил о второй встрече, которая состоялась 14 января. Почти весь разговор был посвящен рыболовной конвенции, но Сталин снова заговорил о маньчжурском диктаторе, охарактеризовав его как реакционного и ограниченного националиста, не знающего окружающего мира и не понимающего происходящих в нём глобальных процессов. Эта оценка закрепились в советской историографии: «Чжан Цзолинь оставался милитаристом наиболее реакционным, связанным с самыми консервативными слоями китайского общества, и это обусловило его неспособность решить проблемы национального развития Китая» (32).

В Токио давно были недовольны курсом «старого маршала» и не верили ему. 12 января 1927 г. Беседовский сообщил Карахану: «Отношения с Чжан Цзолинем за последнее время заострились и ухудшились по целому ряду весьма важных для Японии вопросов... Всё это не могло не вызвать сильного раздражения здесь против Чжан Цзолиня, настолько сильного, что в МИД обсуждался вопрос о возможности замены Чжан Цзолиня другой фигурой» (33). «Заменить» его не удалось, и год спустя Мори, находившийся в Москве проездом из Берлина в Токио, жаловался Чичерину на хозяина Маньчжурии и на собственного премьера: «По своему основному содержанию японская политика в Китае оставалась одна и та же и при Сидэхара, и при Танака... Однако он должен сказать, что Танака сделал ряд ошибок и что его министерство ознаменовалось серьёзнейшим поражением Японии в Маньчжурии... Англия заменила Японию в деле влияния на Чжан Цзолиня, и Япония фактически вытесняется из Маньчжурии... Все маньчжурские банки связаны с частными интересами самого Чжан Цзолиня или его губернаторов. Частные интересы,

таким образом, превращаются в государственную силу. Японские резиденты в Маньчжурии, даже виднейшие купцы сильнейшим образом угнетены этими полугосударственными банками... Чжан Цзолинь теперь идёт совершенно сознательно на то, чтобы мешать проведению национальных интересов Японии... Для Японии господство в Маньчжурии этого порядка вещей совершенно невыносимо. Между тем барон Танака оказывается совершенно бессильным защитить японские интересы в той самой Маньчжурии, которая считалась главной областью японских интересов на континенте. Чжан Цзолинь стал столь дерзок по отношению к Японии, что она смотрит на него уже как на своего врага» (34).

Отвечая помощнику Гото, нарком ограничился «несколькими любезными фразами, не имеющими отношения к этим темам». Однако 4 июля 1928 г. салон-вагон «старого маршала» взлетел на воздух неподалеку от Мукдена. Официальная версия гласила, что он погиб от рук бандитов-хунхузов, которых жестоко преследовал. Японские военные намекали, что это дело гоминьдановцев, стремившихся устранить конкурента. После Второй мировой войны виновниками объявили заговорщиков из штаба Квантунской армии во главе с полковником Комото Дайсаку, который детально рассказал о подготовке «ликвидации» (35). Военное министерство, генеральный штаб или правительство не планировали эту акцию, хотя на Токийском процессе обвинение пыталось доказать обратное. Именно с убийства Чжан Цзолиня оно начало отсчет «заговора против мира», ставшего главным пунктом обвинения против лидеров поверженной Японии. Тогда же были обнародованы результаты расследования, проведенного по горячим следам военным министерством по приказу императора. Молодой монарх был всерьез обеспокоен случившимся, поскольку это бросало тень на всю армию. Из корпоративных соображений премьер Танака попытался замять дело и вывести организаторов из-под удара, но информация просочилась в политические круги. Влиятельные оппозиционные депутаты Накано Сэйго и Нагаи Рютаро заявили об ответственности правительства. Наказания виновных потребовал *гэнро* Сайондзи, сделавший Танака выговор за непринятие мер. Судьбу кабинета решило недовольство императора, который открыто выразил премьеру недоверие (36). 2 июля

1929 г. Танака подал в отставку, удалился от дел и через три месяца умер. Его скоропостижная смерть даже породила слухи о самоубийстве.

Виноვნость Комото со товарищи считалась безусловной, пока Д.П. Прохоров не сделал сенсационное заявление: за убийством Чжан Цзолиня стояла советская разведка, а именно резидентура ОГПУ в Харбине во главе с Наумом Эйтингоном, будущим организатором «ликвидации» Троцкого (37). Правда, автор смог сослаться только на устные утверждения покойного Д.А. Волкогорова, который, действительно, имел доступ к секретным архивам, но нередко делал бездоказательные заявления. Никаких документов Прохоров не привел. Его соавтор А.И. Колпакиди разъяснил, что речь идёт не более чем о версии: Москва могла желать устранения «старого маршала», причинявшего ей немалое беспокойство на КВЖД, но для утверждения об организации убийства агентами ОГПУ этого недостаточно. «Я уверен, – сообщил Колпакиди автору настоящей книги, – что это он (Волкогоров – *В.М.*) говорил (не писал!) со слов Судоплатова, с которым они общались перед смертью последнего. Эйтингон мог Судоплатову и приврать. Байка эта Эйтингоном выдвигалась, думаю, потому что наши в Китае занимались т. н. «активной», т. е. диверсионно-террористической деятельностью и в 20-е и в 30-е годы. Конкретно эту работу вели Христофор Салнынъ и Иван Винаров. Салнынъ на допросах, после ареста в 1938 г., ничего не сказал об убийстве. Винаров в одном из интервью, данных в Болгарии, сказал, что имел задание сфотографировать взорванный вагон, но ехал ли он в этом поезде или приехал позже – вопрос спорный. *Ни в одном из соответствующих архивов материалов о взрыве нет* (выделено мной – *В.М.*). Я склоняюсь к мысли, что убили японцы» (38). Утверждения Прохорова, прошедшие в России почти незамеченными, вызвали интерес в Японии после выхода там в конце 2005 г. книги Юн Чан и Джона Холидэя «Мао», которые повторили их. Причина понятна: если с Японии снимается ответственность за убийство Чжан Цзолиня, исчезает точка отсчёта «заговора против мира», а критики Токийского процесса получают мощный аргумент. Однако, радость авторов, не осведомленных о том, что стоит за «открытием» Прохорова, оказалась преждевременной. Совсем уди-

вительно, что его некритически приняли на веру отечественные составители и комментаторы сборника документов по истории советско-японских отношений (39). Словом, оснований для пересмотра принятой точки зрения на убийство «старого маршала» пока нет.

Подводя итоги визита во время заключительной встречи с Чичериным 21 января 1928 г., Гото вернулся к торговому договору и пакту о ненападении, заключить который советская сторона предлагала уже не раз. Премьер Танака уклонялся от этого, опасаясь негативной реакции со стороны Великобритании и США, о чём виконт прямо говорил в Москве. Руководство МИД ставило пакт о ненападении в зависимость от рыболовной конвенции и торгового договора. Гото предлагал сценарий постепенного продвижения к цели, предусматривавший вслед за заключением рыболовной конвенции подписание торгового договора и ряда концессионных соглашений, что подготовило бы правящие круги и общественное мнение Японии к переговорам о политическом соглашении. На это Чичерин ответил: «Мы считаем такой пакт в высшей степени желательным и будем его приветствовать». «Мы расстались с весьма горячими излияниями самых дружелюбных чувств», – суммировал нарком (40).

Визит в СССР стал «лебединой песней» Гото и вызвал оживлённые толки в прессе, подогревавшиеся им самим. В интервью газете «Осака майнити», опубликованном 8 февраля 1928 г., виконт многозначительно сказал, что в ходе встреч с советскими руководителями было достигнуто взаимное понимание «не только по рыболовным вопросам». В интервью агентству Юнайтед Пресс в Харбине (опубликовано 2 февраля 1928 г. в газете «Пекин лидер») он заявил, что в Москве была согласована «примерная схема русско-японского сотрудничества в некоторых фазах экономического развития Маньчжурии» (41). Однако документы показывают, что Гото либо искренне переоценивал результаты поездки, либо стремился преувеличить их для придания себе большего политического веса, как до него это делал Кухара.

29 января виконт отправил с пограничной станции Оловянная тёплые благодарственные телеграммы Чичерину и Карахану, а месяц спустя, уже из Токио, снова выразил признательность обоим

в личных посланиях, прося не забывать и о поднятых в Москве вопросах. Те поблагодарили и подтвердили надежду на дальнейший прогресс двусторонних отношений, только что подкреплённый ратификацией рыболовной конвенции. Аналогичные письма были отправлены Сталину и другим официальным лицам, принимавшим гостя (42).

Первоначально премьер предполагал, что из Москвы виконт отправится в Берлин для выяснения перспектив сотрудничества трёх держав. Гото осторожно затронул этот вопрос в беседе с германским послом в Москве графом Ранцау, но в ответ услышал, что «идея японско-русско-германского *союза* принадлежит прошлому» (43). Нервозность лондонской и парижской прессы, вспомнившей, что Гото – старый германофил, вынудила его отменить вторую часть вояжа.

По возвращении виконт выступил с несколькими лекциями, высоко оценив успехи СССР и призвав к расширению экономического и политического сотрудничества. Полпредство следило за его высказываниями, регулярно сообщая о них в Москву. Большой интерес у Политбюро и НКВД вызвала речь в Осацком народном доме, опубликованная «Осака майнити» 26 февраля. Опуская общие сведения о «наших достижениях», которыми гостя щедро снабдили, приведу наиболее содержательные фрагменты выступления по «служебному» переводу, выполненному, видимо, в полпредстве:

«Среди многих японцев глубоко предубеждение, что “Россия – страна опасная, страна, к которой нельзя приближаться”. Но Россия – страна безграничных естественных богатств, тем самым весьма важная для нас с экономической точки зрения. Можно ли поэтому оставаться невнимательным к ней, вечно пятиться – “ах, мол, страшно”. Раз навсегда покончить с этим предрассудком, уловить правильное представление о России, ещё раз предложить его нации, создать из японо-русской дружбы факт – ради этого именно и поднялся я в далёкий путь, махнув на тяжесть своих 72 лет.

Для нас нет пути к заключению мирного договора (готовившийся в то время многосторонний Антивоенный пакт, известный как “пакт Бриана–Келлога”, – *В.М.*) в целом без принятия России,

владеющей 1/6 мира, в свою среду. Не может и Россия существовать сепаратно, противостоя всем странам мира. И если она не среди нас, то виноваты в этом как они, так и мы. Я считал, что постигнуть причины этого, являющегося основным условием всеобщего мира, – это тоже один из поводов моей поездки в Россию.

Русская революция, худа ли она, хороша ли – революция своеобразная и исключительная. Прежде чем придти к новой экономической политике, Россия пережила много затруднений, ныне изживаемых¹. Новая экономическая политика была введена Лениным как противовес последствиям системы военного коммунизма... В том и необычность Ленина, что он исправил ошибочность им же созданных учреждений и немедленно ввёл новую экономическую политику...

Оппозиция Троцкого, Каменева и др. удалена из состава ЦК за её возражения новой экономической политике. Троцкий – подобие Сайго Такамори во время реставрации Мэйдзи, хотя правительство упорно проводило свою политику и до изгнания Троцкого. Русской аналогией Окубо (Тосимити – В.М.) является Сталин. Пока существует Троцкий, трудно предугадать, как это отразится на правительстве. Есть и ещё “неизвестные” (видимо, невыясненные – В.М.) вопросы, но моё мнение таково: нынешнее правительство, вероятно, останется неизменным и будет проводить свою прежнюю политику. Я думаю ещё, что если верно моё сравнение Сталина и Троцкого с Окубо и Сайго, то и русская революция сможет оказаться достаточно плодотворной».

Здесь следует прервать цитату и напомнить то, что для слушателя в зале Осацкого народного дома или читателя «Осака майнити» пояснений не требовало. За шесть десятилетий до речи Гото, на его собственных глазах, Япония пережила консервативную революцию *Мэйдзи исин*. Сайго Такамори и Окубо Тосимити были среди виднейших вождей мэйдзийских преобразований. Единые в понимании необходимости перемен, они радикально разошлись во мнениях о дальнейших путях страны. К середине 1870-х годов Окубо считал революционную фазу законченной

¹ Мнение, широко распространенное среди зарубежных аналитиков, посещавших СССР во второй половине 1920-х годов.

и сосредоточился на стабилизации режима – а также своей личной власти, за что был прозван «японским Бисмарком». Имевший звание генерала, самурай-пассионарий Сайго видел в углублении европеизации и замедлении темпов национальной революции измену. Поэтому он удалился в оппозицию, а в 1877 г. поднял восстание против центральной власти, в подавлении которого участвовал молодой врач Гото. Самурайское войско сражалось храбро, но было разбито модернизированной правительственной армией, а Сайго покончил жизнь самоубийством. Окубо торжествовал, но недолго: в следующем году его убили мятежные самураи. Сайго однако недолго числился в инсургентах: былые заслуги и непреходящая популярность побудили императора Мэйдзи посмертно реабилитировать его и вернуть ему все титулы, чины и награды. Сегодня в Японии Сайго и Окубо почитаются как национальные герои, делавшие одно и то же великое дело, но по-разному. Можно спорить о правильности или уместности приведённой Гото аналогии, но доля правды в ней есть. Троцкий был ещё популярен, но уже проиграл. Сталин был ещё не так популярен – Окубо тоже уступал Сайго в популярности – но уже выиграл. Генсек не считал, что революцию надо продолжать, за что троцкисты прозвали его «термидорианцем». Гото смог оценить не только масштаб революционных преобразований, отделявших новую Россию от старой, но и их эксцессы. В нэпе японский гость, подобно большинству иностранцев, видел путь успешного превращения СССР в «нормальную» страну, о чём ранее писал Иоффе и Чичерину. Он многое идеализировал и чуть-чуть не дождался разочарования в своих ожиданиях.

Просоветская позиция Гото не вызывала сомнений. Многие в его речи звучало как «красная» пропаганда. На основании закона об «опасных мыслях» полиция пресекала и более невинные выступления, но тронуть почтенного виконта, разумеется, не могла. Хотя «люди в штатском» в зале, конечно, сидели и, надо полагать, внимательно наблюдали за реакцией присутствующих на призыв оратора «покончить с этим предрассудком – ставить вопрос о “красноте или синеве” каждого, кто едет в Россию. У меня свои убеждения, у другого – свои; уверяю, что мои убеждения ничуть не изменились от моего пребывания в России.

Такие вещи, как Госплан, сопровождаемые научными начинаниями, одинаково уместны как в стране коммунизма, так и в государстве созерена. Разница лишь в коммунистическом духе. Боязнь же, что всякие настоятельные (видимо, радикальные – *В.М.*) реформы в государственной экономической организации вдруг уподобят нас России, совершенно напрасна. Добрые начинания, осуществленные в России, мы возьмем, а плохие можем отбросить. Почему не использовать то, что удалось в этой лаборатории, именуемой Россией, впитывать и, разжевав, использовать – разве не в этом миссия “Ямато миндзоку” (японского народа)» (44).

29 июня 1928 г. Гото поздравил Чичерина с десятилетием пребывания на посту наркома иностранных дел – в те годы рекорд для главы внешнеполитического ведомства, – высоко оценив «глубокое понимание» им «реальностей восточно-азиатской жизни» и «геополитических отношений». В Японии того времени слово «геополитика» было в новинку, но Гото наверняка был хотя бы в общих чертах знаком с теориями и работами германской геополитической школы. Кроме поздравлений, в письме была деловая часть, связанная с изменением ситуации в Китае. 10 апреля Чан Кайши возобновил Северный поход против Чжан Цзолина и коммунистов, а в западных столицах активизировались его эмиссары. 19 апреля японский парламент принял решение об отправке войск в Китай, чтобы преградить путь Чан Кайши в Цзинани. 5 июня был занят Пекин, но пересечь границу Маньчжурии гоминьдановцы не решились, чтобы не обострять отношения с Японией, находившиеся на грани войны. Называя отправку войск временной мерой для защиты соотечественников, Гото убеждал адресата: «Хотя быстрая перемена в положении вещей в Китае ещё затрудняет соглашение с Китаем, я всё-таки надеюсь, по крайней мере, что обе державы, Япония и Советский Союз, путём по возможности общего соглашения выправят общее положение в Восточной Азии и не позволят ей пойти по ложной дороге неестественного союза с такими странами, как Англия и Америка» (45).

Особо убеждать в этом Чичерина не было необходимости, хотя он официально осудил посылку японских войск в Китай в интервью 22 мая. Однако пошатнувшееся здоровье вкупе с интригами

Литвинова привели к удалению наркома от дел. Уехав в Германию на лечение, он долго отказывался возвращаться, при этом не желая официально сдавать должность злейшему врагу. «Инстанция» была недовольна, но медлила с резкими шагами, опасаясь «невозвращения» наркома, которое стало бы мировым событием и скандалом куда сильнее бегства советника Беседовского через стену сада советского полпредства в Париже. В конце концов, Чичерина вернули в Москву и отправили на пенсию доживать свои дни в одиночестве и меланхолии. Он так и не увидел изданным свой этюд о Моцарте и сошёл в могилу в 1936 г., провожаемый краткими холодными некрологами «Правды» и «Известий».

Виконту и наркому больше не суждено было увидеться. В знак признания своих заслуг Гото в октябре 1928 г. был возведён в графское достоинство, с чем Наркоминдел поздравил его, забыв о классовых предрассудках. 13 апреля 1929 г. он скончался от кровоизлияния в мозг. Как только известие об этом дошло до Москвы, Карахан пригласил к себе японского поверенного в делах Сако Сюити и вручил ему ноту: «Прошу Вас принять и передать вашему Правительству искреннее и глубокое соболезнование по случаю смерти графа Гото. Правительство СССР в полной мере разделяет скорбь японского народа, потерявшего в лице графа Гото выдающегося государственного деятеля, заслуги и труды которого по упрочению и дальнейшему развитию отношений и взаимного понимания между нашими странами столь высоко нами ценились и играли столь важную роль в деле политического, экономического и культурного сближения между СССР и Японией. Эта потеря особенно тяжела мне лично, поскольку многолетнее наше сотрудничество научило меня ценить высокие личные качества покойного графа» (46).

В тот же день Лев Михайлович заявил корреспонденту газеты «Нити-нити» Фусэ Кацудзи: «Смерть графа Гото меня крайне поразила, ибо до самого последнего времени я имел сведения, что в состоянии его здоровья наступило улучшение. Мне незачем говорить Вам, как тяжело было мне получить печальное известие о смерти графа, не только потому что в его лице ушла с арены политической жизни Японии крупная, колоритная фигура государственного деятеля исторического масштаба, но и потому что в его

лице СССР теряет одного из лучших друзей в Японии, положившего много энергии и труда для сближения между нашими обеими странами. Его имя было широко известно в нашей стране, и смерть его будет встречена у нас с печалью. Мне незачем говорить, как больно было мне лично узнать о кончине графа, с которым я был связан личными дружескими отношениями» (47). Можно поверить в искренность этих слов, выходящую за пределы обычной дипломатической вежливости. Карахан также поручил полпреду Трояновскому выразить сочувствие семье Гото.

Некролог для центральных газет написал референт Карахана Алексей Канторович, выступавший под псевдонимом «Аякс». Замнаркома лично визировал текст. «Весть о кончине графа Симпэй Гото будет воспринята общественным мнением Советского Союза с той грустью, с какой мы всегда провожаем в могилу наших друзей, какими бы далекими они от нас ни были по своей классовой принадлежности и мировоззрению» (48).

Исключительная роль Гото в развитии двусторонних отношений была очевидна и для его соотечественников. Идеолог национального социализма Окава Сюзэй особо отметил, что никто из японских политиков не мог так умело вести диалог с Москвой. «Я глубоко убеждён, что смерть самого эффективного посредника между Японией и Россией – большая потеря для нашей страны» (49). Точнее не скажешь.

Глава четырнадцатая

БОРИС ПИЛЬНЯК И МЕНЯЮЩИЙСЯ ОБРАЗ ЯПОНИИ

История российско-японских отношений в сфере культуры, написанная пока только фрагментарно, требует отдельного исследования. Однако они никогда не были полностью свободны от влияния политики, что и объясняет появление на этих страницах, казалось бы, сугубо литературного сюжета.

Борис Андреевич Вогау, избравший себе псевдоним «Пильняк», был одним из популярнейших прозаиков двадцатых годов. Дореволюционные дебюты и первый сборник рассказов «С последним пароходом» (1918) прошли незамеченными, но в начале двадцатых он ворвался в литературу, подобно вихрю. Роман «Голый год», книга рассказов «Быльё», повести «Расплеснутое время» и «Третья столица» сделали Пильняка знаковой фигурой новой русской прозы, отразившей реалии послереволюционного «расплеснутого времени». По принятой в то время терминологии его называли «попутчиком» – «тем, кому по пути с революцией», как он сам объяснял японцам. «Попутчики» располагались между «пролетарской» и «буржуазной» литературой, причём Пильняка относили к «правым попутчикам». Читатель его любил, критика ругала, советская власть и привечала, и одёргивала. Такие люди были нужны ей в качестве «большевизма с человеческим лицом».

Свободный выезд за границу из Советского Союза к 1923 г. сошёл на нет, особенно если это касалось людей известных. Получение от властей разрешения на поездку мотивировалось творческой необходимостью и обуславливалось наличием «правильных» контактов за рубежом. В тридцатые годы писатели ездили за границу не столько по собственному желанию (желание было, но с ним мало кто считался), сколько в «командировки» с кон-

кретными поручениями, что, впрочем, практиковалось и в двадцатые. Пильняк был «выездным» до середины тридцатых. Два его визита в Японию и две книги о ней отлично укладываются в приведённую схему.

Написанные после первой поездки в 1926 г. «Корни японского солнца» – книга поэтичная и совершенно аполитичная. «Политика» присутствует в ней лишь постольку, поскольку автора принимали прежде всего как посланца советской литературы и только потом как лично «Пириняку-сан» (его произведения только начали переводиться на японский язык). Отдавая в этом отчёт, он писал: «Всё, что выпало мне в Японии, я принимаю никак не на мой счёт, а на счёт нашей советской общественности, представителем которой я был там». «Камни и корни» – хроника поездки 1932 г. – книга предельно политизированная и производящая впечатление торопливого черновика, «материалов к роману», хотя автор писал её не впопыхах и несколько раз перерабатывал текст¹. Это обуславливалось и социальным заказом, и творческими задачами, которые в тот момент ставил себе писатель.

В первый приезд Пильняк находился под постоянным надзором полиции². Визитер из Советской России – всего через полтора года после восстановления дипломатических отношений – казался властям «опасным большевиком» и «красным агитатором». «Мы будем неотступно следить за ним и вынудим его уехать», – подобными фразами пестрят документы японского МВД (1), хотя посольство в Москве выдало писателю визу с соблюдением всех необходимых формальностей. «Японское правительство явно преследует цель отбить у красных охоту посещать страну», – написал 27 марта 1926 г. французский посол в Токио Поль Клодель, знаменитый поэт (Савелли. С. 224). Доходило до смешного: на перроне Токийского вокзала местным литераторам и сотрудникам советского полпредства пришлось встречать Пильняка в пол-

¹ «Корни японского солнца» цитируются по изданию 1927 г., «Камни и корни» – по изданию 1935 г. без сносок.

² Во время второго приезда писатель нашёл, что японская полиция «очень европеизировалась. Шпики, явно приставленного, в 32 году я видел всего лишь один раз», однако некоторые из его прежних знакомых уже оказались в заключении.

ном молчании, чтобы избежать «демонстраций». Только переводчику Осэ Кэйси полиция разрешила сказать: «С приездом».

И сейчас, и тогда многих занимал вопрос: кто послал Пильняка в Японию? Д. Савелли, изучившая материалы как российских, так и японских архивов, показала, что никто его специально не посылал: японские писатели, а именно Японско-русское литературно-художественное общество, Бориса Андреевича пригласили, советские власти – отпустили. Наркомат по иностранным делам и Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС) проявили интерес к поездке, но особого содействия писателю не оказали, хотя он объективно «работал» на них.

«Культурные связи – одно из немногих средств улучшения наших отношений с Японией», – писал 29 июня 1928 г. Трояновский Карахану (Савелли. С. 169). Через четыре с половиной года эту мысль повторил токийский представитель ВОКС в ранге первого секретаря полпредства Моисей Галкович: «Я не рассматриваю наши культурные отношения как нечто изолированное от наших политических задач, они во многих пунктах друг с другом переплетаются, вот почему дела культурные имеют, конечно, и политическое значение» (Савелли. С. 169). Схожей точки зрения придерживался Гото, заявивший после концерта скрипача Наума Блиндера: «Через подобное искусство осуществляется близость и дружба Японии и России» (2). В мае 1927 г. Гото вместе с Танака, Чичериным и Луначарским вошёл в состав почетного организационного комитета выставки советского искусства, вызвавшей в Японии большой интерес. На сценах Страны корня солнца с успехом выступали певица Ирма Яунзем и скрипач Михаил Эрденко. В Москве и Ленинграде не меньший успех имели театр Кабуки, впервые – при участии и поддержке Гото – выехавший на зарубежные гастроли, новаторская труппа Итикава Садандзи, выставка «Японское кино» и первая демонстрация в нашей стране японского фильма, которым оказался «Храбрец из Киото» будущего классика Кинугаса Тэйносукэ. С 1929 г. в Японии начались коммерческие показы советских фильмов. В СССР появились переводы ещё не ставших классиками Акутагава и Танидзаки (пролетарских писателей начнут издавать массовыми тиражами несколько позже), в Японии – вторые-третьи-четвёртые по счёту переводы «Войны и мира», «Анны Карениной», «Накануне»,

«Отцов и детей», к которым прибавились книги Андреева и Горького, Леонова и Пильняка. Посмотреть на «красную Россию» ездили поэт Акита Удзюку, переводчик и филолог Ёнэкава Масао, режиссер Осанаи Каору. В Японии кроме Пильняка побывали поэты Рюрик Ивнев и Илья Сельвинский, искусствовед Николай Пунин. Быстро налаживался научный обмен, но потом «органы» припомнят это советским ученым – например, Анне Глускиной, переводчице классической антологии «Манъёсю» («Собрание мириад листьев») (3).

Немалую роль в организации поездки Пильняка сыграли японские газеты, потому что «советское» было в моде, а «коммунистическое» – под запретом. Отличавшаяся любовью ко всему новому «Осака Асахи» летом 1925 г. в рекламных целях организовала перелет Токио–Рим через советскую территорию. Отклик «Известий» (30 августа) был многозначительно озаглавлен «Японские летчики – вестники сближения». Статья появилась без подписи, но написал её никто иной как сам Чичерин; насколько *тогда* был известен факт его авторства, мы не знаем. Пильняк тоже совершил перелет из Токио в Осаку на самолете, принадлежавшем «Асахи». Оба издания газеты – токийское и осакское – напечатали его фотографии в костюме авиатора. Что и говорить, отличная реклама! А писатель, попавший в воздушную бурю, набрался незабываемых впечатлений.

Во время пребывания в Японии Пильняк активно печатался в местных газетах. Его статьи, написанные по горячим следам увиденного и составившие основу «Корней», немедленно переводились на японский язык и принесли автору неплохой доход. Гонорары, как советские, так и иностранные, позволяли ему жить на широкую ногу: «он имел в своём распоряжении столько времени и денег, сколько хотел» (Савелли. С. 227). Именно это обстоятельство смущало полицию, наводя её на мысль о «секретных фондах Коминтерна».

Несмотря на беспартийность, «буржуазные замашки» и склонность к эпатажу – как в литературе, так и в жизни – Борис Андреевич был на хорошем счету у властей. «По-моему, таким писателям, как Пильняк, надо давать говорить целиком всё, что они думают, – заметил 3 декабря 1923 г. Луначарский начальнику Главлита Павлу Лебедеву-Полянскому (которого в писательской

среде звали “Лебедев-Подлянский”). – Если он ляпнет что-нибудь неприемлемое, проберем его через критику. Надо стараться о том, чтобы дать писателям возможно большую свободу слова, ограничивая их только в самых крайних случаях, когда становится совершенно ясно, что та или иная фраза, слово или произведение, являются чуть-чуть прикрытой контрреволюционной прокламацией или наглой порнографией. Во всех остальных случаях цензура не должна быть пускаема в ход по отношению к художникам. Я имею основание думать, что так смотрят на это руководящие умы нашей партии, а не только один я» (4). Среди вождей, ценивших Пильняка, надо упомянуть Троцкого, который хвалил и защищал писателя, когда в 1922 г. вопрос о конфискации его книги «Смертельное манит» обсуждался на Политбюро. Тогда обошлось, но гром грянул летом 1926 г., когда в «Новом мире» появилась «Повесть непогашенной луны» о смерти командарма Григорьева на операционном столе, в чём современники увидели намёк на недавнюю смерть наркома по военным и морским делам Михаила Фрунзе. Предвидя возможные кривотолки, автор в предисловии поспешил откреститься от аналогии и посвятил повесть видному партийному критику Александру Воронскому, но никого не убедил. Майский номер «Нового мира» был конфискован, издание включавшего повесть и уже оплаченного Госиздатом (с этими деньгами Пильняк приехал в Японию) сборника остановлено. Воронский публично и не слишком деликатно отказался от посвящения. Секретный циркуляр Главлита от 27 мая 1926 г. за подписью Лебедева-Полянского гласил: «Впредь до особого распоряжения не допускать помещения произведений Пильняка в толстых партийно-советских журналах и сборниках и вычеркивать фамилию названного писателя из списка сотрудников этих журналов» (5). Писателю пришлось долго каяться, но и на это раз «пронесло».

Вторая поездка в Японию – с 6 мая по 18 июня 1932 г. – другое дело. Можно встретить утверждения (со ссылкой на дневник Корнея Чуковского), что она была «навязана» писателю Сталиным и Караханом. Слово «навязана» явно не подходит: Пильняк любил путешествовать и был готов «отрабатывать» поездки и лекциями, и книгами, о чём сам не раз писал в инстанции. Сейчас от него требовалась не просто «книга о Японии», но такая книга,

которая отвечала бы политическим расчётам вождя и его соратников.

Дело было ещё и в том, что через несколько лет после первой поездки Пильняк снова «проштрафился» (его собственное выражение из письма по поводу «Повести непогашенной луны»). В 1929 г. он опубликовал в берлинском эмигрантском издательстве «Петрополис» повесть «Красное дерево», запрещённую Главлитом. Итогом стала мощная пропагандистская кампания, под молот которой вместе с ним угодили Евгений Замятин за роман «Мы», опубликованный по-английски в США в 1924 г. и по-русски в пражском журнале «Воля России» в 1927 г., и Анатолий Мариенгоф, напечатанный в том же «Петрополисе» в 1928 г. роман «Циники», издание которого в Ленинграде было остановлено. Возмущённые травлей, Замятин и Пильняк заявили о выходе из Всероссийского союза писателей. Для Замятина, наиболее упорного из троих, дело закончилось прекращением издания собрания сочинений, перекрытием возможностей печататься, письмом Сталину и отъездом за границу с разрешения властей (фактически – высылкой) в 1932 г. Мариенгофу пришлось покаяться, хотя рукопись «Циников» была передана в Берлин с разрешения Главлита. Репрессии его минули, но из «литературного процесса» он выпал раз и навсегда.

Пильняк покался, и ему поверили. Переработанный вариант «Красного дерева» он включил в роман «Волга впадает в Каспийское море», изданный в Москве в 1930 г. Кстати, место действия в нём – русская провинция – характеризуется словами: «Город – русский Брюгге и российская Камакура». Благополучно завершилось издание восьмитомного собрания сочинений. Но Пильняк срочно принялся за очеркистику о «стройках коммунизма»: писал быстро, идеологически выверенно и «производственно» – с обилием фактов и цифр (сегодня это невозможно читать). Несколько раз ездил за границу, привезя из США в 1931 г. «американский роман» «О'кей» и знаменитый среди московских писателей «форд», а из Японии – «Камни и корни». Ему недвусмысленно дали понять, чего от него ждут.

В 1926 г. Борис Андреевич увидел относительно процветающую и благополучную страну. Увидел глазами писателя, не пле-

нявшегося экзотикой «колониальных романов» Пьера Лоти или Клода Фаррера, хотя более серьёзные певцы «живописной Японии» вроде Лафкадио Хёрна оказали на него влияние. Как настоящий литератор, оказавшись в чужой стране, он записывал не только свои впечатления, но и рассказы сопровождавших его людей, поверья и предания. В отличие от многих предшественников, Пильняк почти ничего не напутал, а в редких случаях его поправил или дополнил в «глоссах» японоведа Роман Ким. Он же написал о «Японии № 2», прошедшей мимо беллетриста, – о положении рабочего класса и истории революционного движения. Автор «Корней» заглянул на шелкопрядильную фабрику (по данным полиции, пристально следившей за гостем, всего на десять минут) лишь по настоянию принимавшего его «левого» писателя Акита, который записал в дневнике: «Возможно, жизнь рабочих подскажет интересный сюжет» (Савелли. С. 209). Пильняка это совершенно не заинтересовало.

Главное чувство, переполняющее «Корни», – удивление. Удивляло то, что «сверстница Греции, племянница Ассирии и Египта» – простим автору некоторую вольность, обусловленную знакомством с легендарной, а не с исторической хронологией, – ещё существует. И не просто существует, а будучи, по европейским понятиям, на краю земли, рвется в будущее. Но больше удивляло то, что страна, «имеющая супердредноуты, газеты с миллионными тиражами и вертикальные тресты, одной ногой ещё стоит в средневековье». «Европейское» в Японии, пусть и переделанное на местный лад, вряд ли могло поразить Пильняка. Поразило своё, неповторимое. И то, что «Япония нашла в себе силы стать молодой страной – силы, указывающие на то, что у этой страны очень много *молодости*». «Япония больше всех сохранила свои национальные черты, – и больше очень и очень многих стран, виденных и знаемых мною, Япония готова выйти из-за заборов национальной своей культуры на большую дорогу – культуры не национальной, а человеческой Земного Шара».

От Пильняка не требовали «разоблачений». От него вообще ничего особо не требовали. Ортодоксальная критика в «Правде» 24 июня 1927 г. разбранила «Корни» устами профессора-японоведа Олега Плетнера, брат которого Орест к тому времени осел

в Стране корня солнца: «Настоящей живой и реальной Японии он не увидел. Всё неверно, всё фальшиво в этой книге. Хуже того. Он видит Японию через ложные очки правых японских деятелей, он пишет строчки, достойные только японского ура-патриота... Мы считаем долгом обратить на это внимание “советской ответственности”, предупредить её, что эта книга не только неверная и фальшивая, но и просто вредная книга... Итого – быт Японии в книге не отражен. Изображено что-то фальшивое, неверное, играющее на руку японскому империализму. Советская общественность должна отказаться от согласия с таким освещением Японии».

Через десять лет такой донос стоил бы писателю жизни. Однако 3 июля Плетнеру на тех же страницах ответил партийный функционер П.Ф. Сапожников – заместитель заведующего отделом пропаганды Агитпропа ЦК ВКП(б): «Мне кажется суровым и неверным утверждение проф. Плетнера, что очерки Пильняка – книжка сплошь “вредная” и “играющая на руку японскому империализму”... Пильняк всё же попутчик, а не враг. Он ездил по Японии... чувствуя себя представителем советской общественности, не пролетарской, конечно, общественности и, тем паче, не коммунистической, но всё же советской... Рассуждения Пильняка по части социологии беспомощны, слабы и совершенно неверны, (но)... Пильняк рассказывает нам об интересе японской интеллигентной общественности к Советскому Союзу и к советской культуре, Пильняк упоминает о революционных японских писателях... Пильняк говорит об упорстве и организованной воле японского труда... Пильняк далеко стоит от нашей, пролетарской общественности. Но Пильняк находится всё же в пределах советской общественности, и суровая критика его произведений, бичуя его недостатки, не должна нарушать “меру”». Рядом была напечатано краткое письмо самого писателя в редакцию, о том, что он «никак не может считать себя “империалистом”», а своих «токийских товарищей, главным образом наших советских деятелей» – «ура-патриотами» (6).

На этом полемика закончилась. Помнил ли Пильняк о ней, когда писал «Камни и корни», точно сказать не берусь. Но «подсказки» относительно того, как надо «перестроиться», были и у Плетнера, и у Сапожникова. Переиздавая «Корни японского солн-

ца» в 1930 г. в собрании сочинений, автор внес в текст некоторую правку, но не настолько значительную, чтобы можно было говорить о новой редакции книги. Переписыванием её он занялся после второго вояжа.

«Корни японского солнца» вписываются в прозу Пильняка середины двадцатых. «Камни и корни», законченные в 1933 г., – в очеркистику тридцатых, которая явно была не велением души, но средством реабилитировать себя в литературе и получить возможность спокойно работать над главными книгами – романами «Созревание плодов» (1936) и «Соляной амбар» (закончен в 1937 г.; впервые полностью опубликован в 1990 г.). «Корни японского солнца» – при всей фрагментарности, вообще присущей художественной манере Пильняка, – производят впечатление цельного и продуманного произведения. «Камни и корни» больше похожи на писательский блокнот: десятки выписок из газет, «ликбезовская» информация о политических партиях, пересказ современных японских романов и пространные цитаты из них и даже... таблицы распределения земельных богатств и расходов на обработку единицы сельскохозяйственных площадей. Мало того, что в книге нет ничего художественного: она – результат «превращения писателя в машину, автомат, воспроизводящий то, что от него ожидают» (Савелли. С. 245). В ней почти нет ничего личного, кроме разве что выразительного описания военного мятежа 15 мая 1932 г., которые мы приведём в следующей главе.

Главное «личное» в новой книге – ожесточённая полемика с... «Корнями японского солнца». Сначала речь идёт о вещах объективных: «Между теперешними днями и теми днями, когда я впервые был в Японии, лежит без малого десятилетие (шесть лет между поездками – В.М.). Это – не только время, когда менялась Япония, но в первую очередь время, когда менялся советский писатель, учился и рос вместе со своей страной и своей эпохой». «Писателям нашей эпохи нельзя обходить историю и нельзя отставать от неё», – повторял Пильняк как заклинание. За этим шло самобичевание: «Я должен заявить сейчас советскому читателю, что “Корни” – неверная книга. Я прошу читателей выбросить с их книжных полок седьмой том моего гизовского “собрания сочинений”. Что касается переводов этой книжки, я прошу в первую

очередь уничтожить её японский перевод». Это риторическая фигура, но неосторожно сказанное имеет обыкновение сбываться. Через пять лет после поездки и через два года после выхода второго издания «Камней и корней» Пильняка арестовали и ещё через год расстреляли как «японского шпиона». С книжных полок выбросили не только «седьмой том», но и все остальные. Книги Бориса Андреевича оказались в спецхране на двадцать лет, а некоторые, как «Повесть непогашенной луны» и «Красное дерево», – на полвека.

Пильняк бичевал не только себя, но и остальных европейских воспевателей «живописной Японии», которых переводили и читали в России: «Писателей порядка Пьера Лоти, Клода Фаррера, даже Бернгарда Келлермана за его путешествие вокруг мира в шесть месяцев и, само собою, автора “Корней японского солнца” – следовало б привлечь к суду за диффамацию, сделать бы им снисхождение по милосердию за их безграмотность, в тюрьму на первый раз не сажать, но – лишить права публиковать свои вещи впредь до обретения грамотности, понеже литература есть дело общественное, но не паркетное». Так он накликнул и запрещение печататься, и суд, и тюрьму, только на снисхождение зря рассчитывал. В отношении Лоти («Госпожа Хризантема»), Фаррера («Душа Японии», она же «Битва», и «Прогулка по Дальнему Востоку») и, в меньшей степени, Келлермана («Страна хризантем») писатель во многом прав – это книги поверхностные, изобилующие ошибками и отмеченные презрением «белых» к «азиатам». Однако он не ограничился любителями экзотики, заявив: «Вместе с этими писателями следовало б на скамью подсудимых посадить и глубокоуважаемых учёных исследователей порядка профессора Е.Г. Спальвина и Лафкадио Хэрна и прочих, многим известных, путающих по учёности своей, к примеру, за изучением какой-нибудь тысячелетней Мурасаки Сикибу тысячелетью с сегодняшним днем, и, кроме этой Мурасаки Сикибу, ничего не знающих толком».

Странный пассаж. Сын ирландца и гречанки Лафкадио Хёрн приехал в Японию в 1890 г., будучи известным писателем, влюбился в эту страну и остался там навсегда. Он женился на японке, принял японское имя «Коидзуми Ягумо», которое выбито на его надгробии на токийском кладбище Дзосигая, и полностью погру-

зился в мир «новой родины», где провел последние четырнадцать лет жизни. Лучшие книги Хёрна написаны о Японии. Более того, из его обширного наследия только они выдержали испытание временем; если переиздается что-то другое, это не более чем отблеск славы «Хёрна, писавшего о Японии». В России его книги переводили ещё до революции, так что Пильняк мог читать их. Однако называть их автора «учёным» по меньшей мере странно – Хёрн был писателем и эссеистом, претендовавшим на интерпретацию Японии, но никак не на её академическое изучение. В отличие от него Спальвин был учёным академического типа, но знатоком именно современности: среди его работ есть не только «Октограммная система изучения катаканы», но и «Первое мая 1923 года в Японии». С установлением дипломатических отношений его пригласили работать в Токио переводчиком полпредства и представителем ВОКС. Сказанное о нём звучит кощунственно, во-первых, потому что он уже умер, а во-вторых, потому что именно он консультировал Пильняка во время первой поездки. В нескольких местах «Корней» есть примечания: «Абзац написан по справке профессора Е.Г. Спальвина» – хотя личные отношения между ними не сложились. Что касается пожелания посадить учёных «на скамью подсудимых», то и оно вскоре сбылось с устрашающей буквальностью: в конце 1930-х годов почти все советские японисты пошли под расстрел, в лагеря и тюрьмы как «японские шпионы».

Спальвин консультировал Пильняка в специфической области японской эротики, включая проституцию. Глава «Корней» «Йосивара, ойран, гейши» вызвала особое негодование Плетнера, а Сапожникову нечего было возразить в защиту автора. Она начинается впечатляющей фразой: «Я был в публичных домах и притонах – Москвы, Берлина, Лондона, Константинополя, Смирны, Шанхая». Тогдашний читатель не удивлялся, потому что пристрастие Пильняка к такой тематике было общеизвестным, а его книги, хоть и с боями, но прорывались через рогатки бдившего за «коммунистической нравственностью» Главлита. «Мне самому претит пильняковская манера выражаться, – говорилось в одном из писем наркома Луначарского цензору Лебедеву-Полянскому, – но всё же надо быть очень осторожным с применением выраже-

ния “порнография” к писателям, заведомо обладающим художественным талантом». Переиздавая «Корни» в собрании сочинений, автор заменил «был» на «осматривал». Но суть от этого не изменилась.

«Камни и корни» тоже отдали дань теме эротики и проституции – но исключительно в плане социальной критики. «Действительно, женщины в Японии до сих пор пребывают средневековым обиходом бесправия. В “Корнях” есть жесточайшая фраза непонимания и жестокости, за которую только стыдно, – о том, что “... часть женщин идёт в Йосивару по призванию, по склонности, других туда продают отцы и мужья, – потом, выйдя из Йосивары, эти женщины или выходят замуж, или возвращаются к своим мужьям...”. “По призванию” туда женщины идут так же, как “по призванию” занималась проституцией Соня Мармеладова»¹. За этим самобичеванием стоит очень многое. Это не просто очередная «самокритика», которой власти время от времени требовали едва ли не от каждого советского писателя. Это эпизод имиджмейкинга, точнее, имиджбрейкинга – ещё один удар по японскому мифу, по красивой легенде о Ёсиваре, к популяризации которой в России приложил руку и Пильняк. В новой книге он много пишет о политике и экономике, чехарде кабинетов, могуществе Тайного совета и прочих «феодалов и мракобесов», тяжёлом положении деревни, каторжном труде ткачих и многих других вещах, о которых можно было прочитать в агитпроповских брошюрах. Для того чтобы написать «Камни и корни», видеть это своими глазами было необязательно. Хотя писатель действительно увидел другую Японию – пережившую мировой экономический кризис 1929–1932 гг. и вступившую после оккупации Маньчжурии Квантунской армией в полосу «чрезвычайного времени». Обострились и советско-японские отношения. К моменту выхода книги они обострились ещё больше!

«Камни и корни» опровергали и, так сказать, отменяли «Корни японского солнца». Правда, делали это весьма своеобразно –

¹ Теория, согласно которой некоторые женщины являются «проститутками от рождения», разработана в конце XIX в. итальянским психиатром Чезаре Ломброзо в книге «Женщина преступница и проститутка»; пользовалась определенной популярностью в России, отразившись, например, в повести А.И. Куприна «Яма».

путём обильного, не абзацами, но страницами, цитирования осужденной книги. Отказываясь от неё, Пильняк привел примерно треть «вредного» текста! Самое интересное, что в ряде случаев, как показала Д. Савелли, цитаты из «Корней» переписаны заново, «малодушно и одновременно гениально фальсифицированы»: «Если в “Камнях и корнях” Пильняк и не демонстрирует своей готовности признать XX век веком Ленина, то всё же он не называет его больше “веком Толстого” (один из упреков Плетнера – В.М.). Чтобы представить Россию в более благоприятном свете, он убирает упоминание о публичных домах и притонах Москвы... Но Пильняк не ограничился исправлениями и изъятием отдельных отрывков. Он пошёл дальше... Текст перестраивался в соответствии с нормами претендующего на объективность изложения». Это у такого-то субъективиста как Пильняк!

«Не было ли то крайней мерой, отчаянной попыткой ещё раз опубликовать редакцию 1927 г., авторской уловкой ради её сохранения?» – задает вопрос исследователь (Савелли. С. 242–243). Возможно, да. Возможно, «авторская уловка» заключалась в другом – Пильняку просто не хотелось писать о Японии так, как от него требовали теперь. От него ждали полноценную книгу, а не просто очерк-другой, да и вопрос гонорара, полагаю, играл не последнюю роль. «Камни и корни» были напечатаны трижды: в 1933 г. журналом «Новый мир», в 1934 г. издательством «Советская литература» и в 1935 г. издательством «Художественная литература». «Перебдевший» «Новый мир» остановил публикацию, возобновив её лишь после личного обращения автора к Сталину. Годом позже вождь велел ввести Пильняка в правление Союза советских писателей и отверг кандидатуру Леопольда Авербаха, бывшего идеолога Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП)¹ и одного из главных гонителей Пильняка (7). Сталин понимал, как можно использовать популярного и лояльного «попутчика», ненавистного «пролетарским» ортодоксам. В этой

¹ Российская ассоциация пролетарских писателей – самое мощное ортодоксальное литературное объединение СССР, претендовавшее на идеологическую монополию в области культуры (руководители – Л.Л. Авербах, В.В. Ермаков, А.А. Фадеев и др.). Вместе с другими литературными объединениями и группировками распущена постановлением ЦК ВКП(б) от 15 мая 1932 г.

ненависти, кстати, были едины отечественные и японские «рапповцы»: «маленький Авербах» Курахара Корэхито, критик-догматик, учивший поэтов и беллетристов, как им надлежит «отображать действительность», обмолвился, что был бы рад исчезновению Пильняка с горизонта советской литературы. Однако тот не только не «исчезал», но ежегодно выпускал новые книги. Рукопись «Камней и корней» для второго издания «состоит из листов бумаги с наклеенными (иногда в ином порядке) страницами из книги 1934 г. Из этого следует, что, работая над новой редакцией, автор лишь вычеркивал отдельные фразы из старого издания и наскоро “монтировал” новый текст» (Савелли. С. 244). Как выглядит рукопись первого издания «Камней» я не знаю, но полагаю, что и там не обошлось без «расклейки».

Два эпизода первого путешествия Пильняка, к счастью для него, не были замечены рапповскими и партийными ортодоксами. Первый – посещение токийского храма Сэнкагудзи, где покоится прах 47 верных ронинов: «Там у могил я не смог долго быть, у меня стала кружиться голова от дыма сандаловых курений, тлеющих перед каждой могилой, от этого синего дыма, которым очень пахнет Япония и от которого следует – на мой нос – задыхаться... там накупил лубков, изданных в память этих обожествлённых людей, ставших в понятии национального геройства в ряд с маршалом Ноги». Второй – визит в музей генерала (Пильняк неверно называет его маршалом) Ноги Марэсукэ, любимого героя националистов. Он взял Порт-Артур и был воспитателем будущего императора Сёва, а в день похорон своего сюзерена императора Мэйдзи в 1912 г. вместе с женой сделал себе *сэнтуку*. Пусть за общим абрисом героя и верного самурая не видно другого: неудавшейся военной карьеры, скандалов, увольнения в запас, осады Порт-Артура, стоявшей жизни многим тысячам японцев... Писатель был поражен: «Быль жизни маршала Ноги и его смерть – суть экстракт понятий японского народа о чести и правильности жизни, – маршал Ноги – национальный герой, патриот и гражданин своей родины. Обстановка его дома, тот быт, в котором он жил, – до аскетизма просты: и до аскетизма проста его смерть, ставшая над смертью... Я ушел из дома Ноги, из парка, где приютился храм его имени (Ноги-дзиндзя – В.М.), – малость обалделым».

Приведённый пассаж, действительно, мог принадлежать перу – точнее, кисти – японского «ура-патриота». Именно к нему придрался Плетнер, не забыв напомнить, что Ноги – «любимый герой японских черносотенцев». Тем не менее в «Камни и корни» вошли оба фрагмента, кроме фразы: «Я ушел из дома Ноги... малость обалделым». Но критики и цензоры не знали, что 31 марта 1926 г. «Осака Асахи» напечатала статью Пильняка о генерале, где были такие фразы (обратный перевод с японского, так как оригиналы статей Пильняка для японских газет не сохранились):

«Эпоха Мэйдзи, когда японцы прикладывали величайшие усилия, чтобы понять европейскую цивилизацию, была революционной эпохой для Японии. Осуществление японской революции затрагивало глубинные представления японского народа. Таким образом, не подлежит сомнению, что генерал Ноги тоже был революционером... Я испытываю чувство глубочайшего уважения к генералу Ноги. Сила духа великих национальных героев, патриота и величайшего гражданина своей страны генерала Ноги вызывает чувство глубочайшего уважения... Я думал о японце генерале Ноги так, словно я сам стал одним из японцев. На самом деле, его смерть и вся его жизнь – правдивая иллюстрация выплавки японского национального характера» (Савелли. С. 141–142).

Такого не мог позволить себе ни один советский писатель, ни до, ни после Пильняка. Хорошо, что номер газеты не попал на глаза никому из бдительных товарищей, знающих японский язык. Тогда судьба Бориса Андреевича могла бы быть намного печальнее.

Была ли закономерной гибель «японского шпиона» Пильняка в годы Большого террора? Слишком деликатный вопрос для легкомысленного ответа. После XX съезда КПСС Леонид Леонов приехал в Югославию, и тамошние писатели спросили его, за что расстреляли Пильняка? Говорят, Леонид Максимович ответил, что это чистая случайность: с той же степенью вероятности перед ними мог стоять Пильняк и отвечать на вопрос, за что расстреляли Леонова... (8).

Глава пятнадцатая

ЯПОНСКИЕ КОММУНИСТЫ И «РАЗРЫВ С КОМИНТЕРНОМ»

«Русские – простодушный и открытый народ, – писал в 1920 г. отставной японский генерал Сато Кодзио. – С ними сравнительно легко поддерживать мирные отношения. Япония не будет вмешиваться в вопросы внутренней политики России. Некоторые люди боятся большевистской Сибири. Но на идею можно ответить идеей... Умы японцев полны старых идей относительно Японии, и там нет места для новых веяний» (1). Сато оказался неправ. Социалистические и коммунистические идеи занимали заметное место в умах японцев двадцатых и тридцатых годов, но не так, как этого хотелось «авангарду мировой революции» в Москве.

Сложилась необычная ситуация. С одной стороны, признание японскими интеллектуалами марксизма в качестве одного из высших достижений западной мысли, мода на анархизм и синдикализм, популярность трудов не только Маркса и Энгельса (в 1927 г. начало выходить собрание их сочинений в 32 томах!), Бакунина и Кропоткина, но Ленина, Бухарина и Сталина, которые легально издавались в Японии до середины тридцатых. Почетный профессор Осацкого городского университета Одзак Хикосаку, 1917 года рождения, в 1998 г. рассказывал автору настоящей работы, что даже во второй половине тридцатых он и его друзья читали собрание сочинений Сталина и Бухарина, известное в студенческом обиходе под полуконспиративным названием «Ста-Буха». С другой – фатальная слабость коммунистической партии, не сумевшей создать себе никакой социальной базы ни среди рабочих, ни среди крестьян, ни в профсоюзах. Отрицание или недооценка легальных методов борьбы в условиях авторитарного режима неизбежно выводили коммунистическое дви-

жение за пределы поля политической активности в сторону конспиративной антигосударственной деятельности, нередко граничащей с уголовной.

С одной стороны, готовность ежедневно подвергать себя опасности, идти на риск избиений, пыток, долгих лет в тюрьме и социального ostrакизма. С другой – массовый «переход» (*тэнко*) на национально-социалистические и националистические позиции (2). Вскоре после войны японские коммунистические историки писали: «По данным расследования, проведённого уголовным департаментом министерства юстиции, через месяц после заявления Сано и Набэяма (в июле 1933 г.; о нём ниже – *В.М.*) от прогрессивного движения отошли или изменили ему 415 человек из 1370 подследственных и 133 человека из 393 осуждённых на основании закона “О поддержании общественного спокойствия”. Многочисленные случаи отхода от движения объяснялись нестойкостью людей, которые не вынесли жестоких пыток и длительного тюремного заключения. У слабовольных людей имели успех такие доводы как состояние здоровья, чувство долга перед семьёй, тяжесть жизни... Таким образом, слились воедино все виды и степени измены – от сознательного предательства до вынужденного отхода от практической деятельности» (3). Покаяние не означало немедленного освобождения и возвращения в общество в качестве благополучно прощенного гражданина, хотя кому-то оно, действительно, сократило срок заключения. Стойкость и мужество многих японских коммунистов перед лицом репрессий несомненны. Но можно ли объяснять поступки «перешедших» только трусостью и предательством? В чём они каялись? И что вообще происходило в этой среде?

В марте 1931 г. в Москву, на помощь пожилому Катаяма, переехал Носака Сандзо, известный в те годы под именем Окано Сусуму. Уехал он вовремя – в июне того же года в Токио начался публичный судебный процесс над 280 членами КПЯ, арестованными в разное время. Выступления подсудимых, освещавшиеся прессой, послужили пропаганде коммунистических идей лучше любых брошюр и листовок. Процесс продолжался больше года – 117 заседаний, 408 томов стенографического отчёта, более 300 тысяч страниц материалов и показаний. Шесть человек умерли во

время суда. 29 октября 1932 г. был оглашён приговор. Четверо членов Центрального комитета – Итикава Сёити (член ИККИ), Сано Гаку (член ИККИ), Набэяма Садатика и Митamura Сиро – были приговорены к пожизненной каторге, хотя прокурор требовал для них смертной казни. Остальные (181 человек) получили от 2 до 15 лет каторжных работ, в общей сложности 777 лет. Пространная речь Итикава, интеллектуала и хорошего оратора, – он давал показания восемь дней – стала первой официальной историей компартии (4). Он умер в тюрьме в марте 1945 г., немного не дожив до освобождения, и до сих пор остается одной из главных фигур пантеона японских коммунистов.

Принимать участие в политической борьбе внутри страны, как раз в это время развернувшей экспансию в Маньчжурии, становилось всё труднее, но коммунисты совершили прорыв в области литературы, журналистики и театра. Здесь легче вести пропаганду. Здесь можно легально контактировать с советскими дипломатами или деятелями искусства по линии культурного сотрудничества. В октябре 1931 г. Всеяпонский союз работников пролетарского искусства (Наппу, позднее Синнаппу) – местный РАПП во главе с Курахара – был реорганизован в Японский пролетарский культурный союз (Каппу), куда вошли 12 различных организаций. Его поддерживали профсоюзы и легальные пролетарские партии, но ортодоксы из КПЯ относились ко многим из них с подозрением. Наппу и близкие к нему организации контролировали полдюжины журналов, проводили выставки, кинопоказы и диспуты, стремясь направлять или хотя бы координировать деятельность коммунистов и сочувствующих в области культуры, попутно пропагандируя советский опыт. Неудивительно, что власти увидели в пролетарской культуре опасность и с марта 1932 г. начали гонения на неё. Часть лидеров союза оказалась в заключении, другие перешли на нелегальное положение. В 1933 г. в полицейском участке убили самого яркого представителя пролетарской литературы Кобаяси Такидзи. «В течение последующих трёх лет всякая деятельность пролетарского фронта культуры фактически замерла, хотя формального запрещения этой деятельности и не было» (5).

В начале тридцатых годов японское коммунистическое движение трясло та же лихорадка, что и ВКП(б). В ноябре 1930 г.

коминтерновский аналитик Яков Волк подготовил материал «Основные ошибки тезисов о Японии 1927 г.». Тезисы, написанные до начала мирового экономического кризиса, к тому времени, разумеется, устарели, но не забудем, что их основным автором и вдохновителем был попавший затем в опалу «правый уклонист» Бухарин. Через несколько месяцев проект новых тезисов «Современный кризис японского капитализма и характер грядущей революции в Японии» написал Георгий Сафаров, один из организаторов убийства царской семьи. «Объявив смертельную войну ликвидаторскому полицейско-монархическому социал-фашизму (“Какая, например, нелепость: ‘социал-фашизм’”, – писал Чичерин Молотову в 1929 г. – *В.М.*), а также отбросив вспышкopusкательский левый авантюризм¹, партия должна развернуть перед массами программу социалистической революции». Далее следовала сама программа:

а) Революционное свержение монархии микадо (этот опереточный “термин” для обозначения японского императора был в большом ходу в советской пропаганде тех лет – *В.М.*) и диктатуры финансового капитала в целом, установление диктатуры пролетариата, опирающегося на союз с основными массами крестьянства – в форме рабоче-крестьянского правительства.

б) Конфискация всех владений землевладельцев, не обрабатывающих землю своим трудом и живущих сдачей её в аренду в качестве паразитов-землевладельцев, а также всех земель микадо, храмов, уделов и других привилегированных собственников и безвозмездная передача всей конфискованной земли безземельным и малоземельным крестьянам.

в) Пролетарская национализация всей крупной промышленности, банков и транспорта и социалистическая индустриализация страны на основе коренного улучшения положения рабочего класса и трудящихся масс крестьянства. 7-часовой рабочий день.

г) Полная независимость Формозы и Кореи, полная независимость Китая, вывод японских войск из всех оккупированных областей и передача империалистических предприятий в колониях ныне угнетённым народам.

¹ Имеется в виду «вооружённый Первомай» 1930 г. – демонстрация, в которой участвовало несколько сот человек с бамбуковыми пиками.

д) Защита СССР и боевой союз с ним, со всеми революционными народами Востока в интересах мировой пролетарской революции».

Насколько же плохо коминтерновцы представляли себе реальное положение вещей! Во всей Японии не нашлось бы и тысячи сторонников насильственного свержения монархии, если бы их действительно позвали к оружию. Предложенная «экономистом» Сафаровым программа ввергла бы в безнадежный хаос и сельское хозяйство, находившееся в кризисе, и промышленность, продукция которой была конкурентоспособна за счёт «азиатской» дешёвой рабочей силы в сочетании с «европейской» квалификацией и производительностью. Японская экономика во многих отраслях работала на пределе, обеспечивая не только «буржуев», но и рабочих. Предложенный Коминтерном вариант «отобрать и поделить» на какое-то время дал бы возможность вчерашним угнетённым пожить за счёт вчерашних угнетателей, но не содержал никакого позитива в отношении дальнейшего развития страны, кроме неопределённой «социалистической индустриализации». Если имелся в виду советский опыт «штурмовщины», то у японцев его хватало и так.

Нереальной была идея классового солидарности японцев с населением их колоний. Акамацу, один из лидеров компартии «первого призыва», перешедший на социал-демократические, а затем на национально-социалистические позиции, в 1932 г. говорил: «Разумеется, я враг империалистических войн, но я убеждён, что Маньчжурия незаменима для экономического будущего японских трудящихся; агитационная поездка по деревням полностью убедила меня, что маньчжурский вопрос поднимает энтузиазм у самых забытых крестьян... Я полностью доверяю антикапиталистическому движению молодых офицеров и полагаю, что именно с их помощью мы придём к созданию социалистического государства в Японии и в Маньчжурии» (6). Главной идеей Акамацу было то, что долг социалистов – защищать прежде всего собственный рабочий класс.

В Японии того времени идеи интернационализма, тем более пролетарского, популярностью не пользовались. Разделяла их только часть интеллигенции, не желавшая «ни фашизма, ни ком-

мунизма». Однако, во-первых, она не собиралась свергать «микадо» вооружённым путём, дистанцируясь от насильственных методов КПЯ. А во-вторых, линия Коминтерна на непримиримую борьбу с «социал-фашизмом», т. е. с социалистами и социал-демократами в Европе и в Азии, лишала коммунистов единственных потенциальных союзников, куда более многочисленных и популярных, чем они сами. На коминтерновских заседаниях Носака и Катаяма страстно клеймили Акамацу и, чуть менее страстно, социал-демократов интернационалистской ориентации Абэ и Асо. «Трудно установить демаркационную линию между социал-демократическими лидерами и фашистами, – заявил “товарищ Окано” на XIII пленуме ИККИ в 1933 г. – ...Единственное различие сводится к тому, что социал-демократические вожди менее пользуются националистической демагогией, чем фашисты... Японская социал-демократия всецело подчинена своим хозяевам, японским империалистам. Открытая позорная капитуляция социал-демократии ясно показывает, что она усердно расчищает путь для превращения своих организаций в органы империалистического правительства, в органы массовой поддержки реакционной войны» (7). Тем не менее большинство рабочих, участвовавших в политической борьбе, шло за ними, а не за московскими «теоретиками» и их последователями. В том же докладе Носака признал, что японская социал-демократия держит под своим влиянием 85 % всего организованного пролетариата. Полагаю, на деле этот показатель был ещё больше.

Тезисы Сафарова были подвергнуты внутрикминтерновской критике, но не за нереальность и авантюризм, а за то, что «нет никакой необходимости пересматривать данное в тезисах (1927 г. – В.М.) определение характера грядущей революции в Японии». Разработку нового проекта поручили Волку. Представленный им вариант содержал все основные положения Сафарова, а также «образование явочным порядком фабзавкомов на всех предприятиях», «организацию пролетарской самообороны», «уничтожение полиции и замену её милицией трудящихся», «уничтожение постоянной армии и вооружение рабочих и крестьян». Документ правил секретарь ИККИ Отто Куусинен, ставший главным теоретиком революции для Японии. Катаяма и Носака пришли в вос-

торг от правки. 2 марта, после бурных прений с участием главного «воинствующего безбожника», будущего академика Емельяна Ярославского и будущего замнаркома иностранных дел Соломона Лозовского, тезисы были приняты. Становясь с каждым вариантом длиннее и конкретнее, в окончательном виде они предусматривали «превращение войны империалистической (в Китае – *В.М.*) в войну гражданскую», «разжигание и организацию крестьянской борьбы против помещиков», «аннулирование всей задолженности крестьян помещикам, ростовщикам и банкам» и установление «власти Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов».

Не только Сафаров и Волк, но и все люди из «штаба мировой революции» с Воздвиженки ничего не забыли. Но так ничему и не научились. ЦК КПЯ радостно откликнулся на новые тезисы специальным обращением, которое, впрочем, тоже могло быть составлено в Москве. Послевоенные официальные истории компартии называли тезисы «путеводной звездой партии и рабочего класса вплоть до поражения японского империализма во Второй мировой войне» (8). С поправкой на «эффективность» деятельности японских коммунистов в эти годы звучит весьма двусмысленно. Что же касается вооружённого восстания, то коминтерновские теоретики не очень ошиблись: оно произошло всего через два с половиной месяца после утверждения тезисов – 15 мая 1932 г. Только восстали совсем «не те».

Об этом военном мятеже, известном как «инцидент 15 мая», написано очень много. Прямого отношения к нашей теме он вроде бы не имеет, но обойти его вниманием нельзя. Москва пристально следила за происходящим, пытаясь оценить подлинную силу и слабость правительства и армии, которая, захватив Маньчжурию, организовывала «независимое государство» Маньчжоу-го и давала понять всему миру, что назад не уйдёт. Правительство и МИД пошли у армии на поводу, потому что единства мнений не было ни там, ни там. Находившийся в это время в Токио Борис Пильняк описал увиденное. Характерная для него «разбросанная» манера отлично подошла для передачи хаоса и смятения, в которые на несколько дней погрузилась японская столица:

«День, воскресный день, прошёл в воздухе, пространствах и прозрачности. В Токио вернулись затемно. И город встретил

необыкновенными прожекторными огнями. На перекрёстках стояли полицейские машины и кучи господ амовари (правильно: *омавари*, патрульный полицейский или, по словам Пильняка, “ни дать ни взять российский XIX века классический будочник” – *В.М.*). Полицейские автомобили вспыхивали прожекторами, слепя глаза встречных шоферов, и амовари грабили глазами пассажиров. Из-за этих прожекторов, из-за автомобильного бега казалось, что вдруг по улицам, по толпе пронёсся ветер, хотя ветра не было. Мы приехали в полпредство... Один из спутников, говорящий и читающий по-японски, с листком “гогай” – экстренного газетного выпуска – прошёл быстро к внутреннему телефону и позвонил полпреду (Трояновскому – *В.М.*):

– Александр Антонович, только что вышел экстренный “Нити” (видимо, “Токио нити-нити” – *В.М.*). В министерскую квартиру премьер-министра, сняв с пути полицейскую охрану, вошли четверо неизвестных в военной и военно-морской форме. У господина министра были посетители. Молодые офицеры ворвались в кабинет. Господин Инукай просил их обождать. Офицеры стреляли в упор. Пули попали в правый висок и в нос премьера. Новости передают по радио. Включите радио...

Это была страшная ночь. Гогаи выходили каждую минуту...
Всю ночь сыпались новости:

– Покушение, бомбы, револьверы.

– Юнкера и мичманы, офицеры армии и флота.

– В пять часов дня двадцать минут были совершены покушения на премьер-министра Инукай. В пять двадцать была брошена бомба, ранившая полицейского, в министра двора Икки. В пять двадцать – в хранителя государственной печати лорда Макино. В пять двадцать – бомбы были кинуты в здание главного полицейского управления, в здание исполкома Сэйюкай. – Мы поехали по городу посмотреть улицы. Город притих, засыпанный метелью гогаев. Радио на перекрестке прохрипело:

– ...осадное положение...

Улицы убрали с себя автомобили. Мчались лишь прожектора полицейских машин да ползли машины с дипломатическими флажками. Перекрёстки щетинились полицией. Правительственные здания погасили огни и щетинились штыками.

Радио прохрипело в уши проходившего автомобиля:

– ...в одиннадцать часов тридцать пять минут его превосходительство господин премьер-министр Инукаи Цуёси скончался от тяжёлых ранений...

Возвращались в полпредство. Опять ездили по городу. Город не спал той ночью. Новости гогаями и радио рождались каждые пять минут. И потому что новости рождались каждые пять минут, казалось, что вот в эту самую минуту где-то взрывается бомба, куда-то врываются люди, где-то люди умирают.

– Захвачены электротрансформаторы в Табата, дающие энергию для Токио. Неизвестные в форме – пытались погрузить Токио во мрак. – Обнаружено повреждение трансформатора Иодобаси...

– Брошена бомба в здание банка Мицубиси...

– Радио из префектуры Сайтама – разрушена высоковольтная...

– Брошена бомба в главного камергера двора адмирала Судзуки¹.

– В час двадцать минут ночи на квартиру военного министра его превосходительства генерала Араки явилась группа офицеров, но не застала его дома, так как господин министр выехал во дворец к императору.

Так прошла ночь...

16-е продолжало звонки гогаев, бессонницу прошлой ночи. Заседал тайный совет. Кабинет министров “принял решение” и обратился к императору с ходатайством об отставке...

И целая неделя прошла в смятении.

– Это было восстание? – Нет. Восставшие не убивают министров, но арестовывают их. Эти не умели даже перерезать электрических проводов...

– В таких-то, таких-то, таких-то районах люди в военной форме, разбегая на автомобилях, разбрасывали прокламации, подписанные “офицерами армии и флота, друзьями рабочих и крестьян”» (9).

Чего же хотели «друзья народа» в военной форме, застрелившие премьер-либерала. Вот их воззвание, приведённое в «извес-

¹ Он был тяжело ранен, но остался жив. В апреле 1945 г. он стал главой кабинета, которому пришлось принимать решение о капитуляции Японии.

тинской» статье Карла Радека «Динамит на Дальнем Востоке» по поводу судебного процесса убийц Инукаи:

«Японский народ! В политике, дипломатии, экономике, народном образовании, идеях, военном деле – где имеется облик священной Японии?»

Япония мучается из-за того, что политические партии поглощены всецело вопросами политической власти и партийных интересов, что плутократы в союзе с ними выжимают пот и кровь из народа, что власти поддерживают их и с каждым днем увеличивают репрессии, что внешняя политика слаба, что народное образование находится в упадке и что имеется идейное разложение.

Япония уже сейчас готова низвергнуться в пучину падения. Если сейчас не наступит момент реформы, то Япония погибнет. Народ! Бери оружие и поднимайся. Сейчас единственным путём к избавлению являются *“прямые действия”*. Другого пути нет. Народ! Именем императора умерщвляй дурных чиновников из императорского двора, убивай плутократов и ныне существующие политические партии, которые являются врагами народа. Карай совершающие злоупотребления власти, убивай предательский привилегированный класс!

Крестьяне, рабочие, весь народ, защищай своё отечество – Японию. Вернись к духу строительства государства под эгидой императора. Определяй на государственные должности людей, проникнутых великим национальным духом, строй светлую, возрожденную Японию!

Народ! Думай об этом строительстве. Сперва разрушай. Круши гнусные ныне существующие партии. Перед великим строительством необходима коренная ломка. Рискуя нынешним положением Японии, мы хотим возжечь свет реставрации Сёва. Конечно, мы не склонимся ни в сторону правых, ни в сторону левых ныне существующих организаций. Расцвет или падение Японии не находится в зависимости от наших (авангарда нации) осуществлений; он зависит от ваших действий – народа, исполненного нашим духом. Поднимайтесь, вставайте, создадим истинную Японию!

Единомышленники крестьяне и молодые офицеры армии и флота».

Чем не революционная программа? Но Радек объяснил: «Когда убийцы Инукаи кричат о крестьянстве, то они думают в первую очередь о своих отцах-помещиках... Мелкий помещик кланчит субсидии у правительства и требует захватнической политики, которая позволила бы ему в качестве военного и чиновника эксплуатировать крестьянство других стран... Для помещика война открывает путь к выходу из их личного кризиса... Другая часть военно-фашистской молодёжи выражает настроения разоренной мелкой буржуазии» (10). Насчет «помещиков» Радек слукавил: большая часть мятежников происходила из семей мелких землевладельцев, которые хоть и использовали наёмную силу, но сами работали на земле, зная о тяготах крестьянской жизни не понаслышке. В зависимости от случая советская пропаганда относила их то к «паразитам», то к «угнетённым». Тот же Пильняк признавал что положение таких «помещиков» не лучше, чем у арендаторов.

«Предполагалось потушить в Токио свет, – суммировал Пильняк новости и толки этих дней, – перестрелять министров, взорвать банки, партию и полицию... Пильняку довелось говорить с одним из профессоров академии генерального штаба. Несколько участников (событий – *В.М.*) 15-го мая учились у профессора. Профессор говорил, что эти юноши были лучшими учениками, достойными экзальтированными юношами, джентльменами и верными учениками бусидо, эти “офицеры армии и флота, друзья рабочих и крестьян”. Они хотели бороться с мракобесием партийного продажничества, лорда Макино, фирм Мицуи и Мицубиси. Они были верными слугами императора и огненными поклонниками империи. Так же писалось и в газетах».

Убийцы Инукаи вызывали у «широких масс» большие симпатии, чем их действительные и предполагаемые жертвы, даже несмотря на самурайское хладнокровие старого премьера, спокойно сказавшего непрошеным гостям: «Садитесь, давайте поговорим. Чего вы хотите? Если скажете – пойму». Прокричав что-то вроде «Старик нас заговорит», нападавшие открыли стрельбу. Похороны Инукаи никакого интереса не вызвали. Иностранцев удивило то, что на них появился патриарх радикального национализма Тояма Мицуру, связанный с покойным давней дружбой, но... считавшийся одним из главных вдохновителей мятежа и преду-

преждавший Инукаи, что тому не следует принимать пост главы правительства в «неспокойное» время. Именитые адвокаты соревновались за право защищать инсургентов в суде. Обращения военного и морского министерств были выдержаны в тональности «сожаления», нежели «осуждения». Публика и пресса жалели заблудших молодых патриотов и не сомневалась в благородности и бескорыстии их мотивов. Руководители мятежа, в том числе идеолог национальных социалистов Окава, получили возможность выговориться на затянувшемся процессе, а затем были приговорены к небольшим срокам тюремного заключения, которое к тому же отбыли не полностью. На радикалов другого фланга молот репрессий обрушился сильнее.

14 июля 1932 г., когда в Токио завершился процесс коммунистов, Сано Гаку, приговоренный к пожизненной каторге, произнес от имени всех обвиняемых пламенную речь: «Долг каждого пролетария – бороться до конца против реакционного насилия». В апреле 1933 г. её перепечатал журнал «Коммунистический Интернационал». 7 июня того же года находившиеся в тюрьме Сано и Набэяма выступили с сенсационным заявлением об «изменении убеждений» и отказе от прежних взглядов. Вскоре их поддержали Митакура Сиро, Кадзама Дзёкити (генеральный секретарь в 1931 г.), Танака Сэйгэн (глава Центрального бюро КПЯ в 1929–1930 гг. и организатор «вооружённого Первой», Такахаси Садаки, Накао Кацуо. Совершили «переход» и многие другие коммунисты, что стало серьёзным ударом по авторитету партии.

Как мотивировали Сано и Набэяма своё решение, от чего отказывались и к чему призывали? Приведу текст их обращения, сохранившийся в архиве Коминтерна. Хотя это не полный перевод, а близкое к тексту и несколько сокращённое изложение, но именно его читали на Воздвиженке.

«1. Мы требуем разрыва с Коммунистическим Интернационалом по следующим трем основным причинам: во-первых, потому что теперешние коммунистические партии перестают быть партиями рабочего класса и потому что они стоят в стороне от действительных интересов и борьбы рабочих; во-вторых, потому что Коммунистический Интернационал не занимается больше вопросами жизни и борьбы рабочего класса других стран и его интернационализм потерпел крушение; в-третьих, потому что та пора-

женческая политика, которую в связи с приближающейся войной Коммунистический Интернационал навязывает японской партии, является вредной для японской нации и для японских рабочих.

2. Несмотря на то, что внутреннее и внешнее положение Японии резко обострилось, коммунистическая партия Японии совершила ту ошибку, что отошла от повседневной жизни рабочего класса и его борьбы и превратилась в радикальную мелкобуржуазную организацию. Несмотря на самоотверженную и героическую борьбу отдельных товарищей, партия превращается в жалкую секту. Основной причиной этого является не только неправильное руководство Коминтерна, но также и то, что партия входит в Коммунистический Интернационал.

3. Коммунистический Интернационал утратил свою прежнюю жизненную свежесть, его централизм заражен бюрократизмом. Не учитывая ни времени, ни положения на местах, Коммунистический Интернационал попросту насаждает методы русской революции; интернационализм Коминтерна механизировался, и Коммунистический Интернационал превратился в аппарат Советского Союза. Рабочие различных стран ведут самостоятельную борьбу, независимо от Коминтерна, против своей буржуазии. Когда вспыхнет мировая война, Коминтерн неизбежно, из-за имеющихся внутри его противоречий, потерпит сильный крах.

4. Мы ведём борьбу против анархического пораженчества Коммунистического Интернационала по отношению к войне. Япония ведёт успешную войну против китайских милитаристов и американского капитала. Изменение внутреннего положения в стране неизбежно связано с войной. Рабочий класс должен на основе рабочего контроля над производством и на основе вооружения народа, что в случае войны обязательно будет иметь место, активно участвовать в войне. Мы утверждаем, что мы обязательно выйдем из войны победителями. Так как новая мировая война будет главным образом иметь своим содержанием борьбу мирового капитализма против азиатских народов, японский рабочий обязан стать во время этой войны во главе трудящихся народов Азии.

5. Мы не должны стоять на точке зрения абстрактного интернационализма, а должны стремиться к тому, чтобы осуществить установление социализма в одной стране, а такой основной страной является Япония. Главная тенденция мировой истории пока-

зывает, что внутри отдельных больших хозяйственных систем социализм неизбежно будет устанавливаться в отдельных странах. Мы твердо уверены, что японская нация способна оригинальным образом построить блестящий социализм, потому что она обладает замечательными качествами, как дисциплина, воспитанная в ней сплоченной единой национально-государственной жизнью, как исключительно высокая производительность труда рабочих, как накопление, созданное азиатской цивилизацией, более высокое экономическое и культурное развитие, и затем здесь будет играть роль то обстоятельство, что до сего времени японская нация никогда не находилась в рабском состоянии, и т. д.

6. Мы считаем неправильным, что партия ведет борьбу против монархии, сравнивая японскую монархию с русским царизмом. Японская монархия способствует национальному единству. Мы должны считаться с естественным чувством народа по отношению к монарху. Национальное единство Японии является самой надежной гарантией для захвата власти народом снизу, и японские рабочие не верят в то, что народная власть должна прийти в столкновение с монархией, как это было в царской России.

7. Политика Коминтерна в вопросе об отделении колоний неправильна.

8. Всё левое рабочее движение должно высвободиться организационно из-под влияния Коминтерна, ликвидировать засорённость своих рядов мелкобуржуазными элементами и реорганизоваться таким образом, чтобы поставить перед собой ясную цель создания социализма в отдельных странах с Японией в центре. Японская коммунистическая партия должна отказаться от своей антинациональной программы, должна решительно порвать с Коминтерном и должна поставить перед собой задачу объединить пролетарский авангард Японии, Маньчжурии, Кореи и Формозы. Основной задачей в настоящее время является разрешение аграрного и военного вопроса. С нашими новыми взглядами мы обращаемся к рабочему классу и прежде всего к теперешним товарищам по партии и коллегам из Дзэнкё¹».

¹ Сокращенное название Всеяпонского совета профсоюзов, руководимого коммунистами.

Как оценить данный документ и поступок его авторов?

Раньше это было просто. «По указанию тайной полиции они сочинили и опубликовали в середине 1933 г. письмо к членам партии, содержащее грубые нападки на Коминтерн и КПЯ... Эта писанина классовых изменников была рассчитана на то, чтобы внести раскол в ряды Коммунистической партии Японии, отколоть от неё неустойчивые элементы» (11). В Москве Катаяма, Носака и третий видный член «московской группы» Ямамото Кэндзо, работавший под псевдонимом «Танака», уже 28 июня предложили исключить Сано из членов Исполкома Коминтерна и написать «обращение к членам КП Японии, рабочим и крестьянам Японии в связи с предательством». 3 июля Политкомиссия Политсекретариата ИККИ уже утвердила решение КПЯ об исключении Сано и Набэяма из партии – чудеса скоростной связи с Токио! Полагаю, и это решение было принято в Москве, потому что Катаяма со товарищи ещё не написали обещанного обращения – оно появилось в печати только через месяц.

24 августа развернутое изложение новых взглядов Сано появилось в «Japan Weekly Chronicle»; этот материал тоже немедленно перевели в Москве. Из его открытых писем, опубликованных в журнале «Кайдзо», замечает еженедельник, «не видно, чтобы четыре года тюремного заключения сломили его дух или что он утратил свою веру в коммунизм». В дополнение к сказанному в первом обращении Сано отметил слабость Коминтерна, допустившего к власти Гитлера и не сумевшего воспользоваться ситуацией в Испании после свержения диктатора Примо ди Ривера и короля Альфонса XIII. Он выступил против характеристики японского капитализма как «агрессивного» и «разбойничьего», заметив, что тот принципиально не отличается от капитализма других держав: «Подобно тому, как литвиновская дипломатия Советской России похожа на политику буржуазных держав в Лиге Наций в отношении Японии и Китая, так и вожди Коминтерна, подобно европейским либералам, сильно возбуждены в связи с поведением Японии со времени маньчжурского конфликта». Сано разъяснил своё несогласие с линией Коминтерна в вопросе о колониях: «Мы протестуем против капиталистической эксплуатации и угнетения жителей Кореи и Формозы как против величай-

шей несправедливости японской нации. Мы боремся за полное равенство прав японцев, корейцев и формозцев. Однако, конкретное осуществление равенства прав не означает обязательно формального отделения колоний от метрополии. Наоборот, гораздо удобнее для рабочих масс среди народов, связанных между собой экономически, культурно и исторически, объединиться в одну крупную нацию и работать над строительством социализма, будучи тесно спаянными друг с другом, народ с народом, класс с классом... Мы можем надеяться в будущем на организацию огромного социалистического государства, включающего в себя не только Японию, Корею и Формозу, но также и Маньчжурию и Центральный Китай».

Сравнение тезисов 1932 г. и их критики показывает, что Сано и Набэяма во многом были правы. Коминтерн жестко навязывал компартии Японии, как и всем другим, опыт большевистской революции как руководство к действию, не считаясь с национальными особенностями, и требовал слепого повиновения. Можно подвергнуть сомнению справедливость утверждений Сано и Набэяма, что «японская монархия способствует национальному единству», и их искренность – японская пресса замечала, что сказанное понравится даже военному министру генералу Араки Садао, лидеру радикальных националистов. Но есть и другая сторона. «Кроме компартии в Японии нет другой антимонархической партии. Даже во время послевоенного массового движения за всеобщее избирательное право кроме компартии не было ни одной партии, которая заикнулась бы об ограничении прав монархии. Социал-демократы, вплоть до самых левых, также поддерживают монархический режим» (12). Так писал в конце 1933 г. никто иной как Волк. Значит, понимал, что против монархии только горстка радикалов – не сравнить с ситуацией в России перед Февральской революцией! – и, тем не менее считал требование её свержения реальным политическим лозунгом.

Коминтерновские теоретики всегда предпочитали оперировать лозунгами и схемами, не думая о людях, которых обрекали на мучения и смерть в заведомо проигрышной ситуации. Американский писатель и журналист Джордж Вирек, побывавший в Москве во второй половине 1929 г., нелестно отзывался о «крем-

лёвских мечтателях): «Даже явный мерзавец, даже отпетый дурак предпочтительнее, чем интеллектуал-фанатик, которого формулы интересуют больше, чем человеческая жизнь. Вы можете урезонить мерзавца или подкупить его; вы можете обвести дурака вокруг пальца, но доктринеры, напичканные извращенной логикой, не поддаются человеческому убеждению. Таково правительство Советской России, находящееся в руках псевдо-интеллектуалов, лишенных человечности и юмора» (13). Значит, даже Карахан, принимавший Вирека, не смог его очаровать.

Сидевшие в теплых кабинетах японские «москвичи» только поддакивали – либо давно оторвавшись от действительности, как Катаяма, который с 1914 г. не был на родине, либо сознательно закрывая глаза на происходящее ради сохранения своего лидерства, как Носака. Читая его статьи и доклады 1932–1934 гг. о революционном подъёме, замечаешь, что главным доказательством успехов КПЯ являются... постоянные репрессии и рост числа арестованных. В итоге «москвичи» оказались генералами без армии. Очередной председатель ЦК Ямамото Масами в 1933 г. был арестован и совершил «переход». В ноябре того же года был схвачен последний оставшийся на свободе член Политбюро экономист-марксист Норо Эйтаро, вскоре скончавшийся в застенках. Оставшиеся на свободе руководители, включая будущего главу КПЯ Миямото Кэндзи и изгнанного из её рядов в 1977 г. Хакамада Сатоми, решили «разобраться» с провокаторами в рядах партии. Так возникло «дело красного линча», закончившееся смертью заведующего финансовым отделом ЦК Обата Тацуо, которого заподозрили в предательстве. Обата ни в чём не сознался и умер во время допроса, учинённого товарищами. Полиция и пресса обвинили коммунистов в убийстве, что те публично отрицали, но в коминтерновских документах «для внутреннего пользования» не раз говорится о «казни». Заведующий организационным отделом Оидзуми Кэндзо сознался, что был агентом полиции с 1929 г., дал показания против Обата, а затем бежал и попросил защиты у полиции, в итоге получив... пять лет тюрьмы за участие в коммунистическом движении. Кстати, покаяние Сано и Набэяма немедленной свободы не принесло: их освободили только в 1943 г. по отбытии значительной части срока. «Дело красного линча» при-

обрело уголовный характер и закончилось арестом Миямото и Хакамада, последнего находившегося на свободе члена ЦК. Оба — как и большинство коммунистов, не совершивших «переход», — оставались в заключении до конца Второй мировой войны. Но и в горстке коммунистов вне тюремных стен не было единства. В феврале 1934 г. образовалась «фракция большинства», выступавшая за легальные методы борьбы и поиск союзников среди социал-демократов. Она попыталась установить контакт с ИККИ и направила в Москву свои документы, но там их решительно отвергли. На VII конгрессе Коминтерна летом 1935 г. Носака резко осудил их, после чего фракция объявила о самороспуске. 20 февраля 1935 г. вышел последний номер партийного «центрального органа» «Сэки» («Красное знамя»), преемником которого является нынешняя «Акахата».

Носака и Ямамото продолжали руководить фактически несуществующей партией, как будто ничего не произошло, и обратились к товарищам с письмом о решениях VII конгресса Коминтерна, провозгласившего тактику «антифашистского народного фронта», союза с теми, кого ещё вчера называли «социал-фашистами». В Европе она имела определённый успех и содействовала приходу к власти социалистических правительств Блюма во Франции и Асанья–Кабальеро в Испании в 1936 г. В Японии было уже поздно. Социалистическая массовая партия имела парламентскую фракцию, но ни на что кроме «трибуны» рассчитывать не могла и не пошла бы на сотрудничество с дискредитированными коммунистами. Так что все московские речи, резолюции и письма реального значения не имели. После войны официальная историография КПЯ много писала о героической деятельности «отдельных глубоко законспирированных групп», которые регулярно уничтожались полицией и не имели никакого политического или морального влияния. Рабочее и профсоюзное движение, не замиравшее до начала войны на Тихом океане, оказалось под контролем «социал-фашистов», которые эволюционировали в сторону соглашения с режимом и, наконец, влились в «новую политическую структуру» во второй половине 1940 г.

К концу тридцатых годов деятельность японских «москвичей», равно как и эмигрантов из других «фашистских» стран, потеряв-

ших связь с родиной, напоминала бурю в стакане воды. Сталин всё чаще называл Коминтерн «лавочкой». Под влиянием захлестнувшего Советский Союз террора и сопровождавшей его истерии всеобщей подозрительности в узком кругу революционеров начались «разборки». Не миновали они и японцев, а также работавших с ними русских и прочих коминтерновцев.

3 сентября 1937 г. Павел Миф (Фортус), глава Научно-исследовательского института национально-колониальных проблем (НИИНКП) и бывший ректор Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), направил совершенно секретное письмо в отдел кадров ИККИ. Ещё 7 июля он говорил кому-то из «соседей» (этот документ, к сожалению, не опубликован), что представитель КПЯ в Коминтерне Танака (Ямамото) не надёжен. Теперь он изложил свои соображения на бумаге, то есть написал на товарища донос:

«Работающий в качестве представителя КП Японии Танака внушает, по моему мнению, серьёзные подозрения.

Ещё в 1931 г. Танака обратился ко мне с просьбой помочь в получении и переброске десятка револьверов на японскую часть Сахалина. Это оружие, по словам Танака, необходимо было для работы наших японских товарищей. Я, конечно, категорически отказался удовлетворить тогда просьбу Танаки и о самом этом факте, вызвавшем у меня известное сомнение, сообщил работникам секретной части и НКВД.

Второе, на что следует обратить внимание, это постоянное попечительство со стороны Танаки над подозрительными и явно враждебными нам элементами. Так, например, Танака всегда прекрасно отзывался и всячески покровительствовал таким людям, как: 1) высланным из СССР Сэки Сано, Хидзиката; 2) арестованному японцу Кандзё; 3) уволенному из НИИНКП Симидзу и др., фамилии которых не могу сейчас вспомнить.

В КУТВ, по настоянию Танаки, были приняты японцы Бадмаев и Базарон, вызывающие серьёзные сомнения. Во всяком случае (по наблюдению наших товарищей) Базарон является интеллигентом, а не рабочим (как утверждает Танака) и приехал в СССР со знанием русского языка, что он усиленно скрывает.

Следует также проверить связь Танака с арестованным ныне Волком».

Составители сборника документов «ВКП(б), Коминтерн и Япония», где впервые увидел свет этот текст, подробно прокомментировали его. Лидеры КПЯ носили с собой оружие для самообороны и не видели в этом ничего предосудительного: в 1928 г. генсек Ватанабэ при аресте застрелил полицейского (советские издания предпочитали об этом умалчивать), а потом застрелился сам. Сано Сэки (племянник «ренегата» Сано) и «красный виконт» Хидзиката Ёси, видные деятели пролетарского театра, в 1933 г. решили обосноваться в СССР, спасаясь от преследований на родине. В июле 1937 г., в ходе кампании по очищению страны от «нежелательных иностранцев», им было отказано в визе и предписано немедленно покинуть пределы СССР. Выпускники КУТВ Маэсима Такэо (Кандзё), Мацумото Кэн (Тека Бадмаев) и Тэрасима Гидзо (Даша Базарон)¹ были репрессированы. Выжил только последний: после 17 лет лагерей он остался в СССР и жил в Туапсе, а в 1993 г. выпустил в Токио книгу «Записки о длинном пути». Хориути Тэсудзи (Симидзу) был уволен из НИИНКП, но ещё в 1940 г. оставался на свободе; дальнейшая судьба его неизвестна.

Что двигало Мифом? Рискну предположить, что не только пролетарская бдительность. Возможно, в этот момент кто-то уже писал на него. 28 ноября того же года он направил в партком НИИНКП письмо, в котором перечислил свои заслуги в деле «разоблачения врагов народа», начиная с Сафарова и кончая длинным списком иностранных коммунистов, но и это не спасло Мифа от ареста и расстрела. Кто он после этого – палач или жертва?

Неарестованных японцев в Москве осталось мало, поэтому «соседи» сразу же взялись за них. В числе первых под подозрением оказались жена Ямамото Андо Юки и жена Носака – Носака Рё, она же Ким Сян (её муж в то время находился в командировке в США). Носака Рё была членом ВКП(б) с 1932 г. (парторганизация ИККИ), откуда её моментально исключили «за связь с врагами партии и народа и как неоправдавшую доверие партии». Она дала подробные показания о знакомстве с Ямамото, но острож-

¹ Японские и китайские коммунисты, учившиеся в СССР, в рутинном порядке получали русские, бурятские, корейские и т. д. псевдонимы.

но высказала сомнения насчет того, что он «не наш»: «Мне очень тяжело узнать, что он был предателем СССР и агентом фашизма, потому что я знал (так в документе, перевод которого ошибочно выполнен в мужском роде – *В.М.*) его прошлое и его работу за последние 15 лет... Я должен откровенно сказать, что до сегодняшнего утра я доверял Танака (Ямамото – *В.М.*) почти как самому себе, среди всех японцев, живущих в Москве. Конечно, у него есть личные недостатки, но, к сожалению, у меня не было никаких сомнений в его вере в дело пролетариата».

Письмо заканчивалось, как и полагалось в то время: «Я глубоко сознаю мою ошибку, небрежность и отсутствие бдительности как члена партии, потому что я не мог разоблачить его раньше перед партией, и я прошу партию принять решение на мой счёт». Жену Носака арестовали, но вскоре выпустили, а жена арестованного Ямамото осталась на свободе. Правда, дальнейшая её судьба оказалась очень печальной. «С началом Великой Отечественной войны она была отправлена в Уфу вместе со всем аппаратом Коминтерна, где работала уборщицей. В 1944 г. её арестовали за мелкую кражу (крупы – *В.М.*) и осудили на пять лет лагерей, а в 1949 г. выслали в Красноярский край; разрешения на выезд в Японию советские власти ей так и не дали» (14) до самой смерти в 1968 г.

Историк Вада Харуки, исследовавший это «дело», приводит и другие интересные подробности. В отличие от многих партийцев, включая членов Политбюро, которые моментально отреклись от арестованных родственников, Носака выступил в защиту жены и попросил помощи у главы Коминтерна Георгия Димитрова. 31 марта 1938 г. её освободили, поскольку «произведённым расследованием фактов шпионской деятельности со стороны Ким Сян (она тоже фигурировала во всех документах под псевдонимом – *В.М.*) не установлено». В августе Носака вернулся в Москву. Ямамото уже девять месяцев находился в тюрьме НКВД, но товарищ не спешил от него откаться. Через свою жену он передавал деньги его жене (личных встреч избегал) и говорил, что Ямамото – «мой лучший друг, товарищ, с которым мы всегда работали вместе». Эти разговоры фиксировались в справках НКВД и ИККИ, где считали, что Носака «не по-партийному подошел»

к случившемуся и «не проявил должной бдительности». Долго так продолжаться не могло.

Сэки Мацу, жену Ямамото, продолжали вызывать в Интернациональную контрольную комиссию (ИКК) для дачи показаний. Задавали вопросы и Носака. «Он уведомил ИКК, – сообщает на основании архивных документов Вада, – что в автобиографии Сэки сообщила о себе ложные сведения: на самом деле она была проституткой (как деликатно говорится в некоторых документах, “официанткой”) во Владивостоке, где познакомилась с Ямамото и в 1923 г. вышла за него замуж. Поскольку Ямамото скрывал прошлое своей жены, начальный период её пребывания в России окутан мраком. Раскрытие этой тайны вызвало гнев Сэки против Носака. Однако, в эпоху, когда обвинение в шпионаже в пользу иностранных разведок вело к смерти, акцентирование внимания на простом сообщении ложных сведений в автобиографии могло быть уловкой, попыткой облегчить неизбежную участь». В итоге Сэки сломалась. На беседе в ИКК 26 ноября 1938 г., последовавшей за заявлением Носака, она согласилась с тем, что её муж – шпион, и «заложила» Носака и Катаяма Ясу, жившую в Москве дочь Катаяма Сэн. Первому она ставила в вину подозрительные обстоятельства освобождения из тюрьмы по болезни в конце 1930 г. и беспрепятственный отъезд в СССР. Вторую обвинила в том, что та «не знаю в каком году писала в буржуазном журнале статью против её отца – Сэн Катаяма и против СССР. Это знает т. Окано (Носака – *В.М.*)». Никто из них не пострадал, хотя Ито Масаносукэ (он же Такэути), муж Катаяма Ясу, был арестован ещё в 1936 г. и годом позже расстрелян. 31 декабря Сэки Мацу была исключена из КПЯ «за полное притупление партийной бдительности, за неискренность и обман ИКК».

22 февраля 1939 г. Носака написал большое секретное письмо Димитрову относительно Ямамото. Этот документ из фондов РГАСПИ полвека спустя стал причиной громкого политического скандала. Когда в начале 1990-х годов были открыты архивы КПСС и Коминтерна, туда наряду с историками устремились журналисты, использовавшие полученные материалы не только в научных, но и в политических целях. 3 сентября 1992 г. популярный еженедельник «Сюкан бунсюн» опубликовал упомянутое

письмо. Столетний, но пребывавший в добром здравии, Носака занимал пост почетного председателя КПЯ и работал над очередным томом мемуаров. Вырванное из исторического контекста, письмо было подано как донос и использовано для кампании против коммунистического корифея и партии в целом. Через неделю Носака был снят с поста почетного председателя по обвинению в том, что знал правду о причинах смерти Ямамото и скрыл её от партии. Вскоре в печати появились документы о том, что Носака «изобличил» Сэки Мацу, а позже препятствовал её возвращению на родину из-за боязни разоблачения. Это оказалось смертельным ударом: 27 декабря Носака был с позором исключён из партии и вскоре умер. Post factum нынешнее руководство КПЯ объявило его и уже покойного Хакамада лидерами группы «предателей», созданной КПСС в 1962 г. с помощью советского посольства в Токио с целью развалить компартию изнутри (15). Однако у скандальной истории была положительная сторона: «дело Носака» вызвало интерес к «тайнам советских архивов». Поскольку там работали не только любители сенсаций, но и серьёзные ученые, результаты не заставили себя долго ждать. В 1996 г. Вада выпустил книгу «Носака Сандзо. История», где, оперируя всем корпусом относящихся к делу документов, показал, что пресловутое письмо вряд ли справедливо считать доносом. Обращая внимание на мелкие «прегрешения» Ямамото, Носака фактически отводил от него главные обвинения. КПЯ на эти публикации не отреагировала.

Обратимся к первоисточнику. «Я впервые услышал имя Танака в 1913 г., – восстанавливал Носака историю их знакомства. –...Моя настоящая связь с ним началась в 1922 г., когда мы организовали коммунистическую группу в профсоюзах и послали его в Профинтерн в качестве нашего представителя... Можно сказать, что я являюсь одним из старейших работников, работавших с Танака. В течение всего периода моей связи с Танака я никогда не подозревал его серьёзно». Но далее в письме говорилось следующее: «Когда я узнал в 1937 г. о преступной деятельности троцкистов, бухаринцев, японских шпионов и т. п. (т. е. об аресте Танака-Ямамото в том числе – *В.М.*), я почувствовал, что моим долгом было сообщить Вам о всех фактах, которые в большей или мень-

шей мере вызывали подозрение относительно Танака, т. к. я думал, что это могло бы помочь Вам в деле проверки всех кадров и очистить аппарат ИККИ от всех сомнительных элементов». Он утверждал, что в ноябре 1937 г. через секретаря компартии США Эрла Браудера (в то время Носака находился в Америке) просил вызвать его в Москву, «не упоминая Танака», но не получил ответа. Встретившись в феврале 1938 г. с вернувшимся из СССР Браудером, Носака написал в Коминтерн письмо о Танака. Однако Димитров утверждал, что такого письма не получал, и разыскать его в архивах не удалось ни тогда, ни сейчас. Новое письмо Носака было, как он утверждал, дополненным вариантом прежнего.

Подозрения в отношении Ямамото были сгруппированы в девять пунктов. Семь из них по большому счету незначительны: ловкий уход от полиции – мужество или провокация?; не был арестован из-за болезни и смог бежать в СССР (почти то же самое, что жена Ямамото ставила в вину Носака); потеря 2000 рублей и т. д. Единственно серьезными были обвинения в возможной (но опять-таки ничем не доказанной) причастности Ямамото к аресту двух коммунистов, тайно направленных в Японию из Москвы в 1934 и 1936 гг. В первом случае подвёл канал, который ранее, по уверению Носака, действовал исправно, но дело не было расследовано с должной тщательностью. Второй провал вызвал у автора «более серьезное подозрение относительно Танака», хотя Носака отметил, что поездки организовывал не один Ямамото. К сказанному он добавил «некоторые общие замечания», которые я приведу целиком:

«1. Необходимо отметить, что Танака не имел ответственных постов в партии за всё время пребывания в партии, ибо партия считала его открытым агитатором или руководителем левого профсоюзного движения, но не руководителем партии. Он был теоретически слаб, тем не менее я считал¹, что он приобрёл большое политическое развитие за время пребывания в СССР с 1928 г.

¹ Здесь переводчик Коминтерна пропустил слово «with amaze». С учётом пропущенного текст читается так: «я узнал с изумлением» (*Прим. составителей сборника «ВКП(б), Коминтерн и Япония»*).

2. Поскольку мне известно, он не сделал какой-либо серьёзной политической ошибки. Он был таким человеком, который умел приспосабливаться к руководящей линии.

3. Танака был популярен среди левых рабочих и до сих пор пользуется влиянием среди них. Его знали как одного из старейших работников профсоюзов, как бесстрашного борца, как хорошего оратора и т. п.».

На фоне обвинений в шпионаже и измене всё сказанное, действительно, больше походило на защиту, чем на обвинение.

Носака должен был обозначить и свою позицию. Сделал он это весьма деликатно, чтобы не сказать, двусмысленно: «За всё долгое время моей связи с Танака я не имел серьёзных подозрений против него, но чувствовал какую-то “неточность” (может быть, “неуверенность” или “неясность” – *В.М.*) в некоторых случаях с ним. В этом моя ошибка, что я не принимал всё это более серьёзно, независимо от того, было ли это беспричинно или нет». Единственное, что можно поставить Носака в вину, это содержащийся в постскрипуме совет допросить жену Ямамото в НКВД.

Письмо написано 22 февраля 1939 г. 10 марта того же года Военной Коллегией Верховного Суда СССР Ямамото был «признан виновным в том, что с 1924 г. являлся агентом японской разведки и по заданию последней до дня своего ареста занимался провокаторской и шпионской деятельностью», а также «имел антисоветскую связь с участниками антисоветской право-троцкистской организации в Коминтерне». Он был приговорён к смертной казни и в тот же день расстрелян. 23 мая 1956 г. Верховный Суд отменил приговор и прекратил дело за отсутствием состава преступления.

Таким образом, практически все японские коммунисты были расстреляны или оказались в тюрьмах – кто в японских, кто в советских. В начале 1938 г. произошла ещё одна драматическая история. 3 января театральный режиссёр, член КПЯ Сугимото Рёкити и его подруга-кинозвезда Окада Ёсико перешли границу на Сахалине, стремясь укрыться от репрессий. Надежды молодых романтиков не оправдались – их немедленно арестовали сотрудники НКВД. 10 января они признали себя шпионами. Сугимото был известен как последователь Мейерхольда, на которым уже

сгущались тучи. Из него выбили «компромат» на мэтра, которого через полтора года арестовали как «японского шпиона». 27 сентября 1939 г. Сугимото, отрицавший данные на следствии показания, был приговорён к расстрелу. Окада получила 10 лет лагерей... Выжила, после освобождения работала на Московском радио вместе с Катаяма Ясу, окончила в 55 лет ГИТИС и стала режиссёром. В 1972 г. впервые после долгого перерыва побывала на родине, приезжала туда много раз и надолго, обретя новую аудиторию, но окончательно не вернулась. Умерла в феврале 1992 г. в Москве, немного не дожив до девяноста лет.

В сентябре 1938 г. Исполком Коминтерна снова обсуждал «японский вопрос» по докладной записке Носака и решил перенести основную работу в США и в Китай. 5 ноября 1939 г. появилось постановление Секретариата ИККИ «Некоторые указания для усиления работы японских коммунистов»: «В оценке положения и перспектив японские товарищи имеют все основания предполагать, что условия для массовой работы коммунистов в Японии теперь становятся более благоприятными, чем было до сих пор», – но практические предложения опять сводились к работе за границей. В феврале 1940 г. Носака отправился в Яньань, коммунистический «особый район Китая», где создал и возглавил Японскую рабоче-крестьянскую школу для «хороших японских пленных» (его собственное выражение). Здесь «товарищ Окано» чувствовал себя в большей безопасности, нежели в Москве. В Яньани он также создал на коминтерновские деньги типографию для печатания агитационной литературы и пытался наладить радиовещание на японском языке. 23 июня 1942 г. Носака организовал Союз японских коммунистов в Китае. Весной 1943 г. Сталин решил «закрывать лавочку» и распустил Коминтерн.

Глава шестнадцатая

ПОЛИТИКА МОСКВЫ ГЛАЗАМИ ЯПОНСКОГО ОФИЦИОЗА

Массовый образ Советской России в довоенной Японии формировался несколькими путями, усилиями разных сил – от коминтерновских агитаторов и попутчиков до закоренелых антикоммунистов – и потому в разной интерпретации выглядел по-разному. То же можно сказать и об образе самой Японии, над созданием которого трудились государственные и парагосударственные структуры. Японская пропаганда работала параллельно над созданием двух образов – для внутреннего и внешнего использования, которые тоже различались между собой.

Изучая события прошлого, историки, как правило, обращаются к «внутреннему» образу, забывая о «внешнем» или не придавая ему должного значения. Большое количество книг, брошюр, журналов и газет на иностранных языках (в основном на английском), выпущенное в 1920–1930-е годы прежде всего в самой Японии для создания её максимально благоприятного образа во внешнем мире, редко привлекало внимание ученых, однако механизм его формирования представляет интерес не только для специалистов.

Интенсивная вестернизация Японии началась в конце 1860-х годов, однако необходимость создания официальных или, по крайней мере, официозных периодических изданий на иностранных языках была осознана элитой только четверть века спустя – после активного выхода страны на мировую арену. 22 марта 1897 г. появился первый номер газеты «Japan Times», созданной при участии влиятельнейшего политика страны Ито Хиробуми. В качестве рупора МИД и правительственных кругов в целом га-

зета должна была если не противостоять, то уравновешивать влияние англоязычных газет «Japan Advertiser» и «Japan Chronicle», владельцами которых были иностранцы. Опыт «Japan Times», выходящей по сей день, был использован в других изданиях, предназначенных для иностранного читателя. Тема эта неисчерпаема, поэтому мы рассмотрим только один важный пример – освещение японско-советских отношений на страницах журнала «Современная Япония» («Contemporary Japan»).

Журнал издавался с 1932 г. Японской внешнеполитической ассоциацией, «дочерним предприятием» МИД. В состав её правления входили известные в мире, но уже не слишком влиятельные в самой Японии либеральные «нотабли» вроде бывших министров иностранных дел Исии Кикудзиро, Макино Нобуаки и Сидэхара Кидзюро, потомка сёгунов князя Токугава Иэсато или виконта Канэко Кэнтаро. Из числа обладавших реальной властью там были представлены принц Коноэ Фумимаро, трижды занимавший пост премьера в 1937–1941 гг. и возглавлявший палату пэров и Тайный совет, а также финансист Икэда Сэйхин, не раз входивший в правительство. Редактировали «Современную Японию» опытные «акулы пера» Инахара Кацудзи и Фукуда Иппэй, а среди советников редакции числились видные политологи и юристы – профессора Токийского университета Камикава Хикомацу, Рояма Масамити и Такаянаги Кэндзо. Журнал извещал читателей, что статьи, помещенные на его страницах, не обязательно отражают мнение редакции или ассоциации. Он должен был производить впечатление свободной дискуссионной трибуны – в соответствии с лучшими традициями европейского и американского журнализма.

В 1932–1938 гг. «Современная Япония» выходила ежеквартально, а с 1939 г. стала ежемесячным изданием при среднем объёме в 180 страниц книжного формата. Общий план номера сохранялся без изменений: сначала шли тексты, написанные специально для журнала, потом переводы статей из последних номеров крупнейших японских газет и журналов, рецензии на книги по японской тематике, изданные как в Стране корня солнца, так и за её пределами, хроника событий (с 1940 г. она открывала номер) и переводы важнейших официальных документов и заявлений,

подготовленные МИД. Тираж не превышал нескольких тысяч экземпляров, которые расходились в основном среди иностранных дипломатов и журналистов. О пропагандистской эффективности «Современной Японии» судить непросто. Однако среди её авторов мы видим весь цвет тогдашней интеллектуальной и политической элиты: министров, депутатов, банкиров, дипломатов и даже либералов-«вольнодумцев», вроде политического комментатора Баба Цунэго, которых преследовала внутренняя цензура. Выступали там и иностранные авторы.

Первая книжка журнала, вышедшая в июне 1932 г., была призвана охватить весь спектр важнейших международных проблем, с которыми сталкивалась Япония. Отношениям с Советским Союзом была посвящена вторая по порядку следования статья, не считая информации «От редакции» и приветственного слова министра иностранных дел Ёсидзава. Её написал бывший посол в Москве Танака, что, безусловно, говорит о важности темы (1). Перед ней стояла лишь статья бывшего министра Исии «Лига Наций и китайская проблема», актуальность темы которой в пояснениях не нуждается. Танака начал в подчёркнуто дипломатичном, в лучшем смысле этого слова, тоне: «Полагаю, что моя статья будет представлять интерес для иностранных – особенно для русских – читателей и сможет хоть немного способствовать взаимопониманию между нашими странами, которое в настоящий момент, вынужден признать, ещё слишком слабо». Отдавая дань «превосходным и привлекательным качествам русского народа» и «бесспорному национальному величию» России, бывший посол осторожно заметил, что нынешнее состояние отношений между двумя странами определяют «различные новые факторы, неизвестные в прежние дни», прежде всего характер советского режима, и что эти отношения «не свободны от некоторых потенциальных опасностей, которые при неосторожных действиях могут привести к серьёзным проблемам между нашими странами». Наибольшие опасения автора вызывал параллельный рост военной и экономической мощи СССР, в чём он усматривал потенциальную угрозу. «Общественное мнение нашей страны уверено, что политика новой России является столь же экспансионистской, как и политика старой России, если не более того». Эту

точку зрения разделяли и публично высказывали многие иностранные аналитики 1930-х годов.

Танака коснулся предложения о заключении пакта о ненападении между СССР и Японией, которое Литвинов 31 декабря 1931 г. сделал Ёсидзава, находившемуся в Москве проездом из Парижа в Токио (2). 12 января 1932 г., ещё до возвращения министра на родину, полпред Трояновский встретился с премьером Инукаи и поставил перед ним тот же вопрос. Обеспокоенное возможным недовольством западных держав японское правительство не торопилось с ответом. Чтобы подтолкнуть его к более решительным действиям, Москва уже 16 января передала предложение гласности через сообщение ТАСС – одна из излюбленных стратегем большевистской дипломатии. 14 февраля информация была повторена с указанием, что ответ ещё не получен. В момент написания статьи в Токио ещё не приняли окончательное решение, хотя оппозиция договору в «информированных японских кругах», на которые ссылался автор, была очевидной. Демонстративно уклоняясь от обсуждения «достоинств и недостатков предложения», Танака счел нужным отметить – со ссылкой на те же «круги», – что «любое соглашение такого рода потеряет большую часть своего значения, если регионы, жизненно важные для национальной безопасности Японии, останутся вне сферы его действия».

Если перевести сказанное с дипломатического языка на язык практической политики, всё становится понятным: от Советского Союза требовалось полное признание японских «интересов» в Маньчжоу-го, где 1 марта 1932 г. было провозглашено создание Маньчжоу-го. Однако сама Япония официально признала его только 15 сентября того же года, после завершения работы «комиссии Литтона» – международной комиссии, в которую вошли представители Великобритании, Франции, Италии и Германии как постоянных членов Совета Лиги Наций, Японии и Китая – как конфликтующих сторон, а также США, согласившихся сотрудничать с Лигой, в состав которой они не входили. Целью комиссии было выяснение положения дел и выработка рекомендаций по урегулированию конфликта. Не бывший членом Лиги Советский Союз тоже получил предложение участвовать в работе ко-

миссии, но отказался со ссылкой на соблюдение строгого нейтралитета. Это решение было воспринято как нежелание портить отношения с Токио.

Поскольку к моменту написания статьи Япония не признала Маньчжоу-го официально, Танака избегал прямого обращения к этому вопросу, но провел красноречивую параллель, говоря в заключительной части статьи о Внешней Монголии, как тогда в мире называли Монгольскую Народную Республику, никем официально не признанную, кроме СССР и Танну-Туву. Все без исключения «центральные» и «национальные» правительства Китая считали её частью китайской территории, как и Маньчжурию. Другие страны, включая Японию, не раз заявляли о готовности установить с МНР дипломатические и экономические отношения, но эти попытки пресекались Москвой. Сравнительный анализ политического и экономического развития МНР и Маньчжоу-го в 1930-е годы мог бы стать темой отдельного интересного исследования, поскольку параллелей и аналогий между двумя государствами было много. Подтекст статьи ясен: Япония готова признать Монголию как независимое государство и как сферу советского влияния в ответ на признание независимости Маньчжоу-го и его нахождения в сфере японских интересов. Иными словами, предлагалось взаимопонимание по разделу сфер влияния.

История несостоявшегося советско-японского пакта о ненападении подробно описана в литературе, поэтому напомним главное (3). Сторонников его заключения в Токио почти не было. Либералы не хотели «сердить» Вашингтон и Лондон в условиях разгоравшегося конфликта с Лигой Наций. Армия требовала признания «специальных интересов» в Маньчжурии и увеличения военного бюджета со ссылкой на «угрозу с севера». Националисты, подчинившие своему влиянию общественное мнение, твердили о продолжении «русской экспансии». Все вместе страшились «происков Коминтерна». В поддержку соглашения с Москвой выступила только группа офицеров флота, причём считавшихся «милитаристами», во главе с адмиралом Като Кандзи, но она не могла изменить ситуацию. Преемником Ёсидзава на посту главы МИД стал Утида Косай, никогда не отличавшийся симпатиями к на-

шей стране, а теперь ещё и «сменивший вехи» в сторону поддержки вооружённой экспансии на континенте.

Как и его предшественник, Утида попытался «заболтать» предложение, но советские дипломаты настойчиво напоминали о нём в Токио, в Москве, и даже в Женеве, куда Литвинов отправился на конференцию по разоружению. Японцы твердили, что в новом пакте «нет необходимости», но чёткого ответа не давали. Наконец, 13 декабря 1932 г. Утида «строго конфиденциальной» нотой известил Трояновского, что предложение отвергнуто, поскольку обе страны подписали Антивоенный пакт Бриана–Келлога, а для двустороннего соглашения «ещё не созрел момент». По совету полпреда Москва решила предать гласности историю несостоявшегося пакта, сопроводив её мощной пропагандистской оркестровкой. Утида, которого Трояновский заранее предупредил о публикации документов, пришёл в бешенство, поскольку рассчитывал спустить дело на тормозах. Москва резонно возразила, что её инициатива была официальной и публичной, поэтому ответ на неё тоже должен стать всеобщим достоянием.

Обнародование документов, с нелицеприятными (и просто неприятными) для Токио комментариями, в январе 1933 г. вызвало обмен дипломатическими колкостями и новую волну антисоветских выступлений в японской прессе, подогревавшихся военными и националистическими кругами. В то же время не отличавшиеся тактом заявления Утида навлекли на него критику в печати и в парламенте. Трояновский не жалел резких слов в разговорах с иностранцами, прежде всего, британскими дипломатами, которые слушали его с настороженным вниманием. Общаясь 31 января с руководством Социалистической массовой партии, он многозначительно заметил: «Япония является самым могущественным нашим соседом на Дальнем Востоке. Японо-советские отношения являются определяющими и для взаимоотношений других стран; следовательно, дружеские отношения между ними крайне необходимы для сохранения международного мира. Заключение пакта о ненападении, несомненно, будет способствовать гораздо большему развитию японо-советских экономических связей, что является весьма выгодным для Японии» (4). Но всем было ясно, что шансов на скорое заключение договора нет.

22 марта 1933 г. Утида прямо сказал об этом новому полпреду Константину Юреневу, попросив его больше не поднимать большой вопрос.

Отказ от пакта наложился на окончательный разрыв Японии с Лигой Наций весной 1933 г.: проблема выхода из Лиги оживленно обсуждалась на страницах «Современной Японии». Страна оказалась в изоляции, что вызвало у многих военных, политиков и журналистов «синдром осажденной крепости», особенно после установления дипломатических отношений между СССР и США осенью 1933 г. Не прошёл незамеченным и тот факт, что первым полпредом в Вашингтон отправился Трояновский (5).

В марте 1934 г. со статьей «Япония и Советская Россия» выступил Фусэ Кацудзи (6). Он начал с воспоминаний об очередной поездке в СССР полтора года назад, «когда русско-японские отношения были наилучшими» (?!). В ноябре 1932 г. Москву, проездом в Женеву, посетил полномочный делегат Японии на сессии Ассамблеи Лиги Наций Мацуока Ёсукэ, просивший Наркоминдел организовать ему встречу со Сталиным – желательную для честолюбивого посланца по соображениям личного престижа. Сталин Мацуока не принял (предлогом была занятость накануне ноябрьских праздников), но тот смог «неофициально» побеседовать с Литвиновым, Караханом и заведующим Бюро международной информации ЦК ВКП(б) Радеком. Самым примечательным был последний разговор: главный политический комментатор «красной России» первым заговорил о возможности пакта между СССР, Японией и Маньчжоу-го (7). Однако Сталин ещё в июне 1932 г. высказался против признания Маньчжоу-го де-юре и за затягивание переговоров по этому вопросу, поэтому никакого продолжения не последовало. «Атмосфера была полна возможностей, но, к сожалению, ни одна из них не реализовалась», – суммировал Фусэ.

Отношения осложнились в результате конфликтов на КВЖД, находившейся в совместном владении СССР и Китая, но фактически пребывавшей под контролем Японии на маньчжурской территории. Японцы стремились связать её в единое целое с ЮМЖД и остальной транспортной инфраструктурой Маньчжурии. После долгих переговоров, проходивших при посредничестве

Японии, Советский Союз весной 1935 г. продал дорогу Маньчжоу-го, что должно было подчеркнуть «независимость» последнего. Молва приписывала Литвинову такую мотивировку этого решения: «Лучше продать, чем просрать». Угроза военного конфликта из-за дороги с осени 1933 г. стала вполне реальной, а необходимых сил для её защиты и ведения эффективных боевых действий на маньчжурской территории у СССР не было. Однако Фусэ отметил рост международного престижа Советского Союза и повышение его обороноспособности в результате выполнения первой пятилетки, что, по его мнению, побудило Москву к более решительным, чтобы не сказать агрессивным, внешнеполитическим действиям. Анализируя выступления и статьи Литвинова, Молотова, Радека, автор пришёл к пессимистическим выводам относительно ближайших перспектив двусторонних отношений, но заключил статью двусмысленной фразой: «Я надеюсь только на то, что кремлевские вожди, всегда отличавшиеся верностью своим принципам, будут настолько дальновидны, что продолжат политику мира и пойдут по пути, проложенному Лениным, с непоколебимой смелостью и решимостью».

«Война или мир с Советской Россией?» – озаглавил статью, открывавшую декабрьский номер журнала за 1934 г., Огата Такатора, один из руководителей газетного концерна «Асахи», аналитик с большими связями в политических кругах, но не специалист по России. Заголовок свидетельствовал, что вопрос ставится ребром и угроза войны реальна: «Существует ли возможность войны между Японией и Советской Россией? Я не могу сказать, что не существует» (8). Со второй половины 1932 г. военные круги при поддержке прессы развернули пропагандистскую кампанию на тему «советская угроза», доводившую общественное мнение до истерического состояния, однако это было лишь частью более масштабной кампании против «белого империализма», которую армия вела с начала «Маньчжурского инцидента», ориентируясь на читателя внутри Японии. Не оставалась в долгу и советская пропаганда, по указанию Кремля наводнявшая рынок книгами вроде «Очаг войны на Дальнем Востоке» Н. Терентьева (псевдоним экономиста Анатолия Канторовича) и «Когда Япония будет воевать?» О. Танина и Е. Иогана (псевдонимы востоковедов-раз-

ведчиков Оскара Тарханова и Евгения Иолка) и переводами японофобских сочинений иностранных авторов вроде «Японской угрозы» Теда О'Конроя, внимательно прочитанной Сталиным.

Маховик недоверия и антипатии раскручивали с обеих сторон. Сталинское руководство стремилось к максимальной консолидации своей власти, нагнетая обстановку тотального страха перед «капиталистическим окружением». Японские военные круги тоже не жалели мрачных красок, рисуя картину «угрозы с Севера» и требуя постоянного увеличения ассигнований на свои нужды, которые всё более истощали бюджет страны. Так что Огата был прав, заключив статью следующим выводом: «Ни одна сторона не хочет войны; обе верят в её неизбежность. Эта уверенность должна быть разрушена». Автор особо отметил, что «с тех пор как теория Сталина победила троцкизм, Советская Россия, по крайней мере внешне, удерживается от активной “красной” пропаганды за её пределами. На деле советские лидеры явно пришли к выводу о необходимости сосуществования и сотрудничества с капиталистическими странами для блага собственного промышленного развития». В том же номере появилась статья Исии «Япония и франко-русское сближение» – «кисло-сладкий» отклик на заключение советско-французского договора о взаимной помощи 2 мая 1935 г. Бывший посол в Париже и известный франкофил Исии почти не скрывал огорчения, что любимая им страна поставила, как говорится, не на ту лошадь (9).

В марте 1935 г. впечатлениями о Советской России поделился ветеран японской журналистики Каваками Киёси, известный лево-либеральными, но не «красными» настроениями (10). Он ездил туда как корреспондент «Осака майнити» и «Токио нитинити» и опубликовал серию статей, в которых призывал к нормализации отношений. «Многие из моих читателей поспешно заключили, что я нашёл “красную” администрацию вполне удовлетворительной и влюбился в СССР. Производить такое впечатление отнюдь не входило в мои планы. Несмотря на мою личную дружбу с покойным Сэн Катаяма (11), прах которого ныне покоится в кремлёвской стене, в тени мавзолея Ленина, признаюсь, что Советская Россия – последнее место в мире, где я стал бы жить». Каваками не раз бывал в России ещё до революции,

неплохо знал её, а потому мог сравнивать и делать выводы. Он дал трезвую оценку внутренним политическим и экономическим проблемам страны, заключив на этом основании, что на войну Советский Союз в ближайшее время не решится. Особое внимание автор обратил на начавшуюся после убийства Кирова кампанию террора, в которой увидел проявление слабости режима. Кавачами присоединился к тем, кто считал, что политика новой России мало чем отличается от политики России старой, причём не только внешняя, но и внутренняя: он на личном опыте имел основания проводить параллели между ОГПУ и Охранным отделением.

В июне 1935 г. профессор Ёкота Кисабуро вернулся к проблеме советско-японского пакта о ненападении – на сей раз после успешного завершения переговоров о продаже КВЖД и относительного «потепления» отношений (12). Статья на русскую тему снова открывала номер. Автор заметил, что, по мнению японцев, «ликвидация советских интересов на территории нового государства (Маньчжоу-го – *В.М.*) является предпосылкой стабильности японско-советских отношений». Далее он коснулся деятельности Коминтерна в Азии, которую не оставлял без внимания никто из токийских аналитиков. Эта тема стала особенно актуальной после заключения 25 ноября 1936 г. Антикоминтерновского пакта между Японией и Германией, которое отрицательно сказалось на отношениях между Москвой и Токио. Но обо всём по порядку.

Год спустя, в июне 1936 г., когда японско-германские переговоры об этом соглашении близились к завершению, а советская разведка была осведомлена о них через Рихарда Зорге в Токио и Вальтера Кривицкого в Нидерландах, на страницах «Современной Японии» вновь выступил Фусэ. В статье «Советы и мы» он вернулся к тому, что в Японии называлось «маньчжуро-монгольской проблемой» (13). Откликаясь на заключение советско-монгольского договора о взаимопомощи 12 марта 1936 г. как на подтверждение серьёзности намерений Москвы в регионе, непосредственно граничащем со сферой влияния Японии, автор особо отметил обострение ситуации на границе между МНР и Маньчжоу-го, которую в то время можно было смело считать советско-японской. Отсутствие чёткой демаркации в пустынной мест-

ности и перемещения кочевников, привыкших мигрировать здесь испокон веков, без виз и прочих «условностей», создавали идеальные условия для конфликтов. При наличии доброй воли с обеих сторон разрешить их не составило бы большого труда. Однако общая обстановка как раз демонстрировала отсутствие доброй воли у обеих сторон.

Анонимный автор комментария «Японско-советское непонимание», появившегося на страницах журнала в декабре 1936 г., но написанного ещё до заключения Антикоминтерновского пакта, выделил три основных проблемы: неурегулированность пограничных вопросов и отсутствие экономических отношений между Маньчжоу-го и МНР; превратное представление о внешней политике Японии, формируемое Москвой; происки Коминтерна (14). Эту статью можно считать частью пропагандистской «оркестровки», которая сопровождала подписание Антикоминтерновского пакта, направленного против СССР. В тот момент Германия и Япония имели все основания считать Советский Союз своим главным политическим и военным противником, непосредственно угрожавшим как их безопасности – в том числе через международное коммунистическое движение, – так и дальнейшей экспансии, будь то мирными или военными средствами, которая для Германии была направлена на пересмотр итогов Версальского договора, а для Японии на укрепление позиций в Китае. Разумеется, открыто афишировать факт направленности пакта против СССР как государства ни Германия, ни Япония не могли – это грозило разрывом экономических, а возможно, и дипломатических отношений, в чём они не были заинтересованы. Однако, как не без иронии замечали «буржуазные» журналисты, утверждения, что Коминтерн не связан с советским правительством и, тем более, не подчиняется ему, оказались на руку Японии. Москва уверяла, что не оказывает военной помощи Испании или Китаю, но не может запретить это добровольцам и общественным организациям. Токио, ссылаясь на те же «разъяснения», доказывал, что его политика направлена против некоей неправительственной организации, а не суверенного государства. Антикоминтерновский пакт основательно испортил двусторонние отношения: Москва сначала «отложила» рассмотрение вопроса о новой рыболовной

конвенции (более выгодной для Японии, чем прежняя 1928 г.), намеченной к подписанию 20 ноября, а затем и вовсе отказалась от неё. Поэтому реакция на пакт в Японии, в отличие от Германии, была разноречивой и даже критической: положения соглашения представлялись расплывчатыми, выгоды от него туманными, а ущерб в виде срыва конвенции очевидным. Пакт стал одной из причин падения кабинета Хироита в начале 1937 г. (15).

1937 год стал в СССР апогеем «большого террора». На показательных процессах бывшие вожди государства, партии и Коминтерна – что было важно в контексте Антикоминтерновского пакта – признавались в ужасных преступлениях, включая государственную измену и шпионаж. Один за другим исчезали дипломаты и журналисты, чьи имена не раз возникали на страницах «Современной Японии»: Карахан, Радек, Юренев. Пресса всего мира оживленно обсуждала ход процессов, но журналистов за пределами Советского Союза интересовала не столько истинная или мнимая вина обвиняемых, сколько возможные последствия репрессий для политической и военной мощи страны, для внутренней прочности сталинского режима. В сентябре 1937 г. эту тему для читателей «Современной Японии» осветил американский журналист Вильям Генри Чемберлен, работавший в Советской России с 1922 г. по 1934 г. и считавшийся её знатоком (16). После окончательного отъезда из СССР он выпустил нашумевшую книгу «Железный век России», в которой описал глубокий внутренний кризис советского государства и общества. Возвращаясь в Москву он не собирался, а потому свободно изложил всё, что считал нужным. «Если принять нынешние процессы (которые, похоже, ещё далеки от завершения) за чистую монету, то приходится заключить, что типичный генерал Красной Армии – предатель, типичный советский дипломат – шпион на службе у иностранной державы, типичный глава советской политической полиции – отравитель и убийца, а типичный советский “капитан индустрии” – человек, считающий потерянным день, когда он не пустил под откос шесть поездов и не поджег три сахарных завода». «Большой террор» укрепил убеждение Чемберлена в том, что сталинский режим нестабилен, а Красная Армия стала небоеспособной в результате «чисток». Сам автор после Москвы от-

правился на работу в Японию, где его книги широко читались и оказали воздействие на многих дипломатов и аналитиков.

Другим примечательным выступлением Чемберлена на тех же страницах стала статья «Вызов статусу кво» (17), посвящённая присоединению Италии к Антикоминтерновскому пакту 6 ноября 1937 г. – «подарок» Сталину к годовщине Октября! Адресованный зарубежному читателю журнал охотно привлекал авторов-иностранцев, прежде всего, журналистов, работавших в Токио. Далеко не все из них занимали позицию, которую можно назвать «прояпонской». Англичане и американцы – Малькольм Кеннеди, Вер Редман, Хью Байес – печатались в «Современной Японии» с момента её основания и не стеснялись критиковать политику японского правительства, когда считали нужным. Со стороны редакции это был удачный ход: он демонстрировал свободу и плюрализм мнений, привычные англоязычному читателю, а внутренняя аудитория журнала была столь невелика, что «опасные мысли», высказанные на его страницах, опасности не представляли. Японская пресса, особенно с началом «Китайского инцидента» в июле 1937 г., становилась всё более верноподданнической, централизованной и цензурированной, но и в ней существовала определённая свобода мнений, сведённая на нет только с приходом к власти кабинета генерала Тодзио Хидэки в октябре 1941 г. и началом войны на Тихом океане.

На протяжении 1938 г. японско-советские отношения продолжали ухудшаться. Более резким становился и тон прессы, припоминавшей «красным» все мыслимые и немыслимые прегрешения перед Японией и человечеством. В таком духе высказался, например, бывший посол в Италии Мацусима Хадзимэ, служивший в России до революции, а затем участвовавший в Дайренской и Чанчуньской конференциях (18). На страницах «Современной Японии» вновь возникли все большие вопросы, включая рыболовство и судьбу концессий на северном Сахалине, ликвидации которых добивалась Москва. Стороны шли по пути открытой конфронтации: задерживали и обыскивали рыболовные суда, обвиняя друг друга в браконьерстве и нарушениях границы; японские концессионеры жаловались на притеснения и слежку, советская сторона отвечала заявлениями о нарушениях ими условий труда и мер

безопасности (19). В условиях, когда в глобальном плане двусторонние политические отношения были «на нуле», подобные проблемы естественно выступали на первый план.

Лето 1938 г. было ознаменовано советско-японским вооружённым столкновением на озере Хасан, известным в Японии как «Чанкуфэнский инцидент». Рядовая пограничная стычка, какие в то время ежегодно случались сотнями, разрослась в полноценный конфликт, хотя ни одна из сторон не имела намерения воевать всерьёз и тем более объявлять войну. Командование Квантунской армии было не прочь «пощупать» боевую мощь Дальневосточного фронта, бывшей Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, которая со времени конфликта на КВЖД в 1929 г. не вела активных боевых действий и была сравнительно мало затронута «чистками»: репрессии против военных на Дальнем Востоке начались после событий на Хасане. Исход конфликта можно оценить как «ничейный»: японские войска были выбиты со своих позиций, но ценой больших потерь. Кроме того, события показали невысокий уровень боеспособности и боевой готовности советских войск на Дальнем Востоке, что требовало немедленного принятия мер для исправления ситуации. В свете этого репрессии против командующего маршала Василия Блюхера и его окружения представляются не такими уж немотивированными... Токийская пресса комментировала события весьма скупое. Во-первых, не было крупных успехов, на основании которых можно было бы развернуть эффективную пропагандистскую кампанию. Во-вторых, с самого начала инцидента ни правительство, ни военные не стремились превращать его в большую войну. Они хотели выйти из него, «сохранив лицо», но при этом не слишком обостряя отношения с СССР, потому что в разгаре была куда более трудная и важная война – в Китае. Японская пропаганда делала упор на то, что происходящее – результат советской агрессии: «они первые начали». В такой тональности выдержан единственный (причём анонимный) комментарий «Современной Японии» на эту тему (20).

В следующем 1939 г. журнал уделял немного внимания Советскому Союзу – но лишь до заключения 23 августа советско-германского пакта о ненападении и начала войны в Европе. Практически проигнорированным остался вооружённый конфликт на

реке Халхин-Гол («Номонханский инцидент» в Японии), начатый Квантунской армией как полномасштабная разведка боем – проверка боеспособности противника после снятия Блюхера. В слабости Красной Армии заверял своих японских собеседников бывший начальник Управления НКВД по Дальневосточному краю Генрих Люшков, перебежавший в Маньчжурию в июне 1938 г., причём не с пустыми руками. После того как военная разведка получила от него всю необходимую информацию (он передал ей большое количество секретных карт и документов), Люшкову была дана возможность писать для прессы, что он и делал, уверяя японцев в военной, политической и экономической слабости СССР. Одна из его статей была перепечатана «Современной Японией» (21) уже после того, как советские войска нанесли сокрушительное поражение Квантунской армии и окончательно отбили охоту воевать даже у самых «горячих голов».

До осени 1939 г. журнал касался главным образом экономических аспектов двусторонних отношений и ситуации на Дальнем Востоке в целом. Член совета директоров ЮМЖД Окура Киммоти, известный антисоветскими и антирусскими настроениями, несколько раз недвусмысленно писал, что политическая и экономическая «реконструкция» Восточной Азии – разумеется, под руководством и контролем Японии – возможна только при условии полной нейтрализации советского влияния. Не скрывал он и заинтересованности в «освоении» природных богатств Восточной Сибири и Приморья, вопрос о покупке которых ставился в те годы некоторыми японскими бизнесменами и политиками (22). Официальные лица старались избегать подобных высказываний даже в периоды наибольшего обострения отношений: возможно, помнили, что призывы к «колонизации» Советской Украины на Всемирной экономической конференции в Лондоне в 1933 г. стоили своего поста германскому министру экономики Альфреду Гугенбергу. Журналист Баба Хидэо привычно обвинял Москву в искусственном затягивании переговоров о заключении новой рыболовной конвенции (23). Бывший коммерческий советник посольства в Лондоне Асахи Исоси выступил с критикой взглядов на японскую экономику крупнейшего советского эксперта тех лет Евгения Варги, уверяя, что дела его страны обстоят вовсе не так

плохо (24). Комментируя отставку Литвинова с поста наркома иностранных дел, Кадотани Кэндзи оценил назначение на этот пост председателя Совнаркома Молотова как сугубо временную меру, а наиболее вероятным кандидатом в наркомы считал его заместителя Владимира Потемкина (25). Тут журнал ошибся на все сто процентов: Молотов оставался министром десять лет, а Потемкина уже в следующем году перевели с дипломатической службы в Министерство просвещения.

Заключение советско-германского договора о нейтралитете 23 августа 1939 г., как известно, вызвало повсеместное негодование. Наиболее остро и болезненно отреагировали в Токио, потому что Гитлер и Риббентроп до последнего держали Японию – союзника по борьбе с Коминтерном – в неведении относительно своих ближайших планов. Влиятельный министр внутренних дел Кидо Коити был «удивлен вероломством немцев», генерал Хата Сюнроку, главный адъютант императора, «поражён, как громом с ясного неба» (26). Йозеф Геббельс имел все основания записать в дневнике 24 августа: «Японцы опоздали на автобус. Сколько раз фюрер убеждал их присоединиться к военному союзу, даже заявив им, что иначе будет вынужден объединить силы с Москвой... Теперь Япония полностью изолирована» (27). После нескольких дней колебаний кабинет барона Хиранума Киитиро 28 августа подал в отставку, сославшись на то, что «в Европе создалась новая, сложная и запутанная обстановка» и что «возникла необходимость в отказе от прежней политики и в выработке нового политического курса» (28). Причиной очевидного провала политики правительства и коллективной «потери лица» был не сам курс на союз с Германией и Италией и «укрепление» Антикоминтерновского пакта, но нежелание принимать определённые решения, связывать себя конкретными обязательствами и брать на себя ответственность.

На советско-германское сближение немедленно откликнулся Фусэ (29). Он начал с того унижения, которое Советский Союз испытал во время Мюнхенской конференции осенью 1938 г., когда по единодушному желанию всех сторон был отстранён от участия в урегулировании Судетского кризиса, а фактически – от решения любых внутриевропейских проблем. Международный

статус СССР переживал свой наadir – в том числе в результате «показательных процессов» и «чисток» – поэтому советское руководство решило для исправления ситуации прибегнуть к сочетанию стратегических и тактических мер. К таковым Фуээ относил замену Литвинова Молотовым во главе Наркомата иностранных дел и назначение Берия наркомом внутренних дел: «политика нового шефа ОГПУ направлена на завоевание доверия народа, а не на его устрашение». Внимание японского аналитика привлекло назначение Жданова председателем комиссии по внешней политике Верховного Совета СССР и Микояна наркомом внешней торговли. Их он считал «движущей силой советской дипломатии», стоящей за отставкой Литвинова. Выработка внешней политики, по мнению автора, осуществляется ими и Молотовым под общим руководством Сталина.

Фуээ оценил дипломатию Сталина как типичный пример макиавеллизма, открыто высказывая сомнения в том, что он когда-либо всерьез рассчитывал на равноправный союз с Англией и Францией. После Мюнхена Москве было трудно быстро нормализовать отношения с Берлином и Римом, поэтому пришлось пойти на переговоры с Парижем и Лондоном, чтобы не остаться вовсе исключенной из европейской политики. Однако Париж и Лондон видели в Москве только средство давления на Берлин и Рим, «подставляя» её в случае войны. Первые, достаточно робкие шаги к сближению с Германией (европейская, а затем японская пресса муссировала эту тему, начиная с мая–июня 1939 г., но дальше слухов дело не шло) были оценены в Берлине, где тоже искали союзников. Такова логика рассуждений Фуээ, которую можно признать справедливой.

Поступок нацистского руководства был воспринят японскими лидерами как однозначное и непростительное предательство. Шок от заключения советско-германского пакта и военных неудач на Халхин-Голе сменился контршоком от начала войны в Европе, который оказался куда менее сильным и болезненным. Позиция Японии не была полностью прогерманской как из-за «предательства» Гитлера, так и с учётом дружеских отношений с Польшей. 4 сентября новый кабинет отставного генерала Абэ Нобуюки опубликовал заявление о «неучастии в европейской

войне»: наблюдатели обратили особое внимание на выбор слова «неучастие», а не «нейтралитет». В следующем программном заявлении правительства 13 сентября главной задачей внешней политики было названо урегулирование «Китайского инцидента» путём поддержки тех сил, которые согласятся на союз с Японией и Маньчжоу-го. На втором месте стояла нормализация отношений с СССР.

Радикально настроенные круги, призывавшие к «обновлению» японской дипломатии путём союза с тоталитарными державами, устами своего главного теоретика Сиратори Тосио, бывшего посла в Италии и видного аналитика, стали агитировать за немедленное заключение японско-советского пакта о ненападении по образцу советско-германского. Однако голоса их оппонентов звучали не менее громко и весомо. В ноябре 1939 г. «Современная Япония» перепечатала статью Ито Масанори из октябрьского номера влиятельного ежемесячника «Тюо корон» (30). Автор заявил, что такой пакт будет иметь смысл лишь после урегулирования всех текущих проблем двусторонних отношений, к которым относил: постоянное усиление советского военного присутствия на Дальнем Востоке; политическую, экономическую и военную поддержку Москвой антияпонского режима Чан Кайши; отсутствие чёткой границы между СССР и МНР, с одной стороны, и Маньчжоу-го, с другой; отсутствие рыболовной конвенции и постоянные конфликты вокруг концессий на северном Сахалине. Иными словами, условием заключения пакта Ито считал ряд уступок со стороны СССР – отказ от политики, прямо или косвенно мешавшей реализации планов Японии. В той же книжке помещена резкая статья бывшего министра иностранных дел Сато Наотакэ «Советский кульбит» по поводу вступления Красной Армии в Польшу 17 сентября 1939 г. (31). Считавшийся знатоком и ревнителем норм международного права, Сато квалифицировал акцию Москвы как агрессию и предательство – и, соответственно, как ещё один аргумент против политического сближения с ней.

Однако, положение дел менялось быстро и радикально. Вместе с этим менялись политика Токио и её отражение на страницах официоза. 1940 год принес несомненное улучшение отношений, символически ознаменованное заключением новой рыболовной

конвенции: Молотов и посол Того Сигэнори поставили подписи под ней в новогоднюю ночь в Кремле. Не спускавший глаз с переговоров Баба Хидэо высоко оценил её в статье «Японско-советская нормализация» (32). Дипломатия дипломатией, а рыба рыбой – та же логика диктовала заключение предыдущей конвенции в январе 1928 г. В течение года были успешно разрешены многие двусторонние проблемы, что убедительно показало – неразрешимых вопросов нет, если стороны хотят решить их. В июле 1940 г. принц Коноэ сменил адмирала Ёнаи на посту главы правительства. Новый министр иностранных дел, бывший президент ЮМЖД Мацуока, ранее не пользовавшийся репутацией «советофила», с первых же шагов в новом качестве постарался зарекомендовать себя сторонником экстренной нормализации отношений с СССР, если не прямого сотрудничества с Москвой.

Этому, несомненно, способствовало заключение двух соглашений о демаркации спорных границ (9 июня и 26 августа), что позволило аналитику газеты «Асахи» Маруяма Масао (полный тезка известного в послевоенной Японии политолога) заговорить о «новом этапе в японско-советских отношениях» (33). Нечёткая демаркация границы служила не столько причиной, сколько поводом и оправданием конфликтов, которые могли возникать по разным мотивам, в том числе в результате сознательных провокаций. Вопрос стоял давно, но обе стороны как будто не спешили разрешать его. После событий на Халхин-Голе, пакта Молотова–Риббентропа и начала войны в Европе дело сдвинулось с мёртвой точки, и проблема, годами остававшаяся нерешённой и казавшаяся неразрешимой, была урегулирована за считанные месяцы. Именно это обоюдное проявление готовности к компромиссу позволило Маруяма сделать вывод о перспективности дальнейшего развития двусторонних отношений. Впрочем, он тоже привёл длинный перечень существующих проблем и возможных негативных факторов, не преминув заметить: «Нет никакой разницы между экспансионистской политикой царского и советского режимов в том, что касается её форм и направлений, хотя некоторая разница в их мотивах присутствует».

В конце 1940 г. Фусэ посвятил очередную статью «советской политике на Востоке и на Западе», датированную 1 ноября (34).

Прежние успехи Москвы он объяснял ленинской политикой «буферных зон», отгораживавших Советскую Россию от сильных капиталистических стран, которые могли иметь агрессивные намерения. Интересно его попутное замечание о событиях двадцатилетней давности, памятных и самому автору, и многим из его потенциальных читателей: «Если бы Япония признала Дальневосточную республику, Советский Союз не смог бы полностью лишить её независимости». Проведение такой политики Фуэс считал мудростью Ленина, отказ от неё – недалновидностью Сталина (разумеется, здесь снова следуют воспоминания о его встречах с советскими лидерами). «Я искренне надеюсь, что этот ученик великого вождя русской революции вспомнит ленинскую политику буферных зон», – писал он в заключение.

После нападения Германии на Советский Союз Фуэс вернулся к этой теме в статье «Промахи Сталина» (35). Главным из них он назвал отказ от политики буферных зон и переход к прямой территориальной экспансии. Советские поражения первых месяцев войны аналитик расценил как подтверждение своих прогнозов. Кроме того, в аннексии Прибалтики, осуществленной «под шумок» решительного наступления вермахта на Францию, он увидел новое проявление двуличия советской политики, испортившее так недавно и так трудно установившееся взаимопонимание между Москвой и Берлином. Промах Сталина, по его мнению, состоял в том, что он своими руками разрушил достигнутое. В том же ключе Фуэс интерпретировал «зимнюю войну» с Финляндией, которая принесла Советскому Союзу больше вреда, чем пользы.

Заслуживает внимания и его указание в первой статье, что улучшению советско-японских отношений способствовало заключение Тройственного пакта Германии, Италии и Японии 27 сентября 1940 г. К этому же сюжету обратился официальный комментатор советско-японского пакта о нейтралитете – главный редактор «Современной Японии» Инахара Кацудзи. В статье, датированной 18 апреля 1941 г., через пять дней после заключения договора, он прямо связал ухудшение двусторонних отношений с заключением Антикоминтерновского пакта, а их улучшение – с Тройственным пактом и соглашениями о демаркации грани-

цы (36). Инахара подчеркнул, что экспансия России была традиционно направлена на юг, от Балкан до Монголии, что вполне соответствовало той роли в грядущем миропорядке, которую страны Тройственного пакта отводили Советскому Союзу. Не без видимого удовольствия отметил автор и то, что новый договор ухудшил положение США или по крайней мере осложнил американскую экспансию в Азии: «Теперь Америка обнаружила, что дом, который она построила, стоит на зыбучем песке». Подобные утверждения часто встречались в тогдашней японской периодике, когда перспектива войны с Соединенными Штатами стала реальной, а уверенность в грядущей победе над ними абсолютной, чтобы не сказать – маниакальной. Время однако показало беспочвенность подобных радужных оценок.

Отметил Инахара и то, что, несмотря на договор, проблемы в отношениях двух стран останутся, пока СССР не прекратит военной помощи режиму Чан Кайши и китайским коммунистам. Этот вопрос рассмотрен в статье Гусима Канэсабуро, сотрудника Исследовательского отдела ЮМЖД, напечатанной в апреле в «Тюо корон» и перепечатанной в майском номере «Современной Японии» за 1941 г. (37). С началом советско-германской войны к этой теме вернулся специалист по Китаю Одзаки Ходзуми, советник премьера Коноэ и ближайший соратник Зорге (38). Японские аналитики ненавязчиво проводили мысль, что гоминьдановский режим, вынужденный укрыться в далеком Чунцине, обречён, поскольку не пользуется поддержкой населения Китая и держится только за счёт помощи США и Великобритании. Друг моих врагов не может быть моим другом, а сотрудничество с Японией может принести Советскому Союзу гораздо больше выгод, нежели с Чан Кайши – такова «мораль» этих комментариев.

Нападение Германии на СССР поставило кабинет Коноэ перед выбором между Тройственным пактом и пактом о нейтралитете, который совсем недавно с такой помпой заключил Мацуока. Теперь министр иностранных дел решительно призывал встать на сторону Третьего рейха, дабы не опоздать к неизбежному, по его мнению, разделу советского наследства. Однако его никто не поддержал – ни правительство, ни армия (об этом ниже). Надо было объяснить и внутренней, и внешней аудитории положение

вещей и позицию правительства, что сделал профессор-юрист Ёкота Кисабуро (39). В осторожно подобранных выражениях он заявил, что Тройственный пакт с Германией и Италией, остающийся краеугольным камнем политики Японии, не обязывает её вступать в войну и нарушать пакт с Москвой. Таким образом, существующие соглашения с обеими воюющими сторонами не противоречат друг другу и могут оставаться в силе без ущерба для позиции Токио с точки зрения международного права.

Среди комментариев «Современной Японии» этого времени на советские темы следует отметить отклик Ватанабэ Дзэнъитиро на назначение Сталина председателем Совнаркома в начале мая 1941 г., оживленно обсуждавшееся всей мировой прессой. Советский Союз всё ещё оставался в стороне от войны, но кадровая перестановка на высшем уровне была истолкована токийскими аналитиками как показатель тотальной мобилизации усилий страны в чрезвычайной ситуации (40). Германский посол в Москве граф Шуленбург, до последнего пытавшийся предотвратить войну, хотел видеть в ней шаг в сторону Берлина: Молотов виноват в ухудшении отношений, но Сталин всё поправит... В Токио смотрели на вещи более прозаически и оказались правы.

Глава семнадцатая

РИХАРД ЗОРГЕ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА

Рихарда Зорге знает весь мир. В основном как разведчика, много меньше – как аналитика и игрока на политическом поле тридцатых, а отчасти и двадцатых годов. В минувшем веке были разведчики более удачливые, чем Зорге, аналитики более эрудированные и проницательные, агенты влияния более могущественные и эффективные. Тем не менее именно Зорге превратился в культовую фигуру мирового масштаба.

Его имя стало знаменитым в 1952 г., после выхода книги «Шанхайский заговор: шпионская сеть Зорге», которую написал американский генерал Чарльз Уиллоуби – глава разведки штаба оккупационных войск и ярый антикоммунист, как и его шеф генерал Дуглас Макартур, «сёгун» поверженной Японии. Узнав о «деле агентов Коминтерна» и располагая отрывочными сведениями о деятельности Зорге и его ближайшего соратника Одзаки в начале тридцатых годов в Шанхае, Уиллоуби отдал приказ собрать информацию о них. Изучение собранного заняло несколько лет и обошлось американским налогоплательщикам почти в 150 тысяч долларов. В августе 1951 г. закрытый доклад комиссии Уиллоуби был представлен Конгрессу, где его целых три дня заслушивал Комитет по расследованию антиамериканской деятельности. По окончании оккупации Японии доклад, за исключением отдельных фрагментов, разрешили предать гласности, и он стал основой книги. Полуопальный из-за разногласий с правительством по поводу войны в Корее, но влиятельный и популярный Макартур написал к ней предисловие.

Это произведение времен «холодной войны» не отличалось ни фактической аккуратностью, ни стремлением к объективности,

но подняло волну интереса к загадочному «агенту Коминтерна», относительно которого Москва хранила ледяное молчание. Когда в 1964 г. Зорге был реабилитирован и посмертно прославлен в СССР, возник страшный «голод» на любую информацию о нём. Кого-то осенила идея перевести и издать сочинение Уиллоуби, внимательно прочитанное в ГРУ. Бывший резидент военной разведки в Шанхае Я.Г. Бронин писал начальству: «Печать наша кормит читателей перепечатками из иностранных книг, в которых много белиберды, иногда отнюдь не безобидной. До меня дошло, что собираются даже издать книгу “Шанхайский заговор”. Это было бы прямой ошибкой: это книга сугубо антисоветская, антикоммунистическая... Мне думается, что назрела прямая необходимость написать нашу советскую книгу о Зорге» (Дело Зорге. С. 190). Труд генерала-разведчика в нашей стране так и не вышел. Сейчас его можно смело не издавать – он полностью перекрыт позднейшими работами.

В Токио о Зорге тоже вспомнили сразу – правда, не столько о нём, сколько об Одзаки, казненном вместе с ним. Зорге-человек оказался нужен только его верной подруге Исии Ханако, которая разыскала тело любимого в братской могиле, перезахоронила его на кладбище Тама в окрестностях Токио и поставила первое надгробие: серый камень с надписью готическим шрифтом «Richard Sorge». Товарищи и единомышленники Одзаки были больше озабочены его – и своей собственной – реабилитацией, не только юридической, но и моральной. Работая на иностранную державу или на Коминтерн, они совершили акт государственной измены. Надо было доказать, что на самом деле они боролись против войны, а значит, действовали в интересах родины. Признав Зорге «своим», Москва облегчила бы их положение, поскольку в тогдашней Японии «советское» было синонимом «прогрессивного». Но Москва молчала. Самой успешной пиар-акцией в деле посмертной реабилитации Одзаки стала публикация его писем к жене из тюрьмы, вышедших первым изданием уже в 1946 г. под романтическим заглавием «Любовь, подобная падающей звезде».

Бывший германский посол в Токио, опытный генштабист и военный разведчик, генерал-майор Ойген Отт охотно вспоминал своего ближайшего друга Рихарда, но так, кажется, и не поверил, что тот был советским агентом. Успокаивая, прежде всего,

самого себя, Отт говорил, что Зорге был настолько гениальным разведчиком, что сумел проникнуть в советские секретные службы, оставаясь подлинным патриотом фатерлянда. Бывший секретарь германского посольства в Токио Ганс-Отто Мейснер в 1955 г. выпустил книгу «Человек с тремя лицами», переведённую в СССР десять лет спустя. Под «лицами» он имел в виду национальную родину Зорге – Германию, идейную родину – Советскую Россию (не забудем и то, что он родился в Баку от немецкого отца и русской матери) и, наконец, Японию, где прошла самая важная и насыщенная событиями часть его жизни. Книга стала основой фильма французского режиссера Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорге?», где Мейснер сыграл самого себя. Именно этот фильм – удачный с точки зрения кинематографа и, по тем временам, вполне достоверный исторически – стал началом культа Зорге.

Он же сыграл если не решающую, то, несомненно, важную роль в реабилитации и последующей советской канонизации Зорге. Говорят, Хрущёву показали этот фильм – он заинтересовался и велел разобраться. Другая версия, которую автор настоящей работы в 1993 г. слышал от ветерана отечественной разведки генерал-майора в отставке М.И. Иванова: о Зорге узнал Юрий Гагарин, когда побывал в Японии в начале шестидесятых, и, взволнованный услышанным, пересказал всё Хрущёву. Гагарин предложил немедленно реабилитировать Зорге и предать его историю гласности как пример для подрастающего поколения, но генсек оборвал его словами вроде «не твоего ума дело!». Так это или нет, судить не могу, но пересмотр «дела Зорге» внутри ГРУ начался в 1964 г. комиссией под руководством А.Ф. Косицына.

Часть рассекреченных документов этой комиссии опубликована в сборнике «Дело Рихарда Зорге». В них детально анализируется работа группы в Шанхае и Токио, её успехи и причины провала, а также рассматривается личность самого разведчика – в том числе на предмет обоснованности его посмертной реабилитации и пропагандистской «раскрутки» в качестве положительного героя. Особое внимание уделялось сообщениям так называемых «мемуаров» Шелленберга¹, дававших понять, что Зорге был

¹ Историки доказали, что немецкий текст мемуаров, изданный в 1952 г., после смерти Шелленберга, представляет собой неавторскую компиляцию,

«двойным агентом». «Мемуары» Шелленберга тогда воспринимались всерьёз, однако тем, что написано в них о Зорге – за неимением серьёзного документального подтверждения – пренебрегли. Надо сказать, совершенно справедливо.

Что касается пристрастия разведчика к выпивке и женщинам, то эти факты, раздувавшиеся в западных публикациях, были проигнорированы под разумным предлогом: «Образ жизни “Рамзая”, вся система его взаимоотношений со знакомыми, коллегами, друзьями, несдержанность, высокомерие и т. п. позволяли безошибочно причислить его к разряду разнузданных представителей “высшей расы”, для которых не существует обветшалых границ морали и нравственности. В этом смысле “Рамзай” добился большой удачи, надёжно обеспечив себе соответствующую репутацию, вводившую в заблуждение и гестапо, и японскую контрразведку» (Дело Зорге. С. 156). Так сказано в обобщающем докладе М.И. Сироткина «Опыт организации и деятельности резидентуры “Рамзая”». Думаю, разведчики прекрасно понимали, что у их коллеги-нелегала порой просто сдавали нервы. Особенно в такой закрытой, ксенофобской и полицейской стране, как довоенная Япония.

Летом того же 1964 г. Зорге «открыли» официально – серией статей в «Правде», «Известиях» и «Красной звезде», которые готовились явно не за одну ночь перед сдачей в типографию. 5 ноября 1964 г., к очередной годовщине революции, ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а в следующем году торжественно отмечалось 70-летие разведчика. Именем Зорге стали называть улицы и теплоходы, появились памятные знаки и почтовые марки с его изображением. С этого момента он стал официально признанным, а во многом и мифологизированным

однако с использованием подлинных рукописей и документов. Английская версия «Лабиринг. Записки гитлеровского разведчика», вышедшая в 1956 г. и в 1991 г. выпущенная на русском языке, перу Шелленберга не принадлежит и является не более надёжным источником, чем «дневник Литвинова», сочинённый Беседовским. Это не означает, что все факты, сообщаемые в «мемуарах Шелленберга» (неизвестного авторства), недостоверны, но если о чём-то известно только из них, такая информация вызывает особенные сомнения.

героем советской истории. В «перестройку» и после неё были предприняты попытки его дегероизации, но они не удались. Отраднo то, что о Зорге стало можно писать свободно, поскольку без ретуши и идеологических шор он оказался намного интереснее сусального «товарища Зорге» советских книжек.

«Бум Зорге» в Советском Союзе и в социалистических странах, особенно в ГДР, был беспрецедентен. Умело направляемая и организованная пропагандистская кампания вызвала искренний интерес к личности «Рамзая». 19 октября 1964 г. бывший резидент в Шанхае Бронин писал руководству ГРУ: «Мне думается, что настало время публично сказать о деятелях разведки, погибших в период культа личности. Все они реабилитированы, но так как они работали в такой области, как разведка, мы в газетах ничего о них не говорим... Зорге теперь стал как бы символом мужества советского разведчика. Масса людей, особенно молодёжь, жаждет материалов о нём... Широко пропагандируя подвиг Зорге, мы впервые стали полным голосом говорить о советской разведке. Не следует ли подумать о том, чтобы теперь повести продуманную пропаганду, которая разъясняла бы молодёжи, что такое советская разведка, как почетны её задачи? Все капиталистические страны этим занимаются, создавая ореол вокруг своих разведчиков (особенно умело это делают англичане). А мы о своих разведчиках, которые содействуют не капиталистическому разбою, а помогают бороться за коммунизм, ничего не говорили. Теперь, в связи с делом Зорге, положение меняется. Не настала ли пора тщательно продумать и развернуть пропаганду советской разведки? Ведь в борьбе за коммунизм, против сил империализма, разведке нашей предстоит ещё совершить великие дела, а разведчиков на это потребуются ведь очень и очень много» (Дело Зорге. С. 190–191).

С тех пор о Зорге написаны десятки книг, тысячи статей, сняты фильмы, регулярно проводятся международные конференции. Кажется, мы знаем о нём всё или почти всё, но ощущение недосказанности остается. Почти все биографы Зорге говорят о нём только как о разведчике. То есть о человеке, деятельность которого заключается в сборе информации по заданию «Центра», лично и через других членов группы, её первичном анализе (пре-

жде всего, на предмет аутентичности и достоверности содержания) и аккуратной передаче по назначению. Российские и иностранные авторы подробно описали систему его агентурных связей, способы получения и передачи информации, методы вербовки, почти не уделяя внимания «легальной» стороне его жизни. Такой подход привёл к формированию одностороннего, а потому неверного образа Зорге как «только разведчика».

Не отрицая того, что он является одним из виднейших разведчиков прошлого века, необходимо обратить внимание на другие аспекты его деятельности. В 1993 г. в журнале «Проблемы Дальнего Востока» автор настоящей работы заявил, что разведчик – не главная ипостась Зорге, хотя Москва использовала его как поставщика информации. Однако он был, во-первых, выдающимся политическим аналитиком, лучшие работы которого входят в «золотой фонд» японистики, а во-вторых, не очень заметным, но эффективным участником политического процесса, оказывавшим определённое влияние на принятие решений в Берлине и Токио – но не в Москве! Зорге можно с полным правом назвать учёным-геополитиком. А люди, занимающиеся этой наукой, редко ограничиваются кабинетной деятельностью.

В токийской тюрьме Сугамо арестованный Зорге поначалу молчал. Но в условиях отсутствия чётких инструкций на случай провала, полного отказа «своих» от него и признательных показаний радиста Макса Клаузена (будущего кавалера ордена Красного Знамени) он заговорил. Следователи дали ему пишущую машинку, на которой арестованный во время продолжительных допросов сам печатал на немецком языке письменные объяснения по разным вопросам. «Когда Зорге кончал главу или раздел своих показаний, – вспоминал после войны один из следователей, – он зачитывал их мне, а после внесения по моему требованию поправок или дополнений передавал написанное в мои руки. Эти показания были написаны Зорге в одном экземпляре» и затем приобщены к делу в качестве вещественного доказательства. Относительно их авторства Зорге заявил позднее: «Я написал их согласно требованию прокурора и на тему, им предложенную. Что касается содержания, то оно зависело от моей воли, и я не встречал здесь ограничений» (1).

Кроме них существовали подписанные Зорге протоколы допросов, сделанные по-японски и переведённые на немецкий язык. Так возникли его «тюремные записки», которые иногда называют «мемуарами». Составление документов такого рода было обычным для тогдашней японской следственной практики. Так же появились «записки» Вукелича, Мияги и Клаузена, частично опубликованные в Японии по сохранившимся копиям. Кстати, то, что называют «первым вариантом записок», Зорге не принадлежит – это обобщение устных показаний, сделанное следователями и не визированное подследственным. Оригинальный немецкий текст и большинство материалов дела против Зорге и его соратников, находившихся в Министерстве юстиции, погибли во время бомбардировки Токио в марте 1945 г. Немалая часть документов сохранилась в копиях (иноязычные в переводе на японский), которые после войны попали в руки американской разведки. Через полтора десятилетия они стали доступным японским учёным и были опубликованы в 1963–1964 гг. в трёх томах «Материалов по новейшей истории», посвящённых «делу Зорге». Как отметил исследовавший этот вопрос советский разведчик и ученый-японовед С.Л. Будкевич, «среди опубликованных материалов нет ни одного документа, который был бы скреплен личной подписью Рихарда Зорге или других обвиняемых». Он ставит вопрос о степени их достоверности, справедливо отмечая, что в материалах следствия могли быть ошибки в переводе или сознательные искажения или купюры. Вполне правдоподобны и предположения историков о том, что американцы отдали японцам не все материалы и что не всё было позволено печатать (2). Новые японские документы по «делу Зорге», в том числе из частных собраний, продолжают всплывать до сих пор, но общей картины радикально не меняют.

«Тюремные записки» получили широкую известность на рубеже 1940–1950-х годов благодаря обнародованию их английского перевода в материалах комиссии Уиллоуби и в «Шанхайском заговоре». В России этот текст был напечатан только в 1994/95 гг. в журнале «Новая и новейшая история», хотя члены комиссии ГРУ знали его по книге Уиллоуби. Они специально задались вопросом, не является ли дача подобных показаний нарушением

профессионального долга и тем более изменой, и пришли к выводу, что нет. Показания, действительно, были подробными, но не менее подробную информацию следствию ранее успел дать Клаузен. Бронин отметил: «Зорге в этих “мемуарах” говорит только о людях, уже известных следствию, он не сообщает никаких фактов, которые были бы новы для следствия и которые, следовательно, могли бы ухудшить положение людей, арестованных по делу. Больше того, там, где Рамзаю кажется, что следствие не обладает достаточно определёнными уликами, он пытается запутывать следы, отвести внимание полиции (выделено автором – В.М.)... В “мемуарах” не только нет ничего, что можно было бы истолковать как идейное отступничество, но, наоборот, Рамзай с силой подтверждает, подчёркивает свои коммунистические убеждения». Однако, замечал ветеран разведки, «мы совершенно не заинтересованы в том, чтобы публиковать (в СССР – В.М.) “мемуары” Рамзая» (Дело Зорге. С. 189–190). У широкого читателя, привыкшего к историям о гробовом молчании советских разведчиков во вражеских застенках, могли возникнуть «ненужные» вопросы. Поэтому он прочитал «тюремные записки» Зорге только тридцать лет спустя.

Примечательную оценку дал им профессиональный антисоветчик и охотник на «красных шпионов» Ральф де Толедано: «По своему характеру это было скорее послание японским язычникам с объяснением значительности и выдержки советской политики. Оно не выдавало ни одного секрета, который уже не был бы известен японской тайной полиции. Там же, где речь шла о самом Зорге – человеке и коммунисте, этот документ был почти открыто адресован его хозяевам в Кремле. Смотрите, казалось, говорил рассказ Зорге, хотя я и подвергаюсь опасности быть обвинённым в многословии, я продолжаю быть твёрдым ленинцем... Зорге гордился своим коммунистическим прошлым» (3).

Не будем рассматривать этот документ в полном объёме. Сейчас нас интересуют только некоторые принципиально важные моменты. «Я не намеревался, – говорит “Рамзай”, – действовать только как почтовый ящик для информации, собираемой другими. Напротив, я считал абсолютно необходимым лично приобрести наиболее полное понимание проблем Японии... (от-

точие в источнике – *В.М.*). Моя научно-исследовательская работа в Японии была абсолютно необходима для моей разведывательной деятельности. Без этой работы и общего культурного базиса моя секретная миссия была бы невозможна, и мне никогда не удалось бы закрепиться в посольстве и германских журналистских кругах. Больше того, я никогда не смог бы пробыть безболезненно и спокойно в Японии в течение 8 лет. В этом смысле *наибольшее значение имело именно моё основательное изучение и знание Японии, а не ловкость и не какая-либо специальная подготовка в московской разведывательной школе* (выделено везде в источнике – *В.М.*)».

Прочитав этот фрагмент, автор итогового доклада ГРУ Сироткин подробно описал исследовательскую и аналитическую деятельность Зорге:

«С первых же дней пребывания в стране он приступил к подбору и изучению необходимой литературы, приобретая все иностранные издания оригинальных японских работ (т. е. первоисточников – *В.М.*), лучшие иностранные книги по Японии, лучшие иностранные переводы японских трудов. Личная библиотека “Рамзая” к 1941 году насчитывала до 1000 книг¹. Кроме того, он широко пользовался библиотекой германского посольства и обширнейшей библиотекой германского Общества Восточной Азии, посещал академические собрания, лекции и доклады этого общества, тщательно изучал текущую японскую экономическую и политическую литературу, бюллетени и различные издания правительственных органов и т. п.

Начав с изучения древней истории Японии, этапов многовекового развития её экономики, политики, общественных отношений, он последовательно перешёл к проблемам современной Японии, уделяя особое внимание вопросам развития индустрии, аграрному вопросу, внутренней и внешней политике, истории японской культуры и искусства, современному быту. Не ограни-

¹ Библиотека Зорге и рукопись его неоконченного труда «История дипломатии современной Японии» (около 300 страниц) были конфискованы при аресте и перевезены в полицейское управление, а затем в министерство юстиции, где погибли во время пожара в марте 1945 г. вместе с материалами следствия.

чиваясь лишь “кабинетным” изучением страны, он совершал многочисленные поездки по Японии (главным образом до 1938 г.¹), которые позволили ему ближе и живее ознакомиться с населением, бытом и культурой страны и, по его выражению, “обеспечили ему прочную интуитивную основу” для изучения истории и экономики» (Дело Зорге. С. 162–163).

Зорге особо отметил помощь в познании страны, которую ему оказали политолог Одзаки Ходзуми и художник Мияги Ётоку. Они не просто добывали нужную для «Центра» информацию, но и посвящали друга в историю и культуру Японии. Можно подумать, что «Рамзай» детально рассказывал тюремщикам о научной и журналистской работе, желая отвести их внимание от главного – разведывательной деятельности. Не думаю – о последней он тоже рассказал весьма подробно. Дело, скорее, в другом. Брошенный Москвой, он получил последний шанс хоть кому-то поведать о своей жизни «для истории», как и предположил стоявший по другую сторону баррикады Толедано.

Как политический аналитик Зорге заслуживает отдельного исследования. Ю. Мадер и Ю.В. Георгиев дали подробный анализ его ранних работ, изданных по-немецки и по-русски. В целом они написаны с позиций коминтерновской ортодоксии, которая, в свою очередь, знала серьёзные колебания. С юных лет Зорге был убеждённым марксистом и коммунистом, и искренность этих убеждений не может быть поставлена под сомнение. Его ранние работы, как бы ни относиться к их идеологической и политической ориентации, свидетельствуют о глубоком знании проблем, за анализ которых брался автор, и о хороших аналитических и популяризаторских способностях. В 1980–1990-е годы они были переизданы в ГДР и в Японии с предисловиями мэтров марксистской науки Юргена Кучинского и Исидо Киётомо, помнивших бури двадцатых годов. Оба высоко оценили наследие Зорге-учёного.

Наследие Зорге-геополитика 1930-х годов следует рассматривать в ином контексте. В советское время его журналистскую деятельность объясняли исключительно необходимостью «маскировки», а потому старались писать о ней поменьше. Однако

¹ Это было связано с ужесточением полицейского режима и ограничением передвижения иностранцев внутри Японии.

сборник статей Зорге, выпущенный издательством МГУ в 1971 г., наполовину составлен именно из работ тридцатых годов, совсем «несоветского» характера. Не по этой ли причине книга никогда не переиздавалась? Мадер – книга которого «Репортаж о докторе Зорге» вышла не в СССР, а в ГДР на русском языке – признал, что статьи «Рамзая» не всегда соответствовали нацистской ортодоксии и порой противоречили ей. Но и он предпочел не обращаться к теме геополитики, которая с 1934 г. официально именовалась в СССР, а затем и в странах социалистического лагеря «фашистской буржуазной лженаукой», «служанкой германского империализма и фашизма» и т. д. Кстати, для первого издания Большой советской энциклопедии статью «Геополитика» – ещё до запрета этой науки – написал венгерский географ-коммунист Шандор Радо, позднее известный как разведчик под псевдонимом «Дора». После войны на геополитическое наследие Зорге обратил внимание историк Ч. Джонсон. Не без его влияния автор настоящей работы в 1993–1995 гг. опубликовал несколько статей о Зорге-геополитике, впервые подняв эту тему в отечественной литературе. Для внимания к своему научному наследию достаточно роли, которую Зорге сыграл в мировой политике, но изучение его сочинений убеждает, что он был одним из лучших аналитиков-японистов своего времени. Не случайно его ценил человек, чей авторитет в геополитике неоспорим, – Карл Хаусхофер, журнал которого «*Zeitschrift für Geopolitik*» Зорге представлял в Токио.

Советские биографы «Рамзая» писали, что в 1933 г. он прибыл в Японию с рекомендательными письмами из Германии, которые открыли ему многие двери в японской столице, но имени автора писем не называли. Это был никто иной как Хаусхофер, который никогда не оставлял без внимания Японию и Тихий океан. Помимо многочисленных книг и статей, генерал-профессор писал для своего журнала ежемесячные обозрения положения на Дальнем Востоке, внимательно следя за поступающей оттуда информацией. Хаусхофер особенно дорожил корреспондентами на местах и «по-прежнему ощущал себя тесно связанным с Японией», как свидетельствовал в 1964 г. в письме к Мадеру бывший главный редактор «*Zeitschrift für Geopolitik*» Курт Фовинкель (4).

Конкретные обстоятельства первых контактов Зорге и Хаусхофера летом 1933 г. не вполне ясны до сих пор. Думаю, знаком-

ству содействовала американская журналистка Агнесс Смэдди, долго жившая в Китае. Ещё в 1926 г. она печаталась в журнале Хаусхофера и несколько лет сотрудничала с «Франкфуртер цайтунг» – газетой, которую Зорге позже представлял в Токио, причём этому не мешали её прокоммунистические взгляды. Знакомство с книгами и статьями Смэдди стало неплохой подготовкой для Зорге перед отъездом в Шанхай в конце 1929 г. Приехав туда, он – по указанию Центра – познакомился, а затем подружился с ней. Смэдди, видимо, не участвовала в разведывательной работе, но щедро делилась с приятелем информацией и связями. Именно она познакомила его с молодым, но уже известным и влиятельным журналистом Одзаки. Полагаю, она же посоветовала Зорге предложить свои услуги Хаусхоферу в качестве корреспондента, тем более что за публикациями самого авторитетного журнала по геополитике тот следил давно и внимательно.

«Сегодня уже никто не может рассказать, что конкретно принял доктор Зорге для достижения своей цели», — писал Мадер. Хаусхофер, который мог знать корреспонденции Зорге и без рекомендаций Смэдди, после первой встречи согласился официально считать нового знакомого корреспондентом своего журнала и написал необходимые рекомендательные письма. В том числе к своему давнему знакомцу Дэбути, бывшему вице-министру иностранных дел, а ныне послу в Вашингтоне, который, в свою очередь, снабдил журналиста рекомендациями для японского МИД. За шесть лет (1933–1939) Зорге опубликовал в «Zeitschrift für Geopolitik» восемь больших статей в 11 номерах, включая специальный выпуск с 70-летнему юбилею «отца геополитики». По свидетельству Фовинкеля, Хаусхофер никогда не правил рукописи Зорге (5), что свидетельствует как об их высокой оценке требовательным учёным, так и о согласии с их теоретическими положениями и практическими выводами.

Достоинства работ Зорге очевидны для всякого специалиста по политической и военной истории Японии 1930-х годов. Известно, что в основе некоторых из них – например, о военном мятеже 26–29 февраля 1936 г. – лежали подготовленные им секретные аналитические записки. Одна – как агентурная информация за подписью «Рамзай» – была немедленно передана в Москву.

Другая – ушла в Берлин за подписью военного атташе Отта, который тоже был знаком с Хаусхофером и пользовался его советами и рекомендациями. Обе были высоко оценены адресатами. Отт стал одним из главных информаторов разведчика. Зорге в свою очередь был главным информатором Отта по японским делам, поскольку контакты атташе ограничивались военной средой, а возможности – незнанием японского языка (впрочем, английским он владел в совершенстве).

Отт был профессиональным разведчиком и умел не только добывать, но и анализировать информацию. Однако при написании донесений и аналитических записок ему, конечно, пригодились советы образованного и информированного друга, отлично владевшего пером. Именно эти записки способствовал карьерному росту опального офицера: Отт был под подозрением в Берлине из-за близких связей с генералом Куртом фон Шлейхером, предшественником Гитлера на посту рейхсканцлера. В начале тридцатых Шлейхер и Отт участвовали в политической игре рейхсвера с нацистами, которых военные сначала пытались не допустить до власти, а потом, не справившись с первой задачей, хотя бы контролировать. Гитлер, относившийся к рейхсверу с нескрываемым недоверием, переиграл противников, но ничего не забыл. Попавший в опалу и уволенный в отставку Шлейхер был убит в «ночь длинных ножей» 30 июля 1934 г. Отт годом раньше отправился в Японию в качестве наблюдателя, прикомандированного к одной из воинских частей, чему, наверно, потом был рад. В апреле 1934 г. его произвели в полковники и назначили военным атташе. Доклады, написанные с помощью бескорыстного и обаятельного друга Рихарда, сделали своё дело.

Здесь необходимо затронуть важный и деликатный вопрос. Исходя из того несомненного факта, что германская разведка использовала информацию Зорге из Токио, некоторые авторы называют его «двойным агентом». Пошло это, видимо, от «мемуаров» Шелленберга, где прямо утверждалось: Шелленберг и его шеф Гейдрих знали о коммунистическом прошлом Зорге и его связях с Москвой, но продолжали использовать как ценный источник информации (6). Если первая часть этого утверждения представляется совершенно неправдоподобной, то сомневаться во второй

нет никаких оснований. Не только из «мемуаров» видно, что именно Зорге поставлял в Берлин наиболее качественную информацию и лучшие прогнозы. В том, что касалось Японии, он был самым знающим и самым способным германским аналитиком в Токио. Уверен, что негативная реакция посольства на его арест была вызвана не только подрывом престижа Рейха, но и потерей такого источника информации. Возможной причиной ареста немцы считали критику японской политики в статьях Зорге и решительно отказывались верить в то, что он «агент Коминтерна».

Американский посол в Японии Джозеф Грю 29 октября 1941 г. записал в дневнике: «Немцы не испытывают большого энтузиазма относительно нового кабинета (во главе с Тодзио – *В.М.*). Не оправдались их надежды на решительно интервенционистское правительство, на которое они рассчитывали после отставки Коноэ. Их чувства особенно охладил арест двух немцев непосредственно вслед за вступлением нового кабинета в должность» (7). Грю не просто отметил этот факт, но, готовя дневник к изданию (в публикацию вошло чуть больше десяти процентов записей оригинала), счёл факт достойным внимания, хотя не прокомментировал его. Сделать это легче легкого: речь идёт о Зорге и Клаузене, арестованных военной полицией *кэмпэнтай* вслед за отставкой Коноэ. Поскольку почти одновременно был арестован Озаки, принц решил, что военные «подкапываются» под него. Дипломат-атлантист Сигэмицу Мамору даже в послевоенных воспоминаниях не упустил случая напомнить, что в окружении его недруга Коноэ было «полно шпионов и изменников».

«Не было ни одного случая, когда Зорге пытался бы ввести в заблуждение германскую секретную службу», — говорится в «мемуарах» Шелленберга. Здесь тоже сомневаться не приходится: в случае посылки дезинформации он был бы разоблачен и «ликвидирован». Это подтвердил старейшина советской разведки Борис Гудзь, работавший в контакте с «Рамзаем» из «Центра» в 1936–1937 гг. (8). Разумеется, Зорге ждала бы точно такая же участь, если бы он не поставил Москву в известность об истинном характере своих связей с немцами и, тем более если бы он сообщал в ГРУ дезинформацию, выгодную Германии. Поэтому пятнадцать лет назад я назвал Зорге «полуторным агентом»: Мо-

сква знала, что он работает ещё и на Берлин, но Берлин не знал, что он работает на Москву. Теперь эта формула кочует по страницам отечественных изданий – без ссылки на автора.

Анализируя деятельность Зорге во всём её многообразии – как журналиста, геополитика и разведчика, – мы неизбежно задаёмся вопросом о её конечных целях. И советско-восточногерманская, и англо-американская историография сводили их к собственно разведывательной работе в пользу СССР, считая, что Германии и Японии он наносил ущерб. За это Зорге не любили японские «ультраправые» и оправдывали «левые», придерживавшиеся про-советских симпатий. Не могу согласиться! Японию и японцев он по-своему любил или по крайней мере глубоко уважал. Иначе в начале января 1937 г. едва ли написал бы такие строки: «В качестве сильнейших резервов энергии Япония располагает гордой и славной историей, огромной сокровищницей национального чувства и изумительным самопожертвованием. В душевной силе Японии, в национальной связи между императорской династией и нацией коренится одновременно надежда, что путь Японии и в будущем будет идти вверх».

Главной целью Зорге было недопущение войны между СССР и Германией, с одной стороны, и СССР и Японией, с другой. В возможность сотрудничества и тем более союза трёх стран он не очень верил, хотя, возможно, считал бы такой вариант идеальным. Именно в этом направлении шла его работа – уже не столько разведчика, но аналитика и агента влияния, игрока в Большой политике. В «тюремных записках» Зорге подробно рассказал об этой стороне своей деятельности, впрочем, не называя фамилий.

«Взгляды, излагаемые мною своим немецким приятелям, в основном сводились к следующему: Бисмарк говорил, что для реализации фундаментальной немецкой политики противостояния британско-французскому блоку необходимо проводить политику мира по отношению к России, и решительно выступал против действий, хоть в малейшей степени таящих в себе опасность войны с Россией. Справедливость этой мысли Бисмарка наиболее красноречиво подтверждена первой мировой войной (Бисмарк, действительно, несравненный дипломат, до сих пор почитаемый всеми немцами). Советский Союз, в отличие от царской России, ни по

своему государственному устройству, ни в силу исторического развития не является агрессивным государством. И даже если бы в ближайшем будущем у СССР возникла такая идея, у него нет для этого возможностей. СССР заинтересован только в собственной обороне. Однако, было бы величайшей глупостью считать, что Советский Союз сразу же распадется и в политическом, и в военном отношении, если он подвергнется нападению со стороны Германии или Японии. Доказательством тому, что СССР не намерен вступать в войну против Германии, является выполнение им договоренности о поставках в Германию материалов, крайне необходимых для его собственной военной экономики, включая материалы, доставляемые с Дальнего Востока по Транссибирской железной дороге. Я, ничуть не беспокоясь, выражал свою точку зрения знакомым нацистам. Мои смелые выражения были общеизвестны, не было ни одного человека, который опроверг бы это моё мнение».

Японцам Зорге, по его словам, внушал следующее:

«Для Японии совершенно нет причин опасаться нападения со стороны Советского Союза. Советские военные приготовления, даже в Сибири, носят чисто оборонный характер. Утверждение, что СССР является первым противником Японии, представляет собой иностранный пропагандистский вымысел, лишенный исторической основы. Великие державы получают выгоду от многолетней враждебности между Японией и СССР. Японская армия, ухватившись за высказывания иностранных пропагандистов, требует всё возрастающих с каждым годом бюджетных ассигнований для противодействия этому ужасному монстру – СССР. Однако действительные цели Японии находятся не на севере, а в Китае и на юге. И хотя советские военные приготовления носят чисто оборонительный характер, их ни в коем случае нельзя недооценивать, как показал Халхингольский инцидент. Я иногда указывал, – добавлял Зорге, – на провал сибирской экспедиции 1918–1921 гг., которая не только не подняла авторитета Японии, а, наоборот, только принесла ей ущерб».

Не знаю, насколько ему верили и те, и другие, но слушали очень внимательно. Блестящий аналитик, знаток Японии и Китая, друг посла и корреспондент Хаусхофера – к тому же стопроцент-

ный ариец и нацист, знавший «Майн кампф» чуть ли не наизусть, – как не прислушаться к такому человеку! Особенно, если его информация подтверждается, а прогнозы сбываются. Сам он приводил следователям следующие примеры:

«(1) Я сначала предсказывал, что японо-китайский конфликт страшно затянется и ослабит Японию до такой степени, что ей уже не удастся восстановиться; (2) во время событий на Халхин-Голе я твёрдо был убеждён в том, что Япония не имеет намерений развязать войну с СССР; (3) а летом 1941 г. выдвинул версию о том, что общая мобилизация в Японии не направлена в первую очередь против СССР».

Зорге обращался не в пустоту. В правящих элитах Берлина и Токио были те, кто стремился к войне с Советским Союзом, и те, кто выступал против неё, стремясь к созданию мощного континентального блока. В Германии сторонниками союзнических отношений с Россией были бывший главнокомандующий рейхсвера генерал Ханс фон Сект, которого Зорге встречал в Шанхае (одно время Сект был главным военным советником Чан Кайши), часть генералитета и деловых кругов, Хаусхофер и его школа, наконец, Риббентроп. Связь Зорге с этими кругами очевидна, хотя его влияние было ограниченным – через Хаусхофера и через донесения Отта, которому доверял Риббентроп. В связи с этим стоит обратить внимание на два примечательных документа.

17 марта 1938 г. генерал-полковник Вильгельм Кейтель, доверенное лицо и «око» Гитлера в армейском командовании, писал Риббентропу, только что назначенному министром иностранных дел: «По случаю доклада у фюрера я заговорил с ним о личности нынешнего военного атташе в Токио, генерал-майора Отта, тем более что верховное командование сухопутных сил уже неоднократно ставило передо мной вопрос об использовании генерал-майора Отта на более высокой командной должности в войсках в фатерлянде. В связи с тем, что генерал-майор Отт, будучи ближайшим сотрудником генерала фон Шлейхера, пользовался неограниченным доверием последнего, он не по своей вине попал в политически двусмысленное положение. В ходе моего доклада фюрер затронул вопрос возможного использования генерал-майора Отта, учитывая его успехи, на самостоятельной дипломатической

должности и просил меня обратиться в соответствующие внешнеполитические инстанции на предмет обсуждения этого вопроса с ним лично. Если Вы как министр иностранных дел склонны поддержать эту инициативу фюрера об использовании генерал-майора Отта на дипломатической службе, то следовало бы вызвать сюда генерал-майора Отта, с тем чтобы фюрер, согласно его желанию, мог лично с ним побеседовать» (9).

Риббентроп не замедлил согласиться. Полагаю, в этом карьерном взлете, кроме личных достоинств кандидата, сыграли роль и аппаратные мотивы. Во-первых, Гитлер не доверял ни дипломатам, ни «пруссакам» из вермахта, а потому предпочел видеть бывшего помощника Шлейхера в чуждой ему среде. Во-вторых, Риббентроп начал постепенно чистить центральный аппарат МИД и миссий за рубежом от дипломатов «старой школы» как потенциальных оппозиционеров. Наконец, могли быть приняты во внимание советы Хаусхофера, следившего за деятельностью Отта и Зорге на японском направлении, а к «отцу геополитики» прислушивались и фюрер, и его министр. Через шестнадцать дней Отт был уже в Берлине, представляясь Гитлеру по случаю нового назначения. Одновременно он был принят в НСДАП, причём партийный значок ему приколот лично фюрер. Предшественник Отта на посту посла в Токио Герберт фон Дирксен покинул Японию из-за тяжелой болезни, так что никто его не «подсиживал». Тем не менее будущие подчиненные Отта в посольстве маскировали под заискивающими улыбками явную зависть и недоброжелательство. Искренне рад был только один человек – Рихард Зорге.

Линию Отт–Риббентроп можно закончить телеграммой министра от 23 ноября 1942 г., которую посол получил с пометой «в собственные руки, расшифровать лично»: «По различным признакам дело Зорге вызвало в японских инстанциях сильный резонанс, последствия которого сказались на отношении этих инстанций к Вашей персоне. После глубокого изучения вопроса фюрер принял решение согласиться с моим предложением относительно изменений в руководстве посольства в Токио и отозвать Вас в ведомство внешних сношений для нового назначения. Вашим преемником избран посол в Нанкине Штамер. Прошу Вас получить для него агреман». Отт оставался в должности целый

год после такого скандального случая, несмотря на нежелание японцев иметь с ним дело, но Риббентропа это, похоже, не беспокоило. Новый посол Генрих Штамер, бывший офицер и участник Первой мировой войны, не был кадровым дипломатом, но с 1935 г. работал в «бюро Риббентропа» и пользовался доверием шефа, несмотря на то, что некогда состоял в масонской ложе. В 1940 г. он дважды посетил Японию: во второй раз – для окончательной подготовки Тройственного пакта. Это был человек, знавший Дальний Восток (после войны он консультировал западногерманский МИД по японским делам), «проверенный» Берлином и известный в Токио.

Вернёмся к телеграмме, которой министр приглашал отставленного от должности посла домой «для нового назначения». Такой же телеграммой в мае 1937 г. был вызван из Анкары Карахан – в Москве его арестовали прямо на вокзале. Отту было чего опасаться. «Ваша безопасность при возвращении в Германию, – писал Риббентроп, – в настоящее время не может быть гарантирована. Поэтому прошу Вас до поры оставаться в Японии в качестве частного лица. Средства, необходимые для содержания приличествующего Вам дома в подходящем для Вас спокойном месте и для поддержания материального уровня, соответствующего занимавшейся Вами до сих пор должности, будут Вам предоставлены. Само собой разумеется, что во время дальнейшего пребывания в Японии Вам следует воздерживаться от какой бы то ни было политической деятельности» (10).

Содержание телеграммы вызывает сильное удивление. В тоталитарном государстве министр спасает посла, которому грозит обвинение в государственной измене: кто поверит, что опытный разведчик на самом деле не раскусил коллегу «с другого берега», проработав бок о бок с ним восемь лет. В Берлине Отта могло ожидать назначение на самый опасный участок Восточного фронта, а то и вовсе знакомство со стрелковым взводом. Риббентроп же не только лично и откровенно предупредил его об опасности служебной телеграммой, но и снабдил деньгами для достойной бывшего посла жизни! Министр спас Отта, который вскоре перебрался в Китай, где благополучно дождался конца войны. Ни до, ни после никто не привлек его ни к какой ответст-

венности. Отт был свидетелем защиты на Токийском процессе, но предпочел встречаться с адвокатами в Нанкине и давать письменные показания, нежели ехать на суд самому.

Почему Риббентроп совершил такой рискованный поступок? Знал ли об этом Гитлер? Почему не принял мер Гиммлер, ограничившийся посылкой гневного письма Риббентропу 27 октября того же года? «Гиммлер негодовал, что МИД доверял человеку, прошлое которого не было достаточно проверено. Ведь Рихард Зорге под своим настоящим именем работал в Коммунистической партии Германии... Позже он попал – и опять под своим собственным именем, как подчёркивал Гиммлер, – в Москву». Рейхсфюрер СС признал, что проверка была впервые проведена только сейчас (это снова опровергает «мемуары» Шелленберга), но заявил: «Если бы о ней было запрошено, была бы проведена раньше и дала бы те же самые результаты» (11). В общем, он тоже оправдывался и перекладывал вину на другое ведомство. Точных ответов на эти вопросы мы не знаем, но можно предположить: евразиец – в терминах геополитики – помог евразийцу. Если же принять гипотезу о том, что не только Риббентроп, но и Гиммлер придерживался евразийской ориентации, то мозаика складывается.

Союзники у них были и в Токио – прежде всего, Коноэ и его окружение, куда входил Одзаки, он же «Отто» и «Инвест». Комментируя назначение Коноэ премьером в июне 1937 г., Зорге писал во «Франкфуртер цайтунг»: «Правительство Коноэ в сегодняшних обстоятельствах является самым подходящим для Японии... У него лучшие, чем у других правительств, перспективы справиться с будущими трудностями. Оно не рассматривается как переходное правительство. Оно представляет самую перспективную в данный момент попытку внутривнутриполитической концентрации сил». Не уверен, что принц читал статью, но мимо его окружения она не прошла. Коноэ ценил Одзаки как специалиста по Китаю и как аналитика, игравшего видную роль в Исследовательской ассоциации Сёва – «мозговом тресте» праворадикальной перестройки конца 1930-х годов, ориентировавшемся на лидерство принца в японской политике. Одзаки не только поставлял «Центру» первоклассную информацию, но и сам имел возможность влиять на настроения и мнения «сильных мира сего». В «тюрем-

ных записках» Зорге так охарактеризовал аргументы, к которым прибегал в политических дискуссиях его друг и союзник:

«СССР не имеет намерений воевать с Японией. Если даже Япония вторгнется в Сибирь, СССР будет только защищаться. Если Япония нападет на Советский Союз, это будет близорукий и ошибочный поступок. Даже если в ходе такой войны Япония захватит Восточную Сибирь или её западную часть, она не будет иметь никаких политических и экономических выгод. Вероятно, США и Великобритания будут приветствовать то, что Япония втянется в водоворот этой войны, и, после того как она исчерпает свои резервы нефти и железа, нападут на неё, выбрав благоприятный момент. Между тем если Германия победит СССР, Сибирь, пожалуй, “упадет в карман” Японии, даже если она и пальцем не пошевелит. Если же Япония намерена продолжать экспансию куда-либо ещё кроме Китая, то южное направление является выгодным для этого. На юге есть стратегические ресурсы, крайне необходимые для японской военной экономики. Поэтому именно на юге находится действительный противник, стремящийся препятствовать развитию Японии.

Одзакки такими аргументами старался смягчить напряжённую обстановку 1941 г. Я не знаю, использовал ли он какие-либо другие способы, кроме этих. Думаю, что он, как и я, при всяком удобном случае противодействовал общей тенденции, заключавшейся в поверхностной оценке мощи СССР и пренебрежительном отношении к нему как к противнику. Несомненно, в своих беседах он указывал на уроки Халхин-Гола и на просчёты Гитлера в войне с СССР».

Часть японских дипломатов и военных, в основном уровня «старших офицеров», считала благожелательный нейтралитет СССР необходимым условием успешного осуществления экспансии в Китае и победы над Чан Кайши, хотя они опасались коммунистической пропаганды и хотели как минимум нейтрализовать её. После «пакта Молотова–Риббентропа», возмущившего не только военный, но политический и дипломатический «генералитет», за скорейшую нормализацию отношений с Москвой, вплоть до заключения пакт о ненападении, встала группа сторонников союза с Германией и противников англо-американского блока, идеоло-

гами которой выступали Сиратори Тосио и Накано Сэйго. Даже бывший посол в Берлине и вдохновитель Антикоминтерновского пакта Осима Хироси, боявшийся России и не любивший её, склонялся к желательности нормализации японско-советских отношений. Все трое не раз встречались с Зорге в германском посольстве, которое исправно посещали с осени 1939 г. Ходили слухи, что посольство финансировало их выступления, но это осталось недоказанным.

Идея «континентального блока», которую они пропагандировали в Токио, разрабатывалась на страницах «*Zeitschrift für Geopolitik*» – когда открыто, когда в завуалированной форме – ещё с середины двадцатых годов. Статьи Зорге в журнале нисколько не противоречили его генеральной линии. Как коммунист – а им он оставался всегда – он мог испытывать сомнения (вопрос открытый) относительно союза Советской России и нацистской Германии в варианте «пакта Молотова–Риббентропа». К перспективе же альянса СССР и Японии он относился скептически, даже после урегулирования конфликта на Халхин-Голе, когда голоса в его пользу стали раздаваться открыто. «В японско-русских отношениях, – писал он 16 сентября 1939 г. во «Франкфуртер цайтунг», – начался, казалось, принципиальный поворот, аналогичный повороту, уже совершенному Германией и Советским Союзом. Казалось, что Японии стало также ясно, что её главным противником в Восточной Азии является Англия, а не Советский Союз. Однако дело пока ограничилось по меньшей мере локальным перемирием... Тенденция признать главным врагом японской политики в Китае Англию и поставить себе задачу “успокоение” отношений с Советским Союзом проявляется теперь всё яснее, в том числе и в армии. Однако этим кругам, начинающим понимать правильность взятого Германией нового внешнеполитического курса, пока ещё приходится проявлять известную сдержанность по отношению к противникам их былой и нынешней внешнеполитической переориентации».

Как бы то ни было, в необходимости не просто предотвращения войны, но достижения благожелательного нейтралитета между тремя главными державами Евразии Зорге не сомневался никогда. Это видно из его публикаций, имевших немалую – и, глав-

ное, влиятельную – аудиторию. 13 ноября 1940 г. он поместил во «Франкфуртер цайтунг» статью «Большой поворот. “Ревизия” японской внешней политики в связи с Тройственным пактом», которую следует привести целиком.

«Правительство Коноэ в течение первых двух месяцев пребывания у власти приняло важное решение, перед которым уже стояли три предшествовавших японских правительства (Хиранума, Абэ и Ёнаи – *В.М.*). После этого решения, которое нашло своё выражение в Тройственном пакте, Япония на сегодняшний день прошла уже значительное расстояние по своему новому внешнеполитическому пути. С падением кабинета Ёнаи-Арита в июле этого года рухнула последняя попытка удовлетворить растущие притязания Японии на “жизненное пространство” под знаменем “традиционной внешней политики Японии”, т. е. в духе взаимопонимания с англо-американскими державами. Считают, что уже конфликт в Китае лишил реальной почвы складывавшуюся на протяжении десятилетий внешнеполитическую традицию Японии, ибо напряженность между Японией и её двумя “традиционными друзьями”, которая прежде проявлялась лишь изредка, вылилась в ходе китайской войны в неразрешимые противоречия. А европейская война и большие политические успехи Германии и Италии сделали из этой внешнеполитической традиции ошибку, которая поставила под угрозу саму реальность японской экспансии.

Однако сила воздействия старой внешнеполитической ориентации, чрезвычайная важность поворота в политике, нацеленного на союз с Германией и Италией, вызвали на короткое время среди японских руководящих кругов определённые колебания и страх перед последним решительным шагом. Некоторые влиятельные слои, особенно те, которые неохотно признавали конец традиционной внешней политики страны, сочли себя обязанными рекомендовать новую ориентацию, которая была призвана дать возможность Японии в гордом одиночестве, не вступая в союз ни с одним из двух больших противоборствующих лагерей, пожать плоды великой борьбы в Европе. Эта концепция опиралась на то, что Германия после заключения пакта о ненападении с Советским Союзом слишком сосредоточилась, дескать, на борьбе в Европе, чтобы у неё вообще остались время и интерес заниматься

Восточной Азией и поддержанием тесных отношений с Японией. Однако эти утверждения в середине сентября были опровергнуты ясными доказательствами немецкой готовности к сотрудничеству. Тем самым прошло и время колебаний для Японии. За какие-то две недели был подписан Тройственный пакт. Курс на новую внешнюю политику был взят при помощи новых методов и при активном содействии руководства японской армии и флота.

Поворот в японской внешней политике следует характеризовать как чрезвычайно радикальный – во-первых, в отношении главного направления или территориально-целевой установки активной внешней политики, затем и в отношении потенциального противника и, наконец, в отношении роли Японии как договорного партнера Германии и Италии. Основное направление японской экспансии с древних времен (с 364 г. н. э.) до сегодняшних дней всегда оставалось неизменным: через Корею как мост в Китай, а точнее в Северный Китай с Маньчжурией и провинцией Шаньдун. Аннексия принадлежавшего некогда Китаю острова Формоза ничего не меняет в принципиальных установках этой прослеживаемой через века основной цели японской внешней политики. Современная японская территориальная политика подчеркнула свою заинтересованность в северных областях Китая ещё путём того, что она уже во время первой китайской войны 1894/95 годов видела единственного потенциального военного противника в России, так как уже тогда Китай рассматривался лишь как цель, а не как противник, которого следует принимать всерьёз. Так возникло почти общепринятое мнение что Россия, дескать, была, есть и будет заклятым врагом Японии. Даже сегодняшняя война в Китае началась с намерением расширить и обезопасить районы развертывания войск фронтом на север путём покорения Северного Китая и Монголии. Только воздействие «китайского пространства» как оружия в борьбе, а затем потрясение англо-французских позиций на Востоке в связи с победами Германии в Европе позволили возникнуть “Великой Восточной Азии” как истинному жизненному пространству Японии с центром тяжести в Среднем и Южном Китае и юго-западной части Тихого океана.

В то время как англо-японский союз 1902 года признавал только господствующие позиции Японии в Корее и её особые интересы в Китае, Тройственный пакт признает за Японией в обязательном порядке это новое жизненное пространство “Великой Восточной Азии”. Тем самым старое предвидение великого Хидэеси, который мечтал о зоне господства Японии от Китая до южных окраин Тихого океана, стало современной целью Японии и договорно признано победоносными великими державами Европы. Это, действительно, радикальный поворот в японской экспансионистской политике, какой она оставалась на протяжении минувших шестнадцати столетий. В кратчайший срок центр тяжести, почти минуя переходную стадию, переместился с северной части азиатского континента на южные районы Тихого океана, включая омывающие Китай моря.

Тем самым одним махом сменились и “потенциальные” военные противники. Интерес к русскому “заклятому врагу” утрачен; на русских даже начинают взирать по-новому, как на возможных дружелюбных соседей. Но тем острее становится теперь столкновение с Англией и Соединёнными Штатами, ибо они были властителями “великоазиатского пространства” и, пожалуй, продолжают ощущать себя в этой роли и сегодня. *Именно эти две державы главным образом на протяжении десятилетий пытались ради сохранения своих тихоокеанских владений подтолкнуть Японию к экспансии на север континента* (т. е. против России; выделено мной — В.М.). Сегодня вполне возможно, что Владивосток, который ещё недавно называли “кинжалом, направленным на Японию”, утратит своё острие. Сингапур же, напротив, уже сегодня является символом англо-американской враждебности по отношению к японской политике большого пространства на Тихом океане.

Однако речь здесь идёт не только о новоявленной политической вражде из-за территорий между Японией и англо-американскими державами. Япония с некоторых пор знает, что острота экономических угроз Англии и Америки в её адрес объясняется тем, что она очень поздно осознала хозяйственное значение тихоокеанских областей, в основном Индокитая и Голландской Индии. Япония сегодня сознает, что традиционная дружба с Англи-

ей и Америкой в значительной мере выполняла роль функции экономического подчинения её англо-американскому хозяйственному блоку. Длившиеся десятилетиями дружеские отношения заставляли японскую экономику идти по пути наименьшего сопротивления. Нефть, железо, хлопок доставались японским концернам от американских и английских друзей с меньшими трудностями и большими прибылями, чем это было бы возможным при экономической и политической борьбе за отчасти ещё не развитые области в южной части Тихого океана.

Сила, с которой Япония открывает новую страницу на своём внешнеполитическом пути, зависит, стало быть, не только от содержащегося в Тройственном пакте условия всеми средствами оказывать поддержку при создании больших жизненных пространств в Восточной Азии и в Европе и отвечать войной новым державам, которые захотели бы вмешаться в европейскую или китайскую войну. Ещё сильнее этих обязательств на японцев действует сознание политической враждебности США и Англии к её «великоазиатской» политике и совершенно особое сознание необходимости посредством заново сформулированной политики как можно скорее освободиться от старой экономической зависимости. Тем самым можно предвидеть применение Японией значительных сил в качестве союзницы Германии и Италии. Так отчетливей стала решительная позиция Японии по отношению к первым мероприятиям Америки и Англии, вызванным новой японской внешней политикой. Ни введение (Соединёнными Штатами против Японии – *В.М.*) эмбарго на железо и сталь, ни открытие бирманской железной дороги (Великобританией для снабжения режима Чан Кайши – *В.М.*), ни тем более мобилизация американского тихоокеанского флота и отзыв американцев из Восточной Азии не смогли поколебать Японию в её движении вперёд по новому внешнеполитическому пути».

Зорге был несомненным патриотом России, в которой появился на свет, и Советского Союза, с которым связывал надежды на лучшее будущее человечества, хотя в эпоху Большого террора, косившего его товарищей по Коминтерну, мог начать сомневаться. В то же время он был патриотом Германии и хорошо относился к Японии. Он видел, что в советско-германском – равно как и в со-

ветско-японском – конфликте более всего заинтересован англо-американский блок, стремившийся к уничтожению или максимальному ослаблению своих противников. Трезво оценивая потенциал сторон в возможном внутривосточном конфликте, Зорге понимал, что он закончится полным уничтожением одной и крайним ослаблением другой, на чьей бы стороне ни оказалась итоговая «победа». Выгоду из такого исхода мог извлечь только «мировой остров».

Убеждённый коммунист, враг нацизма как идеологии и политической системы Зорге, тем не менее не желал ослабления военного и экономического потенциала Германии, необходимого для её будущего развития, которое он хотел видеть в направлении социализма. То есть пораженцем он не был. Не был пораженцем и Одзаки, не без сочувствия относившийся к идеям национально-социализма или государственного капитализма в японском варианте. Он считал подобную перестройку полезной для будущей, сильной и процветающей социалистической Японии, в которую искренне верил.

Памятуя, что в тридцатые годы Зорге придерживался евразийской геополитической ориентации, мы можем более точно и адекватно определить характер его деятельности.

Как информатор-журналист и информатор-разведчик он стремился давать «заказчикам» в Москве и Берлине максимально точную и объективную информацию о положении на Дальнем Востоке, которая помогла бы выработать продуманный и взвешенный курс, исключающий военное столкновение СССР с Германией и Японией, вместе или по отдельности.

Как аналитик он внушал всем сторонам мысль о губительности внутривосточного конфликта. Высоко оценивая военный потенциал японской и германской армий в своих работах – а также советской в разговорах с влиятельными лицами в Японии – он давал понять, что такую страну лучше иметь в числе союзников, нежели противников.

Как человек имевший связи в политическом мире Японии, он всячески проводил идею взаимовыгодного сотрудничества с СССР и Германией. Он был противником «укрепления» Антикоминтерновского пакта 1936 г., направленного против СССР, но одобрил

Тройственный пакт 1940 г., открывавший возможности для сотрудничества с Москвой. Таким образом, Зорге сочетал в себе теоретика и практика геополитики.

Даже после нападения Германии на СССР деятельность Зорге как разведчика была в пользу не только «коммунизма», но и «евразийства». Развязав эту войну, Гитлер предал геополитические интересы Германии и навсегда похоронил евразийскую идею «континентального блока», которую разрабатывал Хаусхофер и пытался реализовать Риббентроп.

Зорге погиб в расцвете сил, немного не дожив до пятидесяти: осенью 1943 г. его приговорили к смерти, а 7 ноября 1944 г. казнили в тюрьме Сугамо. Советский Союз отказался от него, хотя японцы несколько раз предлагали «меняться». И здесь возникает закономерный вопрос о причинах провала его группы.

После войны шеф ЦРУ Аллен Даллес назвал арест Зорге достижением японской полиции. Согласиться с этим трудно: Зорге проработал в Токио восемь лет, много раз рисковал, но так и не раскрылся. Японцы следили за всеми членами группы, пеленговали передатчики Клаузена, но не могли ни засечь его точное местонахождение, ни тем более разгадать использовавшийся им шифр. Отсюда возникла теория о предательстве.

Самой устойчивой оказалась версия «коммунистического следа»: благодаря предательству, полиция вышла на художника Мияги, который, живя в Америке, вступил в Коммунистическую партию США и был завербован советской разведкой, а вернувшись домой, стал работать с Зорге. Этой версии, происходящей от японской полиции, придерживался Уиллоуби, однако сотрудники ГРУ в ходе расследования 1964 г. отвергли её.

Наибольшие споры вызвало имя предполагаемого предателя: Ито Рицу, один из лидеров Коммунистической партии Японии как в довоенные, так и в послевоенные годы, человек трагической судьбы. Во время американской оккупации Москва навязала японским коммунистам сверхрадикальный курс на вооружённую борьбу, в результате чего компартия оказалась фактически вне закона, а её лидерам – Токуда Кюити, Носака и Ито – пришлось бежать в Китай, где между ними развернулась ожесточённая борьба. В 1953 г. умер Токуда. С окончанием оккупации Носака вернулся

домой триумфатором. Ито за ним не последовал, а в 1955 г. был официально объявлен предателем и исключён из партии. Руководство КПЯ заявило, что, согласно проведённому им расследованию, после ареста 27 июня 1940 г. Ито «раскололся» и стал осведомителем полиции, после чего его вскоре выпустили – якобы за недостатком улик – и дали возможность вернуться на работу в исследовательский отдел ЮМЖД. В числе прочих Ито выдал свою знакомую коммунистку Китабаяси Томо, члена «внешнего круга» группы Зорге, которая была связана с Мияги. Она была арестована и, в свою очередь, выдала Мияги¹. От него ниточка протянулась к Одзаки и Зорге. Кстати, Ито и сам был знаком с Одзаки, но исключительно как «младший» со «старшим» – и по возрасту, и по положению.

Ито снова появился в Японии только 3 сентября 1980 г., проведя, как оказалось, двадцать семь лет в заключении в КНР. В 1998 г. 84-летний ветеран Компартии Китая Чжао Аньбо, некогда курировавший «японское направление» политики Пекина, заявил информационному агентству Киодо, что в середине пятидесятых Носака и Хакамада прямо просили китайцев «ликвидировать» Ито как изменника. Неудивительно, что Носака был возмущён и встревожен его возвращением из небытия, опасаясь неприятных вопросов со стороны товарищей по партии, которой он уверенно руководил, несмотря на преклонный возраст. Возвращение Ито возбудило новую волну интереса к нему и славы японским коммунистам, конечно, не прибавило. Оставшиеся годы (он умер в 1989 г.) Ито усиленно оправдывался, пытаясь снять с себя обвинение в предательстве, давал интервью, писал мемуары. Но споры не утихают по сей день.

¹ В 1999 г. на официальном сайте ФСБ А.Д. Витковский обнародовал содержание хранящихся в архиве ФСБ наградных листов сотрудников политической полиции Японии, причастных к «делу Зорге». Согласно этим данным, сотрудник 1-го отделения политической полиции помощник пристава Томофудзи Такэтора 27 июня 1941 г. добился важного признания от Томофудзи Кэн (неясно, родственник или однофамилец), что возвратившаяся из Америки Китабаяси Томо является шпионкой. Следствие по делу получило развитие на базе этого признания (<http://www.fsb.ru/history/autors/vitkovsk.html>). Ито в документах не упоминается.

В одном документе тайной полиции, опубликованном после войны, говорилось, что «показания Ито Рицу следует считать началом арестов по этому делу» (Дело Зорге. С. 169). Однако в итоговом докладе комиссии ГРУ решительно утверждалось следующее:

«Что касается самих показаний Ито Рицу, то это является самой слабой частью всей этой версии, плохо продуманной детали (деталью? – *В.М.*), вскрывающей нехитрую уловку японской контрразведки. Ито Рицу *не имел никакого отношения к агентурной сети “Рамзая”* (выделено в оригинале – *В.М.*)... Было бы непростительной наивностью принимать на веру эту японо-американскую версию без учета цели, которая преследовалась её авторами, без анализа обстоятельств и причин, которые действительно могли создать реальную почву для провала. Необходимо иметь в виду:

– во-первых: что ни одна контрразведка не склонна раскрывать до конца свои подлинные методы и пути борьбы с агентурой противника, а, наоборот, предпочитает создавать ложную картину, скрывающую истинные приемы и методы деятельности;

– во-вторых: что японская полиция является квалифицированным мастером провокаций, особенно искусной в борьбе против коммунистического движения;

– в-третьих: что дело Зорге явилось для полиции чрезвычайно богатным материалом, который мог послужить основой для развертывания широкой антикоминтерновской кампании и компрометации японской компартии (но не послужил! – *В.М.*)... замысел японской полиции в последующие годы был охотно подхвачен американской контрразведкой, широко реализовавшей те задачи, которые имелись в виду авторами версии о “предательстве” Ито Рицу... Если даже условно принять за истину примитивную японо-американскую версию об Ито Рицу, то и в этом случае должны были быть ещё какие-то дополнительные условия, позволившие контрразведке разом вскрыть всю организацию и ликвидировать целиком всю сеть» (Дело Зорге. С. 169–170).

Аргументы весомые. Друзья Ито Рицу создали общество в защиту его памяти во главе с Ватабэ Томя, бывшим коммунистом,

исключённым из партии во время очередной «разборки», которыми так богата история КПЯ. Его книга «Ложное клеймо. Крах версии о предательстве Ито Рицу», вышедшая в 1993 г., является наиболее основательной и убедительной попыткой защитить репутацию этого человека – не только в связи с Зорге. В одной из бесед с автором настоящей работы в 1997 г. Ватабэ так темпераментно и в то же время аргументированно говорил о невиновности Ито, что после тщательного ознакомления с собранными документами я склонен согласиться с ним. Разделяет точку зрения о невиновности Ито в «деле Зорге» и историк Вада Харуки, с которым я не раз обсуждал этот вопрос.

Однако версию о предательстве Ито на протяжении многих десятилетий поддерживал Одзаки Ходзуки, двоюродный брат Ходзуми, опубликовавший несколько книг о «деле Зорге». Разведчик Борис Гудзь в одном из последних интервью заявил, что «на Зорге охранка вышла по коммунистической связи», но назвал иную причину: «В отношении Зорге была допущена очень крупная ошибка... Зорге держал связь с реэмигрантом, коммунистом Мияги. Но как же можно работать с коммунистами. Они ведь везде были под наблюдением... Дело Рамзая было открыто в Японии не военной контрразведкой, а их политической охранкой. Она, работавшая по коммунистам, и вышла через другую коммунистку, тоже ранее жившую в США (Китабаяси Томо – *В.М.*), на Мияги. И ещё один источник Зорге придерживался сугубо левых взглядов. Он обладал важнейшей информацией, получал её от принца Коноэ, который впоследствии добрался до поста премьер-министра. Тоже опасная связь. Такие люди – всегда под наблюдением охранки».

В последних фразах речь идёт об Одзаки, который своих левых взглядов почти не скрывал, но в окружении Коноэ и в системе ЮМЖД таких людей, включая раскаявшихся бывших коммунистов и даже тайных «действующих», было немало. В.В. Малеванный связал «дело Зорге» с «делом разведывательной группы Китайской коммунистической партии», которое японская политическая полиция вела с весны 1942 г. Его центральной фигурой был Наканиси Цутому, знакомый Одзаки по Шанхаю начала трид-

цатых годов. В то время оба были советниками Штаба японских экспедиционных сил, собирая сведения в том числе о Гоминьдане, для чего использовали главного противника Чан Кайши – китайских коммунистов. Информацией Наканиси, переданной через Одзаки, пользовался и Зорге. На своё официальное начальство они работали хорошо, но оказались под подозрением у собственных спецслужб. Почувствовав слежку, Наканиси не вернулся домой, а бежал из Шанхая вглубь Китая (12).

В те годы в Японии и в японских «структурах» за рубежом все следили за всеми. Одзаки был «под колпаком» как минимум с конца 1939 г. За Мияги – как за реэмигрантом из Америки – в рутинном порядке наблюдали с 1939 г. или даже с 1938 г. Слежка была, так сказать, профилактической. В том же рутинном порядке полиция «пасла» Исии Ханакю – как японку, живущую с иностранцем. Об их принадлежности к какой-либо нелегальной организации и тем более о шпионаже в пользу другого государства тайная полиция узнала далеко не сразу. Разумеется, для ареста советника Коноэ и влиятельных представителей дружественной страны требовались очень веские основания. Поэтому полиция решила начать с японских участников группы, решив, что от них будет проще добиться признательных показаний, которые, в свою очередь, дадут необходимый материал для изобличения иностранцев. Кроме того, у военных был, как говорится, зуб на Коноэ, противника их авантюристического курса. Потомка древнего рода Фудзивара, находившегося в родстве с императорским домом, тронуть, конечно, не могли, но по его окружению прошлись основательно. Под подозрением оказались Сайондзи Кинкацу, внук *гэнро* Сайондзи, и депутат парламента Инукай Кэн, сын премьерера, убитого во время мятежа 15 мая 1932 г. Оба были информаторами «группы Зорге» по каналам Одзаки. Сайондзи-старший к тому времени тоже умер, так что арестованных защищали только их имена и связи. Помогло: внук *гэнро* получил три года тюрьмы условно, а Инукай и вовсе остался на свободе.

Обращаясь к причинам провала Зорге, современные японские историки приходят к выводу, что предательство всё-таки было, но имя предателя пока не известно. Советские разведчики, напро-

тив, сделали вывод о неосторожности как причине провала, хотя и признавали, что причин было несколько. Одной из главных было странное и противоречащее всем правилам конспирации – чтобы не сказать преступное – предписание «Центра» в 1939 г. Зорге и Клаузену контактировать с сотрудниками советского посольства – разведчиками Виктором Зайцевым (второй секретарь) и Сергеем Будкевичем (сотрудник консульской службы). С января 1939 г. и до ареста в октябре 1941 г. Зорге четырнадцать раз (!) встречался с Зайцевым, правда, тайно или как бы случайно – например, на соседних местах в театре. Удивительно, что тайная полиция ждала так долго! В тогдашней Японии каждый белый иностранец был под подозрением в шпионаже (достоверно известно, что за всеми членами группы уже следили), а «красный» белый, да простится такой каламбур, – под двойным! Тем более Зайцев, о подлинном характере работы которого японцы, по его собственным словам, знали, открыто приходил к Клаузену в офис или домой. В таких условиях Зорге был обречён. «Жаль, конечно, – писал в октябре 1964 г. генерал-полковнику Х.Д. Мамсурову полковник запаса Зайцев, – что люди, стоящие у руководства ГРУ, отнеслись бесчеловечно к такому работнику, как “Рамзай”, бросив его, когда он попал в беду... Предвзятое отношение руководства ГРУ по отношению к “Рамзаю”, видимо, и привело к тому, что надлежащих мер к его спасению не было принято и такой Человек погиб» (Дело Зорге. С. 174–175).

Почти двадцать лет назад автор настоящей работы осторожно высказал предположение – признаюсь, никак документально не подтвержденное – что Зорге пал жертвой «великой войны» в советских спецслужбах, НКВД против ГРУ. Я думал, что Ито мог быть связан с резидентурой НКВД, часто работавшей с коммунистами, что придавало новый вес версии о его предательстве. Вскоре после выхода статьи мне позвонил один из ветеранов японского направления ГРУ и поинтересовался, откуда я это знаю. Я откровенно сказал, что это всего лишь догадка. Тогда он сообщил мне, что при рассмотрении «дела Зорге» в ГРУ перед его реабилитацией именно эта причина была квалифицирована как главная (но не единственная), после чего о сказанном строго-

настрога велели забыть. Проверить интригующую информацию я не смог. Да вряд ли кто-то сможет: после «канонизации» Зорге архивы могли почистить, как их, по свидетельству П.А. Судоплатова, чистили при Хрущёве. Среди опубликованных документов на это нет ни малейшего намека. Однако во многих местах, в том числе там, где речь идёт о причинах провала, архивом ГРУ сделаны купюры. Есть что скрывать? В 1992 г. была обнародована записка начальника Иностранного отдела НКВД П.М. Фитина в Коминтерн от 14 января 1942 г., где он просит подтвердить «правдоподобность» вполне элементарных сведений о Зорге и его работе (Дело Зорге. С. 134–135). Получается, что в НКВД о нём ничего не знали? Или при бесконечной смене кадров какая-то информация, связанная с прежним начальством, а ныне «врагами народа», затерялась или была скрыта?

Снова загадки. И разгадки многих из них, как заметил В.В. Малеванный, могут лежать в архивах не только КГБ и ГРУ, но спецслужб Тайваня и США. У Зорге были «ходы» к гоминьдановской разведке, в том числе через Вальтера Штеннеса, бывшего командира гитлеровских штурмовиков, поссорившегося с фюрером ещё в 1930 г. После прихода нацистов к власти он бежал из Германии и перебрался в Китай, где стал начальником охраны и советником Чан Кайши. Несколько лет назад были рассекречены и опубликованы в российской прессе документы о том, что Штеннес на протяжении ряда лет давал советской разведке исключительно важную информацию (по некоторым оценкам, не менее, если не более ценную, чем Зорге) и пытался возобновить сотрудничество с ней после Второй мировой войны, но не был услышан. Что касается американцев, то в период оккупации они тщательно расследовали все обстоятельства «дела Зорге», а собранные ими материалы только частично вошли в книги Уиллоуби и Гордона Прэнджа, тоже участника событий. Какие ещё открытия впереди?

О Зорге можно писать бесконечно – и не только о тех загадках, которые он загадал потомкам. Мы рассмотрели лишь некоторые стороны его деятельности, которые остаются наименее правильно понятыми, и факты, о которых бытуют разноречивые

и порой неосновательные мнения. Всех разгадок мы не знаем. Но автор настоящей работы уверен, что Зорге не был «двойным агентом» и погиб в результате сознательного предательства со стороны хорошо осведомлённого человека.

Рихард Зорге был воином Евразии, которой служил как учёный-геополитик, как практик-политик и как разведчик. Необходимо собрать и переиздать его политическое наследие, прежде всего, работы о Японии, которые можно поставить рядом с трудами Хаусхофера, и написать его полную биографию, учитывая имеющиеся наработки и свободную от идеологических клише.

Глава восемнадцатая

ИОСИФ СТАЛИН, МАЦУОКА ЁСУКЭ И «ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ БЛИЦКРИГ»

Принц Коноэ Фумимаро, трижды формировавший правительство (в 1937, 1940 и 1941 гг.), и министр иностранных дел его второго кабинета Мацуока Ёсукэ – едва ли не единственные политические деятели довоенной Японии, имена которых были известны широкому читателю в нашей стране ещё в советское время. Почему? Потому что оба оказались связаны с культовыми фигурами и событиями истории российской: Коноэ с «делом Зорге», Мацуока – с советско-японским пактом о нейтралитете, подписание которого 13 апреля 1941 г. и особенно последовавший за этим сенсационный приезд Сталина и Молотова на Ярославский вокзал, чтобы проводить гостя, произвели неизгладимое впечатление на весь мир.

Коноэ и Мацуока часто сравнивают. И не только потому что в качестве высших руководителей японской политики в 1940–1941 гг. они были причастны ко всем важнейшим событиям этого критического периода. Слишком благодатным материалом для историка и для психолога является их «тандем». Коноэ отличался высоким ростом, аристократическими чертами лица, хрупким здоровьем и повышенной возбудимостью. Он часто впадал в хандру и ссылался на нездоровье, когда надо было принимать непопулярные и неприятные решения, за что получил прозвище «меланхолический принц». Невысокий, коротко стриженный и постоянно жестикулировавший Мацуока был известен как «господин сто тысяч слов». Британский посол в Токио Роберт Крейги сказал о нём: «Я никогда не встречал человека, который говорит так много чтобы сказать так мало» (1). Однако не менее прав его биограф:

«Когда Мацуока говорил, мир слушал» (2). Дж. Толанд удачно определил одно из главных различий в характере этих людей: «Коноэ слушал практически всех, Мацуока практически никого» (3). Пассионарный министр во многом подчинил своему влиянию меланхоличного премьера. Хорошо, что это был не единственный человек, имевший влияние на принца.

Коноэ не хотел и не мог быть диктатором. Немало говорилось о «слабых нервах» и «нерешительном характере» принца, но ему не откажешь ни в личном мужестве (готовность встретиться с Рузвельтом летом и даже осенью 1941 г., за что «горячие головы» грозили ему смертью), ни в способности принимать решения и нести за них ответственность, хотя черновой работы он не любил и избегал. Принца окружали люди, связанные с ним личной дружбой и общностью взглядов, «доводившие до ума» глобальные проекты и морально поддерживавшие его в критические минуты. Мацуока к ним не относился. Он всю жизнь хотел быть лидером, даже диктатором, восхищаясь и Гитлером, и Сталиным, и Рузвельтом, но не стремясь подражать им. В противоположность Коноэ, он был типичным парвеню по происхождению, юность провел в Америке, где окончил Орегонский университет, самостоятельно зарабатывая деньги на оплату обучения, а затем поступил на службу в МИД Японии, не имея полученного на родине высшего образования (уникальный случай!). Мацуока гордился своей «искренностью» и раскованностью, но мало кто из японских политиков и дипломатов находился под таким сильным влиянием собственных минутных настроений, капризов и привычек, как он. Определяющей чертой его характера было стремление к личным триумфам, о последствиях которых он не всегда задумывался. «Мацуока был гений, динамичный и сумасбродный, – писал его помощник Касэ Тосикадзу. – Его мысль работала быстро, как молния... Но он часто противоречил самому себе. Для него... последовательность была уделом посредственностей» (4). По этому поводу Толанд заметил: «Для японцев человек, лишённый противоречий, не заслуживает уважения; он всего лишь простак. Чем больше противоречий в человеке, тем он глубже. Чем больше он борется с собой, тем богаче его существование» (5). Однако в политике, да ещё в критические минуты, это вовсе не обязательно является достоинством.

Японский посол в СССР с осени 1938 г. Того Сигэнори, скромный, выдержанный профессионал, равнодушный к внешнему блеску, являл собой противоположность Мацуока. Главную задачу внешней политики он видел в том, чтобы избегать участия в новых вооружённых конфликтах, поскольку «Китайский инцидент», несмотря на успехи Квантунской армии, загнавшей Чан Кайши в далёкий Чунцин, оставался «большим местом» Японии. В Москве нового посла ждал старый нарком – неуклонно терявший власть, но по-прежнему жёсткий, неуступчивый и многословный Литвинов. Того начал с возобновления переговоров о продлении старой рыболовной конвенции, поскольку заключение новой в конце 1936 г. сорвал Антикоминтерновский пакт. «Ни на одних из моих дипломатических переговоров мне не приходилось так много спорить, как в тот раз, – вспоминал посол. – Каждая беседа с Литвиновым продолжалась четыре-пять часов, и часто я сильно уставал от его пустословия. Однако как сообщила мне жена, Литвинов сказал ей, что его удивляет моя разговорчивость» (6).

Замена Литвинова Молотовым встревожила весь дипломатический корпус. «По всем признакам стало очевидным, что завершение переговоров столкнется с огромными трудностями... Молотов лично уделял так много внимания переговорам даже о мало-мальски важных вопросах (совсем уж неважными занимался заместитель наркома Лозовский – *В.М.*), что мне становилось неловко беспокоить столь занятого человека тривиальными делами. В то же время меня поражала его прекрасная осведомлённость о них. Более того, в отличие от условий, существовавших при Литвинове, необходимости в затяжных спорах не возникало, и переговоры проходили довольно гладко». Того несколько «лакирует» картину, ибо «переговорщиком» Молотов был жёстким, но, по сравнению со своим предшественником, обладал если не большей свободой в принятии решений, то по крайней мере возможностью в случае необходимости немедленно связаться со Сталиным и получать его ответ.

Заслуживает внимания замечание Того, контрастирующее с общепринятым мнением: «В отличие от Литвинова, Молотов, напротив, с готовностью шёл на уступки, когда моё мнение пред-

ставлялось ему правильным, что облегчало переговоры». Думаю, дело обстояло так: Молотов чувствовал за собой право идти на частные уступки, которого несамостоятельный в партийно-политической иерархии Литвинов был лишен, и шёл на них ради достижения крупных целей. Ход его трудных и даже мелочных переговоров с Того о продлении рыболовной конвенции или уточнении границы между МНР и Маньчжоу-го – постоянного источника напряжённости – наглядно свидетельствует об этом.

Визиты в Кремль в 1939 г. прибавили послу седых волос, особенно во время конфликта на реке Халхин-Гол, к ликвидации которого он искренне прилагал усилия, но не имел никакой возможности влиять на действия военных. Зато он получил отличный новогодний подарок. «Переговоры о заключении рыболовного соглашения, которые велись во второй половине 1939 года, в последний момент, наконец, увенчались успехом, и его подписание состоялось на заре 1 января. После подписания, в знак завершения переговоров, длившихся всю ночь в стенах Кремля, по приказу Молотова были поданы кое-какие hors d'oeuvres¹ и напитки, и он поднял тост за улучшение советско-японских отношений, в котором также выразил благодарность за мои усилия. В ответ поднял бокал и я, сказав о знаменательности того факта, что первый день 1940 года, который станет памятным для всего мира, я встречаю в Кремле».

В наступившем 1940 г. Того часто общался с Молотовым и Лозовским. Первая половина года ушла на решение рутинных вопросов вроде претензий судостроительной фирмы «Мацуо Докиярд» к советскому торгпредству (дело дошло до суда). Стороны уверяли, что идут на максимальные уступки, и требовали ответных уступок. В отношении пограничных вопросов посол был связан позицией армии, готовой видеть национальную измену в «уступке» каждого квадратного метра даже после поражения на Халхин-Голе. Наконец, торг, похоже, надоел обеим сторонам. 9 июня Молотов и Того подписали соглашение об уточнении границы между МНР и Маньчжоу-го, дипломатично оговорив в преамбуле, что правительства самих граничащих стран с ним согласны.

¹ Закуски (франц.)

Однако в тот же день нарком встретился с гоминьдановским послом Шао Лицзы, который, согласно сухой советской записи, «особенно благодарил тов. Молотова за ту помощь, которую СССР оказывает Китаю в борьбе с Японией».

Именно в таком контексте надо рассматривать важное место из доклада Молотова на шестой сессии Верховного Совета СССР 29 марта, посвящённого в основном «зимней войне» с Финляндией: «В наших отношениях с Японией мы не без известных трудностей, но всё же разрешили некоторые вопросы (рыболовное соглашение, выплата последнего взноса за КВЖД и т. д. – *В.М.*)... В Японии должны, наконец, понять, что Советский Союз ни в каком случае не допустит нарушения его интересов. (Продолжительные аплодисменты). Только при таком понимании советско-японских отношений они могут развиваться удовлетворительно.

В связи с Японией скажу два слова по одному, так сказать, не деловому вопросу. (Веселое оживление в зале). На днях один из депутатов японского парламента задал своему правительству такой вопрос: “Не следует ли обдумать, как коренным образом покончить с конфликтами между СССР и Японией, например, посредством покупки Приморья и других территорий?”¹. (Взрыв смеха). Задавший этот вопрос японский депутат, интересующийся покупкой советских территорий, которые не продаются (смех), по меньшей мере весёлый человек. (Смех, аплодисменты). Но своими глупыми вопросами он, по-моему, не поднимает авторитета своего парламента. (Смех). Однако, если в японском парламенте так сильно увлекаются торговлей, не заняться ли депутатам этого парламента продажей Южного Сахалина. (Смех, продолжительные аплодисменты). Я не сомневаюсь, что в СССР нашлись бы покупатели. (Смех, аплодисменты)». Несмотря на шутки-прибаутки, Молотов чётко и серьёзно ответил на важный вопрос. И сделал это вполне в «парламентских» выражениях, потому что, например, англо-французскую оценку мирного договора с Финляндией он в том же докладе попросту охарактеризовал как «дикость и пустую брехню».

¹ Напомню, что эта идея неофициально, но активно муссировалась в японских политических кругах и средствах массовой информации с конца 1920-х годов.

Беседа наркома с послом 2 июля 1940 г. принципиально отличалась от всех предыдущих. После общих фраз Того с места в карьер предложил... заключить пакт о нейтралитете. Через семь с половиной лет после окончательного отказа Токио вести переговоры по данному вопросу японский посол вручил главе советского внешнеполитического ведомства набросок пакта, оговорившись, что «дух проекта согласован с Японским правительством, а текст составлен им самим».

Никакой самодеятельности здесь не было. Согласование проекта шло на протяжении многих месяцев при участии армии и флота. Процесс начался осенью 1939 г. по инициативе нескольких дипломатов в ранге начальников секций, после того как в официальном заявлении от 13 сентября кабинета Абэ Нобуюки, сменившего Хиранума, нормализация отношений с СССР была названа в числе главных задач внешней политики Японии. Уже 7 сентября премьер говорил об этом временному поверенному в делах Н.И. Генералову, а два дня спустя Того подтвердил сказанное Молотову. Однако новый министр иностранных дел Номура Китисабуро и его заместитель Тани Масаюки скептически оценивали перспективы сотрудничества с СССР. Руководство МИД полагало, что Москва сама предложит заключить пакт о ненападении и потому готовилось выдвинуть встречные условия, вплоть до демилитаризации границы с Маньчжоу-го, что свидетельствовало о явном непонимании ситуации.

Кабинет отставного генерала Абэ, изначально воспринимавшийся как «переходный», продержался у власти четыре с половиной месяца. В середине января 1940 г. во главе правительства его сменил адмирал Ёнаи Мицумаса (бывший морской министр), сделавший министром иностранных дел Арита Хатино, своего коллегу по нескольким прежним кабинетам. Новый глава МИД и сохранивший свой пост Тани продолжали политику балансирования между враждующими блоками и уклонения от политических соглашений с конкретными взаимными обязательствами, что усилило недовольство «активистов» во внешнеполитическом ведомстве и в военных кругах. 28 апреля Арита сообщил Того – в ответ на его вопрос – о предстоящей нормализации отношений в форме пакта о нейтралитете, но конкретных сроков не назвал.

Первоначальный проект, к которому активно приложили руку военные, был готов 11–12 мая. В телеграмме от 23 июля Мацуока (к тому времени уже ставший министром) напомнил Того, что Арита дал ему указание начать переговоры о заключении пакта в конце мая, однако посол сообщил Молотову его текст только через месяц. Даже детальное изучение японских дипломатических документов не проясняет, почему это было сделано с таким опозданием, как отметил Тобэ Рёити¹.

«Статья 1. 1. Обе договаривающиеся стороны подтверждают, что основой взаимоотношений между обеими странами остается конвенция об основных принципах взаимоотношений между Японией и СССР, подписанная 20 января 1925 года в Пекине. 2. Обе договаривающиеся стороны должны поддерживать мирные и дружественные отношения и уважать взаимную территориальную целостность.

Статья 2. Если одна из договаривающихся сторон, несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или нескольких других держав, то другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья 3. Настоящее соглашение заключается на пять лет» (текст из АВП РФ).

Проект был составлен точно по образцу Советско-германского пакта о нейтралитете 1926 г. (Берлинский договор), как и предлагал Литвинов в 1931 г.

Поясняя то, что осталось «за кадром», Того сказал: «Если между Японией и СССР будет заключено соглашение о нейтралитете, то японское правительство не только надеется, но и твёрдо убеждено, что заключение такого соглашения окажет благоприятное влияние на рыболовный и концессионный вопросы и концессионные предприятия смогут нормально вести свою деятельность. Это является пожеланием японской стороны, и он (Того – В.М.) хочет, чтобы советская сторона имела в виду обеспечение нормальной работы предприятий». Что же касается Китая, продолжил Того, то он считает, что наркому хорошо известно, что

¹ В беседе с автором настоящей работы в ноябре 2011 г.

в течение трёх лет Япония ведет в Китае военные действия большого масштаба, поэтому японская сторона желает, чтобы советская сторона имела в виду те обстоятельства, которые вытекают из военных действий.

Дальнейший разговор заслуживает особого внимания, потому что нарком и посол впервые говорили так откровенно и осветили все принципиально важные вопросы двусторонних отношений.

«На просьбу тов. Молотова более подробно разъяснить последнюю мысль, высказанную Того, последний заявляет следующее. Если говорить более откровенно о Китае, то в настоящее время Япония предложила Франции запретить провоз оружия через Индо-Китай для чунцинского правительства... С другой стороны, Япония предлагает английскому правительству не допускать провоза оружия через Бирму, а также не оказывать никакой другой помощи чунцинскому правительству... Именно такие же отношения Япония желает иметь и с СССР. Если Япония и СССР войдут в такие дружественные отношения и между ними будет заключено соглашение о нейтралитете, то Япония хочет, чтобы советская сторона по своей воле отказалась от предоставления помощи чунцинскому правительству. Япония желает достичь такого понимания. И такое пожелание японской стороны исходит из общего положения, существующего в Китае. Поэтому он думает, что это положение не является слишком далеко идущим.

Тов. Молотов говорит, что по вопросу о заключении соглашения о нейтралитете он пока может высказать только своё личное предварительное мнение и сможет дать ответ на японские предложения после того, как этот вопрос будет обсужден Советским правительством. Основная мысль, высказанная Того, по мнению тов. Молотова, будет встречена Советским правительством положительно... Касаясь вопроса о Китае, тов. Молотов говорит, что... сейчас этот вопрос для СССР не является актуальным, поскольку в данный момент все разговоры о помощи Китаю не имеют под собой почву (ох, лукавил Вячеслав Михайлович – *В.М.*). Если бы СССР помогал Китаю, то Китай не находился бы в таком положении, в каком он находится сейчас. У СССР имеются свои нужды, и сейчас он занят обеспечением своих нужд по оброне страны.

Тов. Молотов считает правильным откровенное высказывание Того о желании японской стороны договориться по конкретным вопросам и указывает, что по коренным и другим вопросам обе стороны могут договориться, если они будут считаться с интересами друг друга. Если такое разрешение вопроса является желательным для СССР, то оно является также желательным для Японии, тем более что для Японии на юге Азии и на прилегающих к ней островах, в связи с теперешним положением Голландии, Франции и Англии, как с экономической, так и с военной точек зрения, возник ряд интересных вопросов. Вот почему, учитывая эту обстановку, обе страны, играющие большую роль в международной политической жизни, должны правильно учесть права и интересы друг друга и найти почву, чтобы сделать их отношения прочными и стабильными, в результате чего стабильность интересов была бы обеспечена должным образом».

Молотов прозрачно намекнул, куда Японии надлежит направить свою экспансию и что Советский Союз против такого хода событий возражать не будет. За что и рассчитывает на удовлетворение своих требований по гораздо более актуальным для него вопросам, касающимся рыболовства и концессий. В идеале Москва хотела полностью ликвидировать японские концессии на северном Сахалине и удалить японские рыболовные суда из своих территориальных вод, предпочитая монополизировать торговлю нефтью, углем и рыбой.

«Далее тов. Молотов указывает, что заключение соглашения о нейтралитете должно будет ликвидировать разные отрицательные моменты во взаимоотношениях обеих стран. Тов. Молотов полагает, что, во-первых, прекратятся враждебные выступления официальных и военных лиц, как это имело место раньше, а во-вторых, белоэмигранты не будут находиться в таком привилегированном положении, как это имело место раньше, когда они пользовались поддержкой японских и маньчжурских властей. Ликвидация этих моментов уничтожит почву для политических осложнений. Эти моменты должны найти своё отражение в соглашении...»

Что же касается международной обстановки, продолжает тов. Молотов, то Того здесь прав. Обстановка меняется не только

в Европе, Африке и Азии, но он может добавить, что эти изменения касаются также и Америки. Это показывает и подчёркивает обстоятельство, что поскольку оба правительства заинтересованы в том, чтобы эти изменения в обстановке происходили не при пассивном отношении с обеих сторон, постольку и СССР, и Япония заинтересованы в том, чтобы ни Япония, ни СССР не были обижены в результате этих изменений. Чем лучше мы поймем друг друга на случай этих изменений, тем это будет более правильным для обеих сторон. Тов. Молотов добавляет, что до осени 1939 г. отношения между СССР и Германией были неважными, однако когда мы откровенно поговорили друг с другом и установили, что это невыгодно и не отвечает интересам обеих сторон, то СССР и Германия нашли возможным договориться и улучшить те моменты, в которых они были заинтересованы. Поэтому, подчёркивает тов. Молотов, при желании обеих сторон отношения между ними могут стать благоприятными, если при этом не будет ущерба взаимным интересам и правам. Проявленная сегодня инициатива японской стороны будет правильно понята и учтена, и пожелания Того найдут соответствующий отклик. В заключение тов. Молотов указывает, что если отношения между СССР и Японией будут стабилизированы, то и Америка будет более серьёзно считаться как с интересами СССР, так и с интересами Японии... Тов. Молотов заявляет, что задержки с ответом Советского правительства не будет. Нужно заботиться только о хорошем соглашении и взаимном согласовании интересов, что особенно важно в данной обстановке».

Это был самый положительный и самый конкретный ответ, который мог дать Молотов до разговора со Сталиным. Последующие переговоры о пакте знали «приливы и отливы», но день 2 июля 1940 г. следует запомнить.

За этим последовала пауза. Советское руководство было занято экспансией в Прибалтике, а в Японии сменился кабинет. Вопреки усилиям группы политиков и дипломатов радикально-евразийской направленности, её лидер и идеолог Сиратори не стал министром иностранных дел, из-за того что его взгляды показались истеблишменту слишком крайними. Мацуока, красноречивый оратор и удачливый администратор, выглядел более солид-

ным и осмотрительным, поэтому Коноэ остановил выбор на нём. Новый министр декларировал необходимость улучшения отношений с Москвой, однако его практические действия на первых порах дали обратный результат. Во-первых, вице-министром стал бывший заместитель министра (фактически министр) иностранных дел Маньчжоу-го Охаси Тюити, настроенный антирусски и антисоветски, но лично близкий к Мацуока (Сиратори получил почетную, но лишённую реального значения должность советника МИД). Во-вторых, министр сразу же затеял глобальную кадровую перестановку, включая замену почти всех послов и посланников, что на время дезорганизовало работу ведомства.

Выступая на седьмой сессии Верховного Совета СССР 1 августа, Молотов был сдержан: «Относительно Японии можно сказать, что в последнее время наши отношения начали несколько нормализоваться... Можно признать, что вообще есть известные признаки желаяния японской стороны к улучшению отношений с Советским Союзом. При взаимном признании интересов сторон, поскольку обе стороны поймут необходимость устранения некоторых потерявших значение препятствий на этом пути, такое улучшение советско-японских отношений осуществимо». Это контрастировало с нарисованной им радужной картиной советско-германских отношений и с мрачной картиной советско-американских.

5 августа Того посетил Молотова и, напомнив о сделанном месяц назад предложении, попросил ускорить ответ. 14 августа он был дан:

«Настоящим Советское правительство подтверждает своё положительное отношение к идее заключения предложенного японским правительством соглашения о нейтралитете между СССР и Японией, если при этом будут учтены интересы не только Японии, но также и СССР...

Советское правительство считает необходимым заявить, что интересы СССР и Японии, в том числе интересы соглашения о нейтралитете, прежде всего требуют того, чтобы урегулировать некоторые существенные вопросы советско-японских отношений, наличие которых в неразрешённом состоянии является и будет являться серьёзным препятствием на пути к желательному улучшению взаимоотношений между обеими странами».

Главные возражения вызвали ссылки на Пекинскую конвенцию как на основу двусторонних отношений. Во-первых, она предусматривала оставление в силе Портсмутского договора 1905 г., который Япония нарушила, оккупировав Маньчжурию в 1931–1932 гг. Во-вторых, Москва давно прилагала усилия к ликвидации концессий на северном Сахалине, появившихся благодаря этой конвенции. Советский Союз хотел «отыграть» уступки, на которые ему пришлось пойти пятнадцать лет назад. Статьи 2 и 3 проекта были приняты.

«Советское правительство считало также необходимым отметить то важное обстоятельство, что предлагаемый договор предоставляет Японии максимум выгод, улучшает её позиции на севере для того, чтобы она могла развить активные действия на юге, тогда как для СССР, который как страна не воюющая получает лишь незначительную выгоду, должны возникнуть новые сложные вопросы в его взаимоотношениях с другими державами. Закрывая с Японией договор о нейтралитете, СССР рискует ухудшить в известной степени свои отношения с Китаем и с рядом государств, имеющих серьёзные интересы в бассейне Тихого океана и Южных морей, что, следовательно, может нанести Советскому Союзу существенный ущерб, и не только экономический. Между тем японское правительство, выдвигая предложение о заключении договора о нейтралитете, не проявляет внимания к этому обстоятельству, затрагивающему важные интересы СССР, чья мирная политика всегда учитывает также интересы соседних государств. В виду вышесказанного Советское правительство раньше, чем заключить соглашение с Японией о нейтралитете, хотело бы получить от японского правительства разъяснение о его позиции по вопросу о мерах, могущих свести к минимуму тот ущерб интересам СССР, который может быть нанесен Советскому Союзу заключением договора о нейтралитете между СССР и Японией». Ответ серьёзный, но составители «Документов внешней политики» почему-то проигнорировали этот важный текст даже после его публикации Б.Н. Славинским.

Сталин и Молотов предлагали серьёзно поторговаться, поскольку Японии – в данной ситуации – договор был нужен больше, чем СССР. Буквально в эти дни в Токио окончательно оформился

курс «продвижения на юг», в сторону колоний европейских держав – не только разгромленных Франции и Голландии, но также воюющей Англии и невоюющей Португалии. Применять там военную силу можно было только имея надёжный тыл на севере.

Переговоры начались успешно, но в ходе «большого землетрясения», как окрестили кадровую чистку Мацуока, 29 августа Того был отозван, о чём на следующий день оповестил Молотов. Ответа на советские предложения он ещё не получил, поэтому разговор свелся к обмену любезностями, за которыми, впрочем, крылось нечто большее, чем простая формальность:

«В ответ на вопрос Того, как чувствует себя нарком¹, несмотря на свою большую занятость, тов. Молотов ответил, что хотя он и занят, однако всегда готов заниматься японо-советскими делами.

Того сказал, что, как и раньше, он от всего сердца желает, чтобы отношения между Японией и СССР были хорошими. К этому всегда были направлены его усилия и он имел удовольствие начать переговоры с тов. Молотовым по урегулированию вопросов японо-советских отношений. Однако, добавляет Того, к его великому сожалению, он, возможно, не увидит результатов своей работы в период своего пребывания в Москве.

Тов. Молотов также выразил своё сожаление по этому поводу и заявил, что так как переговоры по этим вопросам только что начались, то очень жаль, что не придется вести переговоры с Того. Мы научились лучше понимать друг друга, чем раньше, добавляет тов. Молотов».

«Сейчас, указывает Того, имеется подходящий случай для разрешения коренных вопросов. Нужно ковать железо, пока горячо. Тов. Молотов бросает реплику: “Правильно. Совершенно правильно”. Далее Того добавляет, что, к сожалению, в его бытность не удастся договориться и в дальнейшем придется ещё раз подогревать железо, чтобы его снова можно было ковать. В заключение Того говорит, что он искренне желает, чтобы СССР и Япония находились не только в нормальных отношениях, но и

¹ Традиционный для японского этикета вопрос при встрече «*О-гэнки дэс ка?*» (дословно: Как ваше здоровье?) играет роль русского «Как дела?».

в хороших отношениях. Поэтому он желает, чтобы между обеими странами было достигнуто не только соглашение о нейтралитете, но и созданы более тесные отношения». Под конец Того попросил о личной встрече со Сталиным, чтобы «засвидетельствовать своё почтение и поговорить о некоторых вещах». Сталин послов не принимал, и встреча не состоялась.

Менять *такого* посла в *такой* ситуации было, мягко выражаясь, недальновидно. Мацуока пошел на это, руководствуясь не национальными интересами, а соображениями личного административного престижа. На смену Того был назначен отставной генерал-лейтенант Татэкава Ёсицугу, имевший некоторый дипломатический опыт: в первой половине тридцатых годов он участвовал в переговорах по разоружению. В антисоветских настроениях генерал замечен не был, но для предназначенной ему роли, тем более в начале столь ответственных переговоров, не подходил¹. Видимо, поэтому в помощь ему был назначен советник-посланник Ниси Харухико, ранее служивший в Москве и неплохо разбиравшийся в русских делах.

5 сентября Молотов и Того обсуждали японский ответ по рыболовному вопросу, но разговор естественно перешёл на более общие темы. «Касаясь Портсмутского договора, тов. Молотов говорит, что в целом такой договор не может быть базой для развития японо-советских отношений, ибо он в своих существенных частях не просто не выполнен, а нарушен. Кроме того, в ряде существенных пунктов он устарел и не соответствует обстановке. Если не считаться с этим и не считаться с изменениями, происшедшими в положении СССР и Японии, то такой подход к делу ничего хорошего не может дать. Если Япония думает строить свои отношения с СССР на базе Портсмутского договора, заключённого после поражения России, то это глубокая ошибка. Нельзя делать Портсмутский мир, заключённый после поражения России

¹ 20 сентября 1939 г. временный поверенный в делах Н.И. Генералов общал из Японии: «Недавно на одном из собраний правых организаций в Токио известные руководители фашистской молодёжи полковник Хасимото Кингоро и генерал Татэкава Ёсицугу потребовали быстрее сближения с СССР вплоть до заключения пакта о ненападении, чтобы окончательно разделиться с Англией».

и напоминающий собой Версальский мир, базой для развития хороших отношений между СССР и Японией... Пора признать, что должна быть найдена такая основа, которая не была бы похожа на основу, существовавшую 25 или 15 лет тому назад, ибо с тех пор много воды утекло и в положении СССР произошли соответствующие изменения. Поэтому СССР ни в коей мере не может считать основой этот договор и он ищет новую, действительную базу для развития более нормальных и более благожелательных отношений, и если Япония хочет этого же, то СССР пойдет навстречу Японии и это будет соответствующим образом отражено в рыболовной Конвенции. Если японским правительством это не будет понято, то, значит, не будет понята необходимость устранения устаревших препятствий, лежащих на пути улучшения японо-советских отношений».

Того поупирался, но без толку. Возражать против ссылок на «изменение обстоятельств» как причину невыполнения договоров или мотивировку их пересмотра японским дипломатам не приходилось – это был их излюбленный аргумент против «версальско-вашингтонской системы».

17 октября Того был у Молотова с прощальным визитом. «Посол заявил, что за время его 2-летнего пребывания в СССР были обсуждены и благополучно разрешены различные вопросы. Затем Того говорит, что он покидает Москву в тот момент, когда между обеими странами наметились основы улучшения отношений и выражает свою горячую благодарность Советскому правительству, и в частности тов. Молотову, за сотрудничество и оказанное ему содействие в работе. Тов. Молотов говорит, что он с удовольствием принимает заявление Того по поводу его совместной работы с наркомом, и добавляет, что Того показал себя не только хорошим и опытным дипломатом, умеющим защищать порученное ему Японским правительством дело, но и человеком, с которым при всех разногласиях можно было добиться понимания в разрешении спорных вопросов. Поэтому, продолжает тов. Молотов, он отмечает заслуги Того в разрешении всех тех вопросов, которые ему приходилось разрешать совместно с Того. Затем тов. Молотов отмечает улучшение японо-советских отношений за время пребывания Того и указывает, что одно это уже подводит

итоги деятельности Того на посту посла, и выражает пожелание, чтобы японо-советские отношения развивались в сторону дальнейшего улучшения и взаимного понимания». Последние слова были адресованы не столько отправленному в отставку послу, сколько его начальству.

Разговор зашёл о Тройственном пакте Японии, Германии и Италии, заключённом тремя неделями ранее. Посол заявил, что он «ничуть не затрагивает политику СССР», т. е., надо полагать, никак ему не угрожает, поскольку вовсе «не затрагивать» интересы самой большой евразийской державы он не мог. Молотов ответил уклончиво: «Поскольку можно судить по теперешним данным, пакт не является препятствием для улучшения и дальнейшего развития отношений (СССР – В.М.) с державами, подписавшими пакт. Вместе с тем тов. Молотов подчеркнул, что пока тот пакт ещё не дал и таких результатов, которые свидетельствовали бы о благоприятном влиянии пакта на развитие отношений участников пакта с другими странами».

«Прощаясь, тов. Молотов пожелал Того благополучно доехать и в самой Японии получить назначение на более высокий пост». Выше был только пост министра, на котором прочно, как казалось в тот момент, закрепился Мацуока. Того позднее дважды становился министром, но оба раза очень «неудачно»: в октябре 1941 г. в кабинете Тодзио, объявившем войну США и Великобритании, и в апреле 1945 г. в кабинете Судзуки, которому пришлось принимать решение о капитуляции Японии. Если бы Того не был назначен главой МИД, то занял бы куда более скромное место в истории. Но зато избежал бы Токийского процесса, тюремной камеры и смерти в американском военном госпитале.

Новый посол Татэкава прибыл в Москву 23 октября, но ещё до приезда сделал заявление, что не будет продолжать начатые Того переговоры, а начнет новые. Молотова это, разумеется, заинтриговало. Во время прощальной беседы с Того он поинтересовался подробностями, но тот был не в курсе: видимо, Мацуока уже не считал нужным его информировать.

22 октября «Нью-Йорк таймс» опубликовала сенсационное сообщение из Токио относительно того, что Татэкава собирается предложить Советскому Союзу: взаимное признание де-юре Мань-

чжоу-го и МНР как сателлитов Японии и СССР, но с открытием в Синьцзине (бывший Чанчунь) и Улан-Баторе соответствующих дипломатических миссий; отвод ОКДВА и Квантунской армии от границы; признание Японией советского приоритета в Синьцзяне, где влияние Москвы с середины тридцатых было неоспоримым. Сюжеты, затронутые в сообщении, действительно, возникли в ходе переговоров, но предложения, которые Татэкава 30 октября сообщил наркомму, были иными. Они предусматривали договор не о нейтралитете, но о ненападении, аналогичный Советско-германскому пакту 1939 г., по следующему проекту:

«Статья 1. Обе договаривающиеся стороны обязуются взаимно уважать их территориальные права и не предпринимать никакого агрессивного действия в отношении другой стороны ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими державами.

Статья 2. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эти третьи державы.

Статья 3. Правительства обеих договаривающихся сторон будут поддерживать в будущем тесный контакт друг с другом для обмена информацией или для консультаций по вопросам, затрагивающим общие интересы обоих правительств.

Статья 4. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья 5. В случае возникновения между договаривающимися сторонами споров и конфликтов по вопросам того или иного рода таковые споры и конфликты будут разрешаться исключительно мирным путём в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путём создания комиссии по урегулированию конфликта.

Статья 6. Настоящий пакт вступает в силу со дня его подписания и сохраняет силу в течение десяти лет. Если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует его за год до истечения указанного срока, настоящий Пакт будет считаться автоматически продленным в своём действии на следующие пять лет» (текст из АВП РФ).

Записи этой беседы наркома с послом не опубликованы, поэтому её содержание известно лишь из телеграммы Молотова полпреду в Токио Константину Сметанину. Предлагался «дипломатический блицкриг»: заключить договор, а прочие вопросы решать потом. Принимая аналогию, нарком решил довести её до логического завершения: «Напомнив послу, что в 1939 г. между СССР и Германией не просто был подписан пакт о ненападении, но одновременно была достигнута договоренность о существенных интересах обеих сторон, я сказал, что в связи с этим хотел бы получить пояснения по вопросам, затронутым в нашем ответе от 14 августа... Татэкава ответил, что японское правительство желает заключить пакт без каких-либо компенсаций».

Мацуока явно недооценил партнеров. Был уверен, как некогда Гитлер и Риббентроп, что Москва с радостью ухватится за его предложение и не потребует ничего взамен? Если так, то он был крайне наивен. Может, решил рискнуть – авось выйдет? Но Москва сразу дала понять, что с её условиями придется считаться. Молотов чётко повторил Татэкава всё то, о чём говорил раньше: в качестве основы двусторонних отношений Пекинская конвенция и тем более Портсмутский мир неприемлемы, а пакт надо готовить параллельно с рассмотрением «практических вопросов, интересующих обе стороны». Цену согласия, которой посол немедленно поинтересовался, Молотов не назвал, сославшись на необходимость изучить полученный проект и на отсутствие ответа на свои августовские предложения.

Нет, Мацуока не был наивен. Зная от Риббентропа, что Молотов осенью собирается в Берлин, он проинформировал рейхсминистра о желании заключить пакт с Москвой по образцу советско-германского и попросил о содействии. Готовясь к визиту, нарком вписал в «Некоторые директивы к берлинской поездке»: «О советско-японских отношениях – держаться вначале в рамках моего ответа Татэкава», имея в виду именно этот разговор. На ноябрьских советско-германских переговорах первым поднял вопрос Риббентроп, напомнив, что «в своё время он в Москве высказал Сталину свой взгляд, как Германия приветствовала бы улучшение советско-японских отношений. Он понял Сталина тогда так, что было бы неплохо, если бы Германия содействовала

в этом отношении. Он это сделал и полагает, что эта работа принесла уже некоторые плоды. Не только во время пребывания в Москве, но в течение последних 7–8 лет¹ он считает, что между СССР и Японией возможно такое же разграничение сфер интересов, как между СССР и Германией. Он считал и считает, что территориальная политика Японии должна быть направлена не на Север, а на Юг. Он сделал всё возможное, чтобы это было так. Он это сделал и по другой причине, исходя из мысли, что рано или поздно Англия будет с Германией воевать, и он рекомендовал японцам вести эту политику и сам её всячески поддерживал» (советская запись).

Гитлер о Японии почти не вспоминал, Молотов не спрашивал. Разговор вернулся к ней только во время последней беседы в бомбоубежище Риббентропа, куда хозяина и гостя загнала британская авиация. «Министр говорит о том, что он всегда проявлял интерес к отношениям между СССР и Японией. Он не знает, может ли он спросить у Молотова о состоянии этих отношений. Со слов Молотова он понял, что имеются признаки, что эти отношения будут улучшаться более быстрыми темпами. Он располагает информацией, что в Японии придают значение заключению пакта о ненападении с СССР. Он не хочет вмешиваться в эти дела, но считает, что может быть полезно переговорить по этим вопросам. Может быть, выявится необходимость посреднического влияния Германии. Он помнит слова Сталина, что азиатов он, Сталин, знает лучше, чем Риббентроп. Но он, Риббентроп, знает, что Япония готова к соглашению с СССР на широкой основе. Если удастся заключить пакт о ненападении, то Япония хотела бы в широком масштабе урегулировать все висящие в воздухе вопросы советско-японских отношений. Японцы его ни о чём (т. е. о посредничестве – *В.М.*) не просили. Но Риббентроп говорит, что им получены сведения, что японское правительство в случае заключения договора о ненападении готово признать интересы СССР во Внешней Монголии (МНР – *В.М.*) и Синьцзяне, если удастся достигнуть соглашения с Китаем. В случае присоединения СССР к пакту трёх, что было бы равносильно договору

¹ Получается, со времени прихода нацистов к власти в 1933 г.

о ненападении с Японией, стало бы возможным установить сферы интересов СССР в Британской Индии. В вопросах сахалинских концессий японцы тоже готовы были бы пойти навстречу, если состоится соглашение. Но японцы должны для этого преодолеть некоторое сопротивление внутри страны» (советская запись). Заключительными фразами Риббентроп дал понять, что информирован о проблемах советско-японских отношений и готов помочь в их разрешении.

Вернувшись из Берлина, Молотов 18 ноября пригласил к себе Татэкава. Поездка вызвала множество слухов, которые без устали опровергал ТАСС. Агентство Юнайтед Пресс передало, что «Япония достигла соглашения с Советским Союзом, определяющего сферы влияния на Дальнем Востоке и предусматривающего прекращение помощи Чунцину со стороны Советского Союза». Газета «Нью-Йорк уорлд телеграмм» утверждала, что Татэкава предложил СССР «всю или часть Британской Индии, если Советский Союз присоединится к коалиции трёх держав», а также попросил «об уступке Восточной Сибири Японии». ТАСС имел все основания заявлять, что «утки» газетчиков (может, разведчиков?) не соответствуют действительности, но дыма без огня не бывает. Легко представить себе, как волновались дипломаты, читая подобные сообщения и опровержения на них. Волновался и Татэкава. Наверно, не мог дождаться, когда сможет увидеться с Молотовым.

Москва не только продолжила деловой разговор, но и назвала цену.

«Сославшись на свои беседы в Берлине, – сообщал Молотов Сметанину, – я сказал, что из бесед с Риббентропом мне стало известно, что Япония действительно готова сделать шаг вперёд в деле улучшения советско-японских отношений и готова пойти на широкое совещание с СССР, и тем самым у меня отпали сомнения, которые я раньше имел насчет действительного желания японского правительства улучшить отношения с СССР. Я сказал Татэкава, что от Риббентропа мне стало известно, что Япония готова признать сферой интересов Советского Союза Внешнюю Монголию (МНР – В.М.) и Синьцзян, а также готова пойти навстречу СССР в вопросе о ликвидации японских концессий на

северном Сахалине. Однако, заявил я, последнее предложение японского правительства о пакте ненападения может вызвать известные затруднения со стороны самой же Японии. Дело в том, что, как известно, заключение пакта о ненападении с Германией в 1939 году привело к тому, что СССР вернул ряд территорий, ранее утерянных нашей страной, а потому общественное мнение нашей страны заключение пакта о ненападении с Японией также, естественно, будет связывать с вопросом о возвращении утерянных территорий. Если поставить вопрос о заключении пакта о ненападении между СССР и Японией, то обязательно встанет и вопрос о возвращении Советскому Союзу таких утерянных ранее территорий, как южный Сахалин, Курильские острова и уже во всяком случае на первый раз как минимум встанет вопрос о продаже некоторой группы северной части Курильских островов».

Надо признать: Сталин и Молотов зарвались, как в случае с военными базами на Босфоре, которые они потребовали у Германии в качестве цены за присоединение к Тройственному пакту. Можно задуматься о «наивности» советских руководителей, полагавших, что Япония расстанется хотя бы с частью своей территории, полученной в ходе победоносной войны. Может, какие-то земли или «интересы» в Китае она бы уступила, но то, что было взято с боем, только с боем можно было получить обратно.

Однако Сталин и Молотов всё-таки придерживались *Realpolitik*. Понимая неприемлемость этого варианта для Японии, они подготовили запасной.

«Если Япония считает целесообразным поднимать эти территориальные вопросы, то тогда можно будет говорить относительно заключения пакта о ненападении, но так как я не уверен, что Япония будет считать это целесообразным, то со своей стороны считаю возможным сейчас¹ не будоражить много вопросов, а заключить вместо пакта о ненападении пакт о нейтралитете и подписать отдельно протокол о ликвидации японских нефтяной и угольной концессий. При этом я указал, что пакт о нейтралитете с одной стороны достаточен для того, чтобы сделать серьёзный

¹ Значило ли это «сейчас», что территориальные проблемы всё равно остаются, но решение их откладывается на будущее?

шаг в деле улучшения японо-советских отношений, а с другой стороны он обеспечивает всё необходимое для развязывания рук Японии для её деятельности на Юге. Я пояснил, что в случае заключения пакта о нейтралитете не потребуется ставить таких вопросов, как вопрос о Внешней Монголии, где и базируются наши войска, и о Синьцзяне, постановку которого мы считаем нецелесообразным, а также вопросы о возврате утерянных нами территорий».

После этого Молотов вручил послу свой проект договора:

«Статья 1. Обе договаривающиеся стороны заявляют, что будут поддерживать мирные и дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность.

Статья 2. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий (обратим внимание: просто “военных действий”, а не “агрессии” или “нападения” – В.М.) со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья 3. Настоящий Пакт о нейтралитете вступает в силу немедленно со дня его подписания и сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 4. Настоящий пакт подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в (пропуск в оригинале – В.М.). Пакт вступает в силу немедленно после его подписания» (текст из АВП РФ).

Протокол о ликвидации концессий, который предлагалось подписать одновременно с пактом, предполагал следующее (в изложении Молотова):

«1) Японская нефтяная и угольная концессии на северном Сахалине ликвидируются, а соответствующие концессионные договоры от 14 декабря 1925 года аннулируются. Имущество концессионных предприятий переходит в собственность СССР.

2) Советское правительство согласно выдать концессионерам за сделанные ими вложения справедливую компенсацию.

3) Советское правительство согласно гарантировать японскому правительству поставку нефти в течение 5 лет около 100 тысяч тонн ежегодно».

Татэкава не имел полномочий принять или отвергнуть проект: «не возражая против предложения о заключении пакта о нейтралитете, (посол – *В.М.*) заявил, что, по его мнению, этот пакт также может улучшить японо-советские отношения». До получения официального ответа из Токио Татэкава «высказал личное мнение о желательности увеличения размера ежегодной поставки нефти до 200 тысяч тонн, что позволило бы ему с большим успехом рекомендовать японскому правительству принять мои (Молотова – *В.М.*) предложения».

Ответ был дан молниеносно: заявив об «исключительной сложности», что в японском языке означает «невозможность», ликвидации концессий, Мацуока 20 ноября телеграфировал Татэкава предложение о продаже северного Сахалина. На следующий день посол был у Молотова, и их продолжительная беседа стала столь же значимой, как и беседа Молотова и Того 2 июля. Только с «обратным знаком».

«Японское правительство считает, – говорится в советской записи, – что проект пакта о нейтралитете заслуживает изучения, а проект протокола о ликвидации концессий является абсолютно неприемлемым. Японское правительство предлагает Советскому Союзу продать Японии северный Сахалин с тем, чтобы положить конец спорам между СССР и Японией».

Территориальный спор России и Японии возник не в результате последней войны, а гораздо раньше. Хозяин спорных территорий не сомневался, что владеет ими по праву. Другая сторона утверждала, что несправедливо лишилась их. Именно об этот подводный камень разбились переговоры осени 1940 г. Посол развернул перед наркомом хорошо отработанную аргументацию.

«Когда т. Молотов говорил о возвращении некоторых утерянных территорий и указывал, в частности, на южный Сахалин и Курильские острова, то уже тогда это вызвало большое удивление посла. Северный Сахалин, продолжает Татэкава, в своё время принадлежал Японии, но ввиду большой занятости Японии внутренним устройством своей страны в эпоху Мэйдзи ей в 1875 г.

пришлось пойти на большую уступку и передать Сахалин России. Позднее Япония по (Портсмутскому – *В.М.*) мирному договору 1905 г. возвратила (себе – *В.М.*) южную часть Сахалина. В 1920 г. в связи с инцидентом в Николаевске на Дальнем Востоке северный Сахалин был оккупирован Японией в качестве гарантии, и в 1925 г. во время заключения Пекинской конвенции, когда советская сторона выразила искреннее сожаление об этом инциденте, японское правительство согласилось эвакуировать северный Сахалин за счёт предоставления советским правительством нефтяной и угольной концессий Японии. Все эти исторические факты, указывает Татэкава, ясно говорят о заинтересованности Японии в Сахалине, и в данном случае право возврата утраченных территорий, скорее, принадлежит Японии. Права Японии на концессии северного Сахалина и на рыболовство являются политическими правами, в корне отличаясь от тех (концессионных – *В.М.*) прав, которые СССР предоставляет другим иностранным государствам».

Японские дипломаты любят ссылаться на «исторические права» своей страны. Советские «исторические» контр-аргументы выглядели не менее убедительно. Но Сталина и Молотова «истории» не интересовали – в ответ они ссылались на интервенцию и её последствия. А решать проблему предстояло именно с ними.

Следующий аргумент посла был более уместен: «Напомним слова т. Молотова, сказанные им в беседе 18 ноября, о том, что после заключения советско-германского пакта о ненападении без возвращения утраченных территорий нельзя заручиться согласием советского народа на заключение пакта о ненападении, Татэкава указывает, что этот возврат утраченных территорий имел место за счёт третьих держав, а не за счёт Германии, и потому это в корне отличается от возвращения тех территорий, которые требуют от Японии, и это наносит ущерб Японии». Молотов парировал, но не слишком убедительно: «Когда Татэкава говорил, что при заключении пакта о ненападении с Германией речь шла о территориях за счёт третьих стран, то это не совсем так, ибо там были и территории, на которые претендовала Германия (претендовала, но не владела ими к моменту заключения договора! – *В.М.*), но о которых обе стороны договорились».

Тогда Татэкава попытался изобразить обиженного: «Международная обстановка развивается в пользу СССР и нет ничего удивительного в том, что СССР хочет этим воспользоваться. Однако он считает, что когда говорится о продаже Курильских островов, то это является слишком большим требованием. Вам, видимо, кажется, продолжает Татэкава, что Япония, ведущая длительную войну с Китаем, истощена и поэтому должна делать уступки. Действительно, Япония до некоторой степени истощила свои силы, но теперь взялась за создание новой структуры¹ и восстановление своих сил вопреки Вашим ожиданиям, и к тому же он полагает, что и Чан Кайши также пойдет навстречу Японии». Последняя фраза прозвучала для Молотова особенно комично: он-то точно знал, что Чан Кайши ни на какие уступки не пойдет, потому что этого не допустят США и Великобритания при явном согласии Москвы.

Татэкава оказался в тупике. Нарком решил «помочь» ему, напомним, что вопрос об «утерянных» территориях сейчас не ставится. «Сейчас актуальным вопросом т. Молотов считает вопрос о ликвидации нефтяной и угольной концессий, считая этот вопрос выгодным для обеих стран, и в результате чего Япония ничего серьёзно не теряет, а советская сторона обязуется поставлять нефть в тех же количествах, в каких Япония добывает сейчас... Далее т. Молотов говорит, что он считает, что международная обстановка складывается одинаково благоприятно как для СССР, так и для Японии, особенно если Япония и СССР найдут общий язык и установят взаимное понимание».

Собеседники расстались в ожидании ответа из Токио, но никаких иллюзий у Молотова не было. 22 ноября он кратко теле-

¹ «Новая политическая структура» – разработанный в окружении Коноэ проект авторитарной перестройки государственных и социальных структур, предусматривавший объединение всех политических партий, общественных организаций и движений, профессиональных союзов и т. д. в Ассоциацию помощи трону (АПТ) во главе с премьер-министром и под контролем правительства. Процесс формирования «новой политической структуры» начался летом 1940 г. с приходом Коноэ к власти и в целом был завершён к весне 1941 г. К концу войны на Тихом океане «новая политическая структура» фактически распалась; АПТ была официально ликвидирована в январе 1945 г.

графировал Сметанину: «Беседа показала, что пока с нашими переговорами ничего не выходит. Мы, во всяком случае, подождём, ускорять события не имеем желания». «На всякий случай» в тот же день заместитель наркома Лозовский сообщил полпреду в Чунцине А.С. Панюшкину: «Думаем послать в помощь китайцам авиацию и артиллерию и также бензин... Договоритесь об этом лично с Чан Кайши в конкретном порядке. Мы не знаем, нужны ли китайцам также ручные и станковые пулемёты. Если нужны, можем послать». На фоне переговоров с Японией, это выглядело не вполне честно, но не будем забывать о таком нюансе: Чан Кайши покупал советское оружие на американские деньги, попадавшие таким образом в Москву. А советско-американские экономические отношения в тот момент находились в «точке замедления».

Относительно предполагаемой реакции Токио Молотов не ошибся. Следующий разговор с Татэкава 13 декабря, посвящённый в основном вопросам рыболовства, прошёл на повышенных тонах. «Г. Молотов подчёркивает, что если Япония думает оставить без изменений на веки вечные Портсмутский договор, на который в Советском Союзе смотрят так же, как в Западной Европе смотрят на Версальский договор, то это является грубой ошибкой... О принятии предложения, сделанного Татэкава, не может быть и речи». В тупик зашли не только переговоры о пакте, но советско-японские отношения в целом. Москва дала понять, что ждёт радикальных решений.

Тогда Мацуока решил действовать. 3 февраля 1941 г. он представил «Основные принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом», предполагавшие заключение четырёхстороннего пакта. На этом основании некоторые объявляют его «отцом» идеи «континентального блока», хотя Сиратори – не говоря уже о Хаусхофере или Риббентропе – открыто пропагандировал её ещё с осени 1939 г. На его приоритет Мацуока не ссылаясь не только в силу чрезмерного честолюбия. Он почти ненавидел Сиратори как своего главного конкурента на пост министра. Нетрудно догадаться, что и Сиратори, который летом 1940 г. уже видел себя главой японской дипломатии, испытывал в отношении более удачливого соперника менее «тёплые» чувства.

В отношении СССР проект содержал следующие позиции:

«1) Продажа Японии северного Сахалина (с помощью давления Германии на Советский Союз), или, если это окажется невозможным, поставка Японии 1,5 млн. тонн советской нефти, даже если потребуется оказать помощь СССР со стороны японского правительства в добыче.

2) Японское признание советских позиций в Синьцзяне и Внешней Монголии (Монгольской Народной Республике) в ответ на советское признание японских позиций в Северном Китае и Внутренней Монголии; отношения между Синьцзяном, Внешней Монголией и СССР будут решаться между СССР и Китаем (подразумевалось прояпонское нанкинское правительство Ван Цзинвэя, т. к. Чан Кайши японцы не признавали с января 1938 г. – *В.М.*).

3) Прекращение советской помощи Чан Кайши.

4) Создание комиссии из представителей Маньчжоу-го, СССР и Внешней Монголии для определения границы и разрешения конфликтов.

5) Заключение рыболовного соглашения на основе предложений Татэкава о конвенции или аннулирование японских рыболовных концессий, если это окажется необходимым для урегулирования дипломатических отношений между СССР и Японией.

6) Предоставление Советским Союзом железнодорожных вагонов и фрахтовых скидок для обеспечения крупномасштабной японско-германской торговли¹» (7).

Ничего принципиально нового здесь не было. На что рассчитывал Мацуока? На давление Германии? На соблазнительность «союза четырёх»? На личное обаяние?

Киноэ поддержал эти инициативы. Убеждённый противник коммунизма, он настороженно относился к двустороннему сближению с СССР, но охотно согласился на «пакт четырёх», предполагая, что это, во-первых, предотвратит вступление США в войну (чего принц боялся и стремился предотвратить), а во-вторых, многосторонний характер комбинации помешает Советскому Союзу «давить» на Японию. «Евразийский блок» будет непобедим за

¹ Напомню пункт из «директив» к берлинскому визиту Молотова «Транзит Германия–Япония – наша могучая позиция, что надо иметь в виду».

пределами двух Америк, а это открывало пути к реализации глобального проекта «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии», разработанного в окружении принца.

Решение о поездке Мацуока в Москву, Берлин и Рим было принято. 11 февраля он пригласил к себе «на чашку чая» полпреда Сметанина и «сообщил, что предполагал бы встретиться в Москве с руководителями нашего правительства и нашими вождями. На мой вопрос, на сколько времени рассчитана его поездка, Мацуока ответил, что при первом проезде через Москву он планирует остановиться в ней на один день, чтобы встретиться и познакомиться с т. Молотовым, а при возвращении намерен задержаться в Москве на 3–4 дня с тем, чтобы встретиться и подробно побеседовать как с т. Молотовым, так и другими руководителями правительства и советскими вождями».

В беседе «Мацуока несколько раз подчеркнул, что главной целью его поездки в Европу является встреча с руководителями советского правительства. При этом Мацуока несколько раз просил меня сохранить в тайне его сообщение о желании встретиться в Москве с советскими вождями. Он мотивировал свою просьбу тем, что якобы в Японии имеется не малое количество противников сближения с Советским Союзом, которые, узнав, о предполагаемой встрече Мацуока с руководителями советского правительства, могут-де создать большие помехи в деле сближения Японии с СССР¹. С другой стороны, по заявлению Мацуока, он не хотел бы, чтобы об этой встрече также знали (заранее – В.М.) США и Англия. Тут же Мацуока добавил, что о его поездке в Москву, о задержке там в японской прессе ничего не будет опубликовано, поэтому он ещё раз попросил меня эту часть беседы сохранить в тайне». С аналогичной просьбой он обратился и к германскому послу.

Меры предосторожности со стороны министра вполне понятны. Он опасался не столько давления иностранных держав, сколько возможного неуспеха миссии, из которой ему предстояло вернуться «со щитом или на щите». В таком случае московские пе-

¹ Полпред напрасно осторожничал со словом «якобы»: таких людей, притом очень влиятельных, было более чем достаточно.

реговоры можно было представить «визитом вежливости», но только постфактум, не афишируя заранее никаких надежд или расчётов на них. В случае успеха он будет неожиданным, а потому ещё более эффективным. Сметанин поинтересовался конкретными планами гостя, чтобы подготовиться к переговорам и тем самым облегчить их. Мацуока с места в карьер предложил заключить торговый и рыболовный договоры и был, похоже, недоумен осторожным скепсисом полпреда.

Только 18 марта Татэкава принес Молотову программу визита. Мацуока просил уже о двух встречах со Сталиным – до поездки в Берлин и после, т. к. министр возвращался домой тоже по Транссибирской магистрали. Понимая планы и намерения гостя, нарком не возражал, но сослался на необходимость согласовать вопрос с самим Сталиным.

Месяцем раньше на стол Молотова легла записка замнаркома Лозовского:

«В связи с приездом в Москву Мацуока, можно ожидать, что японское правительство вновь поставит вопрос о заключении между СССР и Японией договора о ненападении. В связи с этим считаю необходимым напомнить Вам следующее:

В статье 2-й договора о ненападении, заключённого между СССР и Китаем 21 августа 1937 г. в г. Нанкине, сказано:

“Если одна из Высоких Договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Высокая Договаривающаяся сторона обязуется не оказывать ни прямо, ни косвенно помощи такой третьей и третьим державам в продолжении всякого конфликта, а равно воздержаться от всяких действий или *соглашений*, которые могли бы быть использованы нападающим или нападающими к невыгоде стороны, подвергшейся нападению”.

В развитие этой статьи при подписании договора о ненападении уполномоченные СССР и Китая обменялись следующей устной, строго конфиденциальной декларацией:

“Устная декларация, строго конфиденциальная и никогда не подлежащая оглашению, ни официально, ни неофициально:

При подписании сегодня договора о ненападении уполномоченный СССР заявляет от имени своего правительства, что СССР

не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией до времени, пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены (выделено везде в оригинале – В.М.)».

Из вышеприведённых документов видно, что СССР взял на себя обязательство не заключать с Японией договора о ненападении на время войны Китая с Японией».

Этой принципиально важной записки, опубликованной Б.Н. Славинским, в «Документах внешней политики» тоже нет. Под будущий пакт была заложена мощная мина, о которой в Токио, разумеется, не знали. На момент заключения договора с Чан Кайши это, пожалуй, было оправдано, но за три с половиной года ситуация изменилась. Однако в Кремле решили не отступать от декларации, что диктовало единственный выход: подписать пакт о нейтралитете.

23 марта Мацуока прибыл в Москву. Как он и просил, газетные сообщения были краткими и подчёркивали, что он находится в СССР проездом. На следующий день министр встретился с Молотовым. После обмена приветствиями Мацуока, «разясняя цели своей поездки в Европу, говорит, что идея посещения Берлина и Рима у него возникла в связи с заключением пакта трёх держав и в целях обмена мнениями с руководителями Германии и Италии... Отношения с СССР для Японии также являются важными, и свою нынешнюю поездку в Берлин и Рим он хочет использовать для встречи с руководителями Советского Союза».

«После этого Мацуока переходит к японо-советским отношениям. Он говорит, что убеждён в том, что японо-советские отношения должны быть улучшены, и добавляет, что об улучшении он заботился ещё лет 30 тому назад, будучи своего рода начальником генштаба графа Гото (явное, но примечательное преувеличение – В.М.) и разделяя взгляды последнего на установление хороших отношений между Россией и Японией». О конкретных вещах он предложил поговорить по возвращении из Берлина и напомнил о встрече со Сталиным.

Молотов позвонил вождю, который пришёл через 10 минут. Гость снова рассказывал о своих трудах по улучшению двусторонних отношений, прочитал целую лекцию о японском «мораль-

ном коммунизме» (подозреваю, что Сталин и Молотов усердно прятали улыбки), но под конец всё-таки заговорил о деле – о войне в Китае. «Япония ведет войну не с китайским народом, а с англосаксами, т. е. с Англией и Америкой. Япония, продолжает Мацуока, ведет войну с капитализмом и индивидуализмом, а Чан Кайши является слугой англосаксонских капиталистов. Поэтому японо-китайский конфликт нужно рассматривать именно под таким углом зрения... Без уничтожения англосаксонской идеологии нельзя будет создать нового порядка, не считаясь при этом с мелкими интересами».

Сталин заметил, что, «какова бы ни была идеология в Японии или даже в СССР, это не может помешать практическому сближению двух государств, если имеется взаимное желание обеих сторон... Что же касается англосаксов, говорит т. Сталин, то русские никогда не были их друзьями, и теперь, пожалуй, не очень хотят с ними дружить». Под конец Сталин и Молотов попросили передать поклон Риббентропу.

26 марта Мацуока прибыл в Берлин, но сейчас продолжение его вояжа интересует нас только в связи с «русским вопросом». Месяцем раньше, 23 февраля 1941 г., Осима, снова назначенный послом в Германии (впервые он занял этот пост в 1938 г. и был отозван осенью 1939 г., после советско-германского пакта), гостил в замке своего друга Риббентропа. Министр прямо сказал ему: «Сталин – трезвый и умный политик, который не помышляет ничего против нас предпринимать, в основном из-за нашей военной мощи. Верно, что большевизм не перестает сеять свои семена в других странах. Если Германия проиграет войну, над Европой взойдет советская звезда. Мы наблюдаем за развитием событий на Востоке внимательно и очень спокойно. Но исходом германо-русского конфликта будет колоссальная победа Германии и крах советского режима». Он отметил нежелательность такого поворота событий для Германии, но дал понять, что конфликт Гитлера не пугает (8). Германофил и русофоб Осима мог быть доволен.

27, 28 и 29 марта Мацуока трижды встречался с Риббентропом и один раз с Гитлером (9). О России фюрер сказал всего несколько

слов: угрозы не боимся, но особо в неё не верим. Риббентроп был более красноречив:

«Конфиденциально он может сообщить Мацуока, что нынешние отношения с Россией являются, безусловно, корректными, но не слишком дружескими. После визита Молотова, когда ей было сделано предложение о присоединении к Тройственному пакту, Россия выставила неприемлемые условия... Русские в последнее время демонстрируют нам своё нерасположение везде, где могут... Зная Сталина лично, он не думает, что тот пойдет на какие-то авантюры, но полностью быть уверенным в этом нельзя... Если Россия займет такую позицию, которая может представлять опасность для Германии, фюрер сокрушит её. Германия уверена, что кампания против России закончится абсолютной победой германского оружия и полным крахом русской армии и русского государства... Имперский Министр иностранных дел подчеркнул, что он, однако, не верит в то, что Сталин будет проводить неразумную политику. В любом случае фюрер рассчитывает не только на договоры с Россией, но прежде всего на свой вермахт».

На следующей день стало ясно, что «союз четырёх» в планы Берлина не входит. Более того, Риббентроп делал вид, что таких планов никогда и не было. Гитлер уже «сломал» своего министра, поставив его перед фактом принятого решения о вторжении в СССР. «Мацуока спросил, рассматривал ли вообще фюрер возможность российско-японско-германского союза. Имперский Министр иностранных дел ответил отрицательно и сказал, что близкое сотрудничество с Россией абсолютно невозможно... Германия внимательно следит за Советским Союзом и – это Мацуока должен чётко понять – готова к любым неожиданностям. Германия не будет провоцировать Россию, но если политика Сталина не будет гармонировать с тем, что фюрер считает правильным, Россия будет сокрушена». Получается, от Сталина ждали полного подчинения, как будто это румынский «кондукатор» Антонеску или хорватский «поглавник» Павелич.

С каждым словом невозмутимое прежде лицо гостя становилось встревоженным. Над его грандиозными планами нависла угроза. «Он спросил Имперского Министра иностранных дел, стоит ли ему на обратном пути подольше задержаться в Москве для пе-

реговоров с русскими на предмет пакта о ненападении или о нейтралитете... Имперский Министр иностранных дел ответил, что о присоединении России к (Тройственному – *В.М.*) пакту не может быть и речи, и порекомендовал Мацуока по возможности воздержаться от обсуждения подобных вопросов в Москве, поскольку это не вполне вписывается в нынешнюю ситуацию». Против торговых соглашений он не возражал.

Разговор продолжился на третий день. Риббентроп пообещал помощь Японии на случай её конфликта с СССР, добавив, что японцы могут смело идти на юг, к Сингапуру, не опасаясь удара с севера. «В любом случае Мацуока не может доложить императору по возвращении в Японию, что конфликт между Германией и Россией невозможен». Переводчик Пауль Шмидт, опасаясь недоразумений, даже переспросил гостя, вполне ли тот понял сказанное (он переводил слова Риббентропа с немецкого на английский). Мацуока поинтересовался, нельзя ли будет через некоторое время вернуться к идее присоединения Москвы к «союзу трёх», но собеседник решительно отмёл подобную возможность. Пока лучше заключить с Россией какое-нибудь формальное, ни к чему не обязывающее соглашение, если это уж так необходимо.

В Берлине на «континентальном блоке» поставили крест, и Мацуока это чётко понял. Однако о плане «Барбаросса», т. е. о *принятом решении* воевать с Россией, он, вопреки утверждениям некоторых авторов, не был оповещен ни официально, ни неофициально, причём по прямому указанию Гитлера (10). Прощальная встреча 5 апреля свелась к обмену любезностями. О России больше не говорили.

7 апреля Мацуока снова был в Москве и в тот же день встретился с Молотовым. Он сказал, что о частных проблемах говорить не будет – это дело послов – а сразу перейдет к главному: «Он смотрит на улучшение отношений с СССР не с точки зрения временных интересов и временной политики, а с точки зрения улучшения отношений на 50–100 лет... Возникают следующие вопросы: во-первых, как сохранить такие отношения между обеими странами; во-вторых, какие отношения между нашими странами могут способствовать такой политике в Азии; и, в-третьих, какие отношения с СССР могут быть полезными для Японии

с учётом интересов другого партнера... Судьбу Азии решают две силы – Япония и СССР. Что лучше для Азии, чтобы эти две силы, являющиеся решающими элементами в Азии, ссорились или дружили между собой?.. Если исходить из интересов Японии и интересов СССР, то несомненно, что ссора между Японией и СССР будет большим несчастьем и не принесет никакой пользы ни одной из сторон. Дружба, подчеркнул Мацуока, даёт взаимные выгоды».

Спорить с этим никто не собирался. Молотов терпеливо ждал, когда разговор пойдёт о деле, но ему пришлось ещё раз слушать про труды и заслуги собеседника. Наконец, тот предложил решить все проблемы разом: заключить новый всеобъемлющий договор (добавив, что о денонсации Портсмутского мира и Пекинской конвенции «нельзя ставить вопроса»), сохранить концессии, продать северный Сахалин и завершить работу пограничных комиссий.

Всё это Молотов уже слышал. Его интересовали новости из Берлина, которые тоже не слишком обнадеживали. «Мацуока заявляет, что у него нет намерения, чтобы Япония вместе с Германией напали на СССР. В Германии он по этому поводу ни с кем и никогда не говорил. Само собой разумеется, что Япония будет лояльна к своей союзнице – Германии, но из этого вовсе не вытекает, что Япония будет ссориться с СССР. Мацуока добавляет, что его точка зрения заключается в том, чтобы в отношении улучшения отношений между СССР и Японией работать таким образом, чтобы не было ссоры между Германией и СССР. Если... к несчастью, будет такой случай, когда Советский Союз и США, имея Японию в качестве общего врага, будут сотрудничать, то Япония до того, как это сотрудничество осуществится, имеет решимость и готовность напасть на Советский Союз (на такие заявления Мацуока никто не уполномочивал! – В.М.)... Вопрос здесь заключается в жизни и смерти Японии, и, разумеется, Япония не будет ожидать того момента, когда будет укреплен союз между врагами Японии».

Наконец заговорил Молотов. Он не спеша и обстоятельно повторил всё то, что ранее излагал послам Того и Татэкава. Советский Союз серьёзно относится ко всем пактам, которые заключает.

Не его вина, что пакт о ненападении был отвергнут. «Если японское правительство хочет сделать крупный политический шаг в отношении СССР, а советское правительство в свою очередь желает этого, то в данный момент обе стороны могли бы договориться о заключении Пакта о нейтралитете, и тогда вопросы, требующие длительного обсуждения, не нужно было бы затрагивать. При этом пришлось бы договориться только о ликвидации нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине с компенсацией за те вложения, которые там сделаны японскими концессионерами, и с обязательством Советского Союза о поставках Японии определённого количества нефти в течение ряда лет. Это дало бы большой резонанс во всём международном развитии и было бы полезно для обеих стран». «В СССР смотрят на Портсмутский договор примерно с таким же чувством, как в Германии относятся к Версальскому договору». Северный Сахалин не продадим, а лучше купим Южный и «некоторые группы северных Курильских островов». «У нас нет намерения заключать соглашение с США для нападения на Японию, хотя это отнюдь не продиктовано трусостью, так как в советском правительстве найдется немало смелых и решительных людей».

Трёхчасовая беседа не дала результатов, кроме договорённости продолжать переговоры и перенести отъезд Мацуока на 13 апреля. Но это не повод оставлять подобные тексты за пределами «Документов внешней политики», куда в изобилии включены незначительные сообщения, вроде записи короткой беседы Лозовского с Мацуока и Татэкава в тот же вечер в... Большом театре. Гость заметил, что «имел очень интересный разговор с В.М. Молотовым в течение 3 часов». Где же его запись? Подстрочное примечание отсылает к помещенному выше на той же странице трёхстрочному сообщению ТАСС о факте встречи двух министров – и только.

Следующий тур, состоявшийся 9 апреля, был гораздо интереснее. Его записи тоже нет в «Документах внешней политики», зато опять есть сообщение ТАСС в несколько строк.

Мацуока «решил взять обратно своё предложение – заключить пакт о ненападении и согласиться на предложение Молотова – заключить пакт о нейтралитете. За время пребывания в Москве

он смог бы вместе с Татэкава подписать только пакт о нейтралитете без всяких дополнительных условий». Молотов, как и следовало ожидать, одно непереносимое условие выставил – ликвидация концессий, но оставил за японской стороной право выбирать форму документа (открытый или конфиденциальный протокол). «То, что Япония и СССР заключат политическое соглашение, будет хорошо, – суммировал нарком, – но будет плохо, если на следующий день начнутся инциденты вокруг концессий, что будет портить политические отношения. Зачем оставлять эту занозу?».

Начался торг. Мацуока был «переговорщиком» не хуже Молотова. Он заверял наркома в своём стремлении решить все вопросы полюбовно и ко взаимной выгоде, но тут же начал ссылаться на существующую в Японии оппозицию ликвидации концессий, а потом опять рассказывал, как боролся за японско-советский пакт всё прошлое десятилетие. История обростала новыми подробностями: «Когда Хирота был назначен министром иностранных дел (в сентябре 1933 г. – *В.М.*), с которым Мацуока был в очень дружественных отношениях, он, Мацуока, посетил его и просил послать его в Москву для подписания пакта. Атмосфера тогда была очень нехорошая, и тот, кто заключил бы подобный пакт, подвергнулся риску быть убитым»¹. Впечатления это, похоже, не произвело, и в ход пошёл следующий аргумент: «Если бы ему, Мацуока, не удалось осуществить улучшения отношений между Японией и СССР, то это означало бы, что принятие им поста министра иностранных дел потеряло бы свой смысл». В общем, со щитом или на щите.

«Молотов, касаясь просьбы Мацуока не забывать его роли в вопросе о политическом соглашении, заявляет, что именно то обстоятельство, что во главе министерства иностранных дел Японии стоит лицо, которое уже давно занимает определённую полити-

¹ Такой возможности Мацуока не исключал и в 1941 г., поэтому перед отъездом вручил своему доверенному лицу Симано Сабуро, которого знал по работе на ЮМЖД, внушительную по тем временам сумму в 10000 иен, попросив Симано, в случае своей гибели, позаботиться о его внебрачном сыне и дать ему образование. Об этом автору настоящей работы в конце 2003 г. на условиях анонимности рассказал человек, слышавший её от самого Симано.

ческую линию в вопросе улучшения японо-советских отношений, дало ему (Молотову – *В.М.*) уверенность в том предложении, которое сделало советское правительство, чтобы отбросить вопросы, могущие создать излишние поводы к тому, чтобы откладывать заключение соглашения».

Короче говоря, хочешь личного дипломатического триумфа – прощайся с концессиями...

Министру дали время подумать. В тот же день Молотов дал обед в его честь, потом Мацуока осмотрел автомобильный завод имени Сталина (ЗиС) и даже съездил на «Красной стреле» в Ленинград полюбоваться тамошними красотами. 11 апреля состоялась третья, заключительная встреча с Молотовым, которая тоже закончилась ничем. Мацуока заявил, что санкции на ликвидацию концессий у него нет, но «в качестве компромисса» предложил передать Молотову при подписании пакта специальное письмо, в котором говорилось бы о скором заключении торгового и рыболовного соглашений и о готовности сторон решить спорные вопросы относительно концессий «в духе примирения и взаимных уступок». Молотов ответил, что позиция СССР остается прежней: ликвидация концессий является необходимым условием заключения пакта; «торговое соглашение уже более или менее подготовлено к подписанию, и, конечно, для решения этого вопроса большое значение имело бы урегулирование политического вопроса». «В заключение беседы Мацуока, видимо, уже смирившись с тем, что договориться не удастся, выразил сожаление, что он не смог сам подписать пакт о нейтралитете. Но это не меняет его желания работать над улучшением советско-японских отношений».

Дипломатический блицкриг не состоялся. 12 апреля гость побывал в двух институтах Академии наук, на Трехгорной мануфактуре и на «Трёх сестрах» во МХАТ. Когда «культурная программа» подошла к концу, его неожиданно пригласили к Сталину прямо из театра. В течение следующих двух часов были приняты политические решения огромной важности, причём по документам мы можем проследить этот процесс в деталях.

«Мацуока благодарит т. Сталина за радушный приём в Советском Союзе и за оказанное ему содействие во время пребывания

в СССР, а также благодарит за то, что т. Сталин согласился принять его сегодня с прощальным визитом.

Тов. Сталин отвечает, что это его обязанность.

Затем Мацуока говорит, что Молотов, видимо, уже докладывал ему о том, что Мацуока хотел бы за время своего пребывания в СССР заключить пакт о нейтралитете, но без всяких условий, в порядке дипломатического блицкрига.

Мацуока считает подписание пакта о нейтралитете полезным и целесообразным не только для Японии, но и для СССР и полагает, что было бы эффективным подписать пакт именно в данный момент. Завтра он покидает столицу СССР, хотя ему и досадно, что пакт не подписан. Тем не менее его пребывание в СССР дало ему многое».

Опуская витиеватые комплименты министра, перейдем к конкретным заявлениям.

«Первое... Из того, что Япония имеет с Германией союзный договор, не вытекает, что Японии нужно связывать силы СССР. Наоборот, если что-нибудь произойдет между СССР и Германией, то он предпочитает посредничать между СССР и Германией. Япония и СССР являются пограничными государствами, и он хотел бы улучшения отношений между Японией и СССР.

Тов. Сталин бросает реплику – пакт трёх не помешает этому?

Мацуока отвечает, что, наоборот, заключение пакта с Германией должно улучшить японо-советские отношения и в таком смысле он говорил в Берлине с Риббентропом. Мацуока заявляет, что он всегда говорит и сотрудничает откровенно, не занимаясь мелочами и торгашеством (не слишком дипломатичный намек на позицию собеседников в вопросе о концессиях – *В.М.*).

Второе. Коренное разрешение отношений между Японией и СССР нужно разрешить под углом зрения больших проблем, имея в виду Азию, весь мир, не ограничиваясь и не увлекаясь мелочами. Если так подходить к коренному разрешению японо-советских отношений, то мелкие вопросы могут быть разрешены с течением времени и мелкими вопросами можно будет даже пожертвовать. Если бы такой маленький островок, как Сахалин, говорит Мацуока, потонул в море, то это не оказало бы влияния на японо-советские отношения. Мацуока далее указывает, что если

он так говорит, то это не значит, что он считает ненужным разрешать мелкие вопросы. Эти вопросы также нужно разрешать, но не сейчас, а впоследствии... У него с молодых лет сложилось такое убеждение, что судьбу Азии решают две силы – Япония и СССР. Об этом он говорил в своих выступлениях, книгах и потому убежден в том, что Японии и СССР лучше идти рука об руку, чем ссориться.

Третье. Для того, чтобы освободить Азию, нужно избавиться от англосаксов, а потому перед такой задачей нужно отказаться от мелких вопросов и сотрудничать в больших вопросах.

Четвертое. Япония сейчас ведет борьбу с Китаем, но не с китайским народом, с которым Япония воевать не хочет. Чего Япония хочет добиться в Китае? Она хочет добиться изгнания из Китая англосаксов. Чан Кайши – агент англо-американского капитала (формула пригодится Сталину 8 лет спустя – *В.М.*), и ради этого капитала он ведет борьбу с Японией. Япония имеет твердую решимость бороться с Чан Кайши до конца, а потому сочувствие Чан Кайши означает собой помощь англо-американскому капиталу. В связи с этим Мацуока указывает, что, по его мнению, было бы более целесообразным (для СССР – *В.М.*) отказаться от поддержки Чан Кайши и сделать так, чтобы изгнание англосаксов из Китая имело успех.

Пятое – это вопрос относительно так называемого морального коммунизма. Мацуока говорит, что он не согласен с политическим и социальным коммунизмом, но в основном он также придерживается коммунизма и решительно настроен против англосаксонского капитализма... Его предложение заключается в том, чтобы СССР и Япония вместе изгнали влияние англо-американского капитализма из Азии. Что же касается вопроса о том, чей же коммунизм лучше – ваш или наш, то об этом можно было бы говорить позднее».

Но Мацуока пригласили в Кремль не для очередной лекции о «моральном коммунизме». Его позвали слушать Хозяина.

«Тов. Сталин говорит, что СССР считает принципиально допустимым сотрудничество с Японией, Германией и Италией по большим вопросам. Об этом т. Молотов заявлял г-ну Гитлеру и Риббентропу, когда он был в Берлине и когда стоял вопрос о том,

чтобы пакт трёх сделать пактом четырёх. Г-н Гитлер заявил тогда т. Молотову, что он в военной помощи пока не нуждается. Но пакт четырёх есть пакт взаимопомощи. Если Германия не нуждается в помощи, то это значит, что пакт четырёх *ещё* не назрел (выделено мной – В.М.)... Тов. Сталин считает ввиду этого, что только в том случае, если дела Германии и Японии пойдут плохо, может встать вопрос о пакте четырёх и о сотрудничестве СССР по большим вопросам. Поэтому... мы и ограничиваемся теперь вопросом о пакте нейтралитета с Японией. Этот вопрос безусловно назрел. Это будет первый шаг, и серьёзный шаг, к будущему сотрудничеству по большим вопросам».

Прервав цитату. Сталин сделал заявление исключительной важности. Не имея почти полгода конкретного ответа из Берлина на свои совершенно конкретные ноябрьские контрпредложения по «пакту четырёх», он не мог не понимать, что «что-то здесь не так». Содержания бесед Мацуока с Гитлером и Риббентропом в Москве не знали, но Сталин вполне мог предвидеть последующую утечку информации о московских переговорах в сторону Германии. Во-первых, он дал понять – прямо Мацуока, косвенно Риббентропу и Гитлеру – что не отказывается в принципе от идеи «пакта четырёх». Во-вторых, он показал, что считает пакт с Японией не двусторонним «сепаратным миром», но новым шагом на пути к построению полноценной «оси», начатому советско-германскими договорами августа-сентября 1939 г. Верил ли он в это на самом деле, вопрос другой. Есть основания полагать, что не верил и поэтому хотел застраховать СССР от войны на два фронта – как в своё время Гитлер. Но в любом случае здесь Сталин проявил себя бóльшим евразийцем, чем его потенциальные партнёры.

По проекту пакта разногласий не возникло. Остались концессии. И тут решающий ход сделал Сталин.

«Тов. Сталин говорит, что все беседы, которые вёл Мацуока с т. Молотовым, и сегодняшняя вторая его беседа с Мацуока убедили его в том, что в переговорах о пакте нет дипломатической игры, а что действительно Япония хочет серьёзно и честно улучшить отношения с СССР. В этом он раньше сомневался и должен это честно признать. Теперь у него эти сомнения исчезли... Он

с удовольствием слушал Мацуока, который честно и прямо говорит о том, чего он хочет. С удовольствием слушал потому, что в наше время, и не только в наше время, не часто встретишь дипломата, который откровенно говорил бы, что у него на душе. Как известно, ещё Талейран говорил при Наполеоне, что язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли. Мы, русские большевики, смотрим иначе и думаем, что и на дипломатической арене можно быть искренними и честными. Тов. Сталин говорит, что он не хотел бы затруднять положение Мацуока, который вынужден довести до конца борьбу со своими противниками в Японии и готов облегчить его положение, чтобы он, Мацуока, добился здесь дипломатического блицкрига».

Сталин согласился на предложение Мацуока о конфиденциальном письме вместо протокола, но предложил определить срок договоренности о ликвидации концессий в два-три месяца. Министр снова заговорил о продаже Северного Сахалина, «но так как СССР не соглашается, то ничего не поделаешь». Разговор продолжился у карты. «Теперь Вы хотите взять северный Сахалин и вовсе закупорить Советский Союз. Вы что, говорит т. Сталин, улыбаясь, хотите нас задушить? Какая же это дружба?». Мацуока попытался вставить слово о дальнейшем выходе СССР «через Индию к теплому морю», но Сталин быстро вернул беседу в нужное ему русло. В течение нескольких минут были согласованы последние поправки к тексту письма: «вопрос, касающийся ликвидации концессий» вместо «вопрос, касающийся концессий» (Сталин); «в течение нескольких месяцев» вместо «в течение 2–3 месяцев» (Мацуока). Министр попросил обеспечить ему немедленную телеграфную связь с Токио, что и было сделано. Премьер Коноэ, в обход кабинета и Тайного совета, запросил санкцию на подписание договора непосредственно у императора и сразу же получил её. Тут уж никакой оппозиции более быть не могло!

Вслед за этим стороны выделили специалистов для подготовки документов, которые трудились всю первую половину следующего дня. Подписание состоялось 13 апреля в 14:45. Содержательная часть пакта о нейтралитете гласила:

«Статья 1. Обе Договаривающиеся Стороны обязуются поддерживать мирные и дружественные отношения между собой

и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой Договаривающейся Стороны.

Статья 2. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Статья 3. Настоящий Пакт вступает в силу со дня его ратификации обеими Договаривающимися Сторонами и сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует Пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 4. Настоящий Пакт подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Токио, также в возможно короткий срок».

Окончательный текст практически идентичен тому, который Молотов представил на рассмотрение Татэкава 18 ноября 1940 г. Положение о МНР и Маньчжоу-го, которое Мацуока предлагал внести в статью 1, отражено в специальной декларации, подписанной и опубликованной вместе с пактом: «В соответствии в духом Пакта о нейтралитете, заключённого 13 апреля 1941 года между СССР и Японией, Правительство СССР и Правительство Японии, в интересах обеспечения мирных и дружественных отношений между обеими странами, торжественно заявляют, что СССР обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Маньчжоу-Го, а Япония обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Монгольской Народной Республики». Предложение гостя о признании Советским Союзом Маньчжоу-го де-юре отклика не нашло. Вопрос о признании Японией МНР даже не ставился.

По вопросу о концессиях, о который разбивались все предыдущие попытки договориться, компромисс был найден в форме письма Мацуока, получившего гриф «совершенно секретно»:

«Дорогой г-н Молотов!

Ссылаясь на пакт о нейтралитете, подписанный сегодня, имею честь заявить, что я ожидаю и надеюсь, что торговое соглашение и рыболовная конвенция будут заключены очень скоро и что при

ближайшей возможности мы, Ваше Превосходительство и я, в духе примирения и взаимных уступок постараемся разрешить в течение нескольких месяцев вопрос, касающийся ликвидации концессий на Северном Сахалине, приобретённых по договорам, подписанным в Москве, 14 декабря 1925 г., с целью ликвидировать любые вопросы, которые не способствуют поддержанию сердечных отношений между обеими странами.

В этом же духе я также желал бы обратить внимание на то, что было бы хорошо для обеих наших стран, а также Маньчжоу-Го и Внешней Монголии найти в ближайшее время путь создания объединённых и (или) смешанных комиссий стран, заинтересованных в урегулировании пограничных споров и инцидентов. Весьма искренне Ваш Мацуока». Ответное письмо Молотова, в соответствии с дипломатическими правилами, полностью воспроизводило этот текст и подтверждало согласие с ним.

Формальной договорной силы письма не имели, представляя собой не более чем протокол о намерениях, и публикации не подлежали, так что открыто сослаться на них было невозможно. Можно сказать, что Мацуока пообещал скорую ликвидацию концессий под своё честное слово. Сталин и Молотов согласились на этот риск, поскольку теперь Советскому Союзу договор был нужен не меньше, чем Японии.

После подписания состоялся банкет. По воспоминаниям Молотова, а также секретаря японского министра, Мацуока так основательно «принял на грудь», что на Ярославском вокзале еле держался на ногах. От вина или по какой-то другой причине Сталин и Молотов тоже были в благодушном настроении. Когда Сталин сказал, что договоры должны выполняться вне зависимости от различий в идеологии, Мацуока провозгласил: «Договор заключён. Я не лгу. Если я солгу, берите мою голову. Если Вы солжете, не сомневайтесь, я приду за Вашей». «Моя голова нужна моей стране, Ваша голова – Вашей стране, – парировал генсек. – Давайте вместе беречь наши головы». Когда Сталин поднял бокал за присутствовавших японских офицеров, Мацуока заявил: «Ох, эти военные, они заключили пакт, исходя из общей ситуации, но самом деле они все думают, как бы победить Советский

Союз». На это Хозяин сухо заметил, что СССР – не царская Россия, которую японцы в своё время победили. Но образовавшийся «ледок» был растоплен его же словами, обращенными к Мацуока: «Вы азиат. И я азиат». «Мы все азиаты, – подхватил гость. – Так выпьем же за азиатов».

Выпили. Сфотографировались: Мацуока держит Сталина под руку. Распрощались. Провожать министра на вокзал поехали Лозовский и шеф протокола Барков со свитой. По непонятной причине поезд задержали. Вдруг на перроне – к неподдельному изумлению собравшихся (главным образом послов стран «оси») – появились Сталин и Молотов. Раньше такой чести не удостоивался никто. На прощание Сталин обнял и расцеловал Мацуока, сказав ему: «Европейские проблемы решатся естественным путём, если Япония и Советский Союз будут сотрудничать». «Не только европейские, но и азиатские», – откликнулся отъезжавший гость. «Весь мир будет обустроен!» – воскликнул Сталин. Растроганный до слез Татэкава махал носовым платком и повторял по-русски «Спасибо, спасибо» (видимо, единственное, что мог сказать на этом языке) (11).

Такое же демонстративное внимание вождь оказал германскому послу. «Сталин громко спросил обо мне, – сообщал Шуленбург в Берлин в тот же день, – и, найдя меня, подошел, обнял меня за плечи и сказал: «Мы должны остаться друзьями, и Вы должны всё для этого сделать!» Затем Сталин повернулся к исполняющему обязанности военного атташе полковнику Кребсу и, предварительно убедившись, что он немец, сказал ему: «Мы останемся друзьями с Вами в любом случае». Сталин, несомненно, приветствовал полковника Кребса и меня таким образом намеренно и тем самым сознательно привлек всеобщее внимание многочисленной публики, присутствовавшей при этом». Несколькоми строками ранее Шуленбург писал: «На вопрос итальянского посла, поднимался ли во время переговоров Мацуока со Сталиным вопрос об отношениях Советского Союза с Осью, Мацуока ответил, что Сталин сказал ему, что он – убеждённый сторонник Оси и противник Англии и Америки» (12). Неудивительно, что послы этих стран не пошли провожать японского гостя.

Тремя днями позже советник германского посольства в Москве Типпельскирх сообщил Риббентропу: «Заключение договора (о нейтралитете) вызвало разочарование и беспокойство в Америке... Сотрудники здешнего японского посольства утверждают, что пакт выгоден не только Японии, но и Оси, что он благоприятно воздействует на отношения Советского Союза с Осью и что Советский Союз готов сотрудничать с Осью. Поведение Сталина в отношении господина посла на вокзале во время отъезда Мацуока рассматривается здешним дипломатическим корпусом в таком же духе. Часто высказывается мнение, что Сталин специально воспользовался возможностью продемонстрировать своё отношение к Германии в присутствии иностранных дипломатов и представителей прессы. Ввиду постоянно циркулирующих слухов о неизбежном столкновении между Германией и Советским Союзом это следует считать заслуживающим особого внимания» (13).

Мацуока никак не мог успокоиться. Из Ярославля он телеграфировал Молотову: «Подписанным сегодня пактом мы направили наши нации на новый путь дружбы. Я верю, что этот документ послужит нам маяком в улучшении наших отношений». Молотов отвечал: «Выражаю твёрдую уверенность в том, что этот Пакт явится вехой в развитии новых, дружественных отношений между СССР и Японией и будет служить интересам мира». 21 апреля с пограничной станции Манчжурия Мацуока послал телеграмму Сталину: «В тот момент, когда я покидаю советскую территорию, я желаю поблагодарить Ваше Превосходительство за Ваш любезный ответ и прошу разрешить мне заверить Вас, что я уношу с собой самые приятные воспоминания о своём временном, явившемся наиболее долгим в течение моей нынешней поездки, пребывании в Вашей великой стране, где я был удостоен сердечного приёма и где я с восторгом и пониманием увидел прогресс, достигнутый в жизни нации. Сцена нецеремонных, но сердечных поздравлений по случаю подписания Пакта останется, без сомнения, одним из счастливейших моментов в моей жизни, а любезность Вашего Превосходительства, выразившаяся в Вашем личном присутствии на вокзале при моём отъезде, всегда будет оцениваться как знак подлинной доброй воли не только по отно-

шению ко мне одному, но также и к нашему народу. Я могу также добавить, что девизом всей моей жизни было и будет – всегда быть верным своим словам».

После войны этот поток красноречия вызывал насмешки советских авторов, обличавших коварного Мацуока, который якобы знал о готовящемся нападении Германии на Советский Союз и, заключая пакт о нейтралитете, всерьёз не собирался следовать ему. Но утверждать это нет никаких оснований. Исходя из того, что мы знаем о Мацуока, картина рисуется совершенно иной: он был упоён вторым «дипломатическим блицкригом» (первый – Тройственный пакт), когда за несколько дней смог достичь того, над чем его предшественники бились годами. Возможно, он чувствовал, что не только догнал, но и перегнал Риббентропа с его московскими «блиц-визитами» 1939 г. Следует помнить и о том, что Мацуока был болен туберкулезом и спешил войти в историю в качестве автора если не «континентального блока», то хотя бы соглашения с ведущими державами Евразии. Особое внимание, проявленное к нему Сталиным, было замечено всем миром. Восторгам тщеславного министра не было границ. Да и Сталин с Молотовым получали такие телеграммы не каждый день, поэтому послание Мацуока немедленно появилось в «Правде».

22 апреля был согласован порядок одновременной ратификации пакта, намеченной на 25 апреля, и её обнародования в печати. 24 апреля в Токио, согласно установленному порядку, собрался Тайный совет и после тщательного, хотя и формального обсуждения рекомендовал императору договор для ратификации (14). Мацуока не замедлил направить две телеграммы в Кремль. Сталину: «Я не сомневаюсь и верю в то, что благодаря содействию Вашего Превосходительства взаимоотношения между Японией и СССР ещё более укрепятся. Пользуясь этим случаем, повторяю, что надолго останется в моей памяти как приятнейшее воспоминание о том, как мы без дипломатических условностей, после прямых и ясных бесед, завершили блицкриг, а равно о том, как у нас, после подписания Пакта, в дружественной и непринуждённой обстановке состоялся обмен добрыми пожеланиями». Молотову: «Я снова подтверждаю клятвенный девиз, соблюдаемый

мною много лет, быть до конца верным своим словам. Я глубоко убеждён в том, что Вы будете прилагать Ваши усилия к дальнейшему улучшению взаимоотношений между Японией и СССР. Пользуясь этим случаем, я снова повторяю, что я крайне счастлив проведёнными с Вами откровенными и чистосердечными беседами и установленным личным знакомством. Надолго останется в моей памяти, как одно из приятнейших воспоминаний, та радостная атмосфера, которая сложилась вокруг г-на Сталина после подписания Пакта» (перевод, выполненный в японском посольстве, а потому не лишенный стилистических шероховатостей).

Сталин был хоть и «азиат», но поток «восточного» красноречия, похоже, утомил даже его. В ответной телеграмме коротко и просто говорилось: «Искренне благодарим за Ваши поздравления по случаю ратификации и вступления в силу пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. Выражаем твёрдую уверенность, что вошедший в силу Пакт о нейтралитете явится основой дальнейшего улучшения советско-японских отношений, развитие которых с удовлетворением встретят народы наших стран». В день ратификации Мацуока принял полпреда Сметанина, «поделился своими впечатлениями о пребывании в Москве и Ленинграде, выразил своё полное удовлетворение встречами с товарищами Сталиным и Молотовым и восторг от новой жизни в Советском Союзе. При этом министр подчеркнул, что ранее в Японии много гнали про Советский Союз, но что теперь у него другое понятие о нашей стране».

По заключении пакта Коноэ официально заявил, что он «имеет эпохальное значение для отношений между Японией и Советским Союзом и будет значительно способствовать установлению мира во всём мире» (15). Японская пресса была полна если не восторгов, то энтузиазма. Рассказы журналистов, сопровождавших Мацуока, автоматически становились «гвоздём» свежего номера газеты или журнала. Даже армия на какое-то время «освободилась от навязчивой идеи о русской угрозе» (16). 10 мая Зорге сообщил в «Центр», что «Генштаб и вся японская армия, в том числе генерал Умэдзу (командующий Квантунской армией – В.М.), согласны с советско-японским пактом» (17). Испытали об-

легчение и в Москве: ни Япония, ни Советский Союз в то время войны не хотели и нападать друг на друга не собирались, но совершенно не исключали возможности подобных действий другой стороны.

В других странах реакция оказалась более чем нервной. В равной мере, хоть и по разным причинам были встревожены Чан Кайши и Ван Цзинвэй, Гитлер и Рузвельт. В конце войны Коноэ вспоминал: «Согласно донесениям посла Осима в Токио, Гитлер был изумлён этой новостью, а министр иностранных дел фон Риббентроп не мог скрыть своего неприятного удивления, когда говорил нашему послу о невозможности понять подлинные намерения Мацуока, заключившего договор с той самой страной, с которой Германия собирается сразиться в ближайшем будущем, о чём ему, Мацуока, было сказано совершенно определённо¹» (18). Англо-американская дипломатия, до последнего момента не верившая в возможность советско-японского сближения, восприняла его как ещё один шаг на пути к «союзу четырёх», как продолжение Тройственного пакта, хотя именно такой ход событий уже стал невозможным. Аналогичным образом, хотя и «с противоположным знаком», трактовал эти события японский историк С. Синобу: он положительно оценил их как начало нового этапа японской дипломатии, который определяется полным и окончательным отказом от «Вашингтонской системы» как творения англо-американского империализма (19). «Для Рузвельта подписание пакта явилось столь же неприятным известием, как и ранее весть о заключении советско-германского пакта» (20). Ответом стали новые санкции США и против Японии, и против СССР.

Официальные советские комментарии не отрицали связь между пактом с Японией и Тройственным пактом. Однако передовица «Правды» от 16 апреля искажала ход событий в силу изменившейся ситуации: «В ноябре 1940 г. Советскому правительству было предложено стать участником “пакта трёх” о взаимопомощи и превратить “пакт трёх” в “пакт четырёх”. Так как Советское

¹ Последнее утверждение – явная аберрация, что ясно из записей бесед Мацуока с Гитлером и Риббентропом.

правительство не сочло тогда возможным принять это предложение, то вновь встал вопрос о пакте между Японией и СССР». От союза отказался не Сталин, а Гитлер. Сталин понимал, что «союза четырёх» уже не будет, зато война возможна, причём на два фронта. В силу договоров он не слишком верил, ибо сам не нарушал их, но предпочитал иметь с соседом на восточных рубежах пакт о нейтралитете, чем не иметь ничего.

Особый интерес представляет оценка московского договора Хаусхофером. 26 апреля 1941 г. он писал японскому переводчику своей программной работы «Континентальный блок» Кубои Ёсимити, депутату парламента и другу Мацуока: «Советско-японский пакт о нейтралитете – шедевр политиков, обладающих великой прозорливостью. Прямо скажу, это проявление геополитической проницательности» (21). По иронии судьбы эти строки увидели свет лишь в 1943 г.

Глава девятнадцатая

СССР И ЯПОНИЯ В ГОДЫ МИРОВОГО КОНФЛИКТА

Советско-японские отношения в годы Второй мировой войны порой называют «странным нейтралитетом». Станным, очевидно, кажется то, что, когда два глобальных блока схватились не на жизнь, а на смерть, двое из участников этих блоков – причём ключевых, а не второстепенных – друг с другом не только не воюют, но поддерживают обычные отношения. После нападения Германии на СССР в Токио оставались германский и советский послы, хотя и старались не попадаться на глаза друг другу. После нападения Японии на Пёрл-Харбор в Куйбышеве, куда был эвакуирован дипкорпус, одновременно находились японские и американские представители, включая военных атташе. Впрочем, «странностей» хватало. Например, японский посол в Третьем рейхе генерал Осима выезжал на передовые позиции вермахта в России. Прямо скажем, не очень дипломатично.

Континентальный блок с участием России и Японии мог сложиться, но не сложился – главным образом по вине Германии. Но можно согласиться с выводом Б.Н. Славинского: «Япония и Советский Союз в течение 1941–1945 гг., когда весь мир был охвачен военным пожаром, сумели сохранить между собой нормально-деловые, мирные отношения» (1). Неудивительно, что британская и американская пропаганда не жалели сил, чтобы посорить их, рисуя всю историю отношений двух стран исключительно чёрной краской (2). После войны эта литература пригодилась российским японофобам и японским русофобам.

История отношений между СССР и Японией после 22 июня 1941 г. в советской историографии относилась к числу сюжетов

не то чтобы табуированных, но непопулярных. Обойти её вовсе было нельзя, но писать надлежало осторожно и с одной целью – оправдать вступление Советского Союза в войну против Японии в августе 1945 г. в нарушение пакта о нейтралитете. Основное внимание авторы прошлых лет уделяли тому, что называлось «подготовка японской агрессии против СССР» и «нарушения Японией пакта о нейтралитете». В переводе с агитпроповского языка под первым понималось военное планирование Японии в отношении нашей страны, под вторым – различные инциденты, неизбежные в годы войны между соседними нейтральными странами, если они принадлежат к враждующим коалициям. Это досмотр или захват гражданских судов другой стороны в своих территориальных или нейтральных водах (обычно по подозрению в провозе военных материалов или личного состава армий союзников), нарушения воздушного пространства и территориальных вод другой стороны, инциденты на границе (обстрел пограничных застав или кораблей) и т. д. После войны Япония оказалась виноватой во всём, Советский Союз ни в чём. О том, что все эти инциденты рано или поздно урегулировались, говорить было не принято.

Изучать советское направление военного планирования Японии трудно, поскольку из ключевых документов в подлиннике не сохранилось почти ничего: они были сожжены в последние месяцы и недели перед капитуляцией, как предписывал режим секретности. За неимением оных приходится опираться на позднейшие свидетельские показания и интерпретации, а это не лучший источник. Наиболее полное представление даёт послевоенная работа группы японских офицеров, в основном генштабистов, выполненная по требованию американских оккупационных властей как совершенно секретная (3). Замыслы в отношении СССР интересовали «заказчиков» далеко не в первую очередь, но лишь для полноты картины стратегии и тактики японской армии и флота, для понимания механизма выработки и принятия решений, а также для оценки информации, которой располагала разведка бывшего противника. Эта работа была частью большого труда, опубликованного на рубеже 1970–1980-х годов, когда он был рассекречен, утратив актуальность. Внимательное чтение двух томов, посвя-

щённых Советскому Союзу, позволяет сделать вывод, что военное планирование сводилось к рутинной проработке как оборонительных операций Квантунской армии на границе Маньчжоу-го с СССР и МНР в случае советского вторжения, так и наступательных действий, если позволит обстановка. Советские авторы этот серьёзный, написанный не с пропагандистскими целями труд, как правило, игнорировали.

Наличие в генеральном штабе в *мирное* время регулярно уточняемых и обновляемых планов как оборонительной, так и наступательной войны против всех вероятных противников говорит лишь о хорошей работе генштабистов, а не об агрессивных устремлениях военного или политического руководства государства. «Опасно выводить политические намерения из военных планов», – отметил А. Тэйлор (4). Из этого бесспорного утверждения следует исходить. Агитпроп всех стран – слово давно стало международным – поступает с точностью до наоборот. Япония на Советский Союз не напала – это непреложный факт, и наличие планов даже наступательной войны тут не при чём. Генштаб императорской армии и штаб Квантунской армии работали хорошо, а их офицеры не зря получали звания и награды: планы войны с северным соседом у них не только были, но регулярно обновлялись с учётом новой информации и изменений обстановки.

Нападение Германии на Советский Союз смешало все штабные карты, создав принципиально новую ситуацию в масштабах Евразии. 14 мая посол Татэкава поинтересовался у Молотова, что тот может сказать по поводу слухов о предстоящем конфликте с Германией. Нарком ответил, что «эти слухи не из московских источников» и что они «распространяются враждебными и недоброжелательными как для СССР, так и для Германии элементами». Посол беспокоился не зря: «Если бы вдруг произошло столкновение или война между Германией и СССР, то Советский Союз поневоле должен был бы сотрудничать с Англией и США». Молотов парировал: «Для беспокойства нет причины, и если бы кто думал, что действительно есть почва для беспокойства, то обе стороны нашли бы способ устранить причины, вызывающие это беспокойство». Тем не менее 16 июня Мацуока, вероятно, опираясь на информацию германского посла Отта или посла Осима из

Берлина, проинформировал членов Тайного совета о возможном ухудшении советско-германских отношений, но в подробности не вдавался.

Когда гром грянул, посол¹ Сметанин немедленно поехал к Мацуока и задал ему главный вопрос – будет ли Япония соблюдать пакт о нейтралитете? «Мацуока уклонился от прямого ответа... и тут же подчеркнул, что основой внешней политики Японии является тройственный пакт и, если настоящая (советско-германская – *В.М.*) война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с тройственным пактом, то пакт о нейтралитете “не будет иметь силы”. Но что окончательно позиция Японии выяснится после завтрашнего (25 июня)² заседания кабинета». Посол особо отметил, что беседа «проходила в сухом тоне со стороны Мацуока (не то, что было недавно)».

Мацуока резко изменил отношение к советским дипломатам на прямо противоположное, а его заместитель Охаси всегда был настроен антирусски и антисоветски. Сказалось это и на повседневной жизни. «Полицейские власти ужесточили и без того тяжёлый режим пребывания в Японии советских представителей, – вспоминал дипломат и разведчик М.И. Иванов, в ту пору работавший в консульском отделе посольства. – ...В этой обстановке Советское правительство приняло решение сократить персонал всех советских учреждений в Токио и эвакуировать членов семей сотрудников и дипломатов в Советский Союз» (5). Оставшиеся наблюдали за происходящим с удвоенной, утроенной бдительностью.

Японская политика, похоже, собиралась сделать крутой поворот. И говорил об этом никто иной, как Мацуока, ещё недавно клявшийся Сталину и Молотову в верности. Сметанин попросил его поступить «как подобает деятелю, которого советский народ принимал у себя, считал и считает как сторонника улучшения дружественных отношений между СССР и Японией». 26 июня

¹ Полпреды были переименованы в Чрезвычайных и Полномочных Послов (Посланников) Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1941 г.

² Беседа состоялась 23 июня, запись сделана 24 июня.

Зорге сообщал: «Мацуока сказал германскому послу Отту, что нет сомнений, что после некоторого времени Япония выступит против СССР». Однако в следующей шифровке от того же дня говорилось: «Германский посол Отт не имеет приказа давить на Японию вступать в войну. Источник Отто (Одзаки – *В.М.*) сказал, что японский флот в отношении (так в тексте – *В.М.*) вступления в войну будет наблюдать и выжидать» (6). Понятно, что в Москве царило беспокойство.

29 июня Молотов прямо спросил Татэкава о позиции Японии. «Татэкава отвечает т. Молотову, что он ещё не имеет об этом сообщения от своего правительства. Если же говорить о мнении министра иностранных дел Мацуока, то он искренне и сердечно думал о создании блока держав – СССР, Япония, Германия и Италия – и всячески хотел избежать возникновения этой войны. Татэкава далее говорит, что японское правительство находится в трудном положении, так как, с одной стороны, оно имеет тройственный союз, а с другой стороны – пакт о нейтралитете с СССР». Молотов парировал с помощью аргумента, который не пришёл в голову дилетанту Сметанину (по образованию тот был ихтиологом и пришёл в НКВД по «партийному набору»): «В этом (тройственном – *В.М.*) пакте оговорено, что он не затрагивает отношений каждого из участников этого пакта с СССР. Следовательно... надо полагать, что Япония по тройственному пакту не взяла на себя каких-либо обязательств против СССР». «Затем т. Молотов выражает пожелание, чтобы Япония и СССР как две соседние страны считались бы как с интересами данного момента, так и с интересами будущего и не делали бы каких-либо шагов к ухудшению отношений, которые, замечает т. Молотов, за последнее время, несомненно, стали улучшаться.... Татэкава целиком присоединяется к высказанному т. Молотовым мнению, чтобы обе стороны воздерживались от шагов, способных ухудшить отношения между обеими странами».

25 июня на заседании координационного комитета правительства и ставки Мацуока заявил: «Я заключил Пакт о нейтралитете, так как считал, что Германия и Советская Россия не начнут войну. Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы предпочёл за-

нять в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать Пакт о нейтралитете. Я заявил Отту, что мы останемся верными нашему союзу, несмотря на положения (советско-японского) Пакта... В том же духе я говорил с советским послом... Конечно же, я не говорил ему о разрыве Пакта о нейтралитете». Позиция министра была ясной: «Когда Германия победит и завладеет Советским Союзом, мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для неё. Мы должны либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь... Неужели мы не вступим в войну, когда войска противника будут переброшены на Запад?».

Почему он так поступил? Современники, а затем историки терялись в догадках. Поверил в неминуемый успех блицкрига и решил «не опоздать на автобус», проявив себя как типичный оппортунист? Стремился любой ценой войти в историю, понимая, что туберкулез делает своё дело? Повредился рассудком от головокружительного развития событий, как прямо сказал на одном из заседаний кабинета его главный антагонист министр внутренних дел Хиранума Киитиро? Полагаю, что и первое, и второе, и третье.

То, что говорил Мацуока, укладывалось в «дохалхингольскую» военную доктрину Японии в радикальном варианте. Однако на сей раз «сумасбродного гения» никто не поддержал. Даже военный министр Годзио Хидэки заметил: «Мы не должны полностью полагаться на Германию». Его поддержал – редкий случай! – морской министр Оикава Косиро: «Не следует планировать удар по Советской России, нужно готовиться к движению на юг. Флот не хотел бы провоцировать Советский Союз» (7). Премьер Коноэ даже «рассматривал возможность ликвидации Тройственного пакта, поскольку тот утратил *raison d'être*¹ после того, как Германия без каких-либо консультаций с Японией начала войну против России и тем самым создала ситуацию, совершенно несовместимую с предположениями участников союза о вовлечении в него СССР» (8). Война между Германией и Советским Союзом не только похоронила все надежды на сотрудничество Бер-

¹ Смысл существования (франц.).

лина, Москвы и Токио, которое было одной из главных целей Тройственного пакта, но лишила его участников последней реальной возможности взаимной помощи, особенно необходимой в случае войны. Иными словами, пакт раз и навсегда утратил практическую ценность. Коноэ это понимал, но на более активные действия не решился (9).

Кабинет заседал ежедневно, как Татэкава и сказал Молотову. 27 июня Мацуока настойчиво повторял: «Мы должны сначала ударить на Севере, а затем нанести удар на Юге... Нам следует ударить на Севере, даже если мы в некоторой степени отступим в Китае... Я хотел бы иметь решение о нанесении первоначального удара на Севере и сообщить об этом намерении Германии... Я хотел бы принятия решения напасть на Советский Союз». Другими словами, он требовал принятия стратегического и политического решений одновременно. Хиранума, испытывавший к министру-пассионарию личную антипатию, наставительно сказал: «Господин Мацуока, подумайте должным образом о проблеме, с которой мы имеем дело». Начальник генерального штаба армии генерал Сугияма Гэн просто, но решительно сказал: «Нет». Его поддержал – снова трогательное единодушие традиционно враждовавших ведомств – начальник генерального штаба флота адмирал Нагано Осаму (10). Поэтому 28 июня Зорге радировал: «Отт понял, что Япония не выступит на север сейчас» (11).

30 июня весы как будто качнулись в сторону «северного варианта»: его осторожно поддержал русофоб и антикоммунист Хиранума. Может быть, после реплики Мацуока, что «великие люди должны уметь менять своё мнение»? Но главное решение было принято 2 июля: на Советский Союз не нападать, пока он сам не рухнет под ударами вермахта, т. е. пока не будет оккупирована как минимум его европейская часть. Таким образом, Япония готовилась к роли «вора на пожаре», как позже окрестят вступление СССР в войну с ней в августе 1945 г. За нападение ратовал только председатель Тайного совета Хара. Даже Мацуока был уже не так настойчив.

В литературе встречаются утверждения, что сторонником немедленной войны с СССР выступал военный министр Тодзио. В доказательство обычно приводятся его слова: «Нападение долж-

но произойти тогда, когда Советский Союз, подобно спелой хурме, готов будет пасть на землю» (12). Милитарист и представитель «квантунской клики» Годзио не оставлял мысли об экспансии в Приморье, но только в том случае, если Советский Союз потерпит поражение в войне с Германией и не сможет оказать Японии никакого сопротивления. Мацуока, призывавший к немедленно и безусловно вступлению в войну, занимал как раз противоположную позицию. Следовательно, можно считать, что стратегическое решение о войне против СССР было. 5 июля Годзио утвердил план «Кантокуэн» («Особые манёвры Квантунской армии»), ставший после войны дежурным доказательством агрессивности Японии. Как хороший служака, военный министр был готов ввести его в действие, как только правительство примет политическое решение. Но принято оно так и не было, не говоря уже о решении тактическом. Штабные разработки, сколь подробными они бы ни были, остались на полках.

После заседания Мацуока вызвал Сметанина и, снова выразив сожаление по поводу конфликта, который поставил Японию в сложное положение, сообщил, что Токио будет придерживаться пакта о нейтралитете, но оставляет за собой свободу действий в случае изменения обстановки (13). Одновременно министр продолжал заверять германского посла, что прилагает все усилия для скорейшего вступления Японии в войну, на чём теперь настаивал Риббентроп, давший соответствующее поручение своему послу в Токио (14).

12 июля в Москве Молотов и британский посол Стаффорд Криппс подписали соглашение о совместных действиях в войне против Германии. 15 июля нарком проинформировал о нём Татэкава, заявив, что оно «касается только Германии и... не может дать почву к недоразумениям между СССР и Японией», а Советский Союз будет неукоснительно соблюдать пакт о нейтралитете. Посол заметил: «Англия для Японии почти враг, а японский народ так прямо и считает, что Англия является врагом Японии. И то, что СССР заключил соглашение с врагом Японии, не может, по мнению Татэкава, не повлиять на чувства японского народа к СССР в сторону охлаждения... Очень желательно, чтобы СССР не предпринимал дальнейших шагов, которые могли бы

дать общественному мнению Японии повод быть настроенным против СССР, ибо в таком случае японскому правительству будет очень трудно сдерживать естественное проявление чувств японского народа». Короче говоря, пугал. Но на прощание счёл нужным сказать: «Мацуока не знал о намерении Германии воевать против СССР вплоть до 22 июня... Тов. Молотов тогда спрашивает у Татэкава, как же это так могло получиться, что Германия поставила участника тройственного пакта перед совершившимся фактом. Татэкава думает... что Германия думала, что Япония против этой войны». Через полгода Япония поставит Германию перед совершившимся фактом нападения на Пёрл-Харбор.

В день подписания соглашения с Великобританией Сметанин был у Мацуока и снова пытался получить конкретный ответ об отношении к пакту о нейтралитете. На следующий день министр вручил ему памятную записку, однако что-либо понять из неё было непросто: «Пакт остается в силе, хотя и не применим к германо-советской войне (? – *В.М.*)... Пакт сохраняет свою силу постольку, поскольку он не будет противоречить Тройственному пакту в тех его аргументах, в которых Япония должна уважать цели и дух Тройственного пакта (? – *В.М.*)... Поскольку это касается нынешней войны, то я уверен, что в настоящее время Япония будет занимать такую позицию, при которой она свободно, не связывая себя ни пактом о нейтралитете, ни Тройственным японо-германо-итальянским пактом (? – *В.М.*), сможет определить собственную политику» (текст из АВП РФ).

Но это было уже не столь важно, потому что дни пребывания Мацуока в должности главы внешнеполитического ведомства были сочтены. Ни Молотов, ни Сметанин не знали о том, что японское правительство оказалось перед лицом кризиса. Вернувшись из Европы, Мацуока всерьез вознамерился стать следующим премьером. «Господи, помоги Японии, если это случится», – записал 2 мая в дневнике американский посол Грю (15). Министр начал пропагандировать «дипломатию Мацуока» как альтернативу курсу правительства, требовал аудиенций у императора без согласования с премьером (серьёзное нарушение субординации!), но сразу же столкнулся с сопротивлением бюрократических кругов во главе с Хиранума, затем всех министров

и армейского руководства. Чашу терпения переполнили выпады Мацуока против США и Великобритании в то время, когда премьер пытался нормализовать отношения с Вашингтоном. 16 июля Коноэ подал в отставку и два дня спустя сформировал кабинет почти в том же составе, но без беспокойного министра, которого сменил осторожный адмирал-интеллектуал Тоёда Тэйдзиро. Годом раньше официоз МИД «Современная Япония» возвещал: «Время старой дипломатии прошло». Теперь на его страницах говорилось, что японской дипломатии нужен лидер-прагматик с «ясной головой», а не романтик (16). И хотя офицеры генерального штаба армии снова попытались поднять вопрос об участии в войне против СССР, политическое руководство не стало возвращаться к этой теме. Не подействовали даже впечатляющие успехи вермахта в первые месяцы войны.

Совершенно неверную характеристику новому правительству дал гомиьндановский посол в Москве Шао Лицзы в разговоре с замнаркома Лозовским 22 июля: «Новый министр иностранных дел Тоёда является представителем наиболее агрессивных элементов в японском флоте (? – В.М.)... Уход Мацуока из состава кабинета означает устранение помех при движении в северном направлении (?! – В.М.), но первый шаг Японии будет направлен на юг, с тем чтобы захватить Индокитай, Тай (Таиланд – В.М.) и Бирму, причём японцы не отказываются от своих намерений об агрессии и в северном направлении» (советская запись). Так нередко бывает: документ подлинный, а на его содержание полагаться нельзя.

25 июля Сметанин задал новому министру иностранных дел вопрос о позиции Японии в отношении советско-германского конфликта. Тоёда ответил только 5 августа, после совещания кабинета и ставки, состоявшегося накануне и принявшего предложенные министром «Принципы дипломатических переговоров с Советским Союзом»: Япония будет верна пакту о нейтралитете, если СССР будет соблюдать его; в противном случае он потеряет силу. 13 августа посол передал Тоёда ответ из Москвы. Советское правительство с удовлетворением восприняло готовность Японии соблюдать пакт о нейтралитете и подтвердило свою верность ему, одновременно напомнив об обещании Мацуока ликвидировать

концессии на Северном Сахалине, для чего тот в письме от 31 мая просил шесть месяцев с момента подписания пакта. Тоёда от обещаний не отказался, но и не подтвердил заявленных ранее сроков (17). В итоге ликвидация концессий затянулась до весны 1944 г., а до того «на северном Сахалине сложилась парадоксальная на первый взгляд ситуация: там бок о бок работали советские и японские нефтяники под общим девизом “Всё для фронта. Всё для победы”. <...> Промысел работал ритмично, нефть в тёплое время года перегружалась на японские танкеры в заливе Урукт и уходила в Японию – чтобы стать бензином для базовой и палубной авиации, мазутом и соляром для надводных кораблей и подводных лодок. Конечно, никакого сравнения с объёмами поставок с Борнео, Явы и Суматры, но зато ритмично и плечо перевозок короткое. И подводных лодок антияпонской коалиции не так много, как на юге» (18).

Проблем в двухсторонних отношениях осталось немало, и война принесла с собой новые, но стало ясно – нападать на Советский Союз, кроме как в случае его полного краха на Западе, Япония не собирается. 23 августа 1941 г., во вторую годовщину «пакта Молотова-Риббентропа», не отпразднованную уже никем, Зорге сообщал: «Коноэ дал указание Умэдзу (командующему Квантунской армией – *В.М.*) избегать каких-либо провокационных действий» (19). Указание выполнялось аккуратно (мелкие пограничные стычки, конечно, были и позже), но в Москве продолжали нервничать. В тот же день Лозовский направил Молотову записку, в которой «в связи с напряженным положением на Дальнем Востоке» предлагал послать туда «группу ответственных работников под руководством одного из членов или кандидатов Политбюро, для того чтобы подготовить парторганизации, армию и всё население к надвигающейся японской агрессии против Советского Дальнего Востока». В записке от 1 ноября замнаркома гадал, что могут потребовать японцы, пользуясь тяжёлым положением СССР (Гитлер под Москвой!). Наконец, 19 декабря он написал Молотову личное письмо, где утверждал: «Во всяком случае до столкновения с Японией остается несколько месяцев».

Осенью Наркомат иностранных дел переехал из Москвы в Куйбышев. Работы поубавилось, поэтому Лозовский предложил следующее: «Мне кажется, что я обязан заниматься японцами не только в мирное время, но и особенно в предвоенное и военное время. Поэтому прошу направить меня на Дальний Восток для того, чтобы помочь нашим партийным, военным и советским организациям встретить “дорогих гостей”... Помимо организации всех сил на нашей территории для своевременного и мощного отпора японцам необходимо также учесть и возможную роль партизанского движения в Маньчжурии в разгроме японских захватчиков. Мне кажется, – суммировал замнаркома, в душе которого проснулся партизан, – что я на Дальнем Востоке буду сейчас более полезен, чем в Куйбышеве. Поэтому прошу поддержать мою просьбу перед ЦК о посылке меня на работу на Дальний Восток». Однако в Кремле располагали информацией от разведчиков, что войны можно не опасаться (20), и «партизанить» замнаркома не поехал.

14 сентября Зорге радировал из Токио: «По мнению посла Отта, выступление Японии против СССР теперь уже вне вопроса. Япония сможет выступить только в случае, если СССР перебросит в большом масштабе свои войска с Дальнего Востока» (21). Но здесь мы полностью переиграли японскую разведку. Генерал-майор Пётр Григоренко (в описываемое время – подполковник, офицер оперативного управления Дальневосточного фронта, впоследствии – правозащитник) вспоминал о событиях лета–осени 1941 г.: «Шла сверхсрочная отправка восьми дивизий на спасение Москвы. Потом приказали отправить ещё четыре, потом по одной, по две отправили ещё шесть. Всего восемнадцать дивизий из общего числа девятнадцати, входивших в состав фронта. Не отправлена только одна 40-я, да и то, видимо, потому, что вынимать её из Посьета было очень трудно. Вместо каждой отправляемой на фронт Опанасенко (И.Р. Апанасенко, генерал армии, командующий фронтом с начала 1941 г. – *В.М.*) приказывал формировать на том же месте второочередную. За эти формирования Опанасенко заслуживает памятника. Ведь все формирования он вёл по собственной инициативе и на собственную ответственность, при неодобрительном отношении ряда ближайших своих помощни-

ков и при полной безучастности и даже иронии центра. Центр знал о формированиях, но был убеждён, что формировать что-либо на Дальнем Востоке без помощи центра невозможно: людей нет, вооружения нет, транспорта нет и вообще ничего нет. Поэтому центр, зная об организационных потугах Дальневосточного фронта, делал вид, что ему об этом ничего не известно. Пусть, мол, поиграют там в мобилизацию. Но Опанасенко всё нашёл. Провёл мобилизацию всех возрастов до пятидесяти пяти лет. Основательно пообчистил лагеря, имевшие выход к шоссе или железным дорогам. Даже из Магадана получил какое-то количество призывного контингента, в том числе офицеров.

Таким образом, вопрос с людьми был решён. Здесь не место подробно рассказывать, как решались вопросы вооружения, транспорта. Что-то за счёт развернувшегося местного производства, что-то подбрасывал и центр: лошадей из Монголии, артиллерию и транспорт из Сибири. Позднее стали присылать даже пополнение из Средней Азии. Правда, это была условная помощь, поскольку присылалось совершенно небоеспособное пополнение взамен хорошо обученных солдат-дальневосточников, отправляемых по требованию Москвы маршевыми батальонами на фронт. В общем, несмотря на совершенно невероятные трудности, взамен всех ушедших были сформированы второочередные. Их было сформировано даже больше на две или три. Когда новые формирования стали реальностью, у Генштаба наконец “прорезался голос”. Были утверждены и получили номера все вновь сформированные дивизии. Причём центр настолько уверовал в серьёзность новых формирований, что забрал в действующую армию ещё четыре дивизии, уже из числа второочередных.

За время с июля 1941 по июнь 1942 года Дальний Восток отправил в действующую армию двадцать две стрелковые дивизии и несколько десятков тысяч маршевого пополнения. Теперь мы знаем уже, что в течение первого года войны между японцами и немцами шла серьёзная перепалка. Немецкая разведка утверждала, что Советы “из-под носа” японцев уводят дивизии и перебрасывают их на запад. Японская же разведка настаивала на том, что ни одна советская дивизия не покинула своих мест дислокации. Трудно даже представить, как развернулись бы события на Дальнем

Востоке, если бы там командовал человек-исполнитель. Он бы отправил все войска, как того и требовала Москва, и ничего бы не сформировал, поскольку самовольные формирования запрещены категорически. Одной оставшейся дивизией, тремя штабами армий и одним штабом фронта, даже вместе с пограничниками, не только оборонять, но и наблюдать огромной протяженности границу Дальнего Востока невозможно. Опанасенко проявил в этом деле государственный ум и большое мужество. Принцип “не оставлять пустого места там, где дислоцировалась отправленная дивизия” не только укрепил обороноспособность фронта, но и явился прекрасным способом маскировки, признанным впоследствии и Генштабом. Когда забрали последние четыре дивизии (уже второочередные), Генштаб, не имея сил и средств на создание такого же числа новых (третьеочередных) дивизий, приказал сформировать взамен каждой из них по стрелковой бригаде» (22).

Пришёл черед и японской стороне задавать вопросы с тревогой в голосе. 18 октября генерал Тодзио сформировал правительство вместо ушедшего в отставку Коноэ. Новым министром иностранных дел стал Того. Он принял должность с условием, что Япония воздержится от войны на Тихом океане, пока не будут исчерпаны все мирные, прежде всего, дипломатические, средства для урегулирования отношений с Соединенными Штатами. Однако уже в ноябре стало ясно, что, если не произойдет радикальных перемен в ходе затянувшихся японско-американских переговоров, война неизбежна. К ней готовились обе стороны.

22 ноября Того вызвал Сметанина и попросил подтвердить, продолжает ли Советский Союз придерживаться позиции, заявленной 13 августа: сохранять верность пакту о нейтралитете и не заключать с третьими странами соглашений, направленных против Японии. Министра особенно интересовало обязательство не предоставлять базы третьим странам. Контекст беседы очевиден: Того желал увериться, что СССР не станет союзником США и Великобритании в неотвратимо надвигающейся войне на Тихом океане. Министру надо было подготовиться к вопросам коллег по кабинету, среди которых он слыл знатоком России. Сметанин терпеливо повторял, что пакт и заявление остаются в силе, хотя напомнил, что о соглашениях с третьими странами в нём ничего

не сказано. Тем не менее Того продолжал нервничать и 28 ноября попросил у посла письменное обязательство от имени его правительства. От этого Сметанин предусмотрительно отказался, сказав, что «в японском МИД всё это уже записано, и он не считает необходимым ещё раз писать о том же самом». Министру пришлось смириться, тем более что после «ноты Хэлла» 26 ноября остановить войну было возможно только ценой немедленных согласованных усилий и взаимных уступок обеих сторон. Но делать этого никто не собирался¹. С 8 декабря 1941 г. Япония находилась в состоянии войны с США и Великобританией, о чём министр в тот же день лично уведомил советского посла, а Татэкава днем позже – замнаркома Вышинского. «Но это нисколько не повлияет и не изменит взаимоотношения между Японией и СССР, – заявил Того Сметанину. – Об этом я хочу заявить особо» (23). 11 декабря Гитлер произнес в рейхстаге патетическую речь и, перечислив враждебные акты Рузвельта в отношении Германии, сообщил об объявлении войны Соединенным Штатам. Конфликт стал общемировым.

Нападение на Пёрл-Харбор совпало с прибытием в Вашингтон нового советского посла – Максима Литвинова, перед которым президент Рузвельт и государственный секретарь Кордэлл Хэлл сразу поставили вопрос об участии СССР в войне против Японии. 11 декабря посол получил инструкцию Молотова:

«По вопросу о нашей установке в связи с японо-американской войной Вам сообщается, что мы не считаем возможным объявить в данный момент состояние войны с Японией и *вынуждены* (выделено мной – *В.М.*) держаться нейтралитета, поскольку Япония будет соблюдать советско-японский пакт о нейтралитете. Мотивы:

Первое. Советско-японский пакт обязывает нас к нейтралитету, и мы не имеем пока оснований не выполнять своё обязатель-

¹ Автор придерживается точки зрения, что президент Рузвельт и его окружение заранее знали о готовящемся нападении на Пёрл-Харбор и, стремясь получить законный повод для участия в войне против держав «оси», сознательно дали Японии возможность «сделать первый выстрел». Это исчерпывающе доказано в работах американских историков: Г.Э. Барнес, Дж. Моргенстерн, Ч.К. Тэнзилл, П. Грейвс, Дж. Мартин, Дж. Толанд, Р.Б. Стиннет и др.

ство по этому пакту. Мы не считаем возможным взять на себя инициативу нарушения пакта, ибо мы сами всегда осуждали правительства, нарушающие договоры».

Иными словами, с нашей стороны первого выстрела не будет.

«Второе. В настоящий момент, когда мы ведём тяжёлую войну с Германией и почти все наши силы сосредоточены против Германии, включая сюда половину войск с Дальнего Востока, мы считали бы неразумным и опасным для СССР объявить теперь состояние войны с Японией и вести войну на два фронта. Советский народ и советское общественное мнение не поняли бы и не одобрили бы политику объявления войны Японии в настоящий момент, когда враг ещё не изгнан с территории СССР, а народное хозяйство СССР переживает максимальное напряжение, имея в виду при этом, что Япония держится нейтралитета и не даёт пока что повода для объявления войны... Мы думаем, что главным нашим общим врагом является всё же гитлеровская Германия, ввиду чего ослабление сопротивления СССР гитлеровской агрессии привело бы к усилению держав “оси” в ущерб СССР и всем нашим союзникам».

Если отбросить дежурную риторику про «советский народ и советское общественное мнение», директива Молотова, адресованная, судя по выражениям, не столько Литвинову, сколько Рузвельту и Хэллу, говорила: Советский Союз рассматривает Японию как потенциального противника в войне. Это и есть окончательное стратегическое решение, хотя возможность войны с Японией Сталин не исключал как минимум со времени «Маньчжурского инцидента» 1931 г.

Каковы были военное планирование и военные приготовления СССР против Японии? Советские планы не публиковались и в научный оборот не введены, за исключением кампании августа 1945 г. (24), поэтому сравнить их с японскими мы не можем. У нас нет оснований для вывода, что Кремль принял окончательное стратегическое решение (потенциально оно существовало, видимо, с конца 1931 г.) о войне с Японией ранее начала войны на Тихом океане. Но после Пёрл-Харбора всё определилось. С 22 июня тревожился Советский Союз, опасавшийся удара в спину на

Дальнем Востоке. С 7 декабря пришёл черед беспокоиться японцам. В полномасштабном военном конфликте с Соединенными Штатами они были обречены на поражение. Возможно, с учётом удалённости главных сил США от основного театра военных действий и потенциального эффекта внезапного нападения они рассчитывали на что-то вроде компромиссного мира. Вступление СССР в войну на стороне Америки, даже если его участие в собственно боевых действиях было бы не слишком активным, делало такой ход событий невозможным.

В борьбе мировых коалиций Япония определилась, но старалась не увеличивать число врагов. «Я всегда в своих выступлениях подчёркиваю, – говорил министр иностранных дел Того 14 августа 1942 г. новому советскому послу Якову Малику, – что Германия является нашим союзником, а с СССР у нас существуют нейтральные отношения». Малик не возражал. Хотя потом, на Токийском процессе, советское обвинение сделало головокружительный с юридической точки зрения вывод, что нападение Японии на Пёрл-Харбор уже само по себе освобождало СССР от необходимости соблюдать пакт о нейтралитете.

Не будем в деталях рассматривать советско-японские отношения 1942–1944 гг. – кто когда кому вручил какую ноту и что ответила на это другая сторона. Они подробно описаны Дж. Ленсеном по японским документам и Б.Н. Славинским – по российским. Значимых событий в эти годы между нашими странами, можно считать, не было – ни хороших, ни плохих. Значимые события происходили на других фронтах – в прямом и переносном смысле слова.

Ситуацию осложнила резкая реакция Токио на поставки американских грузов в СССР, которые японские официальные лица пытались представить как помощь режиму Чан Кайши. Советское правительство не поддалось нажиму и отказалось видеть в торговле с США «недружественный» по отношению к Японии акт, а затем начало укреплять оборону своих берегов и территориальных вод с помощью минных постановок. 5 ноября японский пароход «Кэхи мару» подорвался на плавающей советскойmine, но Москва категорически отрицала свою причастность. 21 декабря

советский танкер «Майкоп» был потоплен японской авиацией. Подобные инциденты не прекращались и в следующие годы, но в конце концов улаживались, поскольку к этому стремились обе стороны. В процессе подготовки к участию в Международном военном трибунале для Дальнего Востока советская сторона делала акцент исключительно на враждебных акциях Японии, стремясь обвинить её в сознательном нарушении пакта о нейтралитете (25). Однако оценка ситуации и изучение имеющихся источников приводят к выводу, что подобные действия допускали обе стороны и что они вряд ли мотивировались политически, а были вызваны общими условиями и мерами военного времени.

Напряжённость сказалась и в условиях работы японских концессионеров на северном Сахалине, в отношении которых местные власти всё чаще применяли политику административного прессинга с целью побудить Токио к скорейшему выполнению договорённости о ликвидации концессий на условиях компенсации. Японцы продолжали лов рыбы в советских водах, но двусторонняя торговля окончательно пришла в упадок, особенно после прекращения евразийского транзита с началом Великой Отечественной войны. Торговый договор, проекты которого были подготовлены ещё в январе 1940 г., сразу после подписания Молотовым и Того соглашения о продлении рыболовной конвенции, был парафирован за десять дней до нападения Германии на СССР, но до его заключения дело так и не дошло. В разговорах с советскими дипломатами японские бизнесмены не раз говорили, что новым контрактам и увеличению товарооборота препятствовало японское правительство.

В 1942 г. в обеих столицах сменились послы: молодой и хваткий Малик вместо ихтиолога Сметанина; старый и опытный Сато Наотакэ вместо генерала Татэкава. Сато регулярно общался с Молотовым и Лозовским (26). Малик имел свободный доступ ко всем министрам иностранных дел, включая премьера Тодзио, когда тот недолгое время совмещал эти посты. Не избегал он и контактов с представителями деловых и интеллектуальных кругов – вроде члена палаты пэров графа Гото Итидзо, старшего сына Гото Симпэй.

С начала 1943 г. отношение японцев к советским представителям в Стране корня солнца стало заметно меняться к лучшему – не без влияния победы под Сталинградом. Дипломат Андо Ёсиро поднял тост «за победу советской и японской армий, ибо только эти две армии достойны победы, и они победят. Это – результат силы СССР и Японии и главным образом результат существующего между ними нейтралитета». Один из журналистов заметил корреспонденту ТАСС: «Было бы хорошо превратить Пакт о нейтралитете в пакт о ненападении, а ещё лучше, пожалуй, в военный союз, даже хотя бы и против Германии». В таком же духе высказывались некоторые военные, включая влиятельного маршала Сугияма Гэн. В Москве об этом знали – приведённые цитаты заимствованы из политического отчёта посольства, подписанного Маликом. «Расширять число врагов, а тем более бросать вызов Советскому Союзу – не только бессмысленно, но и чрезвычайно опасно», – суммировал посол японские настроения в другом докладе.

30 марта 1944 г. Сато и Лозовский после долгих переговоров подписали протоколы о ликвидации концессий на Сахалине: советское правительство национализировало их на условиях уплаты японскому правительству 5 млн. руб. и ежегодных поставок 50 тыс. тонн нефти в течение пяти лет – и об очередном продлении рыболовной конвенции, срок действия которой истёк в декабре 1943 г. Токийская пресса встретила это событие демонстративным оптимизмом, что не прошло мимо внимания посольства. Малик отметил, что многие молодые японские дипломаты «склонны считать, что *с Россией Япония всегда может и должна жить в дружбе*», подчеркнув эти слова. 13 апреля японская печать дружно отреагировала на третью годовщину пакта о нейтралитете, а министр иностранных дел Сигэмицу Мамору устроил завтрак в честь Малика. И даже 16 сентября 1944 г., когда советское руководство уже приняло политическое решение о войне с Японией, Молотов говорил Сато: «Между нашими странами, в особенности в период пребывания Сато на посту посла в Москве, установились нормальные отношения, хотя раньше было немало недоразумений. За последнее время таких недоразумений не бы-

ло. Текущие вопросы мы рассматриваем и разрешаем в порядке существующих нормальных отношений. Для этого успешно работает наш посол в Токио и посол Сато в Москве... Советское правительство считает, что советско-японские отношения развиваются нормально и в хорошем направлении, что показало, например, заключение (концессионного и рыболовного) соглашений весной этого года».

Есть и противоположные свидетельства. Жизнь советских дипломатов в Японии военных лет описали Михаил Иванов и Николай Адырхаев, японских в СССР – Сато Наотакэ и Морисима Горо (27). Мемуары всех четверых рисуют картину постоянных конфликтов, мелких придирок, враждебных акций и тотальной полицейской слежки. К японским представителям в СССР относились корректно, но позволяли им меньше, чем союзникам. После переезда в Куйбышев посольство находилось под круглосуточной охраной НКВД. Телеграфная связь с Токио, по сравнению с довоенными временами, улучшилась, были сняты ограничения на получение газет и журналов, но японские журналисты, эвакуированные из Москвы осенью 1941 г. вместе с дипломатами, в столицу в первые годы войны не допускались. Консульства во Владивостоке и на Сахалине находились под более жёстким контролем и испытывали затруднения с получением продовольствия и почты. Японцы после ликвидации концессий на северном Сахалине закрыли консульства в Александровске и Охе, которые стали не нужны. В свою очередь Советский Союз, основываясь на принципе взаимности, отказался от консульств в Цуруга и Хакодате. Шла война, а обе страны были «полицейскими государствами», где любой иностранец казался подозрительным по определению, а враг наших союзников и союзник наших врагов – подозрительным вдвойне. Кто кого превзошел, судить не берусь.

В газетах обеих стран – в японских чаще – попадались недружественные заявления в адрес друг друга, но официальные лица отмежевывались от них. В Японии периодически появлялись книги об «угрозе с Севера» и необходимости «обороны» от неё, об истории борьбы с «русской агрессией» на Сахалине, Курилах и в Маньчжурии, в то время как другие авторы подчёркивали

«вековые» и «неизбежные» противоречия между Россией и «ангლოსаксами». Продолжали издаваться журналы, популярные и научные книги о нашей стране, в которых не было никакого недоброжелательства или враждебности. Регулярно выходила любимая японцами русская классика. В СССР до конца 1944 г. практически не появлялось откровенно антияпонской литературы. Наоборот, в 1942 г. вышел перевод «Дипломатических комментариев» бывшего министра иностранных дел Исии – одной из лучших книг о японской политике XX в. – с благожелательным предисловием бывшего полпреда в Токио Трояновского и в переводе его сына Олега, будущего советского посла в Японии. Жаль, что с тех пор она ни разу не переиздавалась.

Можно с полным правом повторить слова Б.Н. Славинского: «Советско-японские отношения в течение 1941–1945 гг. не отличались особой теплотой и дружелюбием, но были нормально-деловыми» (28). С поправкой, что это были максимально хорошие отношения, возможные между участниками воюющих блоков.

Глава двадцатая

ПОЧЕМУ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ВСТУПИЛ В ВОЙНУ С ЯПОНИЕЙ

Политическое решение советского руководства о вступлении в войну с Японией было впервые озвучено Сталиным – правда, в глубокой тайне, только для союзников – в октябре 1943 г. на Московской конференции министров иностранных дел антигитлеровской коалиции. В протоколы, но опять-таки как совершенно секретное, оно попало на Тегеранской конференции Сталина, Рузвельта и Черчилля в конце ноября – начале декабря того же года. Японцы об этом не знали и узнать не могли, хотя изо всех сил гадали, о чём совещалась и что решила «большая тройка». Они утешались отсутствием в иранской столице Чан Кайши, что позволяло считать конференцию военным советом против Германии. Аналогичным образом было истолковано и отсутствие советских нотаблей на конференции США, Великобритании и Китая в Каире, где Рузвельт и Черчилль встретились по пути в Тегеран. Именно там была принята декларация с требованием безоговорочной капитуляции Японии, подписанная 27 ноября и опубликованная 1 декабря 1943 г.

Когда Советский Союз довёл до сведения японского руководства своё политическое решение? Официально об этом никто никогда не объявляет, но противная сторона должна получить недвусмысленный сигнал, что дело плохо. Таковым можно считать доклад Сталина 6 ноября 1944 г., который три дня спустя был опубликован во всех крупных японских газетах – беспрецедентный случай – лишь с незначительными сокращениями во внутриполитической части. Полностью было приведено всё сказанное о странах «оси» – союзниках Японии и об антигитлеровской коалиции – её противниках. Но главное – о самой Японии, которая

была открыто и жёстко названа «агрессивным государством», т. е. одним из тех, с кем Советский Союз вёл войну до победного конца. Ничего хорошего для Токио это не предвещало. Японская пресса уже в заголовках и подзаголовках чётко передала основные положения доклада: «Сталин нападает на агрессивные страны. Единый фронт Советского Союза, США и Англии. Действовать до конца и правильно. Разоружить агрессивные страны. Приостановить агрессию совместными усилиями трёх стран». Прямо-таки коммунистическая пропаганда, за которую в мгновение ока можно было оказаться в тюрьме. Что же произошло?

7 ноября в советском посольстве состоялся праздничный приём, отличавшийся необычным многолюдством – более 160 человек. Такого «созвездия» гостей здесь давно не видели. Министр иностранных дел Сигэмицу Мамору, как и годом раньше, сидел долго и не хотел уходить, хотя его предшественник Тани Масаяки управлялся с этой «повинностью» за четверть часа. Кроме Сигэмицу на приёме были его заместитель Савада, в 1928 г. переводивший беседу Танака с Трояновским, бывший премьер Хирота, бывшие министры иностранных дел Арита и Тоёда, министр двора Мацудайра, в 1922 г. возглавлявший японскую делегацию в Чанчуне, и многие другие. Фуруно Иносукэ, глава информационного агентства Домэй, сообщил Малику что доклад Сталина будет опубликован полностью. Премьер-министр Койсо Куниаки, Мацуока и Татэкава поблагодарили за приглашение, но сообщили, что не придут. Малик прокомментировал, что Мацуока, видимо, неудобно появляться в посольстве ввиду его прогитлеровской позиции на первом этапе войны. Не пришли и не ответили на приглашение Коноэ и Того. «В прежние года Коноэ также не был, – сообщал посол в Москву, – но отвечал всегда любезно и аккуратно».

В конце пространной записи о приёме посол сформулировал своё общее впечатление: «Замечание тов. Сталина о Японии как об агрессивном государстве ещё более озадачило японцев, усиливает у них чувство беспокойства и неуверенности, настораживает их. Следует, по-видимому, ожидать с их стороны активизации попыток уточнить позицию СССР на данном этапе, хотя бы на ближайшее будущее». Он особо отметил разговорчивость Хирота,

который, конечно, пришёл не для того чтобы выпить водки и поболтать. Экс-премьер и бывший посол в СССР напомнил о неоднократных предложениях японского правительства отправить в Москву специального представителя с широкими полномочиями, чтобы обсудить весь спектр проблем двусторонних отношений. «Я именно и есть тот представитель, которого японская сторона имеет намерение послать в Москву», – заявил он. Малик, отвечавший на подобные демарши маловразумительными отговорками, заметил, что «обстановка сейчас весьма деликатная, и не всегда возможно быстро разрешить позитивно тот или иной вопрос». Ответ сделал бы честь любому японскому бюрократу!

Идею специальной миссии в Москву Сигэмицу начал разрабатывать с начала осени 1943 г. 10 сентября Сато впервые сообщил об этом Молотову и уже через три дня получил вежливый, но решительный отказ. Сыграло свою роль и то, что посол не имел детальных инструкций: в Кремле требовали подробностей предполагаемой миссии, а Токио стремился сначала заручиться принципиальным согласием на её приём. Потом эта история регулярно повторялась. Разгром «оси» в Северной Африке, успехи Красной Армии, капитуляция Италии и отказ Советского Союза от любого мирного посредничества между Москвой и Берлином подводили японских дипломатов к мысли о необходимости эффектного дипломатического демарша. Сигэмицу попытался повторить свои мирные предложения в апреле 1944 г., в связи с заключением рыболовного соглашения, но с тем же результатом. Новый советский ответ содержал лишь ссылку на предыдущий, добавить к которому было нечего. Пакт о нейтралитете оставался в силе, но, как показывают рассекреченные в декабре 1996 г. материалы закрытых заседаний нижней палаты японского парламента, министр иностранных дел уже осенью 1943 г. предвидел возможность расторжения пакта Москвой, как только он станет ей не нужен (1).

В июле 1944 г. пал Сайпан, а вслед за ним и кабинет Тодзио. Положение «оси» ухудшалось с каждым днем. Новое правительство возглавил бывший губернатор Кореи генерал Койсо. Морским министром с правами вице-преьера был назначен адмирал Ёнаи, поддержавший попытки наладить отношения с СССР. Малик сделал следующие выводы:

«1. Япония отчётливо понимает, что сохранение нормальных отношений с СССР и даже улучшение их на основе некоторых уступок является одним из необходимых условий для некоторого относительного усиления позиций Японии на Тихом океане в её борьбе против США и Англии. Японцы также полагают, что это может оказаться полезным и для успешного “выползания” Японии из войны...

2. Японское правительство стремится упрочить свои отношения с СССР не путём серьёзных политических или существенных экономических уступок, а путём заключения “идеологического” блока под лозунгом борьбы с угрозой англо-американской мировой гегемонии. Такая хитроумная формулировка развязывает руки Японии и перед лицом фашистской Германии, союзника Японии... Это, однако, не исключает того, что по мере ухудшения для Японии военной и международной ситуации японское правительство может более решительно пойти и на существенные уступки, добываясь этим путём улучшения отношений с Советским Союзом.

3. Свои отношения с Советским Союзом Япония строит на той основе, что она не находится в состоянии поражения и не вынуждена заискивать или просить помощи. Наличие крупных неизрасходованных военных сил даёт основание японскому правительству во взаимоотношениях с СССР считать себя равноправной и достаточно сильной страной. Поэтому было бы не совсем верно предполагать, что Япония уже сегодня готова заискивать, уступать, терять свой престиж великой страны, хотя в будущем ей придётся это делать...

4. Угроза военного выступления Японии против СССР на сегодня снята...

Наши отношения с Японией на данном этапе, мне представляется, следует по-прежнему базировать на основе сдержанной, осторожной, но твёрдой политики, не допуская без особой надобности обострения отношений как по крупным, так и по мелким вопросам, пристально следить за развитием военной ситуации на Тихом океане и за военной политикой Японии».

В целом Малик оказался прав. 12 сентября 1944 г. Сигэмицу провёл секретное совещание с ближайшими сотрудниками, по-

просив их поделиться мнениями о заготовленном им предварительном плане «советско-японских переговоров, которые, как надеются, должны скоро начаться в Москве». В преамбуле проекта, датированного 7 сентября, говорилось: «Ввиду создавшейся обстановки Япония должна немедленно начать активный дипломатический демарш в отношении Советского Союза, целью которого будет обеспечить сохранение нейтралитета и улучшение дипломатических отношений между Японией и Советским Союзом, осуществление мира между Германией и Советским Союзом и, наконец, улучшение положения Японии при помощи Советского Союза, если Германия выйдет из войны».

Чего хотел Токио, посылая в Москву специального представителя? Предполагалось «узнать о намерениях Советского Союза в отношении Японии, добываясь по мере возможности осуществления следующих целей:

1. Продления или заключения Пакта о нейтралитете (видимо, нового – *В.М.*). Для этой цели должны быть достигнуты следующие соглашения либо вместо Пакта о нейтралитете, либо параллельно с ним:

- а) подтверждение обязательств, предусмотренных Пактом о нейтралитете, или соглашение о продлении действия этих обязательств;

- б) пакт о ненападении».

Коротко говоря, Сигэмицу хотел добиться того, чтобы СССР не вступил в войну против Японии. Как прагматик, он прекрасно понимал, что цена за это будет очень высокой. И попытался прикинуть, что Япония сможет предложить:

1. Разрешение на проход советских торговых судов через пролив Цугару.

2. Урегулирование торговых отношений между Японией, Маньчжоу-го и Советским Союзом.

3. Расширение советского влияния в Китае и других районах «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии», т. е. в зоне японского господства.

4. Демилитаризация советско-маньчжурской границы.

5. Использование Советским Союзом Северо-Маньчжурской железной дороги (бывшей КВЖД).

6. Признание советской сферы интересов в Маньчжурии.
7. Ликвидация рыболовной конвенции.
8. Уступка Южного Сахалина.
9. Уступка северных Курильских островов.
10. Отмена Тройственного пакта.
11. Отмена Антикоминтерновского пакта.

В книге Л.Н. Смирнова и Е.Б. Зайцева «Суд в Токио» приведён другой вариант этого перечня, без ссылки на источник, но, видимо, восходящий к материалам Токийского процесса. Там присутствуют несколько пунктов, которых нет в использованном мной японском тексте. Для полноты картины приведу и их:

1. «Пересмотр или отмена основного японско-советского договора», т. е., как видно из названия, Пекинской конвенции 1925 г., а не Портсмутского договора, как почему-то считают авторы.
2. «Уступка Северо-Маньчжурской железной дороги».
3. «Признание советской сферы интересов во Внутренней Монголии» (2).

Сигэмицу готовился тщательно. Он расписал шесть возможных вариантов дальнейшего хода событий, применительно к которым менялись набор и объём предполагаемых уступок. Это была серьёзная программа, в пользу которой предстояло сначала убедить собственное правительство и, что было особенно трудно, армию. Л.Н. Смирнов, бывший член советского обвинения на Токийском процессе, и его соавтор Е.Б. Зайцев, которых невозможно заподозрить в симпатиях к лидерам довоенной Японии, сделали знаменательное признание: «Условия, на которые Сигэмицу и его правительство добровольно соглашались в сентябре 1944 г., были значительно шире тех, которые отражены в Ялтинском соглашении».

Однако тяжесть положения Японии и необходимость решительных действий и больших уступок понимали не только в Токио. В июле 1944 г. Малик выехал в Москву по срочному вызову Сталина, что встревожило японское правительство и прессу: не готовится ли война? «Единственным утешением, – отметил Б.Н. Славинский, – являлось то, что жена и сын посла оставались в Токио, и существовала надежда на его возвращение». По свидетельству Адырхаева, посол по возвращении рассказал ему следующее.

Спросив Сталина о том, что ему надлежит делать в оставшиеся месяцы войны, он услышал: «Будете наблюдать, как поддыхает Япония» (3).

В Москву Малик отвёз доклад «К вопросу о японо-советских отношениях (в настоящее время и в свете перспектив войны на Тихом океане между Японией, США и Англией)», датированный 21 июля 1944 г. Он думал примерно о том же, о чём и Сигэмицу, – только с другой стороны: ставил вопросы «территориального, военно-стратегического, экономического и политического порядка», которые естественно возникнут «в свете неизбежности краха японского империализма». «Не предрешая пока конкретного вопроса о формах, путях и способах их практического разрешения и о позиции СССР в отношении каждого из них, необходимо всё же уже сейчас составить хотя бы примерный перечень этих вопросов».

Как видно из текста, полностью опубликованного Б.Н. Славинским, советская дипломатия готовилась к «послевоенному урегулированию», стараясь ничего не упустить. Не все наработки и предложения Малика будут применены на практике, но не приходится сомневаться, что их тщательно изучили в Кремле, хотя формально доклад был адресован в НКВД – Молотову и Лозовскому.

1. Статус Маньчжурии (сохранение её по-прежнему в качестве самостоятельного государственного целого или же присоединение её к Китаю). Вопрос о формах обеспечения интересов СССР там и гарантии безопасности его 3000-километровой границы с Маньчжурией (США, по неофициальным планам, намечают передачу Маньчжурии Китаю (т. е. Чан Кайши – *В.М.*) и России).

2. Вопрос о КВЖД о возмещении стоимости этой дороги в учёте того, что дорога была переуступлена японцам под давлением необходимости и только за одну пятую её действительной стоимости.

3. Вопрос о возвращении Советскому Союзу прав на имущество российского государства на территории Маньчжурии (строения, жилые дома, консульские здания, земельные угодья).

4. Вопрос о независимости Кореи (чего в 1930-е годы требовал Коминтерн и что подтвердила Каирская декларация – *В.М.*). Необходимо ли установление периода опеки над Кореей со стороны

каких-либо союзнических органов, пределы участия СССР в подобном мероприятии, равно как и формы политического, военного и экономического влияния СССР на будущие судьбы, существования и развития Кореи (в учете интересов нашей безопасности и мер по обеспечению не повторения агрессии в этом регионе с точки зрения организации и поддержания международной безопасности).

5. Вопрос о японских военно-морских базах на территории Кореи вдоль побережья Японского и Восточно-Китайского морей – Расин, Сейсин, Гензан, Фузан и др. Этот вопрос также необходимо рассматривать в свете решения проблемы безопасности и ответственности СССР за безопасность в этом регионе.

6. Вопрос о ЮМЖД, отнятой Японией у России в результате русско-японской войны.

7. Имущественные интересы СССР в Северном Китае – Пекин, Тяньцзин, Чифу и др. (земельные угодья, дома, строения).

8. Вопрос о Ляодунском полуострове (Квантунская область), бывшем фактически русском городе Дайрене и русской военно-морской крепости Порт-Артуре.

9. Вопрос о возвращении Советскому Союзу Южного Сахалина – этого основного клапана для закрытия наших коммуникаций с Тихим океаном.

10. Вопрос о передаче Советскому Союзу всей гряды Курильских островов, преграждающих путь для выхода России в Тихий океан.

11. Вопрос о нейтрализации острова Цусима или же превращении его в военно-морскую базу СССР в целях охраны безопасности и принятия мер к неповторению агрессии на Дальнем Востоке. Значение этого острова на пути наших коммуникаций с южной частью Тихого океана. Мы не можем допустить вмешательства Англии в решение этого вопроса, как это было в 1861 г.

12. Вопрос о полной ликвидации (отмене) Портсмутского договора и связанной с ней Пекинской конвенции со всеми вытекающими из них для СССР обязательствами и ограничениями. Тем более что Япония уже давно фактически нарушила все статьи и, по существу, ликвидировала Портсмутский договор, требуя лишь от Советского Союза по-прежнему выполнения этих тяжёлых

с точки зрения экономических, военно-стратегических и политических интересов Советского государства обязательств и ограничений. России необходимо смыть черное пятно Портсмутского договора. Америка способствовала появлению этого чёрного пятна, она же должна способствовать его исчезновению, независимо от того, нравится этой ей или нет.

13. Вопрос о возмещении убытков и ущерба, причиненных японской зверской интервенцией в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–22 годах (возможно, следует вернуться к вопросу о свободном лове, который японцы проводили в эти годы в тер (риториальных) водах СССР на Дальнем Востоке и на Камчатке).

14. Вопрос о нашем отношении к намерениям США уничтожить весь японский торговый флот, включая все суда тоннажем свыше 5 тыс. тонн. Наше отношение к этому в свете интересов нашего морского судоходства на Тихом океане.

15. Вопрос о нашем отношении к проблеме оккупации союзными войсками 6 крупных городов Японии. Возможность участия в этом мероприятии в целях защиты интересов СССР, равно как и для восстановления исторической справедливости и престижа Советского Союза в учете того, что японцы позволили себе вход своих войск на советский Дальний Восток¹. С другой стороны, возможно, будет целесообразно предоставить это целиком союзникам, если, конечно, это не нанесет ущерба нашим государственным интересам, что весьма сомнительно. Окончательно решение подобных вопросов может быть принято в учете обстановки, в том числе и внутривнутриполитического положения самой Японии к тому времени. В частности, как будет, например, решена проблема монархии и демократизации государственного строя Японии, вопрос об освобождении 300 тысяч прогрессивных элементов (либералы, демократы, социалисты и коммунисты), находящихся в настоящее время в тюрьмах и на каторге в Японии. Возможно, что и в отношении Японии будет учтён опыт применения к Италии условий капитуляции и участия Советского Союза.

¹ Этот аргумент будет использован Сталиным в августе–сентябре 1945 г., но желание вождя оккупировать северную половину Хоккайдо разобьётся о непреклонную решимость президента США Гарри Трумэна занять четыре главных острова Японского архипелага только американскими войсками.

16. Проблема Китая после очищения его от японцев и воссоединения в единый государственный организм. Возможное отношение СССР к проблемам будущего развития Китая: к вопросу об установлении единого, дружественного Советскому Союзу демократического Китая, могущего покончить с неравноправными договорами и концессиями и создать условия для своего быстрого экономического и политического развития. Вопрос об отношении ко всему этому в случае, если Китай по-прежнему будет находиться под влиянием других стран (т. е. США и Великобритании – *В.М.*). Можно допустить, что Китаю, в силу присущих ему особенностей, потребуется весьма длительный период для превращения его в мощный, единый и экономически полноценный государственный организм. Вопрос о превращении его в реальный фактор, с точки зрения военного потенциала, может поэтому быть и неактуальным в течение сравнительно длинного периода времени. Однако вопрос о возможности попадания его под влияние других стран всегда является для СССР актуальным вопросом.

17. Вопрос о нашем политическом отношении к полной ликвидации военно-морского могущества Японии на Тихом океане, включая базы и средства для строительства военных судов. Вопрос об уничтожении или соответствующем использовании японского военно-морского флота (вернее, той части его, которая не будет уничтожена японцами). Вспомнить при этом, как поступили и хотели поступить японцы с русскими военными и торговыми судами после русско-японской войны. Возможно, учесть опыт решения вопроса с итальянским флотом.

18. Вопрос о компенсации ущерба, причиненного японцами государственным интересам, юридическим и частным лицам Советского Союза за время войны на Тихом океане (закрытие проливов, осмотр судов, торпедирование судов, невозвращение судов, денежных средств и имущества в Гонконге и др.).

19. Вопрос о ликвидации рыболовной конвенции и возвращении абсолютно всех рыболовных участков Советскому государству с обязательным указанием, что Япония лишь временно пользовалась договорным ловом в принадлежащих Советскому Союзу территориальных водах. Последнее необходимо потому, что япон-

цы уже лет 40 (т. е. со времени русско-японской войны – *В.М.*) болтают о своих якобы “вечных правах” на ловлю рыбы в русских дальневосточных водах, добавляя при этом, что эти-де “права” завоеваны ими кровью и что рыболовная конвенция является “особенной и вечной”. Как известно, Япония – страна мифов и мистификации. Необходимо лишить японских империалистов всяких оснований сочинять мифы и небылицы о какой-то “особой и вечной” рыболовной конвенции.

20. Вопрос о выплате Советскому государству полной стоимости КВЖД и ЮМЖД, равно как и стоимости земельных владений, зданий, оборудования, городов и портов, бывших в пользовании Российского государства на Дальнем Востоке. Право на пользование этими договорами (очевидно, следует “дорогами” – *В.М.*) по особым тарифам для перевозки товаров из одной советской области в другую или же на мировой рынок.

21. Вопрос о репарациях на Японию».

Интересно, за что? Япония с Советским Союзом не воевала, а все прочие возможные основания для компенсации Малик уже привёл выше.

«22. Вопрос о конфискации промышленного оборудования тяжелой и военной промышленности Японии как основы для возрождения военно-промышленного потенциала. Учесть вопрос о возможности возмещения того ущерба, который японцы нанесли промышленности, капитальному пром(ышленному) оборудованию и ж(елезно-)д(орожному) транспорту СССР за годы их хозяйничанья на советском Дальнем Востоке в годы интервенции».

Конфискация и вывоз промышленного оборудования в СССР практиковались в Германии после победы, но там для этого была формальная мотивировка: ущерб, нанесённый германским вторжением советской промышленности. В случае Японии это было явно неприменимо.

«23. Вопрос о японских мандатных островах, а также Формозе и островах Рю-Кю. Мандатные острова США будто бы намерены забрать себе, а Формозу и острова Рю-Кю передать Китаю.

24. Вопрос о нашем отношении к проблеме статус-кво в Юго-Восточной Азии в районе Южных морей – возврат колоний их довоенным владельцам – США, Британии, Голландии, Франции.

(Следует принять во внимание результат “паназиатской” демагогии японцев за годы оккупации этих районов Восточной Азии и возможность усиления сепаратистского и национально-освободительного движения среди восточно-азиатских народов)».

Отбирать или не отбирать «независимость» у Филиппин и Бирмы и «правительство в изгнании» у Индии? И если отбирать в пользу союзников, то как это совместить с покровительством Москвы национально-освободительным движениям?

«25. Вопрос об установлении принципа свободы прохода через проливы между японскими островами. Объявление международными проливами пролив Цугару, Симоносекского, Бунго, а также внутреннего Японского моря (Сэтонайкай, между островами Хонсю, Кюсю и Сикоку – *В.М.*). Нейтрализация проливов.

26. Вопрос о мерах по обеспечению и охране судоходства через проливы. Принцип свободных портов или баз в некоторых портах Японии.

27. Вопрос об участии в межсоюзнических комиссиях по ликвидации вооружений и морских, сухопутных и воздушных сил Японии».

Малик посчитал всё. В том числе то, что прямо нарушало государственный суверенитет Японии, вроде «нейтрализации» её *внутренних* проливов. В случае Босфора и Дарданелл требования свободного прохода через них хотя бы формально мотивировались тем, что другого пути сообщения между Черным и Средиземным морями просто не существует. Здесь этот аргумент не работал.

К моменту окончания доклада между СССР и Японией действовал пакт о нейтралитете. Об объявлении войны в тексте ни слова. Конечно, не послу это решать или даже советовать. Однако из содержания не следует, что автор имел в виду перспективу объявления войны – иначе он поднял бы вопрос, что делать с военнопленными и интернированными, а также с трофеями. Нет в нём ни слова и о наказании «военных преступников». Можно сделать вывод, что Малик предполагал участие СССР – как союзника США и Великобритании – в дележе «выморочного имущества» Японии без вступления в войну с ней.

Сопоставление двух секретных проектов – японского и советского – показывает, что Сигэмицу тоже в целом был прав. В итоге он назвал разумную цену, которую японское правительство – перед лицом приближающегося разгрома – было готово даже повысить. Но едва ли оно собиралось просто так отдать Корею и ЮМЖД и платить убытки времен интервенции.

Выступая в сентябре 1944 г. на очередной сессии парламента, Сигэмицу рисовал радужную картину советско-японского нейтралитета, обобщенную в газетных заголовках: «Соседские и дружественные отношения с Советским Союзом неизменны... Япония и Советский Союз взаимно доверяют друг другу. Если между Японией и Советским Союзом будет взаимодоверие, то дружественные отношения будут развиваться и в будущем. Развитие японско-советской дружбы. Сигэмицу заявил об интересах, связывающих Японию и Советы». Разъяснение министра об отношениях с Москвой было вызвано явно инспирированным запросом депутата нижней палаты Цуруми Юсукэ, зятя и биографа Гото Симпэй.

16 сентября 1944 г. Сато опять заговорил с Молотовым о приезде специального посланника. Снова отказ: «Что же касается специальной миссии, сказал Молотов, то её приезд он считает несвоевременным, так как появление этой миссии в Москве было бы истолковано в нашей стране и за рубежом как постановка вопроса о мире между Советским Союзом и Германией, который уже выдвигала Япония в 1943 г. и который был отвергнут советским правительством». Сато говорил, что цель миссии будет иной – укрепление двусторонних отношений, но Молотов остался непреклонен. Он сослался на то, что отношения между странами нормальные, посольства функционируют без проблем, а потому в каких-либо особых акциях нет необходимости.

7 ноября, ознакомившись с праздничным докладом Сталина, о котором говорилось в начале главы, Сато попытался высказать Молотову свой протест против отнесения Японии к «агрессивным странам» и приравнивания нападения на Пёрл-Харбор к германскому вторжению 22 июня 1941 г. Нарком уклончиво ответил, что критика Сталина была «теоретической» и относилась к событиям прошлого. Было видно, что развивать эту тему он не

хочет. Последующие немногочисленные визиты посла в Кремль до начала 1945 г. никаких результатов не принесли и определённости в понимании им ситуации не прибавили.

Когда советское руководство приняло тактическое решение о вступлении в войну с Японией? Затрудняюсь ответить точно, но на совещании «большой тройки» в Ялте в феврале 1945 г. оно было закреплено официально. По секретному соглашению, подписанному 11 февраля, Советский Союз в качестве платы за это получал Южный Сахалин и Курилы; Дайрен становился международным портом с преимущественными правами СССР; Порт-Артур возвращался Советскому Союзу как арендованная военноморская база; КВЖД и ЮМЖД переходили под советско-китайский контроль с обеспечением преимущественных интересов СССР и полного суверенитета Китая в Маньчжурии; государство Маньчжоу-го ликвидировалось и становилось частью Китая, который, в свою очередь, отказывался от каких-либо прав и претензий на Внешнюю Монголию (МНР), а «большая тройка» гарантировала её статус-кво. Соглашение должно было сохраняться в строжайшей тайне. 26 и 27 июля совместное заседание Политбюро и Ставки окончательно закрепило решение о вступлении СССР в войну, которое на следующий день было доведено до исполнителей тремя директивами за подписью Сталина. Малика об этом не оповестили.

В руководстве НКВД не было единого мнения относительно необходимости объявления войны Японии. Осторожно возразить осмелился Лозовский, представивший Молотову – а соответственно, и Сталину – накануне Ялтинской конференции специальную памятную записку, увидевшую свет лишь полвека спустя. В документе, озаглавленном «Англо-американские планы о войне СССР против Японии» и датированном 14 января 1945 г., замнаркома указывал, что это будет выгодно только США и Великобритании. Американцы периодически поднимали вопрос о советском участии в войне со дня Пёрл-Харбора, но без успеха. «В случае, если Япония нападёт на Россию на Дальнем Востоке, – писал Рузвельт Сталину 30 декабря 1942 г., – я готов помочь Вам, как только это будет осуществимо, на этом театре и американскими военно-воздушными силами... Хотя мы не имеем никакой

определённой информации, подтверждающей, что Япония нападёт на Россию, это нападение представляется в конце концов вероятным» (4). «Дядя Джо» на предупреждения не реагировал. Конечно, союзники рано или поздно разгромили бы Японию, но предпочли сделать это ещё и руками Советского Союза, который в таком случае выглядел бы агрессором и на дружбу Японии в будущем рассчитывать не мог. Именно так и получилось – что неудивительно, если посмотреть на вещи с точки зрения Realpolitik.

22 февраля 1945 г. Молотов проинформировал японского посла об итогах Крымской конференции, не сказав ему ничего конкретного. На просьбу о «сообщении, которое могло бы успокоить Японское Правительство», нарком ответил весьма двусмысленно: «Конечно, отношения между Советским Союзом и Японией отличаются от тех отношений, которые имеют с Японией Англия и Америка. Англия и Америка воюют с Японией, а Советский Союз имеет с Японией Пакт о нейтралитете... Мы считаем, что советско-японские отношения являются делом самого Советского Союза и самой Японии. Что касается тех или иных разговоров во время конференции, то *мало ли о чём бывают разговоры в таких случаях* (выделено мной – В.М.)».

Сато спросил, что думает советское правительство по поводу предстоящего продления пакта о нейтралитете. Напомню, что статья 3 гласила: «Настоящий Пакт вступает в силу со дня его ратификации обеими Договаривающимися Сторонами и сохраняет силу в течение пяти лет. Если ни одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует Пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет». «Год до истечения срока» наступал 25 апреля 1945 г. В начале апреля нарком собирался на конференцию Объединенных Наций в Сан-Франциско, и Сато просил принять его до отъезда. Молотов пообещал специально поговорить о пакте в следующий раз.

10 января 1945 г. Лозовский подал Молотову записку о необходимости денонсировать – т. е. отказаться продлевать ещё на 5 лет – пакт о нейтралитете до 13 апреля, т. е. до годовщины его подписания, чтобы «иметь свободные руки». Лозовский не был сторонником войны, а потому вместе с денонсацией предлагал:

«Продолжать по отношению к Японии ту же самую осторожно-выжидательную политику, твёрдо нажимая пока по отдельным вопросам, как это мы делали в 1944 г. (ликвидация концессий – В.М.).

Начать переговоры с японцами об условиях продления пакта в октябре–ноябре 1945 г., когда положение совершенно определится в Европе и станет значительно более ясным на Тихом океане».

Проект официального заявления, составленный Лозовским, предполагал лишь довести до сведения японского правительства, что советское правительство «хотело бы обсудить с ним вопрос об условиях возможного продления Пакта о нейтралитете на следующие пять лет во второй половине истекающего договорного года (т. е. после октября 1945 г. – В.М.)».

Сталин решил по-другому. Практическая подготовка к боевым действиям началась уже во второй половине марта, что видно из мемуаров советских военачальников. 5 апреля Молотов объявил Сато, которого не принимал с 22 февраля, о желании СССР денонсировать пакт в соответствии с его третьей статьёй. Ещё 23 марта Сигэмицу предсказал такой поворот событий, выступая в парламенте. Москва мотивировала решение тем, что «Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в её войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза». На следующий день текст заявления появился в газетах. Сомнений относительно его смысла у посла не было: Советский Союз намерен вступить в войну с Японией. Вопрос был один: когда? Ответ на него крылся в понимании слова «денонсация». Дадим слово самому авторитетному источнику – официальной записи беседы под грифом «Из дневника В.М. Молотова»:

«Приняв текст, Сато... позволяет себе попросить у Молотова некоторых разъяснений. Он хотел бы знать, что думает Советское Правительство о том периоде времени, который начнется с 25 апреля этого года и будет длиться до окончания срока действия пакта, то есть ещё год. Сато поясняет, что *пакт заключён на пять лет, и срок его действия кончается 25 апреля будущего (1946 – В.М.) года*. Посол говорит, что он думает, что его правительство ожидает, что Советское Правительство в течение этого года, ко-

торый начнется 25-го числа текущего месяца, будет поддерживать с Японией те же отношения, какие оно поддерживало до этого времени (т. е. на Японию не нападет – В.М.), *учитывая, что пакт остается в силе.*

Молотов отвечает, что... фактически советско-японские отношения вернутся к тому положению, в котором они находились *до заключения пакта.* Молотов говорит, что Советское Правительство действует в соответствии с договором.

Сато замечает, что в таком случае Советское и Японское Правительства по-разному толкуют затронутый вопрос. Японское Правительство придерживается той точки зрения, что если одна из сторон денонсирует договор за год до истечения его срока, то пакт всё же *будет существовать ещё один год,* несмотря на денонсацию. Однако по разъяснениям, которые сейчас дал Народный Комиссар, оказывается, что с момента денонсации пакта отношения между Советским Правительством и Японским Правительством будут теми же, которые существовали до заключения Пакта о нейтралитете. *С момента денонсации пакт прекращает существование.* Если Советское Правительство так толкует этот вопрос, то его толкование отличается от толкования Японского Правительства. Японское Правительство всегда считало, что пакт остается в силе ещё в течение года. Сато говорит, что он хотел бы избежать ошибочных выводов и поэтому был бы признателен Молотову за его разъяснения.

Молотов отвечает, что здесь какое-то недоразумение... Молотов поясняет, что *по истечении пятилетнего срока действия договора* советско-японские отношения, очевидно, вернутся к положению, которое было до заключения пакта... Что же касается политики Советского Правительства, то мы действуем в соответствии с правом, предоставленным нами пактом. *Срок действия пакта не окончился* (выделено везде мной – В.М.)».

Это – разъяснение от первого лица: пакт должен был оставаться в силе до 25 апреля 1946 г. Сато так и понял, о чём немедленно сообщил в Токио. Заявление Молотова было опубликовано во всех ведущих газетах Японии с разъяснениями, что ещё год пакт существует (подразумевалось: в это время войны не будет) и что советско-японские отношения продолжают оставаться дру-

жественными. Москва была в полной мере осведомлена об этом из подробного доклада Малика от 13 апреля: «Общий тон подчёркнуто спокойный, точнее – успокаивающий». Решение Кремля открыто не осуждалось, хотя газеты подчёркивали, что «японское правительство не имело ни малейшего намерения прекращать действие этого пакта потому, что Япония желала сохранения дружественных отношений с Советским Союзом». С учётом тотальной контролируемости тогдашней японской печати ясно, от кого исходили эти комментарии.

Денонсация пакта о нейтралитете совпала со сменой кабинета в Токио и, возможно, способствовала ей, хотя японская пресса отрицала такую возможность. 7 апреля 78-летний адмирал Судзуки Кантаро стал самым пожилым премьером в истории Японии. На своих постах остались военный и морской министры и начальники генеральных штабов армии и флота. Министерство иностранных дел снова возглавил Того. Во время первой встречи с Маликом 20 апреля он сказал послу: «После заключения Пакта о нейтралитете возникла советско-германская война... Весь мир был брошен в пламя войны. Небо покрылось чёрными тучами, однако на этом мрачном фоне японо-советские дружественные отношения, основанные на Пакте о нейтралитете, оставались единственным светлым местом, и я надеялся, что это светлое пятно разгонит тучи и станет тем ядром, при помощи которого наступит мир во всём мире. Но сообщение о денонсации договора меня лично очень огорчило... (отточие в оригинале – *В.М.*) *Поскольку договор будет действовать ещё целый год* (выделено мной – *В.М.*), то думаю, что у нас с Вами будет немало случаев обстоятельно поговорить об этом, а пока прошу передать моё чувство сожаления г-ну Молотову». «Путано и с многочисленными оговорками и паузами» Того заявил о желании встретиться с Молотовым после Сан-Францисской конференции, но Малик в отчёте обозвал все высказывания министра «известной японской болтовней».

То, что пакт не будет продлён до 1951 г., Того принял как данность. Как данность, он принял и то, что Японии дана передышка ещё на один год. Именно такая трактовка содержалась в его официальном ответе на советскую ноту, который Сато 27 ап-

реля вручил Лозовскому. Никаких возражений на сказанное или дополнительных разъяснений не последовало. Более того, даже 29 мая Молотов подтвердил в разговоре с Сато: «*Мы не разорвали пакта, а отказались продлить его* (выделено мной – В.М.), так как считали, что обстановка с того времени, когда он был заключён, изменилась». То же не раз говорил весной и летом сорок пятого своим японским собеседникам и Малик – несомненно, с санкции Молотова и Сталина, которому нарком отправлял «на визу» инструкции, предназначенные для Токио. Позже Сато специально обратил внимание на этот момент в своих письменных показаниях, представленных защитой на Токийском процессе, но отвергнутых трибуналом как «не относящихся к делу».

Таковы факты. По крайней мере, таковы свидетельства документов Архива внешней политики РФ, опубликованных Б.Н. Славинским после рассекречивания. Приходится признать то, что категорически отвергала советская пропаганда и до сих пор отвергают следующие ей авторы: вступая в войну с Японией 9 августа 1945 г., СССР *нарушил* Пакт о нейтралитете, оставшийся в силе до 25 апреля 1946 г., что признавали советские официальные лица.

22 апреля заместитель начальника генерального штаба Кавабэ Торасиро и начальник 2-го отдела (внешняя разведка) Арисуэ Сэйдзи посетили Того и попросили принять меры для обеспечения нейтралитета СССР, обещав ему поддержку армии. 29 апреля полковник Танэмура Сукэтака, глава 12-го отдела генерального штаба, отвечавшего за планирование операций, подготовил меморандум «О нашей будущей (дальнейшей) политике в отношении Советского Союза» в том же духе. Он предлагал много бóльшие уступки, чем план Сигэмицу в сентябре 1944 г., включая отказ от Ляодунского полуострова, Тайваня, Кореи, островов Рюкю и северных Курил. Руководство армии поддержало проект. 5-й отдел генерального штаба, отвечавший за советское направление, предлагал готовиться к отражению нападения в Маньчжурии, но его предложения не были приняты (5). «Полное и окончательное присоединение СССР к нашим противникам было бы для Японии фатальным, – писал после войны Того. – Я намеревался идти вперед к скорейшему заключению мира и был преисполнен

решимости воспользоваться в этих целях пожеланиями военных» (6).

Сато попадал на приём к Молотову с всё большим трудом. Напротив, у Малика с начала 1945 г. не было отбоя от визитёров. Сначала генеральный консул в Харбине Миякава Фунао, проработавший на российском направлении больше двадцати лет: этого невысокого полного человека с неизменной улыбкой на круглом лице, знатока русского языка и русского быта, можно видеть на всех официальных фотографиях, в том числе при подписании пакта о нейтралитете. 15 февраля Миякава имел долгий разговор с Маликом о ходе и возможных последствиях Крымской конференции, в котором рассыпался в похвалах «великому полководцу» и «великому дипломату» Сталину, который единственный «может потребовать от всех стран прекратить войну». Посол увидел в этом откровенный зондаж, ничего внятного гостю не сказал, но тщательно записал беседу и отправил запись в Москву. 4 марта то же самое говорил Танакамару Ясуацу (в советских документах встречается написание: Сукэацу), глава объединения рыбопромышленников, занимавшихся ловом в советских водах. Он имел обширные связи в МИД и политических кругах, поэтому Малик сделал четкий вывод: «Высказывания Танакамару, так же как и рассуждения Миякава, являются почти открытой полуофициальной просьбой Японии к СССР о мирном посредничестве между Японией и США». 21 мая «рыбник» снова пришёл к послу, но унёс с собой лишь его слова о том, что пакт о нейтралитете «продолжает иметь силу».

11, 12 и 14 мая заседал Высший совет по руководству войной. Адмирал Ёнаи потребовал решительных шагов по улучшению отношений с Москвой. Он выразил надежду, что в обмен на территориальные уступки из СССР можно будет получить нефть для военных кораблей, призванных охранять Японские острова и обеспечивать связь с Китаем и Кореей. Того выступил против этого предложения как заведомо нереального: «Я утверждал, что у нас уже нет никаких шансов на использование СССР в военном или экономическом отношении и что Япония упустила время, когда можно было бы получить из СССР сколько-нибудь значительные поставки вооружений или убедить его играть роль друга

Японии... Это был единственный случай, когда у меня возник с Ёнаи спор, близкий к серьёзной размолвке» (7). Военный министр генерал Анами Корэтика и начальник генерального штаба армии Умэдзу Ёсидзиро поддержали инициативу морского министра, хотя расходились с ним во взглядах на перспективы Японии в войне: адмирал смотрел на вещи более пессимистически, точнее, реалистически. Согласие относительно поисков мира при посредничестве СССР было достигнуто с таким трудом, что способность Японии вести войну и условия выхода из неё даже не обсуждались.

1 июня Того велел Сато «не упускать возможности бесед с советскими руководителями». 8 июня посол ответил, что нет «абсолютно никакой надежды» на «благоприятное отношение» Москвы в условиях, когда Япония не способна вести войну, а советские войска почти открыто перебрасываются на Дальний Восток. Продолжая верить в возможность если не почётно, то хотя бы приемлемого мира с помощью Москвы, министр решил действовать, не ставя Сато в известность. Он попросил Хирота начать неофициальные беседы с Маликом относительно улучшения двусторонних отношений, но не говорить о посредничестве и не делать конкретных предложений, пока другая сторона не проявит заинтересованность. Эта испытанная стратегия японской дипломатии с самого начала обрекла затею на провал. В зарубежной литературе переговоры Малик-Хирота давно известны, но в нашей стране их полная история была предана гласности только в 1990 г., когда МИД СССР опубликовал (правда, с купюрами) переписку Малика с Москвой (8).

Весной 1945 г. многие иностранные миссии, включая советское посольство, пострадали от бомбардировок Токио американской авиацией. Дипломатический корпус был эвакуирован в курортное местечко Гора, в горах к юго-западу от столицы. 3 июня в гостиницу к Малику заглянул бывший советник посольства в Москве Камэяма Кацудзи и как бы невзначай сказал, что рядом поселился Хирота, дом которого сгорел во время бомбежки. «По японскому, дескать, обычаю, человек, поселившийся в новом месте, должен нанести визит своим трём ближайшим соседям — напротив, налево и направо. Следуя обычаю, Хирота желает на-

нести визит мне. Сославшись на русский обычай угощать нового соседа водкой и на отсутствие таковой у меня в отеле, – с очаровательным цинизмом сообщал посол в НКВД четыре дня спустя, – я высказал пожелание принять Хирота на следующей неделе». Малик давно понял, куда идут события, и не желал терять времени на то, что считал пустыми разговорами. Однако через полчаса настойчивый экс-премьер лично появился в номере посла. Пришлось выслушать, с чем тот пожаловал.

«Хирота начал с того, что в прошлом году он имел намерение поехать в Москву для переговоров по некоторым вопросам, но в силу ряда обстоятельств не мог этого сделать... В настоящее время всё значительно изменилось, разногласий в Японии нет, и теперь все едино стоят за дружественные отношения с Советским Союзом». Далее началась самая интригующая часть: «Мы в одиночку, сказал Хирота, ведем огромную войну против США и Англии за освобождение и независимость Азии, но Советский Союз занимает значительную часть Азии, и мы считаем, что проблема безопасности Азии может быть решена только Советским Союзом, Китаем и Японией как основными странами Азии... Твёрдо обеспечить безопасность Азии можно только на основе сотрудничества СССР, Японии и Китая. А базой для этого должна быть дружба Японии с СССР».

Как видно из японских документов, сказанное соответствовало решениям Высшего совета по руководству войной от 14 мая. Почти то же самое пятью годами ранее Молотов слышал от Того, а Сталин – от Мацуока. Но тогда Япония ещё не вела войны на Тихом океане, с её мощью необходимо было считаться, поэтому их внимательно слушали. Теперь посол, посланный наблюдать «как подыхает Япония», внимал собеседнику только из вежливости. Кстати, бывший министр иностранных дел Арита 9 июля подал императору памятную записку, в которой прямо говорил о бесперспективности попыток привлечь на свою сторону СССР, а также Яньань (китайских коммунистов) и Чуньцин (Чан Кайши).

На следующий день беседы продолжились. Хирота завёл разговор о необходимости коренного улучшения двусторонних отношений и заключения нового договора. «Обе стороны соблюдают этот пакт, – подчеркнул он. – Не было бы никакого беспокойства,

если бы срок пакта не истекал через год, но так как по истечении этого срока пакт теряет силу, то поэтому наша страна должна подумать о будущем. Пока пакт находится ещё в силе, – старательно повторял гость, – японская сторона желает ещё больше укрепить дружественные отношения с Советским Союзом. В нашей стране сейчас глубоко изучается вопрос относительно формы улучшения этих отношений, и я думаю, что советская сторона тоже изучает этот вопрос... Какая форма договора была бы целесообразной – для Японии безразлично. Мы согласны на любую форму, лишь бы она могла удовлетворить цели Японии». Малик понимал, что речь идёт о выходе из войны, но умолчание о главной цели зондажа и отсутствие конкретных предложений позволяли спустить дело на тормозах. Посол, похоже, неплохо овладел языком японской дипломатии и дал Хирота совершенно классический ответ: «Вы затронули целый комплекс больших и сложных вопросов, а в условиях современной обстановки даже своеобразных вопросов. Все они в целом и каждый в отдельности требуют обстоятельного изучения и обдумывания».

В Москву он писал без экивоков: «Неожиданность и внезапность встречи Хирота со мной была инсценирована грубо и неуклюже. У японцев почва горит под ногами, время не терпит, припекло, а посему им теперь не до внешних форм и благовидных предлогов. Скорее бы добиться существа, обеспечить прочность отношений с СССР... Подобное заискивание японцев перед Советским Союзом является вполне логичным и закономерным в свете международной обстановки и тяжёлого, бесперспективного военного положения Японии... Если общая международная обстановка такова, что вести подобные переговоры с японцами для нас целесообразно, то им, мне кажется, всё же следовало бы предъявить максимум из тех требующих разрешения проблем, которые изложены в... моём докладе».

Малик имел в виду июльский доклад 1944 г. Из последней фразы видно, что об окончательном решении Сталина вступить в войну он не знал (хотя мог догадываться), а потому делал предположения о дальнейшем ходе переговоров. «Можно с известной долей основания считать, что в виде компенсации за договор с СССР японцы могли бы в качестве максимальной уступки пойти

на возвращение нам южного Сахалина, отказ от рыболовства в советских конвенционных водах и, возможно, даже на передачу нам части Курильских островов. Ожидать от них добровольного согласия на какое-либо выгодное нам существенное изменение позиции Японии в Маньчжурии, Корее, Квантуне и Северном Китае трудно. Подобное возможно только в результате полного военного поражения и безоговорочной капитуляции Японии. Без этого любые переговоры с Японией не дадут коренного решения проблемы длительного мира и безопасности на Дальнем Востоке. В свете вышеизложенного заключение подобного предлагаемого японцами и ко многому нас обязывающего соглашения вряд ли целесообразно. Однако выслушать их предложения можно».

В Москве всё это прекрасно понимали, но решили поиграть с японцами в кошки-мышки. «Хирота ничего ясного ещё не сказал, – отвечал Молотов послу 15 июня. – Вам по собственной инициативе искать встречи с Хирота не следует. Если он опять будет напрашиваться на встречу, то его можно принять и выслушать и, если он опять будет говорить общие вещи, то следует ограничиться заявлением, что при первой же возможности (намёк на диппочту) Вы сообщите в Москву о беседах. Дальше этого идти не следует». Утвердил инструкции лично генсек. «Малик делал всё возможное, чтобы убедить японцев, что пакт о нейтралитете всё ещё остается в силе, хотя Сталин намеревался нарушить его, когда придет нужный момент» (9), – сделал вывод Ц. Хасэгава.

В тот же день, 15 июня, лорд-хранитель печати Кидо Коити, главный политический советник монарха, заявил премьеру о необходимости добиться советского посредничества для заключения мира, который предусматривал бы сохранение императорской системы¹. 22 июня император сказал об этом Того в присутствии главы правительства. Возможно, на него подействовал разговор с начальником генерального штаба Умэдзу, который, вернувшись

¹ В японских документах использовался термин *кокутай* («государственный организм»), который не имел чёткого определения и мог обозначать разные вещи: сохранение статус-кво, превращение императора Сёва в конституционного монарха, сохранение нынешней династии, сохранение монархической системы.

из инспекционной поездки по Маньчжурии, 9 июня доложил, что Квантунская армия практически небоеспособна и располагает боеприпасами на один серьёзный бой. Умэдзу знал тамошнее положение лучше, чем кто бы то ни было, поскольку с 1939 по 1944 гг. командовал Квантунской армией.

В следующий раз Малик принял Хирота только 24 июня, хотя тот несколько раз «напрашивался» к нему. Москва не отвечала. Посол ссылался на то, что отправил подробные записи бесед с дипкурьером (японцев настораживала нарочитая медлительность), хотя на самом деле посылал их по телеграфу. 20 и 22 июня в присутствии премьера и членов кабинета император настоятельно просил министра иностранных дел добиться возобновления переговоров. 23 июня Того уговорил Хирота попытаться ещё раз. Бывший премьер колебался, полагая, что настойчивость может быть воспринята как проявление слабости, но всё-таки добился свидания с послом. Беседа была долгой, но опять закончилась ничем, судя по отчёту Малика, составленному четыре дня спустя. Хирота говорил о том, что Красная Армия и Императорский Флот вместе были бы непобедимы, что явно не произвело на собеседника никакого впечатления. О посредничестве Москвы в заключении «почетного мира» с США и Англией прямо не говорилось и в этот раз, поскольку армейское руководство никак не могло признаться себе, что война проиграна. Не потому ли Хирота так горько жаловался после капитуляции, что правительство теряло время на абстрактные зондажи, когда надо было прямо просить о помощи.

Только 29 июня экс-премьер сообщил конкретные предложения:

«1) Нейтрализация Маньчжоу-го (после окончания войны Великой Восточной Азии)¹ японская сторона отзывает свои войска, и обе стороны, Япония и Советский Союз, обязуются уважать суверенитет и целостность территории Маньчжоу-го и невмешательство в его внутренние дела).

2) Японская сторона готова ликвидировать свои рыболовные права, если она будет снабжаться нефтью.

¹ *Дайтоа сэно* – официальное японское название войны на Тихом океане.

3) Япония готова обсудить все другие вопросы, которые советская сторона пожелает обсудить». По поводу второго пункта визитер пояснил: «Рыболовные права, конечно, не имеют никакого отношения к нефти, но Япония до сих пор имела важное и ценное право заниматься рыболовством в советских водах и сейчас она имеет большое желание, чтобы Советский Союз снабдил её нефтью, а она готова ликвидировать эти долголетние и весьма важные права. Это не является условием, но Япония имеет очень сильное желание получить нефть в качестве ответной благодарности за свой отказ от рыболовных прав. Кстати говоря, – добавил он, – если СССР желает затронуть вопрос о демаркации границы (где? – *В.М.*), то японская сторона готова пойти на переговоры» (текст из АВП РФ).

Текст из японских архивов содержит, кроме этих трёх, четвёртый пункт и преамбулу. В преамбуле предлагалось «заключить пакт о ненападении между Японией и Россией на долгий срок (скажем, 20 или 30 лет) с целью взаимной помощи в деле поддержания мира на Востоке» на указанных далее условиях. Последний пункт гласил: «Япония не имеет намерения сохранять по окончании войны владение территориями, которые она оккупировала в ходе Великой Восточноазиатской войны», т. е. с 8 декабря 1941 г., но не ранее.

В дело пошёл прошлогодний сценарий Сигэмицу. «Предложения японского правительства Хирота излагал горячо и с нарочитым воодушевлением, – телеграфировал Малик 30 июня. – Я воспринимал эти предложения подчёркнуто спокойно и холодно, давая понять, что не считаю их заслуживающими значительного внимания». Тут тоже действовал свой сценарий, что видно из инструкций Молотова от 8 июля: «При всей их недостаточности и намеренной недоговоренности предложения Хирота свидетельствуют о том, что японское правительство по мере ухудшения своего военного положения готово будет идти на всё более и более серьёзные уступки для того, чтобы попытаться добиться нашего невмешательства в войну на Дальнем Востоке. Вашу позицию в беседе с Хирота считаем правильной. В дальнейшем Вам надо быть ещё более осторожным и в том смысле, чтобы не втягиваться в этих и подобных беседах в обсуждения японских

предложений. Вы не должны дать никакого повода, чтобы японцы изобразили как переговоры Ваши беседы».

11 июля Сато двадцать минут поговорил с Молотовым, который обещал дать ответ позже, сославшись на то, что доклад Малика ещё не прибыл в Москву. После этого советский посол снова стал избегать встреч с Хирота. 12 июля свидания начал добиваться сам министр, но Малик отговорился болезнью (судя по его отчёту, «дипломатической»). Наконец, он принял начальника политического отдела МИД Андо Ёсиро, лёжа в постели. Визитёр «изложил по поручению Того следующее заявление: Его Величество император Японии Высочайший (видимо, следует “Высочайше” – *В.М.*) принял решение о командировании принца Коноэ в Москву с личным письмом императора, в котором изложен вопрос окончания войны Японией, и для того чтобы лично обсудить с Советским Правительством этот вопрос. Одновременно японский посол в Москве Сато сделает заявление по этому вопросу непосредственно Советскому Правительству». «На вопрос, в чём конкретно выразится миссия Коноэ, – продолжал посол свой срочный доклад, – Андо указал, что в первую очередь передать пожелание императора об окончании войны, изложенное в специальном письме, и, во-вторых, обменяться мнениями с Советским Правительством по этому вопросу». В дело готов был вступить главный «политический тяжеловес» Японии.

7 июля император вызвал премьера Судзуки и, поинтересовавшись, как идут переговоры с СССР, объявил, что намерен отправить в Москву специального посланника с личным письмом к советским руководителям. 10 июля Высший совет по руководству войной принял соответствующую резолюцию, но не назвал фамилии эмиссара. 11 июля Того послал Сато «сверхсрочную» и «совершенно секретную» телеграмму, в которой впервые открытым текстом сообщил ему о намерении Японии искать советского посредничества для выхода из войны. Днем позже, после докладов Кидо и премьера, император поручил эту миссию Коноэ. Принц согласился, хотя, по воспоминаниям, без энтузиазма. Коноэ не любил коммунистов: в январе 1945 г. он представил императору доклад о коммунистической угрозе в Японии, главной носительницей которой считал... среднее армейское офицерство (11), – но

в открыто русофобских акциях не участвовал и на возможность переговоров с США или Великобританией не надеялся. Японских лидеров также подгоняла перспектива скорого созыва новой межсоюзнической конференции и запланированный визит в Москву Сун Цзывэня, полномочного эmissара Чан Кайши.

Малик снова попытался задавать конкретные вопросы, но Андо от ответа уклонился, хотя попросил считать весь разговор сугубо конфиденциальным. Собеседник с легкостью согласился.

Одновременно Того телеграфировал Сато указание немедленно встретиться с Молотовым, как только тот вернется с Потсдамской конференции, а пока посетить Лозовского, информировать его о предстоящей миссии и передать письмо императора, текст которого был сообщен по телеграфу. 13 июля посол вручил письмо Лозовскому.

«Строго конфиденциально.

Его Величество Император Японии, глубоко озабоченный бедствиями и жертвами народов всех воюющих стран, увеличивающихся изо дня в день в результате нынешней войны, выражает свою волю, чтобы положить скорее конец войне. Поскольку в Восточно-Азиатской войне США и Англия настаивают на безоговорочной капитуляции, Империя будет вынуждена довести войну до конца, мобилизуя все силы и средства, за честь и существование Отечества. Однако в результате такого обстоятельства неизбежно усиленное кровопролитие у народов обеих воюющих сторон. Его Величество крайне обеспокоен в этой мысли и изъявляет пожелание, чтобы на благо человечества в кратчайший срок был восстановлен мир» (текст из АВП РФ).

К сожалению, Б.Н. Славинский передал последующую беседу дипломатов, не прибегая к кавычкам, так что непонятно, где прямые цитаты, а где их изложение: «Ознакомившись с посланием, Лозовский сказал послу, что это послание не имеет адресата и непонятно, кому оно направлено. Посол ответил, что это послание не адресовано особо кому-либо. Желательно, чтобы с ним ознакомился глава государства г-н Калинин и глава советского правительства Сталин¹. Его Величество Император Японии своё

¹ Судя по японским документам, предполагалось ознакомить с ним и Молотова.

специальное послание перешлёт с князем (так в оригинале – *В.М.*) Коноэ».

Получается, пока речь шла не более чем об очередном зондаже – примут Коноэ в Кремле или нет? А конкретные предложения – в случае согласия Москвы – принц привезёт с собой? Никакого другого письма императора мы не знаем, так что Коноэ, очевидно, должен был привезти оригинал послания и торжественно вручить его Сталину и Калинин. Однако, ясно, что принц собирался в путь не с пустыми руками. Высший совет по руководству войной продолжал обсуждать, что ещё можно предложить Советскому Союзу за помощь в выходе из проигранной, но не оконченной войны. В «чемоданчике» лежали южный Сахалин, Курилы, Маньчжурия как сфера влияния, отказ от рыболовных прав и даже... сдача Квантунской армии в плен, о чём японцы, по понятным причинам, вспоминать не любят. Разработанные в окружении Коноэ предложения в качестве уступок за сохранение императорской системы предусматривали освобождение всех захваченных Японией территорий, включая архипелаги Окинава и Огасавара (но не южные Курилы), разоружение, демобилизацию и репатриацию армии. Далее шла примечательная оговорка: если репатриация будет невозможна, Япония согласна оставить часть личного состава «там, где он находится» и «предложить его труд в качестве репараций». Документ не получил официального статуса и был опубликован после войны как доказательство «доброй воли» принца. Когда в 1993 г. премьер-министр Хосокава Мориhiro, внук Коноэ (сын его дочери), требовал от президента Бориса Ельцина извинений за содержание японцев в сибирском плену, одна из московских газет опубликовала изложение этого текста под заголовком «Как дед нынешнего премьер-министра Японии своего внука подвёл». «Подвёл» принц и собственного сына Мититака, попавшего в советский плен и скончавшегося в Тбилиси накануне репатриации.

Действия Высшего совета были ограничены официальным статусом и жесткой позицией армейского командования, которое призывало, вооружившись бамбуковыми пиками, готовиться к последней битве за Японские острова и пасть в ней «все как один». Реальная работа шла за кулисами, где особую активность про-

явил контр-адмирал Такаги Сокити из генерального штаба флота, пользовавшийся доверием Ёнаи и действовавший по его поручению. Начиная с 28 июня Такаги представил ему несколько вариантов выхода из войны по известному нам плану: ценой территориальных уступок – количество которых раз от разу росло, но так и не догнало «список Малика» – гарантировать, во-первых, неучастие СССР в войне с Японией, а во-вторых, его посредничество при мирных переговорах с Вашингтоном и Лондоном. Отличный генштабист Такаги составлял подробные и содержательные меморандумы, которые, однако, уже в момент написания имели только исторический интерес. Усилия «миротворцев» официального статуса не получили и оказались тщетными, поэтому останавливаться на них не будем. Документы, готовившиеся Такаги, были опубликованы в 1952 г. в «Исторической хронике окончания войны», чтобы показать наличие у части японской элиты искреннего стремления к скорейшему завершению войны и к дружбе с Советским Союзом.

Вернемся к московским беседам. 13 июля Сато настоятельно просил Лозовского ознакомить Молотова с посланием императора до отъезда наркома на Потсдамскую конференцию, намеченного на этот вечер, и дать хотя бы предварительный ответ, что «помогло бы миссии Коноэ подготовиться к приезду в Москву», т. е. уточнить содержимое «чемоданчика». «Учитывая, что путь из Токио до Москвы поездом займёт очень много времени, посол от имени японского правительства хотел бы просить советское правительство предоставить этой миссии самолет, направив его на станцию Маньчжурия или на станцию Цицикар, откуда он мог бы быстрее доставить членов миссии в Москву». Свиту Коноэ должны были составить: вице-министр иностранных дел Мацумото Сюнъити, бывший начальник бюро договоров МИД и специалист по их подготовке¹, экс-министр Сигэмицу, а также генерал и адмирал, не названные по имени. Но этих сведений Сато Лозовскому не сообщил.

¹ В 1955–1956 г. он в качестве специального представителя Японии будет вести в Лондоне переговоры с советским послом в Англии Маликом о восстановлении дипломатических отношений.

18 июля посла ждал очередной вежливый отказ: «Высказанные в послании императора Японии соображения имеют общую форму и не содержат каких-либо конкретных предложений. Советскому Правительству представляется неясным также, в чём заключаются задачи миссии князя Коноэ. Ввиду изложенного Советское Правительство не видит возможности дать какой-либо определённый ответ по поводу миссии князя Коноэ». Получив его, Сато послал резкую телеграмму министру – максимально резкую в рамках допустимого этикета – и предложил согласиться на безоговорочную капитуляцию. Того решительно ответил, что это невозможно, что Япония будет сопротивляться до последнего, и приказал любой ценой добиться согласия Москвы на приезд специальной миссии. 25 июля Сато, исполняя задержанные доставкой инструкции от 21 июля, наконец, заговорил о главном. Он сообщил Лозовскому, что Коноэ привезёт конкретные предложения по советскому посредничеству для выхода из войны и по дальнейшему характеру двусторонних отношений, подчеркнув, что «задачи миссии... обширны», однако снова не сказал ничего определённого. Не подействовали и такие разъяснения: «Коноэ пользуется особым доверием дворца и занимает выдающееся положение среди политических кругов Японии. Он едет по личному желанию и поручению императора, и Японское правительство просит благожелательного посредничества Советского правительства». Лозовский попросил письменный текст заявления, который получил в тот же вечер и немедленно отправил в Потсдам Сталину, Молотову и Вышинскому. Туда же полетел составленный им проект ответа:

«В Вашем заявлении говорилось, что князь Коноэ имеет конкретные намерения и соображения как по вопросу о посредничестве советского правительства в нынешней войне, так и по вопросу об укреплении японо-советских отношений, но Вы ничего не сообщили о том, какие именно конкретные намерения и соображения предполагает изложить в Москве князь Коноэ.

Советское правительство убеждено в том, что всякое обращение без каких-либо конкретных предложений к США и Великобритании по вопросу о прекращении войны между Японией и этими странами заранее обречено на неудачу. В этих условиях

советское правительство, благодарное японскому правительству за доверие, затрудняется тем не менее взять на себя пока посредничество.

С другой стороны, советское правительство хотело бы также знать, какие конкретные предложения имеет японское правительство по вопросу об укреплении японо-советских отношений». «Было бы лучше, – прямо говорилось в заключительной части ответа, – если бы князь Коноэ передал предварительно советскому правительству свои конкретные намерения и соображения через японское посольство в Москве или советское посольство в Токио».

26 июля Потсдамская декларация США, Великобритании и Китая (Чан Кайши, не приглашённый на конференцию «большой тройки», поставил подпись «по телеграфу») потребовала безоговорочной капитуляции Японии. «Ниже следуют наши условия. Мы не отступим от них. Выбора никакого нет. Мы не потерпим никакой затяжки... Иначе Японию ждёт быстрый и полный разгром». Декларация была подготовлена американцами ещё до начала конференции и в одном из вариантов предусматривала подпись Сталина. Президент Трумэн объявил, что отправляется в Потсдам с целью обеспечить участие СССР в войне с Японией, но, по мере приближения атомного проекта к благополучному завершению, испытывал всё большие сомнения в необходимости делить с «дядей Джо» лавры победителя после почти четырёх лет упорных и кровопролитных боёв на Тихом океане.

Участие Советского Союза в коллективной Потсдамской декларации могло хотя бы отчасти оправдать нарушение им пакта о нейтралитете и, покончив с надеждами Японии на посредничество Москвы, принудить её к немедленной капитуляции. Американская разведка ещё до войны расшифровала японские коды, поэтому телеграфная переписка Того и Сато была для руководителей США «открытой книгой». Как показали американские историки, в первую очередь Хасэгава, Трумэн и его окружение считали насущной задачей испытания атомной бомбы, а потому не желали ни слишком скорой капитуляции Японии, что сделало бы её применение неоправданным, ни слишком скорого вступления СССР в войну. Сталин же, по их мнению, затягивал конфликт на Тихом океане, чтобы успеть поучаствовать в нём и приобрести новые лавры и трофеи, обещанные Ялтинским соглашением.

Потсдамская декларация в том виде, в каком она была принята и обнародована, во-первых, практически не оставляла надежды на то, что Япония примет её (в ней ни слова не говорилось об императоре и государственном строе), а значит, развязывала руки США для применения ядерного оружия. Во-вторых, она ставила Советский Союз перед фактом, что столь важное решение принято без его участия и без возможности повлиять на него. Объяснение государственного секретаря Джеймса Бирнса, что Трумэн не хотел ставить СССР в «неловкое положение» как страну, не воюющую с Японией, разозлило Сталина ещё больше. 28 мая, обсуждая в Москве дальневосточные дела со специальным посланником Белого дома Гарри Гопкинсом, советский вождь заявил, что предпочитает компромиссный мир с Японией на условиях полного уничтожения её военного потенциала и оккупации страны, но более мягкой, чем в Германии, пояснив, что требование безоговорочной капитуляции заставит японцев воевать до последнего человека. Он сообщил, что Советский Союз будет готов вступить в войну не ранее 8 августа (армейское командование настаивало на более поздней дате), и поднял вопрос об участии в оккупации Японии, территорию которой предполагалось разделить на зоны. Гопкинс предложил предъявить Токио ультиматум от имени США и СССР. Сталин согласился и посоветовал внести этот вопрос в повестку дня будущей конференции. Он даже привез с собой проект заявления четырёх держав, который призывал Японию сложить оружие и капитулировать, не выдвигая никаких условий. Текст – звучавший более мягко, чем американский вариант – остался невостребованным и был извлечён из архивов только в начале нового тысячелетия (12).

28 июля, в начале очередного заседания конференции, Сталин сообщил Трумэну и новому британскому премьеру Клементу Эттли (консерваторы только что проиграли выборы, и «железный Уинстон» в Потсдам больше не вернулся), что «мы, русская делегация, получили новое предложение от Японии». «Хотя нас не информируют как следует, когда какой-нибудь документ составляется о Японии, – выразительно заметил вождь, – однако мы считаем, что следует информировать друг друга о новых предложениях». Затем, как сказано в протоколе, был зачитан английский

перевод «ноты Японии о посредничестве», т. е. заявления Сато и послания императора. «В этом документе ничего нового нет, – заключил Сталин. – Есть только одно предложение: Япония предлагает нам сотрудничество. Мы думаем ответить им в том же духе, как это было в прошлый раз». Трумэн и Эттли согласились (13). Добавлю, что накануне Сталин, демонстрируя «добрую волю», сообщил Трумэну содержание телеграммы Сато. Президент поблагодарил, но, конечно, не сказал, что уже знал её содержание из донесений разведки.

Узнав о Потсдамской декларации из радиопередачи Би-Би-Си, Сато сделал вывод, что без предварительного уведомления и согласия советской стороны такой документ появиться не мог. Он сразу телеграфировал, что это и есть ответ на предложение о присылке миссии Коноэ. В Токио царила растерянность. Принять декларацию не позволила армия, но Того убедил официально не отвергать её, чтобы не обострять ситуацию. Дипломаты ссылались на то, что в тексте говорилось о «безоговорочной капитуляции вооружённых сил», а не страны и что ничего не было сказано о судьбе императора или изменении государственного строя. В газеты попало слово *мокусацу* – «убить молчанием» или «игнорировать» – которым стали определять позицию правительства (14). Проигнорированным оказался и доклад генерального штаба о концентрации советских войск на границе Маньчжоу-го.

Подготовленный Лозовским проект ответа на сообщение Сато не получил одобрения. Молотов кратко оценил его словами «Не то», немедленно переданными в Москву из Берлина по телефону, но не предложил ничего взамен – вероятно, считая это уже ненужным. 30 июля Сато и Лозовский встретились снова. Замнаркома вообще не дал никакого ответа, сославшись на отсутствие Сталина и Молотова. По поводу Потсдамской декларации посол сказал: «Япония не может сдаться на таких условиях. Если честь и существование Японии будут сохранены, то японское правительство, в целях прекращения войны проявит весьма широкие примиренческие позиции» (запись Лозовского). Малику пошла следующая информация: «Далее Сато пояснил, что Коноэ едет с широкими полномочиями для обмена мнениями с Советским правительством в широких пределах по вопросу о том, как Японское прави-

тельство желает снова строить мир на Дальнем Востоке. Он хочет знать, не будет ли со стороны Сов(етского) пра(вительства) тех или иных пожеланий и указаний». «Пожеланий» и «указаний» посол не получил ни из Москвы, ни из Токио.

Сообщив Того о встрече с Лозовским, Сато посоветовал принять условия Потсдамской декларации и обратиться к подписавшим её державам, заметив, что только это может предотвратить вступление СССР в войну. Аналогичное предложение прислал из Берна посланник Касэ Сюньити. Министр отверг этот вариант, пояснив, что «дома трудно одним росчерком пера утвердить конкретные условия мира» (намек на противодействие военных). Эти телеграммы тоже были прочитаны американскими руководителями, решившими более не медлить с бомбой. 5 августа Сталин и Молотов вернулись в Москву. 6 августа первая бомба была сброшена на город Хиросима. Трумэн не мог скрыть радости и оповестил о случившемся весь мир. В Токио военный министр Анами обратился к физикам с вопросом, что такое атомная бомба. Того послал Сато телеграмму, предписав немедленно потребовать встречи с Молотовым и снова задать вопрос о приеме миссии. Сталин и Молотов в Потсдаме узнали, что у США есть атомная бомба, но не ожидали столь быстрого её применения. Они поняли, что это предупреждение не только японцам, но и им. И тоже решили не медлить.

Встреча Сато с наркомом состоялась 8 августа в 17 часов по московскому времени. Говорить о Коноэ послу не пришлось. Молотов прервал его и попросил сесть, сказав, что должен сделать очень важное заявление. Со слезами на глазах Сато слушал, что с полуночи 9 августа (т. е. всего через час по токийскому времени) СССР и Япония находятся в состоянии войны. Мотивировка проста: Япония отклонила требования Потсдамской декларации; союзники обратились к СССР с просьбой о вступлении в войну, и тот, «верный союзническому долгу», принял предложение. «Советское Правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и избавить японский народ от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после её отказа от

безоговорочной капитуляции». Руки друг другу на прощание они всё-таки пожали.

Согласно официальной советской версии, союзники попросили Москву вступить в войну. Так следует из протоколов Потсдамской конференции, опубликованных МИД СССР. Однако в этих публикациях, включая шеститомное издание «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.» (соответствующий том вышел в 1980 г.), в протоколе беседы Молотова с Трумэном 29 июля сделана купюра, восстановленная только Б.Н. Славинским в 1995 г.: «Молотов говорит, что у него есть предложения, связанные с положением на Дальнем Востоке. *Для Советского Союза было бы удобным поводом для вступления в войну против Японии, если бы союзники обратились к нему с просьбой об этом* (выделено мной – В.М.). Можно было бы указать, что, в связи с отклонением Японией требования о капитуляции...» и так далее, как потом в советском заявлении. «Трумэн на это замечает, что предложение Молотова кажется ему очень разумным, но для того, чтобы ответить на него, он должен прежде посоветоваться со своим штабом».

Трумэну и Бирнсу предложение не понравилось как «загрёбаные жара чужими руками». «Я увидел в этом циничный дипломатический ход, – утверждал позднее президент, – направленный на то, чтобы изобразить вступление России в войну в этот момент как решающий фактор в достижении победы» (15). Цинизма ему и самому было не занимать, но отказать Молотову он не мог. Тогда президент написал Сталину личное письмо, посоветовав обосновать своё решение и, соответственно, нарушение пакта о нейтралитете ссылками на Московскую декларацию 30 октября 1943 г. (на этой встрече СССР впервые пообещал вступить в войну с Японией) и на Хартию Объединённых наций. Вождь поблагодарил, но советом не воспользовался – у него были свои объяснения.

9 августа вторая бомба была сброшена на Нагасаки. Вечером того же дня в дворцовом бомбоубежище состоялась Императорская конференция – совещание императора, председателя Тайного совета, премьера, ключевых министров и начальников генеральных штабов. Вопрос был один и всё тот же: принимать или не

принимать Потсдамскую декларацию. Понимая, что война проиграна, император сопротивлялся *безоговорочной* капитуляции, до последнего рассчитывая на посредничество Москвы. Резолюция, подготовленная Того, предусматривала принятие условий декларации, «понимая их в том смысле, что они не содержат требования об изменении установленного государственными законами статуса японского императора». Высший совет по руководству войной под давлением военного министра и начальников обоих генеральных штабов соглашался на капитуляцию при следующих условиях:

- «1) она не затрагивает императорской фамилии;
- 2) японские войска, находящиеся за пределами страны, демобилизуются после свободного их отвода с занимаемых территорий;
- 3) военные преступники будут подлежать юрисдикции японского правительства;
- 4) не будет осуществлена оккупация с целью гарантии (выполнения условий капитуляции – *В.М.*)».

Того предлагал ограничиться первым пунктом. Военные настаивали на всех четырёх условиях, особенно при «обращении к такой безнравственной стране, как Советский Союз». Председатель Тайного совета Хиранума склонялся к этому же мнению и добился внесения в первый пункт поправки о сохранении *кокутай*, а не только правящей династии, что замедлило принятие окончательного решения. Император одобрил проект министра иностранных дел, но США отвергли его, не желая слышать ни о каких условиях и оговорках (16).

Малик смог попасть к Того, чтобы сделать аналогичное заявление только 10 августа, потому что весь предыдущий день министру было не до него. Встреча состоялась в гостиной палаты пэров – здание МИД лежало в руинах. «Выслушав посла, – вспоминал Того, – я напомнил ему, что его страна напала на нас в то время, как пакт о нейтралитете между СССР и Японией остается в силе, а также высказался по поводу поведения СССР, который начал против нас войну, так и не дав никакого ответа на нашу просьбу об оказании добрых услуг в деле заключения мира. Более того, хотя в качестве официальной причины Советский Союз выдвигал отказ Японии признать Потсдамскую декларацию, он

фактически не предпринял никаких усилий для установления подлинной позиции японского правительства. Эта акция СССР, сказал я, будет осуждена историей. По сути Малику сказать было нечего, и он лишь в самой общей форме заявил, что в действиях СССР не было ничего предосудительного. Далее я сообщил ему, что японское правительство объявило о принятии Потсдамской декларации (10 августа в 7 часов утра по токийскому времени, через миссии в Швейцарии и Швеции – *В.М.*), и попросил передать эту информацию своему правительству» (17).

Рассматривать ход военных действий в Маньчжурии, на Сахалине и Курилах мы не будем. 12 августа Ёнаи сказал одному из приближенных, что атомные бомбардировки и вступление СССР в войну являются... «небесным даром», поскольку теперь никто не скажет, что Япония была вынуждена капитулировать из-за внутренней слабости. Адмирал пояснил, что опасается «горячих голов», отказывающихся верить в то, что война проиграна, и готовых истребить «изменников», призывавших к капитуляции. Боялся, как оказалось, не зря. 14 августа правительство, наконец, выработало рескрипт о капитуляции, а император решил обратиться к народу по радио. В ночь с 14 на 15 августа группа офицеров попыталась поднять мятеж, захватить оригинал записи августейшего обращения, чтобы не допустить его передачи в эфир, и уничтожить «капитулянтов». Выступление провалилось из-за отсутствия поддержки, а его зачинщики покончили с собой. 15 августа страна впервые услышала голос божественного Тэнно. Именно этот день считается в Стране корня солнца днем окончания войны (18).

Что сыграло решающую роль в скорой капитуляции Японии – атомные бомбардировки или вступление СССР в войну? Вопрос не только исторический, но и политический. Если бомбардировки, то американцы спасли жизнь ста миллионов японцам ценой жизни нескольких сотен тысяч, а Советский Союз повёл себя как «вор на пожаре». Если вступление Красной Армии в войну, то СССР имел полное право, как минимум, на свою долю военных трофеев, а то и на участие в управлении побеждённой Японией. Американская и подконтрольная ей японская пропаганда придерживались первой точки зрения, советская пропаганда – второй.

Дж. Ленсен, американец русского происхождения, остроумно заметил: «Естественно, что история войны на Тихом океане для американского читателя будет включать фотографию генерала Макартура, когда он на палубе “Миссури” ставит подпись под Актом о капитуляции Японии, в то время как аналогичная история для советского читателя покажет ту же сцену, но с генерал-лейтенантом Кузьмой Деревянко, подписывающим Акт, в то время как Макартур и все остальные будут стоять на заднем плане» (19).

Американский историк Ц. Хасэгава, японец по национальности, написал лучшее – во всяком случае, на настоящий момент – комплексное исследование данного вопроса «Наперегонки с врагом. Сталин, Трумэн и капитуляция Японии», материалы которого я использовал в этой главе. Его вердикт, вынесенный на основе впервые сведённых воедино японских, советских и американских источников, гласит: «Вступление СССР в войну потрясло японцев больше, чем атомные бомбы, поскольку оно положило конец всем надеждам придти к соглашению, хоть немного отличному от безоговорочной капитуляции... (Оно) сыграло большую роль, чем атомные бомбы, в принуждении Японии к капитуляции». Заслуживает внимания и такое замечание учёного: «В этой истории нет ни героев, ни настоящих злодеев – просто люди. Окончание войны на Тихом океане, при внимательном анализе, оказывается человеческой драмой, динамика которой определялась слишком человеческими чувствами участников: амбициями, страхом, тщеславием, гневом и предубеждением» (20).

Далеко не все думают так даже среди историков – например, М. Вебер опубликовавший статью «Была ли Хиросима необходимой?». Отвечая на этот вопрос отрицательно, он заметил: «Хотя советское участие мало или вовсе никак не изменило ход войны, Москва получила колоссальную выгоду от вступления в конфликт» (21). Невозможно согласиться ни с первой, ни со второй частью этого утверждения. С ролью советского участия в войне мы разобрались. Остался вопрос: что мы от этого выиграли?

Смыли сорок лет спустя «позор Цусимы»? Свели «старые счёты с Японией», о которых говорил Сталин в обращении к советскому народу по поводу победы? После разгрома Третьего рейха это выглядело не столь эффектно и новых лавров не принесло.

В войну на Тихом океане СССР вступил в самый последний момент, заслужив нелестное определение «вора на пожаре»: так обычно поступали малые страны, стремясь поспеть за колесницей победителя. Ликвидировали «очаг войны» на дальневосточной границе, поставив под свой контроль Маньчжурию и половину Кореи – где до сих пор не затухает новый «очаг»? Но Япония и так была разгромлена, а её вооружённые силы подлежали полной демобилизации. Вернули Южный Сахалин и получили всю Курильскую гряду? Приобрели даровую рабочую силу в виде Квантунской армии? Но всё это мы могли получить и без войны, если бы Сталин решил принять принца Коноэ.

Увы, главным «приобретением» стала устойчивая неприязнь многих японцев к России советской, перенесённая на Россию постсоветскую. Дело не только в «северных территориях» или проблеме военнопленных. Советский Союз нарушил договор о нейтралитете – и от этого факта не уйдёшь. Желающих использовать его, равно как и прочие тёмные страницы отношений между нашими странами, по-прежнему немало. Им хочется, чтобы конфликты прошлого бросали тень на настоящее и будущее. Но кому это выгодно? России? Японии?..

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2004 г. Япония отметила столетие начала войны с Россией, в 2005 г. – столетие своей победы. Ничего антирусского в этом не было. Русско-японская война – последняя, которой японцы имеют право гордиться, поскольку их войны в Китае и на Тихом океане осуждены как «агрессивные». Юбилей прошёл под лозунгом укрепления дружественных отношений между нашими странами. Так было написано на сувенирных банках пива «Цусима», украшенного портретом адмирала Того. Дружба дружбой, но виски «Пёрл-Харбор» в японских магазинах не видно... Вышли новые фильмы и книги, проводились выставки и концерты, симпозиумы и конференции, призванные осмыслить опыт прошлого. И японцы, и русские, которых туда охотно приглашали, не раз вспоминали о «золотом веке» двусторонних отношений, который последовал за давней войной. Но неужели только через войну можно узнать соседа и убедиться в необходимости дружественных отношений с ним? – спрашивали историки и журналисты, писатели и пиарщики. Вопрос остался без ответа.

В отличие от советского времени, сегодня Россию и Японию не разделяет идеологическая вражда. Обе страны являются членами «большой восьмёрки» и, стало быть, принадлежат к одному лагерю. Новых проблем в отношениях между ними не появилось – хватает старых. Почему же не наступает новый «золотой век»? Нынешнюю ситуацию политологи оценивают так: Россия не является внешнеполитическим приоритетом Японии, Япония – внешнеполитическим приоритетом России. С обеих сторон, и в России, и в Японии, отсутствует политическая воля к решению проблем, накопившихся в двусторонних отношениях.

Сегодня на «японском направлении» в России нет фигур, равновеликих Николаю Японскому. В Японии на «русском направле-

нии» нет фигур, равновеликих Гото Симпэй. Но в обеих странах есть люди (дипломаты и журналисты, учёные и писатели, общественные и религиозные деятели), любящие свою родину, а потому неравнодушные к тому, как складываются её отношения с соседями. Опыт истории показывает нам гибельность двусторонних конфликтов и войн. Сегодняшний день учит, что разобщённость перед лицом общего врага – будь то международный терроризм или экологическая катастрофа – может оказаться не менее гибельной.

Раньше престиж страны определялся количеством выигранных сражений, трофеев и знамён поверженной армии, доставшихся победителю. Многие до сих пор не избавились от этого стереотипа. Пора менять сложившиеся представления и избавляться от «тени Цусимы» – и русским, и японцам.

Необходимо, чтобы между нашими странами не прерывались контакты на различных уровнях, чтобы продолжался диалог, каким бы трудным он порой ни был. Возможность улучшения двусторонних отношений остается, и учёные-историки должны сказать здесь своё слово.

ПРИЛОЖЕНИЕ

РУССКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1905–1945 гг.: ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

РОССИЯ / СССР

Глава государства

Император

Николай II, 1894–1917

Председатели ВЦИК / ЦИК СССР / Президиума Верховного Совета СССР

Лев Борисович Каменев, октябрь–ноябрь, 1917

Яков Михайлович Свердлов, 1917–1919

Михаил Иванович Калинин, 1919–1945

Председатели Совета министров / Временного правительства / Совета народных комиссаров

Сергей Юльевич Витте, 1905–1906

Иван Логгинович Горемыкин, апрель–июль 1906

Пётр Аркадьевич Столыпин, 1906–1911

Владимир Николевич Коковцов, 1911–1914

Иван Логгинович Горемыкин, 1914–1916

Борис Владимирович Штюрмер, январь–ноябрь 1916

Александр Федорович Трепов, ноябрь–декабрь 1916

Николай Дмитриевич Голицын, декабрь 1916 – февраль 1917

Григорий Евгеньевич Львов, март–июль 1917

Александр Федорович Керенский, июль–октябрь 1917

Владимир Ильич Ленин, 1917–1924

Алексей Иванович Рыков, 1924–1930

Вячеслав Михайлович Молотов, 1930–1941

Иосиф Виссарионович Сталин, 1941–1953

Министры иностранных дел

- Владимир Николаевич Ламздорф, 1900–1906
Александр Петрович Извольский, 1906–1910
Сергей Дмитриевич Сазонов, 1910–1916
Борис Владимирович Штюрмер (премьер), июль–ноябрь 1916
Анатолий Анатолиевич Нератов (управляющий министерством), 1916
Николай Николаевич Покровский, 1916–1917
Павел Николаевич Милоков, март–май 1917
Михаил Иванович Терещенко, май–октябрь 1917
Лев Давидович Троцкий, октябрь 1917 – март 1918
Георгий Васильевич Чичерин, 1918–1930
Максим Максимович Литвинов, 1930–1939
Вячеслав Михайлович Молотов, 1939–1949

Главы дипломатических представительств в Японии

до 1 мая 1908 г. Чрезвычайный и полномочный посланник, затем Чрезвычайный и полномочный посол; с 1925 г. – полномочный представитель; с 9 мая 1941 г. – Чрезвычайный и полномочный посол

- Григорий Александрович Козаков (поверенный в делах), февраль–апрель 1906
Георгий (Юрий) Петрович Бахметев, 1906–1908
Николай Александрович Малевский-Малевич, 1908–1916
Василий Николаевич Крупенский, 1916–1922
Дмитрий Иванович Абрикосов (поверенный в делах), 1922–1925
Виктор Леонтьевич Копп, 1925–1926
Григорий Зиновьевич Беседовский (поверенный в делах), 1926–1927
Валериан Савельевич Довгалеvский, июнь–ноябрь 1927
Иван Михайлович Майский (поверенный в делах), 1927–1928
Александр Антонович Трояновский, 1928–1933
Константин Константинович Юренев, 1933–1937
Исаак Наумович Дейчман (поверенный в делах), июнь–сентябрь 1937
Михаил Михайлович Славуцкий, 1937–1938
Константин Александрович Сметанин (поверенный в делах), 1938–1939
Николай Иванович Генералов (поверенный в делах), июль–ноябрь 1939

Константин Александрович Сметанин, 1939–1942

Яков Александрович Малик, 1942–1945

ЯПОНИЯ

Глава государства

Императоры

Мэйдзи (Муцухито), 1867–1912

Тайсё (Ёсихито), 1912–1926

Сёва (Хирохито), 1926–1989

Премьер-министры и министры иностранных дел

Кацура Таро (1-й кабинет) – Комура Дзютаро, 1901–1906

Сайондзи Киммоти (1-й кабинет) – Като Такааки,
январь–май 1906, Хаяси Тадасу, 1906–1908

Кацура Таро (2-й кабинет) – Комура Дзютаро, 1908–1911

Сайондзи Киммоти (2-й кабинет) – Утида Косай, 1911–1912

Кацура Таро (3-й кабинет) – Като Такааки, 1912–1913

Ямамото Гоннохё (1-й кабинет) – Макино Нобуаки, 1913–1914

Окума Сигэнобу (2-й кабинет) – Като Такааки, 1914–1915,
Исии Кикудзиро, 1915–1916

Тэраути Масатакэ – Мотоно Итиро, 1916–1918,

Гото Симпэй, апрель–сентябрь 1918

Хара Кэй – Утида Косай, 1918–1921

Такахаси Корекиё – Утида Косай, 1921–1922

Като Томосабуро – Утида Косай, 1922–1923

Ямамото Гоннохё (2-й кабинет) – Идзюин Хикокити, 1923–1924

Киёура Кэйго – Мацуи Кэйсиро, январь–июнь 1924

Като Такааки – Сидэхара Кидзюро, 1924–1926

Вакацуки Рэйдзиро (1-й кабинет) – Сидэхара Кидзюро,
1926–1927

Танака Гиити – Танака Гиити, 1927–1929

Хамагути Осати – Сидэхара Кидзюро, 1929–1931¹

Вакацуки Рэйдзиро (2-й кабинет) – Сидэхара Кидзюро,
апрель–декабрь 1931.

Инукаи Цуёси – Ёсидзава Кэнкити, 1931–1932

Сайто Макото – Хирота Коки, 1932–1934

¹ С ноября 1930 г. Сидэхара исполнял обязанности премьер-министра.

Окада Кэйсукэ – Хирота Коки, 1934–1936
Хирота Коки – Арита Хатири, 1936–1937
Хаяси Сэндзюро – Сато Наотакэ, февраль–май 1937
Коноэ Фумимаро (1-й кабинет) – Хирота Коки, 1937–1938,
Угаки Кацусигэ, май–сентябрь 1938, Арита Хатири, 1938–1939
Хиранума Киитиро – Арита Хатири, январь–август 1939
Абэ Нобуюки – Номура Китисабуро, 1939–1940
Ёнаи Мицумаса – Арита Хатири, январь–июль 1940
Коноэ Фумимаро (2-й кабинет) – Мацуока Ёсукэ, 1940–1941
Коноэ Фумимаро (3-й кабинет) – Тоёда Тэйдзиро,
июль–октябрь 1941
Тодзио Хидэки – Того Сигэнори, 1941–1942, Тани Масаюки,
1942–1943, Сигэмицу Мамору, 1943–1944
Койсо Куниаки – Сигэмицу Мамору, 1944–1945
Судзуки Кантаро – Того Сигэнори, апрель–август 1945
Принц Хигасикуни – Сигэмицу Мамору, август–сентябрь 1945,
Ёсида Сигэру, сентябрь–октябрь 1945

Главы дипломатических представительств в России

*до 1 мая 1908 г. Чрезвычайный и полномочный посланник,
затем Чрезвычайный и полномочный посол*

Мотоно Итиро, 1906–1916
Марумо Наотоси (поверенный в делах), 1916–1917
Утида Косай, 1917–1918
Сато Наотакэ (поверенный в делах), март–июль 1925
Танака Токити, 1925–1930
Амо Эйдзи (поверенный в делах), август–декабрь 1930
Хирота Коки, 1930–1932
Амо Эйдзи (поверенный в делах), сентябрь–декабрь 1932
Ота Тамэкичи, 1932–1936
Сако Сюити (поверенный в делах), июль–ноябрь 1936
Сигэмицу Мамору, 1936–1938
Того Сигэнори, 1938–1940
Татэкава Ёсицугу, 1940–1942
Сато Наотакэ, 1942–1945

ПРИМЕЧАНИЯ

Принятые сокращения

АВП РИ – Архив внешней политики Российской империи

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации

ДВП – «Документы внешней политики СССР»

МОЭИ – «Международные отношения в эпоху империализма»

НГБ – «Нихон гайко бунсё» (Документы внешней политики Японии)

РГАСПИ – Российский архив социально-политической истории.

CJ – «Contemporary Japan» (журнал)

DGFP – «Documents on German Foreign Policy»

JACAR – Japanese Center for Asian Historical Records, National Archives of Japan (Японский центр азиатских исторических документов при Национальных архивах Японии); интернет-сайт <http://www.jacar.go.jp/>

Сокращения в описании архивных шифров: ЯС (Японский стол), Ф. (фонд), Оп. (опись), Д. (дело), Л. (лист).

К ВВЕДЕНИЮ

1. *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. – М., 2001. С. 240.

2. При отсутствии монографии по данному вопросу отмечу: *Томита Такэси.* Сэнканки-но ниссо канкэй, 1917–1937. (Японско-советские отношения межвоенного периода, 1917–1937). – Токио, 2010. Гл. 2. «Политическая история японско-советских рыболовных переговоров, 1925–1932»; материалы по более раннему периоду: *Григорьевич С.С.* Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. – Томск, 1965.

К ГЛАВЕ ПЕРВОЙ

АРХИЕПИСКОП НИКОЛАЙ ЯПОНСКИЙ

В ДНИ ВОЙНЫ И МИРА

Источники (цит. без сносок): *Саблина Э.Б.* История Японской православной церкви и её основатель архиепископ Николай. – М.–СПб., 2006 (сочинения и письма Николая Японского цит. по этому изданию); Дневники святого Николая Японского. Т. 4–5. – СПб., 2004.

1. Цит. по: *Саблина Э.Б.* История... С. 37.
2. Цит. по: *Саблина Э.Б.* История... С. 36.
3. Кирисутокё нэнкан. 2011. (Христианский ежегодник. 2011). – Токио, 2011; официальный сайт Японской православной церкви: <http://www.orthodoxjapan.jp/index.html>
4. Цит. по: *Саблина Э.Б.* История... С. 128–129.
5. *Куланов А.Е.* Русские семинаристы в Токио: учеба и судьбы // Япония. 2011. Ежегодник. – М., 2011; в большинстве публикаций указано, что епископ Николай был единственным российским подданным, оставшимся в Японии.
6. Цит. по: *Саблина Э.Б.* История... С. 105–106.
7. Там же. С. 107, 118.
8. Подробнее: *Гольдберг Д.И.* Очерк истории рабочего и социалистического движения в Японии в 1868–1908 гг. – М., 1976. С. 124–132 (цитаты приведены по этому изданию).
9. *Саблина Э.Б.* История... С. 119.
10. Цит. по: *Саблина Э.Б.* История... С. 508–509.

К ГЛАВЕ ВТОРОЙ СЕРГЕЙ ВИТТЕ И «МИР БЕЗ ПОБЕЖДЕННЫХ»

Источники (цит. без сносок): Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора. (Оранжевая книга). – СПб., 1906; Портсмут // Красный архив. Т. 6–7; Комура гайкоси. (История дипломатии Комура). – Токио, 1966. С. 459–619; JACAR.

1. Цит. по: *Игнатъев А.В.* С.Ю. Витте – дипломат. – М., 1989. С. 205.
2. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 9. – М., 1960. С. 159.
3. Красный архив. Т. 19. С. 75.
4. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. – М., 1960. С. 573–574.
5. *Барышев Э.А.* Мотоно Итиро (1862–1918) – яркий представитель политики здравого смысла // Япония. 2009. Ежегодник. – М., 2009. С. 331–344. Указанная статья положила начало «открытию» Мотоно в российской историографии, поскольку даже на родине этому выдающемуся дипломату не посвящено ни одного монографического исследования.
6. Красный архив. Т. 19. С. 80.
7. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 415–416.
8. *Игнатъев А.В.* С.Ю. Витте – дипломат. С. 223–224.
9. Цит. по: *Кутаков Л.Н.* Портсмутский мирный договор, 1905–1945 гг. – М., 1961. С. 77.

10. *Коростовец И.* Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 г. // Былое. 1918. № 2. С. 125.
11. Воспоминания А.П. Извольского. – Пг., 1924. С. 89.
12. Красный архив. Т. 28. С. 197.
13. Красный архив. Т. 6. С. 13–18.
14. *Sadao Asada.* Mahan to Pearl Harbor. The Imperial Japanese Navy and the United States. – Annapolis, 2006. Ch. 1–2; *Ковальчук М.К.* В спорах о «морской силе». Теории А.Т. Мэхэна и ранняя японская геополитика // Япония. 2003–2004. Ежегодник. – М., 2004.
15. Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917. – М., 1999. С. 85.
16. *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. – М., 1999. С. 451.
17. Цит. по: *Кутаков Л.Н.* Портсмутский мирный договор. С. 49.
18. *Коростовец И.* Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 г. // Былое. 1918. № 3. С. 71.
19. Там же. С. 74–75.
20. *Cyrus Adler.* Jacob H. Shiff. His Life and Letters. Vol. 1. – Garden City NY, 1928. P. 224–225.
21. *Игнатъев А.В.* С.Ю. Витте – дипломат. С. 235–236.
22. Воспоминания А.П. Извольского. С. 90–91.
23. *Naudeau Ludovic.* Le Japon Moderne. Son Evolution. – Paris, 1909. P. 193–219 (цит. P. 195); *Гольдберг Д.И.* Очерк истории рабочего и социалистического движения в Японии. С. 146–168.
24. *Сидэхара Кидзюро.* Гайко годзюэнэн. (Пятьдесят лет дипломатической службы). – Токио, 1951. С. 21.
25. Политика // Русское богатство. 1905. № 8. С. 185.

К ГЛАВЕ ТРЕТЬЕЙ

ГОТО СИМПЭЙ И УСТАНОВЛЕНИЕ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Источники: Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). – М., 1927 (цит. без сносок); Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов, 1907–1929. – М., 2005 (Кацура, Гото и Россия – с указанием номера документа); *Цуруми Юсукэ.* Гото Симпэй. Т. 1–2. – Токио, 1937.

1. The d'Anethan Dispatches from Japan, 1894–1910. – Tokyo-Tallahassee, 1967. P. 195.

2. Экземпляр Извольского: АВП РФ. ЯС. Оп. 493. Д. 206. ЛЛ. 43–46 об. Ей предшествовала записка чиновника по дипломатической части при Унтербергерере Н. Богоявленского «Наше положение на Дальнем Востоке» (10 октября 1909 г.): Там же. Л. 29–41 об.
3. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого (1903–1919). – Минск, 2004. С. 324–325.
4. *Васкевич П.Ю.* Воспоминания. Публ. и комм. П.Э. Подалко // *Славяна / Slavonic Studies* (Токио). № 17 (2002). С. 186–187.
5. *Baron (Roman) Rosen.* Forty Years of Diplomacy. – N.Y., 1922. Vol. I. P. 146–147.
6. *Кутаков Л.Н.* Портсмутский мирный договор. С. 90–92.
7. *Harrison E.J.* Peace of War East of Baikal? – Yokohama, 1910. P. 239.
8. *Барышев Э.А.* За кулисами русско-японских переговоров 1906–1907 гг.: дипломатия Мотоно Итиро // Япония. 2010. Ежегодник. – М., 2010. С. 276. Ср: *Савельев И.П.* Нитиро канкэй-но «огон дзидай»-о котикү-ситэ: Мотоно Итиро то нитиро сэкин, 1906–1916. (Созидая «золотой век» русско-японских отношений: Мотоно Итиро и русско-японское сближение, 1906–1916) // *Россия то Нихон. (Россия и Япония).* Вып. VIII. – Токио, 2010.
9. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. – СПб., 2003. Т. 2. С. 186.
10. The d'Anethan Dispatches from Japan. P. 231–232.
11. Цит. по: *Кутаков Л.Н.* Портсмутский мирный договор. С. 100.
12. Цит. по: Там же. С. 104–105.
13. *Каширин В.* «Русский Мольтке» смотрит на Восток. Дальневосточные планы Главного штаба // *Родина.* 2004. № 1. С. 42–43.
14. Об арендных правах Японии см. подробнее: *C. Walter Young:* 1) *Japan's Special Position in Manchuria: Its Assertion, Legal Interpretation and Present Meaning.* – Baltimore, 1931; 2) *The International Legal Status of the Kwantung Leased Territory.* – Baltimore, 1931; 3) *Japanese Jurisdiction in the South Manchuria Railway Areas.* – Baltimore, 1931.
15. Подробнее: *Д-р Шимпэй Гото.* Современное состояние Формозы // Японцы о Японии. – СПб., 1909. С. 503–513; *Yosaburo Takekoshi.* Japanese Rule in Formosa. Preface by Baron Shimpei Goto. – London, 1907; *Молодяков В.Э.* Гото Симпэй и колониальная политика Японии. Часть первая. Тайвань, 1898–1906 гг. // Япония. Ежегодник. 2004–2005. – М., 2005.
16. Подробнее: *Кобаяси Митихиро.* Нихон-но тайрику сэйсаку, 1895–1914: Кацура Таро то Гото Симпэй. (Континентальная политика Японии, 1895–1914: Кацура Таро и Гото Симпэй). – Токио, 1996; *Stewart Lone.* Army, Empire and Politics in Meiji Japan. The Three Careers of General Katsura Taro. – N.Y., 2000. Ch. 3, 8–10.
17. *Кутаков Л.Н.* Портсмутский мирный договор. С. 116.
18. Кацура, Гото и Россия. Док. 2.
19. Там же. Док. 1.
20. Там же. Док. 5.

21. Там же. Док. 3.
22. The d'Anethan Dispatches from Japan. P. 228.
23. Кацура, Гото и Россия. Док. 6.
24. Коллекция вырезок в деле о визите Гото (АВП РИ).
25. Кацура, Гото и Россия. Док. 7.
26. Там же. Док. 8.
27. Там же. С. 15 (во вступительной статье).
28. Там же. Док. 12.
29. Там же. Док. 15.
30. Там же. Док. 13.
31. Там же. Док. 14.
32. *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 2. С. 1013–1014.
33. Кацура, Гото и Россия. Док. 20.
34. Цит. по: *Севостьянов П.П.* Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке (в Китае и Корее в 1905–1911 гг.). – М., 1958. С. 50.
35. *Хаусхофер К.* О геополитике. С. 377.

К ГЛАВЕ ЧЕТВЕРТОЙ
**КАЦУРА ТАРО, НИКОЛАЙ МАЛЕВСКИЙ-МАЛЕВИЧ
И СТРАТЕГИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА**

Источники: см. прим. к главе 3.

1. *Ковковцов В.Н.* Из моего прошлого. С. 339–356. Апологетическая версия: *Пак Б.Д.* Возмездие на харбинском вокзале. – Иркутск, 1999.
2. *Самойлов Н.А.* Ито Хиробуми: образ японского государственного деятеля в российском восприятии (начало XX века) // Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX–XX веках. – СПб., 1998.
3. *Васкевич П.Ю.* Воспоминания. С. 186.
4. АВП РИ. ЯС. Оп. 493. Д. 206. Л. 20–21об.
5. Там же. Л. 136–136об.
6. Там же. Л. 81 – приведено в письме Извольского Столыпину от 7 декабря (24 ноября) 1909 г.
7. Журнал совещания: Там же. Л. 100–107.
8. Там же. Л. 48.
9. Там же. Л. 54.
10. Там же. Л. 55–56об.
11. Там же. Л. 59–60об.
12. Там же. Л. 83, 131.

13. Там же. Л. 152–154.
14. Там же. Л. 148; *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 3. С. 350–355.
15. Кацура, Гото и Россия. Док. 23.
16. АВП РИ. ЯС. Оп. 493. Д. 206. Л. 165–166об.
17. Там же. Л. 178 об.
18. Цит. по: *Севостьянов П.П.* Экспансионистская политика США... С. 154.
19. Там же. С. 155–156.
20. Там же. С. 161.
21. Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917. С. 152–155.
22. Там же. С. 146–149.
23. Цит. по: *Harrison E.J.* Peace of War East of Baikal? P. 339.
24. The d'Anethan Dispatches from Japan. P. 250–251.
25. Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917. С. 155–156.
26. Кацура, Гото и Россия. Док. 24.
27. The d'Anethan Dispatches from Japan. P. 258.
28. Обзор: *Григорьевич С.С.* Дальневосточная политика... С. 303–304.
29. Там же. С. 309.
30. АВП РИ. ЯС. Оп. 493. Д. 206. Л. 184–186 об, 191–193 об.
31. Кацура, Гото и Россия. Док. 25
32. Там же. Док. 26.
33. МОЭИ. Серия II. Т. XVIII. С. 205.
34. Кацура, Гото и Россия. Док. 31.
35. Обзор: Там же. Док. 32.
36. Там же. Док. 37.
37. Там же. Док. 30.
38. Там же. Док. 33.
39. Там же. Док. 34. См.: *Григорьевич С.С.* Дальневосточная политика... С. 248–256; *Harrison E.J.* Peace of War East of Baikal? P. 423–427; *Saveliev Igor.* Militant Diaspora: Korean Immigrants and Guerrillas in Early Twentieth Century Russia // Forum of International Development Studies (Nagoya University). Vol. 26 (March 2004).
40. Предыстория и хроника визита: Кацура, Гото и Россия. Док. 36, 38; *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 3. С. 391–417.
41. *Ёсимура Митио.* Нихон то Росиа. (Россия и Япония). – Токио, 1991. Гл. 2.
42. Кацура, Гото и Россия. Док. 42.
43. *Григорьевич С.С.* Дальневосточная политика... С. 421.
44. Кацура, Гото и Россия. Док. 45–48.
45. Там же. Док. 51.
46. Там же. Док. 49.
47. Кацура, Гото и Россия. Док. 50.
48. АВП РИ. ЯС. Оп. 493. Д. 1483. Л. 9, 20; Кацура, Гото и Россия. Док. 52.
49. Там же. Док. 53–54.

50. Подробнее: *Банно Дзюндзи*. Тайсё сэйхэн. (Кризис Тайсё). – Киото, 1982; *Duus Peter*. Party Rivalry and Political Change in Taisho Japan. – Cambridge MS, 1968. Ch. 2.

К ГЛАВЕ ПЯТОЙ ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ И ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ЯПОНОВЕДЫ

Источники (цит. без сносок): Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. – Владивосток, 1999. Гл. I (материалы истории Восточного института); Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь. – М., 2005; Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). – СПб., 2003.

1. Русские военные востоковеды. Текст на суперобложке без указания источника.

2. *Буяков А.М.*: 1) Подготовка офицеров в Восточном институте // Известия Восточного института ДВГУ. № 1 (1994); 2) Восточники на фронтах русско-японской войны 1904–1905 гг. // Там же. № 2 (1995); 3) Офицеры-выпускники Восточного института: годы и судьбы // Там же. № 5 (1999).

3. *Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. – М., 2004. С. 102–108.

4. Первый профессиональный японовец России. Опыт латвийско-российско-японского исследования жизни и деятельности Е.Г. Спальвина. – Владивосток, 2007.

5. *Ермакова Л.М.* О проф. Оресте Плетнере и одном письме С.Г. Елисева: из истории российского японоведения // Альманах Япония–Россия. – Токио. 2002. С. 16.

6. «Возвращение» Елисева на родину закрепили международная конференция в Москве и сборник: С.Г. Елисеев и мировое японоведение. – М., 2000.

7. *Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. – М., 1988.

8. Воспроизведены фототипически: Симбун сюсэй Тайсё хэннэн-си. (История газет эпохи Тайсё). Тайсё 7 нэндо. Дзёкан. (1918 год. Том 1). – Токио, 1976. С. 179, 251.

9. *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы. Письма. – М., 1996. С. 257.

10. Первый очерк его биографии: *Ермакова Л.М.* О проф. Оресте Плетнере и одном письме С.Г. Елисева.

11. *Громковская Л.Л., Кычанов Е.И.* Николай Александрович Невский. – М., 1978; На стёклах вечности... Николай Невский. Переводы, исследова-

ния, материалы к биографии // Петербургское востоковедение. Вып. 8. – СПб., 1996.

К ГЛАВЕ ШЕСТОЙ
**ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ,
ЯМАГАТА АРИТОМО И РУССКО-ЯПОНСКИЙ СОЮЗ**

Источники (цит. без сносок): Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. В главе использованы материалы монографии: *Барышев Э.А.* Нитиро домэй дзидай, 1914–1917 нэн. (Эпоха русско-японского союза, 1914–1917 гг.). – Фукуока, 2007.

1. МОЭИ. Серия III. Т. 2. С. 494–496.
2. Неопубликованное сообщение Малевского-Малевича от 12 сентября (30 августа) 1913 г. цит. по: *Гальперин А.Л.* Англо-японский союз. – М., 1947. С. 306.
3. МОЭИ. Серия III. Т. 4. С. 371–372; Т. 5. С. 23–26, 311–315.
4. Сэгай Иноуэ кодэн (Посмертная официальная биография Иноуэ). Т. 5. – Токио, 1933. С. 367–369.
5. МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 22–23.
6. МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. С. 11.
7. МОЭИ. Серия III. Т. 7. Ч. 1. С. 156–158; *Ёсимура Митио.* Нихон то Росиа. С. 194–212.
8. *Григорцевич С.С.* Дальневосточная политика... С. 518–519.
9. *Пестушко Ю.С.* Почему японские войска так и не попали на европейский фронт // Япония. Ежегодник. 2007. – М., 2007; *Coleman Frederic.* Japan Moves North: The Inside Story of the Struggle for Siberia. – London–N.Y., 1918. Ch. II.
10. МОЭИ. Серия III. Т. 7. Ч. 1. С. 86–88.
11. Ямагата Аритомо икэнсё. (Меморандумы Ямагата Аритомо). – Токио, 1966. С. 345–348.
12. МОЭИ. Серия III. Т. 8. Ч. 2. С. 45–46.
13. *Гото Симпэй.* Доко мадэмо нитиро синдзэн-рон. (Последовательный курс на русско-японскую дружбу) // Тюо корон. 1915. 01.10. См.: *Барышев Э.А.* Русско-японское сближение в период Первой мировой войны и внешнеполитическая стратегия Гото Симпэй // Уральское востоковедение. 2. – Екатеринбург, 2007. Анализ дискуссий о «союзе»: *Танака Наокити.* Нитиро кёсё-рон. (Теория русско-японской Антанты) // Камикава-сэнсэй канрэки кинэн. Киндай нихон гайкоси-но кэнкю (Сборник в честь профессора Камикава. Исследования по дипломатической истории Японии в новое время). – Токио, 1956.

14. МОЭИ. Серия III. Т. 6. Ч. 1. 2. С. 24; Т. 7. Ч. 1. С. 208–210.
15. МОЭИ. Серия III. Т. 9. С. 540–542.
16. Подробнее: *Ёсимура М.* Нихон то Росиа. С. 280–297; *Барышев Э.А.* Японская миссия великого князя Георгия Михайловича (декабрь 1915 – февраль 1916 года): «Внешняя сторона чрезвычайного посольства» // Знакомьтесь – Япония. № 50 (2009).
17. Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки. (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё). – Токио, 1981. С. 77–78. Подробнее: *Барышев Э.А.* Роль князя Ямагата в подготовке русско-японского союза 1916 г.: за кулисами визита великого князя Георгия Михайловича в Японию // Япония. Ежегодник. 2007. – М., 2007; *Hackett Roger F.* Yamagata Aritomo in the Rise of Modern Japan, 1838–1922. – Cambridge, 1971. P. 291–300; *Миякэ Масакэ.* Юрасиа гайкоси кэнкю. (Исследования по истории евразийской дипломатии). – Токио, 2000. С. 20–23, 85–88.
18. НГБ. Тайсё 5 нэн. (1916). С. 111–113; МОЭИ. Серия III. Т. 10. С. 260–261.
19. Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки. С. 85–86.
20. НГБ. Тайсё 5 нэн. С. 117–118; Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки. С. 86–89.
21. Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки. С. 89–90.
22. НГБ. Тайсё 5 нэн. Т. 1. С. 113–115; Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки. С. 91.
23. Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки. С. 91–93; Нитиро домэй симпо. Сюсё гайсё сансэй-ни катамуку. (Прогресс в отношении японско-русского союза. Премьер и министр иностранных дел склоняются к соглашению) // Ёмиури. 1916. 26.01.
24. НГБ. Тайсё 5 нэндай. Т. 1. С. 118–119.
25. МОЭИ. Серия III. Т. 10. С. 205.
26. *Lowe Peter.* Great Britain and Japan, 1911–1915. A Study of British Far Eastern Policy. – London, 1969. P. 9. Подробнее: *Frederic Coleman.* The Far East Unveiled. – London–N.Y., 1918. Ch. V.
27. МОЭИ. Серия III. Т. 10. С. 451–452.
28. *Гото Симпэй.* Дзикёку-ни кансуру икэн-но тайё. (Мнение о современной политической ситуации). – Токио, 1916. С. 12.
29. Цит. по: *Nish Ian.* Alliance in Decline. A Study in Anglo-Japanese Relations, 1908–1923. – London, 1972. P. 236.
30. *Гото Симпэй.* Нихон ботё-рон. (Японская экспансия). – Токио, 1916. С. 7–8, 199.
31. Там же. С. 228.
32. *Ёсимура М.* Нихон то Росиа. С. 297–318; *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции: 1916 – февраль 1917 г. – М., 1989. С. 96–126; *Барышев Э. А.* Русско-японская политическая конвенция от 3 июля 1916 года и её международно-политический смысл // Япония. Ежегодник. 2006. – М., 2006.

33. *Като Такааки*. Нитиро син-кёяку то нитизэй домэй. (Новое русско-японское соглашение и англо-японский союз) // Доси. 1916. 15.08. Т. 1. № 5.

34. Цит. по: *Гальперин А.Л.* Англо-японский союз. С. 314–315. Ср.: *Гото Симпэй*. Нитиро кёяку ва нитизэй домэй-но какутё нари. (Русско-японское соглашение – продолжение англо-японского альянса) // Нитиро дзицугё симпо. 1916. 15.08.

35. *Каяхара Кадзан*: 1) Нитиро кёяку то кокусай сэйкёку-но хэнка. (Русско-японское соглашение и изменение международной ситуации) // Нихон хёрон. 1916. 01.08; 2) Нитиродоку сангоку домэй: Осю тайсэнго-но нитиродоку домэй-рон. (Тройственный союз Японии, России и Германии: рассуждая о русско-японско-германском союзе после Великой европейской войны) // Нихон хёрон. 1917. 01.02. См. также: *Нагасэ Хосукэ*. Родоку сэкин-рон: Барука-но сёрай-но кэцурон тоситэ. (Русско-германское сближение: будущее следствие балканской политики) // Тайо. 1915. 01.08.; *Нагасима Рюдзи*. Родоку канарадзу тэйкэй сэн. (Россия и Германия обязательно сблизятся) // Нихон оёби нихондзин. 1916. Январь. № 671; *Нинагава Арата*. Родоку моси тандоку кова сэба. (Если Россия и Германия заключат сепаратный мир) // Гайко. 1917. 01.01.

36. *Кэмуяма Сэнтаро*. Нитиродоку домэй-рон. (Японско-русско-германский союз) // Юбэн. 1917 (новогодний выпуск); *Сэнга Цуруттаро*. Нитиро син-кёяку то сангоку домэй. (Новое русско-японское соглашение и Тройственный союз) // Тайё. 1916. 01.08.; *Кита Рэйкити*. Азиасюги-но синтай-о рондзу. (Размышляя о сути азиатизма) // Синсёсэцу. 1917. Апрель – и другие.

37. *Нагасима Рюдзи*. Нитидоку домэй-но дзэнтэй. (Предпосылка японско-германского союза) // Кодзуй иго. 1916. Апрель. № 11; *Тэрао Тору*. Эй-коку ва сюзэй-но тэки. (Великобритания – вечный враг) // Там же.

38. Николай II и великие князья. (Родственные письма к последнему царю). – Л.–М., 1925. С. 83, 89.

39. *Coleman F.* The Far East Unveiled. P. 223.

40. *Hackett R.F.* Yamagata Aritomo... P. 301–307.

41. Николай II и великие князья. С. 121.

42. *Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян. С. 46.

43. Россия и США. С. 214–219.

К ГЛАВЕ СЕДЬМОЙ МОТОНО ИТИРО, ГОТО СИМПЭЙ И ПАРАДОКСЫ «СОЮЗНОЙ» ИНТЕРВЕНЦИИ

Источники: НГБ-Тайсё. Т. 6–7; ДВП. Т. I–V; Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. Документы и материалы. Владивосток, 1997; Москва–Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931.

Сборник документов. Кн. 1–2. – М., 2007 (Москва–Токио – с указанием книги и номера документа).

1. *Хосоя Тихиро*. Росиа какумэй то Нихон. (Русская революция и Япония). – Токио, 1972. С. 8–14.
2. Подробнее: *Сакагути Тосиюки*. Уэда Сэнтаро дэн. Росиацу-но сэнкочу гайкокан. (Биография Уэда Сэнтаро. Дипломат-философ и знаток России). – Токио, 1985.
3. Помимо его биографий отмечу: *Самэдзима Хирокадзу*. Ёнаи Мицумаса тайсё то дзайгай букан кимму. (Адмирал Ёнаи Мицумаса и его служба за границей) // Ёнаи Мицумаса кай кайхо. № 11 (1998).
4. Красный архив. Т. 24. С. 138, 140–141; *Григорьевич С.С.* Дальневосточная политика... С. 530–535, 560–562.
5. *Мацокин Н.* Японские вымыслы и их виновники. Харбин, 1917. С. 1–9.
6. НГБ. Тайсё 6 нэндай. (1917). Кн. I. С. 578–579.
7. ДВП. Т. II. С. 388–389.
8. Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. Док. 22; Revelations of a Russian Diplomat. The Memoirs of Dmitrii I. Abrikosov. – Seattle, 1964. P. 266–267. Полный перевод написанных по-английски мемуаров, включая последнюю главу, пропущенную в издании 1964 г.: *Абрикосов Д.* Судьба русского дипломата. – М., 2008.
9. Архив полковника Хауза. Т. III. – М., 1939. С. 272–273.
10. Хара Кэй никки. (Дневник Хара Кэй). – Токио, 1965. Т. 4. С. 331, 344–355.
11. Архив полковника Хауза. Т. III. С. 275, 291.
12. Подробнее: *Хосоя Тихиро*: 1) Сибэриа сюппэй-но ситэки кэнкю. (Историческое исследование интервенции в Сибири). – Токио, 2005. Гл. 3, 5; 2) Росиа какумэй то Нихон. Гл. 2; *James Morley*. The Japanese Thrust into Siberia, 1918. N.Y., 1957. Ch. III, VI, X–XI; *Хара Тэрююки*. Сибэриа сюппэй: какумэй то кансё. (Сибирская интервенция: революция и вмешательство). – Токио, 1989.
13. ДВП. Т. I. С. 80–82; Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. Док. 59, 62–73; *Хосоя Т.* Росиа какумэй то Нихон. С. 15–47.
14. Цит. по: *Ippei Fukuda*. A Revaluation of Count Uchida // Contemporary Japan. Vol. I, № 2 (September 1932). Интервью Утида, опубликованное 26 марта 1918 г., изложено в статье А.Н. Луцкого, перепечатанной: Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. Док. 130.
15. Подробнее: *Амамия Сёити*. Сэнсо сидо то сэйто: гайко тэсакай-но кино то ити. (Руководство войной и политические партии: функции и статус Комитета по изучению внешней политики) // Сисо. № 622. (1976, Апрель); *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 3. С. 854–870; *Tatsuji Takeuchi*. War and Diplomacy in the Japanese Empire. – Garden City, 1935. Ch. V.
16. *Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. – М., 1961. С. 60.

17. Опубликовано в приложении к официальному изданию генерального штаба: Сибэриа сьуппэй си. (История интервенции в Сибири). Т. 1. – Токио, 1924. Фрагменты: *Morley J. The Japanese Thrust into Siberia, 1918. Appendix*; Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. Док. 94, 104, 117, 128, 129.
18. Архив полковника Хауза. Т. III. С. 291, 276.
19. *Токутоми Итумиро*. Косяку Ямагата Аритомо дэн. (Биография князя Ямагата Аритомо). Т. 3. – Токио, 1933. С. 987–989. Позиция Ямагата в отношении интервенции: *Hackett R.F. Yamagata Aritomo...* P. 310–316.
20. Цит. по: *Kawakami K.K. Japan and World Peace*. – N.Y., 1919. P. 72–73; ср.: Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. Док. 131.
21. Хара Кэй никки. Т. 4. С. 384–387.
22. Хара Кэй никки. Т. 4. С. 389–391.
23. *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 3. С. 884–888; *Nish I. Alliance in Decline*. P. 236–241, 257.
24. *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 3. С. 888–894; Хара Кэй никки. Т. 4. С. 399–400, 404–407.
25. Хара Кэй никки. Т. 4. С. 411–414.
26. *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 3. С. 894–922; Хара Кэй никки. Т. 4. С. 415–418.
27. Текст: *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 3. С. 922–924.
28. Хара Кэй никки. Т. 4. С. 420–423; *Leslie Connors. Emperor's Adviser: Saionji Kinmochi and Pre-war Japanese Politics*. – London, 1987. P. 66–67.
29. *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 3. С. 943–952.
30. Там же. С. 924–934; Хара Кэй никки. Т. 4. С. 423–426.
31. Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. Док. 283.
32. ДВП. Т. I. С. 41, 43–44.
33. *Revelations of a Russian Diplomat. Ch. 9; Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян. Гл. IV.
34. Отчёт А.Н. Петрова о поездке в Японию // Красный Архив. Т. 35. С. 55–56, 60–61.
35. Подробнее: *Хосоя Т.*: 1) Сибэриа сьуппэй-но ситэки кэнкю. С. 94–118; 2) Росиа какумэй то Нихон. Гл. 3; *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 3. С. 934–939; Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. Док. 139–173, 220–256; *Revelations of a Russian Diplomat*. P. 271–290.
36. Договор, памятная записка и комментарий «Известий» цит. по: *B.L. Putnam Weale. The Truth about China and Japan*. – N.Y., 1919. P. 206–214. Текст из «большевистских архивов» в Перми: *Pekin & Tientsin Times*. 1919, 14.04. Анализ: *Storry Richard. Rumours of a Japanese-German Understanding on the Eve of Armistice of 1918 // St Anthony's Papers. № 20. Far Eastern Affairs. № 4 (1967)*.
37. *Nish I. Alliance in Decline*. P. 178–183.

38. Foreign Relations of the United States. 1918. Vol. II. P. 35–36.
39. Цит. по: *Fisher Louis*. Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations, 1917–1941. – N.Y., 1969. P. 12.
40. Там же. P. 35.
41. *Wywater Hector C.* Sea Power in the Pacific. London, 1934. P. 310 (переиздание книги 1921 г.).
42. *Хаусхофер К.* О геополитике. С. 373.
43. См. например «Отчёт о командировке сотрудника военно-статистического отделения окружного штаба Приамурского военного округа капитана Муравьева в г. Благовещенск с 4 по 31 марта 1919 г.», опубликованный с тенденциозным предисловием Н.А. Мышова; Отечественные архивы. 2008. № 3.
44. Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. – М., 2002. С. 77–78.
45. *Устрялов Н.В.* Национал-большевизм. – М., 2003. С. 64–65.
46. Там же. С. 82–88.
47. Цит. по: *Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян. С. 126–127.
48. ДВП. Т. II. С. 389.
49. Документы цит. по: *Гутман А.Я. (Ган А.)*. Гибель Николаевска-на-Амуре. Страницы из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. – Берлин, 1924 (далее цит. без сносок). См. также: *Емельянов К.* Люди в аду. – Владивосток, 2004; *Ёсимура М.* Нихон то Росиа. С. 405–424. Ценные материалы: <http://aleksandrovsk.tfd.ru>; <http://sakhalin-war.livejournal.com> (указано Е.Г. Малофеевой).
50. СССР и Япония. – М., 1987. С. 24.
51. Там же. С. 25.
52. Цит. по: *Гутман А.Я.* Гибель Николаевска-на-Амуре... С. 149–150.
53. *Чичерин Г.В.* Статьи и речи... С. 345, 368–369.
54. *Yamato Ichihashi.* The Washington Conference and After. A Historical Survey. – Stanford, 1928. P. 341.
55. *Bland J.O.P.* China: The Pity of It. – London, 1932. P. 20–21.
56. *Каретина Г.С.* Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е гг. XX в. – М., 1984. С. 7.
57. ДВП. Т. II. С. 695.
58. СССР и Япония. С. 27–28.
59. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 1.
60. *George A. Lensen.* Japanese Recognition of the USSR: Soviet-Japanese Relations, 1921–1930. – Tallahassee, 1970. P. 14–15 (документы ДВР из японских архивов); Москва–Токио. Кн.1. Док. 2–7.
61. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 10–17; Нихон гайкоси. (История внешней политики Японии). Т. 15. Ниссо канкэйси, 1917–1945. (Японско-советские отношения, 1917–1945). – Токио, 1970. Гл. 2; *Lensen G.A.* Japanese Recognition of the USSR. Ch. 1; *Петров Ф.Н.* 65 лет в рядах ленинской партии. Воспоминания. – М., 1962. С. 87–92.

62. *Lensen G.A.* Japanese Recognition of the USSR. P. 18–25.
63. *Ibid.* P. 27–30.
64. ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941. – М., 2001. С. 9. Далее все решения политбюро по Японии цит. по этому изданию без сносок.
65. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 40 (приложение).
66. *Кричевский М.* Разрыв русско-японских переговоров в Дайрене // Международная жизнь. 1922. № 6; *Lensen G.A.* Japanese Recognition of the USSR. P. 39–46.
67. *Иоффе А.А.* Россия и Япония. (Чанчуньская конференция) // Новый Восток. 1923. № 4.
68. Цит. по: *Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян. С. 124.
69. Впервые по оригиналу из Архива МИД Японии: *Молодяков В.* Россия и Япония: поверх барьеров. – М., 2004. С. 186–188.
70. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 20–27.

К ГЛАВЕ ВОСЬМОЙ АДОЛЬФ ИОФФЕ И ПУТЬ К «ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМУ РАПАЛЛО»

Источники: Архив МИД Японии. 2–5-1, 106–4. Нитиро кокко кайфуку косё иккэн. (Материалы переговоров о восстановлении японско-российских дипломатических отношений). Ч. 1–7. Ч. 1 (копии в собрании университета Такусёку); НГБ–Тайсё. Т. 12. Кн. 1; Архив Дома-музея Гото. Оп. 16; Кацура, Гото и Россия; Москва–Токио. Кн. 1; *Гото Симпэй:* 1) Нитиро кокуминтэки косё но сэйкэй. (Правда о японско-российских неофициальных переговорах). – Токио, 1923; 2) Нитиро ёби косё вакумон. (Японско-российские подготовительные переговоры: вопросы и ответы). – Токио, 1923; 3) Тайро косё то Нитиро кёкай. (Переговоры с Россией и Японско-российское общество). – Токио, 1924; 4) Нитиро мондай ни цуйтэ. (О японско-российской проблеме). – Токио, 1924; *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 4. С. 385–546.

1. Вырезка в документах Архива МИД Японии (см. выше)
2. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 31–33, 35–38; ДВП. Т. V. С. 473–474.
3. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 39.
4. Там же. Док. 40.
5. О нём: *Revelations of a Russian Diplomat.* P. 304–305; *Беседовский Г.* На путях к термидору. – М., 1997. С. 182, 226.
6. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 43.
7. Там же. Док. 45–46.
8. ДВП. Т. V. С. 529–531, 534–535, 568–570.
9. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 44.

10. Протоколы: Москва–Токио. Кн. 1. Док. 47–49, 52, 54, 58, 59, 61, 62, 66, 67. См.: Нихон гайкоси. Т. 15. Гл. 3; *Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. Ch. 2; СССР и Япония. Гл. 2.*

11. ДВП. Т. V. С. 223–224.

12. Цит. по: *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. – М., 2002. С. 54–55

13. Цит. по: *Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. P. 60–61.*

14. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 50, 51, 53 (цит.); ДВП. Т. V. С. 572–573. См. также советские документы, опубликованные по копиям из японских архивов: *Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. P. 64–68.*

15. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 55, 56 (цит.).

16. ДВП. Т. V. С. 586.

17. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 63–65; ДВП. Т. V. С. 590–593, 600–601.

18. ДВП. Т. V. С. 601–604.

19. Там же. С. 629–630; *Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. P. 76–77.*

20. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 69, 71, 74.

21. *Иоффе А.А.* Россия и Япония...

22. Хара Кэй никки. Т. 5. 372–373, 383; *Connors L. Emperor's Adviser: Saionji Kinmochi and Pre-war Japanese Politics. P. 91–94.*

23. СССР и Япония. С. 53.

24. *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 4. С. 390.

25. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 82–83.

26. Там же. Док. 84.

27. Кацура, Гото и Россия. Док. 56. Далее ссылки на документы приводятся только при первом цитировании или упоминании.

28. Цит. по: *David J. Dallin. The Rise of Russia in Asia. – London, 1950. P. 209.*

29. *Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR. P. 88.*

30. Кацура, Гото и Россия. Док. 55.

31. Перепечатано: Кита Икки. Тёсакусю. (Сочинения). Т. 2. – Токио, 1972. С. 397–407.

32. Записка Утида (15 декабря 1922 г.): Утида Рёхэй канкэй бунсё. (Документы Утида Рёхэй). Т. 2. – Токио, 1994. С. 72–79.

33. *Даба Хироси.* Гото-Иоффе косё дзэнго Гэнъёся, Кокурукай (Гэнъёся и Кокурукай во время переговоров Гото-Иоффе) // «Такусёку дайгаку хяку-нэнси кэнкю = Takushoku University History Review», № 6 (January 2001).

34. *Того С.* Воспоминания японского дипломата. – М., 1996. С. 121. Подробнее: *Хагивара Нобутоси.* Того Сигэнори: дэнки то кайсёцу. (Того Сигэнори: биография и комментарии). – Токио, 1985. С. 139–147.

35. Подробнее: *Кобаяси Юкио.* Ниссо кокко тёсэй-но ити дамман: Гото-Иоффе кайдан кайси-но кэйка. (Эпизод восстановления японско-советских дипломатических отношений: начало переговоров Гото-Иоффе) // Кокусай эйдзи. № 6 (1958).

36. *Иоффе А.А.* Россия и Япония...
37. Меморандум Гото о встрече: *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 4. С. 446–453. Ход переговоров: Нихон гайкоси. Т. 15. Гл. 4; *Lensen G.A.* Japanese Recognition of the USSR. Ch. 3; СССР и Япония. Гл. 2.
38. ДВП. Т. VI. С. 273–274.
39. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 89.
40. *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 4. С. 454–456.
41. Там же. С. 468–473; Кацура, Гото и Россия. Док. 58.
42. Кацура, Гото и Россия. Док. 61; *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 4. С. 491–499.
43. Материалы комиссии: Москва–Токио. Кн. 1. Док. 104–110, 112.
44. *Гутман А.Я.* Гибель Николаевска-на-Амуре. С. 175.
45. Там же. С. 167–170.
46. СССР и Япония. С. 62–63. Подробнее: Москва–Токио. Кн. 1. Док. 91–93, 96–102; Кацура, Гото и Россия. Док. 59, 62–63; *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 4. С. 474–491.
47. Кацура, Гото и Россия. Док. 60.
48. Там же. Док. 66.
49. *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 4. С. 527–530; Кацура, Гото и Россия. Док. 67.
50. Подробнее в письме Иоффе к Гото от 3 июля: Кацура, Гото и Россия. Док. 68.
51. Revelations of a Russian Diplomat. P. 306.
52. *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 4. С. 531–538.
53. Наиболее полная характеристика переговоров по документам из Архива МИД Японии: *Lensen G.A.* Japanese Recognition of the USSR. Ch. 4.
54. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 114–117.
55. ДВП. Т. VI. С. 486–487.
56. Кацура, Гото и Россия. Док. 69.
57. Там же. Док. 70.
58. Там же. Док. 71.
59. *Того С.* Воспоминания японского дипломата. С. 121–122.

К ГЛАВЕ ДЕВЯТОЙ
**ЛЕВ КАРАХАН ПРОТИВ «БАЛЛАСТА
СТАРЫХ ПРЕДРАССУДКОВ»**

Источники: Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. – М., 2008 (Карахан, с указанием номера документа); Кацура, Гото и Россия; Москва–Токио. Кн. 1.

1. Уже в конце июля вышла книга: Синсай фукко. Гото Симпэй-но 120 хи. (Восстановление после землетрясения. 120 дней Гото Симпэй). – Токио, 2011.
2. Карахан. Док. 8.
3. Кацура, Гото и Россия. Док. 72.
4. Этот вопрос нуждается в дополнительном изучении. Представление о переговорах дано адресованное Мори письмо С.К. Шварсалона, секретаря Карахана, от 20 ноября 1923 г. (Кацура, Гото и Россия. Док. 73), а также записи о встречах Мори с Караханом в Мукдене 26 августа и 3 сентября 1923 г.: Архив Дома-музея Гото. Оп. 17. Д. 9.
5. Карахан. Док. 5.
6. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 135.
7. ДВП. Т. VI. С. 486–487.
8. Карахан. Док. 20.
9. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 60. Л. 96–106.
10. Кацура, Гото и Россия. Док. 74.
11. Кацура, Гото и Россия. Док. 75.
12. *Беседовский Г.* На путях к термидору. С. 172.
13. Источник. 1995. № 6. С. 100.
14. *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. – М., 1990. С. 125.
15. Москва–Токио. Кн. 2. Док. 103. Жалоба Литвинова на Карахана: Там же. Док. 100. Другие документы, относящиеся к этому сюжету, не опубликованы.
16. Советское руководство. Переписка. 1928–1941. – М., 1999. С. 17.
17. *Беседовский Г.* На путях к термидору. С. 167.
18. Там же. С. 45–46.

К ГЛАВЕ ДЕСЯТОЙ ПЕРЕГОВОРЫ КАРАХАН–ЁСИДЗАВА И ПЕКИНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ

Источники: НГБ–Тайсё. Т. 12–14; ДВП. Т. VII–VIII; Москва–Токио. Кн. 1–2; Карахан. См. также: *Ёсидзава Кэнкити*. Гайко рокудзюнэн. (Шестьдесят лет дипломатической службы). – Токио, 1958. С. 73–79.

1. ДВП. Т. VII. С. 160–162, 706; Москва–Токио. Кн. 1. Док. 136.
2. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 137–139. 9 апреля Чичерин повторил их: Карахан. Док. 49.
3. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 60. Л. 107–108. Инструкции МИД Японии чит. по: ДВП. Т. VII. С. 242.
4. ДВП. Т. VII. С. 240–243.

5. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 60. Л. 110–111
6. ДВП. Т. VII. С. 275–276.
7. Там же. С. 305–308; Москва–Токио. Кн. 1. Док. 140.
8. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 60. Л. 122–130. Это письмо даёт полное представление о ходе начального этапа переговоров. По другой копии опубли.: Карахан. Док. 55.
9. ДВП. Т. VII. С. 711–713.
10. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 141.
11. ДВП. Т. VII. С. 373.
12. Карахан. Док. 58, 69.
13. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 60. Л. 131–137; частично: ДВП. Т. VII. С. 376–381.
14. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 60. Л. 138–140.
15. Цит. по: *Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR*. P. 163–164.
16. ДВП. Т. VII. С. 411–412.
17. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 146–148.
18. Там же. Док. 144–145.
19. Карахан. Док. 82.
20. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 152.
21. Там же. Док. 155–159, 161–169, 175–181 (цит. док. 155). См. также: РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 60. Л. 146–149.
22. ДВП. Т. VII. С. 480–481.
23. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 60. Л. 150–152; с купюрами: ДВП. Т. VII. С. 483–485.
24. ДВП. Т. VII. С. 526–529, 721. См. также: Москва–Токио. Кн. 1. Док. 171–174.
25. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 150, 151, 154.
26. Карахан. Док. 102.
27. Там же. Док. 111.
28. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 182–183.
29. Карахан. Док. 116.
30. Москва–Токио. Кн. 1. 184–188; Карахан. Док. 117.
31. Конвенция и сопутствующие документы: ДВП. Т. VIII. С. 70–80. См. также: Москва–Токио. Кн. 1. Док. 170, 192–193.
32. ДВП. Т. VIII. С. 640–641; Карахан. Док. 123.
33. Официальный текст, представленный в Лигу наций: *Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR*. P. 190.
34. *Гутман А.Я. Гибель Николаевска-на-Амуре...* С. 180–182.
35. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 191; ДВП. Т. VIII. С. 162–163.
36. *Чичерин Г.В. Статьи и речи...* С. 368–369.
37. Там же. С. 456–460.
38. Коллекция газетных вырезок Дома-музея Гото (копия в собрании университета Такусёку).

39. Нитиро кокко кайфуку-ни цуйтэ. (О восстановлении японско-российских отношений) // Гото Симпэй: хайкоцу но ару кокусайдзин (Гото Симпэй – убежденный интернационалист). – Токио, 2001. С. 192–205.
40. Син Росиа-но кэнкю. (Изучение новой России) // Там же. С. 184–187.
41. Обзор: *Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR*. P. 196–202.
42. *Устрялов Н.В.* Национал-большевизм. С. 313–326.
43. *Саго Наотакэ.* Кайсо хатидзюэн. (Воспоминания за восемьдесят лет). – Токио, 1963. С. 176–180.
44. *Revelations of a Russian Diplomat*. P. 316–317; ДВП. Т. VIII. С. 97.
45. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 195.
46. Там же. Док. 198.
47. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. – М., 1996. С. 77 (в примеч.).
48. Там же. С. 76.
49. Там же. С. 87–89.
50. Москва–Токио. Кн. 2. Док. 24, 33–39.
51. Там же. Док. 87–89, 91.
52. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 197 (раздел «О послах»), 201; Карахан. Док. 144.
53. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 202.
54. Карахан. Док. 123.
55. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 201, 210, 215, 234–239, 251–252; Кн. 2. Док. 2, 5, 8, 9, 16 ДВП. Т. VIII. P. 238–239, 274–275, 456, 551; Т. IX. С. 322–324; *Lensen G.A. Japanese Recognition of the USSR*. P. 217–225.
56. Карахан. Док. 144.
57. ДВП. Т. X. С. 321–322.
58. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 228; Карахан. Док. 171–173.

К ГЛАВЕ ОДИННАДЦАТОЙ КОМИНТЕРН МЕЖДУ МОСКВОЙ И ТОКИО

Источники: ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941 (цит. без сносок). См. также: *Коваленко И.И.* Очерки истории коммунистического движения в Японии до второй мировой войны. – М., 1979.

1. *Лукницкий П.Н.* Встречи с Анной Ахматовой. *Том I.* 1924–25 гг. – Paris, 1991. P. 261.
2. Подробнее: *Гольдберг Д.И.* Очерк истории рабочего и социалистического движения в Японии в 1868–1908 гг.; *Иванова Г.Д.* «Дело об оскорблении трона». Демократическое движение в Японии девятисотых годов, его герои и литература. – М., 1972; *Катаяма С.* Статьи и мемуары. – М., 1959; *Сенаторов А.И.* Сэн Катаяма. Научная биография. – М., 1988.

3. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 122–126.
4. ДВП. Т. VI. С. 457.
5. *Ёсимура М.* Нихон то Росиа. С. 425–450.
6. ДВП. Т. VI. С. 451; Москва–Токио. Кн.1. Док. 127–131.
7. ДВП. Т. VI. С. 456–457.
8. Кацура, Гото и Россия. Док. 72.
9. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 60. Л. 96–106.
10. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 133.
11. Карахан. Док. 144.
12. Русский текст из Архива МИД Японии впервые: *Молодяков В.* Россия и Япония: поверх барьеров. С. 282–284.
13. *Беседовский Г.* На путях к термидору. С. 186–187.
14. Москва–Токио. Кн. 2. Док. 146–148.

К ГЛАВЕ ДВЕНАДЦАТОЙ ТАНАКА ГИИТИ В ПОИСКАХ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Источники: Танака Гиити дэнки. (Биография Танака Гиити). Т. 3. – Токио, 1960; ДВП. Т. X–XI; Кацура, Гото и Россия; Москва–Токио. Кн. 1–2.

1. Текст: История войны на Тихом океане. Т. I. – М., 1957. С. 337–353.
2. *Хаттори Рюдзи.* Ниттю рэкиси нинсики. «Танака дзёсобун»-о мэгуро сококу, 1927–2010. (Понимание истории в Японии и Китае. Борьба вокруг «меморандума Танака», 1927–2010). – Токио, 2010. Пример критики текста, доказывающей его подложность: *Ино Тэнтаро.* «Танака дзёсобун»-о мэгуро нисан-но мондай. (Проблемы «меморандума Танака») // Кокусай сэйдзи. № 26 (1963).
3. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. – М., 1997. С. 224, 232; Великая Отечественная война. 1941–1945. Т. 1. – М., 2011. С. 93 (со ссылкой на: *Горбунов Е.* Крах планов «Оцу». – Владивосток, 1988. С. 27–28).
4. АВП РФ. Ф. 08. Папка 115. Д. 281. Л. 12. Впервые введено в научный оборот и частично опубликовано: *Томита Т.* Фальсифицированный документ о политике японского империализма. («Меморандум Танака») // Вопросы истории. 2010. № 3.
5. *Maxim Litvinov.* Notes for a Journal. – London, 1955. P. 138–139.
6. *Кириченко А.А.* Из истории российско-японских отношений // Япония без предвзятостей. – М., 2003. С. 302–303.
7. *Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян. С. 96–98.
8. Там же. С. 133–134.
9. Подробнее: *Томита Т.* Сэнканки-но ниссо канкэй. С. 218–230.
10. Кацура, Гото и Россия. Док. 76–79.
11. Москва–Токио. Кн. 1. Док. 223.

12. Цит. по: СССР и Япония. С. 80–81. О поездке: *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 4. С. 783–788.
13. *Harrison E.J.* Peace of War East of Baikal? P. 64.
14. ДВП. Т. IX. С. 12.
15. Кацура, Гото и Россия. Док. 97.
16. Там же. Док. 80.
17. *Baron Shimpei Goto.* The Japanese Question in America // What Japan Thinks. P. 189–203.
18. Кацура, Гото и Россия. Док. 84.
19. Карахан. Док. 144.
20. *Чичерин Г.В.* Статьи и речи... С. 61.
21. Там же. С. 458–459.
22. Кацура, Гото и Россия. Док. 96.
23. Подробнее: *Nobuya Vamba.* Japanese Diplomacy in a Dilemma: New Light on Japan's China policy, 1924–1929. – Kyoto, 1972; *William F. Morton.* Tanaka Giichi and Japan's China Policy. – N.Y., 1980.
24. ДВП. Т. XI. С. 137–147.
25. *Беседовский Г.* На путях к термидору. С. 225–229.
26. ДВП. Т. X. С. 626–628.
27. Кацура, Гото и Россия. Док. 81.
28. *Кутаков Л.Н.* История советско-японских дипломатических отношений. – М., 1962. С. 81–82.
29. Москва–Токио. Кн. 2. Док. 98.
30. *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 4. С. 844–845; Кацура, Гото и Россия. Док. 83, 89.
31. Там же. Док. 81.
32. Там же. Док. 82.

К ГЛАВЕ ТРИНАДЦАТОЙ

ГОТО СИМПЭЙ В ДИАЛОГЕ С СОВЕТСКИМИ ВОЖДЕМ

Источники: Архив Дома-музея Гото. Оп. 18. Д. 4–17; *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 4. С. 836–908 (включая записи бесед Гото в Москве); Кацура, Гото и Россия.

1. Кацура, Гото и Россия. Док. 87.
2. Там же. Док. 86.
3. Там же. Док. 91; АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 11. Д. 132. Папка 10. Л. 74–85. Японский дневник поездки: Архив Дома-музея Гото. Оп. 18. Д. 10.
4. АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 11. Д. 132. Папка 10. Л. 76; *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 4. С. 884–885.
5. *Боярчиков А.И.* Воспоминания. – М., 2003. С. 153. См. также: *Иоффе Н.А.* Время назад. – М., 1992; *Серж В.* От революции к тоталитаризму. – М.–Оренбург, 2001.

6. Кацура, Гото и Россия. Док. 98.
7. Подробнее: *Цуруми Ю.* Гото Симпэй. Т. 4. С. 887–900; *Томита Такэси.* Гото Симпэй хо-Со то гёё кёяку косё: нитиро сирё-но хикаку кэнто кара (Визит Гото Симпэй в СССР и переговоры о рыболовной конвенции: сравнительный анализ японских и советских источников) // Сэйкэй хогаку. № 61 (март 2005).
8. Москва–Токио. Кн. 2. Док. 100.
9. Кацура, Гото и Россия. Док. 113, 114.
10. Там же. Док. 115.
11. Там же. Док. 116.
12. Там же. Док. 117.
13. Там же. Док. 118, 119. Текст: Рыболовная конвенция между СССР и Японией со всеми относящимися к ней материалами. – М., 1928.
14. Москва–Токио. Кн. 2. Док. 112.
15. *Кутаков Л.Н.* История советско-японских дипломатических отношений. С. 87.
16. *Мицукава Камэтаро.* Ко хаку-но нитиро тэйкэй икэнсё. (Меморандум покойного графа (Гото) о японско-российском сотрудничестве) // Варэра-но сираэрэру Гото Симпэй хаку. (Граф Гото Симпэй каким мы его знали). – Токио, 1929. С. 212–215; *Ёсимура Митио.* Гото Симпэй сайго-но хо-Со-о мэгуттэ. (Вокруг последнего визита Гото Симпэй в СССР) // Гайко сирёкампо. № 3 (март 1990). С. 51–53.
17. Кацура, Гото и Россия. Док. 92.
18. *Токутоми Иитиро.* Косяку Кацура Таро дэн. (Биография князя Кацура Таро). Т. 2. – Токио, 1917. С. 347.
19. *Yakichiro Suma.* Where Japan Stands. Addresses Delivered in America on the Sino-Japanese Conflict. – Токио, 1940. P. 42.
20. Кацура, Гото и Россия. Док. 101.
21. *Каретина Г.С.* Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е гг. XX в. С. 3.
22. Цит. по: *Vamba N.* Japanese Diplomacy in a Dilemma... P. 275.
23. *Беседовский Г.* На путях к термидору. С. 180–182.
24. *Akira Iriye.* After Imperialism. The Search for a New Order in the Far East, 1921–1931. – Cambridge MS, 1968. P. 52.
25. Москва–Токио. Кн. 2. Док. 94.
26. Кацура, Гото и Россия. Док. 94.
27. Там же. Док. 96.
28. Кацура, Гото и Россия. Док. 101.
29. Выступление в дискуссии: Пршшлое и будущее российско-японских отношений. С. 80.
30. Письмо и. о. директора РГАСПИ Олега Наумова президенту университета Такусёку Фудзито Тацунобу от 16 марта 2004 г.
31. Кацура, Гото и Россия. Док. 103, 109 (факсимиле).

32. *Каретина Г.С.* Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е гг. XX в. С. 127.
33. Москва–Токио. Кн. 2. Док. 40.
34. Москва–Токио. Кн. 2. Док. 112.
35. *Комото Дайсаку.* Ватакуси га Тё Сакурин-о коросита. (Я убил Чжан Цзолиня) // Бунгэй сюндзю. 1954. № 12; *Усуи Кацуми.* Тё Сакурин бакуси-но синсё. (Правда об убийстве Чжан Цзолиня) // Бэссацу тисэй. № 5. Химэрэрэ-та Сёва си. (Тайная история (эпохи) Сёва). Декабрь 1956. – и многие другие.
36. Танака Гиити дэнки. Т. 2. С. 1027–1043; *Баба Акира.* Танака гайко то Тё Сакурин бакуси дзикэн. (Дипломатия Танака и убийство Чжан Цзолиня) // Рэкиси кёйку. 1960. № 2; *Vamba N.* Japanese Diplomacy in a Dilemma... P. 339–342, 355–356.
37. *Колпакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ. – М., 2000. С. 182–183; *Прохоров Д.* «Литерное дело» маршала Чжан Цзолиня // Независимое военное обозрение. 2003. 27.06.
38. Сообщение А.И. Колпакиди автору, 6 марта 2006 г.
39. Москва–Токио. Кн. 2. С. 6, 252. Комментарии к этому изданию в целом отличаются невысоким профессиональным уровнем.
40. Москва–Токио. Кн. 2. Док. 108. О стремлении советского руководства и лично Сталина добиться от Японии заключения пакта о ненападении: *Беседовский Г.* На путях к термидору... С. 225–229.
41. *Young C.W.* Japan's Special Position in Manchuria: Its Assertion, Legal Interpretation and Present Meaning. P. 85–86.
42. Кацура, Гото и Россия. Док. 120, 121, 123–125. Ответы Чичерина и Карахана: Там же. Док. 126, 127; ответ Сталина пока не обнаружен.
43. Гото-Ранцау. Там же. Док. 107.
44. Перевод: Кацура, Гото и Россия. Док. 122. См. также: *Гото Симпэй, Маэда Тамон.* Росиа ёри каэритэ. Коэн. (Вернувшись из России. Лекции). – Токио, 1928.
45. Кацура, Гото и Россия. Док. 129.
46. Там же. Док. 131.
47. Там же. Док. 132.
48. Там же. Док. 136.
49. *Окава Сюмэй.* Гото хакусяку. (Граф Гото) // Варэра но сираэрэру Гото Симпэй хаку. С. 35.

К ГЛАВЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ

БОРИС ПИЛЬНЯК И МЕНЯЮЩИЙСЯ ОБРАЗ ЯПОНИИ

Источники (цит. без сносок): *Пильняк Б.*: 1) Корни японского солнца. *Ким Р.* Ноги к змее. Глоссы. Л., 1927; 2) Корни японского солнца. *Савели Д.* Борис Пильняк в Японии: 1926. – М., 2004; 3) Камни и корни. – М., 1935.

1. *Савелли Д.* Борис Пильняк в Японии: 1926 // *Пильняк Б.* Корни японского солнца. – М., 2004. С. 221. Далее ссылки на это исследование в тексте (Савелли – с указанием страницы).
2. Цит. по: *Иоффе А.Е.* Международные связи советской науки, техники и культуры, 1917–1932. – М., 1975. С. 327.
3. СССР–Япония. – М., 1978. С. 171–173; Москва–Токио. Кн. 2. Док. 17, 26, 123; *Томита Т.* Сэнканки-но ниссо канкэй. С. 253–260.
4. Из переписки А.В. Луначарского и П.И. Лебедева-Полянского // *De visu.* 1993. № 10.
5. Там же.
6. Обе статьи и письмо Пильняка перепечатаны в издании «Корней» 2004 г. (С. 267–273).
7. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. – М., 2001. С. 465–466.
8. Цит. по: *Fisher L.* Russia's Road from Peace to War... P. 300.

К ГЛАВЕ ПЯТНАДЦАТОЙ

ЯПОНСКИЕ КОММУНИСТЫ И «РАЗРЫВ С КОМИНТЕРНОМ»

Источники: ВКП(б), Коминтерн и Япония (цит. без сносок).

1. *Сато К.* Япония и Америка в их взаимных отношениях. Мысли японца. – М.–Пг., 1923. С. 129–130.
2. См. коллективный труд левых историков: Тэнко. (Переход). Т. 1–3. – Токио, 1959–1962.
3. История войны на Тихом океане. Пер. с яп. Т. I. – М., 1957. С. 290–291.
4. *Итикава Сёити.* Из истории Коммунистической партии Японии // Тихий океан. 1934. № 1.
5. История войны на Тихом океане. Т. I. С. 293.
6. *Viollis Andree.* Le Japon et son empire. – Paris, 1933. P. 150.
7. *Окано.* Японский империализм и революционная борьба трудящихся масс Японии // Современная Япония. Сб. 1. – М., 1934. С. 12–13. Подробнее: *Жуков Е.* О японском фашизме и социал-фашизме // Там же; *Волк Я.* Рост сил революции и мобилизация сил контрреволюции в Японии // Там же; *Танин О., Иоган Е.* (*Тарханов О.С., Иолк Е.С.*) Военно-фашистское движение в Японии. – М., 1933. Часть 3. Гл. 3 («Социал-фашизм и национал-социализм»).
8. Цит. по: *Коваленко И.И.* Очерки истории... С. 151.
9. *Пильняк Б.* Камни и корни. С. 192–198. Подробнее: *Молодяков В.Э.* Консервативная революция в Японии: идеология и политика. – М., 1999. С. 217–224.
10. Перепечатано: Япония. Сборник статей и материалов. – М., 1934. С. 26–29.

11. Коваленко И.И. Очерки истории... С. 152–153.
12. Волк Я. Рост сил революции и мобилизация сил контрреволюции в Японии. С. 227.
13. Цит. по: *Johnson Niel M.* George Sylvester Viereck. German-American Propagandist. – Urbana, 1972. P. 150.
14. Вада Х. Судьба коммуниста: Носака Сандзо // Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы. – М., 2003. С. 119 (далее цит. без сносок).
15. Подробнее: *Фува Т.* Вмешательство и заговор. Борьба Японской коммунистической партии против советского гегемонизма. Из секретных документов КПСС. – <Токио,> 1997.

К ГЛАВЕ ШЕСТНАДЦАТОЙ ПОЛИТИКА МОСКВЫ ГЛАЗАМИ ЯПОНСКОГО ОФИЦИОЗА

1. *Tokichi Tanaka.* Soviet-Japanese Relations // CJ. Vol. I, № 1 (June 1932). P. 16–22.
2. ДВП. Т. XIV. С. 746–748.
3. ДВП. Т. XV. С. 20–21, 149, 173, 534–535, 581–582, 595–597, 683, 705–708; Т. XVI. С. 16–18, 28, 41–50; Нихон гайкоси. Т. 15. Гл. 11; *Хираи Томоёси.* Мансю дзихэн то Ниссо канкэй: фусинряку дзёяку мондай-о тюсин ни. («Маньчжурский инцидент» и японско-советские отношения: проблема договора о ненападении) // Кокусай сэйдзи. № 31; *Кудо Митихиро.* Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю. (Исследование японско-советского Пакта о нейтралитете). – Токио, 1985. Гл. 2; *George A. Lensen.* The Damned Inheritance. The Soviet Union and the Manchurian Crisis, 1924–1935. – Tallahassee, 1974. Ch. 11.
4. Цит. по: СССР–Япония. С. 24.
5. Подробнее: *Lensen G.A.* The Damned Inheritance. P. 486–500.
6. *Katsuji Fuse.* Japan and Soviet Russia // CJ. Vol. II, № 4 (March 1934). P. 600–610.
7. Ниссо косё си. (История японско-советских переговоров). – Токио, 1969. С. 287 (составлена МИД Японии в 1942 г. для служебного пользования); советские документы об этой встрече в печати не известны.
8. *Takeora Ogata.* War or Peace with Soviet Russia? // CJ. Vol. III, 3 (December 1934). P. 357–364.
9. *Viscount Kikujiro Ishii.* Japan and the Franco-Soviet Rapprochement // CJ. Vol. III, № 3 (December 1934). P. 530–542.
10. *K.K. Kawakami.* A Japanese Journalist Looks at Soviet Russia // CJ. Vol. III, № 4 (March 1935). P. 624–635.
11. Его кончина была отмечена в журнале статьей британского журналиста, работавшего в Японии: *H. Vere Redman.* Sen Katayama // CJ. Vol. II, № 4 (March 1934). P. 668–680.

12. *Kisaburo Yokota*. The Russo-Japanese Non-Aggression Pact // CJ. Vol. IV, № 1 (June 1935). P. 1–7.
13. *Katsuji Fuse*. The Soviets and Ourselves // CJ. Vol. V, № 1 (June 1936). P. 18–24.
14. W. Japan-Soviet Misunderstanding // CJ. Vol. V, № 3 (December 1936). P. 424–428.
15. *Tsunego Baba*. The Anti-Comintern Pact in Domestic Politics // CJ. Vol. V, № 4 (March 1937). P. 536–544; *Baron Iwakusa Ida*. The Meaning of the Japan-German Pact // Там же. P. 519–527.
16. *Chamberlin William Henry*. Soviet Crisis // CJ. Vol. VI, № 2 (September 1937). P. 196–211. В аналогичной тональности выдержан очерк писателя Масамунэ Хакутё: *Masamune Hakucho*. A Stranger in Moscow // CJ. Vol. VI, № 1 (June 1937). P. 77–86.
17. *William Henry Chamberlin*. The Challenge to the Status Quo // CJ. Vol. VII, № 1 (June 1938). P. 10–21.
18. *Hajime Matsushima*. What is the Soviet Union? // CJ. Vol. VII, № 1 (June 1938). P. 40–50.
19. *Shintaro Shindo*. Fishing in Soviet Waters // CJ. Vol. VII, № 2 (September 1938). P. 243–251; *Baron Michitomo Iwakura*. The Focal Point of Japan-Soviet Relations // CJ. Vol. VII, 3 (December 1938). P. 413–420.
20. *X.Y.Z. Changkufeng* // CJ. Vol. VII, № 3 (December 1938). P. 428–436.
21. *General G.S. Lyushkoff*. The Far Eastern Red Army // CJ. Vol. VIII, № 8 (October 1939). P. 1022–1025.
22. *Baron Kimmochi Ohkura*: 1) The Reconstruction of East Asia and the Soviet Union // CJ. Vol. VIII, № 1 (March 1939). P. 131–137; 2) Japan and the Soviet Union // CJ. Vol. VIII, № 7 (September 1939). P. 832–838.
23. *Hideo Baba*. Japanese-Soviet Relations and the Fishery Negotiations // CJ. Vol. VIII, № 2 (April 1939). P. 273–278.
24. *Isoshi Asahi*. Mr. Varga on Japan's National Economy // CJ. Vol. VIII, № 7 (September 1939). P. 867–874.
25. *Kenji Kadotani*. Exit Litvinov // CJ. Vol. VIII, № 5 (July 1939). P. 660–662.
26. Кидо Коити никки. (Дневник Кидо Коити). Т. 2. – Токио, 1966. С. 741 (единая пагинация); Хата Сюнроку нисси. (Дневник Хата Сюнроку). – Токио, 1983. С. 229. Число таких примеров можно значительно умножить.
27. Цит. по: *Irving David*. Goebbels. Mastermind of the Third Reich. – London, 1996. P. 307.
28. Токио асахи симбун. 1939, 29.08.
29. *Katsuji Fuse*. Rapprochement between Germany and the Soviet Union // CJ. Vol. VIII, № 7 (September 1939). P. 824–831.
30. *Masanori Ito*. Doubts about Japanese-Soviet Non-Aggression Pact // CJ. Vol. VIII, № 9 (November 1939). P. 1122–1124.
31. *Naotake Sato*. The Soviet Volte-Face // CJ. Vol. VIII, № 9 (November 1939). P. 1047–1051.

32. *Hideo Baba*. Japanese-Soviet Readjustments // CJ. Vol. IX, № 2 (February 1940). P. 140–148.
33. *Masao Maruyama*. A New Stage in Japanese-Soviet Relations // CJ. Vol. IX, № 10 (October 1940). P. 1254–1261.
34. *Katsuji Fuse*. Soviet Policy in the East and West // CJ. Vol. IX, № 12 (December 1940). P. 1541–1547.
35. *Katsuji Fuse*. Stalin's Blunders // CJ. Vol. X, № 7 (July 1941). P. 865–870.
36. *Katsuji Inahara*. The Russo-Japanese Neutrality Pact // CJ. Vol. X, № 5 (May 1941). P. 585–596.
37. *Kanesaburo Gushima*. Far Eastern Policy of the Soviet Union // CJ. Vol. X, № 5 (May 1941). P. 674–678.
38. *Ozaki Hotsumi*. The German-Soviet War and Chunking // CJ. Vol. X, № 9 (September 1941). P. 1211–1217.
39. *Kisaburo Yokota*. The German-Soviet War and Japan // CJ. Vol. X, № 8 (August 1941). P. 1075–1078.
40. *Zen-ichiro Watanabe*. Stalin Comes on the Stage // CJ. Vol. X, № 7 (July 1941). P. 931–940.

К ГЛАВЕ СЕМНАДЦАТОЙ

РИХАРД ЗОРГЕ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА

Источники (цит. без сносок): Гэндайси сирё. Зоругэ дзикэн. (Дело Зорге). Т. I–III, XXIV. – Токио, 1963–1964, 1971; *Зорге Р.* Тюремные записки // Новая и новейшая история. 1994. №№ 5–6; 1995. № 2; *Зорге Р.* Статьи, корреспонденции, рецензии. – М., 1971; Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. – М., 2000 (Дело Зорге – с указанием страниц в тексте).

1. *Будкевич С.Л.* «Дело Зорге». Следствие и судебный процесс. (Люди. События. Документы. Факты). – М., 1969. С. 69.
2. Там же. С. 5, 65–67.
3. Цит. по: Там же. С. 83.
4. *Мадер Ю.* Репортаж о докторе Зорге. – Берлин, 1988. С. 135.
5. Там же. С. 258.
6. *Шелленберг В.* Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. – М., 1991. Гл. XV.
7. *Grew Joseph C.* Ten Years in Japan. – N.Y., 1944. P. 463.
8. Рядом с Зорге // Деловой вторник. 2002, 13.08.
9. DGFP, D. Vol. I. P. 851 (№ 574); перевод: *Мадер Ю.* Репортаж о докторе Зорге. С. 141.
10. Перевод: *Мадер Ю.* Репортаж о докторе Зорге. С. 187–188.
11. *Будкевич С.Л.* «Дело Зорге»... С. 34–36.
12. *Малеванный В.* Незакрытое дело «Рамзая» // Независимое военное обозрение. 2002, 20.12.

К ГЛАВЕ ВОСЕМНАДЦАТОЙ
Иосиф Сталин, Мацуока Ёсукэ
И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ БЛИЦКРИГ

Источники (цит. без сносок): ДВП. Т. XXIII. Кн. 1–2; *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. – М., 1995 (документы АВП РФ, отсутствующие в ДВП); JASAR (японские документы).

1. Цит. по: *Toland John.* The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire, 1936–1945. – N.Y., 1970. P. 61.
2. *David J. Lu.* Agony of Choice. Matsuoka Yosuke and the Rise and Fall of the Japanese Empire, 1880–1946. Lanham-N.Y. – London, 2002. P. XI.
3. *Toland J.* The Rising Sun... P. 61.
4. *Toshikazu Kase.* Journey to the ‘Missouri’. A Japanese Diplomat’s Story of How His Country Made War and Peace. – New Haven, 1950. P. 43.
5. *Toland J.* The Rising Sun... P. 57.
6. *Того С.* Воспоминания японского дипломата. С. 198 (далее цит. без сносок).
7. Текст из Архива МИД Японии впервые: *George A. Lensen.* The Strange Neutrality: Soviet-Japanese Relations during the Second World War, 1941–1945. – Tallahassee, 1972. P. 11–12.
8. DGFP. D. Vol. XII. P. 139–151.
9. Там же. P. 376–383, 386–394, 405–409, 413–420, 453–458, 469–474.
10. Директива ОКВ № 24: Там же. P. 220.
11. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. – М., 1993. С. 29–30; *Хасэгава Синъити.* Сутарин сюсё-но эгао. (Улыбающееся лицо премьера Сталина) // Кайдзо. 1941, № 6; *Kase T.* Journey to the ‘Missouri’... P. 159 (Хасэгава и Касэ сопровождали Мацуока); *Grigore Gafencu.* Prelude to the Russian Campaign. London, 1945. P. 158–159 (автор, румынский посланник в СССР, присутствовал на проводах).
12. DGFP. D. Vol. XII. P. 537; перевод: СССР–Германия. Кн. 2. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. – Vilnius, 1989. С. 157.
13. DGFP. D. Vol. XII. P. 563–564; перевод: СССР–Германия. Кн. 2. С. 158.
14. Протокол: *Фукаи Эйго.* Сумицуин дзюё гидзи обозэаки. (Записи о важных заседаниях Тайного совета). – Токио, 1967. С. 145–158.
15. CJ. Vol. X, № 5 (May 1941).
16. *Kase T.* Journey to the ‘Missouri’... P. 48.
17. Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. С. 117.
18. Коноэ Фумимаро-ко-но сюки. Усинаварэси сэйдзи. (Записки принца Коноэ Фумимаро. Проигранная политика). – Токио, 1946. С. 24.
19. *Синобу Сэйдзабуро.* Киндай Нихон гайкоси. (История дипломатии современной Японии). – Токио, 1942. С. 280.

20. *Борисов Ю.А.* СССР и США – союзники в годы войны, 1939–1945 гг. – М., 1983. С. 41.

21. *Кару Хаусухофа.* Тайрику сэйджи то кайё сэйджи. (Континентальная политика и морская политика). – Токио, 1943. С. 1–4 (предисловие).

К главе девятнадцатой СССР и ЯПОНИЯ В ГОДЫ МИРОВОГО КОНФЛИКТА

Источники (цит. без сносок): ДВП. Т. XXIV; *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией (документы АВП РФ); *Lensen G.A.* The Strange Neutrality. Ch. 2–6; *Кудо М.* Ниссю тюрицу дзёяку-но кэнкю. Гл. 8–14 (японские документы).

1. *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. С. 10.
2. Характерный пример: *Hindus Maurice.* Russia and Japan. – Garden City, 1942.
3. War in Asia and the Pacific. Vol. 10, 11. Japan and the Soviet Union. – N.Y.–London, 1980.
4. *Taylor A.J.P.* The Origins of the Second World War. – London, 1964. P. 13.
5. *Иванов М.И.* Япония в годы войны. Записки очевидца. – М., 1978. С. 21.
6. Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. С. 122.
7. Фрагменты стенограмм цит. по: *Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР. 1931–1945. – М., 1989. С. 217–238 – в переводе автора этой книги.
8. *Того С.* Воспоминания японского дипломата. С. 217.
9. *Коноз Фумимаро.* Хэйва-э-но дорёку. (Усилия к достижению мира). – Токио, 1946. С. 25–27.
10. Ответ Нагано (*Lensen G.A.* The Strange Neutrality. P. 25) у Кошкина опущен.
11. ДВП. Т. XXIV. С. 58.
12. *Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы»... 4-я стр. обложки. Среди включенных в его книгу фрагментов стенограмм этих слов нет; упоминание их в тексте (С. 96) содержит ссылку на материалы МВТДВ.
13. *Lensen G.A.* The Strange Neutrality. P. 27–28 (без ссылки на источник); в ДВП не отражено.
14. Сообщение Зорге (10 июля 1941): ДВП. Т. XXIV. С. 137–138.
15. *Grew J.C.* Ten Years in Japan... P. 385.
16. *Soh-ichiro Kita.* Yosuke Matsuoka, New Foreign Minister // CJ. Vol. IX, № 9 (September 1940); *Shinnosuke Abe.* Teijiro Toyoda, the New Foreign Minister // CJ. Vol. X, № 8 (August 1941).
17. Беседы Сметанина с Тоёда 1941 г. в ДВП не отражены; японские источники: *Кудо М.* Ниссю тюрицу дзёяку-но кэнкю. С. 109–113; *Lensen G.A.* The Strange Neutrality. P. 30–31.

18. *Челноков А.* «Стланиковые» конвои японского флота: до Охи и обратно // <http://www.sakhalin.info/francitreur/62330/> (указано С.А. Пономаревым).
19. ДВП. Т. XXIV. С. 255.
20. Кроме Зорге, эту информацию в Москву сообщил до сих пор не идентифицированный источник, известный под кодовым именем «Экономист». Подробнее: *Миякэ Масаки.* Сутарин-но тайнити дзёхо косаку. (Разведывательная деятельность Сталина в отношении Японии). – Токио, 2010. С. 180–202 (по рассекреченным советским документам).
21. Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. С. 132.
22. *Григоренко П.* В подполье можно встретить только крысы... – М., 1997. Гл. 21 (далее цит. без сносок).
23. Беседы Сметанина с Того 1941 г. в ДВП не отражены; советские источники: *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. С. 143–147; японские источники: *Lensen G.A.* The Strange Neutrality. P. 35–38.
24. Подробнее: *Иванов С.П.* Стратегическое руководство вооружённой борьбы в ходе кампании Советских Вооружённых Сил на Дальнем Востоке // Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. – М., 1986; *Кириченко А.А., Черевко К.Е.* Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы. – М., 2006.
25. Характерный пример: СССР–Япония. С. 54–55.
26. Подробнее: *Сато Наотакэ.* Кайсо хатидзюэн. (Воспоминания за восемьдесят лет). – Токио, 1963. Ч. 1. Гл. 17;
27. Кроме указанных выше: *Морисима Горо.* Куно-суру тю-Со тайсикан. (Агония посольства в Советском Союзе). – Токио, 1953; *Адырхаев Н., Славинский Б.* Дипломатическая уловка или дипломатический феномен? (Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г.) // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3; *Павлов А.* Запасная столица. – Самара, 1995.
28. *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. С. 301.

К главе двадцатой ПОЧЕМУ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ВСТУПИЛ В ВОЙНУ С ЯПОНИЕЙ

Источники (цит. без сносок): *Славинский Б.Н.*: 1) Пакт о нейтралитете между СССР и Японией, Гл. 9–11 (документы АВП РФ); 2) Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». – М., 1996 (записки Лозовского); *Севостьянов Г.Н.* Япония в 1945 г. в оценке советских дипломатов. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1995. № 6; Сюээн сироку. (Историческая хроника окончания войны). Т. 1–6. – Токио, 1977–1978; *Кудо М.* Ниссю тюрицу дзёяку-но кэнкю. Гл. 15–16 (подготовка специальных миссий и документы Такаги).

1. Secret Diet War Minutes Released // The Japan Times. 1996, 7.12.
2. Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. – М., 1980. С. 273–274.
3. Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. С. 235–237.
4. Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 2. – М., 1958. № 64.
5. *Tsuyoshi Hasegawa*. Racing the Enemy. Stalin, Truman and the Surrender of Japan. – Cambridge MS, 2005. P. 58–60.
6. *Togo C.* Воспоминания японского дипломата. С. 434.
7. Там же. С. 438–439.
8. За кулисами Тихоокеанской битвы (японо-советские контакты в 1945 г.) // Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 19 (77) (далее цит. без сносок); Хирота Коки. С. 354–372; *Хаттори Рюдзи*. Хирота Коки: «хигэки-но сайсё»-но дзицудзо. (Хирота Коки: подлинный облик «трагического премьера»). – Токио, 2008. С. 215–225.
9. *Hasegawa T.* Racing the Enemy. P. 88.
10. *Bix Herbert P.* Hirohito and the Making of Modern Japan. – N.Y., 2000. P. 505–511.
11. Текст: История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 252–258.
12. Впервые: *Сафронов В.П.* СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане, 1931–1945 гг. – М., 2001. С. 331–332.
13. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сборник документов. – М., 1980. С. 382–384, 218, 222.
14. Подробнее: *Нака Акура*. Мокусацу. Поцудаму сэнгэн-но синдзицу то Нихон-но уммэй. (Убийство молчанием. Правда о Потсдамской декларации и судьба Японии). Т. 1–2. – Токио, 2000.
15. *Harry Truman*. Memoirs. Year of Decisions. Vol. I. – Garden City NY, 1955. P. 402.
16. История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 264–271.
17. *Togo C.* Воспоминания японского дипломата. С. 472–473. Заявление Японии о принятии Потсдамской декларации и последующий обмен нотами с союзными державами: История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 289–293.
18. Доклад МИД Японии «Об обстоятельствах окончания войны» // История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 281–305. Подробнее: *Robert J.C. Butow*. Japan's Decision to Surrender. Stanford, 1954; Japan's Longest Day. – Tokyo, 1989.
19. *Lensen G.A.* The Strange Neutrality. P. 198.
20. *Hasegawa T.* Racing the Enemy. P. 3, 5, 302–303.
21. *Weber Mark*. Was Hiroshima Necessary? // Journal of Historical Review. Vol. 16. № 3 (May/June 1997).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив внешней политики Российской империи (Москва)

Ф. Японский стол.

Архив внешней политики Российской Федерации (Москва)

Ф. 146, 0146. Референтура по Японии.

Ф. 04. Секретариат Г.В. Чичерина.

Ф. 08. Секретариат Л.М. Карахана.

Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)

Ф. 159. Г.В. Чичерин

Ф. 558. И.В. Сталин.

Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

Ф. 23. Министерство торговли и промышленности.

Ф. 560. Министерство финансов.

Архив Министерства иностранных дел Японии (Токио)

Материалы сайта JASAR (факсимильное воспроизведение).

2–5-1, 106–4. Нитиро кокко кайфуку косё иккэн. (Материалы переговоров о восстановлении японско-российских дипломатических отношений). №№ 1–7 (копии в собрании университета Такусёку).

Мемориальный музей Гото Симпэй (г. Мидзусава, преф. Иватэ)

Архив Гото (микрофильмы). Оп. 8. Президент ЮМЖД (№ 37); Оп. 9. Министр путей сообщения (первый срок) (№ 41); Оп. 11. Материалы (партии) Риккэн досикай. (№ 47); Оп. 12. Кабинет Тэраути (№ 47–48); Оп. 16. Переговоры с Иоффе (№ 52); Оп. 17. Русско-японские отношения (№ 53); Оп. 18. Визиты в Россию (№ 54).

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

На русском языке

1. Архив полковника Хауза. Т. III–IV. – М.: Госполитиздат, 1939, 1944.
2. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сборник документов. – М.: Политиздат, 1980.

3. ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917–1941. – М.: Росспэн, 2001.
4. Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. – М.: Летний сад, 2000.
5. Документы внешней политики СССР. – М.: Международные отношения (издание продолжается).
6. За кулисами Тихоокеанской битвы (японо-советские контакты в 1945 г.) // Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 19 (77).
7. Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. – М.: АИРО-XXI, 2005.
8. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. Серия II. ТТ. XVIII–XX. – М.: Госполитиздат, 1938–1940. Серия III. ТТ. I–X. – М.: Соцэкгиз, 1931–1938.
9. Москва–Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931. Сборник документов. Кн. 1–2. – М.: Росспэн, 2007.
10. Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 1–2. – М.: Госполитиздат, 1957.
11. Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. – М.: Наталис, 2008.
12. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. – М.: Россия молодая, 1996.
13. Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России. Документы и материалы. Владивосток, ДВО РАН, 1997.
14. Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917. – М.: Международный фонд «Демократия», 1999.
15. Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора. (Оранжевая книга). – СПб.: МИД, 1906.
16. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). – М.: НКВД, 1927.
17. СССР–Германия. Кн. 2. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. – Vilnius: Mokslas, 1989.
18. *Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961.

На европейских языках

19. The d'Anethan Dispatches from Japan, 1894–1910. Ed. & transl. *George A. Lensen.* – Tokyo–Tallahassee: Sophia University – Diplomatic Press, 1967.

20. Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. From the Archives of the German Foreign Office. Series D: 1937–1945. Vol. IV–XIII. – London: H.M. Stationery Office.

На японском языке

21. Гэндайси сирё. (Материалы по новейшей истории). Зоругэ дзикэн. (Дело Зорге). Т. I–III, XXIV. Токио: Мисудзу сёбо, 1963–1964, 1971.

22. Комура гайкоси. (История дипломатии Комура). – Токио: Хара сёбо, 1966

23. Нихон гайко бунсё. (Документы внешней политики Японии). Токио: Гаймусё (издание продолжается).

24. Ниссо косёси. Сёва 17 нэн 4 гацу Гаймусё хэн. (История японско-советских переговоров. Составлена Министерством иностранных дел <Японии> в апреле 1942 г.). – Токио: Хара сёбо, 1969.

25. Сибэриа сьоппэй си. (История интервенции в Сибири). Т. 1. – Токио: Самбо хомбу, 1924.

26. Сюзэн сирокү. (Историческая хроника окончания войны). Т. 1–6. – Токио: Хакуёся, 1977–1978.

27. Тайсё сёки Ямагата Аритомо данва хикки. (Записи бесед Ямагата Аритомо начала эпохи Тайсё). – Токио: Ямакава сьуппанся, 1981.

28. Тайхэйё сэно-э-но мити: кайсэй гайко си. (Дорога к войне на Тихом океане: история предвоенной внешней политики). Бэкан. Сирёхэн. (Дополнительный том. Документы). – Токио: Асахи симбунся, 1963.

29. Фукаи Эйго. Сумицуин дзюё гидзи обозгаки. (Записи о важных заседаниях Тайного совета). – Токио: Иванами сётэн, 1967.

КОММЕНТАРИИ СОВРЕМЕННИКОВ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

На русском языке

30. Гутман А.Я. (Ган А.). Гибель Николаевска-на-Амуре. Страницы из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. – Берлин: Русский экономист, 1924.

31. Дальневосточный очаг войны. (Япония). – Сталинград: Обл. книгоизд-во, 1937.

32. Зорге Р. Статьи, корреспонденции, рецензии. – М.: Изд-во МГУ, 1971.

33. Иоффе А. Россия и Япония. (Чанчуньская конференция) // Новый Восток. № 4 (1923).

34. Кричевский М. Разрыв русско-японских переговоров в Дайрене // Международная жизнь. 1922. № 6.

35. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. – М.: Госполитиздат.

36. *Мацокин Н.* Японские вымыслы и их виновники. – Харбин: Об-во русских ориенталистов, 1917.
37. *Пильняк Б.* Корни японского солнца // *Ким Р.* Ноги к змею. Глоссы. – Л.: Прибой, 1927.
38. *Пильняк Б.* Камни и корни. – М.: Советская литература, 1934.
39. *Пильняк Б.* Камни и корни. – М.: ГИХЛ, 1935.
40. *Пильняк Б.* Корни японского солнца. *Савелли Д.* Борис Пильняк в Японии: 1926. – М.: Три квадрата, 2004.
41. *Сато К.* Япония и Америка в их взаимных отношениях. Мысли японца. – М.–Пг.: Госиздат, 1923.
42. *Сиратори Т.* Новое пробуждение Японии. Геополитические комментарии. 1933–1945. – М.: АИРО-XXI, 2007.
43. Современная Япония. Сб. 1. – М.: ИМХМП, 1934.
44. *Танин О., Иоган Е.* (*Тарханов О.С., Иolk Е.С.*) Военно-фашистское движение в Японии. – М.: Партиздат, 1933.
45. *Танин О., Иоган Е.* (*Тарханов О.С., Иolk Е.С.*) Когда Япония будет воевать. – М.: Соцэргиз, 1936.
46. *Терентьев Н.* Очаг войны на Дальнем Востоке. – М.: Партиздат, 1934.
47. *Устрялов Н.* Национал-большевизм. – М.: Эксмо, 2003.
48. *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. – М.: Мысль, 2001.
49. Япония. Сборник статей и материалов. – М.: Партиздат, 1934.
50. Япония. Сборник статей. – М.: Соцэргиз, 1934.
51. Японцы о Японии. Сборник статей первоклассных японских авторитетов. Пер. с англ. – СПб.: Просвещение, 1909.

На европейских языках

52. *Bland J.O.P.* China: The Pity of It. – London: William Heinemann, 1932.
53. *Bywater Hector C.* Sea Power in the Pacific. – London: Constable, 1934.
54. *Chamberlin William H.* Japan over Asia. – London: Duckworth, 1938.
55. *Coleman Frederic.* The Far East Unveiled. – London–N.Y.: Cassell, 1918.
56. *Coleman Frederic.* Japan Moves North: The Inside Story of the Struggle for Siberia. – London–N.Y.: Cassell, 1918.
57. *Harrison E.J.* Peace of War East of Baikal? – Yokohama: Kelly & Walsh, 1910.
58. (*Haushofer Karl*). An English Translation and Analysis of Major General Karl Ernst Haushofer's «Geopolitics of the Pacific Ocean». Studies on the Relationship Between Geography and History. – Lewiston: The Edwin Meller Press, 2002.
59. *Hindus Maurice.* Russia and Japan. – Garden City NY: Doubleday Doran, 1942.
60. *Gleason George.* What Shall I Think on Japan? – New York: Macmillan, 1921.

61. *Kawakami K.K.* Japan and World Peace. – New York: Macmillan, 1919.
62. *Lachin Maurice.* Japon, 1934. – Paris: Gallimard, 1934.
63. *Matsuoka Yosuke.* Building Up Manchuria. – Tokyo: The Herald of Asia, 1937.
64. *Noel Percy.* When Japan Fights. – Tokyo: Hokuseido, 1937.
65. *Saito Hiroshi.* Japan's Policies and Purposes. Selections from Recent Addresses and Writings. – Boston: Marshall Jones, 1935.
66. *Smith Walter.* Japan at the Crossroads. – London: Lawrence & Wishart, 1936.
67. *Stein Guenther.* Far East in Ferment. – London: Methuen, 1936.
68. *Suma Yakichiro.* Where Japan Stands. Addresses Delivered in America on the Sino-Japanese Conflict. – Tokyo: Hokuseido, 1940.
69. *Takekoshi Yosaburo.* Japanese Rule in Formosa. Preface by Baron Shimpei Goto. – London: Longmans, 1907.
70. *Tamura Kosaku.* Genesis of the Pacific War. – Tokyo: The Institute of the Pacific (Taiheiyo Kyokai), 1944.
71. *Viollis Andree.* Le Japon et son empire. – Paris: Grasset, 1933.
72. *Weale B.L. Putnam.* The Truth about China and Japan. – N.Y.: Dodd, Mead, 1919.
73. What Japan Thinks. Ed. K.K. Kawakami. – N.Y.: Macmillan, 1921.

На японском языке

74. *Баба Цунэго.* Коноэ найкаку сирон. (Очерки истории кабинетов Коноэ). – Токио: Такаяма сёин, 1946.
75. *Гото Симпэй.* Доко мадэмо нитиро синдзэн-рон. (Последовательный курс на русско-японскую дружбу) // Тюо корон. 1915. 01.10.
76. *Гото Симпэй.* Тайсэнго-но син буммэй. (Новая цивилизация после Великой войны) // Син Ниппон. 1916. Апрель
77. *Гото Симпэй.* Нитиро кёяку ва нитизэй домэй-но какутё нари. (Русско-японское соглашение – продолжение англо-японского альянса) // Нитиро дзицугё симпо. 1916. 15.08.
78. *Гото Симпэй.* Дзикёку-ни кансүру икэн-но тайё. (Мнение о современной политической ситуации). – Токио, 1916.
79. *Гото Симпэй.* Нихон ботё-рон. (Японская экспансия). – Токио: Цудзоку дайгаку-кай, 1916.
80. *Гото Симпэй.* Нитиро канкэй ни цуйтэ сёкан. (Мнение о японско-русских отношениях). – Токио: б.м., 1923.
81. *Гото Симпэй.* Нитиро кокуминтэки косё но сэйкэй. (Правда о японско-русских неофициальных переговорах). – Токио: б.м., 1923.
82. *Гото Симпэй.* Нитиро ёби косё вакумон. (Японско-русские подготовительные переговоры: вопросы и ответы). – Токио: б.м., 1923.
83. *Гото Симпэй.* Тайро косё то Нитиро кёкай. (Переговоры с Россией и Японско-русское общество). – Токио: б.м., 1924.

84. *Гото Симпэй*. Нитиро мондай ни цуйтэ. (О японско-русской проблеме). – Токио: б.м., 1924.

85. *Гото Симпэй, Маэда Тамон*. Росиа ёри каэритэ. Коэн. (Вернувшись из России. Лекции). – Токио: Асахи, 1928.

86. Гото Симпэй: хайкоцу но ару кокусайдзин. (Гото Симпэй: убежденный интернационалист). – Токио: Такусёку дайгаку, 2001.

87. *Като Такааки*. Нитиро син-кёяку то нитиэй домэй. (Новое русско-японское соглашение и англо-японский союз) // Доси. 1916. 15.08. Т. 1. № 5

88. *Каяхара Кадзан*. Нитиро кёяку то кокусай сэйкёку-но хэнка. (Русско-японское соглашение и изменение международной ситуации) // Нихон хёрон. 1916. 01.08.

89. *Каяхара Кадзан*. Нитиродоку сангоку домэй: Осю тайсэнго-но нитиродоку домэй-рон. (Тройственный союз Японии, России и Германии: рассуждая о русско-японско-германском союзе после Великой европейской войны) // Нихон хёрон. 1917. 01.02.

90. *Кита Икки*. Тёсакусю. (Сочинения). Т. 2. Токио: Мидзуно сёбо, 1972.

91. *Кита Рэйкити*. Азиасюги-но синтай-о рондзу. (Размышляя о сути азиатизма) // Синсёсэцу. 1917. Апрель.

92. *Кэмуяма Сэнтаро*. Нитиродоку домэй-рон. (Японско-русско-германский союз) // Юбэн. 1917 (новогодний выпуск).

93. *Мэгата Танэтаро*. Нитиро тэйкэй муё. (В русско-японском сближении нет нужды) // Кодзуй иго. 1916. Апрель. № 11.

94. *Нагасима Рюдзи*. Родоку канарадзу тэйкэй сэн. (Россия и Германия обязательно сблизятся) // Нихон оёби нихондзин. 1916. Январь. № 671.

95. *Нагасима Рюдзи*. Нитидоку домэй-но дзэнтэй (Предпосылка японско-германского союза) // Кодзуй иго. 1916. Апрель. № 11.

96. *Нагасэ Хосукэ*. Ро-доку сэккин-рон: Барукан-но сёрай-но кэцурон то ситэ. (Русско-германское сближение: будущее следствие балканской политики) // Тайо. 1915. 01.08.

97. *Нинагава Арата*. Родоку моси тандоку кова сэба. (Если Россия и Германия заключат сепаратный мир) // Гайко. 1917. 01.01.

98. *Окава Сюмэй*. Дзэнсю. (Полное собрание сочинений). Т. 1, 2, 4. – Токио: Ивасаки сётэн, 1961–1964.

99. Симбун сюсэй Тайсё хэннэн-си. (История газет эпохи Тайсё). Тайсё 7 нэндо. Дзёкан. (1918 год. Том 1). – Токио: Тайсё-Сёва симбун кэнкюкай, 1976.

100. *Сэнга Цуруттаро*. Нитиро син-кёяку то сангоку домэй. (Новое русско-японское соглашение и Тройственный союз) // Тайё. 1916. 01.08.

101. *Тэрао Тору*. Эйкоку ва сюсэй-но тэки. (Великобритания – вечный враг) // Кодзуй иго. 1916. Апрель. № 11

102. Утида Рёхэй канкэй бунсё. (Документы Утида Рёхэй). Т. 2, 6. – Токио: Фуё сёбо, 1994.

ВОСПОМИНАНИЯ.
ДНЕВНИКИ

На русском языке

103. *Абрикосов Д.* Судьба русского дипломата. – М.: Русский путь, 2008.
104. *Адирхаев Н., Славинский Б.* Дипломатическая уловка или дипломатический феномен? (Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г.) // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3.
105. *Беседовский Г.* На путях к термидору. – М.: Современник, 1997.
106. *Васкевич П.Ю.* Воспоминания. Публ. и комм. П.Э. Подалко // Славяна / Slavonic Studies (Токио). №№ 17–18 (2002–2003).
107. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1–3. – М.: Госполитиздат, 1960.
108. *Григоренко П.* В подполье можно встретить только крыс... – М., 1997.
109. *Дирксен Г. фон.* Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. – М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
110. Дневники святого Николая Японского. Т. 4–5. – СПб.: Гиперион, 2004.
111. *Зорге Р.* Тюремные записки // Новая и новейшая история. 1994. №№ 5–6; 1995. № 2.
112. *Иванов М.И.* Япония в годы войны. Записки очевидца. – М.: Наука, 1978.
113. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1–2 (в 3-х кн.). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
114. *Иши К.* Дипломатические комментарии. – М.: Госполитиздат, 1942.
115. *Катаяма С.* Статьи и мемуары. – М.: Госполитиздат, 1959.
116. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого (1903–1919). – Минск: Харвест, 2004.
117. *Коростовец И.* Мирные переговоры в Портсмуте в 1905 г. // Былое. 1918. № 1–3.
118. *Никифоров П.М.* Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). – М.: Госполитиздат, 1963.
119. *Петров Ф.Н.* 65 лет в рядах ленинской партии. Воспоминания. – М.: Госполитиздат, 1962.
120. *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1–2. – М., 1999.
121. *Риббентроп И. фон.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. – М.: Мысль, 1996.
122. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. – М.: Международные отношения, 1991.
123. *Семёнов, атаман <Г.М.>* О себе. Воспоминания, мысли и выводы. – М.: АСТ, 2002.

124. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. – М.: Терра, 1993.
125. *Того С.* Воспоминания японского дипломата. – М.: Новина, 1996.
126. *Шелленберг В.* Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. – М.: Дом Бируни, 1991.

На европейских языках

127. <*Abrikosov Dmitrii I.*> Revelations of a Russian Diplomat. The Memoirs of Dmitrii I. Abrikosov. Ed. George A. Lensen. – Seattle: University of Washington Press, 1964.
128. *Craigie Robert L.* Behind the Japanese Mask. – London: Hutchinson, 1946.
129. *Gafencu Grigore.* Prelude to the Russian Campaign. – London: Frederick Muller, 1945.
130. *Grew Joseph C.* Ten Years in Japan. A Contemporary Record Drawn from the Diaries and Private and Official Papers of Joseph C. Grew, United States Ambassador to Japan, 1932–1942. – N.Y.: Simon and Schuster, 1944.
131. <*Hayashi Tadasu*>. The Secret Memoirs of Count Hayashi Tadasu, G.C.V.O. Ed. A.M. Pooley. – London: Eveleigh Nash, 1915.
132. *Kase Toshikazu.* Journey to the ‘Missouri’. A Japanese Diplomat’s Story of How His Country Made War and Peace. – New Haven: Yale University Press, 1950.
133. *Litvinov Maxim.* Notes for a Journal. Intr. E.H. Carr. – London: Andre Deutch, 1955.
134. *Truman Harry.* Memoirs. Year of Decisions. Vol. I. – Garden City NY: Doubleday, 1955.

На японском языке

135. *Арута Хатиро.* Хито-но мэ-но тири-о миру: гайко мондай кайсоро-ку. (Видеть соринку в чужом глазу: воспоминания о внешнеполитических проблемах). – Токио: Коданся, 1948.
136. Варэра но сираэрэру Гото Симпэй хаку. (Граф Гото Симпэй каким мы его знали). – Токио: Тоё кёкай, 1929.
137. *Ёсидзава Кэнкити.* Гайко рокудзюнэн. (Шестьдесят лет дипломатической службы). – Токио: Дзию Адзиася, 1958.
138. *Ёсидзава Кэнкити.* Ниссо фукасин дзёяку, мансю дзихэн-ни кансүру кайсодан. (Воспоминания о японско-советском пакте о ненападении и «Маньчжурском инциденте») // Нихон гайкоси кэнкю. Гайко сидосярон. (Исследования по истории внешней политики Японии. Руководители внешней политики). Кокусай сэйдзи. № 31 (1966).
139. *Касэ Тосикадзу.* Нихон гайко-но сюякутати. (На главных ролях в японской дипломатии). – Токио: Бунгэй сундзю, 1974.
140. Кидо Коити никки. (Дневник Кидо Коити). Т. 2. – Токио: Токио дайгаку сюппанкай, 1966.

141. *Комото Дайсаку*. Ватакуси га Тё Сакурин-о коросита. (Я убил Чжан Цзолиня) // Бунгэй сьондзю. 1954. № 12.
142. *Коноэ Фумимаро*. Хэйва-э-но дорёку. (Усилия к достижению мира). – Токио: Нихон дэмпо цусинся, 1946.
143. Коноэ Фумимаро-ко-но сюки. Усинаварэси сэйдзи. (Записки принца Коноэ Фумимаро. Проигранная политика). – Токио: Асахи симбунся, 1946.
144. *Морисима Горо*. Куно-суру тю-Со тайсикан. (Агония посольства в Советском Союзе). – Токио: Минато сьоппан гассакуся, 1953.
145. *Ниси Харухико*. Кайсо-но Нихон гайко. (Воспоминания о японской дипломатии). – Токио: Иванами сётэн, 1965.
146. *Сато Наотакэ*. Кайсо хатидзюнэн. (Воспоминания за семьдесят лет). – Токио: Дзидзи цусинся, 1963.
147. *Сигэмицу Мамору*. Сёва-но доран. (Потрясения эпохи Сёва). Т. 1–2. – Токио: Тюо коронся, 1952.
148. *Сигэмицу Мамору*. Гайко кайсорору. (Дипломатические воспоминания). – Токио: Майнити симбунся, 1978.
149. *Сидэхара Кидзюро*. Гайко годзюнэн. (Пятьдесят лет дипломатической службы). – Токио: Ёмиури симбунся, 1951.
150. Хара Кэй никки. (Дневник Хара Кэй). Т. 2–5. – Токио: Фукумура сьоппан, 1965.
151. *Хасэгава Синъити*. Сутарин сюсё-но эгао. (Улыбающееся лицо премьера Сталина) // Кайдзо. 1941. № 6.
152. Хата Сюнроку нисси. (Дневник Хата Сюнроку). – Токио: Мисудзу сёбо, 1983.

БИОГРАФИИ

На русском языке

153. *Георгиев Ю.В.* Рихард Зорге. – М.: Япония сегодня, 2000.
154. *Громковская Л.Л., Кычанов Е.И.* Николай Александрович Невский. – М.: Наука, 1978.
155. *Игнатъев А.В.* С.Ю. Витте – дипломат. – М.: Международные отношения, 1989.
156. *Каретина Г.С.* Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е гг. XX в. – М.: Наука, 1984.
157. *Крутицкая Е.И., Митрофанова Л.С.* Полпред Александр Трояновский. – М.: Политиздат, 1975.
158. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период, 1917–1991. Изд. подготовили Я.В. Васильков и М.Ю. Сорокина. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003.

159. *Мадер Ю.* Репортаж о докторе Зорге. – Берлин: Военное изд-во ГДР, 1988.
160. *Молодяков В.Э.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. – М.: АИРО-XX, 2006.
161. *Молодяков В.Э.* Риббентроп. Упрямый советник фюрера. – М.: АСТ-Пресс, 2008.
162. Первый профессиональный японовед России. Опыт латвийско-российско-японского исследования жизни и деятельности Е.Г. Спальвина. – Владивосток: ДВГУ, 2007.
163. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. – М.: Восточная литература, 2005.
164. *Саблина Э.Б.* История Японской православной церкви и её основатель архиепископ Николай. М. — СПб.: АИРО-XXI, 2006.
165. *Сенаторов А.И.* Катаяма Сэн. Научная биография. – М.: Наука, 1988.
166. *Шейнис З.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. – М.: Политиздат, 1989.

На европейских языках

167. *Bix Herbert P.* Hirohito and the Making of Modern Japan. – New York: Harper Collins, 2000.
168. *Connors Leslie.* Emperor's Adviser: Saionji Kinmochi and Pre-war Japanese Politics. – London: Croom Helm, 1987.
169. *Hackett Roger F.* Yamagata Aritomo in the Rise of Modern Japan, 1838–1922. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1971.
170. *Keene Donald.* Emperor of Japan: Meiji and His World, 1852–1912. – New York: Columbia University Press, 2002.
171. *Lone Stewart.* Army, Empire and Politics in Meiji Japan. The Three Careers of General Katsura Taro. – N.Y.: St. Martin's Press, 2000.
172. *Lu David J.* Agony of Choice. Matsuoka Yosuke and the Rise and Fall of the Japanese Empire, 1880–1946. – Lanham – New York – London: Lexington Books, 2002.
173. *Oka Yoshitake.* Konoe Fumimaro. A Political Biography. Lanham—New York – London: Madison Books, 1992.
174. *Prange Gordon W. with Goldstein Donald M. and Dillon Katherine V.* Target: Tokyo. The Story of the Sorge Spy Ring. – New York: McGraw Hill, 1984.

На японском языке

175. *Ито Масанори.* Като Такааки. Т. 1–2. – Токио: Хомонкан, 1929.
176. Ито Хиробуми дэн. (Биография Ито Хиробуми). Т. 3. – Токио: Хара сёбо, 1970.

177. Кокуси Утида Рёхэй: соно сисо то кодо. (Патриот Утида Рёхэй: идеи и деятельность). – Токио: Тэнтэнся, 2003.
178. Мацуока Ёсукэ: соно хито то сёгай. (Мацуока Ёсукэ: личность и жизнь). – Токио: Коданся, 1974.
179. *Мива Кимитада*. Мацуока Ёсукэ: соно нингэн то гайко. (Мацуока Ёсукэ: человек и дипломат). – Токио: Гюо коронся, 1971.
180. *Накано Ясуо*. Сэйдзика Накано Сэйго. (Политик Накано Сэйго). Т. 1. – Токио: Синкокаку сётэн, 1971.
181. *Оцука Такэхиро*. Окава Сюмэй: ару фуккокакусинсюгия-но сисо. (Окава Сюмэй: философия консервативного реформатора). – Токио: Гюо коронся, 1995.
182. *Сакагүти Тосиюки*. Уэда Сэнтаро дэн. Росицу-но сэнкоцу гайкокан. (Биография Уэда Сэнтаро. Дипломат-философ и знаток России). – Токио: Аси сёбо, 1985
183. Сидэхара Кидзюро. – Токио: Сидэхара хэйва дзайдан, 1955.
184. *Такада Макико*. Сидзуканару татэ. Ёнаи Мицумаса. (Умиротворяющий щит. Ёнаи Мицумаса). Т. 1–2. – Токио: Хара сёбо, 1990.
185. Танака Гиити дэнки. (Биография Танака Гиити). Т. 1–3. – Токио: Танака Гиити дэнки канкокай, 1958–1960.
186. *Токутоми Иитиро*. Косяку Кацура Таро дэн. (Биография князя Кацура Таро). Т. 1–2. – Токио: Косяку Кацура Таро дэнки хэнсанкай, 1917.
187. *Токутоми Иитиро*. Косяку Ямагата Аритомо дэн. (Биография князя Ямагата Аритомо). Т. 3. – Токио: Ямагата Аритомо-ко кинэн дзигёкай, 1933.
188. Утида Косай дэн. (Биография Утида Косай). – Токио: Кадзима кэнкюдзё сюппанкай, 1969.
189. *Хагивара Нобутоси*. Того Сигэнори: дэнки то кайсэцу. (Того Сигэнори: биография и комментарии). – Токио: Хара сёбо, 1985.
190. *Хаттори Рюдзи*. Хирота Коки: «хигэки-но сайсё»-но дзицудзо. (Хирота Коки: подлинный облик «трагического премьера»). – Токио: Гюо корон, 2008.
191. Хирота Коки. – Токио: Хирота Коки дэнки канкокай, 1966.
192. *Цуруми Юсукэ*. Гото Симпэй. Т. 1–4. – Токио: Гото Симпэй хаку дэнки хэнсанкай, 1937–1938.
193. *Ябэ Тэйдзи*. Коноэ Фумимаро. Т. 1–2. – Токио: Кобундо, 1952.

ИССЛЕДОВАНИЯ

На русском языке

194. *Барышев Э.А.* Русско-японская политическая конвенция от 3 июля 1916 года и её международно-политический смысл // Япония. Ежегодник. 2006. – М.: АИРО-XXI, 2006.

195. *Барышев Э.А.* Роль князя Ямагата в подготовке русско-японского союза 1916 г.: за кулисами визита великого князя Георгия Михайловича в Японию // Япония. Ежегодник. 2007. – М.: АИРО-XXI, 2007.
196. *Барышев Э.А.* Русско-японское сближение в период Первой мировой войны и внешнеполитическая стратегия Гото Симпэй // Уральское востоковедение. Международный альманах. 2. – Екатеринбург: УрГУ, 2007.
197. *Барышев Э.А.* Японская миссия великого князя Георгия Михайловича (декабрь 1915 – февраль 1916 года): «Внешняя сторона чрезвычайного посольства» // Знакомьтесь – Япония. № 50 (2009).
198. *Барышев Э.А.* Мотоно Итиро (1862–1918) – яркий представитель политики здравого смысла // Япония. 2009. Ежегодник. – М.: АИРО-XXI, 2009.
199. *Барышев Э.А.* За кулисами русско-японских переговоров 1906–1907 гг.: дипломатия Мотоно Итиро // Япония. 2010. Ежегодник. – М.: АИРО-XXI, 2010.
200. *Будкевич С.Л.* «Дело Зорге». Следствие и судебный процесс. (Люди. События. Документы. Факты). – М.: Наука, 1969.
201. *Буяков А.М.* Подготовка офицеров в Восточном институте // Известия Восточного института ДВГУ. № 1 (1994).
202. *Буяков А.М.* Восточники на фронтах русско-японской войны 1904–1905 гг. // Известия Восточного института ДВГУ. № 2 (1995).
203. *Буяков А.М.* Офицеры-выпускники Восточного института: годы и судьбы // Известия Восточного института ДВГУ. № 5 (1999).
204. *Вада Х.* Судьба коммуниста: Носака Сандзо // Япония второй половины XX века: проблемы и судьбы. – М.: Восточная литература, 2003.
205. *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции: 1916 – февраль 1917 г. – М.: Наука, 1989.
206. *Гаврилов В.* Некоторые новые аспекты предистории советско-японской войны 1945 года // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 4.
207. *Гольдберг Д.И.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.). – М.: Изд-во восточной литературы, 1959.
208. *Гольдберг Д.И.* Внешняя политика Японии в 1941–1945 гг. – М.: Изд-во социально экономической лит-ры, 1962.
209. *Гольдберг Д.И.* Очерк истории рабочего и социалистического движения в Японии в 1868–1908 гг. – М.: Наука, 1976.
210. *Григорцевич С.С.* Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1965.
211. С.Г. Елисеев и мировое японоведение. – М.: Япония сегодня, 2000.
212. *Иванова Г.Д.* «Дело об оскорблении трона». Демократическое движение в Японии девятисотых годов, его герои и литература. – М.: Наука, 1972.
213. История войны на Тихом океане. Пер. с яп. Т. I–V. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1957–1958.

214. Каткова З.Д. Китай и державы, 1927–1937 гг. – М.: Восточная литература, 1995.
215. Каширин В. «Русский Мольтке» смотрит на Восток. Дальневосточные планы Главного штаба // Родина. 2004. № 1.
216. Кириченко А.А. Из истории российско-японских отношений // Япония без предвзятостей. – М.: Япония сегодня, 2003.
217. Кириченко А.А., Черевко К.Е. Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы. – М.: Бимпа, 2006.
218. Коваленко И.И. Очерки истории коммунистического движения в Японии до второй мировой войны. – М.: Наука, 1979.
219. Ковальчук М.К. В спорах о «морской силе». Теории А.Т. Мэхэна и ранняя японская геополитика // Япония. 2003–2004. Ежегодник. – М.: МАКС-Пресс, 2004.
220. Конрад Н.И. Неопубликованные работы. Письма. – М.: Росспэн, 1996.
221. Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР. 1931–1945. – М.: Мысль, 1989.
222. Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны. – М.: АСТ-Астрель, 2007.
223. Куланов А.Е. Русские семинаристы в Токио: учеба и судьбы // Япония. 2011. Ежегодник. – М.: АИРО-XXI, 2011.
224. Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор, 1905–1945 гг. – М.: Соцэкгиз, 1961.
225. Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. – М.: Изд-во ИМО, 1962.
226. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. – М.: Наука, 1988.
227. Маринов В.А. Россия и Япония перед Первой мировой войной (1905–1914 гг.). – М.: Наука, 1974.
228. Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. – М.: Восточная литература, 1999.
229. Молодяков В.Э. Несостоявшаяся ось: Берлин–Москва–Токио. – М.: Вече, 2004.
230. Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы истории российско-японских отношений (1899–1929). М.: Астрель, 2005.
231. Молодяков В.Э. Россия и Япония: меч на весах. Неизвестные и забытые страницы истории российско-японских отношений (1929–1948). М.: Астрель, 2005.
232. Молодяков В.Э. Гото Симпэй и русско-японские отношения. – М.: АИРО-XXI, 2006.
233. Молодяков В.Э. Россия и Япония: золотой век (1905–1916). – М.: Просвещение, 2008.
234. Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. – М.: АИРО-XX, 2001.

235. *Пестушко Ю.С.* Японо-российские отношения в годы первой мировой войны, 1914–1917 гг. Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. – Владивосток, 2003.
236. *Пестушко Ю.С.* Почему японские войска так и не попали на европейский фронт // Япония. Ежегодник. 2007. – М.: АИРО-XXI, 2007.
237. *Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян. – М.: Крафт+, 2004.
238. Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацура Таро, Гото Симпэй, Нитобэ Инадзо. Материалы симпозиума (Москва, 4 октября 2004 г.). – М.: АИРО-XX, 2005
239. *Романов Б.А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895–1907 гг. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
240. *Савин А.С.* Японский милитаризм в период второй мировой войны 1939–1945 гг. – М.: Наука, 1979.
241. *Самойлов Н.А.* Ито Хиробуми: образ японского государственного деятеля в российском восприятии (начало XX века) // Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX–XX веках. – СПб., 1998.
242. *Севостьянов Г.Н.* Япония в 1945 г. в оценке советских дипломатов. Новые архивные материалы // Новая и новейшая история. 1995. № 6.
243. *Севостьянов П.П.* Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке (в Китае и Корее в 1905–1911 гг.). – М.: Госполитиздат, 1958.
244. *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. – М.: Новина, 1995.
245. *Славинский Б.Н.* Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». – М.: Новина, 1996.
246. *Славинский Б.Н.* СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. – М.: Япония сегодня, 1999.
247. *Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б.* Суд в Токио. – М.: Воениздат, 1980.
248. СССР–Япония. К 50-летию установления советско-японских дипломатических отношений (1925–1975). – М.: Наука, 1978.
249. СССР и Япония. – М.: Наука, 1987.
250. *Тихвинский С.Л.* Заключение советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. // Новая и новейшая история. 1990. № 1.
251. *Черевко К.Е.* Серп и молот против самурайского меча. – М.: Вече, 2003.
252. *Чудодеев Ю.В., Каткова З.Д.* Китай и Япония: любовь или ненависть? – М.: ИВ РАН, 1995.
253. *Шулатов Я.А.* Российско-японские отношения в дальневосточной политике России (1905–1914 гг.). Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. – Хабаровск, 2005.
254. Японский милитаризм. Военно-историческое исследование. – М.: Воениздат, 1972.

На европейских языках

255. *Asada Sadao*. Mahan to Pearl Harbor. The Imperial Japanese Navy and the United States. – Annapolis MD: Naval Institute Press, 2006.

256. *Bamba Nobuya*. Japanese Diplomacy in a Dilemma: New Light on Japan's China policy, 1924–1929. – Kyoto: Minerva Press, 1972.

257. *Butow Robert J.C.* Japan's Decision to Surrender. – Stanford: Stanford University Press, 1954.

258. *Crowley James B.* Japan's Quest for Autonomy: National Security and Foreign Policy, 1930–1938. – Princeton: Princeton University Press, 1966.

259. *Dallin David J.* Soviet Russia and the Far East. – New Haven: Yale University Press, 1948.

260. *Dallin David J.* The Rise of Russia in Asia. – London: Hollis & Carter, 1950.

261. Deterrent Diplomacy: Japan, Germany and the USSR, 1935–1940. Ed. *James W. Morley*. – N.Y.: Columbia University Press, 1976.

262. *Duus Peter*. Party Rivalry and Political Change in Taisho Japan. – Cambridge MS: Harvard University Press, 1968.

263. *Esthus Raymond A.* Double Eagle and Rising Sun. The Russians and Japanese at Portsmouth in 1905. – Durham–London: Duke University Press, 1988.

264. *Fisher Louis*. Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations, 1917–1941. – N.Y.: Harper and Row, 1969.

265. *Hasegawa Tsuyoshi*. Racing the Enemy. Stalin, Truman and the Surrender of Japan. – Cambridge MS: The Belknap Press, 2005.

266. *Haslam Jonathan*. The Soviet Union and the Threat from the East, 1933–1941. – London: University of Pittsburgh Press, 1992.

267. *Hata Ikuhiko*. Reality and Illusion: The Hidden Crisis between Japan and the USSR, 1932–1934. – N.Y.: East Asian Institute, Columbia University, 1967.

268. *Ichihashi Yamato*. The Washington Conference and After. A Historical Survey. – Stanford: Stanford University Press, 1928.

269. *Iriye Akira*. After Imperialism. The Search for a New Order in the Far East, 1921–1931. – Cambridge MS: Harvard University Press, 1968.

270. Japan's Longest Day. – Tokyo: Kodansha, 1989.

271. The Japanese Colonial Empire, 1895–1945. Ed. *Ramon H. Myers*, *Mark R. Peattie*. – Princeton: Princeton University Press, 1984.

272. The Japanese Informal Empire in China, 1895–1937. Ed. *Peter Duus*, *Ramon H. Myers*, *Mark R. Peattie*. – Princeton: Princeton University Press, 1989.

273. *Kennan George F.* Soviet-American Relations, 1917–1920. Vol. II. The Decision to Intervene. – Princeton: Princeton University Press, 1958.

274. *Lensen George A.* Japanese Diplomatic and Consular Officials in Russia. A Handbook of Japanese Representatives in Russia from 1874 to 1968. – Tokyo–Tallahassee FL: Sophia University – Diplomatic Press, 1968.

275. *Lensen George A.* Russian Diplomatic and Consular Officials in East Asia. A Handbook of Russian Representatives in Japan and East Asia from 1874 to 1968. – Tokyo–Tallahassee FL: Sophia University – Diplomatic Press, 1968.

276. *Lensen George A.* Japanese Recognition of the USSR: Soviet-Japanese Relations, 1921–1930. – Tallahassee FL: Diplomatic Press, 1970.

277. *Lensen George A.* The Strange Neutrality: Soviet-Japanese Relations during the Second World War, 1941–1945. – Tallahassee FL: The Diplomatic Press, 1972.

278. *Lensen George A.* The Damned Inheritance. The Soviet Union and the Manchurian Crisis, 1924–1935. – Tallahassee FL: The Diplomatic Press, 1974.

279. *Lowe Peter.* Great Britain and Japan, 1911–1915. A Study of British Far Eastern Policy. – London: Macmillan, 1969.

280. *Martin Bernd.* German-Japanese Relations after the Hitler-Stalin Pact and German Reaction to the Nippo-Soviet Rapprochement // The Opening of the Second World War. Ed. *David W. Pike.* – N.Y.: Columbia University Press, 1992.

281. *Matsusaka Yoshihisa Tak.* The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932. – Cambridge MS: Harvard University Press, 2001.

282. *Miyake Masaki.* The Japanese Diplomacy Before the Outbreak of the Second World War, 1938–1939 // The Bulletin of the Institute of Social Sciences (Meiji University, Tokyo). Vol. 3 (1990). № 1.

283. *Miyake Masaki.* The Development of Russo-German Relations and Their Implications for Japan and East Asia // The Bulletin of the Institute of Social Sciences (Meiji University, Tokyo). Vol. 14 (1991), № 1.

284. *Morley James.* The Japanese Thrust into Siberia, 1918. – N.Y.: Columbia University Press, 1957.

285. *Morton William F.* Tanaka Giichi and Japan's China Policy. – N. Y.: Dawson, 1980.

286. *Nish Ian.* Alliance in Decline. A Study in Anglo-Japanese Relations, 1908–1923. – London: Athlone Press, 1972

287. *Royama Masamichi.* The History of the Japanese Foreign Policy, 1914–1939. – Tokyo: Institute of Pacific Relations, Japanese Council, 1941.

288. *Simeonova Alben.* Japan through Russian Eyes (1855–1905). – Sofia: Paradigma, 2007.

289. *Storry Richard.* Rumors of a Japanese-German Understanding on the Eve of Armistice of 1918 // St. Anthony's Papers. Issue 20 (1967).

290. *Takeuchi Tatsuji.* War and Diplomacy in the Japanese Empire. – Garden City NY: Doubleday Doran, 1935.

291. *Tang Peter S.H.* Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia, 1911–1931. – Durham: Duke University Press, 1959.

292. *Toland John.* The Rising Sun. The Decline and Fall of the Japanese Empire, 1936–1945. – N.Y.: Random House, 1970.

293. War in Asia and the Pacific. Vol. 10, 11. Japan and the Soviet Union. N.Y. – London: Garland Publishing, 1980.

294. *Weber Mark*. Was Hiroshima Necessary? // *Journal of Historical Review*. Vol. 16. № 3 (May/June 1997).
295. *Youli Sun*. China and the Origins of the Pacific War, 1931–1941. – London: St. Martin's Press, 1993.
296. *Young C. Walter*. Japan's Special Position in Manchuria: Its Assertion, Legal Interpretation and Present Meaning. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1931.
297. *Young C. Walter*. Japanese Jurisdiction in the South Manchuria Railway Areas. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1931.
298. *Young C. Walter*. The International Legal Status of the Kwantung Leased Territory. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1931.

На японском языке

299. *Амамия Сёити*. Сэнсо сидо то сэйто: гайко тэсакай-но кино то ити. (Руководство войной и политические партии: функции и статус Комитета по изучению внешней политики) // *Сисо*. № 622. 1976. Апрель.
300. *Баба Акира*. Танака гайко то Тё Сакурин бакуси дзикэн. (Дипломатия Танака и убийство Чжан Цзюлиня) // *Рэкиси кёнку*. 1960. № 2.
301. *Банно Дзюндзи*. Тайсё сэйхэн. (Кризис Тайсё). – Токио: Минэруба сёбо, 1994.
302. *Барышев Э.А.* Нитиро домэй дзидай, 1914–1917 нэн. (Эпоха русско-японского союза, 1914–1917 гг.). – Фукуока: Хана сёин, 2007.
303. *Ватабэ Томия*. Ицувари-но ракуин. Ито Рицу. (Ложное клеймо. Крах версии о предательстве Ито Рицу). – Токио: Гогацу сёбо, 1993.
304. *Даба Хироси*. Гото–Иоффе косё дзэнго Гэньёся, Кокурюкай (Общество черного океана и Общество реки Амур во время переговоров Гото–Иоффе) // *Takushoku University History Review*. № 6 (January 2001).
305. *Ёсимура Митио*. Гото Симпэй сайго-но хо-Со-о мэгуттэ. (Вокруг последнего визита Гото Симпэй в СССР) // *Гайко сирёкампо*. № 3 (март 1990).
306. *Ёсимура Митио*. Нихон то Росиа. (Япония и Россия). – Токио: Нихон кэйдзай херонся, 1991.
307. *Ино Тэнтаро*. «Танака дзёсобун»-о мэгуру нисан-но мондай. (Проблемы «меморандума Танака») // *Кокусай сэйдзи*. № 26 (1963).
308. Кайсэн то сюсэн. Тайхэйё сэнсо-но кокусай канкэй. (Начало и конец войны. Международные отношения эпохи войны на Тихом океане). Под ред. Иокибэ Макото, Китаока Синъити. – Токио: Дзёхо бунка кэнкюдзё, 1998.
309. *Кобаяси Митихиро*. Нихон-но тайрику сэйсаку, 1895–1914: Кацура Таро то Гото Симпэй. (Континентальная политика Японии, 1895–1914: Кацура Таро и Гото Симпэй). – Токио: Токио дайгаку сюппанкай, 1996.
310. *Кобаяси Юкио*. Ниссо кокко тэсэй-но ити даммэн: Гото–Иоффе кайдан кайси-но кэйка. (Эпизод восстановления японско-советских дипломатических отношений: начало переговоров Гото–Иоффе) // *Кокусай сэйдзи*. № 6 (1958).

311. *Кобаяси Юкио*. Ниссо сэйди гайко си. (Политическая и дипломатическая история японско-советских отношений). – Токио: Юхикаку, 1985.

312. *Кудо Митихиро*. Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю. (Исследование японско-советского пакта о нейтралитете). – Токио: Нансоося, 1985.

313. *Миякэ Масаки*. Нити-доку-и сангоку домэй-но кэнкю. (Исследование Тройственного пакта Японии, Германии и Италии). – Токио: Нансоося, 1975.

314. *Миякэ Масаки*. Юрасиа гайкоси кэнкю. (Исследования по истории евразийской дипломатии). – Токио: Кавадэ сёбо синся, 2000.

315. *Миякэ Масаки*. Сутарин, Хитора то нити-со-доку-и рэнго тайсо. (Сталин, Гитлер и идея союза Японии, СССР, Германии и Италии). – Токио: Асахи сэнсё. 2007.

316. *Миякэ Масаки*. Сутарин-но тайнити дзёхо косаку. (Разведывательная деятельность Сталина в отношении Японии). – Токио: Хэйбонся, 2010.

317. *Молодяков В.Э.* Ёнаи Мицумаса то Росиа то. (Ёнаи Мицумаса и Россия) // Ёнаи Мицумаса кай кайхо. № 12. (1999).

318. *Нака Акира*. Мокусацу. Поцудаму сэнгэн-но синдзицу то Нихон-но уммэй. (Убийство молчанием. Правда о Потсдамской декларации и судьба Японии). Т. 1–2. – Токио: Нихон хосо сёппан кёкай. 2000.

319. Нихон гайкоси дзитэн. (Японский дипломатический словарь). – Токио: Ямакава сёппанся, 1992.

320. Нихон гайкоси. (История внешней политики Японии). Т. 15. Ниссо канкэйси, 1917–1945. (Японско-советские отношения, 1917–1945). – Токио: Кадзима кэнкюдзё сёппанкай. 1970.

321. Нихон-но киро то Мацуока гайко. 1940–1941. (Япония на перепутье и внешняя политика Мацуока. 1940–1941). Под ред. Мива Кимитада, Тобэ Рёити. – Токио: Ямакава сёппанся, 1994.

322. *Савельев И.Р.* Нитиро канкэй-но «огон дзидай»-о котикү-ситэ: Мотоно Итиро то нитиро сэккин, 1906–1916. (Созидая «золотой век» русско-японских отношений: Мотоно Итиро и русско-японское сближение, 1906–1916) // Росиа то Нихон. (Россия и Япония). Вып. VIII. – Токио: Сэйбунся, 2010.

323. *Самэдзима Хирокадзу*. Ёнаи Мицумаса тайсё то дзайгай букан кимму. (Адмирал Ёнаи Мицумаса и его служба за границей) // Ёнаи Мицумаса кай кайхо. № 11 (1998).

324. 1930 нэндай-но Нихон гайко. Ёнин-но гайсё-о тусин ситэ. (Внешняя политика Японии 1930-х годов. Четыре министра иностранных дел). Кокүсай сэйдзи. № 56 (1976).

325. Тайхэйсё сэнсо-э-но мити: кайсэй гайко си. (Дорога к войне на Тихом океане: история предвоенной внешней политики). Т. 1–7. – Токио: Асахи симбунся, 1962–1963.

326. *Танака Наокити*. Нитиро кёсё-рон. (Теория русско-японской Антанты) // Камикава-сэнсэй канрэки кинэн. Киндай нихон гайкоси-но кэнкю

(Сборник в честь профессора Камикава. Исследования по дипломатической истории Японии в новое время). – Токио: Юхикаку, 1956.

327. *Томита Такэси*. Сэнканки-но ниссо канкэй, 1917–1937. (Японско-советские отношения межвоенного периода, 1917–1937). – Токио: Иванами сётэн, 2010.

328. Тэнко. (Переход). Т. 1–3. – Токио: Хэйбонся, 1959–1962.

329. *Усуи Кацуми*. Тё Сакурин бакуси-но синсё. (Правда об убийстве Чжан Цзолия) // Бэссацу тисэй. № 5. Химэрарэта Сёва си. (Тайная история (эпохи) Сёва). Декабрь 1956.

330. *Хара Тэрююки*. Сибэриа сюппэй: какумэй то кансё. (Сибирская интервенция: революция и вмешательство). – Токио: Тикума сёбо, 1989.

331. *Хатано Сумио*. Тайхэйё сэнсo то Адзиа гайко. (Война на Тихом океане и внешняя политика Японии в Азии). – Токио: Токио дайгаку сюппанкай, 1996.

332. *Хаттори Рюдзи*. Хигаси Адзиа кокусай канкё-но хэндо то Нихон гайко, 1918–1931. (Изменение международной обстановки в Восточной Азии и внешняя политика Японии, 1918–1931). – Токио: Юхикаку, 2003.

333. *Хаттори Рюдзи*. Ниттю рэкиси нинсики. «Танака дзёсoубун»-o мэгуру сококу, 1927–2010. (Понимание истории в Японии и Китае. Борьба вокруг «меморандума Танака», 1927–2010). – Токио: Токио дайгаку сюппанкай, 2010

334. *Хираи Томоёси*. Мансю дзихэн то Ниссо канкэй: фусинряку дзёяку мондай-о тюсин ни. («Маньчжурский инцидент» и японско-советские отношения: проблема договора о ненападении) // Нихон гайкоси кэнкю. Гайко сидосарон. (Исследования по истории внешней политики Японии. Руководители внешней политики). Кокусай сэйдзи. № 31 (1966).

335. *Хосоя Тихиро*. Сибэриа сюппэй но ситэки кэнкю. (Историческое исследование интервенции в Сибири). – Токио: Юхикаку, 1955.

336. *Хосоя Тихиро*. Росиа какумэй то Нихон. (Русская революция и Япония). – Токио: Хара сёбо, 1972.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абрикосов Д.И. – 193, 206, 241, 283, 579, 592, 619
Абэ Исо – 297, 388, 453
Абэ Нобуюки – 425, 471, 581
Авдаков Н.С. – 71
Авербах Л.Л. – 380, 381
Адабаш М.А. – 117
Адырхаев Н.Б. – 534, 541, 611, 619
Акамацу Кацумаро – 302, 387, 388
Акита Удзюку – 371, 374
Акутагава Рюносукэ – 370
Александр III – 32
Александр Михайлович, великий князь – 156
Алексеев В.М. – 133
Алексеев Е.И. – 43
Алексеев М.М. – 71
Альфонс XIII – 397
Амамия Сёити – 592, 629
Амо Эйдзи – 581
Анами Корэтика – 556, 570
Андо Ёсиро – 533
Андо Юки – 402, 562, 563
Андреев Л.Н. – 371
Андреева О.В. – 10
Анохин – 304
Антонеску И. – 497
Антонов В.Г. – 209, 222, 301
Апанасенко И.Р. – 526–528
Араки Садао – 391, 398

Аралов С.И. – 258, 259, 285, 286, 341
Арахата Кансон – 294, 295, 297, 302, 303, 307, 309, 310
Арисуэ Сэйдзи – 554
Арита Хатиро – 471, 472, 537, 557, 581, 620
Артемов – 339
Артемьев И.К. – 206
Артур Коннотский – 110, 381
Асанья М. – 400
Асахи Исоси – 423, 615, 621
Асида Хитоси – 127
Асо Хисаси – 297, 388
Астон В.Г. – 123
Ахматова А.А. – 292, 600

Б

Баба Акира – 604, 629
Баба Хидэо – 423, 427, 604
Баба Цунэго – 617
Бадмаев Т. см. Мацумото Кэн
Бажанов Б.Г. – 260, 598
Базарон Д. см. Тэрасима Гидзо
Базили Н.А. – 98
Байес Х. – 421
Байуотер Г. – 188
Бакунин М.А. – 383
Бальфур А.Дж. – 165, 173
Банно Дзюнджи – 588, 629
Барнес Г.Э. – 529
Барышев Э.А. – 10, 131, 135, 160, 583, 585, 589, 590, 624, 629

Бахметев Б.А. – 170
Бахметев Ю.П. – 52, 56, 64–68, 74, 320, 579
Берия Л.П. – 425
Беседовский Г.З. – 259, 261, 288, 310,
311, 318, 333, 337, 352, 358, 366,
434, 579, 595, 598, 601–604, 619
Бирнс Дж. – 568, 571
Бисмарк О. фон – 40, 364, 445
Блиндер Н.С. – 370
Блонский В.В. – 124
Блюм Л. – 400
Блюхер В.К. – 204, 422, 423
Боголепов Н.П. – 113
Богоявленский Н. – 585
Богоявленский С.К. – 70
Бойсман В.А. – 28
Болобан А.П. – 120
Бонч-Бруевич В.Д. – 25, 27
Бордюгов Г.А. – 10, 355
Борисов Ю.А. – 610
Бородин-Грузенберг М.М. – 169
Боярчиков А.И. – 602
Браудер Э. – 406
Бронин Я.Г. – 432, 435, 438
Брюсов В.Я. – 123
Будкевич С.Л. – 437, 463, 608, 624
Булгаков М.А. – 342
Бухарин Н.И. – 284, 285, 296, 309, 342,
383, 386
Буюков А.М. – 588, 624
Бьюкенен Дж. – 162
Бюлов Б. фон – 87

В

Вада Харуки – 403–405, 461, 606, 624
Вакацуки Рэйдзи – 97, 580
Ван Цзинвэй – 291, 492, 513
Варга Е.С. – 423
Васильков Я.В. – 622
Васильчиков Б.А. – 71

Васкевич П.Г. – 51, 77, 585, 586, 619
Васюков В.С. – 590, 624
Ватабэ Томия – 460, 461, 629
Ватанабэ Дзэнъитиро – 430
Ватанабэ Масаносукэ – 308, 310
Ватанабэ Риэ – 235, 263, 402
Вебер М. – 574
Веджвуд И. – 187
Вентцель А.Н. – 70, 74
Виктория, королева – 110
Виленкин Г.А. – 65, 70
Вильгельм II – 87
Вильде С.Л. – 311
Вильсон В. – 164, 166, 173
Винаров И. – 360
Вирек Дж. С. – 398, 399
Вирт Й. – 214
Витковский А.Д. – 459
Витте С.Ю. – 31–42, 44–48, 54, 56, 57,
59, 70, 80, 113, 119, 260, 578, 583–
585, 619, 621
Вознесенский А.Н. – 320
Войтинский Г.Н. – 296, 299, 300, 303,
307, 311
Волк Я.И. – 386, 388, 389, 398, 401, 605,
606
Волкогонов Д.А. – 360
Воронский А.К. – 372
Ворошилов К.Е. – 261
Вукелич Б. – 437
Вышинский А.Я. – 319, 529, 566
Вышнеградский А.И. – 71

Г

Гаврилов В.А. – 624
Гагарин Ю.А. – 433
Галкович М.Г. – 370
Гальперин А.Л. – 589, 591
Гамарник Я.Б. – 327
Ган А. см. Гутман А.Я.
Гарриман Э. – 85, 86

Гаррисон Э. – 54, 326
 Геббельс Й. – 424
 Гейдрих Р. – 443
 Генералов Н.И. – 471, 479, 579
 Генрих Прусский – 110
 Георгиев Ю.В. – 621
 Георгий Михайлович, великий князь – 143, 144, 147, 155, 156, 589, 590, 624
 Гилберт Р. – 210, 223
 Гирс М.Н. – 206
 Гитлер А. – 51, 397, 424, 425, 443, 447, 448, 450, 451, 458, 467, 483, 484, 496–498, 504, 505, 513, 514, 525, 529, 596, 630
 Глезмер С.П. – 71
 Глускина А.Е. – 371
 Гоголь Н.В. – 16
 Гойер Л.В. фон – 88
 Голицын Н.Д. – 578
 Голунский С.А. – 319
 Гольдберг Д.И. – 583, 584, 600, 624
 Гондатти Н.Л. – 50, 97, 190
 Гопкинс Г. – 568
 Горбунов Е.А. – 601
 Горемыкин И.Л. – 578
 Горький М. – 16, 371
 Гото Итидзо – 532
 Гото Симпэй – 37, 49, 61–75, 80–82, 88–91, 93, 95, 97, 98, 101, 102, 106–111, 142, 151, 152, 155, 156, 158, 167, 168, 170–185, 221–224, 226–228, 230–234, 236, 237, 240–244, 246–249, 251, 254–257, 281, 282, 288, 300, 318, 321–328, 330, 331, 335–347, 351–354, 356–359, 361–367, 370, 495, 532, 548, 577, 580, 584–587, 589–593, 595–604, 613, 614, 617, 618, 620, 623, 624, 626, 629, 630
 Гошкевич И.А. – 12–14
 Гревс У. – 189
 Грей Э. – 86, 138
 Грейвс П. – 529
 Григоренко П.Г. – 526, 611, 619

Григорцевич С.С. – 49, 100, 582, 587, 589, 592, 625
 Григорьев – 195
 Гродеков Н.И. – 113
 Громковская Л.Л. – 588, 621
 Грушецкий А.Н. – 69
 Грю Дж. К. – 444, 523
 Гугенберг А. – 423
 Гудзь Б.И. – 444, 461
 Гусима Канзасабуро – 429
 Гутман А.Я. – 195, 197, 198, 238, 277, 278, 594, 597, 599, 615
 Гучков А.И. – 71

Д

Даба Хироси – 596, 629
 Давтян Я.Х. – 236
 Давыдов Л.Ф. – 70
 Даллес А. – 458
 д'Анетан А. – 49, 56, 68, 89, 91
 Дейчман И.Н. – 579
 Деникин А.И. – 189
 Деннисон Г.В. – 37
 Дербер П.Я. – 180
 Деревянко К.Н. – 574
 Джонсон Ч. – 441
 Димитров Г.М. – 403, 404, 406
 Дирксен Г. фон – 312, 448, 619
 Дитерихс М.К. – 190, 206
 Дмитриев Н.С. – 321
 Довгалецкий В.С. – 258, 260, 285, 286, 288, 331, 334, 335, 337, 338, 347, 579
 Долецкий Я.Г. – 344
 Достоевский Ф.М. – 16
 Дэбути Кацудзи – 331, 334, 442
 Дэн Кэндзио – 155, 176

Е-Ё

Елисеев В.С. – 128
 Елисеев Н.С. – 128

Елисеев С.Г. – 125–129, 133, 588, 625
 Ельцин Б.Н. – 564
 Емельянов К.А. – 594
 Енукидзе А.С. – 339, 342
 Ермакова Л.М. – 588
 Ермилов В.В. – 380
 Ершова – 304
 Ёнаи Мицумаса – 158, 159, 427, 453,
 471, 538, 555, 556, 565, 573, 581,
 592, 623, 630, 631
 Ёнэкава Масао – 371
 Ёкота Кисабуро – 418, 430
 Ёсида Сигэру – 331, 581
 Ёсидзава Кэнкити – 233, 253–256, 262–
 274, 277, 286, 411–413, 580, 598,
 620, 621
 Ёсимура Митио – 347, 587, 589, 590,
 594, 601, 603, 629
 Ёсихара Таро – 294–296

Ж-З

Жуков Е.М. – 605
 Зайцев В.С. – 463, 612
 Зайцев Е.Б. – 541, 612, 626
 Зальцман Э. фон – 226
 Замятин Е.И. – 373
 Зиновьев Г.Е. – 343
 Зольф В. – 212, 213, 216
 Зорге Р. – 309, 418, 429, 431–448, 450–
 452, 456–466, 512, 519, 521, 525,
 526, 608–611, 614, 615, 619, 621,
 622, 624

И

Иванов Вяч. И. – 226
 Иванов М.И. – 433, 518, 534, 610, 619
 Иванов С.П. – 611
 Иванова Г.Д. – 600, 625
 Ивнев Р. – 371
 Игнатъев А.В. – 37, 46, 325, 583, 584, 621
 Идзюин Хикокити – 247, 249, 254, 255, 580
 Идэ Кэндзи – 231

Извольский А.П. – 40, 47, 50, 52–54,
 56–58, 64, 66–70, 74, 75, 78–82, 87,
 89, 91, 92, 94, 100, 579, 584–586
 Икэда Сэйхин – 410
 Инахара Кацудзи – 410, 428, 429
 Иннокентий (Вениаминов И.Е.) – 13, 16
 Ино Тэнтаро – 601, 629
 Иноуэ Каору – 104, 105, 141, 589
 Инукаи Кэн – 462
 Инукаи Цуёси – 167, 175, 179, 269, 390–
 394, 412, 580
 Иоган Е. см. Иолк Е.С.
 Иокибэ Макото – 630
 Иолк Е.С. – 416, 417, 605, 616
 Иоффе А.А. – 197, 209–213, 215–218,
 220, 222–244, 246, 252, 256–258,
 284, 295, 321, 342, 343, 364, 595–
 597, 602, 613, 615, 629, 630
 Иоффе А.Е. – 605
 Иоффе Н.А. – 602
 Ириэ Акира – 352
 Исидо Киётомо – 440
 Исии Кикудзиро – 142, 144–147, 149,
 153, 167, 173, 177, 178, 187, 410,
 411, 417, 535, 580, 619
 Исии Ханакэ – 432, 462
 Итагаки Тайсукэ – 61, 104
 Итикава Садандзи – 370
 Итикава Сёити – 385, 605
 Итики Китокуро – 315
 Итихаси Ямато – 199
 Ито Масанори – 426, 623
 Ито Масаносукэ – 404
 Ито Миёдзи – 167
 Ито Рицу – 458–461, 463, 629
 Ито Хиробуми – 48, 58, 60, 64, 66, 76,
 77, 79, 80, 97, 102, 104, 105, 144, 175,
 178, 179, 323, 409, 586, 623, 626

К

Кабальеро Л. – 400
 Кавабэ Торасиро – 554

- Каваками Киёси – 417, 418
 Каваками Тосицунэ – 162, 202, 223, 231, 232, 237, 241, 242, 256
 Кадзама Дзёкити – 394
 Кадотани Кэндзи – 424
 Калинин М.И. – 343, 344, 563, 564, 578
 Каменев Л.Б. – 284, 285, 341, 363, 578
 Каменева О.Д. – 341
 Камикава Хикомасу – 410, 589, 631
 Камэяма Кацудзи – 556
 Кандзё – 401, 402
 Канторович А.Я. – 367, 416, 616
 Канъин Котохито – 155
 Канэко Кэнтаро – 410
 Карахан Л.М. – 203, 211–213, 215–217, 223, 230, 232, 233, 235, 240, 242, 247–274, 277, 283–287, 289, 300, 304, 311, 312, 317, 321, 329, 338–342, 344–347, 351, 352, 354, 358, 361, 366, 367, 370, 372, 399, 415, 420, 449, 597–602, 604, 613, 614
 Каретина Г.С. – 594, 603, 604, 622
 Кассини А.П. – 31, 34
 Касэ Сюнъити – 570
 Касэ Тосикадзу – 467, 609, 621
 Катаяма Сэн – 293–297, 302, 303, 307, 309, 313, 314, 384, 388, 397, 399, 404, 417, 600, 619, 622
 Катаяма Ясу – 404, 408
 Каткова З.Д. – 625, 627
 Като Кандзи – 413
 Като Такааки – 55, 60, 62, 108, 109, 136, 137, 140–142, 149, 151, 153, 155, 167, 176, 200, 209, 221, 223, 230, 231, 240, 241, 269–271, 273, 321, 323, 580, 591, 618, 623
 Като Томосабуро – 156, 185, 247, 580
 Като Хирохару – 183
 Кацура Таро – 21, 35, 60, 66, 75, 76, 82, 85, 86, 88, 93–111, 247, 351, 580, 584–587, 595–598, 601–604, 614, 623, 626, 630
 Каширин В.Б. – 59, 585, 625
 Каяхара Кадзан – 154, 591, 618
 Кейтель В. – 447
 Келлерман Б. – 377
 Кемаль-паша – 258
 Кеннеди М. – 421
 Керенский А.Ф. – 578
 Керженцев П.М. – 341
 Кидо Коити – 424, 559, 562, 607, 621
 Киёура Кэйго – 257, 269, 580
 Кикичи Гиро – 161, 180
 Ким Р.Н. – 374, 604, 616
 Ким Сян см. Носака Рё
 Ки-но Цураюки – 133
 Кинугаса Тэйносукэ – 370
 Кириченко А.А. – 601, 611, 625
 Киров С.М. – 418
 Кита Икки – 228, 229, 596, 618
 Кита Рэйкити – 591, 618
 Китабаяси Томо – 459, 461
 Китаока Синъити – 630
 Китахара Кацуо – 313
 Клаузен М. – 436–438, 444, 458, 463
 Клемансо Ж. – 165
 Клодель П. – 369
 Кобаяси Митихиро – 585, 630
 Кобаяси Такидзи – 385
 Кобаяси Юкио – 596, 629, 630
 Коваленко И.И. – 600, 605, 606, 625
 Ковальчук М.К. – 584, 625
 Кодама Гэнтаро – 60, 61
 Козаков Г.А. – 143–147, 579
 Койсо Куниаки – 537, 538, 581
 Коковцов В.Н. – 39, 41, 51, 54, 57, 64, 65, 67–70, 72, 74, 76, 77, 79, 80, 82, 89, 91, 93–95, 99, 578, 585, 586, 619
 Коллонтай А.М. – 258
 Колпакиди А.И. – 360, 604
 Колчак А.В. – 189, 190, 325
 Комаи Кидзиро – 229, 295

- Комото Дайсаку – 359, 360, 604, 621
 Комура Дзютаро – 24, 31, 32, 34–39,
 44–48, 60, 75, 85, 86, 88, 91, 108,
 580, 583, 615
 Кондо Эйдзо – 296
 Коновалов Д.П. – 70
 Коноэ Фумимаро – 410, 427, 429, 444,
 450, 453, 461, 462, 466, 467, 476,
 490, 492, 506, 512, 513, 520, 521,
 524, 525, 528, 537, 562, 564–567,
 569, 570, 575, 581, 609, 610, 617,
 621, 623
 Конрад Н.И. – 127–134, 588, 625
 Конрой Т.О. – 417
 Константин Константинович, вел. князь –
 113
 Копп В.Л. – 258, 260, 261, 284–286, 288,
 304, 322, 325–328, 352, 579
 Короленко В.Г. – 16
 Коростовец И.Я. – 35, 38, 45, 70, 157,
 584, 619
 Косицын А.Ф. – 433
 Костюковский – 339, 340, 342, 356
 Котоку Сюсуй – 293
 Кошкин А.А. – 610, 625
 Красин Л.Б. – 233, 268
 Краснощеков А.М. – 201
 Крейги Р. – 466
 Крестинский Н.Н. – 258
 Крестовников Г.А. – 71
 Кривицкий В.Г. – 418
 Кричевский М.И. – 595, 615
 Кропоткин П.А. – 383
 Крупенский В.Н. – 156, 163, 179–181,
 193, 206, 579
 Крутицкая Е.И. – 622
 Крылов В.Н. – 124
 Ксандров В.Н. – 344
 Кубои Ёсимити – 514
 Кудашев Н.А. – 163
 Кудо Митихиро – 606, 610, 611, 630
 Кузнецов Н.К. – 284
 Куйбышев В.В. – 341
 Куланов А.Е. – 10, 583, 625
 Кулидж К. – 281
 Курахара Корэхито – 381, 385
 Курино Синьбитиро – 59
 Курода Киётака – 104, 105
 Куропаткин А.Н. – 33
 Кутаков Л.Н. – 49, 52, 53, 63, 195, 196,
 221, 583–585, 602, 603, 625
 Куусинен О.В. – 388
 Кухара Фусаносукэ – 335, 336, 339–341,
 343, 355, 361
 Кучинский Ю. – 440
 Кычанов Е.И. – 588, 621
 Кэмуяма Сэнтаро – 591, 618
 Кюнер Н.В. – 114
- ## Л
- Лавров И.А. – 180
 Лазо С.Г. – 125
 Ламздорф В.Н. – 32, 33, 41, 43, 56, 579
 Лансинг Р. – 173, 174
 Ларцев В.Г. – 588
 Лебедев-Полянский П.И. – 371, 372, 378,
 605
 Левин И. – 226, 321
 Легасов Ф. – 21
 Ленгерке-Мейер Д. – 45
 Ленин В.И. – 25, 33, 204, 214, 215, 219,
 222, 247, 249, 291, 294, 298–301,
 309, 363, 380, 383, 416, 417, 428,
 578, 583, 615
 Ленсен Дж. – 226, 531, 574
 Леонов Л.М. – 371, 382
 Лермонтов М.Ю. – 16
 Ли – 296
 Ли Хунчжан – 40
 Литвинов М.М. – 257–261, 264, 318,
 322, 344, 366, 412, 414–416, 424,

- 425, 434, 468, 469, 472, 529, 530, 579, 598, 622
- Ллойд-Джордж Д. – 188
- Лозовский С.А. – 260, 389, 468, 469, 491, 494, 500, 509, 524–526, 532, 533, 542, 549–551, 554, 563, 565, 566, 569, 570, 611
- Ломброзо Ч. – 379
- Лоти П. – 374, 377
- Лукицкий П.Н. – 292, 600
- Луначарский А.В. – 341, 370, 371, 378, 605
- Луцкий А.Н. – 124, 125, 592
- Львов Г.Е. – 578
- Люшков Г.С. – 423
- Ляпунов М.Н. – 40
- М**
- Мадер Ю. – 441, 442, 608, 622
- Майский И.М. – 258, 260, 372, 579
- Макаров С.О. – 112
- Макартур Д. – 128, 431, 574
- Макдональд Р. – 271
- Макин – 317
- Макиндер Х. – 220
- Макино Нобуаки – 167, 168, 175, 179, 390, 393, 410, 580
- Малеванный В.В. – 461, 464, 608
- Малевский-Малевиц Н.А. – 55, 56, 70, 76, 78, 80–82, 85, 89, 93–95, 97, 100–103, 105, 108, 110, 135, 136, 138, 140, 142, 143, 147, 149, 150, 156, 579, 586, 589
- Малик Я.А. – 532, 533, 537–539, 541, 542, 546, 547, 549, 553–563, 565, 569, 572, 573, 580
- Малофеева Е.Г. – 594
- Мальцан А.Г.О. фон – 212
- Мамсуров Х.Д. – 463
- Манива Суэёси – 300
- Мантани Исоко – 134
- Мао Цзедун – 360
- Мариенгоф А.Б. – 373
- Маринов В.А. – 625
- Мария Федоровна, императрица – 13
- Маркс К. – 383
- Марр Н.Я. – 129
- Мартенс Ф.Ф. – 35, 70
- Мартин Дж. – 529
- Марумо Наотоси – 163, 167, 581
- Маруяма Масао – 427
- Мархлевский Ю.Ю. – 204
- Махов В.Е. – 12
- Мацокин Н.П. – 160, 161, 592, 616
- Мацудайра Цунэо – 213–217, 224, 230, 231, 537
- Мацуи Кэйсино – 263, 580
- Мацуката Масаёси – 104, 105, 107, 145
- Мацуока Ёсукэ – 62, 415, 427, 429, 466–468, 472, 475, 476, 478, 479, 481, 483, 488, 491–514, 517–524, 537, 557, 581, 609, 623, 630
- Мацумото Кэн – 401, 402
- Мацусима Хадзимэ – 203–205, 213, 421
- Маэда Кёцугу – 114, 122
- Маэда Тамон – 340, 604, 618
- Маэсима Такэо – 402
- Мейерхольд В.Э. – 407
- Мейснер Г.-О. – 433
- Мельников Б.Н. – 341
- Мендрин В.М. – 123
- Мерекалов А.Ф. – 51
- Меркулов С.Д. – 190
- Мива Кимитада – 623, 630
- Микоян А.И. – 336, 341, 344, 425
- Миллард Т. – 281
- Миллер К.К. – 325
- Милнер А. – 165
- Милоков П.Н. – 579
- Милютин Д.А. – 185
- Митакура Сиро – 385, 394
- Митрофанова Л.С. – 622
- Миф П.А. – 401, 402

- Мицукава Камэтаро – 347, 603
 Мяги Ётоку – 437, 440, 458, 459, 461, 462
 Миякава Фунао – 555
 Миякэ Масаки – 590, 611, 630
 Миякэ Сэцурэй – 229, 230
 Миямото Кэндзи – 399
 Миямото Татигэ – 341
 Миямото Юрико – 341, 400
 Молодякова Э.В. – 10
 Молотов В.М. – 231, 285, 386, 416, 424, 425, 427, 430, 451, 452, 466, 468–481, 483–505, 507–512, 517–519, 521–523, 525, 529, 530, 532, 533, 538, 542, 548–555, 557, 559, 561–563, 565, 566, 569–571, 578, 579, 600, 609, 614, 620
 Мольтке Г. – 58, 585, 625
 Моргенстерн Дж. – 529
 Мори Каку – 331
 Мори Кодзо – 248, 255, 321, 322, 324, 336, 340, 344, 346, 347, 352, 353, 358, 598
 Морисима Горо – 534, 611, 621
 Моррис Р. – 151, 177
 Мотоно Итиро – 33, 50, 52, 55–59, 72, 76, 78, 79, 81, 85, 91, 98, 101, 141, 149, 150, 152, 156, 158, 159, 163, 165, 167, 168, 170, 171, 180, 184, 580, 581, 583, 585, 591, 624, 630
 Моцарт В. – 366
 Муравьев – 594
 Муравьев М.Н. – 40
 Муравьев Н.В. – 32, 34
 Мурасаки Сикибу – 377
 Муханов Г.А. – 143
 Мышов Н.А. – 594
 Мэгата Танэтаро – 618
 Мэйдзи, император – 18, 29, 32, 46, 48, 99, 104, 109, 110, 125, 358, 363, 364, 381, 382, 488, 580
 Мэхэн А.Т. – 42, 584, 625
- Н**
 Набэяма Садатика – 384, 385, 394, 397–399
 Нагаи Рютаро – 359
 Нагано Осаму – 521, 610
 Нагасима Рюдзи – 591, 618
 Нагасэ Хосукэ – 591, 618
 Нака Акира – 612, 630
 Накадзима Масатакэ – 143, 144
 Наканиси Цутому – 461, 462
 Накано Сэйго – 229, 230, 359, 452, 623
 Накано Ясуо – 623
 Накао Кацуо – 394
 Намба Дайсукэ – 257
 Наумов О.В. – 603
 Нацумэ Сосэки – 126, 127
 Невская Е.Н. – 134
 Невский Н.А. – 128, 129, 131–134, 588, 621
 Нелидов А.И. – 32–34
 Нератов А.А. – 579
 Никифоров П.М. – 201, 203, 619
 Николай I – 40
 Николай II – 27, 31–34, 41, 44, 45, 48, 50, 57, 68, 76, 81, 94, 99, 113, 143, 144, 150, 156, 578, 591
 Николай Михайлович, великий князь – 155
 Николай Японский (Касаткин И.Д.) – 9, 11–24, 26–30, 79, 99, 112, 576, 582, 583, 619, 622
 Нинагава Арата – 591, 618
 Ниси Харухико – 479, 621
 Нисикава Кодзио – 25
 Ноги Марэсукэ – 381, 382, 604, 616
 Нодо Л. – 47
 Нокс Ф. – 86–89, 110
 Номура Китисабуро – 471, 581
 Норо Эйтаро – 399
 Носака Рё – 402, 403
 Носака Сандзо – 308, 314, 384, 388, 397, 399, 400, 402–408, 458, 459, 605, 606, 624

О

- Обата Тацуо – 399
 Обручев Н.Н. – 58, 59
 Огата Такэтора – 416, 417
 Одзаки Хикосаку – 219, 383
 Одзаки Ходзуки – 461, 462
 Одзаки Ходзуми – 429, 431, 432, 440, 442, 444, 450, 451, 457, 459, 461, 462, 519
 Одзаки Юкио – 168
 Оидзуми Кэндзо – 399
 Оикава Косиро – 520
 Окава Сюдэй – 229, 367, 394, 604, 618, 623
 Окада Ёсико – 407, 408, 581
 Окано см. Носака Сандзо
 Окубо Тосимити – 363, 364
 Окума Сигэнобу – 104, 135, 141, 144, 147, 153, 155, 580
 Окура Киммоти – 423
 Ольденбург С.Ф. – 127
 Оои Сигэтомо – 189, 192
 Опанасенко см. Апанасенко И.Р.
 Осанаи Каору – 371
 Осима Ёсимаса – 62
 Осима Кэньити – 51, 156, 167, 175, 177
 Осима Хироси – 51, 452, 496, 513, 515, 517
 Осэ Кэйси – 370
 Ота Тамэкичи – 581
 Отт О. – 432, 433, 443, 447–450, 517, 519–521, 526
 Оура Канэтаке – 136, 137
 Охаси Тюити – 476, 518
 Оцука Такэхиро – 623
 Ояма Ивао – 104, 105, 145
 Ояма Икуо – 297

П

- Павелич А. – 497
 Павлов А.Н. – 611
 Панношкин А.С. – 491

- Пак Б.Д. – 586
 Пестушко Ю.С. – 589, 626
 Петров А.Н. – 180, 181, 593
 Петров Ф.Н. – 201, 203–205, 594, 619
 Пильняк Б.А. – 9, 368–382, 389, 390, 393, 604, 605, 616
 Плансон Г.А. – 35, 71, 78
 Плетнер Олег В. – 133, 374, 375, 378, 380, 382
 Плетнер Орест В. – 126, 128, 133, 374, 588
 Плеханов Г.В. – 24
 Победоносцев К.П. – 230
 Подалко П.Э. – 585, 588, 591, 593–595, 601, 619, 626
 Подтягин М.П. – 325
 Позднеев А.М. – 113, 115, 116, 118, 119
 Позднеев Д.М. – 118, 119
 Покотилов Д.Д. – 35, 75
 Покровский Н.Н. – 71, 579
 Поливанов Е.Д. – 127–130, 132, 588
 Полк Ф. – 178
 Пономарев С.А. – 611
 Потёмкин В.П. – 260, 424
 Прозоров А.Я. – 71
 Прохоров Д.П. – 360, 604
 Прэндж Г. – 464
 Пунин Н.Н. – 371
 Путилов А.И. – 71
 Пушкин А.С. – 16
 Пятаков Г.Л. – 269

Р

- Радек К.Б. – 392, 393, 415, 416, 420
 Радо Ш. – 441
 Раев М.И. – 10
 Редигер А.Ф. – 44, 57, 58, 584, 620
 Редман В. – 421
 Риббентроп Й. фон – 424, 427, 447–452, 458, 483–485, 491, 496–498, 503–505, 510, 511, 513, 522, 525, 620, 622
 Ривера П., де – 397

Рид Дж. – 307

Розен Р.Р. – 19, 34, 45, 46, 52, 56, 92, 279

Рокхилл У. – 87

Романов Б.А. – 59, 626

Романовский А. – 21

Романовский Г.Д. – 124

Роспопов Н.А. – 69

Рояма Масамити – 410

Рудаков А.В. – 119

Рузвельт Т. – 31, 32, 36, 45, 92, 221

Рузвельт Ф. – 188, 246, 467, 513, 529, 536, 549

Рухлов С.В. – 80

Рыков А.И. – 342, 344, 578

Рютин М.Н. – 124

С

Саблина Э.Б. – 10, 28, 582, 583, 622

Савабэ Такума – 14

Савада Рэндзо – 332, 537

Савелли Д. – 369–371, 374, 376, 380–382, 604, 605, 616

Савельев И.Р. – 585, 630

Савин А.С. – 626

Сазонов С.Д. – 94, 95, 98–102, 108, 126, 136–138, 140, 141, 143, 150, 152, 579, 620

Сайго Такакори – 363, 364

Сайго Цугимити – 104, 105, 363

Сайондзи Киммоти – 29, 55, 60, 62, 109, 167, 176, 185, 213, 221, 359, 462, 580

Сайондзи Кинкацу – 462

Сайто Макото – 108, 580

Сакагути Тосиюки – 592, 623

Сакаи Тосихико – 295

Сако Сюити – 366, 581

Салньинь Х.И. – 360

Самойлов В.К. – 28, 97, 98, 120–122, 136, 320, 586

Самойлов Н.А. – 586, 626

Самэдзима Хирокадзу – 592, 631

Сано Гаку – 313, 384, 385, 394, 397–399, 402

Сано Сэки – 401, 402

Сапожников П.Ф. – 375, 378

Сато Кодзиро – 383, 605, 616

Сато Наотакэ – 231, 283, 426, 532–534, 538, 548, 550–556, 562, 563, 565–567, 569, 570, 581, 600, 611, 621

Сафаров Г.И. – 386–389, 402

Сафронов В.П. – 612

Сахаров В.В. – 44

Свердлов В.М. – 169

Свердлов Я.М. – 578

Сёва, император – 257, 285, 381, 392, 450, 559, 580, 604, 615, 618, 621, 631

Севостьянов Г.Н. – 611, 626

Севостьянов П.П. – 586, 587, 611, 626

Сеймур Ч. – 164

Сект Х. фон – 447

Сёкэн, императрица – 143

Сельвинский И.Л. – 371

Семашко Н.А. – 341

Семёнов Г.М. – 171, 173, 179, 190, 202, 324, 325, 620

Сенаторов А.И. – 600, 622

Серж В. – 602

Сесил лорд – 188

Сигэмицу Мамору – 444, 533, 537–542, 548, 551, 554, 561, 565, 581, 621

Сидэхара Кидзюро – 269, 270, 273, 282, 283, 331, 352, 358, 410, 580, 584, 621, 623

Симада Сигэру – 270

Симано Сабуро – 501

Симидзу см. Хориути Тэцудзи

Синобу Сэйдзабуро – 609

Сиратори Тосио – 452, 475, 476, 491, 616, 622

Сироткин М.И. – 434, 439

- Славинский Б.Н. – 10, 477, 495, 515, 531, 535, 541, 542, 554, 563, 571, 609–612, 619, 626
- Славуцкий М.М. – 579
- Сметанин К.А. – 483, 485, 491, 493, 494, 512, 518, 519, 522–524, 528, 529, 532, 579, 580, 610, 611
- Смирнов Л.Н. – 541, 612, 626
- Смэдди А. – 442
- Снесарев А.Е. – 112
- Сокольников Г.Я. – 260
- Соловьев Вл. С. – 16
- Сорокина М.Ю. – 622
- Спальвин Е.Г. – 114, 115, 122–124, 377, 378, 588, 622
- Сталин И.В. – 212, 213, 217, 219, 252, 254, 260, 269, 274, 284–286, 322, 325, 333, 334, 336, 342–344, 347, 353, 355–358, 362–364, 372, 373, 380, 383, 401, 408, 415, 417, 421, 425, 428, 430, 466–468, 475, 477, 479, 483, 484, 486, 489, 494–497, 502–506, 508–512, 514, 518, 530, 536, 537, 541, 542, 544, 548, 549, 551, 554, 555, 557–559, 563, 564, 566–571, 574, 575, 578, 596–598, 600, 604, 605, 609, 611, 613, 614, 621, 630
- Стиннет Р.Б. – 529
- Столыпин П.А. – 50, 68, 70, 79, 80, 94, 578, 586
- Стомоняков Б.С. – 260, 341
- Сугимото Рёкити – 407, 408
- Сугияма Гэн – 533
- Судзуки Кантаро – 391, 481, 553, 562, 581
- Судоплатов П.А. – 360, 464
- Сума Якитиро – 351
- Сун Цзывэнь – 563
- Сунь Ятсен – 225
- Суриц Я.З. – 258, 260
- Сухомлинов В.А. – 76, 80
- Сэки Мацу – 404, 405
- Сэкинэ Сэйити – 340
- Сэнга Цуругато – 591, 619
- ## Т
- Тагути Ундзо – 222, 224, 228, 294, 296
- Тайсё, император – 103, 111, 135, 142–144, 149, 185, 292, 580, 588, 590–592, 595, 598, 615, 618, 629
- Такабатакэ Мотоюки – 292
- Такаги Сокити – 565, 611
- Такада Макико – 623
- Такахаси Корэкиё – 185, 200, 221, 322, 580
- Такахаси Садаки – 394
- Такаянаги Кэндзо – 410
- Такаянаги Ясугато – 203
- Танака Гиити – 147, 149, 177, 185, 189, 229, 231, 252, 315, 316, 318–321, 331–337, 352, 358–361, 370, 537, 580, 589, 601, 604, 623, 629, 631
- Танака Наокити – 589, 631
- Танака Сэйгэн – 394
- Танака Сэйдзаро – 340
- Танака Токити – 231, 285, 286, 289, 311, 326, 340, 344–346, 411–413, 581
- Танакамару Ясуацу – 555
- Тани Масаюки – 471, 537, 581
- Танидзаки Дзюнъитиро – 370
- Танин О. см. Тарханов О.С.
- Танэмура Сукэтака – 554
- Тарханов О.С. – 416, 417, 605, 616
- Татэгава Ёсицугу – 479, 481–483, 485, 488–492, 494, 499–501, 507, 509, 517, 519, 521–523, 529, 532, 537, 581
- Терентьев Н. см. Канторович А.Я.
- Терещенко М.И. – 579
- Тимашев С.И. – 70
- Тимирязев В.И. – 71
- Тинда Сутэми – 165, 171, 173
- Типпельскирх В. фон – 510
- Тихвинский С.Л. – 626

Тобэ Рёити – 472, 630
 Того Сигэнори – 230, 246, 427, 468, 469, 471–476, 478–481, 488, 499, 528, 529, 531, 532, 537, 553–557, 559, 560, 562, 563, 566, 567, 569, 570, 572, 581, 596, 597, 609–612, 620, 623
 Того Хэйхатири – 576
 Тодзио Хидэки – 481, 520–522, 528, 532, 538, 581
 Тоёда Тэйдзири – 524, 525, 537, 581, 610
 Тоётоми Хидэёси – 13
 Токугава Иэсато – 135, 410
 Токугава Иэясу – 13
 Токуда Кюити – 458
 Токутоми Иитири – 593, 603, 623
 Толанд Дж. – 467, 529
 Толедано Р., де – 438, 440
 Толстой Л.Н. – 16, 380
 Томита Такэси – 582, 601, 603, 605, 631
 Томофудзи Кэн – 459
 Томофудзи Такэтора – 459
 Тояма Мицуру – 393
 Трепов А.Ф. – 578
 Трощкий Л.Д. – 169, 179, 210, 219, 223, 257, 284–286, 320, 341, 343, 360, 363, 364, 372, 579
 Трояновский А.А. – 260, 286, 317, 331–335, 341, 367, 370, 390, 412, 414, 415, 535, 537, 579, 622
 Трояновский О.А. – 535
 Трумэн Г. – 544, 567–571, 574
 Тряпицын Я.И. – 194–197
 Тураев Б.А. – 127
 Турганев И.С. – 16
 Тэйлор А. – 517
 Тэрао Тору – 591, 619
 Тэрасима Гидзо – 401, 402
 Тэраути Масатакэ – 29, 60, 98, 147, 155, 156, 167, 168, 170–172, 175, 177–179, 183, 184, 580, 613
 Тюдзэ Сэйитири – 341

У

Угаки Кацусигэ – 581
 Уиллоуби Ч. – 431, 432, 437, 458, 464
 Умэдзу Ёсидзири – 512, 525, 556, 559, 560
 Унтербергер П.Ф. – 28, 50, 51, 54, 71, 76, 77, 79, 190, 585
 Устрялов Н.В. – 192, 193, 282, 594, 600, 616
 Усуи Кацуми – 604, 631
 Утида Косай – 158, 159, 162, 167, 171, 176, 183, 185, 200, 202, 204–206, 209, 214, 216, 221, 223–225, 229–231, 240, 241, 247, 286, 413–415, 580, 581, 592, 623
 Утида Рёхэй – 229, 596, 619, 623
 Ухтомский Э.Э. – 71
 Уэда Сантаро – 158, 159, 163, 592, 623
 Уэхара Юсаку – 107, 108, 177

Ф

Фадеев А.А. – 380
 Файнберг И.И. – 299–301
 Фаррер К. – 374, 377
 Фёдоров С.П. – 143
 Фитин П.М. – 464
 Флейшер Б. – 100
 Фовинкель К. – 441, 442
 Фрунзе М.В. – 372
 Фува Тэцудзо – 606
 Фудзита Исаму – 222, 224
 Фудзито Тацунобу – 603
 Фукаи Эйго – 609, 615
 Фукуда Иппэй – 410
 Фукумото Кадзуо – 309
 Фуруно Иносукэ – 215, 537
 Фусими, принц – 104
 Фусэ Кацудзи – 218, 219, 366, 415, 416, 418, 424, 425, 427, 428

Х

- Хагивара Нобутоси – 596, 623
 Хакамада Сатоми – 399, 400, 405, 459
 Хамагути Осати – 311, 580
 Хара Кэй – 167, 168, 171, 174–176, 179, 183, 185, 200, 521, 580, 592, 593, 596, 615, 621, 623
 Хара Тэрююки – 592, 631
 Харитонов П.А. – 80
 Харнский К.А. – 124, 125
 Хасимото Кингоро – 479
 Хасэгава Синъити – 609, 621
 Хасэгава Цуёси – 559, 567, 574, 609
 Хата Икухико – 317
 Хата Сюнроку – 424, 607, 621
 Хатано Сумио – 631
 Хаттори Рюдзи – 317, 601, 612, 623, 631
 Хауз Э.М. – 164, 166, 170, 592, 593, 613
 Хаусхофер К. – 8, 75, 188, 200, 441–443, 446–448, 458, 465, 491, 514, 582, 586, 594, 610, 616
 Хаяси Сэндзюро – 581
 Хаяси Тадасу – 55, 59, 62, 279, 580
 Хёрн Л. – 374, 377, 378
 Хигасикуни, принц – 581
 Хидзиката Ёси – 401, 402
 Хилков М.И. – 113
 Хираи Томоёси – 606, 631
 Хиранума Киитиро – 424, 453, 471, 520, 521, 523, 572, 581
 Хирата Тосукэ – 107, 167
 Хирота Коки – 537, 556–562, 580, 581, 612, 623
 Холидэй Дж. – 360
 Хольц М. – 290
 Хонда Куматаро – 321
 Хорват Д.Л. – 177, 179–183
 Хориути Тэцудзи – 401, 402
 Хосокава Морихиро – 564

- Хосоя Тихиро – 592, 593, 631
 Хромов С.С. – 9
 Хрушев Н.С. – 433, 464
 Хэлл К. – 529, 530

Ц

- Цепушелов А.И. – 124
 Цудзии – 300, 301
 Цуруми Юсукэ – 177, 548, 584, 586, 587, 592, 593, 595–597, 602, 603, 623

Ч

- Чампи И. – 433
 Чан Кайши – 169, 291, 352, 365, 426, 429, 447, 451, 456, 462, 464, 468, 490–492, 495, 496, 504, 513, 531, 536, 542, 557, 563, 567
 Чарыков Н.В. – 70
 Челноков А.С. – 611
 Чемберлен В.Г. – 420, 421
 Черевко К.Е. – 611, 625, 626
 Черчилль У. – 188, 536
 Чехов А.П. – 16, 42, 126
 Чжан Сюэлян – 317
 Чжан Цзолинь – 167, 349, 351, 352, 358–360, 365, 594, 603, 604, 622, 629, 631
 Чжао Аньбо – 459
 Чичаев И.А. – 317
 Чичерин Г.В. – 162, 168, 199, 204, 212–215, 237, 238, 244, 247–249, 251, 252, 254, 255, 257–261, 264–266, 268, 271–274, 279–281, 283–287, 289, 299–301, 304, 321, 322, 326–330, 336, 341, 344–346, 353, 354, 358, 361, 364–366, 370, 371, 386, 579, 592, 594, 597–599, 602, 604, 613, 614
 Чойбалсан Х. – 319
 Чудодеев Ю.В. – 627
 Чуев Ф.И. – 609, 620

Ш-Щ

Шао Лицзы – 470, 524
 Шауфус Н.К. – 67, 70
 Шварсалон С.К. – 226, 598
 Шевич Д.Е. – 15
 Шейнис З.С. – 622
 Шелленберг В. – 433, 434, 443, 444,
 450, 608, 620
 Шильников И.Ф. – 339
 Шипов И.П. – 35, 67, 68, 70
 Шифф Я. – 46, 86, 92
 Шкловский В.Б. – 130
 Шлейхер К. фон – 443, 447, 448
 Шмидт П. – 498
 Штамер Г. – 448, 449
 Штейгер Б.С. – 342
 Штеннес В. – 464
 Штюрмер Б.В. – 153, 157, 578, 579
 Шулатов Я.А. – 627
 Шуленбург В. – 430, 509
 Щурупов М.А. – 17

Э

Эйтингон Н.И. – 360
 Элиава Ш.З. – 342
 Энгельс Ф. – 383
 Эрденко М.Г. – 370
 Эррио Э. – 271
 Этгли К. – 568, 569

Ю

Юань Шикай – 94
 Юденич Н.Н. – 189
 Юн Чан – 360
 Юренев К.К. – 415, 420, 579
 Юрин И.Л. – 202, 203

Я

Ябэ Тэйдзи – 623
 Ямагата Аритомо – 66, 99, 102–105,
 107, 111, 135, 141–147, 149, 154,

155, 170, 171, 174–176, 178, 589,
 590, 593, 615, 623, 624
 Ямакава Хитоси – 295, 296, 302, 307,
 309, 310, 615, 630
 Ямамото Гоннохё – 107, 111, 135, 247,
 252, 254, 257, 320, 580
 Ямамото Исороку – 188
 Ямамото Кэндзо – 397, 400–407
 Ямамото Масами – 399, 400
 Янг В. – 318
 Янсон К.Э. – 307–311
 Янсон Я.Д. – 204, 205, 209, 210, 213,
 304, 307
 Ярославский Е.М. – 389, 508
 Ясуги Садатоси – 340, 344, 356
 Яунзем И.П. – 370
 Яхонтов В.А. – 125

А

Abe Shinnosuke – 610
 Abrikosov D.I. – 592, 620
 Adler C. – 584
 Asada Sadao – 584, 627
 Asahi Isoshi – 607

В

Baba Hideo – 607, 608
 Baba Tsunego – 607
 Bamba Nobuya – 602, 603, 627
 Bix H.P. – 612, 622
 Bland J.O.P. – 594, 616
 Butow R.J.C. – 612, 627
 Bywater H.C. – 594, 616

С-D

Carr E.H. – 620
 Chamberlin W.H. – 607, 616
 Coleman F. – 589–591, 616
 Connors L.C. – 593, 596, 622
 Craigie R.L. – 620
 Crowley J.B. – 627
 Dallin D.J. – 596, 627

d'Anethan A. – 584–587
 Duus P. – 588, 627, 628

E-F

Esthus R.A. – 627
 Fisher L. – 594, 605, 627
 Fukuda Ippei – 592
 Fuse Katsuji – 606–608

G

Gafencu G. 609, 620
 Gleason G. – 617
 Grew J.C. – 608, 610, 620
 Gushima Kanesaburo – 608

H

Hackett R.F. – 590, 591, 593, 622
 Hakucho Masamune – 607
 Harrison E.J. – 585, 587, 602, 616
 Hasegawa Tsuyoshi – 612, 627
 Haslam J. – 627
 Hata Ikuhiko – 627
 Haushofer K. – 616
 Hayashi Tadasu – 620
 Hindus M. – 610, 617

I-J

Ida Iwakusa – 607
 Ichihashi Yamato – 594, 627
 Inahara Katsuji – 608
 Iriye Akira – 603, 627
 Irving D. – 607
 Ishii Kikujiro – 606
 Ito Masanori – 607
 Iwakura Michitomo – 607
 Johnson N.M. – 606

K

Kadotani Kenji – 607
 Kase Toshikazu – 609, 620

Kawakami K.K. – 593, 606, 617
 Keene D. – 622
 Kennan G.F. – 628
 Kita Sohichiro – 610
 Konoe Fumimaro – 622

L

Lachin M. – 617
 Lensen G.A. – 594–597, 599, 600, 606,
 609–612, 614, 620, 628
 Litvinov M. – 601, 607, 620
 Lone S. – 585, 622
 Lowe P. – 590, 628
 Lu D.J. – 609, 622
 Lyushkoff G.S. – 607

M

Martin B. – 628
 Maruyama Masao – 608
 Matsuoka Yosuke – 609, 610, 617, 622
 Matsusaka Yoshihisa – 628
 Matsushima Hajime – 607
 Miyake Masaki – 628
 Morley J. – 592, 593, 627, 628
 Morton W.F. – 602, 628

N

Naudeau L. – 584
 Nish I. – 590, 593, 628
 Noel P. – 617

O

Ogata Taketora – 606
 Ohkura Kimmochi – 607
 Oka Yoshitake – 622
 Ozaki Hotsumi – 608

P

Pooley A.M. – 620
 Prange G.W. – 623

R

Redman H.V. – 606
Rosen R. – 585
Royama Masamichi – 628

S

Saionji Kinmochi – 593, 596, 622
Saito Hiroshi – 617
Sato Naotake – 607
Saveliev I. – 587
Shindo Shintaro – 607
Simeonova A. – 628
Smith W. – 617
Stein G. – 617
Storry R. – 593, 629
Suma Yakichiro – 603, 617

T

Takekoshi Yosaburo – 585, 617
Takeuchi Tatsuji – 592, 629

Tanaka Giichi – 602, 628
Tanaka Tokichi – 606
Tang Peter S.H. – 629
Taylor A.J.P. – 610
Toland J. – 609, 629
Truman H. – 612, 620, 627

V

Viereck G.S. – 606
Viollis A. – 605, 617

W

Watanabe Zen-ichiro – 608
Weale B.L. – 593, 617
Weber M. – 612, 629

Y

Yamagata Aritomo – 590, 622
Yokota Kisaburo – 607, 608
Youli S. – 629
Young C.W. – 585, 604, 629

ワシーリー・モロジャコフ著

『日露協力・友好関係史、一九〇五～一九四五年——地政学、外交、思想、人物』

(露文タイトル「調和を探しているロシアと日本」)

目次

前書き——問題提起

第一章「日露戦争前後の大主教ニコライと日本正教会」

第二章「セルゲイ・ヴィツェとポーツマス講和条約」

第三章「後藤新平と日露パートナーシップの成立」

第四章「桂太郎、ニコライ・マレフスキー＝マレヴィチ大使と日露協力の戦略」

第五章「東洋学院とロシアの初代日本学者」

第六章「ゲオルギー・ミハイロヴィチ大公、山縣有朋と日露同盟」

第七章「本野一郎、後藤新平とシベリア出兵のパラドックス」

第八章「後藤・ヨッフエ交渉と『極東のラパッコ条約』への道」

第九章「レフ・カラハンと日ソ関係の再起動」

第十章「芳澤・カラハン交渉と日ソ基本条約」

第十一章「モスクワと東京間のコミンテルン」

第十二章「ソ連との相互理解を探した田中義一」

第十三章「後藤新平とソビエト首脳との対話」

第十四章「ボリス・ピリニャークと日本のイメージ」

第十五章「日本共産主義運動と『転向』」

第十六章「雑誌『Contemporary Japan』から見たソ連の政策」

第十七章「地政学者としてリヒャルト・ゾルゲ」

第十八章「スターリン、松岡洋介と日ソ中立条約」

第十九章「第二次世界大戦期の日ソ関係」

第二十章「なぜソ連は対日戦争に入ったのか」

後書き

付録：日露関係の主要達、一九〇五～一九四五年

註

参考文献

人名索引

Vassili E. MOLODIAKOV
Russia and Japan in Search of Accord, 1905–1945.
Geopolitics. Diplomacy. Men and Ideas

Introduction

Chapter One. Archbishop Nicholas of Japan in Time of War and Peace

Chapter Two. Sergei Witte and «Peace Without Losers» (Portsmouth Treaty of 1905)

Chapter Three. Goto Shimpei and Re-establishment of Russo-Japanese Partnership

Chapter Four. Katsura Taro, Ambassador Malevsky-Malevich and Strategy of Bilateral Cooperation

Chapter Five. Vladivostok's Oriental Institute and First Russian Japanologists

Chapter Six. Grand Duke George Mikhailovich, Yamagata Aritomo and Russo-Japanese Alliance of 1916

Chapter Seven. Motono Ichiro, Goto Shimpei and Siberian Intervention of 1918–1922

Chapter Eight. Adolf Ioffe Towards «Far-Eastern Rapallo», 1923

Chapter Nine. Lev Karakhan Against «Old Prejudices»

Chapter Ten. Karakhan-Yoshizawa Talks and Soviet-Japanese Basic Convention of 1925

Chapter Eleven. Comintern Between Moscow and Tokyo

Chapter Twelve. Tanaka Giichi in Search of Mutual Understanding

Chapter Thirteen. Goto Shimpei Talks to Soviet Leaders

Chapter Fourteen. Boris Pilnyak and Changing Image of Japan

Chapter Fifteen. Japanese Communists and «Break with Comintern»

Chapter Sixteen. Moscow's Policy Seen by 'Contemporary Japan', 1932–1941

Chapter Seventeen. Richard Sorge and Practical Geopolitics

Chapter Eighteen. Stalin, Matsuoka and «Diplomatic Blitz-Krieg» (Soviet-Japanese Neutrality Pact of 1941)

Chapter Nineteen. USSR and Japan During World War Two

Chapter Twenty. Why Soviet Union Entered the War Against Japan

Appendix: Principal Characters of Russo-Japanese Relations, 1905–1945

Notes

Bibliography

Index

КНИГИ ВАСИЛИЯ МОЛОДЯКОВА

- Неизвестные поэты. Рассказы библиофила. Кн. 1–2. – СПб.: Клуб любителей миниатюрной книги, 1995–1996.
- Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX веков. – М. – Токио: Институт востоковедения РАН, 1996.
- Подсудимые и победители. (Заметки и размышления историка о Токийском процессе). – Токио: издание автора, 1996.
- «Мой сон, и новый, и всегдашний...». Эзотерические искания Валерия Брюсова. – Токио: издание автора, 1996.
- Консервативная революция в Японии: идеология и политика. – М.: Восточная литература, 1999.
- Берлин–Москва–Токио: к истории несостоявшейся «оси», 1939–1941. – М.: АИРО, 2000. Серия «Темы для двадцать первого века. Научные доклады и дискуссии». Выпуск 10.
- Несостоявшаяся ось: Берлин–Москва–Токио. – М.: Вече, 2004. Серия «Эпоха Сталина».
- Россия: удачи минувшего века. – М.: АИРО, 2004 (в соавторстве с Г.А. Бордюговым, Б.В. Соколовым и др.).
- Бумажный парус. Стихотворения 1988–2000. – М.: АИРО, 2004.
- Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). Историческое исследование. – М.: Астрель, 2005. Серия «Великие противостояния».
- Россия и Япония: меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929–1948). Историческое исследование. – М.: Астрель, 2005. Серия «Великие противостояния».
- Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945). Историческое исследование. – М.: Астрель, 2006. Серия «Великие противостояния».
- Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. – М.: АИРО-XXI, 2006. Серия «АИРО-Монография».

- Гото Симпэй и российско-японские отношения. – М.: АИРО-XXI, 2006. Серия «АИРО-Монография».
- История Японии. XX век. – М.: Крафт+, 2007, 2009 (в соавторстве с Э.В. Молодяковой и С.Б. Маркарьян). Серия «История стран Востока. XX век».
- Россия и Япония: имиджевые войны. – М.: Астрель, 2007 (в соавторстве с А.Е. Кулановым). Серия «Великие противостояния».
- Библиофилика. – М.: издание Льва Шпринца, 2008.
- Риббентроп. Упрямый советник фюрера. – М.: АСТ-Пресс, 2008. Серия «Загадки истории».
- Тайный сговор, или Сталин и Гитлер против Америки. – М.: Алгоритм, 2008. Серия «Исторический триллер».
- Россия и Япония: Золотой век (1905–1916). – М.: Просвещение, 2008. Серия «На грани мира».
- Россия и Германия: Дух Рапалло (1919–1932). – М.: Просвещение, 2009. Серия «На грани мира».
- Загадки Серебряного века. – М.: АСТ-Пресс, 2009.
- Гото Симпэй то нитиро канкэй си. (Гото Симпэй и история японско-русских отношений). – Токио: Фудзивара сётэн, 2009. На японском языке.
- Россия и Франция: L'entente cordiale (1889–1900). – М.: Просвещение, 2010. Серия «На грани мира».
- Россия и Италия: Секреты дружбы (1920–1935). – М.: Просвещение, 2010. Серия «На грани мира».
- Валерий Брюсов. Биография. – СПб.: Вита Нова, 2010. Серия «Жизнеописание».
- Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. – М.: Моногата-ри, 2011.
- Дзюпонидзуму-но Росиа. Сирарэдзару Нитиро бунка канкэй си. (Россия «японизма». Неизвестные страницы истории российско-японских культурных связей). – Токио: Фудзивара сётэн, 2011. На японском языке.
- Первая мировая: война, которой могло не быть. – М.: Просвещение, 2012. Серия «Габли истории».
- Вторая мировая: война, которой не могло не быть. – М.: Просвещение, 2012. Серия «Габли истории».

ИЗДАНИЯ АИРО в 2010–2011 гг.

2010

- Пётр Баратов.* «И с Москвой золотоголовой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Венков А.В.* «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Часть 1-я. В поисках автора. Часть 2-я. Авторы «Тихого Дона». – М.: АИРО-XXI, 2010 г. – 884 стр.
- Кравчук Н.В.* История отечества глазами малоросса. Очерк третий. Русь расщепленная. XIII – XV вв. – М.: «АИРО-XXI». 2010 г. – 124 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 28).
- Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 284 с.
- Япония 2010. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 320 с.
- Ю.М. Коликов.* Жемчужина седого Каспия. Документальная повесть. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 432 с.
- Виктор Кригер.* Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути; перевод с нем. И. Черемушкинского. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 104 с. (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Н.К. Веселовская.* Воспоминания выездного врача скорой помощи (1940 – 1953). Редакция и предисловие А.Г. Макарова. Серия «АИРО – первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2010. – 184 с.
- Г.А. Бордюгов.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Посадский А.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М.: АИРО-XXI; ГПИБ. 2010. – 412 с.

- Цыганок А.Д.* Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 328 с.
- Ирина Каргина.* Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». – М.: АИРО-XXI. 2010. – 216 с.
- Справочник молодого журналиста. – М.: «РИА Новости»; АИРО-XXI, 2010. – 512 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1024 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 896 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1032 с.
- Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Образы России в мире. Курс лекций. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 296 с.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010. – 372 с.
- Носович А.Л.* Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 96 с.
- Кыласов А.В.* Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.
- Гурвич Э.Б.* Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2010. – 176 с. + 56 с. илл.
- Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 400 стр.
- Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО-XXI, 2010. – 128 с. (Серия «АИРО – монография»).

- Стивен Коэн.* Утраченное наследие Горбачева. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).
- Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.

2011

- И.Б. Белова.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / Под ред. Г.А. Бордюгова. – (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с. + 24 с. илл.
- Стивен Коэн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Новое расширенное издание. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 216 с.
- А.А. Куреньшиев.* Он слышал музыку полей... Жизнь и деятельность Алексея Григорьевича Дояренко ученого, педагога, общественного деятеля, музыканта. 1874–1958 гг. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 118 с.
- Е.В. Суровцева.* Жанр «письма царю» в XIX – начале XX века. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 164 с.
- Г.А. Бордюгов.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Г.А. Бордюгов, В.М. Бухараев.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 248 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- З.С. Бочарова.* Российское зарубежье 1920–1930 х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.
- Стивен Коэн.* Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод Ирины Давидян. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2011. – 208 с. + 40 с. илл.
- Б.В. Соколов.* Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 128 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 29).
- Р.А. Медведев.* «Тихий Дон». Загадки и открытия великого романа. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 228 с.

Научное сообщество историков России: 20 лет перемен; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 520 с.

Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 584 с.

20 лет Независимому Казахстану. – М.: Компания развития общественных связей (КРОС); РИА Новости; АИРО-XXI, 2011. – 172 с.

Япония 2011. Ежегодник. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с.

Япония: опыт модернизации / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI, 2011 – 280 с.

Научное издание

Василий Элинархович МОЛОДЯКОВ
РОССИЯ И ЯПОНИЯ В ПОИСКАХ СОГЛАСИЯ
(1905–1945).
Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

Корректор – Е.Е. Зарайская

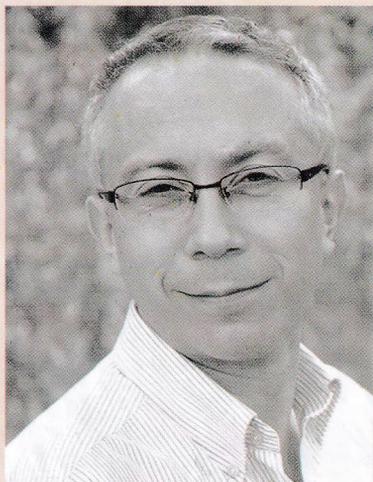
ISBN 591022178-7

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 11.01.2012
Формат 60×84/16. Усл. изд. л. 41,0
Тираж 700 экз. Зак.

Василий Элинархович МОЛОДЦОВ (1968).
Доктор политических наук, доктор философии,
кандидат исторических наук. Ведущий научный
сотрудник Института востоковедения РАН.
Приглашенный профессор университета
Такусёку (Токио). Автор тридцати книг, включая
восемь, посвященных истории российско-япон-
ских отношений. Лауреат Большой Азиатско-Ти-
хоокеанской премии 2009 года.
Член Международного совета АИРО-XXI.

До недавнего времени эту историю скрывали или извращали. Автор провел большую работу, собрав исчерпывающую информацию из архивов, газет и других публикаций обеих стран, как и из немецких, английских и американских источников. Книги Молодцова написаны живым, простым и ясным современным языком; анализ отдельных эпизодов и характеристики главных действующих лиц изложены ярко, даже с блеском, и не без иронии и полемического задора. Богатый фактический материал и оригинальные суждения этих исследований необходимы для всестороннего понимания истории XX века. И читаются книги с увлечением.

Марк Раев

Новый журнал (Нью-Йорк)

Заполняя «белые пятна» на карте новой и новейшей истории Японии, все исследователи будут обращаться к работам Молодцова.

Тосио Ватанабэ

Майнити симбун (Токио)

Молодцов предлагает принципиально новую трактовку ключевых событий японской истории. Не сомневаюсь, что ученые-востоковеды оценят его работу в полной мере.

Геннадий Бордюгов

НГ-ExLibris

Главнейшее достоинство – мысли, наблюдения и выводы автора. Многое тут окажется для самого осведомленного читателя новым и неожиданным. И смелым, ибо автор не опасается затрагивать острые сюжеты.

Сергей Семанов

Наш современник